

В.А.СУХОМЛИНСКИЙ * ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

5

В.А.Сухомилинский

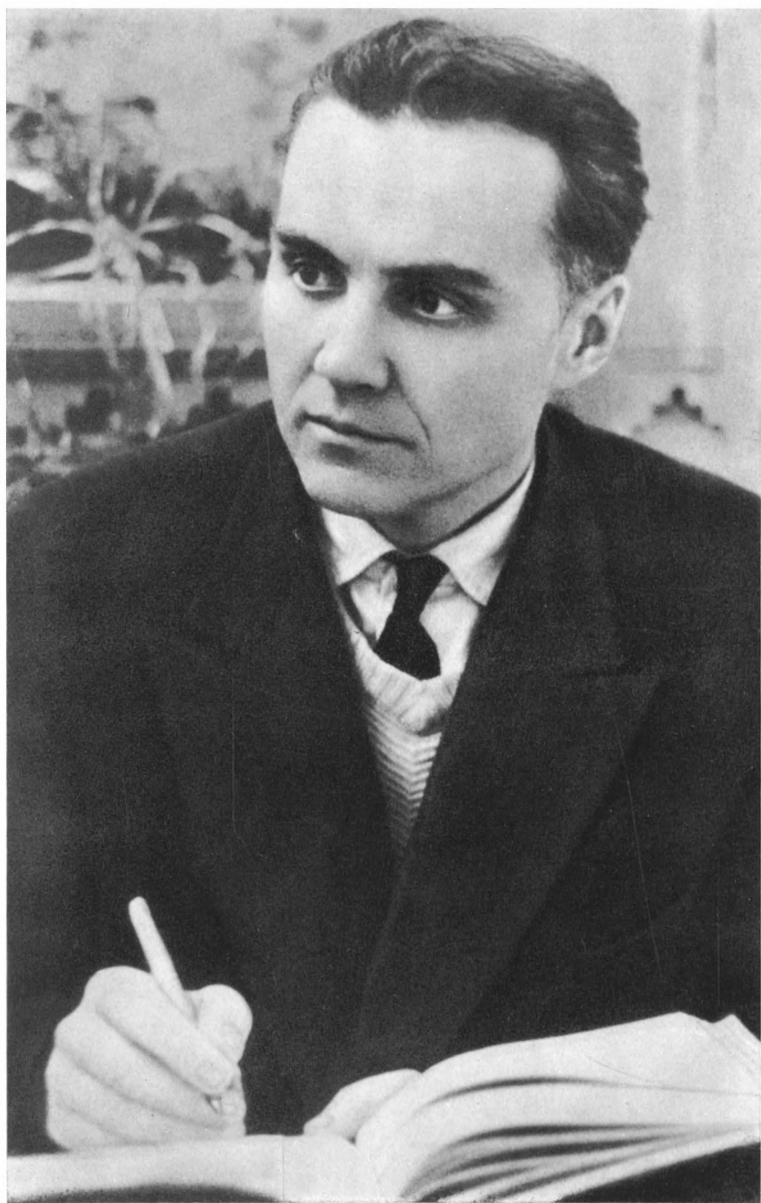

ВАСУХОМЛИНСКИЙ * ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

51

Васухомлинский

5

В. А. СУХОМЛИНСКИЙ

**ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ПЯТИ ТОМАХ**

ТОМ ПЯТЫЙ

В.А.СУХОМЛИНСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ПЯТИ ТОМАХ

В.А.СУХОМЛИНСКИЙ

ТОМ ПЯТЫЙ

СТАТЬИ

Одобрено Министерством просвещения УССР
и Ученым советом Научно-исследовательского
института педагогики УССР.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ДЗЕВЕРИН А. Г.
(председатель),
ГРИЩЕНКО Н. М.,
ЗАВОЛОКА С. П.,
КИРИЧУК А. В.,
ЛАЗАРЕВСКИЙ В. В.,
САВЧЕНКО А. П.,
СМАЛЬ В. З.
(зам. председателя),
СУХОМЛИНСКАЯ А. И.,
ЧЕРПИНСКИЙ Н. В.

Текст и примечания подготовил
А. Г. ДЗЕВЕРИН.

СТАТЫИ

Усвоение знаний и приобретение практических навыков представляет собой сложную познавательную деятельность детей под руководством учителя. Важным стимулом этой деятельности является страстное желание учиться, овладевать знаниями. «Без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания истины*» *,— говорил В. И. Ленин.

Положительные эмоции детей, возникающие в процессе обучения, играют огромную роль в воспитании желания учиться. Задача учителя — постоянно развивать у детей положительное чувство удовлетворения учением, чтобы из него возникло и утвердилось эмоциональное состояние — страстное желание учиться. Этому вопросу и посвящается статья.

В 1949/50 учебном году анализируя уроки в VIII классе, мы отметили некоторую инертность, равнодушное отношение отдельных учеников к учению, к собственной успеваемости и к успеваемости своих товарищей. Это равнодушие выражалось в безразличии к оценкам письменных работ, к качеству ответов на вопросы учителей. Вот, например, ученица Тамара И. Она могла на отдельных уроках ответить отлично, но эти успехи были временными, не увлекали и даже не радовали ее... Так же безразлично относились к своим успехам ученики Григорий Ш., Алла Г. и другие. Неудовлетворительные отметки не волновали этих учеников. Безучастно относились они и к успехам и неудачам своих товарищей. Мы поставили перед собой задачу — проанализировать работу этих уче-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 112.

ников в классе и дома, чтобы вскрыть причины такой пассивности, отсутствия порыва в учении.

Слушая и анализируя ответы Аллы Г. на уроках литературы, алгебры, физики и истории, мы пришли к выводу, что эта ученица, отвечая, не испытывает того чувства взволнованности, приподнятости, которое свидетельствует о напряжении ученика в связи с выполненным работы. Следовательно, в мыслительной работе ученицы не было стремления преодолеть трудности, да и самых трудностей она не замечала. Характеризуя, например, образы из произведения Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», Алла останавливалась только на самом легком. Было очевидно, что, готовя домашнее задание, она относилась к работе без желанья все осмыслить, во всем разобраться, то есть шла по пути механического заучивания самого легкого, самого понятного,— того, что можно пересказать в классе без особого труда. Ответ Аллы был монотонным, не волновал ни ее, ни товарищей. То же можно сказать и о многих других учениках класса.

Мы заметили, что в классе нет той коллективной заинтересованности в качестве ответов товарищей, которая является следствием страстного отношения к учению всего коллектива. Ученик отвечал плохо, несвязно,— класс относился к этому безучастно; хороший ответ, хорошие знания товарища также не волновали никого. Если отметка «2» вызывала беспокойство ученика, то оценка «3» вполне удовлетворяла. Мы заметили, что многие ученики с облегчением садятся на место, получив эту отметку. Домашние задания ученики прежде всего воспринимали как количество страниц учебника, которые надо будет «выучить».

Эти наблюдения привели нас к выводу о необходимости искать причины подобного равнодушия учеников в самом уроке, в организации педагогического процесса. Анализ отдельных уроков и системы работы учителей показал, что источником отмеченного нами факта является бесстрастность в работе самого учителя. Так, преподаватель литературы, готовясь к уроку, не сосредоточивал внимания на самом трудном. Даже более того, он стремился предельно облегчить это «трудное», создать впечатление, что в учебном материале нет ничего сложного, что все можно усвоить очень легко, без особого напряжения. Трудные понятия и разделы программы им не под-

черкивались, внимание учащихся на них не акцентировалось. Это — неправильный путь. Вместо того, чтобы учить учащихся преодолевать трудности, учитель искусственно облегчал усвоение трудного учебного материала путем сглаживания «острых углов». Вследствие этого в некоторых случаях трудный учебный материал по существу опускался или изучался мимоходом. Программа, например, требует изучения общественно-политических взглядов А. Н. Радищева. Излагая этот материал, учитель говорил ученикам: «Вы запомните, что Радищев — первый русский революционер, для вас этого достаточно». Такое указание учителя вело к тому, что ученики стремились запоминать готовые формулировки, не вникая в сущность понятий.

Большим недостатком в работе учителя было равнодушие, бесстрастное отношение к знаниям учеников. Плохой ответ не трогал его, не заставлял задумываться над причинами слабых знаний учащихся. Учитель одинаково равнодушно ставил и «5», и «3», и «2», поэтому отличные отметки воспринимались учениками не как результат упорного труда, а как дело случая; неудовлетворительные понимались как неудача, как результат того, что попался «трудный вопрос».

Этот вывод мы сделали на основании конкретных фактов. Ученица Раиса Ш. получила неудовлетворительную отметку по литературе. В перерыве мы спросили ее: «Что надо тебе для того, чтобы не получать неудовлетворительных отметок?» Ученица ответила: «Если бы мне попался более легкий вопрос, я бы ответила хорошо...» Этот ответ свидетельствует о том, что некоторые ученики надеются не на свои знания, а на везение. Почему у учеников создался такой взгляд на учебную работу?

Изучая знания учеников и систему опроса, мы установили, что учитель вольно или невольно слабым ученикам задает сравнительно легкие вопросы, а более сильным — трудные. Эта «система» и привела к тому, что ученики, услышав вопрос учителя, поставленный перед всем коллективом, уже приблизительно ориентированы, кому он адресован. У некоторых учеников создалось убеждение в своей «слабости». Да и как оно могло не создаваться, если этим ученикам учитель очень редко задает более трудные вопросы? Они и весь класс свыклись, например, с мыслью, что Раиса Ш. учится по всем

предметам, в том числе и по русской литературе, на «3». С этой мыслью свыклась и сама ученица. В этом твердо были убеждены и учителя. И если изредка Раисе Ш. ставилась отметка «4», то она испытывала при этом скорее неловкость, чем удовлетворение и радость.

Подобные недостатки были отмечены и в работе других учителей. Учительница математики Ш. при решении геометрических задач в классе ориентировалась на более сильных учеников, а слабых учащихся не вовлекала в активную работу. Некоторые ученики дома систематически не справлялись с домашними заданиями, и это расценивалось учительницей и учениками как явление неизбежное и закономерное.

Проанализировав работу восьмиклассников, мы поставили на обсуждение педагогического совета школы вопрос о воспитании желания учиться как о воспитании стойкого эмоционального состояния — страсти. Вскрытие указанных выше недостатков способствовало разворачиванию критики и самокритики. Педагогический коллектив пришел к единодушному выводу о том, что страстное желание учиться является в советской школе морально-политическим чувством, воспитание которого зависит прежде всего от нас, учителей. Желание учиться не зависит от каких-либо природных особенностей ученика, это качество, которое воспитывается в повседневном труде, в преодолении трудностей. Ученики, особенно в старших классах, умеют отличать истинную страстность слов учителя от напускного, ложного пафоса. Они не любят бесстрастности, бесстрастности не внешней, а внутренней, за которой скрывается отсутствие веры учителя в силы учеников, поэтому неотъемлемым качеством каждого учителя должна быть подлинная большевистская страстность. Без этого, без искренней заинтересованности в знаниях учеников невозможно ставить вопрос о воспитании страстного желания учиться.

Педагогический коллектив поставил перед каждым учителем задачу — при подготовке к урокам глубоко продумывать пути преодоления учениками трудностей усвоения, ни в коем случае не избегая этих трудностей, а увлекая учащихся на трудный, но благодарный путь их преодоления. Каждый ученик должен воодушевиться стремлением к достижению лучших результатов своей работы. Но это воодушевление придет не вследствие ка-

ких-то специальных мероприятий — бесед, собраний и т. п. — а, прежде всего, вследствие правильной организации труда учеников. Уже сама постановка вопроса о воспитании страстного желания учиться заставила каждого учителя продумать всю систему своей работы и прежде всего методику изложения нового материала.

На примере того же VIII класса мы покажем ниже, каких успехов добился педагогический коллектив школы в воспитании страсти к учению. К концу первого полугодия в классе было четыре ученика, не успевавших по русскому языку. Неудовлетворительные отметки по этому предмету можно было исправить только путем усидчивой работы, а для этого надо было добиться, чтобы неуспевающие ученики увидели свои первые, сначала может быть и незначительные, успехи. Ученик Николай К. привык к неудовлетворительным отметкам, его уже не волновали двойки за сочинения и диктанты. Убеждение в том, что добиться хорошей успеваемости по русскому языку ему никогда не удастся, стало у Николая К. настолько твердым, что мальчика тяготило выполнение домашних заданий по этому предмету. Учитель Лысак поставил перед собой цель — пробить эту стену равнодушия, создать у Николая К. и других учеников уверенность в возможности стать грамотными.

Четырем неуспевающим по русскому языку было дано задание каждый день переписывать одну страницу из романа М. Горького «Мать», анализировать и объяснять правописание каждого слова на основании соответствующих правил. Положительные результаты работы могли сказаться только при кропотливом и усидчивом ее выполнении. Ученики заинтересовались этой работой потому, что она отличалась от обыкновенного выполнения упражнений. Они почувствовали, что учитель возлагает на новый вид работы большие надежды, верит, что грамотность учеников обязательно улучшится. Это придало ученикам энергии, и первые результаты сказались уже через полтора месяца. И Николай К., и трое других неуспевавших по русскому языку нашли в тексте романа слова, в которых делали грубые грамматические ошибки в течение нескольких лет. Ученики начали теперь внимательно читать и другие художественные тексты, находя в них примеры для иллюстрации изученных правил. По совету учителя они завели орфографические словари, в

которых на каждое грамматическое правило был соответствующий раздел. Все трудные орфограммы выписывались в словари. Пришло время, когда все неуспевающие написали удовлетворительно диктант по русскому языку. Это еще больше воодушевило, окрылило ребят.

Учитель предложил восьмиклассникам домашнее задание — написать сочинение на тему «Великий русский язык». К этому заданию ученики отнеслись с большим старанием. Сочинения были сданы учителю через две недели. Несмотря на некоторое стилистическое несовершенство, они были написаны орфографически грамотно и оценены баллом «3». Успех оказал большое влияние не только на самих «отстающих», но и на остальных учеников класса. Все видели, что, благодаря приложенным усилиям, четыре ученика добились определенных успехов, и убедились в том, что каждый может заставить себя работать лучше. В классном коллективе было создано, наконец, то напряжение, без которого невозможно движение вперед. Это напряжение явилось важным эмоциональным состоянием всего ученического коллектива; появилась уверенность в предстоящем успешном выполнении работы.

Создание такого «предчувствия» успеха — важнейшая задача учителя в воспитании постоянного желания овладевать знаниями.

Мы сделали вывод о том, что страстное желание учиться и есть состояние морального удовлетворения в процессе преодоления трудностей на каждом конкретном этапе усвоения знаний или выполнения практического задания. Но это моральное удовлетворение может переживаться только в ученическом коллективе, воодушевленном высокой, благородной целью. До тех пор, пока четыре ученика не могли добиться никаких положительных результатов своей работы, они чувствовали себя в коллективе отчужденно; коллектив хоть и сочувствовал им, но работать за них не мог. Когда же ученики добились первых успехов, дальнейшее улучшение успеваемости отстающих учеников коллектив стал считать своей целью.

Так создалось чувство ответственности коллектива за успеваемость учеников и ответственность учеников перед коллективом.

Благородная цель — добиться лучшей успеваемости — поддерживалась и чувством уважения к собственному

труду. Внимательное наблюдение за работой ранее неуспевающих учеников показало, что они начали переживать радость от своей учебной деятельности. Когда учитель задавал тему нового сочинения всему классу, эти ребята уже не испытывали того чувства безнадежности, которое тревожило их раньше. Наоборот, они чувствовали напряженную взволнованность, и эта взволнованность передавалась всему классу. Ученики, которые всегда выполняли задания по языку на «3», тоже были взволнованы чувством надежды на лучшие успехи.

Задача учителя теперь заключалась в том, чтобы суметь удержать весь классный коллектив в состоянии этого чувства напряжения, чтобы придать напряжению активный характер. Надо было еще ярче показать ученикам цель, к которой они должны стремиться. Учитель сообщил ученикам, что через неделю они будут писать в классе сочинение на тему «Онегин и Печорин» (сравнительная характеристика) и прочитал ученикам написанный им образец сочинения на указанную тему. Это было образцовое сочинение, именно то, к чему должен стремиться каждый ученик. Класс с огромным вниманием слушал. После этого учитель прочитал и другой вариант образца. Ученики наглядно убедились в неисчерпаемых возможностях русского языка, они увидели, что одну и ту же мысль можно выразить различными языковыми средствами. С увлечением готовился класс к предстоящей работе. Желание как можно лучше справиться с ней было основано теперь на уверенности в его осуществимости. Ученики стремились глубоко уяснить содержание темы предстоящего сочинения, хорошо составить план и последовательно изложить мысли. Готовясь к сочинению, восьмиклассники не ограничивались учебником, а широко использовали тексты художественных произведений.

Качество сочинений, написанных через неделю в классе, было неизмеримо выше качества сочинений, которые писались раньше. Наши наблюдения за работой учеников при выполнении классной работы свидетельствуют о том, что волнение, напряженность, с которыми ученики приступили к работе, были активными в том смысле, что ученики не чувствовали скованности, которая была ранее результатом безразличного отношения к труду. Наблюдая за Николаем К., длительное время считавшимся безнадежно неуспевающим, мы видели, что

скованность и безразличие уступили место оживлению, свидетельствовавшему о приливе умственных сил, необходимых для выполнения ответственного задания. Если раньше минут 15—20 после начала урока он не мог собраться с мыслями и приступить к работе, то теперь начинал ее сразу же после звонка. С таким же увлечением работали и остальные восьмиклассники. Итак, желание учиться стало действенным, активным чувством, способствовавшим мобилизации всех сил учеников. После окончания работы уже не было той подавленности, с которой раньше ученики сдавали свои тетради. Наоборот, они оживленно обсуждали на перерыве свои письменные работы, ни один ученик не переживал чувства разочарованности и неверия в успех. Николай К. написал сочинение на «3», допустив четыре орфографические и две стилистические ошибки. Он сразу же записал в свой орфографический словарь те слова, в которых были ошибки. После этой работы у Николая К. снова были сочинения, написанные неудовлетворительно, но теперь временные неудачи не вызывали у него уныния и неверия, а наоборот — мобилизовали его на преодоление трудностей. Учитель указывал ему, на какие правила надо обратить особое внимание, и ученик тщательно выполнял тренировочные упражнения.

Большое значение в воспитании стойкого, постоянного желания учиться и добиваться все больших успехов имеет тот бодрый, жизнерадостный тон, который создается на уроке учителем. Бывают случаи, когда с точки зрения методики проведения урока учителя нельзя ни в чем упрекнуть, но вялое, нецелеустремленное изложение материала ведет к тому, что у ребят создается унылое настроение. Безразличное отношение учителя к учебному материалу сразу же передается ученикам, и излагаемый материал встает как бы стеной между ним и учащимися. Это трудно уловимое и трудно определимое понятие, «тон урока» мы в повседневной практике обычно отмечаем словами «Урок прошел вяло», но не пытаемся найти объяснения причин этого. На таких уроках нет здоровой усталости учеников от трудового напряжения, однако на скучных уроках дети устают больше, чем на уроках, заполненных напряженным, содержательным трудом. Мы ежегодно анализируем свыше 400 уроков учителей своей школы. Эта работа привела нас к следующему выводу: урок бывает скучным, вялым тогда, когда учитель не

смотрит на свои слова с точки зрения учеников, не продумывает тех эмоций, которые должны вызывать его слова у учащихся. Такие уроки никогда не вызывают положительных эмоциональных ощущений у детей, они кажутся им длинными, и только звонок на перерыв вносит некоторое оживление. На таких уроках не воспитывается желание учиться, поэтому, кроме всех методических требований, к уроку надо предъявлять еще одно очень важное требование: урок должен вызывать *положительные эмоциональные ощущения*, т. е. чувство удовлетворения работой, здоровое чувство усталости от напряженного труда по усвоению нового. Анализируя и оценивая каждый урок учителей, мы всегда останавливаемся на том, насколько активным был на уроке процесс усвоения, насколько педагог заинтересовал класс. Анализ урока с этой точки зрения помогает отдельным учителям и всему педагогическому коллективу воспитывать на уроках стойкое, постоянное желание учиться.

Воспитание желания учиться мы тесно связываем с волевой сферой наших питомцев. Ученик должен стремиться учиться хорошо не для удовлетворения личного тщеславия, собственного самолюбия. Основными волевыми мотивами, побуждающими к учению, должны быть следующие: сознательное отношение к труду, подготовка к будущей деятельности строителя коммунистического общества, чувство чести коллектива, чести класса, школы. Мы стремимся использовать ученический коллектив для воспитания силы воли учеников, желания возвеличить свой коллектив. Когда Николай К. и другие ученики, ранее не успевавшие по русскому языку, успешно перешли в X класс, ученический коллектив помог им добиться еще больших успехов.

На комсомольском собрании, когда Николая К. (уже в IX классе) принимали в комсомол, он дал слово, что будет учиться только на «4» и «5». Комсомольцы встретили это заявление с радостью. Чувство ответственности перед коллективом помогло ученику мобилизовать всю силу воли для преодоления трудностей в учении. Он стал самостоятельно писать творческие работы на темы, рекомендованные учителем, и добился того, что уже к концу первого полугодия имел отметку «4» по всем предметам. Заметно улучшилась и успеваемость всего класса: из

23 учеников 16 окончили IX класс в 1950/51 учеб. году на «5» и «4».

Воспитание серьезного желания учиться — одна из важнейших составных частей идейного воспитания, воспитания коммунистической морали. Ясное осознание цели учения и средств для достижения этой цели делают желание учиться действенным, осмысленным. Уже в средней школе у каждого юноши и девушки складывается желание достичь той или иной цели в жизни. И мы считаем своей задачей помочь каждому ученику избрать такую цель, которая была бы претворена в жизнь, т. е. была бы вполне реальной. Внимательно изучая индивидуальные склонности детей, мы добиваемся того, чтобы каждый ученик создал свой идеал. Созданию идеала способствует правильная постановка внеклассной работы, благотворное влияние на создание идеала оказывает советская литература и весь образ жизни советских людей.

В нашей школе систематически проводятся конференции читателей. На одной из конференций обсуждалась книга П. Ангелиной «Люди колхозных полей». Образ советской патриотки П. Ангелиной оказал благотворное влияние на создание идеала честного труженика социалистического сельского хозяйства. Десятиклассница Нина Р. в своем выступлении на конференции с волнением сказала о том, что ее идеалом является знатная трактористка, борец за коммунистическое преобразование села. Избрание идеала способствовало повышению успеваемости Нины Р., она стала одной из лучших учениц и успешно окончила X класс.

Страстное желание учиться, осознание цели учения — важнейший стимул учебной деятельности учеников. Воспитание этого желания неразрывно связано с постановкой всей учебно-воспитательной работы школы и осуществляется оно прежде всего на уроке. Воспитание желания учиться способствует укреплению ученического коллектива, чувства коллективизма и стремления к взаимопомощи. Задача каждого учительского коллектива — всемерно воспитывать это чувство, направлять его на правильный путь. В этом — залог дальнейшего повышения качества знаний учащихся, повышения идейного уровня учебно-воспитательной работы в школе.

УПРАЖНЕНИЕ — ОДНИ ИЗ МЕТОДОВ ВОСПИТАНИЯ СОЗНАТЕЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

В сочетании с методами убеждения упражнение в правильном поступке оказывает благотворное влияние на воспитание привычек культурного поведения. В настоящей статье мы поделимся опытом упражнений в правильных поступках в V классе.

Уже в первые дни занятий с этим классом мы обратили внимание на поведение ученика Григория Л. В IV классе он на протяжении двух четвертей имел сниженный балл по поведению. В нашей школе он начал грубо относиться к товарищам. На замечания учителей отвечал дерзостью, держал себя вызывающе. Окончилась первая четверть, и Григорий получил по поведению отметку «3». Началась вторая четверть, но поведение его не улучшилось. Не помогали ни вызовы родителей в школу, ни пионерский сбор, где обсуждалось поведение Григория. Педагогический совет решил исключить его из школы на две недели.

Объявляя решение педагогического совета в V классе, я обратил внимание на то, что Григорий несколько не был взволнован, а, наоборот, выслушал мои слова с выражением какой-то непонятной гордости. Он вышел из класса, хлопнув дверью. Я внимательно посмотрел на учеников: они сидели молча, потупив глаза. Никто из учащихся не отнесся одобрительно к факту исключения: дети были подавлены. Даже те, кого он оскорблял, кому неоднократно угрожал избиением и кого избивал, отнеслись к исключенному Григорию с плохо скрываемым сочувствием и жалостью.

В чем же заключалась причина этого? Проанализировав все воспитательные мероприятия, осуществленные в V классе, наш педагогический коллектив сделал вывод, что в классе *не был создан коллектив*. Григорий вел себя плохо и даже хулиганил потому, что не видел и не чувствовал коллективного осуждения своих поступков. На него обижались, *но возмущались отдельные ученики*, но коллективной обиды, *коллективного возмущения* в классе не было.

В классе проводился пионерский сбор. Ученический коллектив обсуждал поведение Григория. Но мы теперь вспомнили, как проходил этот сбор. Вожатый отряда

ставил перед пионерами вопрос: «Хороши или дурны поступки Григория?» Пионеры дружно отвечали: «Дурны». Так же дружно они соглашались с классным руководителем, что Григорий позорит честь класса. Ученики хорошо знали внешние признаки хорошей и плохой дисциплины, но они не пришли к коллективному выводу, что Григорий приносит вред не только отдельным ученикам, но и всему классу. Мы удалили Григория из коллектива, но это удаление для коллектива было неожиданным: в самой ученической среде не появлялась мысль о необходимости этого удаления. Вот почему класс в целом сочувствовал Григорию. Это молчаливое сочувствие и было причиной того деланного тщеславия, той искусственной «гордости», с которой Григорий встретил неприятное для него сообщение. Он уходил из класса на две недели, не переживая чувства горечи, его не мучили угрызения совести. Он чувствовал только то, что класс на его стороне.

Что же мы выиграли, исключив ученика на две недели? Дисциплина в классе, на первый взгляд, может казаться и лучшей. Ученики будут стремиться к тому, чтобы учителя не заметили внешней недисциплинированности: ведь Григорий исключен, по мнению детей, именно за это. Таким образом, вместо укрепления, оздоровления ученического коллектива, мы, по существу, укрепили в нем неправильный взгляд на дисциплину. Внешних проявлений недисциплинированности будет меньше — в этом наш выигрыш. Но молчаливое сочувствие Григорию будет жить в классе не две недели; он придет в школу, уверенный в своей правоте. Следовательно, в коллективе он опять будет искать поддержку. В этом был наш большой педагогический проигрыш.

Мы поставили перед собой задачу — воспитать у учащихся правильное понимание хороших и плохих поступков, стремление соблюдать дисциплину не только внешне, но и чувствовать отвращение к дурному поступку. Учить совершать хорошие поступки мы решили прежде всего путем упражнения. Для упражнений мы выбрали такие поступки, которые затрагивали бы интересы всего класса, были бы тесно связаны с учебной деятельностью детей. Мы рассказали ученикам V класса о том, что только в их классе есть случаи исключения из школы.

— Неужели вы хотите, чтобы ваш класс был самым плохим в школе? — задали мы ученикам вопрос. Этот

вопрос помог детям взглянуть на себя глазами всей школы, всего школьного коллектива. Конечно, ребятам хотелось быть не худшими, а лучшими. Но как научить учеников соблюдать дисциплинированность не только внешне? Я сказал пятиклассникам:

— Вот у вас сегодня два ученика не выучили урок. До сегодняшнего дня в таких случаях обычно учитель шел в ваш класс, чтобы заниматься после уроков с нерадивыми учениками. Они учили уроки, а учитель сидел с ними. Почему учитель должен сидеть с учениками, которые не хотят выполнять домашних заданий?

— Чтобы домой не ушли...— смущенно ответила одна девочка.

— А могут ли эти два ученика, которые сегодня не выучили урока, прийти в класс сами, без учителя, заниматься ровно полчаса без всякого надзора со стороны учителя?

Два ученика, о которых шла речь, переглянулись. На них смотрел весь класс. Для детей это было неожиданно и ново. Они привыкли к тому, что за каждым их шагом следит учитель, всегда их проверяют, и детям, естественно, казалось, что им никто не верит.

— Ведь это же будет очень красиво, честно, справедливо,— продолжал я.— В классе никого нет, никто за вами не придет, никто не будет проверять, сколько времени вы занимались.

В детских глазах засверкали радостные огоньки. Я видел, что детям это не только интересно; их взволновало то, что учитель им верит. Но в то же время всем казалось, что для двух учеников, не выучивших урока, это будет каким-то испытанием, проверкой самих себя. Я закончил беседу. Мы договорились с учениками, что невыучившие урок сами останутся на полчаса, и этого никто не будет проверять. Весь класс смотрел на двоих своих товарищей по классу с надеждой и волнением: не обманут ли они? А если обманут,— как это узнать?

Именно то, что за ними никто не следил, что все ученики ушли домой, и заставило двух учеников, о которых идет речь, остаться после уроков. Они чувствовали, что если уйдут домой, об этом непременно узнает класс, над ними будут смеяться. Мне удалось установить, что ученики учили урок целый час и лишь после этого ушли домой. Весь класс знал об этом. Оставаться после занятий

учить урок до приведенного случая считалось позором. Уже в том, что ученик не выучил урок дома, видели плохой поступок. Ученики это понимали. Плохой поступок осуждался учителем, учитель заставлял ученика остаться в школе после уроков. Следовательно, провинившийся чувствовал неловкость только перед учителем. Оставление после уроков превращалось для ученика лишь в наказание. Теперь же оставление после уроков сопровождалось другими, более сложными, чувствами. Ученик ощущал связь между своим плохим поступком и мнением коллектива.

Остаться после уроков теперь было не только наказанием, но и испытанием силы воли. Наказание переставало быть для ученика наказанием, потому что после он чувствовал какую-то победу над собой, переживал законное чувство гордости перед товарищами за преодоление препятствия. Таким образом мы добились того, что факт наказания стал восприниматься и учеником, и всем классом как упражнение в хорошем поступке.

Ученики с большей ответственностью стали относиться к выполнению домашних заданий, почувствовав свою ответственность перед коллективом.

Когда Григорий пришел в класс, он попытался было выдержать позу «обиженного победителя», но встретил настороженное отношение даже со стороны тех учеников которые когда-то молча восторгались его «геройством». Григорий увидел, что на него теперь не обращают такого внимания, какое обращали раньше. Все заняты чем-то новым, увлекательным.

Первые навыки правильных поступков у детей уже были, их надо было развивать и укреплять. Мы поставили перед классом следующую задачу: добиться того, чтобы не было ни единого пропуска уроков без уважительных причин. Ставя эту цель, мы имели в виду то же, что и в первое время борьбы за создание коллектива: возбудить у детей чувство коллективного обсуждения неправильного поступка. Григорий возвратился в школу именно тогда, когда класс был увлечен достижением этой цели. Чем меньше времени оставалось до начала уроков, тем больше волновались ученики: а кого еще нет в классе? Не было еще троих учеников, их ожидали, и поэтому на Григория не обратили особого внимания.

За первые три дня пребывания в школе Григорий увидел, что в классе что-то произошло. Сначала ему казалось, что ученики, которые сочувствовали ему при исключении, ждут от него чего-то нового. Но на первое же нарушение дисциплины Григорием класс просто не обратил внимания. На уроке истории он сделал из бумаги лодочку и бросил ее на соседнюю парту. Учитель, объяснявший в это время новый материал возле карты, не заметил шалости Григория. Сосед Григория взял лодочку, скомкал ее и положил возле чернилницы, продолжая внимательно слушать учителя. Григорий с удивлением посмотрел на класс; ему казалось, что вот кто-нибудь из товарищей оглянется назад, лукаво подмигнет ему. Но никто не оглядывался, и Григорий почувствовал себя одиноким. После объяснения нового материала учитель задал Григорию вопрос. Он не слушал урока и поэтому ответить не мог. На Григория теперь обратили внимание все ученики, все обернулись и смотрели на него в упор. Но это были уже не те взгляды, которые привык видеть Григорий. В детских глазах уже не было той поддержки, которая раньше ставила его в позу «героя». Григорий почувствовал в каждом детском взгляде лукавый, насмешливый, но требовательный вопрос: «Ну, что ты теперь скажешь?» Григорий смутился, он не знал, куда девать глаза.

Учитель сказал, что после уроков Григорий должен остаться на полчаса в классе и выучить урок по учебнику и по карте. Будучи исключенным из школы, Григорий дома узнал о странных делах, которые творятся в классе. Ему не верилось, что ученик, за которым никто не следит, может остаться в классе и терпеливо сидеть за книгой, выполняя задание. «Я бы ушел, ведь никто бы об этом не знал», — думал тогда Григорий. Но эти взгляды товарищей, эта единая мысль, единое отношение к нему со стороны всего класса незаметно для самого Григория заставили его остаться в школе и учить урок. Уже на последнем перерыве Григорий видел, что ученики, таинственно шушукаясь, посматривают в его сторону. «Неужели они будут следить за мной?» — с тревогой подумал он. Привыкнув обманывать, Григорий думал, что и другие ученики оценивают его поступки с этой же точки зрения. Он не знал, что товарищи в это время спорили друг с другом: останется или не останется Григорий?

Григорий остался. Ему чудилось, что в каждое окно, в каждую щелку двери на него смотрят товарищи. Полчаса были на исходе, — но никого не было. И в душе Григория вдруг родилось незнакомое, не известное ему до сих пор чувство — чувство удовлетворения после преодоления трудового препятствия. Прошло полчаса. Посидев еще минут пять, он ушел домой.

На следующий день Григорий хотел спросить у товарищей, видели ли они, как он шел из школы. Но стыд, детский стыд, пережитый тринадцатилетним подростком впервые, заставил его молчать. Он уже чувствовал какую-то привязанность к ученикам. Дети относились к нему так же, как и вчера, и Григория все время мучил вопрос: «Следили ли они за мной или не следили?» И какова была его радость, когда он убедился, что за ним никто и не думал следить. Сосед по парте по «секрету» объяснил Григорию: «Если следить — это совсем неинтересно». Мальчик радовался тому, что ему верили, что он оправдал доверие товарищей.

Никаких нарушений дисциплины за Григорием мы больше не замечали. Он стал примерным учеником.

Вспоминая заседание педагогического совета, на котором стоял вопрос об исключении Григория из школы, мы с уверенностью сделали вывод, что исключение из школы — линия наименьшего сопротивления. Исключить легче всего, но это не оздоровит коллектив, если этого коллектива по существу нет. При отсутствии коллектива, воодушевленного одной целью, одним стремлением, не может быть коллективного осуждения, коллективной обиды, хотя осуждающих и обиженных может быть и немало. А если нет этого коллективного осуждения, значит и наказание воспринимается нарушителем дисциплины как следствие совпадения обстоятельств. Мы пришли к заключению, что любое наказание не только должно соответствовать поступку, не только должно одобряться классом, общественным мнением учеников. В каждом наказании ученик должен видеть своеобразное упражнение в правильном поступке. Своеобразие этого упражнения должно заключаться в том, что между наказанием, относящимся к отдельному ученику, и поведением всего коллектива существует внутренняя связь, выражающаяся в общественном мнении коллектива. Воспитание этого общественного мнения, коллективных взглядов и является

первым шагом на пути к созданию детского коллектива.

Создание общественного мнения в коллективе — важнейшая и труднейшая задача в воспитательной работе. Это мнение никогда не возникнет, если воспитатель будет ограничиваться требованием оценки *внешних форм хорошего и плохого* со стороны коллектива. Ученики прекрасно знают, что относится к хорошим и что к плохим поступкам, что можно и чего нельзя. Но если дети привыкают видеть, что плохие поступки осуждаются и все время повторяются вновь, то эти поступки начинают приобретать для них совершенно иной смысл. Частое повторение поступков, которые постоянно осуждаются учителем, воспитывают в коллективе недисциплинированность. Ученики ежедневно слышат выдержки из «Правил для учащихся»: ты должен слушать на уроке внимательно, ты должен всегда готовить уроки дома, ты не должен списывать. Но они видят, что на самом деле можно на уроке не слушать, можно не готовить уроков, можно списывать. Несоответствие поступков товарищей правилам и требованиям учителя рождает у детей стремление следовать только внешним формам дисциплинированности: сидеть на уроке тихо, но не слушать, списывать у товарища так, чтобы этого не знал учитель, а подчас и товарищ. Постепенно в детской среде создается мнение, что ученики, которые не сумели соблюсти внешних форм дисциплинированности, являются «несчастливыми», обиженными, а обиженным детская душа всегда сочувствует. Вот почему не встретил одобрения факт исключения из школы Григория. По этой же причине в некоторых классах ученики, умеющие скрывать за внешними формами дисциплинированности свои шалости, а иногда и хулиганство, вызывают не осуждение, а восхищение.

Коллективное порицание, осуждение плохих поступков можно создать только путем постоянных упражнений в хороших поступках. Выше рассказано, как с упражнения в правильных, хороших поступках мы начали создание ученического коллектива. Главное условие, которое мы ставили перед упражнением, — совершить хороший поступок не для похвалы, а для себя и своих товарищей. Именно это, нам кажется, и является главной предпосылкой сознательной дисциплины. Совершение хороших, правильных поступков не только заинтересовало детей,

но и помогло нам воспитать в каждом члене коллектива чувство ответственности перед товарищами,— это и есть первый шаг на пути к созданию коллектива.

Возможности для упражнений в правильных поступках представляются в школьной жизни очень часто. Вот конкретные примеры. Мы знаем, что завтра учителя арифметики по болезни не будет на работе. Его есть кем заменить, но в V классе, где происходит трудный процесс воспитания, мы заменять этот урок не собираемся. Мы идем в класс и говорим детям: «Сейчас у вас урока не будет, учитель болен. Вы будете сидеть тихо, чтобы не мешать другим классам. Самостоятельно вы решите две арифметические задачи. Попробуйте сделать так, чтобы никто, ни один ученик не поднимался с места. Забудьте, что в классе нет учителя. Когда уроки окончатся, я приду, и вы мне скажете, *кто не смог этого сделать*». Мы уходим, оставляя класс. После урока мы идем к ученикам. У детей сияющие лица. По детским глазам видно, что все *смогли выполнить поставленное перед ними задание*. Ученики с восторгом рассказывают, как тихо они сидели на уроке. Тот же Григорий говорит, улыбаясь: «Я бы смог сидеть еще целый час...»

Это было тоже упражнение в *правильном поступке*, но это упражнение построено уже не на осуждении плохого поступка, а на стремлении учеников к хорошему, правильному поступку. Если бы мы сказали, что из класса выходить строго запрещается, что нарушители этого запрета будут наказаны, что дежурный будет записывать всех нарушителей дисциплины,— дети бегали бы и по классу, и по коридорам. Но мы *не запрещали*, а ставили задачу, причем не в форме категорического требования, а в форме упражнения: *попробуй, сможешь ли ты сделать правильно, проверь себя, заставь себя*. Это упражнение, как и предыдущее, было коллективным. Многим, конечно, с трудом удалось выдержать это «испытание», многих подмывало выбежать на минуту в коридор, заглянуть в соседний класс. Но как это сделать, когда за тобой никто не пойдет, когда ты окажешься один и над твоей слабостью все будут смеяться?

Таким образом, в коллективном упражнении уже планируется коллективное осуждение, в нем исключается возможность противопоставления себя всему коллективу,

Серьезным упражнением в правильном поступке для учеников V класса стала борьба с подсказываниями и списыванием как дома, так и на уроках. Раньше мы обычно считали виновником подсказывания (как плохого поступка) ученика, который подсказывает. Ему делались замечания, а некоторые учителя даже прибегали к своеобразному наказанию: того, кто подсказывает, в течение продолжительного времени не вызывали для опроса. Это приводило к тому, что в плохом поступке — подсказывании — обвинялся только один ученик, т. е. только один участник плохого поступка. Другой же участник плохого поступка — тот, кому подсказывали, — оставался безнаказанным. Совершали плохой поступок два ученика, но виновником всегда оставался один. Известно, что дети с благоговейным уважением относятся к товарищам, согласившимся вину другого взять на себя. (Заметим, кстати, что эту психологическую особенность детского коллектива мы очень часто забываем). Итак, виновные в систематическом подсказывании казались «пострадавшими за других». Это придавало в глазах детского коллектива подсказыванию черты какого-то своеобразного благородства. Дети стремились подсказать так, чтобы не заметил учитель, прибегали для этого ко всевозможным ухищрениям. Подсказывание не осуждалось коллективом.

Чтобы сделать борьбу с подсказыванием упражнением в правильном поступке, мы поставили перед собою задачу: показать ученикам, что подсказывать — значит совершать неправильный, вредный для всего коллектива поступок. Мы разъяснили ученикам, что подсказывание является плохим поступком и со стороны того, кто подсказывает, и со стороны того, кому подсказывают. На примерах мы показали, как отдельные ученики ожидают подсказки, они даже высказывают неудовлетворение товарищами, которые «не пришли на помощь».

— Хорошо ли поступают те, кто пользуется подсказкой? — задавали мы вопрос всему классу.

— Плохо, неправильно, — отвечали ученики.

— Имейте в виду, — говорили мы дальше, — что тот, кому подсказывают, разделяет вину с тем, кто подсказывает. Это обоюдный поступок, виновников здесь двое, а не один. Почему не подсказывают ученику, который хорошо выучил урок?

— Потому, что он и сам знает,— отвечали смущенно ученики.

— Значит, тот, кому подсказывают, виноват? — спрашивали мы снова у всего класса.

— Виноват...

— Итак, совершить хороший поступок — значит не только не подсказывать, но и не нуждаться в подсказке, не ожидать ее. Давайте делать так, чтобы в классе не было надобности в подсказках. Кто ожидает подсказки, кому подсказывают,— тот совершает неправильный поступок.

Как и в предыдущих случаях, упражнение в правильном поступке мы начали с *разъяснения и убеждения*. Цель разъяснения, во-первых, заключается в том, чтобы показать ученикам содержание плохого, неправильного поступка, к которому они привыкли и который не считают зазорным. Во-вторых, мы имели в виду показать, что подсказывание, как и большинство других плохих поступков, не является действием одного ученика,— следовательно, плохой поступок совершается в коллективе и затрагивает интересы коллектива. В-третьих, мы ставили своей целью разъяснить ученикам, что плохой поступок совершается не по какому-то побуждению одного ученика; на плохой поступок товарища толкает его же товарищ. Из нашего разъяснения ученики сделали вывод о том, что плохой поступок, каким является подсказывание, совершается обоюдно.

Дальше мы разъясняем ученикам, как же поступить правильно. Для этого, говорим мы, требуется прежде всего не нуждаться в подсказке, не ожидать ее. Если твой товарищ не нуждается в подсказке, а ты подсказываешь ему, значит, ты несправедлив к товарищу, подводишь его, делаешь его участником плохого поступка. Если ты плохо выучил урок и ожидаешь подсказки от товарища, ты толкаешь его на неправильный поступок. Не подсказывать и не ожидать подсказки — в этом заключается хороший поступок.

Случаев подсказывания после разъяснения и убеждения стало гораздо меньше, но все же они были. Все учителя, преподающие в V классе, услышав подсказку, обращались ко всему классу:

— Какой поступок совершают эти два ученика? (Назывались фамилии и того, кто подсказывает, и того, кому

подсказывают). Дети называли, конечно, подсказывание плохим поступком. Но теперь чувствовал себя виновником и тот, кому подсказывают, причем его вина, пожалуй, подчеркивалась больше, чем вина того, кто подсказывает. Коллектив начал смотреть на подсказывание именно как на *явление*, касающееся нескольких учеников и всего класса. Постоянная характеристика плохого поступка в момент его совершения привела к тому, что подсказывание начало встречать коллективное осуждение. Виновниками стали чувствовать себя те, кому подсказывали, что для нас было очень важно. Это было подготовкой к следующему более сложному упражнению в правильном поступке — *никогда не списывать у товарищей*.

Коллективное осуждение подсказывания привело к тому, что подсказок в классе не стало совсем.

Списывание у товарищей — этот неправильный поступок очень распространен в школах. Из опыта практической работы мы убедились, что бороться с этим неправильным, нехорошим поступком надо прежде всего упражнением в правильном поступке — в помощи товарищу. Мы разъяснили ученикам, что при списывании неправильный поступок совершает не только тот, кто списывает, но и тот, кто разрешает списывать. На ряде конкретных примеров показали учащимся, как списывавший задачу или упражнение у другого получает неудовлетворительную отметку. Следовательно, тот, кто дал списать, сделал товарищу хуже. Совершив неправильный поступок, тот, кто дал списать, по существу отмахнулся от товарища, не захотел помочь ему. Мы доказали ученикам, что неправильный поступок совершает прежде всего дающий списывать. Правильный поступок заключается в том, чтобы сказать товарищу:

— Если я дам тебе списать, я сделаю хуже для тебя. Я твой товарищ и хочу помочь тебе. Давай вместе решим задачу.

Разъяснив сущность хорошего поступка, заключающегося в помощи товарищу, мы начали осуществлять практические упражнения. Это был один из самых трудных видов упражнений, потому что он предоставлял очень мало возможностей для наблюдения за работой учащихся в нормальных условиях. Списывания на уроке у нас уже не было; надо было добиться, чтобы его не было и в тех условиях, когда работа не контролируется учителем.

При проверке домашних заданий учителя стали обращать особое внимание на работы тех учеников, которые раньше систематически списывали. Выявляя случаи списывания, учителя убеждали учеников не совершать плохого поступка, а обращаться за помощью к товарищам. Тем, кто давал списывать, учителя показывали, к чему приводит их «доброта». Постепенно ученики начали совершать правильные поступки — вместо того, чтобы давать списывать, лучшие ученики терпеливо разъясняли более слабым задачи, упражнения. Ученики увидели первые результаты хороших поступков: их товарищи, которые раньше не могли разобраться в задаче, решение которой они списывали, теперь хорошо объясняли задачу. Отдельные случаи списывания начали осуждаться всем коллективом, причем осуждался и тот, кто давал списывать.

Так мы создавали в V классе детский коллектив. В дальнейшей работе над укреплением этого коллектива мы постоянно прибегали к коллективным упражнениям в правильных поступках. Конечно, эти упражнения не были единственным методом воспитания. Большую роль сыграли также беседы, пионерские сборы, но решающее значение имели хорошо продуманные, целесообразные коллективные упражнения. Умелое сочетание коллективных упражнений с другими методами воспитания способствовало формированию у детей правильных взглядов на хорошее и плохое, а отсюда — воспитанию коммунистической морали.

В упражнении в правильном поступке задание, содержание упражнения определяет учитель. Но это задание уже в момент постановки *не навязывается* ученикам, а воспринимается всем коллективом как собственное желание коллектива. Задание должно воодушевить коллектив самим процессом преодоления препятствия, — в этом заключается эстетическая сторона упражнения в правильном поступке. Воодушевляя весь коллектив, упражнение в правильном поступке содержит элементы соревнования. Ставя задание перед коллективом, учитель должен предусматривать это здоровое соревнование, ориентироваться и опираться на него. Когда мы поставили перед учениками задание: *попробуйте не выходить из класса, представьте, что в классе сейчас учитель*, мы имели в виду, что выполнять это задание будет весь коллектив, а не отдельные ученики. Каждый ученик будет смотреть на

товарищей и чувствовать, что все товарищи смотрят на него. В этом постоянном наблюдении за поведением товарищей и начинается молчаливое соревнование в совершении правильного поступка. Это соревнование не носит характера *выставления напоказ* своего хорошего поведения. Соревнование носит коллективный характер, потому что задание воспринято всем коллективом. Поэтому каждый ребенок стремится не к тому, чтобы увидели его хорошее поведение, а к тому, чтобы не увидели плохого. Показная сторона хорошего поступка, его внешняя форма, таким образом, не прельщает учеников. Они усваивают не внешние формы, в которых проявляются правильные поступки, а их содержание.

Итак, из нашего опыта упражнений в правильных поступках можно сделать следующие выводы:

1. Основой сознательной дисциплины является не усвоение, не запоминание внешних форм хорошего поведения, хороших поступков, а убеждение в необходимости хорошего поведения, хороших поступков. Это убеждение нельзя создать только словами; оно может быть создано путем сочетания убеждения с упражнениями в правильных поступках.

2. Учитель должен ставить перед собой задачу — добиться коллективного осуждения плохих поступков, плохого поведения.

3. Если в классе нет коллективного осуждения плохого поступка, удаление недисциплинированного ученика не оздоравливает класс, потому что оно не сопровождается коллективным одобрением.

4. Удаление недисциплинированного ученика из класса, при отсутствии коллективного осуждения плохого поступка, ведет к тому, что ученики стремятся усвоить только внешние формы дисциплинированности. Недисциплинированность уходит вглубь, воспитывая стремление скрывать плохие поступки. Выбатывается внешнее послушание, а не понимание необходимости хороших поступков.

5. В повседневной жизни классного коллектива на каждом шагу представляются случаи для упражнения в правильных поступках. Учитель должен вдумчиво подойти к выбору задач для упражнений.

6. Упражнению в правильном поступке должно предшествовать глубокое разъяснение недопустимости плохого поступка, если он имеет место. На основании этого

разъяснения у учеников должно сложиться убеждение в том, что плохой поступок затрагивает интересы всего коллектива, что совершение хороших поступков зависит также не от отдельных учеников, а от всего коллектива.

7. Упражнение в хорошем поступке должно быть коллективным. Если задача поставлена правильно, если она посильна, каждый ученик будет совершать хороший поступок не напоказ, а во имя интересов коллектива.

8. В коллективном упражнении в хороших поступках большое значение имеет эмоциональная окраска поступка, состоящая в преодолении препятствия. Это препятствие мы понимаем как подчинение собственной воли воле коллектива.

9. Большое значение упражнения в правильном поступке заключается в том, что оно содержит в себе предпосылки и для другого метода воспитания дисциплинированности — для одобрения и осуждения. Если задание поставлено правильно и воспитатель сумел пробудить у учащихся стремление к его выполнению, не выполнивший задачу осуждается общественным мнением класса. Это осуждение не внешнее, не формальное, а внутреннее, оно исходит из убеждения в необходимости правильного поступка.

10. Для упражнения в совершении правильного поступка с успехом можно использовать и такой метод воспитания, как наказание. Если этот вид упражнения серьезно продуман, наказание будет восприниматься и оцениваться не отдельным учеником, а всем коллективом.

11. Учитель должен очень осторожно подходить к поощрению хороших поступков. У учеников ни в коем случае не должно складываться мнение, что обыкновенные, хорошие, правильные поступки надо совершать для похвалы. В хорошем поступке дети не должны видеть ничего исключительного.

Таковы выводы из практической постановки и выполнения упражнений в правильном поступке.

Советская педагогика, 1952, № 5.

О НЕКОТОРЫХ СТОРОНАХ ВОСПИТАНИЯ СОВЕТСКОГО ПАТРИОТИЗМА

Воспитывать у детей чувство советского патриотизма, горячую любовь к Родине — задача не только школы, но и семьи. С малых лет в сознание ребят входит мысль о том, что наша страна является самой могучей, самой прекрасной, самой счастливой страной в мире. Мысль эта, постепенно формируясь, со временем, по мере роста ребенка, становится его непоколебимым убеждением.

Советская действительность предоставляет неисчерпаемые возможности для того, чтобы в окружении, близком и знакомом ребенку, показывать ему рост и преуспеяние нашей Родины. Строительство гидроэлектростанций и железных дорог, пуск нового завода, высокий урожай, полученный в колхозе, открытие нового клуба — обо всем этом надо говорить детям в доступной форме и самыми искренними, взволнованными словами. Ребенок будет внимательно слушать отца и мать, слово «Родина» станет приобретать в его мыслях и чувствах конкретный характер, вызывать живые образы. Конечно, и в классе ребенок услышит тоже многое из того, что могут сказать ему родители. Но если окно в мир будет раскрывать не только учитель, но и самые близкие люди, то чувство патриотизма получит особенно прочную основу.

Дети повседневно слышат в школе и вне школы рассказы об успехах передовиков коммунистического строительства — рабочих, строителей, железнодорожников, колхозников. В каждом городе, в каждом селе есть люди, удостоенные наград за трудовые подвиги; нередко дети знают этих людей, окруженных всеобщим уважением. Действенный советский патриотизм передовых людей служит детям примером для подражания. Поэтому о лучших людях дети должны слышать из уст отца и матери только хорошие слова. Иное дело, когда речь идет о людях, причиняющих вред социалистическому государству. О таких людях можно говорить лишь словами презрения и негодования. В нашем обществе есть еще и шкурники, и себялюбцы и расхитители общественной собственности. Детям случается слышать рассказы взрослых о неблагоприятных поступках подобных людей, и совершенно недопустимо какое бы то ни было оправдание или смягчение в разговоре таких поступков.

Без ненависти и презрения нельзя говорить о поджигателях войны — империалистах, непримиримых врагах Советского Союза и народно-демократических стран. Для бесед на эту тему большие возможности предоставляют газеты и журналы, тем более, что сами пионеры начинают уже приучаться к чтению периодической печати.

Многие семьи потеряли кого-нибудь из близких в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания о героях — отце или брате дети слушают с глубоким вниманием и навсегда сохраняют в своей памяти их светлые образы, и Родина для них будет такой же дорогой, как отец или брат, отдавшие за нее свою жизнь. Мы советуем матерям бережно хранить все, что связано с памятью о тех членах семьи, которые героически погибли на фронте: письма и фотокарточки, ордена и медали. Боевые подвиги отца, брата или сестры составляют славу и честь семьи, они — один из глубоких источников воспитания советского патриотизма.

Советская страна окружает детей заботой и лаской. Но все то, что получают они, кажется им обычным, они и не представляют себе как бы могло быть иначе. Хорошая школа, пионерский лагерь, богато украшенная новогодняя елка — все это вошло в быт детей как повседневность. Учитель разъясняет детям, что в этом обычном — счастье, которого нет у детей трудящихся капиталистических стран. Родители тоже воспитывают у своего ребенка правильное отношение к тому, что ему дается, причем жизнь семьи предоставляет для этого еще больше возможностей, чем жизнь школы.

На школьных родительских собраниях мы нередко советуем матерям и отцам: в те значительные моменты, когда в жизни вашей семьи случилась какая-то радость, — ваше первое слово должно быть не о себе, а о Родине. Вы получили награду, вас премировали за хорошую работу, ваш сын вступил в ряды пионеров или в комсомол, — умеете сделать все эти события источником радости и счастья вашей семьи, но умеете также показать своим детям, что эту радость и счастье дает нам Родина.

Мы рассказываем родителям о том, как многие отцы и матери своим повседневным, будничным трудом, своим бытом воспитывают у детей действительную любовь к Родине. Отец одного из учеников — слесарь, работающий

в мастерской МТС,— заболел. Врач дал ему отпуск на две недели. Но уже через неделю отец почувствовал себя значительно лучше и сказал матери:

— Завтра пойду на работу, приготовь, будь добра, одежду.

Когда отец возвратился с работы, двенадцатилетний сын обратился к нему с вопросом:

— Папа, почему ты ушел на работу, ведь тебе можно было еще неделю побыть дома?

— Я чувствую себя хорошо, а лежать мне некогда: скоро начнется весенний сев, надо ремонтировать тракторы.

Сын запомнит слова отца. И не только слова, но и образ мыслей отца, сущность его поступка. Однако можно привести и другие, противоположного характера, примеры. Молодая здоровая колхозница гладит белье. Она увидела в окно, что во двор к ней идет посыльный из правления колхоза. Быстро передав утюг дочери, женщина ложится в постель и накрывается одеялом. Дети с недоумением смотрят на мать, с недоумением слышат ее ответ посыльному:

— Я больна сегодня, на работу пойти не могу. Ох, беда, не могу встать и сварить детям покушать...

Посыльный уходит, мать встает и снова гладит белье. Детей поражают эти изменения, они видят и понимают, что мать притворилась больной и говорила неправду. А мать и не задумывается над тем, что, давая детям наглядный урок лжи и лицемерия, обманывая колхоз, она учит детей поступать точно так же. К сожалению, вредные пережитки прошлого еще встречаются в отдельных наших семьях. Есть у нас родители, которые подают плохой пример детям: нечестно, недобросовестно относятся к труду, к служебному и общественному долгу, к обязанностям советского гражданина. Дети из таких семей нередко обманывают и учителей, и родителей, и своих друзей.

Для того, чтобы воспитать у детей чувство преданности Советской Родине, родители не должны скрывать от них, если кто-то, пусть даже не они сами, поступает недостойно по отношению к своему гражданскому долгу. Не надо при этом говорить: «Это не наше дело». Приведу пример. Ученик V класса в выходной день был с товарищем в лесу. Он видел, что колхозники заготавливали лес

для строительства клуба. Своими наблюдениями мальчик поделился с отцом, причем в конце своего рассказа он между прочим сообщил:

— Дядя Федя возил из леса длинные-предлинные деревья. Я ехал с ним домой. Он остановил подводу воле своего двора и свалил самый лучший дуб, а остальные повез в колхоз. Бригадиру же сказал, что лошади устали и он взял в лесу меньше деревьев.

В словах ребенка не было ни осуждения, ни одобрения, он как бы обращался к отцу с вопросом. Отец, чувствующий свою ответственность за воспитание сына, прямо сказал, что дядя Федя обманывает государство, что поступил он плохо. Так вдумчивый и честный отец воспитывает у ребенка понимание того, что хорошие и плохие поступки людей надо оценивать с точки зрения не личных интересов, а интересов социалистического общества.

Важнейшим источником чувства советского патриотизма является воспитание детей в духе дружбы народов. В советских семьях из уст отца и матери дети часто слышат хорошие, теплые слова о людях других национальностей, слова благодарности трудящимся братских народов нашей страны за помощь, которую оказывают они друг другу. Вот один из примеров.

Бригадир украинского колхоза вскоре после освобождения села от фашистских захватчиков ездил в одну из областей Российской Федерации получать лошадей, выделенных в подарок украинским колхозам, пострадавшим в годы войны. Через девять лет после своей поездки он рассказал своим детям — ученикам VIII, V и IV классов — о волнующей встрече:

— Мы приехали в колхоз, расположенный на берегу Волги, поздно вечером. Нас встретили с хлебом-солью. Утром повели выбирать лошадей. Еще шла война, в селе были одни женщины, старики и дети. Им было нелегко, но они отдали нам лучших лошадей. А в 1947 году, когда колхозников Поволжья постигло несчастье — большая засуха, — мы повезли им три вагона нашей украинской пшеницы. Вот как помогают друг другу наши народы-братья.

Старший сын, ученик VIII класса, припоминает слова учителя о значении воссоединения Украины с Россией, и в его сознании исторические события далекого прошлого

предстают в новом освещении, приобретают особый смысл. Он говорит отцу:

— Папа, давай напишем письмо в тот колхоз.

— Хорошо, напишите в школе от комсомольской организации, — посоветовал отец.

Так началась переписка комсомольцев украинской школы с молодежью волжского села.

Многие отцы — бывшие воины Советской Армии — вспоминают о своей фронтовой дружбе с бойцами — представителями братских народов нашей страны, приводят примеры трогательной дружбы и взаимной выручки в бою. Эти рассказы отцов детям носят характер интимных, душевных бесед. Под влиянием таких рассказов обогащаются представления детей о единой братской семье всех советских народов.

Подлинный советский патриотизм не созерцателен, а деятелен, активен. Мало того, чтобы у школьника воспитывались правильные взгляды на хорошее и плохое, надо, чтобы он хотел приложить их к жизни и научился это делать.

Не будет преувеличением сказать, что один из главнейших и серьезнейших недостатков в воспитании советского патриотизма как в школе, так и в семье состоит в том, что оно нередко отрывается от требований жизни нашего народа. Например, иные юноши и девушки умеют произносить хорошие слова о своем долге перед Родиной, но чуждаются труда на производстве, в колхозе. В данном случае громкие, подчас высокопарные слова о Родине являются только словами, а не убеждениями, вошедшими в плоть и в кровь. Чувство советского патриотизма формируется в живой деятельности, прежде всего путем привлечения детей к общественно полезному труду, ценному пока не столько своими результатами, сколько воспитательным эффектом. Между тем родители мало думают над вопросом о том, как использовать общественно полезный труд для воспитания у детей чувства советского патриотизма. Больше того, в отдельных семьях, приучив детей к труду в своем домашнем хозяйстве, родители всячески оберегают их от участия в труде общественно полезном, безвозмездном, не разрешают им принимать участие в общественной работе, которую проводит школа.

Опыт воспитания убеждает, что человек, не испытывавший в детстве радости коллективного, безвозмездного труда, а привыкший делать все только для себя и для своей семьи, проникается духом мещанства, измеряет каждое свое трудовое усилие рублями и копейками. Моральный облик таких людей чужд духу нашего времени, но, к сожалению, такие люди у нас есть. Воспитать у детей трудолюбие — еще не все, надо воспитать у них любовь к социалистическому труду. В жизни любой советской семьи всегда можно найти возможности для приучения детей к общественно полезному труду, стоит только отцу или матери внимательно посмотреть вокруг себя. У одного отца-железнодорожника трое детей. Он работает диспетчером и в выходные дни часто вместе с детьми идет на участок дороги, к своим товарищам — ремонтным рабочим. Час-два он помогает им отремонтировать путь, и дети, увлеченные примером отца, тоже трудятся: старший сын-семиклассник работает наравне с отцом, а младшие оказывают посильную помощь: подносят инструменты, выравнивают песок между шпалами. Окончена работа, бригадир ремонтной бригады благодарит отца и его маленьких помощников, отец с детьми идет домой. Он рассказывает детям о труде миллионной армии советских железнодорожников, и в словах отца дети чувствуют гордость за то, что он, их отец, принадлежит к этой армии.

Поселковый совет принял решение об озеленении улиц. В этой работе должна была принять активное участие и школа. Педагогический коллектив привлек родителей. В выходные дни и вообще в свободное от работы время они сажали деревья возле своих дворов, приводили в порядок дорогу, шли с детьми на площадь, где разбивается парк. Дети видели, как охотно их отцы и матери делают то, от чего их товарищи, отдельные ученики, стремятся в школе увильнуть. И в сознании детей утвердилась мысль, что их товарищи, увливающие от общественного труда, поступают плохо, что слова учителя о труде для общества правильны.

Родители воспитывают детей для будущего, для коммунистического общества. Но в коммунистическое общество наши дети должны прийти не как слушатели хорошей оперы, не как гости на счастливую семейную вечеринку, а как строители этого общества, как хозяева, чувствующие свою ответственность за все то, что им дано,

и за все то, что будет после них. Воспитание чувства долга перед обществом — одна из главных сторон воспитания советского патриотизма.

Семья и школа, 1955, № 6.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЙНОСТЬ — ОСНОВА МОРАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

На нынешнем этапе строительства коммунизма перед советской школой стоят задачи большой важности: формировать моральный облик поколений, способных внести свой вклад не только в укрепление экономической основы коммунистического строя, но и в утверждение новых, коммунистических взаимоотношений в обществе. Если революционная борьба против эксплуататорского строя в области экономики закончилась в нашей стране полной победой социалистических отношений, то борьба в сфере сознания, морали продолжается.

Каждое молодое поколение, встающее на путь самостоятельной жизни, должно не только впитать в свое сознание все то лучшее, чего достигли старшие поколения, но и подняться на более высокую ступень духовного развития. Воспитание молодежи в духе высокой коммунистической идейности является одной из главнейших предпосылок успеха в революционной борьбе за перестройку сознания.

Коммунистическая идейность нашей молодежи — это глубокая убежденность в справедливости идей научного коммунизма и жизненной практики советского народа. Такая убежденность становится источником духовной силы человека, его готовности бороться за справедливую идею, не жалея жизни.

Безукоризненное и полное исполнение законов, правовых норм нашего общества еще не является свидетельством коммунистического сознания. Коммунистическое воспитание должно идти впереди, руководствуясь прежде всего правилами коммунистической морали — этими пока еще неписанными законами будущего общества.

Известно, что нормы права во многих случаях отстают от норм коммунистической морали. Вот пример. В неглубоком пруду плавал на лодке мальчик дошкольного

возраста. Лодка перевернулась, и он стал тонуть. Свидетелем этого трагического случая был 50-летний мужчина, сидевший на берегу. В тридцати метрах от него погибал ребенок, которого можно было спасти, даже не умея плавать, так как глубина пруда на месте трагедии не превышала метра; однако этот человек руководствовался в своем поведении не принципами коммунистической морали, даже не принципами обычной человечности, а прогнившим правилом старого мира: «Моя хата с краю». На вопрос, почему он не спас мальчика, мужчина ответил: «Я болен ревматизмом, мне нельзя лезть в воду» (случай произошел в июле 1958 года в одном из сел Опуфриевского района). С точки зрения норм права такого не привлечешь к ответственности*, а с точки зрения коммунистической морали — это не человек, а существо со звериными взглядами на жизнь.

В коммунистическом обществе, где моральный идеал станет действительностью, где люди будут руководствоваться в повседневной жизни принципами и нормами коммунистической этики, таких людей будут строго осуждать.

Задача школы состоит в том, чтобы молодое поколение смотрело на отступление от норм коммунистической морали как на тяжкое преступление. Однако моральное достоинство человека измеряется не только тем, как он оценивает окружающую действительность. Измеряется оно прежде всего активной деятельностью. Коммунистическая мораль требует не щадить себя, спасая жизнь другому человеку. В «Правде» (20 августа 1958 г.) рассказывалось о героическом подвиге Тофика Гусейнова, ученика VIII класса 134-й школы г. Баку. Он купался в море, когда до него донеслись крики четырех тонущих одноклассников. Юноша спас трех из них и, бросившись в четвертый раз в море, обессиленный долгой борьбой с волнами, не вернулся. Поступок юного Тофика Гусейнова, отдавшего жизнь, спасая других, отвечает моральным нормам коммунистического общества.

* Человека, о котором рассказывает В. А. Сухомлинский, можно было наказать и на основании существующих в нашей стране правовых норм. Советское законодательство предусматривает уголовную ответственность за неоказание помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни положении, при возможности оказать такую помощь. (Прим. перев.).

Нет более прекрасных, величественных идей, чем идеи коммунизма. Задача школы и системы воспитания вообще состоит в том, чтобы подрастающее поколение жило этими идеями, ставило их на первое место в своей жизни, воплощало в конкретные взаимоотношения в коллективе, в каждодневный труд.

Стремление к активной борьбе за коммунистические идеалы является результатом единства мировоззрения, мыслей, убеждений и активной деятельности. Формирование мировоззрения в процессе приобретения знаний — очень серьезный вопрос, требующий специального исследования и изучения.

В формировании коммунистического мировоззрения учащихся большую роль играют как естественные, так и гуманитарные предметы, но особенно велики возможности истории, литературы, географии. Лучшие преподаватели этих предметов рассматривают изучение каждого раздела с точки зрения формирования мировоззрения. Так, при изучении исторических событий в их причинно-следственной связи учителя красной нитью проводят через весь курс идею превосходства социалистического строя, идеологии, морали, права, политики над эксплуататорским общественным строем и его институтами. Они добиваются того, чтобы в душе воспитанника из года в год росло и крепло чувство гордости за то, что он живет в социалистической стране, пользуется материальными и духовными благами социализма. Учащийся глубоко убеждается: социалистический строй является самым справедливым, а борьба за его укрепление — самой благородной деятельностью человека. Формирование и упрочение такого убеждения нельзя обеспечить отдельными «воспитательными моментами», разъяснением отдельных связей прошлого с современностью и пр. Надо добиваться, чтобы весь исторический процесс рассматривался с точки зрения справедливости, гуманности, социалистических взаимоотношений. Лучшие преподаватели истории при изучении рабовладельческого, феодального и капиталистического общества убедительно доказывают несправедливость, антигуманность эксплуататорского строя, вызывая у детей чувство острой ненависти к эксплуататорам. Слушая рассказ учителя о тяжелом положении рабочих на фабриках и заводах в капиталистическом обществе, один мальчик, ученик IV класса, высказал свои

чувства такими словами: «Как хорошо, что у нас сейчас нет капиталистов!» Через упрочение подобных чувств и лежит путь к утверждению в сознании детей убеждения в справедливости социалистического строя.

Вдумчивые педагоги показывают питомцам, каким было и каким стало их село, город, говорят о том, что дал социализм их семьям. Это очень важно для воспитания у молодого поколения чувства долга перед Родиной.

Но, к сожалению, нередки случаи, когда о важных исторических процессах и событиях, которые можно удачно использовать для раскрытия преимуществ социалистического строя, учитель рассказывает равнодушно, как наблюдатель, а не как активный участник социалистического строительства. О самоотверженных подвигах советских патриотов он говорит так, будто все это происходит очень далеко и его не касается.

Изучая основы наук о природе и убеждая воспитанников в том, что каждое явление имеет свою причинную обусловленность, что все в природе можно познать и изучить, педагог тем самым укрепляет в них веру в свои силы, уверенность, настойчивость в борьбе с трудностями.

Важным элементом коммунистического мировоззрения является атеизм. Воспитание атеистических убеждений имеет ряд специфических особенностей. На первый взгляд кажется, что само содержание основ наук, изучение которых приводит к глубокому пониманию объективных закономерностей природы и общества, полностью обеспечивает формирование атеистических убеждений и никакой дополнительной работы в этом направлении проводить не надо. Кое-кто склонен считать, что религиозные предрассудки в условиях победившего социализма исчезнут сами по себе. Это глубоко ошибочные взгляды. Вера в бога ослабляет моральные, духовные силы человека.

Религиозная отравка причиняет вред прежде всего тем, что порождает в человеке неверие в собственные силы, пассивность, призрачную надежду, что его судьба зависит не от активной борьбы за будущее, а от какой-то сверхъестественной силы. Церковники ведут упорную борьбу «за души» молодежи. Приходится признать, что они при этом весьма удачно учитывают те особенности духовного развития детей и подростков, которые мы, воспитатели, иногда не принимаем во внимание. Одна из таких особенностей — потребность детей младшего возраста в эстети-

ческих эмоциях. Специфика и особенности эстетических эмоций в возрасте от 6 до 10 лет обуславливают восприимчивость ребенка к разным, иногда чуждым коммунистическому мировоззрению, влияниям, среди которых на первом месте стоит религия. Мы беседовали с некоторыми верующими молодыми людьми, которые росли и воспитывались в социалистическом обществе, говорили об источниках зарождения и укрепления у них веры в бога. Подавляющее большинство на первое место поставило переживания, впечатления, эмоциональные восприятия детства и раннего отрочества. Все они утверждают, что церковь начала их привлекать задолго до возникновения мыслей о боге. Более того, они признавали, что и теперь, в зрелом возрасте, «верят больше чувством, чем разумом».

Эти факты не только проливают свет на то, каким арсеналом средств пользуется церковь для влияния на духовный мир ребенка, но и вынуждают нас, педагогов, больше задумываться над ролью эмоциональности в духовном развитии ребенка. Опытные в своем деле служители культа не случайно считают критерием успеха каждого религиозного обряда то, насколько глубокие эстетические эмоции он вызывает и развивает. Впечатлительные и восприимчивые ко всему яркому, необычному, фантастическому, дети проявляют живой интерес к церковным обрядам, часами простаивают в церкви. Их привлекает обычно только внешняя сторона обряда, и служители культа это учитывают: некоторые моменты церковной службы, особенно в последнее время, специально рассчитаны на детей. Торжественное пение, запах ладана, обстановка благоговения, а иногда и экстаза, самозабвения — все это так увлекает детей, что они с нетерпением ждут религиозных праздников. Впечатление от первых восприятий этой, по-своему красивой, эстетичной церковной обстановки не только не слабеет у детей, но и усиливается с каждым новым посещением церкви. Боясь нарушить цельность, гармоническое единство своего эмоционального мира, ребенок или подросток не пытается разобраться в сущности «истин», постоянно навеваемых ему под мелодии церковного пения и запах ладана, не хочет проконтролировать свои чувства разумом. «Божественное» для него раскрывается прежде всего в красивом, праздничном, высоком, он самого себя убеждает, что,

стремясь к красивому, стремится к «божественному», верит в бога.

Так в условиях торжества коммунистического мировоззрения «рождаются» новые верующие — к великому удивлению тех, кто представляет себе суть религиозной морали слишком поверхностно. Большинство детей, подпавших под влияние внешней стороны церковных обрядов, становясь старше, понимают, конечно, свою ошибку, и решающую роль играют в этом такие факторы, как социалистические взаимоотношения, интеллектуальное воспитание, умственная оценка своих чувств и впечатлений. Однако известная часть так и остается верующей на всю жизнь. Это, главным образом, наиболее впечатлительные, восприимчивые натуры, в жизни которых вообще чувства преобладают над разумом.

Из сказанного ясно, что борьба против религии — это борьба не только за сознание, понятие, но и за эстетические эмоции. Там, где недооценивается их роль в духовной жизни ребенка, победителем в борьбе может выйти религия, церковь.

Борьба за влияние на чувства начинается задолго до того, как ребенок становится способным осознать суть материалистического объяснения мира. Это возлагает на школу большую ответственность: убеждая ребенка, формируя его взгляды, надо одновременно пробуждать в нем богатые эстетические чувства с помощью явлений, картин, образов, отражающих высокую, благородную, но полностью понятную ему идею, которая зовет не к утверждению мысли о своей ничтожности и тленности, а к активному действию, к борьбе за овладение силами природы.

Идеологического влияния, которое испытывает ребенок с первых дней своего пребывания в школе, надо достигать яркими, сильными, более совершенными в эстетическом смысле формами, нежели те, которые использует церковь. Если школа добивается этого, церковь становится бессильной, поскольку ее эстетическая форма рассчитана на подавление разума, тогда как эстетические эмоции, пробуждаемые у ребенка в школе, развивают его интеллект.

Большая работа по воспитанию чувств и эмоций осуществляется с помощью разнообразнейших способов и приемов, в основе которых лежит сочетание коммунистической идеи с красивой формой, развитие эстетических

эмоций с развитием сознания. Детские праздники с их ярким художественным оформлением, инсценизация сказок, басен, рассказов; художественное чтение лучших образцов классической и современной литературы; торжественная обстановка в дни революционных праздников; хоровые кружки, увлекательные игры; создание эстетической обстановки в школе и дома; максимальное развитие детского художественного творчества, особенно связанного с художественным словом и мелодией; музыкальное оформление тех выдающихся моментов в жизни детей, когда перед ними раскрывается великая, благородная идея, — все это в сочетании с правильно поставленным интеллектуальным воспитанием вызывает у детей глубокие переживания, раскрывает перед ними подлинную красоту, влияние которой усиливается тем больше, чем глубже, понятнее идея, заложенная в художественных образах.

Важно, чтобы с первых дней пребывания в школе дети присутствовали на торжественных пионерских сборах, на сборах у могил воинов, погибших во время Великой Отечественной войны, на местах подвигов, особенно — совершенных детьми. Готовя октябрят к вступлению в пионеры, надо вызывать и укреплять в них интерес к жизни народных героев. Любимому герою дети посвящают свои праздники — торжественно отмечают день его рождения, подвига.

Особенно глубокие эстетические эмоции пробуждаются у детей 6—10-летнего возраста в тех случаях, когда понятная и волнующая мысль доходит до их сознания в сказочной форме. Аллегория усиливает впечатление, утверждает моральные понятия о добре и зле, справедливости и несправедливости, красоте и низости. Заслуживает внимания инициатива школ, которые оборудуют для детей специальные комнаты сказок, подбирают для инсценизации сказки с ярким сюжетом.

Подлинное коммунистическое мировоззрение и убеждения формируются тогда, когда активная деятельность воспитанников — их труд, взаимоотношения в коллективе, помощь и взаимопомощь, вмешательство в окружающую обстановку — проникнута высокой идейностью. Коммунистическая идейность деятельности, благородство ее смысла и целей — это и есть приближение к коммунистическому идеалу.

Сейчас, когда со всей остротой ставится вопрос о подготовке молодого поколения к труду, воспитатели должны особенно стремиться, чтобы трудовая деятельность учащихся была проникнута коммунистической идейностью.

Задача школы состоит в том, чтобы элементы коммунистических взаимоотношений выступали в труде наиболее ярко. Мерилом воспитательной ценности труда является не только объем затраченных усилий, но и целеустремленность. Мы знаем ученические коллективы VIII—X классов, все члены которых летом хорошо работают в колхозе, однако главная цель этого труда — заработать побольше для себя, то есть удовлетворить свои личные потребности. Конечно, социализм и коммунизм предусматривают максимальное удовлетворение личных материальных и духовных потребностей, однако это удовлетворение должно идти посредством повышения общественного производства, создания богатств, принадлежащих всему народу, то есть посредством коммунистического труда. Нужно добиваться, чтобы с первых дней обучения в школе воспитанник всегда бескорыстно отдавал главную часть своих трудовых усилий коллективу, обществу и чтобы этот труд давал ему глубокое моральное удовлетворение. Чем больше удельный вес этой части в трудовой деятельности воспитанника, чем значительнее материальные ценности, создающиеся не для непосредственного личного потребления, а для всего общества, тем благороднее моральный облик воспитанников, формирующийся в процессе труда. Вырашивание саженцев и закладка садов, лесов, ползащитных лесополос, борьба с эрозией почвы, участие в строительстве хозяйственных и культурно-бытовых сооружений и дорог — воспитательная ценность таких и аналогичных видов трудовой деятельности именно в том и состоит, что созданные при этом материальные ценности являются всенародным богатством, а не предметом непосредственного потребления отдельных лиц.

К сожалению, отдельные воспитатели не всегда думают об идейном содержании и целеустремленности трудовой деятельности детских коллективов. Иногда бывает так, что дети выполняют важную общественно полезную работу, однако ее высокий идейный смысл обесценивается корыстолюбием, которое выдвигается на пер-

вое место. Мы знаем, например, такой случай. Перед детьми была поставлена задача: собрать несколько тонн металлолома. Чтобы заинтересовать ребят, воспитатель придумал такой стимул: за каждый килограмм металла, сданный сверх установленной нормы, ученик получает премию — несколько копеек. Соревнование приобрело нездоровый характер — светлую, благородную идею труда заслонили корыстные мотивы.

Идейная направленность деятельности детей, подростков и особенно юношей и девушек определяет их дальнейшее участие в утверждении коммунистических взаимоотношений между людьми — тех ростков нового, от дальнейшего развития которых зависит успешное построение коммунизма в нашей стране. Наши воспитанники работают в коллективах. Опыт показывает, что чем больше ответственность всего коллектива за порученную работу, тем глубже проникают черты коммунистического отношения к труду в сознание каждого его члена. Чувство личной ответственности за успех общенародных интересов тем больше, чем важнее обязанности, которые берет на себя коллектив. Во многих школах есть, например, пионерские и комсомольские посты охраны природы, сохранения социалистической собственности. Участвуя в них, дети включаются в борьбу за приумножение общенародного богатства.

Высокий идейный уровень деятельности воспитанников порождает в них стремление к моральному идеалу. Их глубоко волнуют явления окружающей действительности. Воспитанники, особенно юноши и девушки, хотят видеть все в жизни таким, как того требует коммунистический идеал. Особенно высокие требования предъявляет молодежь в важнейших вопросах общественно-политической жизни, морали, искусства. Неверную деятельность, слово, мысль, вытекающие из расхождения между убеждениями и поступками, юноши и девушки рассматривают как аморальное явление. В этом — моральная чистота нашей молодежи, благородство идейной основы ее мировоззрения. Нет ничего удивительного в том, что юноши и девушки с такой пылкостью, страстью отстаивают свои взгляды и осуждают как неверные поступки, так и неверные мысли. С их точки зрения, примириться с неверной мыслью — это все равно, что равнодушно смотреть на аморальный поступок.

Для советской молодежи источником богатства духовной жизни является вера в справедливость и торжество коммунистических идей. Юноши и девушки дорожат этой верой и, если видят, что их идеал затрагивается словом или поступком, выражают глубокое возмущение, протест. Они принимают близко к сердцу все, что происходит и рядом с ними, и где-то далеко, за границей.

Свое активное отношение к жизни юноши и девушки проявляют в разных формах. Очень часто они хотят знать мнение воспитателя о том, что их волнует, задают острые вопросы. Школа обязана дать правильные ответы на эти вопросы, формируя тем самым в душах юношей и девушек готовность к борьбе против нарушений норм коммунистической морали. Глубокую ошибку допускают воспитатели, пытаясь утаить от учащихся суть негативных явлений, еще встречающихся в нашей жизни.

Однако воспитательное значение разъяснений зависит от подготовленности педагога к осуществлению своей великой воспитательной миссии. Дело не только в том, что он должен хорошо знать общественно-политическую жизнь как в нашей стране, так и за рубежом. Решающее значение имеет моральное право учителя на одобрение или осуждение того, что глубоко волнует воспитанников. Чтобы осуждение теневых сторон нашей жизни из уст педагога воспитанники восприняли как утверждение идеального, правдивого, педагог сам должен быть морально чистым, активным борцом за коммунизм, так как иначе его осуждение будет нытьем или злорадством.

Воплощением морального идеала нашей молодежи является коммунист. Коммунист для них — более, чем человек, официально состоящий в организации единомышленников-марксистов. В коммунисте они видят человека, у которого не должно быть отрицательных черт. Вот почему поведение коммунистов — предмет особого внимания молодежи. Не случайно молодежь так остро реагирует на малейшее отступление коммуниста от норм коммунистической морали. Перед глазами наших воспитанников всегда должны стоять коммунисты — люди, совершающие подвиги во имя высокой цели. Такими людьми богата наша Родина, они есть в каждом городе, в каждом селе.

Уже с первого дня пребывания в школе дети должны встречаться с коммунистами, принимать участие в их

работе. Трудно переоценить важность этого в деле воспитания.

Предметом особого внимания партийных организаций школы должны стать случаи аморальных явлений среди молодежи. Есть еще отдельные юноши и девушки, которые живут без идеи, они «разочарованы» в жизни, ищут забвения в смраде винных подвалов, проповедуют «свободную любовь» и т. п. Отравленный ум и изуродованные души этих отдельных отщепенцев являются порождением безделья, привычки жить за счет папы и мамы.

При обсуждении одной из статей, посвященных вопросам морали, в редакцию «Комсомольской правды» пришло анонимное письмо. Группа юношей и девушек писала: «Нам хотелось повеселиться. Все чаще мы решали так: пойдем выйдем, а там еще что-нибудь придумаем. Мы стали посетителями «забегаловок», где знакомились с аморальными людьми. Когда наша компания увеличилась, мы создали свой клуб «Тедролл». В последнее время в нашей компании все чаще звучит: жизнь коротка, все живое на земле вымрет. Так не будем же глупцами, пока не поздно, возьмем от жизни все ее наслаждения. Теперь мы устраиваем настоящие оргии, которые невозможно описать».

В этой «философии» отступничества и предательства — давно известные перемены буржуазной «свободы морали», этой идеологии рабства. Ее влиянию легко поддаются молодые люди без идей, без высокой жизненной цели, люди, не связанные с трудовым народом. За малодушным стремлением бежать от жизни кроется злое слово единство со всеми темными силами мира угнетения и духовного рабства — мира капитализма.

Как не вычерпашь руками болота, так не избавишься от этих явлений какими-либо административными экстренными мерами. Только содержательная многогранная жизнь в коллективе, только активная борьба за светлые идеи коммунизма уничтожат всю муть, которая начкает жизнь.

Чтобы успешно осуществлять идейное воспитание молодежи, нам, педагогам, самим нужно предъявлять к себе повышенные требования. Советское учительство в своем большинстве всегда стоит на передовой линии идеологической борьбы за перестройку сознания, за утверждение коммунистического идеала. Однако есть среди учителей

и такие, которым нельзя доверить дело воспитания молодого поколения. Это прежде всего люди, живущие интеллектуально убогой жизнью. Нам довелось недавно побывать у одной учительницы. Она с гордостью показывала свой новый дом, дорогую мебель, ковры. Все свидетельствовало о достатке, материальном благополучии, но бросалось в глаза, что на этажерке всего несколько книжек — преимущественно учебники; из-за материального благополучия выглядывало то самое «мурло мещанина», на опасность которого указывал В. Маяковский в одном из своих стихотворений¹. К чему может вести, что может воспитывать педагог, который на первый план в своей жизни ставит материальное благополучие, причем представление об этом благополучии у него мещанское, обывательское. Ясно, что такой учитель принесет только вред делу воспитания.

Некоторые педагоги погрязли в болоте обывательщины. Об этом свидетельствует и тот факт, что отдельные из них чрезмерно увлекаются низкопробной беллетристикой, которая, к сожалению, иногда появляется на книжном рынке. Убожество духовной жизни — страшный враг человека, и особенно педагога. Нужно бороться с ним всеми силами и средствами.

Отделам народного образования, профсоюзным организациям нужно больше интересоваться, чем живет учитель, в каком направлении он движется — растет или отстает. К сожалению, недостаточно внимания уделяют у нас воспитательной работе среди педагогов, тому, от чего зависит так много в ней, — духовному миру педагога.

Настало время изменить порядок присвоения званий учителям, их назначения и увольнения. Звание учителя надо присваивать после определенного испытательного срока, во время которого человек показал бы не только свои знания, но и моральное право учить и воспитывать.

Учитель — это не только человек, дающий ученикам знания, но и общественно-политический деятель, интересы и деятельность которого выходят далеко за стены школы. В народном учителе народ хочет видеть человека таким, каким он должен быть в социалистическом обществе. Высокий идейный уровень воспитательной работы — главнейшая предпосылка успехов школы. Нельзя ни на

минутой забывать, что борьба за утверждение нового в сознании людей продолжается, и советское учительство должно быть на передовой линии этой борьбы.

Радянська школа, 1959, № 3.

АТЕИСТЫ С ЮНЫХ ЛЕТ

Условия, в которых проходила наша работа по формированию атеистических взглядов и убеждений у учащихся, обязывала нас быть особо бдительными. Рядом со школой расположена активно действующая церковь. Когда-то в прошлом она оказывала большое влияние на окружающее население. Кроме того, в селе издавна существует секта христианских евангелистов-баптистов, имеющая свой молитвенный дом. Баптисты тоже усиленно стараются «ловить души». Не удивительно поэтому, что религиозные пережитки во многих семьях учащихся устойчивы. Попятно, что церковники и всякого рода другие «божьи люди» изыскивают все пути и средства для религиозного воздействия на детей и молодежь.

В атеистической работе мы исходили из принципа: антирелигиозную мораль надо воспитывать не отдельными разрозненными мероприятиями, а всем ходом учебно-воспитательного процесса. Причем эта работа должна носить не оборонительный, а наступательный характер.

Годы упорного труда в этом направлении дали свои результаты: каждый наш ученик средних и старших классов, а также окончившие школу являются активными борцами за утверждение научно-материалистического мировоззрения и коммунистической морали. Сейчас посетителями церкви являются только престарелые; секта, считавшаяся раньше одним из самых сильных очагов евангелизма, за последние 8 лет не вовлекла в свою среду ни одного нового «брата», в то время как из ее состава многие ушли, порвав религиозные путы.

Дальновидные церковники теперь не только не проповедуют, а, наоборот, хотят утратить от верующих явно бессмысленные сказки о происхождении мира и жизни на Земле, о непорочном зачатии Иисуса Христа, о первородном грехе и т. п. Отстаивать эти нелепые выдумки, выдвигать их на первое место значило бы выставять

религию в невыгодном свете. В своих проповедях и беседах с верующими отдельные священники прямо осуждают суеверие и мракобесие, благословляют использование науки и культуры, не удерживают верующих от участия в определенных формах общественной жизни и т. п. Словом, они стараются приспособиться к новым условиям, маскируются, и более того — пытаются даже убедить, что якобы мораль религиозная несколько в принципе не расходится с моралью коммунистической. Этой опасной приманкой они пользуются прежде всего для воздействия на сознание учащейся молодежи. В лицемерных, лживых утверждениях об отсутствии противоречий между религиозной и коммунистической нравственностью кроется далеко идущая цель: постепенно вытравить из сознания детей и юношей коммунистические убеждения и утвердить «божественный идеал». Все это безусловно требует от нас очень большой вдумчивости и предусмотрительности в работе с учащимися и взрослым населением. Известно, что там, где нет активного и продуманного воздействия на учащихся в духе коммунизма, там всегда открываются лазейки для враждебной нам идеологии.

Мы не ждали, когда религиозная пропаганда пустит ростки в среде учащихся, а принимали все меры, чтобы предупредить ее появление. В этих целях вели соответствующую культурно-просветительную работу и с родителями школьников.

Чтобы лучше знать, откуда и как проникает опасность, мы изучили методы религиозных проповедников и все те каналы, по которым шло их влияние. Церковники разных мастей ищут и «обрабатывают» прежде всего людей, имеющих какую-либо слабость во взглядах на жизнь, в настроении, людей, переживающих несчастье или отколовшихся почему-либо от коллектива.

Если у человека коммунистический идеал не определяет смысла его жизни, если этот человек неясно представляет себе пути борьбы за будущее, — церковники берут его на «примету» и применяют к нему средства «индивидуального подхода». Если воля человека пассивна, а окружающий коллектив не проявляет особого желания поддержать его, — человек попадает в число тех, кого религиозные агитаторы всячески стараются перетянуть к себе.

Удобными для вербовки в число верующих являются люди, совершившие антиобщественные поступки и ожидающие наказания за них. Им церковь сулит духовное отпущение грехов с помощью веры.

В религиозной пропаганде используются такие пережитки прошлого, как остатки некоторого неравенства мужчины и женщины в быту, а также факты тяжелых условий труда, несправедливого отношения к людям — все ошибки и недостатки нашей семейной и общественной жизни.

Все это мы учитывали и хорошо представляли себе сложность и трудность атеистической работы. Что надо было противопоставить религиозному влиянию? Основой атеизма является полноценное воспитание в коммунистическом духе. Здесь нельзя забывать ни одной стороны жизни. Определяя курс атеистической работы, мы исходили из того, что нам нужно воспитывать не просто человека, свободного от пережитков прошлого, а борца с этими пережитками, не созерцателя коммунистического строительства, а строителя коммунизма. Мы рассматриваем атеистические убеждения не только как важную мировоззренческую сторону облика воспитанника, но прежде всего как активную духовную силу, благодаря которой он может воздействовать на других.

В этом одного знания закономерностей природы и общества, единства материального и духовного, объективности окружающей действительности далеко еще недостаточно; необходима также и целеустремленная деятельность против религии. Соприкасаясь с чуждыми идейными влияниями, ученик должен убеждаться в победе наших сил, одухотворенных высокой целью, понимать, что эта победа зиждется на истине, на превосходстве коммунистических взглядов и чувств. Мы стремимся к тому, чтобы вся атмосфера школьной жизни воспитывала убежденного оптимиста, патриота Родины.

Одних бесед для этого мало. Нужно дело. Дети нашей школы, только лишь переступившие ее порог, сразу же объединяются деятельностью, которая захватывает их, вселяет глубокую веру в творчество человеческих рук и мысли, в благородство смысла жизни советских людей. Чем глубже эта вера, тем крепче невосприимчивость к воздействиям религиозных убеждений, обрядов, мо-
рали.

Особенно важно, чтобы по своему характеру эта деятельность соответствовала возрасту детей. Тогда она будет их удовлетворять. По мере роста физических и духовных сил перед воспитанником нужно открывать все новые и новые цели, все больше усиливать в делах общественный элемент.

Детей, воспитываемых дома «в страхе божьем», мы вовлекали в такую активную работу, которая приносила им радостные, светлые победы и в то же время требовала известного напряжения сил, была связана с определенными трудностями, способствовала активному духовному общению с товарищами. Постепенно такие учащиеся преобразажались: обретали веру в свои силы, становились смелыми не только в действиях, но и в суждениях. Они не только критически относились к религиозным нравоучениям, которые слышали иногда от родителей, но уже и протестовали, не позволяли насиловать свою мысль. Нередко взрослые считают такое сопротивление строптивостью и непослушанием. На самом же деле, это — благородное стремление быть духовно независимым, постоять за себя, иметь свое мнение.

Весьма характерно, что в жизни каждого из тех воспитанников, которые постепенно освобождались от «страха божьего», был какой-нибудь решительный шаг, мужественный поступок, сыгравший большую роль в духовном развитии. Этим поступком воспитанник обычно утверждал свое право действовать согласно убеждениям. Нередко это был протест против косности, отсталости, духовного неравенства личности в семье.

Приведем пример. Ученик Сергей П. по настоянию набожных родителей должен был накануне религиозных праздников посещать родственников и поздравлять их. В первые годы обучения в школе это даже приносило ему какое-то удовлетворение. Но по мере того, как Сергей вместе с товарищами включался в общественно полезную деятельность, и в силу того, что у него все больше формировались личные убеждения, эта обязанность стала тяготить его. На третьем году обучения он решительно отказался поздравлять родственников с «христовым праздником», заявив, что бога нет, а он, Сергей, не хочет быть обманщиком. Никакие усилия родителей не могли поколебать решение мальчика. Это событие оставило отпечаток в его духовном мире на всю жизнь. Через 15 лет,

будучи уже взрослым человеком и отцом двух детей, паш бывший воспитанник сказал, что отказ от упизительной обязанности «как бы разорвал гнусную паутину», связывавшую его до тех пор.

Жизнь убеждает, что личная практика работы, пронизанной коммунистической целью, изменяет направленность сознания и даже характер мышления. Воспитанник, принимающий активное участие в преобразовании мира, по-иному видит действительность и мыслит о ней. Он проникается в личной жизни пониманием того, что единственным творцом «чудес» на земле, созидателем ценностей является человек.

Остановлюсь еще на таком факте. В течение 6 лет мы вели кропотливую работу по перевоспитанию Марии Б., находившейся под сильным влиянием религиозных убеждений. В семье ей внушали покорность, пассивность, христианское терпение. Нам стоило большого труда добиться, чтобы в общественной работе коллектива она выполняла то, что можно сделать лишь при значительном напряжении волевых усилий. Девочку удалось заинтересовать следующей задачей: на неплодородной почве надо было вырастить плодвое дерево. Маруся начала бороться за достижение этой цели. Затем стала выдвигать перед собой новые задачи. В дальнейшем она не раз выделялась в труде своей инициативой. Например, коллектив семиклассников сажил полезащитную лесополосу вдоль оврага. Но дождевые воды размывали почву на месте посадки и оголяли корни. Тогда Мария посоветовала посеять вдоль полосы травы с спльной корневой системой, которые бы удерживали почву. Совет был правильный. Почву укрепилл, ни один саженец не пропал. Девочка глубоко переживала чувство гордости от сознания, что сделала большое дело. В скором времени она уже не только отказывалась выполнять религиозные обряды, но и начала сама убеждать своих родителей в том, что религия — обман, унижающий человеческое достоинство. Нам было радостно видеть, что и родители Маруси тоже стали больше жить интересами общества. Это способствовало в дальнейшем их отходу от церкви.

В атеистическом и вообще правственном воспитании важно, чтобы учащийся как можно раньше наметил себе какую-нибудь значительную цель, связанную с его будущим. Дело педагогов поощрять его в этом и направлять

так, чтобы ученик боролся за достижение цели и видел на опыте реальность своего идеала.

На первых порах мы помогаем нашим питомцам поставить перед собой близкую и не очень трудную задачу. Но все же задача должна быть такой, чтобы требовала напряжения усилий, преодоления препятствий, как внешних, так и внутренних. Чаще всего она связывается с овладением тем или иным умением, необходимым для более активного участия в жизни коллектива, с углублением знаний по учебным предметам.

Особенно важно поставить цель перед воспитанниками, которые чувствуют себя в коллективе отстающими. На этих юношей и девушек церковники всегда возлагают большие надежды. Мы располагаем данными, свидетельствующими о том, что иногда к таким учащимся по секрету прикрепляются наиболее «сильные в вере» сектанты, чтобы внушить им мысль, что только вера в бога может пробудить их ум, вселить в душу силу.

В работе с учащимися мы добиваемся, чтобы у каждого отстающего воспитанника раскрылась какая-то сильная его сторона. Практика убедила: благодаря этому, при условии богатой идейной жизни коллектива воспитанник становится невосприимчивым к любым попыткам внушить ему, что для достижения успеха надо возлагать надежду не на собственные силы и помощь товарищей, а «на волю божью».

Одним из важнейших источников активного атеизма является глубокая убежденность в правильности диалектико-материалистического истолкования природы, общества и самого человека. Речь идет не только о правильном истолковании явлений природы и общества, но и о нравственной оценке этого объяснения. При этом решающее значение имеет глубокое освещение материальной основы всех сложных духовных процессов, совершающихся в самом человеке.

Жизнерадостное, оптимистическое мировосприятие особенно зависит от того, какими чувствами сопровождается осмысливание знаний о Вселенной, о жизни и смерти, о вечности материи и бесконечности пространства и времени. Эти вопросы всегда интересуют и волнуют учеников. Очень важно, чтобы природные закономерности не преподносились детям как роковая неотвратимость, не наводили на мысль о бренности и мизерности

человека, а, наоборот, раскрывали бы величие его пытливого ума, силу материалистического анализа.

Активными борцами против религиозного дурмана являются те воспитанники, которые осознают труд не только как долг, но и как творчество, получают в труде радость. Если в духовной жизни труд играет роль стимула, побуждающего к преодолению препятствий, если он доставляет радость бытия, то человек видит на своем личном опыте единство реального и идеального. И наоборот: наиболее восприимчивы к басням о потустороннем мире люди, для которых труд по той или иной причине — лишь однообразное и оупляющее приложение физических усилий. Такая трудовая деятельность вредна как самому верующему, так и окружающим. Идейная целенаправленность трудового воспитания не ограничивается формированием преданности гражданскому долгу. Задача заключается еще и в том, чтобы в душе человека во все годы формирования его морального облика созревала и крепла подлинная любовь к труду, развивалось умение работать творчески.

Мы стремимся, чтобы в трудовой деятельности учащихся как можно больше сочеталась ее возвышенная общественная цель и творчество ума. Труд должен объединять воспитанников не только организационно, а и духовно, цементировать коллектив на общих эмоциональных переживаниях.

Понимание закономерностей природы и общества убеждает школьников в том, что религиозная идеология основана на бессилии людей в борьбе с природой и классовым угнетением. Однако для воспитания активного атеизма только лишь этого убеждения недостаточно. Важно также разоблачить вымысел о божественном происхождении нравственного идеала, проповедуемого религией, убедить, что этот идеал прикрывает сугубо земные интересы эксплуататоров, что религиозная мораль — мораль рабства и эксплуатации.

С этой целью мы проводим цикл воспитательных бесед, постепенно разоблачая классовую сущность религиозной морали. Перед взором учеников раскрывается яркая картина угнетения и преступлений, совершенных по благословению церкви, религии. Особенно сильное воздействие на сознание и чувства учащихся производят факты, показывающие, что религия подавляла малейшую

попытку правильно объяснить закономерности природы и общества. От имени бога, во имя «божественной истины» церковная инквизиция заживо сожгла на костре великого ученого Джордано Бруно, до последних дней жизни преследовала Галилео Галилея, вырвала язык у ученого-материалиста Толезио, казнила Томаса Мора. Именем бога колонизаторы прикрывают порабощение народов, разрушение городов и сел, величайших культурных ценностей. С именем бога на устах поджигатели войны провозглашают бредовые планы уничтожения всего живого на целых материках.

Чем глубже раскрывается сущность этих фактов, тем больше учащиеся убеждаются в том, что религиозная мораль не только безнравственна, но и преступна, что следовать ее пормам и канонам — значит приобщаться к античеловечной, зловещей идеологии рабства, насилия, убийств, преступлений.

Разоблачение безнравственности религиозной морали тесно связано с раскрытием благородства идеала морали коммунистической. Учащиеся убеждаются, что самой сильной, самой возвышенной идеей, во имя которой совершаются подлинно нравственные поступки, является идея верности трудовому народу, его жизненным, земным интересам, его заветной цели — построению коммунизма.

Народное образование, 1959, № 5.

УМСТВЕННЫЙ ТРУД И СВЯЗЬ ШКОЛЫ С ЖИЗНЬЮ

ЗНАЧЕНИЕ УМСТВЕННОГО ТРУДА В РЕШЕНИИ ВАЖНЕЙШИХ ЗАДАЧ ШКОЛЫ

В период развернутого строительства коммунизма перед школой встает задача воспитывать всесторонне развитых людей, готовых к труду, к созданию и укреплению материально-технической базы коммунизма, к богатой, полноценной духовной жизни. Труд становится ныне важнейшей категорией воспитания и вместе с тем сферой, в которой формируются нравственные черты нового человека. Активный труд на благо общества определяет весь моральный облик личности.

Чтобы воспитать у человека органическую потребность в труде и нетерпимость к безделью и праздности, надо всему процессу учения в годы отрочества и юности придать характер интересного, содержательного творческого труда. Программа формирования морального облика нового человека, ярко начертанная в материалах исторического XXI съезда КПСС, по-новому освещает процесс обучения и воспитания в школе, особенно методы обучения. В тех величественных преобразованиях, которые совершаются ныне как в технико-экономической базе общества, так и в духовной жизни людей, содержится ответ на самые животрепещущие вопросы теории и практики нашего воспитания. Механизация и автоматизация производства является новым шагом в стирании существенных различий между физическим и умственным трудом. Производительный труд, создающий материальные ценности, все больше включает в себя работу мысли, интеллектуальное творчество, изобретательность. В труде новаторов производства умственные усилия играют все большую роль.

В соединении умственных и физических усилий кроется притягательная сила труда. Это подтверждается многими фактами, в частности тем, что юноши и девушки, оканчивающие среднюю школу, наиболее охотно идут работать туда, где есть возможность в будничных трудовых процессах проявить разум, творческий подход к делу, сообразительность.

В жизни передовых рабочих и колхозников все большее место занимает также интеллектуальная деятельность, направленная на удовлетворение умственных и эстетических интересов, определяющая полноту духовной жизни.

Все это свидетельствует о том, что подготовить молодое поколение к труду — значит не только дать ему соответствующие практические умения и навыки, но и обеспечить профессиональную подготовку. Готовность к производительному труду включает в себя умение трудиться умственно, способность постоянно развивать свой разум, применять его к творческому решению трудовых задач. Психологическая готовность к труду, о которой в последнее время так много говорится, как раз и является убеждением человека в том, что в будущей трудовой жизни усилия его рук будут подчинены разуму, творческому замыслу.

Отрыв обучения от жизни нельзя рассматривать как какое-то нарушение пропорции между умственным, интеллектуальным трудом и трудом физическим: интеллектуальных усилий много, а физических мало. Именно такое примитивное понимание недостатков в работе школы ведет некоторых практических работников к новым ошибкам и даже извращениям: они увеличивают долю физического труда, что нередко ведет к перегрузке учащихся, а на труд умственный никакого внимания не обращают, не задумываются над тем, как он связан с физическим трудом. Вот в этом и заключается отрыв обучения от жизни: умственный труд школьников по своему характеру, направленности, содержанию оторван от труда физического, в результате чего работа рук не обогащает, не развивает разум, а разум, в свою очередь, не влияет на созидательные трудовые процессы. Нарушается единство духовной жизни: ребенок с малых лет привыкает смотреть на физический труд как на неприятную, но необходимую обязанность. Вместо потребности труд становится неизбежностью. Вместо психологической готовности к интересному творческому труду у школьников появляется стремление избрать деятельность, в которой физические усилия занимали бы как можно меньше места.

Многие учителя видят главную цель обучения в том, чтобы вложить в головы учащихся побольше фактических знаний, которые постоянно хранились бы в их памяти. Можно встретить хороших, добросовестных педагогов, которые сокрушаются по поводу того, что тот или иной раздел программы забыт, причем их совершенно не интересует, для чего ученик должен хранить в памяти данное конкретное явление, событие, закономерность, обобщение; какую роль эти знания играют в его умственном труде? Такое обучение превращается в самоцель. В нем может и не быть зубрежки, но оно не развивает силы разума, не прививает учащимся умения использовать полученные знания как в трудовой деятельности, так и для приобретения новых знаний. При таком усвоении знаний есть учение, но нет умственного воспитания как подготовки разума к самостоятельному труду.

Между тем круг знаний приобретает роль фактора, определяющего готовность человека к жизни только при том условии, что эти знания добыты активными умственными усилиями, сочетанием работы рук и творчества

мысли. По своему характеру умственный труд в годы формирования морального облика должен быть таким, чтобы умственные усилия школьника направлялись прежде всего на решение вопросов, связанных с жизнью.

Связь умственного труда с жизнью, его творческий характер, развитие сил разума — эти вопросы учебно-воспитательного процесса занимают важное место в осуществлении связи школы с жизнью.

Как же решать эти вопросы в школьной практике, какое место должен занимать умственный труд в подготовке молодого поколения к жизни? Попытаемся проанализировать в этом направлении опыт воспитательной работы, накопленный лучшими учителями школ Кировоградской области.

УМСТВЕННЫЙ ТРУД В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Кому не приходилось наблюдать картину, типичную для школ, где вопросам умственного воспитания не уделяется должного внимания. Учитель объясняет новый материал, например понятие о тригонометрических функциях, ученики внимательно слушают содержательное объяснение. Изложение нового материала окончено, учитель спрашивает учеников:

— Какие есть вопросы?

В классе — молчание, вопросов нет, и учитель делает вывод, что материал, по-видимому, понят. Но когда к доске один за другим выходят ученики, чтобы повторить то, что объяснял учитель, оказывается, что отвечают они сбивчиво, ясного понимания материала не обнаруживают. Перед тем как начать повторное объяснение, учитель с возмущением говорит ученикам:

— Почему же вы не спрашиваете, ведь вы ничего не поняли!

Молчание учащихся в таких случаях удивляет педагогически опытного учителя, но удивительного здесь ничего нет. Ученики не могут дать себе отчет в том, понятен или непонятен им материал, потому что в начале объяснения учитель не сумел добиться, чтобы они ясно представляли, что именно надо понять, какой цели достичь в процессе мышления при изучении данного материала. Мышление, думание становится умственным трудом лишь при том условии, что оно целенаправленно, то есть

представляет собой решение задачи. Чем больше сумел учитель придать мыслительной деятельности учащихся характер решения задачи, тем активнее вступают в эту деятельность силы их разума, тем яснее препятствия и трудности и, следовательно, умственный труд представляет собой как бы преодоление трудностей. Глубоко ошибаются учителя, считающие, что чем понятнее, доходчивее изложат они материал, чем меньше вопросов у детей, тем глубже будут знания учащихся. Одна учительница начальных классов считалась мастером объяснения содержания арифметических задач. Чтобы условие задачи «дошло» до учащихся, она заранее готовила рисунки, графики, иногда даже приносила на уроки вещи, о которых шла речь в задачах. Ее ученики как будто бы прекрасно решали задачи. Но когда они перешли в пятый класс, педагогический коллектив был поражен: воспитанники этой учительницы совершенно не умели решать арифметических задач. Это было действительно так, потому что на протяжении четырех лет учительница заботливо оберегала детей от трудностей, и они, по существу, не научились активно думать.

У лучших учителей совершенно другой подход к делу, их забота об учениках выражается прежде всего в том, чтобы сделать для них понятной трудность, которую им следует преодолеть, чтобы сосредоточить на ней не только внимание, но и силу воли ребенка. Опытные учителя отдают себе отчет в том, что детальное объяснение того или иного явления, события, закономерности должно не только раскрывать перед учеником сущность материала, но и учить его мыслить, самостоятельно приходить своими силами к такому же детальному объяснению. Учительница I—IV классов Павлышской средней школы М. Верховинина на уроках арифметики объясняет условия задач только нового типа. Но и в этих объяснениях она опирается на самостоятельный умственный труд учащихся, ставя своей целью показать детям непонятное. И чем полнее учительница достигает этой цели, тем понятнее становится ученикам конечная цель их умственного труда. Учительница Верховинина особенно большое внимание уделяет составлению новых арифметических задач самими учащимися. Она указывает воспитанникам на очевидные для них зависимости между величинами и предлагает составить задачу. Эта работа становится интерес-

ной, желанной для учеников, она усиливает их интерес к явлениям окружающей действительности, развивает способность видеть взаимосвязь между предметами и явлениями. Чем больше задач дети самостоятельно составляют и решают, тем глубже утверждается у них убеждение в том, что абстрактные понятия имеют своим источником конкретные предметы, реально существующие связи и зависимости между ними.

Вообще переход от конкретного чувственного представления к абстракции — понятиям, суждениям, умозаключениям — очень важный момент активизации умственного труда, особенно в начальных классах — в возрасте, когда происходит интенсивный переход от мышления образного к мышлению абстрактному, логическому. В этом отношении математика, особенно арифметика в начальных классах, имеет исключительно важное значение в умственном воспитании.

Лучшие преподаватели математики добиваются того, чтобы ученики видели связи между абстракциями и конкретными предметами, явлениями действительности. Так, при изучении тригонометрических функций они наглядно показывают, что синус, косинус, тангенс и котангенс являются величинами, обобщающими реально существующие отношения между элементами треугольников. При таком преподавании ученики находят задачи в самой действительности.

Характерной особенностью работы учащихся у лучших педагогов является исследовательский подход к предмету изучения. Ученику не даются готовые выводы, доказательства правильности той или иной истины. Учитель предоставляет ему возможность выдвинуть несколько объяснений, в самой действительности искать подтверждение и опровержение каждой из выдвинутых гипотез. Ученики доказывают одно и опровергают другое — как практикой в узком смысле этого слова, т. е. непосредственными наблюдениями над фактами и явлениями, так и опосредствованным мышлением. Знания при этом не пассивно *усваиваются*, как привыкли говорить учителя, а *добываются*, приобретаются активными усилиями. Поэтому такие знания становятся убеждениями, и ученики дорожат ими.

Исследовательский подход имеет место при изучении и гуманитарных, и естественных предметов. От того,

насколько активно проявляются умственные усилия ребенка при анализе того или иного явления, зависит не только глубина знаний, но и умение пользоваться ими в практике.

Лучшие преподаватели и гуманитарных, и естественных предметов в самом материале, который надо изучить, находят возможности для осуществления исследовательского подхода. Например, изучается правописание приставок *раз-* (*рас-*) и *роз-* (*рос-*). Учитель раздает ученикам карточки, на которых напечатан ряд слов с изучаемыми приставками. Детям предлагается внимательно прочесть слова, подумать над их составом, подчеркнуть приставки, выписать в один столбик слова с буквой *а* в середине приставки, в другой — с буквой *о*.

— Подумайте, почему в одних словах пишется *а*, в других — *о*, — говорит учитель. — Может быть, это зависит от содержания слов, а может — от каких-то других признаков.

С этого начинается изучение правила. Ученики исследуют текст, выдвигают одну за другой несколько гипотез, проверяют их. Предположение о том, что правописание приставки зависит от содержания слова, отбрасывается после вдумчивого сопоставления слов: ученики убеждаются, что этой зависимости нет. Один за другим дети подмечают закономерность: под ударением пишется *о*, без ударения — *а*. Сформулированное правило о правописании приставок осознается детьми как их собственное открытие, и это доставляет им большую радость. С интересом они переходят к следующему этапу работы — записывают новые, свои примеры, подтверждающие правило. Оказывается, что слов с приставкой *роз-* (*рос-*) сравнительно мало, их можно запомнить почти все до одного — это обстоятельство делает правило не только понятным, но и легким в смысле его практического применения.

На таких уроках мы видим настоящий умственный труд — вдумчивый анализ фактов живой речи, сравнение и сопоставление, сознательное стремление преодолеть трудность, которая представляется в виде ясного, понятного вопроса. Знания, приобретенные в процессе такого труда, сохраняются в памяти значительно прочнее, глубже, и, что особенно важно, ученики стремятся как можно полнее использовать их в своей дальнейшей практике.

Не всегда, конечно, при анализе фактов живой речи учащиеся приходят к окончательному ответу на поставленный вопрос — не всегда их умственный труд завершается открытием истины. Но не это является целью. Задача учителя заключается в том, чтобы ученикам стала предельно ясной сущность понятного и непонятного, чтобы сам вопрос не давал покоя, а возможность ответить на него представлялась как возможность увлекательного, интересного труда. Часто бывает так, что ни одна из выдвинутых гипотез не находит доказательств, интерес к изучаемому материалу в таких случаях все больше возрастает, и когда учитель помогает ученикам выдвинуть еще одну, наиболее достоверную гипотезу, они изумляются: как мы сами не могли додуматься, ведь это же так ясно! В свете этой мысли очевидность, ясность фактов неизмеримо возрастает, и они запоминаются навсегда; запоминаются даже обстоятельства, при которых происходит их изучение.

Опытные учителя умело используют исследовательский подход при изучении основ наук об обществе, особенно литературы и истории. Здесь для самостоятельной работы учащихся — безграничные возможности, надо только их правильно использовать. Чтение учебника или первоисточников (художественных произведений при изучении литературы; хрестоматии или исторических документов при изучении истории) является только формой умственного труда, способом достижения цели, сама же цель заключается в исследовании, в анализе тех причинно-следственных связей и закономерностей, которые как бы скрыты, не освещаются прямо. Например, после изучения ряда разделов по древней истории ученикам VI класса дается задание подумать над вопросами: что общего между восстаниями рабов против рабовладельцев в разных государствах и в разные эпохи? Почему ни одно восстание не привело к установлению справедливого социального строя? Могло ли вообще в условиях рабовладельческого строя существовать общество без угнетателей и угнетенных?

Прямого ответа на эти вопросы ученики в книге не найдут; чтобы ответить, надо вдумчиво проанализировать факты, сравнить, сопоставить многие события, задуматься над исторической судьбой ряда народных движений. Чтобы понять причинно-следственные связи между явлениями

ми, надо вдуматься в сущность каждого явления. Ученики читают соответствующие разделы, но это чтение отличается от первичного изучения; ученик здесь как бы отвлекается от конкретного материала. Ему важно не запомнить детали, например, восстания рабов под руководством Спартака, а найти общие закономерности восстаний, но для этого, конечно, надо глубоко знать детали. Умственный труд учащихся на таких уроках характерен как раз этим переходом мысли от конкретного к общему.

В старших классах предметом самостоятельного умственного труда учащихся на уроках истории и литературы является переход от конкретного материала к главным, ведущим идеям предмета. При этом анализируются не только события и явления исторического прошлого, не только образы художественных произведений, но и окружающая действительность, практика коммунистического строительства. Так, уже в IX классе опытные преподаватели истории дают учащимся задания проанализировать ряд разделов изученного курса с целью исследования следующих вопросов: зависимость общественного строя от способа производства и распределения материальных благ в разные исторические периоды; источники формирования передовых, прогрессивных идей и роль этих идей в общественном развитии; роль народа в защите родины от иноземных поработителей и др.

Трудно переоценить роль знаний, обобщающих многочисленные факты, явления, события, если они добыты самостоятельными умственными усилиями учащихся в процессе анализа. Но особенно большую роль в духовном развитии играют знания, непосредственно связанные с практикой,— трудом, активным подчинением сил природы человеку, взаимоотношениями в коллективе. От того, каким путем приобретаются, например, знания о жизни почвы и развитии сельскохозяйственных растений, от активных усилий человека в приобретении этих знаний зависит его отношение к труду, связанному с выращиванием зерновых и технических культур, с повышением плодородия почвы. Умелый исследовательский подход к явлениям природы, производству, человеческой практике вообще способствует тому, что в процессе мышления ученик стремится как можно больше черпать фактов, сведений из практики; знания становятся для него не только истиной, правильно отражающей закономерности дейст-

вительности, но и средством активного вмешательства в жизнь, воздействия на ход явлений.

Наблюдения за мыслительной деятельностью учащихся показывают, что если абстрактные понятия, выводы, умозаключения сформировались в их сознании в процессе исследования, анализа окружающей действительности, то у них вырабатывается очень ценное качество умственного труда — способность исследовать, познавать, изучать факты и явления не только путем непосредственного наблюдения, но и опосредствованно. Так, ученики, которые в течение нескольких лет выполняли в кружках юных техников трудовые задания по конструированию и моделированию, содержащие в себе исследовательский, опытнический элемент, к моменту обучения в старших классах приобретали умение определить ту или иную поломку или неисправность в машине (например, в двигателе внутреннего сгорания) не путем разборки или осмотра соответствующих деталей или узлов, а по косвенным признакам.

Важность этого умения в жизненной практике трудно переоценить. Большое значение имеет оно и в умственном развитии воспитанника в школьные годы. Из практики воспитательной работы многим учителям хорошо известно такое непонятное на первый взгляд, явление: чем старше становится ученик, тем труднее ему учиться; успеваемость отдельных учеников по мере перехода из класса в класс снижается (есть дети, которые в младших классах были отличниками, а в средних становятся слабоуспевающими). Наши наблюдения свидетельствуют о том, что причина этого явления в подавляющем большинстве случаев — неумение пользоваться обобщающими понятиями в целях познания окружающей действительности, а неумение это рождается потому, что обобщающие понятия, выводы, умозаключения не формируются путем исследования явлений и фактов, а заучиваются. Запоминание, заучивание обобщений, не выведенных из жизненной практики, не основанных на анализе фактов, приводит к тому, что ученик не может пользоваться приобретенными с таким трудом знаниями. А обобщения, которыми не пользуются, становятся мертвым грузом, затрудняют дальнейшее приобретение знаний. Вот и получается парадоксальное явление: чем больший у ученика запас знаний, тем труднее ему учиться дальше.

Почему виноградные лозы, которые почти полностью срезают осенью, весной опять отрастают? Почему с наступлением мороза вода превращается в твердое вещество и при этом расширяется? Почему в весенние заморозки в цветущем саду зажигают кучи соломы и навоза? Почему в летнюю жаркую пору растение надо поливать не днем, а вечером? Почему семена культурного сорта яблонь и груш не годятся для выращивания саженцев? Почему, прежде чем посадить желуди, нужно несколько месяцев выдержать их прикопанными в земле? Эти вопросы, казалось бы, не могут возникнуть у детей, потому что все перечисленные явления они наблюдают с первых шагов своей сознательной жизни. Но стимулом развития разума как раз и является возникновение этих простых вопросов. Искусство умственного воспитания и состоит в том, чтобы заставить ребенка задуматься над тем, что, на первый взгляд, кажется понятным и не требует объяснения, изучения.

Опыт показывает: такие вопросы возникают при условии, что учитель постоянно обращает внимание детей на причинно-следственные связи между обычными, ничем не примечательными явлениями. Когда ребенок на собственном опыте убедится, что каждое явление имеет свою причину, что понимание причины и закономерного следствия помогает человеку покорять силы природы, он начинает пристально присматриваться к окружающему миру и замечает то, что не замечал раньше. Его мышление приобретает очень ценную черту: он стремится найти, объяснить естественную причину каждого явления — как из области природы, так и из общественной жизни. Любой труд для него становится не просто выполнением определенного задания, а поиском истины, в труде он стремится что-то доказать, что-то утвердить, что-то опровергнуть.

В своей системе трудового воспитания мы придаем величайшее значение тому, чтобы с первых лет школьной жизни трудовая деятельность ребенка была основана на интеллектуальном замысле, представляла собой решение умственной задачи, выливалась в доказательство важной мировоззренческой истины. Опыт убеждает, что такой подход к труду играет очень важную роль в формировании идейных убеждений, умственное воспитание здесь тесно сочетается с воспитанием нравственным. При таком труде ученик активно вмешивается в ход явления. В этом

и заключается воспитание творческого отношения к труду.

Другими словами, трудовой деятельности учащегося мы стремимся придать характер эксперимента, опыта, построенного на замысле, содержащем в себе значительную долю мировоззренческих убеждений. Важнейшая мировоззренческая истина, которая при этом выдвигается на первое место, заключается в следующем: разум и воля человека непреодолимы; благодаря своему труду человек может покорять силы природы, ставить их себе на службу. Эту истину мы стремимся внести уже в первый труд, выполняемый маленькими детьми, только что переступившими порог школы. Учительница, отрезая от комнатного цветка листочек, говорит детям: «Вот этот листочек будет расти, из него вырастет такое же большое растение, как и то, от которого мы его отрезали». Дети изумлены — в повседневной практике они такого не видели. Это усиливает их интерес к эксперименту. Учительница набирает в цветочный горшочек земли, поливает ее теплой водой, сажает в землю листок, ставит горшок в тень, прикрывает стеклянным колпачком и объясняет, для чего все это надо сделать. Уход за растением становится предметом постоянной заботы детей. Когда листок приживается и дает первый побег, они торжествуют. Каждому теперь хочется самостоятельно добиться такого же результата. Дома и в школе (в кабинете живой природы, в классе) дети выращивают цветки из черенков и листов самых разнообразных растений.

Мы стремимся к тому, чтобы предметом экспериментирования стал обычный сельскохозяйственный труд — выращивание зерновых и технических культур, уход за животными, чтобы целью эксперимента было прежде всего повышение производительности труда. Благодаря этому усилия разума направляются на решение важных народнохозяйственных задач. Обязательной чертой каждого эксперимента является испытание, проверка такого приема ухода за растениями или животными, в котором ярко выражено стремление человека подчинить себе силы природы, активно вмешаться в ход явления. Урожай овощей можно получить только летом, но в кабинете живой природы и в теплице дети получают плоды помидоров и огурцов в зимние дни — уже благодаря этому обстоятельству труд наполняется глубоким смыслом. Виноград выращи-

вается обычно из черенков, но учитель внушает детям мысль о возможности вырастить лозу из семян, и эта мысль воодушевляет ребят, становится заманчивой целью, вовлекает в активный труд весь коллектив. Уже на втором или третьем году обучения дети ставят такой сложный по сравнению с их силами и возможностями эксперимент, как выращивание капусты и помидоров безрассадным способом: семена высеваются не в парник или теплицу, а прямо в открытую почву. Интерес детей к этой работе вызывается ее необычностью, ярким, очевидным, прямым вызовом стихийным силам природы. Результатом этой интеллектуальной активности является творчество, изобретательность, кропотливое заботливое отношение к будничным трудовым операциям. Так, задолго до начала этой работы дети думают над тем, как можно ускорить развитие растений. Поскольку решающим условием роста является тепло, дети прибегают к самым разнообразным средствам обогрева растений. Они роют канавки, наполняют их навозом, прикрывают сверху землей, в которую высаживают семена. Получается как бы маленький парник, но в открытой почве. Под влиянием тепла от перегорающего навоза растения быстро развиваются, что помогает им устоять против ночных похолоданий. До тех пор, пока есть угроза заморозков, капуста и помидоры окружаются земляным валом с северной стороны.

Растения, выращенные в открытой почве, дают урожай в два-три раза выше, чем пересаженные из теплицы или парника. Это наглядно убеждает учащихся в том, какие замечательные результаты приносит труд, озаренный смелой мыслью, противопоставляющий стихии волю человека.

Каким бы простым, будничным ни был сельскохозяйственный труд, его всегда можно превратить в глубоко интеллектуальную деятельность. Мы добиваемся того, чтобы целые периоды жизни школьника были насыщены трудом, требующим продолжительного напряжения умственных сил. Умственный труд должен пронизывать прежде всего те виды трудовой деятельности, которые по традиции уже не требуют вмешательства рук человека. Так, когда растение созрело и начинает плодоносить, человеку, казалось бы, надо только пользоваться богатыми дарами природы и результатами приложенных ранее усилий. Но мы не допускаем, чтобы воспитанник смотрел на урожай

как на дар природы. Как раз в тот период, когда работа завершается, во многих случаях есть возможность проявить силу разума для повышения производительности труда. Наши учащиеся проводят работу по продлению периода плодоношения помидоров, огурцов и других овощей. Как только овощи начинают созревать, юные натуралисты вносят удобрения, благодаря которым период плодоношения увеличивается в два и даже в три раза. Завершение работы сопровождается интересным творчеством: дети внимательно осматривают каждый куст, подсчитывают, сколько еще надо внести под него удобрений, производят омоложение отдельных кустов.

Большое значение в умственном воспитании имеет выведение высокоурожайных сортов зерновых и технических культур путем естественного отбора. Этот труд требует больших умственных усилий, связанных с анализом объективных явлений, не зависящих от воли человека. Эти явления надо глубоко изучать для того, чтобы в нужный момент, когда для этого будут созданы определенные условия, сознательно воздействовать на ход того или иного явления. Естественный отбор и закрепление лучших качеств требуют большой пыливости, любознательности, вдумчивости, умения правильно определять момент для изменения условий жизни растения. Наши воспитанники занимаются отбором семенников пшеницы, кукурузы, сахарной свеклы и других культур. Каждый ученик младших и средних классов выращивает, например, семена сахарной свеклы с целью отбора одностростковых растений. Эта работа очень увлекает детей, они с большим интересом отыскивают одностростковые семена, отбирают их, потом высеивают на отдельных грядках *. Естественно, что при этом ребята задумываются над тем, какие условия жизни растений способствуют образованию одностростковых семян, анализируют материалы своих наблюдений, ставят опыты, целью которых является изменение условий жизни растений.

С таким же интересом отбираются лучшие семена пшеницы и кукурузы. На участках, поврежденных морозами,

* Одностростковые семена сахарной свеклы очень нужны для производства. Если бы удалось обеспечить такими семенами колхозы и совхозы, это создало бы возможность полностью механизировать уход за посевами.

ученики находят уцелевшие, выстоявшие колосья, тщательно отбирают среди них лучшие зерна, высевают их в хорошо обработанную почву. Путем отбора семян в последние годы удавалось несколько раз получить очень высокий урожай пшеницы — свыше 90 центнеров в пересчете на гектар. Исследуя развитие кукурузы, пшеницы и других культур, наши юные натуралисты пришли к выводу, что отбор, хранение, подготовка семян к севу — наиболее интересная, интеллектуально насыщенная сторона труда в растениеводстве.

Исследовательский характер придается у нас и такой работе, как сохранение и накопление влаги в почве. Этой работой занимаются главным образом школьники среднего и старшего возраста. Из года в год в школе ведутся наблюдения, свидетельствующие о том, что если бы влага, попадающая в почву в виде атмосферных осадков, максимально сохранялась и не испарялась из-за плохой и несвоевременной обработки почвы, растениям не страшна была бы засуха, во всяком случае засуха никогда не приводила бы их к гибели. Как же сохранить в почве влагу? Труд, преследующий эту цель, приобретает глубоко интеллектуальный характер. Ученики изучают состояние поверхностного слоя почвы как сразу же после дождей, так и в продолжительные периоды отсутствия осадков, делают выводы о том, какой режим обработки необходим для данной почвы в зависимости от ее состава, а также в зависимости от того, какие культуры возделываются на ней.

Благодаря своевременной и правильной обработке они добиваются того, что в глубинных слоях почвы хранится достаточное количество влаги, обеспечивающее нормальные условия развития растения даже при продолжительном отсутствии осадков.

Благодаря исследовательскому, опытническому подходу к самым простым видам трудовой деятельности у учащихся уже в годы отрочества и юности формируется убеждение, что возможности для богатой духовной жизни зависят не от того, где будет жить человек — в городе или селе, а от самого труженика, от его подхода к делу. Это убеждение играет большую роль в становлении нравственного облика личности.

Всестороннее развитие включает в себя готовность не только к выполнению определенного круга трудовых обязанностей, но и к творческому преобразованию, к посто-

япному совершенствованию самого труда. Общественное производство нашей страны подходит к тому уровню развития, когда при жизни одного поколения машинная техника будет обновляться несколько раз, когда овладение все более сложными знаниями и умениями станет закономерным явлением в жизни каждого рабочего и колхозника. Молодое поколение мы должны готовить к этому уже сейчас. Важнейшим условием такой подготовки является интеллектуальная насыщенность производительного труда.

Труд, в основе которого лежит исследовательская, опытно-техническая цель, не только углубляет знания, но и формирует деятельный, творческий ум. Благодаря опыту такого труда, приобретенному в годы отрочества и юности, у человека вырабатывается ценнейшее качество — способность видеть в каждом деле его интеллектуальную сторону, умение находить все новые и новые возможности для сочетания усилий разума и рук.

Высокий интеллектуальный уровень труда в годы становления нравственного облика — одно из важнейших условий воспитания нового человека.

Народное образование, 1959, № 12.

РАЗУМ И РУКИ

При разработке системы трудового воспитания сейчас очень важно критически осмыслить и использовать прежний опыт советской школы. В 30-е годы в наших школах существовали учебные мастерские и проводились уроки труда. Главную слабость трудового воспитания многие видели тогда в том, что учащиеся приобретали только навыки и умения ручного труда и не получали представления о современной индустрии. Острая критика, которой подвергалась такая постановка трудового обучения, привела к тому, что школьные мастерские были закрыты, преподавание ручного труда отменено. Нам следует разобраться, насколько справедливой и обоснованной была критика. Это имеет принципиальное и практическое значение, так как из недостатков прошлого делаются иногда выводы, неправильно ориентирующие школу.

И сейчас нет сомнения, что серьезным недостатком трудового воспитания того периода была слабая связь

обучения с трудом. На том этапе перед школой еще не ставилась задача готовить подрастающее поколение к труду. Старшие классы тогда только создавались, и вопрос о преемственном развитии у старших школьников трудовых умений и навыков, приобретаемых на предыдущих ступенях обучения, не стоял ни в теоретическом, ни в практическом плане. Это затрудняло определение характера практических умений и навыков, которыми должны были овладевать ученики средних и тем более младших классов. Большим недостатком являлось и то, что умения и навыки, прививаемые на уроках ручного труда, не связывались с политехническим образованием.

Однако это не дает оснований отрицать значение ручного труда в школе. Между тем, ссылаясь на недостатки трудового обучения в прошлом, некоторые руководители школ, учителя, научные работники считают занятия школьников ручным трудом кустарщиной. Они утверждают, что школьные мастерские должны быть оснащены только новейшим оборудованием — станками, электрифицированными инструментами. «Зачем,— говорят они,— теперь нужен рубанок и шерхебель, если для передовой техники характерны строгальные и фуговальные станки?», «Зачем коловорот, если даже в мало-мальски оборудованной мастерской РТС никто не сверлит руками?» Но, поскольку обеспечение школьных мастерских новейшим оборудованием — дело дорогостоящее и пока неосуществимое, делается другой, столь же крайний вывод, что трудовое и производственное обучение надо полностью перенести в цехи промышленных предприятий, на поля совхозов и колхозов.

Эти ошибочные взгляды объясняются игнорированием простых педагогических истин. Прежде всего нельзя забывать, что труд и обучение труду — не одно и то же. Мы должны соединять обучение с производительным трудом, но нельзя представлять себе этот процесс так примитивно и прямолинейно, как это делают противники школьных мастерских и ручного труда. Чем сложнее техника и технология труда на производстве, тем больше отделяется обучение от производительного труда, тем оно более продолжительно и — что особенно важно — тем больше элементарных умений и навыков ручного труда предшествует овладению сложной техникой. Научиться копать лопатой можно сразу. Для работы на комбайне недостаточно

даже умения управлять им — для этого необходимо овладеть рядом менее сложных элементов труда. Промышленное и особенно сельскохозяйственное производство может стать базой трудового обучения, настоящую технику можно использовать для приобретения учащимися умений и навыков, но все же это не будет означать полного слияния производительного труда с обучением.

Противники ручного труда не учитывают той неоспоримой истины, что значение его выходит далеко за пределы прямого применения полученных «примитивных» умений и навыков. В преобразованном виде такой труд сохранится и на полностью автоматизированном предприятии. Даже при самой совершенной технике здесь нельзя обойтись без таких операций, как регулировка, наладка, настройка, ремонт, монтирование, технический осмотр и т. д. Но этот ручной труд коренным образом отличается от того, представление о котором сформировалось на более низком уровне развития техники. Ручной труд в условиях высшей техники характеризуется тем, что от работающего не требуется большого напряжения физических сил. На первое место здесь выдвигаются умение, ловкость, мастерство.

Между управлением самой сложной машиной и навыками ручного труда есть прямая зависимость. Мастерство управления машинами и механизмами формируется и развивается на основе «примитивных» умений и навыков ручного труда. Об этом свидетельствуют наши многочисленные наблюдения, в частности над тем, как управляют действующей моделью электрической железной дороги ученики, хорошо овладевшие электромонтажными и электрослесарными умениями, и те из них, которые умеют лишь включать и выключать отдельные механизмы. Наблюдения показали, что школьники, принимавшие участие в монтировании модели электрической железной дороги, умеют выключать рубильник с таким расчетом, что электровоз проходит определенную часть пути по инерции, благодаря чему обеспечивается плавность движения, предотвращаются поломки и быстрый износ деталей.

Ознакомление учащихся с машинной техникой имеет свои особенности. Здесь на первое место выдвигается ручной труд особого рода: прежде чем приступить к изучению приемов управления настоящей машиной, ученик разбирает и собирает действующую модель этой машины,

осмысливает взаимодействие между ее деталями и узлами. Потом он переходит к сборке и разборке настоящей машины. Наши наблюдения за развитием у школьников умений и навыков привели к выводу: если человек овладел приемами управления без предшествующего периода этого рода ручного труда, у него имеется лишь смутное представление о данной машине. Поэтому он плохо разбирается в причинах поломок, неисправностей, неполадок, с трудом ориентируется в элементах, общих для разных машин.

Подобные недостатки особенно характерны для труда, связанного с механической обработкой материалов машинами, которые включают в себя преобразованный ручной инструмент или орудие труда. Для примера возьмем работу на фуговальном станке. Кажется, достаточно уметь включать и выключать мотор, подавать доску по мере ее выработки — и человек будет умелым специалистом. Но на практике бывает не так. Наши наблюдения за работой старшеклассников показали, что школьник, не владеющий шерхебелем, рубанком и фуганком, при работе на фуговальном станке не соразмеряет своих физических усилий с энергией машины. Он не чувствует воздействия на доску режущих деталей. Вследствие этого поверхность обработанной доски получается неровной, шероховатой. Неумение правильно использовать энергетические возможности машины, ее рабочих органов — самый характерный недостаток тех, кто не приобрел элементарных навыков ручного труда.

По мере развития машинной техники и особенно высшей ее формы — автоматизации — ручной труд не исчезает, а поднимается на новую, более сложную ступень. Заслуживает большого внимания то, что человеку, овладевшему мастерством разностороннего ручного труда, легко переходить от одного вида трудовой деятельности к другому. Так, например, одни и те же орудия труда, умения и навыки применяются в работе слесаря-монтажника, электрослесаря, наладчика, электромонтера. Именно эти специальности являются характерными для производств, насыщенных передовой техникой. Особенно быстро растет число наладчиков автоматов, слесарей-ремонтников, настройщиков станков, установщиков инструментов. Анализ трудовой деятельности работников этих специальностей свидетельствует о том, что они имеют возможность более,

чем кто бы то ни был, переходить от одного вида производственного труда к другому.

Ручной труд с использованием простых инструментов является важным условием развития не только трудового мастерства, но и разума, наклонностей, способностей детей.

Попытаемся охарактеризовать взаимосвязь и взаимозависимость между практическими умениями и навыками ручного труда, с одной стороны, и умственным развитием школьников — с другой.

Воспитательный эффект ручного труда зависит от того, требует ли процесс труда умственных усилий. Не однообразные движения, которые не связаны с расчетами, не механическое перемещение предметов, а воздействие на материал с целью его преобразования, создания чего-то нового — вот важнейшее условие воспитывающего ручного труда. Решающее значение в нем должны иметь не физические усилия, а умение, расчет, мастерство.

Очень важно, чтобы воспитание подрастающего поколения представляло собой такую активную деятельность, в процессе которой школьник создает материальные ценности. К сожалению, при определении видов ручного труда в школьной практике не всегда принимается во внимание эта сторона дела. Учащиеся могут затрачивать значительные физические усилия, но если их труд ничего не создает, он не влияет на их умственное развитие и превращается в однообразное, утомительное запятое. Так бывает, в частности, при выращивании зерновых и технических культур, когда дети полагаются только на то, что дает природа, и не стремятся создать новые условия для жизни и развития растения или же изменить его природу.

Умственная активность снижается и в том случае, если школьники овладевают только внешними приемами управления машинами и механизмами, не осмысливая их устройства и принципов действия, причинно-следственных связей между трудовыми процессами и взаимодействием деталей и узлов.

Серьезным недостатком практики трудового воспитания является, в частности, то, что подростка, овладевающего управлением такими машинами, как двигатель внутреннего сгорания, электромотор, долго не допускают к деталям этих машин: воспитатели опасаются, что ему еще не понять всей сложности их устройства и принципов

действия. А между тем школьники с глубоким интересом относятся ко всему, что создано руками человека, и прежде всего к машинной технике. Наш многолетний опыт убеждает, что этот интерес надо удовлетворять, организуя активную деятельность школьников, в которой сочетаются усилия их разума и рук. Ведь им хочется не только научиться управлять машиной, но и узнать, как она устроена, «что у нее в середине». Чем сложнее технологический процесс, совершающийся с применением машины, тем глубже интерес детей к устройству и принципам действия этой машины. Нельзя рассматривать этот интерес как праздное любопытство — это потребность разумного, деятельного существа, которую нельзя игнорировать.

Характерная черта познавательной деятельности учащихся младшего возраста — яркость, образность, конкретность восприятий и представлений. Но, развивая мышление детей, нельзя основываться лишь на конкретных представлениях и тем самым искусственно задерживать их на этом уровне мыслительной деятельности. Нельзя допускать, чтобы в среднем и тем более в старшем возрасте ученик мыслил лишь конкретными представлениями. В развитии таких мыслительных процессов, как обобщение и абстракция, анализ и синтез, очень большое значение имеет активная трудовая деятельность. От ее характера зависит формирование у школьников среднего и старшего возраста обобщающих понятий о таких предметах и явлениях действительности, как машина, механизм, технологический процесс, труд человека. Исследуя эту зависимость, мы давали учащимся среднего возраста (12—13 лет) задания разбирать и собирать действующие модели механизмов и машин, переходя постепенно от более простого к сложному. Эта работа помогала им овладевать мыслительными операциями анализа и синтеза. Ученики постепенно приобретали обобщенное понятие о машине, начинали понимать взаимозависимость ее важнейших элементов. Так, они стали отличать узлы и детали, непосредственно выполняющие рабочие операции, от узлов и деталей, имеющих другие функции. Это находило отражение в их трудовой деятельности. Если в процессе обучения возникало затруднение в каком-нибудь одном звене, дети стремились получить о нем ясное представление на основе жизненной практики — собственного труда или труда других. В качестве примера приведем работу членов кружка юных техников,

в составе которого были и 9—10-летние, и 12—13-летние ребята. Изучая в процессе авиамоделирования устройство и принципы действия компрессорного авиамодельного моторчика, они много раз его собирали и разбирали, чтобы разграничить две причины отсутствия зажигания смеси — во-первых, конструктивные дефекты или неисправности в деталях и, во-вторых, неправильное составление горючей смеси. Постепенно наглядное сравнение, сопоставление уступили место мысленному анализу: дети делали выводы не в результате непосредственного созерцания, а путем логического умозаключения. Опыт убедил, что активность мыслительного процесса при этом всецело зависит от того, насколько тесной была связь между чувственной и логической сторонами познания в процессе труда. Мысленно анализировать трудовые процессы ученик умеет в том случае, если он в течение продолжительного времени учился думать, воздействуя на предметы труда руками, конструируя и моделируя.

От этого зависят и такие стороны мышления, как логическая проверка правильности той или иной мысли на основе бесспорных данных, добытых в процессе жизненной практики или совместной деятельности. Ученик, у которого способность анализа не развивалась в тесной связи с практикой, стремится воспроизвести практическое действие там, где в этом нет надобности, то есть где можно подумать, мысленно представить то или иное явление. Особенно большое значение имеет умственный эксперимент при решении конструкторских задач во время ремонта и восстановления машин. Здесь необходимо ярко вообразить конкретное взаимодействие, зависимость деталей. Наличие такого технического воображения зависит от того, насколько глубоко сочетались в свое время в процессе физического труда усилия рук и мышление. Мы знаем старших школьников, которые по звуку работающего тракторного мотора умеют определить характер неисправности и заблаговременно предотвратить угрозу поломки. Это умение — результат тесного взаимодействия деятельности рук и мышления в процессе практического изучения устройства мотора.

Человек, у которого в процессе практики выработалась способность анализировать и синтезировать, подходит к выполнению трудовых заданий как к решению задач, выдвигает гипотезы, мысленно и на практике проверяет их.

Это чрезвычайно ценная черта, особенно в тех случаях, когда цель труда — активное воздействие на стихийные силы природы.

Работа, в процессе которой осуществляется опытническая, исследовательская цель, способствует развитию такого качества ума, как критическое отношение к своим суждениям, оценкам, решениям, к своей трудовой деятельности. Отсутствие такого подхода, склонность считать первое пришедшее в голову предположение окончательным и совершенно правильным выводом — недостаток, являющийся прямым следствием отрыва мысли от созидательного труда. Чаще всего этот недостаток имеет место там, где знания приобретались в отрыве от практической деятельности.

Без критической оценки своей деятельности человек не в состоянии правильно осмыслить и оценить собственные успехи — он может посчитать успехом то, что вообще не зависит от его усилий. Например, в сельскохозяйственном производстве нередко хорошие плоды труда могут быть результатом стечения обстоятельств, а не активных целенаправленных действий человека. Критический анализ своей трудовой деятельности — одно из условий правильной оценки ее результатов и устранения недостатков в работе.

Как же практически формировать и развивать у школьников такое умение критически оценивать свой труд? Это один из самых серьезных вопросов трудового воспитания. Критический анализ и оценка должны пронизывать всю трудовую деятельность подростка в годы его формирования. На опыте своем и окружающих ребенок с малых лет должен убеждаться, что в каждой работе могут быть разные ступени трудового мастерства. Владение высшей ступенью такого мастерства должно представляться ему заманчивой, но осуществимой целью, достигнуть которую можно, только сочетая усилия мысли и рук, критически оценивая все сделанное.

Большое воспитательное значение имеет и то, насколько рано сформировано у школьника стремление к красивому, совершенному труду. Недопустимо, чтобы в раннем отрочестве подросток был равнодушен к качеству своей работы. Наряду с высокой производительностью, соответствием технологическим требованиям важным критерием воспитательной ценности труда является мастерство, ко-

нечно применительно к силам и возможностям учащихся разного возраста. Вот почему в деятельности детей младшего возраста так тесно связаны труд и эстетическое творчество. Если эта связь вытекает из самой сущности труда, ребенок стремится достигнуть высшей ступени мастерства, доступной ему. Например, дети 9—12-летнего возраста, выпиливая лобзиком, изготавливают красивые шкатулки, чернильные приборы и т. п. Здесь каждая ручная трудовая операция требует умения, сообразительности, вкуса. Мы добиваемся, чтобы ребенок стремился повторно сделать уже выполненную работу не для получения дополнительного материального результата, а для практического воплощения новых мыслей, для достижения более высокого качества. Чем большего совершенства в труде он достигает, тем больше ему хочется повторить уже сделанную работу. К этому подростка побуждают не ошибки и недостатки, а достижения, эстетические достоинства полученного результата. Воспитывать стремление добиваться мастерства в труде следует и личным примером, и показом лучших образцов труда старших товарищей.

Очень важно с воспитательной точки зрения, чтобы дети наблюдали не только результат, но и сам процесс такого труда, при котором человек очень строг к себе, всегда неудовлетворен достигнутым, стремится к высшей ступени мастерства. В этой связи целесообразен, как показывает опыт, совместный труд подростка со старшим товарищем. Мастерство более опытного вдохновляет менее опытного, стимулирует его к проявлению своих сил и способностей. Например, ученики VIII класса делают в мастерской слесарный инструмент: кронциркули, плоскогубцы, угольники, нутромеры и т. д. Есть три балла оценки удовлетворительного результата работы. Преподаватель раскрывает перед каждым школьником возможность достигнуть лучшего качества и получить самую высокую оценку. Те, кому не удалось этого добиться в первый раз, решают заново выполнять работу, но уже не в мастерской, а дома, в свободное время. При этом продумывается каждый шаг уже проделанной работы: сравнивается, как производилась та или иная операция раньше и как ее надо выполнить теперь. При таком подходе самый обычный, ничем не примечательный физический труд приобретает творческий характер. Если же нет такого подхода, то и

труд, требующий творческого подхода, может превратиться в однообразное скучное занятие.

Опыт нашей работы убеждает, что для психологической подготовки школьников к труду важна не только разносторонняя трудовая деятельность, но и периодическое повторение одной и той же работы.

В этих случаях особенно важен критический подход к процессу труда. В таких ежегодно повторяющихся циклах сельскохозяйственного производства, как обработка почвы, подготовка ее к севу, уход за посевом, уборка урожая, человеку будет казаться все однообразным, если он каждый раз не будет вносить в свою работу что-то новое, если трудовой опыт не будет развивать его творческой мысли. При критическом подходе к достигнутым результатам в трудовых процессах, повторяющихся из года в год и кажущихся однообразными, открываются возможности для подлинного творчества. Лучшие труженики сельскохозяйственного производства при подготовке к новому циклу труда учитывают, как в прошлом году обрабатывалась почва, как сказывалась на развитии растений погода, как были подготовлены семена, в какие сроки производился сев и т. д. Такого вдумчивого подхода к труду мы добиваемся уже в стенах школы.

Выращивая зерновые и технические культуры, ученики производят селекцию пшеницы, кукурузы, подсолнечника, сахарной свеклы. На специально отведенных для этой цели участках они выращивают урожай из семян, в которых проявлялись те или иные ценные признаки растения. Эта работа, по существу, повторяется из года в год, но она не становится для школьников однообразной. Наоборот, каждый год они находят в ней все новые и новые стороны и убеждают в том, что выращивание зерновых и технических культур — такой же творческий труд, как и изготовление действующей модели машины.

Наибольшее удовлетворение доставляет труд, в ходе которого первоначальный замысел дополняется новыми деталями, труд, требующий гибкости ума. Там, где нет связи между физическим трудом и умственной деятельностью, рождается инертность мысли, боязнь нового, неспособность найти в самом процессе труда возможности творческого решения задачи. Такой труд не может стать потребностью, потому что он ничего не дает человеку для души.

Умственное развитие в процессе труда достигается благодаря тому, что перед человеком открывается несколько возможных способов решения поставленной задачи, каждый из которых требует создания определенных условий. Опыт убедил нас в том, что при руководстве трудовой деятельностью учащихся важно соблюдать следующее требование: на определенной стадии трудового обучения, когда дети уже в достаточной мере овладели умениями и навыками, задание следует давать так, чтобы они уяснили конечную цель и несколько возможных путей ее достижения. От умения педагога предоставить ученику простор самостоятельного выполнения задания в значительной мере зависит воспитательная ценность труда. Только такой труд, когда детям самим приходится думать, сопоставлять, принимать решения, формирует у них гибкость.

Мы проанализировали выполнение свыше ста трудовых заданий, в ходе которых школьники конструировали действующие модели машин и механизмов. Их труд характеризовался творческим отношением к делу: в процессе работы рождались новые идеи и предложения, в результате которых сам замысел постепенно менялся, становился сложнее, требовал приложения все нового и нового труда. Например, ученики задумали сделать действующую модель паровой турбины и соединить ее с действующей моделью генератора. В ходе работы они решили усилить мощность турбины против задуманной. Потом увеличили и мощность генератора. Затем родилось новое предложение: усложнить конструкцию агрегата и в качестве потребителя тока присоединить к нему не несколько лампочек, как предполагалось раньше, а действующую модель зерноочистительной машины.

Способность находить разнообразные способы решения задачи имеет особенно большое значение в сельскохозяйственном труде. В определенные периоды здесь создается положение, когда человек как будто ничего не может сделать и должен спокойно ожидать урожая. Но творчески работающие труженики и в такие периоды не бездействуют: они направляют свои усилия на сознательное управление развитием растений. Например, борьба за высокий урожай нередко начинается лишь в период появления первых плодов помидоров, когда производится подкормка

растений, в результате чего плодоношение значительно усиливается.

В процессе трудовой деятельности школьники постепенно приобретают такие качества ума, как широта мысли, умение охватить сложную взаимообусловленность явлений, найти главное, решающее звено, подчинить усилия разума и рук определенному замыслу. Люди широкой мысли быстро овладевают техникой; в самой сложной, новой для них машине они видят разумное взаимодействие элементов, узлов, составных частей, общих для многих машин.

Широта кругозора школьника зависит от степени самостоятельности труда, от сочетания разнообразных его элементов и трудовых процессов. Большое воспитательное значение имеет объединение в одном лице и конструктора — творца замысла, и исполнителя работы. Нельзя допускать, чтобы в творческих кружках менее способным и активным ученикам отводилась роль простых исполнителей замыслов старших. Ведь способности развиваются лишь при том условии, что вместе с приобретением умений и навыков расширяется и круг их приложения.

В практике своей воспитательной работы мы добиваемся, чтобы у каждого нашего воспитанника на определенном этапе его трудовой деятельности возникал более или менее сложный замысел. У школьников среднего возраста чаще всего появляется мысль сделать действующую модель машины по образцу настоящей. Такой замысел основывается, с одной стороны, на знании настоящей машины, а с другой — на овладении определенными умениями и навыками. Но первоначально в нем еще нет конкретного представления о конструкции моделей: оно возникает позже, в результате целенаправленной работы мысли. Приступая к осуществлению замысла, ученик пробует, исследует, анализирует каждый шаг своей деятельности. Исследовательский элемент труда, имеющий такое большое значение, как основа творчества, как раз и определяется широтой мысли. Но вместе с тем благодаря исследовательскому элементу мысль и приобретает широту.

Интеллектуальное развитие в большой мере зависит от того, насколько глубоко понимает школьник связь ручного труда с работой машин. Представить себе машину как единое целое можно лишь тогда, когда увидишь в ней

усложненное, механизированное до совершенства орудие ручного труда. В этом — важная предпосылка широкого политехнического кругозора. Ученик должен научиться хорошо работать ручными инструментами прежде всего для того, чтобы лучше понять принципы устройства и работы машин, в которых преобразованы эти инструменты. Чем лучше он владеет ручными инструментами, тем легче ему понять известное единообразие в машинных орудиях труда. Поэтому мы добиваемся, чтобы в учебной мастерской были представлены разнообразные ручные орудия труда.

Для развития политехнического кругозора большое значение имеет также разнообразие видов обработки материалов и технологических операций, применяемых на практике. Важно, чтобы в процессе обучения учащиеся имели дело с разными видами воздействия инструментов и орудий труда. Кроме металла и дерева, большое значение имеет также обработка таких распространенных материалов, как камень, глина.

Таким образом, наш опыт убеждает в том, что от характера ручного труда в возрасте отрочества и ранней юности зависит развитие не только отдельных мыслительных процессов и качеств ума, но и всего интеллекта формирующейся личности.

Советская педагогика, 1960, № 7.

ЧЕЛОВЕК НЕПОВТОРИМ

Никогда я не забуду Павлика З., одного из тех воспитанников, о которых учителя — одни с доброжелательным сочувствием, другие — равнодушно — говорят, что «у мальчика, мол, нет способностей к овладению знаниями». Помню, каким живым, подвижным, любознательным был этот мальчик в первые дни школьной жизни и как он довольно скоро стал замкнутым, чересчур дисциплинированным и послушным, боязливым.

В первые недели обучения Павлик почувствовал, что он не такой, как другие дети: одноклассники уже легко составляли слоги из разрезной азбуки и читали их вслух, а он почему-то с большими усилиями отличал одну букву от другой; товарищам достаточно было два-три раза внимательно прослушать стихотворение о красавице-зп-

ме, и стихотворение запоминалось, а он никак не мог его запомнить. Учительница специально для него читает стихотворение много раз подряд, ребенок напрягает память, стремится вспомнить слова, но... тщетно.

— Почему же ты не учишь? Сколько я буду сидеть с тобой после уроков? — с негодованием вопрошала учительница. А мальчик весь съеживался и сидел, насупившись.

На заседании педагогического совета, рассказывая о своем классе, учительница характеризовала Павлика, как «ребенка с замедленным мышлением». «Он пассивно относится к картинам и явлениям природы,— говорила учительница.— Мало думает, сравнивает, сопоставляет. Работать с ним надо да работать. В два, в три раза дольше, чем другим детям, надо думать ему над задачей, над самой элементарной зависимостью». А раз у Павлика замедленное мышление, то, полагала учительница, ему надо как можно больше времени отводить на учение уроков. Этого и стала добиваться учительница в школе; такие же советы давала она и матери Павлика.

Несколько раз случалось мне бывать с ребятами в поле, в лесу, и здесь Павлик делался совсем не таким, как в классе. Этот «ребенок с замедленным мышлением» рассказывал мне и сверстникам интересные вещи о своих наблюдениях над растениями и животными. В его рассказах меня поражало умение подметить невидимые, на первый взгляд, взаимосвязи между предметами и явлениями. «Нет, Павлик не может быть отстающим,— говорил я потом его учительнице,— нельзя сковывать разум мальчика слогами и задачами». Но учительница принадлежала к той немногочисленной, к счастью, категории наших педагогов, которые полагают, что чем дольше сидит ребенок над книгой, тем умнее он становится.

Многотрудное сидение мальчика за учебниками продолжалось. Из месяца в месяц, из четверти в четверть учительница подтягивала ученика к той спасительной оценке, которая считается показателем благополучия. Дорого доставалось это «подтягивание» Павлику. У него почти не было времени на внеклассную работу. Учительница усматривала лень и нерадивость в том, что он лишней час играл с товарищами. Да и вообще на участие своих учеников во внеклассной кружковой работе она смотрела лишь как на средство заполнить свободное вре-

мя каким-то делом. А так как у Павлика, по ее глубоко-му убеждению, не могло и не должно было быть свободного времени, то чего можно ожидать от его участия в кружке? Да и нет у этого малыша настоящего интереса к тому, что интересует других детей,— говорила она. И в доказательство учительница рассказала следующее: «Однажды я повела класс в кабинет живой природы. Сколько нового, интересного увидели там дети. Все торгуются, спрашивают, многим хочется поскорее начать действовать. А Павлик стоит, молчит, сосредоточенно смотрит куда-то вдаль. Ему скучно и здесь. Вот уже как не лежат у ребенка ни к чему руки,— ничем его не заинтересуешь».

«Разве можно сказать так о мальчике, который с такой тонкой наблюдательностью умеет видеть природу? — подумал я.— Нет, и на этот раз учительница не права!»

И вот после уроков пошел я в кабинет живой природы. Вижу кто-то в дверь заглядывает. Да это же Павлик!

— Что здесь делаешь? Заходи, посмотрим вместе. Мальчик вошел. Из того, как наблюдал ребенок новые для него явления, из его взволнованных рассказов, которые я слушал, идя потом с Павликом домой,— мне стало ясно, что же принимала учительница за равнодушие. В кабинете живой природы перед ребенком открылся новый, невиданный мир. Растения будто бы и знакомы, известны, но в каждом что-то новое, необычное: стебель помидора растет не кустом, а вьется, как виноград, и с него гроздьями свисают плоды; луковица — величиной с арбуз; огурец — большой, настоящий огурец! — растет в бутылке. У мальчика широко открылись глаза, он думает: как это все делается? Воображение рисует такие же чудеса не здесь, в залитой солнцем комнате, а на школьном участке: вот бы вырастить с десяток таких кустов с помидорами, да чтобы росли они рядком, чтобы помидоры висели гроздьями, как виноград! Но как сказать вслух обо всем этом? Ведь он — отстающий по арифметике, ему ли мечтать о таких интересных делах...

Но пока я делал свои наблюдения, учительница ни на минуту не выпускала ребенка из поля зрения: интеллектуальное его развитие она по-прежнему видела только в сидении за учебником. Как это ни странно, но если

бы учительница меньше заботилась о Павлике, если бы она предоставила его развитие бурному течению школьной жизни,— было бы лучше: развитие мальчика не было бы таким уродливо односторонним. Есть еще в школах такие учителя; их добросовестная опека, их забота о том, чтобы ребенок как можно больше сидел над книгой, превращается в конце концов в зло.

С большими трудностями Павлик окончил четвертый класс. В пятый перевели его со многими оговорками; учительница предусмотрительно познакомила всех преподавателей с педагогической характеристикой Павлика, передала индивидуальный учет грамматических ошибок, которые допускал мальчик, и перечень арифметических правил, на которые ему следовало время от времени давать повторительные упражнения.

Сидение над учебниками в первые недели обучения в пятом классе стало более длительным и утомительным. С матерью мальчика говорила уже не одна учительница, а все восемь. Но вместе с тем в жизни Павлика появилось и что-то новое: на многих уроках надо было не только слушать и запоминать, как это было в начальных классах, но и что-то делать. Такие уроки приносили мальчику радость. Самыми интересными для него были уроки ботаники. Учитель умел так построить урок, что дети не «усваивали», как обычно говорится, а сами добывали знания. Каждый ученик сшил сумочку и сделал несколько пакетов для того разнообразного «живого материала», который понадобится на уроке. Из сумочек извлекались ветки и листочки, стебли и корни, цветы и семена. Все это рассматривалось через лупу, сравнивалось, зарисовывалось.

И вот здесь педагогический коллектив впервые услышал, что Павлик, оказывается,— один из самых умных и любознательных учеников, что разум у него, по выражению учителя естествознания, «в кончиках пальцев». «Этот пятиклассник умеет делать то, что редко удается опытному садоводу»,— сказал учитель на заседании педагогического совета. И вот что мы все от него узнали.

На одном из уроков ботаники дети учились прививать разными способами плодое дерево к дичку. Учитель обратил внимание на то, с какой тщательностью (тонкостью, как говорят садоводы) Павлик разрезает кору дичка, отделяет почку от привоя. «Это настоящее

мастерство», — подумал учитель, наблюдая за работой мальчика. Павлик отрезал веточку ценного сорта яблони с двумя почками и стал внимательно ее рассматривать.

— Что ты увидел? — спросил учитель.

— А можно ли вырастить сеянец без прививки? — в свою очередь спросил Павлик. Вот взять веточку, посадить ее в землю и так ухаживать за ней, чтобы она прижилась?

«Меня удивил сам тон мальчика, — рассказывал потом учитель. — Чувствовалось, что Павлик уже думал над тем, о чем спрашивал, возможно, даже пробовал. Я знал, что укоренить срезанную веточку, особенно яблони, очень трудно — надо быть настоящим мастером, и ответил Павлику: можно, но это очень трудно; это удастся сделать только самым опытным садоводам-мичуринцам».

— А мне можно попробовать? — спросил мальчик, и у него в глазах заблестели веселые огоньки.

После уроков учитель пошел с Павликом в теплицу и объяснил ему, как надо подготовить и поставить интересный опыт.

Для Павлика начались счастливые дни. Из стекла и пластмассы он соорудил маленькую тепличку для нескольких веточек яблони и стал ежедневно поливать землю теплой водой, внимательно следя за тем, чтобы в тепличке сохранялись постоянная температура и влажность воздуха. Половина веточек прижилась — почки раскрылись, заблестели листочки, стали расти молодые побеги. Но учитель видел, что мальчик все же чем-то недоволен.

— Веточки, которые прижились, я брал с верхушки, — сказал ему мальчик. — А вот эти погибшие — со средних и нижних веток. Надо, значит, брать с верхушки дерева. Так можно вырастить много сеянцев...

«У меня даже сердце замерло, когда я услышал эти слова, — говорил потом биолог. — Ведь это настоящий опытник, будущий ученый или талантливый садовод! Он не просто добивался поставленной цели, но изучал, исследовал явления природы, конечно, по-своему, по-детски».

Об опытах Павлика скоро узнала вся школа. Многим детям захотелось вырастить сеянцы таким же способом, но удалось это лишь троим, кстати, двое из них — девочки.

А учителю, как сам он признался, не удалось укоренить ни одной веточки.

С этого события началось «перерождение» Павлика. Для многих учителей оно было полным откровением и заставило их серьезно задуматься над острыми, волнующими проблемами обучения и воспитания. Постепенно у мальчика исчезли боязливость, скованность, нерешительность. Теперь, отвечая учителям на уроках, мальчик уже не припоминал, что и где написано в учебнике, а вслух размышлял, делая выводы из того, что ему приходилось видеть и наблюдать. Для учителей была неожиданностью любознательность, с которой мальчик слушал теперь их объяснения. Чем лучше Павлик понимал материал, который изучался, тем больше у него возникало всяких вопросов; учителям трудно было найти время для ответов на все его вопросы. Кое-кто высказывал даже недовольство: часто в вопросах Павлика звучало недоверие к тому, что рассказывал учитель. Но, внимательно подумав над смыслом вопросов мальчика, учитель понимал, что в критичности детской мысли находит свое выражение стремление ребенка как следует разобраться, убедиться в правильности той или иной истины.

Учителя называли это изменение в развитии мальчика пробуждением мысли. Наиболее ярко выражалось оно там, где первоисточник знаний — реальная действительность, практика, жизнь — поддавался наблюдению, проверке, исследованию. На тех уроках, где связь теоретических обобщений с конкретными предметами и явлениями окружающей жизни была более сложной и менее очевидной, мысль мальчика «пробуждалась» медленнее. Однако, чем труднее было осмыслить понятие, правило, закон, формулу, тем больше напрягал Павлик волевые усилия, добиваясь победы там, где прежде, бывало, отступал перед трудностями.

Не могло быть сомнения, что пробуждение мысли, бурное интеллектуальное развитие мальчика, усиление его интереса к знаниям — все это имело непосредственную связь с тем талантом, с теми задатками творческого труда, которые так удачно сумел раскрыть в мальчике биолог. Павлик сам понял, возможно, скорее почувствовал, что растениеводство — та сфера деятельности, в которой ему можно проявить свое умение. Казалось, он стремился возместить упущенное. В теплице и в каби-

нете живой природы возникли рабочие уголки, где Павлик ставил свои интересные опыты. На делянке в десять квадратных метров мальчик посеял семена нескольких сортов дикорастущих плодовых деревьев и кустов, вырастил из них сеянцы-дички, потом привил к каждому растению культурные сорта плодовых деревьев. Здесь же были высажены сеянцы, выращенные в теплице вегетативным способом. Какой бы конечный материальный результат труда ни достигался, мальчик всегда ставил опыты, исследовал: к подвою прививал несколько сортов плодового дерева и наблюдал, как развивается каждый из них, как один влияет на другой; приготавливал разнообразные смеси плодородной почвы и наблюдал их влияние на развитие деревьев; несколько раз пересаживал дерево, стремясь как можно больше развить корневую систему. Постепенно Павлик начал увлекаться и опытами по выращиванию зерновых культур.

Характерной чертой труда мальчика было мастерство, проявлявшееся в каждой трудовой операции. Эту черту, выработавшуюся в процессе опытов над живым материалом на уроках, мы стремились развить у Павлика, вовлекая его в более сложную работу на участке. Мальчик с интересом обрабатывал почву, готовя ее под посев зерновых культур или посадку плодового дерева. Из того, как старательно, с любовью выполнялось все это, было ясно, что мальчик стремился к совершенству, к мастерству в самом простом, будничном деле.

Шли годы. Труд Павлика в растениеводстве становился настоящим творчеством. Прививая культурные сорта сливы, персика, лимона к терпу, к лесным груше и яблоне, он получил морозостойкие сорта плодовых деревьев, ценной особенностью которых было то, что они цвели поздно, когда заморозки уже не угрожали растениям. На пороге юности Павлик стал настоящим мастером обработки почвы. Он научился вносить в почву смесь местных и минеральных удобрений, которая буквально омолаживала, восстанавливала плодоношение старого, умирающего дерева, излечивала раны, нанесенные бурей, ускоряла движение соков в примороженных ветвях. Небольшой участок глинистой, неплодородной почвы его руки превращали в участок высокого плодородия, где урожай пшеницы получался в десять раз больше колхозного.

С каждым годом Павлик достигал все более значительных успехов и в учении. Знания юноши были прочными, осознанными. Характерным было стремление применить полученные знания в дальнейшем обучении, определить их место в умственном труде. Окончив среднюю школу, юноша поступил в сельскохозяйственный институт, стал агрономом и теперь уже несколько лет успешно работает в совхозе.

* * *

О творческом труде Павлика З. можно написать целую книгу, но сейчас хочется найти ответ на вопрос, который уже, по-видимому, читался между строк этого рассказа: в чем же заключается связь между разумом и трудом? Чем объяснить, что когда раскрылись задатки, способности, талант Павлика в творческом труде, произошел такой бурный скачок и в его интеллектуальном развитии? Какие выводы для практики обучения и воспитания вытекают из этого и других аналогичных фактов?

Ответ на эти вопросы имеет особенно большое значение сейчас, когда усилия учителей направляются на то, чтобы раскрыть способности, наклонности, талант каждого воспитанника на основе труда. Анализируя путь духовного развития Павлика З., можно сделать вывод, что труд пробудил его разум, открыл неисчерпаемый источник волевых усилий, направленных на преодоление трудностей. Чем же объясняется эта воспитательная сила труда и как использовать эту силу?

Эта сила заключается в том творческом подъеме, которым бывает охвачен весь духовный мир человека, занятого любимым делом. Воспитывает не само по себе приложение физических усилий, не объем трудовой деятельности, выполняемой учеником, а то моральное состояние, в котором находится человек, понимая и переживая свои успехи, достижения. Главное в этом моральном состоянии — чувство достоинства, гордость за умение создавать не только нужные, необходимые, но и красивые материальные ценности. А там, где создается красота, человек становится творцом ценности духовной. Это чувство переживается тогда, когда человек достигает в труде выдающихся успехов, когда его труд достигает

ступени мастерства. Чувство достоинства, чести, гордости творцов духовно окрыляет, создает полноту мыслей и переживаний, органическое единство которых и является тем, что называют счастьем труда.

Труд пробудил мысль Павлика как раз потому, что важнейшим источником волевых усилий, необходимых для преодоления трудностей мышления, послужили моральные стимулы, прежде всего чувство личной гордости. Пережив это чувство, мальчик обрел уверенность в своих силах. У него возникло желание преодолевать трудности, а когда такое желание становится страстью человека, волевые его усилия напрягаются, мысль начинает работать целеустремленно, четко, сосредоточенно. Развитие творческих способностей в труде, связанном с растениеводством, стало стимулом развития умственных сил ребенка.

Из всего этого видно, что связь труда и разума в духовной жизни человека не такая прямолинейная, как это можно часто слышать и читать: ученику, мол, трудно было изучать физику, он стал заниматься техническим конструированием и моделированием и... сразу же преодолел трудности. Если в техническом конструировании и моделировании ученик не достигнет мастерства, влияние труда на интеллектуальное развитие будет случайным и малозаметным. Важнейшим условием, при котором труд оказывает влияние на разум, является моральное состояние человека — полнота духовного его подъема, радость преодоления трудностей, чувство удовлетворения в связи с осуществлением замысла.

Если ученики просто работают, прилагают физические усилия, создают материальные ценности, — воспитательное влияние такого труда остается незначительным. Труд должен достигнуть ступени мастерства в соответствии с возрастными и индивидуальными особенностями учащихся и только тогда он станет поистине могучим фактором трудового и нравственного воспитания, формирования морального облика нового человека.

Чтобы осуществить на практике первую, определяющую часть принципа коммунизма — «от каждого по способностям», — надо раскрыть индивидуальное дарование, задатки, талант, наклонности человека, возбудить и воспитать страстное его призвание к конкретному виду или отрасли трудовой деятельности. Не труд вообще, а мас-

терский труд должен стать жизненной практикой каждого человека.

Решение этих воспитательных задач наше общество в большей мере возлагает на школу. Ныне, когда ведущим началом учебно-воспитательного процесса является сочетание труда и мысли, материального производства и интеллектуального творчества, мы последовательно должны руководствоваться благородным, гуманным принципом, вытекающим из самой сущности строительства коммунистического общества: каждый человек может достигнуть высшей ступени всестороннего развития — стать неповторимым творцом не только материальных, но и духовных ценностей, — если в нем раскрыть его задатки, дарование, талант. Мастерство не может быть всеобъемлющим: всеобъемлющие дарования — исключительная редкость. У каждого человека есть задатки, дарование, талант к определенному виду или нескольким видам (отраслям) деятельности. Как раз эту индивидуальность и надо умело распознать, направив затем жизненную практику ученика по такому пути, чтобы в каждый период развития ребенок достигал, образно говоря, своего толка.

Индивидуальные задатки, таланты, дарования отличаются большим разнообразием, неповторимостью сочетаний, яркостью личных черт. Но общей особенностью таланта является творческий труд — умение создать что-то новое, воплотить свою мысль, свой замысел в дело своих рук. Мы глубоко убеждены в том, что нет человека, который при надлежащих условиях, при умелом воспитании не выявил бы своего самобытного, неповторимого таланта. Пятьсот воспитанников, духовный облик которых мы должны сформировать, — это пятьсот неповторимых талантов и дарований. Уважать в каждом ученике человека, проявлять к нему гуманное отношение — значит прежде всего раскрыть в нем такую человеческую неповторимость. Наша система трудового и морального воспитания как раз и исходит из того, что человек неповторим, что в нем надо открыть ту живинку, которая создает его индивидуальное лицо, которая вводит человека в мир творческого труда, непрерывно наполняет важнейший источник духовной силы человека — его гордость от сознания, что он — настоящий человек.

Как же на практике преодолеть многочисленные трудности, связанные с необходимостью обеспечить индивидуальное творчество? Ведь не поставишь возле каждого ученика мастера, который бы формировал, развивал, совершенствовал умения и навыки, оттачивал мастерство, доводил его до уровня творчества.

Опыт показывает: важнейшим условием развития индивидуальных склонностей, раскрытия дарования и таланта является обеспечение в школе разнообразного творческого труда всех учащихся — от первого до выпускного класса, — создание атмосферы творческого труда. Создав материальную базу и постоянно обогащая ее, мы добились того, что наши воспитанники уже с первых дней пребывания в школе имеют возможность испытать свои силы и способности в кабинете живой природы, в теплицах, в плодовом саду и на учебном участке, на пасеке и кролиководческой ферме, на опытном участке колхозной животноводческой фермы, на винограднике, в плодовом питомнике, в рабочих комнатах технического творчества и в мастерских, в специальной комнате (технического конструирования и моделирования), где элементы труда соединяются с игрой, на детской электростанции, в лаборатории, на метеорологической станции, в звеньях юных строителей, во многих других местах.

Мастерский труд начинается там, где мысль, разум находят свое проявление, — в тонких, кропотливых операциях, выполняемых руками, операциях, которые требуют прежде всего умения, в которых физические усилия подчиняются сообразительности, сметке, находчивости, расчету. Впервые попав в школу, наши воспитанники уже видят, что все их старшие товарищи не просто что-то делают, но увлечены разумным, творческим трудом; они не просто выполняют какой-то определенный объем физического труда, но создают красивые материальные ценности, преобразуют природу растений, проявляют мастерство. На глазах у малышей в кабинете живой природы или в теплице старшие товарищи создают, например, из многих компонентов почву, на которой в два раза быстрее, чем в обычных условиях, развиваются овощи. Такой труд не просто интересует, но воодушевляет, увлекает. Еще большее воодушевление пробуждает обработка металлов, дерева, пластмассы, глины в мастерских и рабочих комнатах: на глазах у детей простыми инструментами — ножом,

зубилом, молотком, напильником — создаются необычные вещи — модели машин, физические приборы, строительные детали. Мы добиваемся, чтобы мастерство маленькие дети видели прежде всего в труде рук; как раз с этого начинается раскрытие задатков, дарований и талантов.

Условием создания атмосферы творческого труда является личный пример педагога. Педагог не может быть воспитателем, если он только преподаватель своего предмета или даже классный руководитель. Вне труда нет подлинного воспитания. Личность учителя становится воспитывающей силой, если учитель сам обладает мастерством. Каждый учитель Павлышской школы не только умеет трудиться, но, благодаря постоянному совершенствованию умений и навыков, достиг мастерства в одном или нескольких видах трудовой деятельности. Учителя физики умеют, например, изготавливать прочные и красивые инструменты для обработки дерева и металла, конструировать радиоприемники, отлично управлять автомашиной. Один наш учитель математики умеет делать красивую мебель и другие вещи из дерева, другой — прекрасный электротехник и радиотехник, третий — садовод и пчеловод; все учителя начальных классов умеют производить прививку и окулировку плодовых деревьев, выращивать виноград. Преподаватели биологии умеют вырастить на учебно-опытном участке урожай зерновых культур в три-четыре раза выше колхозного.

Личность учителя привлекает ребенка прежде всего потому, что в учителе он видит прекрасного мастера. В рабочих комнатах, мастерских, лабораториях ученики видят инструменты, станки, приборы, установки, сделанные руками учителей; на опытном участке, в плодовом саду, в питомнике учителя ставят опыты, целью которых является получение значительных, ярких материальных результатов благодаря мастерскому труду.

Вместе с учителями работают старшие ученики и те учащиеся средних и младших классов, у которых проявляется склонность к данному виду трудовой деятельности. Мы добиваемся, чтобы в школе всегда были ученики, которые по уровню мастерства труда приближаются к учителям, а в отдельных случаях, как это было с Павликом, даже превосходят их — это не страшно! Такие ученики выполняют самостоятельные трудовые задания творческого характера. Вокруг них группируются менее опытные

воспитанники, которые через два-три года достигнут высокого уровня мастерства. Эти ученики являются членами политехнических кружков и выполняют самостоятельную работу меньшей трудности. У каждого наиболее активного члена политехнического кружка (чаще всего это ученики V—VII классов, хотя есть здесь и отдельные, наиболее способные школьники из III—IV классов) есть помощники и участники в его творческом труде — преимущественно школьники младших классов. Самодеятельность, передача мастерства от одного поколения к другому (поколения как в буквальном, так и в переносном смысле) — это и есть та атмосфера творческого труда, о которой мы говорили выше. Смысл такой самодеятельности мы видим прежде всего в том, что каждый ученик встречает в школьные годы на своем пути человека, который пробуждает у него страсть к тому или иному делу. Страсть — это интеллектуальное, эмоциональное и волевое проявление таланта, дарования. Какие бы яркие природные задатки ни были заложены в ребенке, они не могут проявиться, если рядом с ребенком не окажется человек, страстно влюбленный в свое дело.

В школе одновременно выполняются сотни трудовых желаний. Работа одного и того же вида в разное время и в руках разных учащихся достигает разных ступеней совершенства — это зависит от характера материального результата труда, от меры приближения последнего к настоящему производительному труду. Учитель физики и черчения изготавливает, например, фрезерный станок, работая с группой старших, наиболее способных и опытных учащихся. Эти ученики — помощники учителя — пробуют свои силы и в самостоятельном трудовом задании: изготавливают сами фрезерный станок менее сложной конструкции. С ними работают ученики V—VII классов — члены кружка юных слесарей-моделистов. Группа этих учеников проявляет желание сконструировать миниатюрную действующую модель фрезерного станка. Подростки трудятся в рабочей команде для младших школьников. Вокруг них группируется несколько учеников младших классов, которым хочется конструировать и моделировать, обрабатывать металл. Три трудовых задания, три ступени совершенства. На каждой ступени ученики стремятся достигнуть того «потолка», который доступен им в силу их

возрастных и, что особенно важно, — индивидуальных особенностей.

Одаренность, талант в решающей мере определяют продолжительность времени, в течение которого ученик овладевает мастерством труда. У нас есть 9—10-летние ученики, которые умеют конструировать ламповые радиоприемники не менее успешно, чем десятиклассники. Ученик III класса, десятилетний Виталий О. на настольном токарном станке выполняет работы, с которыми справится не всякий старшеклассник. Но старшеклассник, которому трудно соревноваться с Виталием, не считает себя бездарным и ни к чему не способным: он достигает мастерства в другом виде трудовой деятельности, и гордость от успеха в любимом деле пробуждает у него стремление научиться хорошо работать и на токарном станке. В школе есть юные садоводы — ученики II—III классов, которые овладели умениями и навыками, доступными, как правило, 13—14-летним учащимся (например, прививка плодовых деревьев, пересаживание растений в плодовой питомник).

В труде, к которому у ребенка есть природный задаток, талант, дарование, в сфере интеллектуального развития, которая соответствует этому, — ребенок обгоняет своих ровесников. Это такая же закономерность, как и то, что один ребенок обладает большей физической силой, а другой его ровесник — меньшей. Следовательно, разновозрастный состав трудового коллектива — это не только условие самодеятельности, обмена моральным и трудовым опытом, но и необходимость, вытекающая из закономерностей развития индивидуальных задатков, способностей, наклонностей, талантов, дарований. Там, где есть воспитанники, которые значительно опережают своих товарищей по уровню мастерства труда, нет надобности в постоянном руководстве работой кружка или другого объединения со стороны взрослых — учителя или квалифицированного мастера.

Самодеятельность при этом условии полностью приобретает характер творческого соревнования и развития способностей. Есть дети, у которых задаток, талант, дарование проявляются очень рано, у других, как это кажется на первый взгляд, нет особого интереса к какому-то виду трудовой деятельности. Такие дети долго остаются добросовестными исполнителями работы, в которую ока-

зываются вовлеченными то ли благодаря товарищам, то ли примером мастерского труда учителя.

Иногда периоды увлечения сменяются периодами равнодушия. Бывает и так, что ученик в течение продолжительного времени не отдает предпочтения ничему. Ему все равно, что делать — сажать плодовые деревья или конструировать модели, ухаживать за животными или управлять двигателем внутреннего сгорания. Но каким бы продолжительным ни был такой период «равнодушия», — это не значит, что у ребенка нет никакого таланта, дарования. Это значит лишь, что мы не сумели еще найти форм раскрытия творческих сил ребенка, не создали ему той обстановки, когда разум ребенка находит свое проявление в мастерстве рук. Чем разнообразнее виды труда, которыми может заняться ученический коллектив, чем ярче раскрываются индивидуальные таланты и дарования старших воспитанников, тем меньше с каждым годом становится в нашей школе учащихся младших классов, которые длительное время не находят себя.

* * *

Практика воспитательной работы убедила нас в том, что каждая человеческая личность неповторима, что воспитание нового человека — строителя коммунистического общества — заключается прежде всего в раскрытии этой неповторимости, самобытности, творческой индивидуальности. Осуществлять эту задачу — значит вести каждого воспитанника по той дорожке, на которой с наибольшей яркостью может раскрываться сила его разума и умений, мастерство и творчество. Сколько учащихся — столько и дорожек. Как раз в этом и заключается трудность и вместе с тем благородство работы воспитателя — инженера человеческих душ.

Первые дни и недели (а в отдельных случаях — месяцы) пребывания в школе наши ученики знакомятся с разнообразными видами трудовой деятельности старших. Пусть берется ребенок за то, что кажется ему посильным, пусть пробует, переходит от одной работы к другой — в атмосфере творческого разностороннего труда это не опасно. В этот первый период исканий детей мы внимательно изучаем их интересы и задатки, добиваясь, чтобы каждый ученик включился в активный, созидательный

труд, чему-то научился, достиг известного совершенства, мастерства в овладении, пусть наиболее простыми умениями и навыками. Важной воспитательной целью на данном этапе является то, чтобы ребенок стремился к красоте материального результата труда.

Было бы грубым упрощением считать, что найденная школой «дорожка», о которой мы говорили выше, так уже и определилась окончательно. Так никогда не бывает. Задатки, дарование, талант не предопределяют увлечения только данным видом трудовой деятельности. Неповторимость человека в том и заключается, что, в зависимости от воспитания, от среды, которая окружает человека в годы формирования его морального облика и интеллектуальных интересов, природные задатки направляются туда, где при наибольшем напряжении своих внутренних духовных сил человек может достигнуть наибольших успехов. Поэтому первые успехи — лишь начало поисков.

Малыш-первоклассник становится участником коллективного труда в кружке юных столяров: дети сооружают деревянную модель животноводческой фермы со всеми механизмами и установками. Здесь у малыша проявляется интерес к обработке не только дерева, но и других материалов, особенно пластмассы, из которой делается модель водонапорной башни.

Потом, уже во втором классе, ребенка увлекла работа в кружке юных слесарей-моделистов: он принимает участие в изготовлении действующей модели зерноочистительной машины. Старшие товарищи поручают ему такую же работу, как и ученикам IV—V классов, мальчик выпиливает, режет, шлифует металлические и пластмассовые пластинки, пробует точить на настольном токарном станке.

В III классе мальчик становится участником более сложной работы — его кружок изготавливает действующую модель паровой турбины. В IV классе он уже не только участник коллективных трудовых заданий, но и творец своей машины: он впервые самостоятельно делает действующую модель генератора переменного тока. По совершенству и красоте результатов труда мальчик соревнуется с десятиклассниками, которые изготавливают аналогичные модели в связи с изучением электротехники.

В течение всех этих лет постепенно определяется самобытная неповторимая «дорожка» мальчика: у него раскрывается талант к творческому конструированию моде-

лей машин и механизмов. Так, изготавливая модель генератора, он добивается того, чтобы по размеру модель была как можно меньше: чуть больше спичечной коробки. С большим интересом ученик выполняет трудовые операции, цель которых — совершенствование взаимодействия деталей и узлов моделей.

В годы обучения в V—VI классах мальчик входит в число наиболее опытных учеников, достигших в своем труде мастерства. Ему поручают руководить кружком юных техников-конструкторов, в состав которых входят не только учащиеся младших классов, но и его ровесники, и даже старше по возрасту ученики. Поиски своей «дорожки», развитие творческой индивидуальности вступают в эти годы в наиболее бурный, интенсивный период. Учителя единодушно характеризуют наиболее яркие черты таланта, одаренности мальчика следующим образом: чувство материала и инструмента, умение определить специфические особенности взаимодействия составных частей (деталей, узлов) задуманной модели, в зависимости от того, из каких материалов делаются эти составные части.

В дальнейшей творческой деятельности указанные выше черты труда ученика развились, приобрели новые оттенки, и дорожка жизни, по которой шел подросток, стала еще яснее.

До окончания средней школы ученик сконструировал еще несколько моделей механизмов и установок, построенных на действии автоматических и телемеханических устройств. С каждой новой работой механизмы и установки становились меньше по размеру, но сложнее, точнее по устройству и действию. Талант молодого человека, стоявшего на пороге жизни, раскрылся в мастерском труде, связанном как с творческим конструированием, так и с обработкой материалов.

Мы рассказали о развитии таланта и дарования Михаила В., который по окончании нашей сельской школы поступил в политехнический институт, успешно окончил его и стал инженером-конструктором экспериментального цеха одного из заводов по производству аппаратуры для атомных установок.

Мастерство коммунистического воспитания мы видим в том, чтобы путь каждого человека к творческому труду был таким же богатым, неповторимым, как описанный выше путь Михаила В., как путь Павлика З.

Высокая гуманность коммунистического общества будет заключаться прежде всего в том, что в этом обществе каждый человек станет творцом не только материальных, но и духовных ценностей — идей, мыслей, связанных с повышением производительности труда, с усовершенствованием машинной техники, с постоянным проникновением разума в тайны природы. Открыть в каждом человеке творца, поставить его на путь самобытно-творческого, интеллектуально-полнокровного труда — эта задача становится ныне первоочередной в практической работе школы.

Нет детей одаренных и неодаренных, талантливых и обычных. Одарены, талантливы все без исключения дети. Распознать, выявить, раскрыть, взлелеять, выпестовать в каждом ученике его неповторимо-индивидуальный талант — значит поднять личность на высокий уровень расцвета человеческого достоинства.

В руках каждого педагога судьба десятков, сотен человеческих жизней. Прикоснитесь к сердцу, к душе воспитанника заботливой, любящей рукой, откройте в нем мастера-творца, и человек засверкает своим неповторимым сиянием, как начинает сверкать драгоценный камень от руки ювелира, сумевшего раскрыть за серой, непривлекательной внешностью очаровательное сияние. Во имя социального и нравственного прогресса общества, во имя индивидуального счастья каждого человека нам, воспитателям, надо быть не только инженерами человеческих душ, но и мастерами-ювелирами, открывающими в каждом ребенке неповторимую человеческую красоту.

Верьте в талант и творческие силы каждого воспитанника. Человек — неповторим!

Народное образование, 1961, № 5.

КАК ЖЕ ВОСПИТАТЬ ЛЮБОВЬ К ТРУДУ?

В центре нашего школьного сада зелелеют высокие кусты винограда. Мощные лозы достигают двухметровой высоты. Ровными рядами закрепили пионеры зеленую поросль на проволоке. Посмотришь вдоль ряда — радуют глаз тысячи тяжелых гроздьев. Наш виноградник — гордость школы. Сюда приходят учиться колхозники не только из пашего, но и из окрестных сел. Работать на

винограднике — большая радость и честь, которой удостоиваются самые прилежные, самые трудолюбивые. Когда из многих желающих разрыхлить междурядья или подвязать ветки к проволоке, накрыть осенью каждый куст землей или собрать снег для накопления влаги выбирают десять-пятнадцать человек, остальные чувствуют себя обиженными и разочарованными. Невольно вспоминается, что было здесь пятнадцать лет назад...

А был здесь пустырь. Помню, рассказывали, что сторожу и завхозу давали этот участок под картофель — не взяли: уже лет пятьдесят здесь сажают картофель, земля стала бесплодной. И вот я посоветовал создать здесь самый плодородный участок, цветущий уголок сада.

С большим трудом удалось уговорить старшеклассников привезти сюда тонн тридцать перегной. Я видел, что учащиеся выполняют мои требования лишь из уважения ко мне, вновь назначенному директору школы, а не из любви к труду. После внесения удобрений надо было копать ямы глубиной в полтора метра, в каждую яму снова вносить перегной, смешав его с черноземом.

Винограда в нашем селе тогда никто не выращивал, хотя условия для его развития в нашей местности прекрасные. Я рассказывал учащимся о том, какое это чудесное растение, но чувствовал, что мои слова до них не доходят. Помню, когда я говорил о любви к труду, приводил слова Горького, десятиклассница Оля Ткаченко спросила, лукаво подмигнув подружкам: «Вот вы говорите, что труд украшает жизнь. Но скажите, разве можно полюбить копать вот этих ям? Разве может это принести радость? У Горького это, наверное, для красоты поэзии, а в жизни разве возможна любовь к такому труду, как сбор павоза?»

С тех пор прошло много лет, по вопросу этого я не забыл. Не раз я слышал его в последние семь-восемь лет, когда партия и народ поставили перед школой задачу — воспитывать трудолюбивых, влюбленных в труд людей. Ответить на него не так просто, как кажется на первый взгляд, но ответить надо. И не только надо доказать, что любовь к труду — высшая степень человеческого достоинства и культуры, но и показать, как же воспитывать любовь к труду. Ответ дает сама жизнь.

Возвратимся к рассказу о винограднике. Мне было ясно, что те, кто копает ямы под первые кусты винограда,

увидят плоды своего труда уже после окончания школы. Может быть, тогда, когда приведут своих детей в школу. И это, конечно, хорошо, но надо больше думать о тех, кто еще трижды может вырастить виноград, трижды увидит плоды своего труда. На праздник труда (так называли мы закладку виноградника) пришли не только те, кто копал ямы и вносил удобрения, но и малыши — ученики I, II, III классов. Они были не только зрителями, они пришли трудиться. Малыши заранее готовились к этому ответственному труду. Уже потому, что посадка виноградника, такое серьезное «взрослое» дело, требовала их участия, дети отнеслись к труду как к чему-то необычному, торжественному, а потому и радостному.

И вот маленькие дети кладут в каждую яму еще по горсти перегноя, смачивают корни питательным раствором, засыпают землей, поливают. Их доля труда незначительна, но они с гораздо большим интересом ожидают появления первых листочков, чем те, кто копал ямы и возил тонны перегноя. Чем же это объяснить? В те годы я не стремился разобраться в психологических тонкостях подобного явления, мне было ясно одно: детей надо вовлекать в труд с самого раннего возраста, причем так вовлекать, чтобы труд входил в жизнь ребенка, становился его интересом, пробуждал такие же мечты, как путешествия в дальние страны, как открытие новых земель. Прежде чем вести малышей на первый праздник труда, я рассказал им о том, что один куст винограда может дать до ста больших гроздьев сочных плодов, что можно вырастить куст выше школьного здания. Это поразило воображение детей так же, как поражает рассказ о диковинных морских животных, о сокровищах скифских курганов, разбросанных в наших степях, и они с увлечением принялись за дело.

Зазеленели первые листья на кустах, потянулись к солнцу первые побеги. В теплице мы посадим несколько черенков в земляно-перегнойные горшочки, на зиму они окоренятся, а весной мы их высадим в почву, и уже через год они дадут плоды.

Эта цель была очень заманчива, ее заманчивость усиливалась, по-видимому, благодаря тому, что я принес корзину с изумрудными гроздьями винограда, и дети впервые попробовали его. Ну как после этого не пойдешь

с ведрами за перегноем, как можно отказаться от такой не совсем приятной работы, как приготовление раствора из птичьего помета для подкормки!

Пришла весна, малыши пересаживали выращенные в теплице саженцы. Нелегко было 10—11-летним ребятам готовить ямки, засыпать их питательной смесью чернозема с перегноем, но детей по-настоящему увлекал труд потому, наверное, что он озарялся мечтой. Виноградник малышей — кустов тридцать — стал самым лучшим, самым культурным уголком в саду. Когда завязались первые плоды на кустах, посаженных год назад старшеклассниками, радости малышей не было предела: они ведь чувствовали себя участниками этого труда, они помнили праздник труда. Едва дождавшись, когда созреют гроздья, я роздал их детям. Малыши торжественно понесли плоды домой — мамам, папам.

Получен первый результат труда. Зазеленели побеги черенков, пересаженных из теплицы. Дети теперь знают, как ухаживать за растениями, как выращивать их. Я радовался: вот ребята научатся хорошо выращивать виноград, каждый из них станет юным садоводом — это и будет любовь к труду. Но мои надежды не оправдались.

Прошел еще год, высаженные из теплицы черенки стали плодоносящими кустами. Снова пересаживаем черенки в горшочках в открытый грунт, снова вносим удобрения, подкармливаем. Многие школьники посадили виноград дома. И я с удивлением констатировал: чем привычнее становился труд, тем меньше к нему был интерес. Тех же детей, которых 9—10-летними малышами не оторвешь, бывало, от ведра: им хотелось внести как можно больше удобрений под черенки, которые должны прорасти, — этих детей через три года уже ничем ни привлечь ни в теплицу, ни в виноградник. Что же делать? Опять начинать работу с маленькими? Но еще два-три года — и выращивание винограда для всех станет таким же обычным, привычным делом, как выращивание помидоров и других растений, хорошо известных детям. Как же сохранить у учащихся навсегда живой интерес, увлеченность трудом, так воодушевлявшие их, когда перед ними открылось что-то новое, неизвестное, когда они не просто носили маленькими ведрами перегной, а как бы открывали новую страницу удивительной книги природы? Как добиться, чтобы труд привлекал, манил?

Надо, по-видимому, не допускать, чтобы труд превращался в надоедливое повторение одного и того же дела. Почему у малышей так загорелись глаза, когда они три года назад впервые взялись за лопатку, сажали виноградные кусты, поливали растения с раскрывающимися почками питательным раствором? Почему они с радостью искали самые жирные, по их словам, удобрения, и это было тогда настоящим увлечением? Потому, что труд тогда был для ребенка открытием мира, потому, что, познавая мир, он переживал волнующую радость. Потому, по-видимому, что собирать удобрения не было конечной целью труда, это была лишь дорожка к заманчивой, интересной, увлекательной цели. Дорожка эта, конечно, не совсем приятна, но пройти ее надо во что бы то ни стало, иначе не достигнешь цели, не завяжутся изумительные гроздья, не засверкает в них солнечный луч.

А когда новое, увлекательное стало привычным, ослабел и интерес к делу. Не потому ли у подростков вообще ослабляется интерес к труду, что мы предлагаем им то же самое, что предлагали маленькому ребенку? Наверное, потому так и получается. То, что для маленького ребенка — открытие мира, для подростка — давно прочитанная страница. Но ведь мир не ограничивается, не исчерпывается той страницей, которую он, подросток, прочитал и уже хорошо знает. Переверни страницу — и перед ним откроется новое, неизвестное. Надо открыть перед ребенком эту удивительную книгу природы. Даже в обычном, привычном, давно знакомом деле, таком, например, как выращивание помидоров или свеклы, — даже здесь можно открывать одну за другой новые страницы, которые покажут ребенку обычный труд как дело необычное, увлекательное, романтическое.

И вот главной моей заботой стало то, чтобы простой, изо дня в день повторяющийся труд был не конечной целью, а лишь средством открывать одну за другой изумительные страницы великой книги природы. Подростков, у которых остыл пыл, я все же заманил в теплицу. Нет, не упраскивал, они сами пришли. И даже рты раскрыли от изумления. Даже не все могли посмотреть то, что удивило и изумило их, потому что теплица была тогда у нас маленькая, в ней могло поместиться человек десять, не больше. Что же изумило равнодушных подростков? Это был опыт, который они называли подкормка винограда

газом. В действительности виноградный куст окуривался этиленом; усиленное поглощение газа, как известно, ускоряет развитие и плодоношение. Куст подкармливался также стимуляторами роста и в результате — небывалое дело: среди зимы в двух метрах от снежных сугробов виноград зацвел, появилась завязь плодов, гроздья увеличивались не по дням, а по часам.

Не успели пионеры высказать свой восторг, как я подготовил еще один «сюрприз»: из погреба были принесены ящики, наполненные песком, в ящиках — маленькие кустики корней винограда. Когда я рассказал, в чем будет заключаться следующий опыт, мне не поверили: неужели к корню можно привить виноградную почку, неужели она даст плодовой побег? С неистощимой ребячьей энергией снова взялись за ведра, пошли снова искать самые хорошие удобрения, выбирали самый лучший участок, на котором весной заложили небывалый виноградник: к корням морозостойкого, северного сорта прививаются почки южных сортов. Что вырастет? Как будут вести себя новые растения во время заморозков? Как перенесут малоснежную морозную зиму? Эти вопросы не давали пионерам покоя.

Как только появились первые листочки из почек, привитых к корням, я рассказал еще об одном замысле. Можно вырастить виноградный куст, корни которого пойдут ровным вертикальным стволом в глубинные слои почвы — таким корням не страшны самые сильные морозы.

— Но как же это сделать? — не терпелось узнать детям.

— А для этого надо чем-то привлекать корень, чтобы он шел вниз, — чем-то питать его очень вкусным, — наметнул я.

Лица детей озарила догадка. Что надо сделать — ясно. Но как это сделать? Начали искать ответ сообща, мне тоже вначале не совсем ясен был метод работы. К черенку, который обычно сажается в почву для выращивания саженца, присоединяли трубку, наполненную питательными веществами, потом трубку убирали, а вещества оставались. Корню заранее был указан путь за питательными веществами — и он стремился строго вниз.

Дети были изумлены и обрадованы результатом. Появились новые мысли, предложения. Один мальчик Витя И., который с полгода назад раньше всех стал проявлять

равнодушные к труду, придумал теперь интересное дополнение к моему замыслу: от длинной вертикальной трубки он предложил сделать несколько боковых ответвлений — горизонтальных трубок, наполненных питательными веществами. «Пусть в глубине корень ответвляется в стороны, это уже не страшно», — говорил он.

Мы решили, если опыт с питательными трубками удастся, передать колхозу сто морозоустойчивых кустов винограда. Идея захватила детей. Они переживали чувство гордости: им удастся сделать то, что никому еще не удавалось сделать. В детских глазах загорались радостные огоньки. Пришлось срочно расширять теплицу; и этот труд не только не огорчил ребят, но, мне кажется, еще больше вдохновил. Чтобы заложить сто кустов по методу питательной трубки, надо было принести ведер двадцать птичьего помета, перетереть его, выбрать из него то, что пужно растениям — никогда эту работу полюбить нельзя, но почему же дети выполняют ее теперь с таким увлечением? Да все потому же: этот неприятный, но необходимый труд — мостик, дорожка к тому замечательному творческому результату, достижение которого стало делом чести, гордости.

Снова приближалась весна, и я теперь не опасался больше, что ребячий пыл остынет. Слишком много уже сделано, слишком большой духовный заряд сами же дети вложили в свои сердца своим же трудом. Но заряд этот, конечно, надо постоянно пополнять. У меня были в запасе новые замыслы, я готовился воодушевить ими детей, как только замечу малейшее охлаждение.

Опыт с питательными трубками удался, на школьном участке было высажено десять кустов, на колхозном поле — сто кустов. Во время пересадки придумали еще один способ укрепить глубинные корни: на глубину до полутора метров в каждую яму клали смесь перегноя с черноземом, богатым гумусом.

Пересадили и маленькие саженцы, выросшие от прививки к корню морозоустойчивых сортов. Этот опыт сам по себе был уникальным явлением.

Меня изумило, радостно взволновало то, что в моменты духовного подъема, связанного с радостью успеха, у детей рождаются новые замыслы. Когда они увидели, что из почки, привитой к корню, развиваются совсем не такие листья, как у привоя, и не такие, как у подвоя,

наиболее любознательные ученики предложили привить почку винограда к какому-нибудь другому растению... Творчество вступило в новый этап. Разве может показаться неприятной заготовка местных удобрений, если возникла такая интересная мысль, если осуществление ее сулит столько нового, заманчивого?

Вот теперь, мне казалось, пора открыть перед моими мальчиками и девочками новую страницу чудесной книги природы, которая пробудила бы у них любовь к самому простому, самому привычному. «Копаться в навозе» — всегда считалось образным воплощением тяжелого, изнурительного, неблагодарного труда хлебороба. А вот в этом «копание в навозе» я и решил показать моим воспитанникам то, что в корне изменило бы их взгляды на простой черный труд.

Собрал энтузиастов виноградарства на участке, рассказал им о том, что ученые в своих лабораториях ставят интересные опыты; ищут в почве вещества, стимулирующие рост, развитие, плодоношение растений. Внести удобрения в почву — совсем не то, что создать эти удобрения в почве. Если удобрения создаются, микроорганизмы продолжают жить некоторое время и после посева, они обильно отдают почве стимулирующие вещества, больше того, они, по-видимому, сохраняют в почве влагу.

— Давайте, ребята, попробуем и мы поставить такой опыт. Создадим в почве удобрение, размножим там в каждом кубическом миллиметре миллионы полезных микроорганизмов, посеем пшеницу. Интересно, какой будет результат? Может быть, узнаем что-нибудь такое, что не совсем ясно и ученым.

Моя мечта увлекла детей. Их удивило и обрадовало, что, оказывается, вносить навоз — не такое простое дело. Можно внести много навоза и не только не улучшить, но даже ухудшить плодородие почвы.

И вот одновременно с уходом за виноградом закипела новая работа. Взяли три сотки обычного чернозема, который в самые урожайные годы давал не более 25 ц пшеницы с гектара. Вывезли полтонны навоза, добавили к нему полтонны органических остатков растений, сравнительно богатых сахаром (кукурузные стебли, перепревшие листья деревьев и др.). Всю эту смесь смочили слабым раствором жидкого аммиака, припахали толстым слоем чернозема. В течение лета несколько раз

культивировали, зимой проводили снегозадержание. Детям не терпелось узнать, что же происходит в почве.

Готовились весной посеять на этой необычной почве яровую пшеницу. Но мне показалось мало одного увлечения. Хотелось, чтобы ребята «заболели» еще одной мечтой. Из старых агрономических журналов я узнал, что люди, влюбленные в землю и растения, давно уже пробовали выращивать озимую пшеницу как пропашную культуру — каждый куст окучивался. Это давало замечательные результаты: урожай был в три, в пять раз выше обычного. Детей увлекли мои рассказы, и они на десяти квадратных метрах заложили опыты.

Зима прошла в множестве забот о виноградных саженцах, которые выращивались в теплице, о черенках, о кустах, покрытых снегом; прибавились теперь и новые заботы — об удобрениях. Ученики брали на учет все свалки, все остатки кормов, все кучки навоза.

Как только снег сошел с земли, ребята принялись за дело: культивировали почву, очищали семена. Посеяли яровую пшеницу в мягкую, влажную почву и с нетерпением ожидали всходов. Нас поразило быстрое развитие растений, поразили упругие, сочные, мощные стебли. Казалось, зелень закрывает почву, не пропускает к ней знойных лучей, и почва не пересыхает.

Наша яровая пшеница выбросила колос на неделю раньше, чем на других полях. Таких колосьев никто никогда не видел: крупные, тяжелые. Старики, приходившие посмотреть на наш участок, не верили, что это яровая пшеница. Особенно поражало то, что она не боялась зноя. Несмотря на раннее колошение, созревала медленно, долго зеленела, зерна наливались и все больше увеличивались. Уборка урожая дала неслыханные результаты: три сотки дали 2,5 ц, что в переводе на гектар составляло свыше 80 ц. Для посева мы брали обычные семена. Каких же результатов можно добиться, взяв отборные семена?

Такие же замечательные результаты дал и опыт выращивания озимой пшеницы кустами. Чем больше простора для куста, тем больше он дает колосьев, тем крупнее зерна. В переводе на гектар кусты давали от 60 до 70 ц, и это без удобрений, благодаря только неоднократному рыхлению почвы вокруг кустов.

Мои юные опытники окончательно привязались к земле, к растениям. 12—13-летние подростки, а вместе с ними и увлекшиеся делом их маленькие друзья, 8—9-летние малыши стали мечтать о том, чтобы создать специальное удобрение для каждого культурного растения: для подсолнечника — одно, для гречихи — другое, для проса — третье. В каждой кучке навоза они видели богатство, стали по внешнему виду различать богатый, жирный и истощенный чернозем.

Странное, удивительное явление: копаться в навозе стало интересным, увлекательным делом! Казалось, из года в год повторяется одно и то же — собирается навоз, перемешивается с определенным видом органических остатков, запахивается или даже закапывается в почву, но так могло показаться лишь постороннему человеку. Для детей же это было открытие все новых и новых страниц великой книги природы.

Труд становился подлинным творчеством. С каждой неделей, с каждым месяцем в него привносилось что-то новое.

Новые мечты, новые перспективы. Чем больше страниц — тайн природы — открывалось ребятам, тем более чуткими, восприимчивыми ко всему, что связано с почвой, с растениями, они становились.

Вот мы смотрим на склон, изрезанный после дождя на сотни канавок, рытвин. Почему вода так легко смывает, уносит драгоценный чернозем? Только ли потому, что почва часто обрабатывается? А вот рядом склон, с него тоже бегут бурные ручьи, почва там тоже вспахана, а канавок нет. Почему же это так? Я радуюсь, что пытливая мысль детей бьется над такими вопросами.

Проходят недели, месяцы, годы, ставятся все новые и новые опыты, вносятся тонны удобрений, перекапываются и перепахиваются тысячи квадратных метров земли. Каждый новый посев, каждый выросший колос — не повторение одного и того же, а открытие все новых страниц книги природы.

* * *

Воспитанники, для которых уже в детстве и отрочестве простой, черный, иногда очень неприятный, труд стал средством осуществления мечты,

дорожкой к увлекательной цели, покорению сил природы на благо человека, становятся юношами и девушками, вступают на путь самостоятельной трудовой жизни. И самая большая радость для меня в том, что они уносят в своем сознании страстную привязанность к земле, к растению, к творческому созиданию на земле. Зерна исканий, заложенные в начальных классах, развились в дальнейшей их жизни в прекрасные плоды.

Несколько лет назад окончила школу Люба К. С какой любовью и терпением она в кружке юннатов закаливала семена пшеницы, готовя растение к борьбе с засухой! Несколько недель выдерживала семена в сухой светлой камере, сеяла их на специальном участке, с нетерпением ожидала всходов. Девушку радовало, что закалка давала увеличение урожая на несколько центнеров в пересчете на гектар. Однако это ее не удовлетворяло. Она искала новые методы закалки: высушивала семена в песке, в черноземе. Разве может показаться неприятным, грязным такой труд как переноска десятков ведер почвы и песка, когда цель так увлекательна? Люба пошла в жизнь со своей мечтой о том, что растение до посева можно подготовить к борьбе с засухой. Сейчас девушка работает на опытной сельскохозяйственной станции. Труд для нее — творчество, о котором можно было бы рассказать много интересного.

Никогда не забуду Анатолия М., окончившего школу с серебряной медалью. Толя мечтал о специальных машинах для новой обработки посева новой пшеницы. Не эта ли мечта привела юношу в институт механизации сельского хозяйства? Он работает сейчас в нашей же ремонтно-технической станции. Работает над моделью почвообрабатывающей машины, которая будет культивировать междурядья пшеницы, гречихи, проса.

А Виктор П.? Он стал звеньевым-кукурузоводом, свою мечту воплощает в жизнь. Он сумел добиться того, что в поле ежегодно отводится гектар под опыты: из самых разнообразных органических остатков готовятся удобрения, потом проверяется их влияние на кукурузу, сахарную свеклу, подсолнечник. Чтобы взять в свои руки опытническую работу, Виктор овладел специальностью тракториста, сконструировал погрузчик для вывозки удобрений.

А сколько можно привести примеров, когда мечта о машине, о механизме, загоревшаяся перед учеником ярким путеводным огоньком уже в детстве и отрочестве, привела человека к станку, за штурвал комбайна, за монтажный стол электрослесаря! Я вспоминаю детство и отрочество тех, чьей страстью стала техника — машины, механизмы, обработка металла, конструирование, монтирование. Что сделало простой, как по привычке мы еще говорим, труд мечтой их жизни, целью духовного порыва? То, что этот труд уже в детстве и отрочестве вошел в их духовную жизнь как творчество (и потому стал для них не простым трудом).

Виктор К. после окончания средней школы третий год работает электрослесарем. Ежедневно он имеет дело с самыми разнообразными машинами и механизмами. Его страстью стала мечта о том, чтобы механизировать самые непривлекательные, однообразные трудовые операции.

Я вспоминаю школьные годы Виктора — он и тогда был таким же мечтателем. С 9 лет он — активный участник кружка юных конструкторов-моделистов. В 10-летнем возрасте Витя сделал действующую модель генератора постоянного тока, в 12-летнем возрасте — миниатюрную электроплавильную печь.

Саша Д. уже в III классе стал одним из активнейших участников кружка юных мотористов. Есть у нас такой кружок для самых маленьких — дети здесь собирают и разбирают маленькие двигатели, запускают их, собирают агрегаты из двигателя и рабочей машины — все это, конечно, в маленьких моделях, но за ними — огонек мечты о настоящей технике. Это он, наш маленький моторист Саша, уже в IV классе сел за руль микролитражной автомашины. Это он 13-летним подростком отремонтировал двигатель, кем-то выброшенный и найденный ребятами на свалке. После окончания школы Александр работал бульдозеристом, потом стал механиком по двигателям внутреннего сгорания. О нем говорят: молодой механик по звуку определяет неисправность деталей или узлов. У юноши тоже есть мечта — облегчить управление двигателем трактора, заменить тяжелые рычаги кнопками, сделать труд тракториста более интересным.

Можно рассказать о десятках таких жизненных судеб наших воспитанников. Для них труд стал такой же потребностью, как чтение интересной книги, как

слушание музыки, как дружба. Они полюбили труд, потому что с детства он вошел в их духовную жизнь, стал мечтой, пробудил самое глубокое чувство радости — радости открытия мира, созидания, творчества.

Мы воспитываем нового человека. Наша цель — дать каждому человеку счастье. Высшее общественное благо при коммунизме в том и будет заключаться, что не будет ни одного несчастливого, бесталанного человека.

А в чем же корень, источник настоящего счастья? Он — в творчестве, в творческом труде. С каждым годом мы все ближе подходим к тому рубежу, когда материальные и культурные потребности каждой личности будут полностью удовлетворены. Но человек по самой природе своей не только потребитель, и удовлетворение насущных потребностей — лишь предпосылка, важная, решающая, но все же лишь предпосылка счастья. Подлинное счастье жизни в наслаждении любимым творчеством в труде и в других проявлениях человеческой деятельности.

Перед нами, педагогами, величественный документ эпохи — новая Программа Коммунистической партии Советского Союза. Это Программа борьбы за человеческое счастье, за то, чтобы в каждом без исключения человеке открыть, взлелеять его неповторимый талант, поднять его способности на высокую ступень творчества. Чувство гордости наполняет сердце, когда вдумываешься в смысл этой борьбы — ведь мы, педагоги, являемся помощниками нашей великой партии в борьбе за светлые идеалы человечества.

Наша почетная, трудная, захватывающая цель — раскрыть перед каждым человеком величие труда, добиться, чтобы каждый стал творцом, поэтом, художником в труде. Коммунистическая школа будет кузницей человеческого счастья, и основы этой школы закладываются уже сейчас, в наши дни. В руках каждого из нас, педагогов, росток, который расцветет и засверкает самобытной красотой уже при коммунизме, ведь малыш, который впервые сел нынче осенью за парту, закончит школу и вступит в жизнь в 1972 г. Мы ответственны за судьбу каждого ребенка.

Начальная школа, 1961, № 11.

В новой Программе КПСС, принятой XXII съездом партии, дан глубокий анализ экономических, политических и культурных условий победы коммунизма в нашей стране. Наряду с созданием материально-технической базы коммунизма важнейшая предпосылка постепенного перерастания социализма в высшую его фазу — улучшение дела народного образования.

Грандиозные перспективы культурного роста всех членов общества выдвигают перед советской школой и учителем новые задачи. С каждым годом растет культурный уровень всех трудящихся, расширяется круг людей производительного труда, чья интеллектуальная жизнь выходит за пределы их трудовой деятельности. Все больше развиваются духовные интересы, общие для людей самых разнообразных специальностей, разного уровня образованности. Это интерес к литературе, изобразительному искусству, музыке, естественным наукам. Это, наконец, большой интерес к вопросам воспитания подрастающего поколения. Если партия ставит цель — поднять уровень культуры каждого рабочего до уровня инженера, а каждого колхозника — до уровня агронома, зоотехника, механика, то уже сейчас следует приступить к решению этой проблемы в теории и практике воспитания.

Если рабочие и колхозники по уровню своей культуры приблизятся к учителю, то каким же должен он стать, чтобы быть для ученика, по словам Н. А. Добролюбова, высшим образцом человеческого совершенства?² Какие новые требования предъявляются к нему в условиях, когда у нас становится все больше людей, способных воспитывать молодое поколение своим примером? Каким должен быть его интеллектуальный уровень, если общество делает в этом направлении удивительно быстрые шаги — колхозный кузнец становится по совместительству дирижером народного симфонического оркестра, доярка читает лекцию на заседании ученого совета научно-исследовательского института, у простого колхозника личная библиотека насчитывает пять тысяч томов. Все это уже не единичные, а типичные примеры процесса стирания различий между умственным и физическим трудом, совершающегося ежедневно и ежечасно в нашей стране.

В настоящей статье хотелось бы остановиться на двух вопросах, вытекающих из анализа этого процесса: во-первых, каким должен быть учитель новой школы, чтобы отвечать требованиям, выдвигаемым жизнью; во-вторых, как повышение культурного уровня родителей и населения по-новому ставит вопрос о путях воздействия общества на школу, как усиливается роль общественности в совершенствовании культуры педагогического процесса.

* * *

Мы стоим на пороге общества, которое будет царством разума и труда. В Программе КПСС знание, умение, трудолюбие рассматриваются в органическом единстве как важнейшее моральное достоинство человека. Воспитывать человека для коммунистического завтра должны прежде всего школа, учитель. Сделать творческую мысль и творческий труд могучим средством формирования нового человека — в этом состоит ныне сущность педагогического мастерства. Учитель должен так преподавать основы наук, чтобы они несли в себе коммунистическую человечность, проникали в душу воспитанника. Для этого педагог должен всегда видеть в каждом школьнике личность, воспринимающую знания не только разумом, но и чувствами. Воспитывать в каждом ученике горячую жажду знаний, глубокую веру в свои силы, настойчивость в преодолении трудностей — таковы новые требования, выдвигаемые жизнью перед школой.

Я знаю немало педагогов, о которых уже сейчас с полным правом можно сказать: это учитель новой школы.

Через несколько лет после войны в одну сельскую школу приехала молодая преподавательница английского языка, только что окончившая университет. Она волновалась: «Как я буду работать, ведь в университете нас почти не учили методикам...» Но опасения эти оказались напрасными: прошло некоторое время, и иностранный язык стал любимым предметом школьников. Если раньше директору приходилось просить родителей, чтобы они воздействовали на своих детей, упорно не желавших читать ненавистные им «параграфы», то теперь ученики гурьбой ходили за учительницей и просили ее: «Помогите перевести вот это предложение», «Посмотрите, нет ли ошибок в заметке, которую я написал по-английски для

стенгазеты», «Скажите, когда можно к вам прийти — проверить текст выступления для радиогазеты», «Я уже прочитал эту книжечку, дайте другую».

У неутомимой учительницы для всех находилось время. В школе была плохо поставлена внеклассная работа, и Антонина Андреевна направила неисчерпаемую энергию ребят на организацию вечеров отдыха на английском языке, постановку пьес и инсценировок, выпуск радиогазеты. Готовясь к вечерам культуры и искусства английского народа, ребята штудировали статьи «толстых» журналов и сборников. В сельской школе возник «музей английского искусства» — конечно, это была всего-навсего выставка репродукций.

Через два года Антонина Андреевна ушла в длительный отпуск. На ее место временно назначили нового преподавателя. Это был знающий, опытный педагог (с восемнадцатилетним стажем), но отношение учеников к иностранному языку резко изменилось. По целым неделям они не заглядывали в учебники, а от вечеров и постановок остались одни воспоминания.

Возвратилась из отпуска Антонина Андреевна — и снова ученики засели за трудные статьи, снова появились объявления о вечерах на английском языке, ожил «музей английского искусства». Ребята стали переписываться на английском языке с детьми из четырнадцати стран.

Большим событием в школе было появление нового старшего пионервожатого. Двадцатитрехлетний комсомолец, окончивший педучилище и только что вернувшийся из армии, Миша П. завоевал сердца школьников не организаторскими способностями, а своим искусством резьбы. Еще в детстве он научился вырезать из дерева, коры, окаменевших в почве корней фигурки зверей, птиц, людей. У детей загорались глаза, когда они видели, как из-под его резца выступают тонкие лепестки цветка — юноша работал над композицией «Цветы в стакане». Вожатый не обладал красноречием, смущался, когда приходилось выступать перед пионерами, ему трудно давалась подготовка сборов, но когда за работой он рассказывал подросткам прекрасную легенду о Пигмалионе, самые непоседливые слушали, зажав дыхание.

В школе возникло несколько кружков, в которых ребята учились искусству резьбы. Миша убеждал пионеров, что научиться вырезать фигурку животного или бюст

человека может каждый из них. Вера вожатого в их творческие силы передавалась ребятам, и они часами не уходили из рабочей комнаты. В маленькой комнатке, где прежде хранились лампы и тряпки, была открыта мастерская. Миша учил детей делать из мягкой, податливой глины красивые горшки для цветов, декоративные сосуды, фигурки животных и птиц.

Однако вдохновителю этого творчества пришлось вскоре оставить школу. Как это ни странно, в райкоме комсомола согласились с мнением директора школы, что Миша П. «не занимается своим делом». Несколько недель в детских сердцах еще теплился огонек, зажженный вожатым, но постепенно он угас. И странное дело: те же школьники, у которых раньше руки тянулись к резцу, а в глазах горел творческий огонек, теперь равнодушно смотрели на плоды своего труда.

Районный отдел народного образования назначил в школу нового преподавателя математики. Николай Яковлевич — так звали молодого математика — узнал, что в пятых классах ежегодно не успевает по арифметике половина учеников, что задачи решают дома 2-3 человека из класса, а остальные списывают у них. В старших классах положение было несколько лучше.

Вопреки ожиданиям двух коллег-математиков, Николай Яковлевич попросил дать ему часы не в старших, а в V и VI классах. В первые дни никто из учителей не посещал уроков нового преподавателя, но по отзывам учеников педагогический коллектив понял, что там происходит что-то странное. На вопрос: «Какие задачи вы решаете? — ребята, загадочно улыбаясь, отвечали: «А мы задач не решаем... Мы их составляем». Не зная, что делать — удивляться или радоваться, завуч пошел к Николаю Яковлевичу на урок. То, что он увидел там, не укладывалось в обычные рамки методики. Завуч не знал, что записать об уроке, что сказать о нем. Вместо того чтобы проверять домашние задания, изучать и закреплять материал, учитель раскрывал перед детьми мир природы в числовых связях и зависимостях. И дети, увлеченные этим, составляли задачи более трудные и сложные, но вместе с тем более понятные, чем в задачниках. Они даже не думали, что решают задачи: они стремились найти корень зависимости. В поисках ответа «задача решалась сама собой», как говорили ученики. В самый

напряженный момент звенел звонок, и Николай Яковлевич предлагал им: «Ну, дома подумайте». И они думали над задачей в перерывах, даже на других уроках. Когда завуч неуверенно спросил у Николая Яковлевича о домашнем задании, тот ответил: «Видите ли, дети еще не готовы к выполнению домашних заданий. Им надо дать зарядку на уроке. Надо раскрыть им глаза. Пусть поймут, что математика — не только колючие тернии, но и такие же благоухающие розы, как и литература. Математика — прежде всего мысль, пытливая, желающая все знать, обо всем иметь представление. Математика учит думать и вместе с тем вселяет веру в безграничные силы человеческого ума. Она воспитывает волю, характер. Вы говорили, что ученики привыкли списывать, не хотят решать задачи. Значит, перед ними не раскрыли воспитательной силы предмета. Я уверен, что через полгода, когда лодырю будут давать списывать готовые решения, он этого не захочет — совесть не позволит. Среди наших «неспособных» добрая половина — прирожденные математики. Добиться, чтобы они сами почувствовали это — моя мечта».

И постепенно математика стала по выражению завуча «царствующим предметом». Ученики решали задачи с интересом и наслаждением. За Николаем Яковлевичем гурьбой ходили ребята, заглядывали ему в глаза, просили провести еще одно занятие математического кружка. В школе стали все чаще устраиваться математические вечера, олимпиады, викторины, игры, доклады. И всюду топ задавали пятиклассники и шестиклассники.

В математический кружок потянулись и старшие. Николай Яковлевич не видел ничего предосудительного в том, что он будет вести внеклассную работу с учащимися не его классов. Но произошла первая заминка... В одной из бесед директор и завуч намекнули ему, что это может подорвать авторитет других учителей математики.

— Почему же они сами не ведут кружковой работы? — спросил Николай Яковлевич.

Директор и завуч развели руками: ответить было нечего. На занятия кружка к Николаю Яковлевичу стали приходить буквально все ученики VII—X классов. Когда один из педагогов ушел из школы по собственному желанию, Николаю Яковлевичу поручили вести уроки в IX—X классах. К концу учебного года у него не было неуспе-

вающих учеников. Кроме блестящего знания предмета, что характерно для многих хороших учителей, он обладал еще одним замечательным качеством — верой в человека. Знания отстающих он оценивал только тогда, когда ребята добивались первого успеха. Не решил ученик задачу сегодня — решит завтра, не понял правила или формулы после первого объяснения — поймет на следующем уроке или в индивидуальной беседе. У самых «закоренелых» лодырей рождалось желание преодолеть трудности. В отношениях Николая Яковлевича с учащимися царила атмосфера взаимного доверия. Некоторые его ученики какое-то время работали по специально составленному для них плану — решали и составляли более легкие задачи. Преподаватель придерживался принципа: лучше пусть школьник узнает немного, чем не узнает ничего.

Атмосфера творчества, характерная для повседневного труда Николая Яковлевича, захватила весь учительский коллектив. Вновь назначенный директор школы поддерживал каждую идею талантливого педагога, часто обращался к нему за советами. Вместо сухих, скучных докладов, которые раньше терпеливо выслушивались на заседаниях педагогического совета, возникли творческие диспуты: брался какой-нибудь острый вопрос практики и каждый высказывал свои мысли. С большим интересом обсуждались такие, например, вопросы: «Как добиться, чтобы дети внимательно слушали рассказ учителя на уроке?», «Какой урок считают хорошим дети и какой — мы, педагоги?»

В период развернутого строительства коммунизма требования к учителю неизмеримо возрастают. Речь идет сейчас о том, чтобы ни один член нашего общества не остался без образования. Решающее условие достижения такой цели — хороший учитель.

Стать таким учителем может прежде всего настоящий воспитатель, человек, который зажигает перед воспитанниками яркий светоч знаний, помогает им преодолевать трудности. Быть хорошим учителем в наше время, когда всю нашу жизнь наполняет атмосфера высокой нравственности, благородных стимулов труда — значит не только в совершенстве знать предмет. Главное — вера в человека, умение увидеть хорошее в нем. Высокая нравственность учителя становится ныне важнейшим условием его педагогического мастерства. Не случайно люди, обладаю-

щие высоким даром видеть в человеке хорошее, верить в него, покоряют сердца своих питомцев. Любимым и авторитетным учитель становится не только потому, что в совершенстве знает свой предмет, но и потому, что глубоко любя его, соединяет в своем сердце эту любовь с любовью к детям.

В одну из средних школ нашей области приехал молодой преподаватель физики, закончивший университет, в прошлом выпускник этой же школы. В отличие от своих предшественников, он был глубоко убежден, что настоящая физика — это прежде всего эксперимент, исследование. С первых же дней работы учитель попросил предоставить комнату для лаборатории. Директора удивила просьба — ведь в школе был прекрасно оборудованный физический кабинет. «Кабинет — для уроков, уроки — для всех учеников, — возразил учитель, — а нам нужна лаборатория для юных физиков. Необходима также рабочая комната для кружка автоматики и телемеханики...»

И несмотря на то, что в первые два года работы Леонида Александровича школа не могла выделить комнату ни для лаборатории, ни для кружков, он сумел вовлечь ребят в интересный, творческий труд. Молодой преподаватель после уроков становился за токарный или сверлильный станок, за тиски. Кружок юных физиков начал с самого, казалось бы, простого, но это было очень важно: каждый желающий участвовать в работе по автоматике и телемеханике должен был изготовить свои собственные инструменты — молоток, циркули, нутромеры и др. Леонид Александрович показывал пример: его инструменты отличались удобством и изяществом отделки. Он работал с упорением, и при нем нельзя было относиться к делу равнодушно.

Влюбленность учителя в свой труд была той искрой, которая зажигала в душе каждого ученика вдохновение. Ребята увидели, каким красивым и удобным может быть рабочее место, как приятно работать на чистом, сверкающем отшлифованным металлом токарном станке, изготовленном собственными руками. И каждому из них хотелось сделать свое рабочее место таким же. Началось молчаливое соревнование за лучший станок. От механики постепенно перешли к автоматике. Ученики скорее чувствовали, чем понимали, что тонкий, кропотливый труд, связанный с монтажом автоматических устройств и приборов, — настоящее искусство, что Леонид Александрович

рович — художник своего дела, что учиться у такого человека большое счастье. Педагог стал идеалом юношей и девушек, особенно тех, кто имел склонность к техническому творчеству.

Уже в первый год своей работы Леонид Александрович задумал сконструировать действующую модель автоматической линии — токарный и сверлильный станки с программным управлением. Молодой учитель обладал ценнейшим качеством: любого ученика он умел сделать активным участником самого сложного дела. Школьник даже не замечал того, что он учится. Это становилось для него творчеством, объединяющим его, товарищей и учителя в единую семью. В создание автоматической линии добрую половину труда вложил Леонид Александрович, но кружковцы считали линию своим делом. Учитель сумел построить взаимоотношения в трудовом коллективе так, что каждый переживал общий успех как успех личный. Вместе с умениями, с мастерством ребятам передавалась от учителя горячая влюбленность в творческий труд, уверенность в том, что эта работа дает радость, полноту духовной жизни. Леониду Александровичу удалось, наконец, получить классную комнату, и он назвал ее кабинетом технического творчества. Каждый кружковец конструировал здесь модель, которая его увлекала, кроме того, было еще и участие в коллективной работе. «Я не считаю ученика подготовленным к труду до тех пор, пока он не сконструировал что-то новое, не внес в машину какое-то усовершенствование, не стал изобретателем, — говорил Леонид Александрович. — Чтобы хорошо управлять машиной, надо ее чувствовать, а чтобы чувствовать, надо работать руками».

Воспитание человека коммунистического общества выдвигает новую задачу: раскрыть творческие способности, дарования, таланты всех без исключения воспитанников. Каждый из них должен войти в жизнь всесторонне развитым человеком, черпающим радость своего бытия из неиссякаемого источника — творческого труда. Чтобы найти в каждом ученике самую сильную сторону, открыть в нем его золотую жилку, все учителя должны быть людьми, страстно влюбленными в свой труд, умеющими зажечь огонек такой же любви в своих питомцах.

Человеческий труд безграничен. В любой школе есть ребята, которые при создании надлежащих условий могут

горячо полюбить выращивание зерновых и технических культур, строительное дело и т. д. Их природные задатки могут раскрыться лишь при условии, что рядом с таким умелым преподавателем физики, как Леонид Александрович, будет умелый преподаватель биологии. Рядом с талантливым биологом должен быть талантливый строитель, в руках которого камень и кирпич превращаются в прекрасные творения.

В одной из средних школ Украины свыше десяти лет работает преподаватель литературы Виктор Алексеевич, которого без преувеличения можно назвать властителем дум юношей и девушек. Он имеет университетское образование, что особенно важно, умело находит путь к сердцу каждого ученика.

«Горьковская «Песня о Соколе» изучалась в прошлом году и изучается ныне,— рассказывает Виктор Алексеевич.— Но в этом году я буду излагать новый материал иначе, чем в прошлом, потому что ученики другие, духовный мир каждого воспитанника требует специального воздействия». На уроках этого преподавателя школьники чувствуют себя не только истолкователями художественных произведений, но и активными участниками той духовной борьбы, которую отражает подлинная поэзия. Красной нитью через его уроки литературы проходит идея: труд, раскрывающий способности личности и возвышающий Родину, является вершиной нравственной доблести человека; своим трудом человек завоевывает право на богатую, полнокровную духовную жизнь. Достигается это непосредственным обращением учителя к мыслям и чувствам воспитанников. Например, в классе изучаются произведения «Кому на Руси жить хорошо» или «Железная дорога» Некрасова, «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, или «Мать» Горького. Анализируя художественные образы, Виктор Алексеевич приводит учеников к убеждению, что идеалом человека является свободный творческий труд, что борьба за социальное освобождение — и есть борьба за такой труд, за счастье духовно богатой жизни.

Преподаватель знает, что среди учащихся есть такие, которым еще не доступна радость труда. Анализируя образы того или иного художественного произведения, учитель помнит о таких учениках. Пять лет он воспитывал Колю С., одного из тех трудных детей, чей характер

отличается исключительной сложностью и противоречивостью. Мальчик легко схватывает то, что изучается на уроке, может прекрасно отвечать устно и писать сочинения по литературе, но избегает физической работы, боится трудностей, проявляет эгоизм и равнодушие по отношению к товарищам. Разве можно быть спокойным, когда душа подростка пуста, когда ничто его не захватывает и не увлекает? И Виктор Алексеевич ни на минуту не забывает, что на уроках литературы сидит такой ученик. Рассказывая о безымянных строителях железной дороги, о героях прошлого, погибших в борьбе за счастье, которое дается детям как богатство, завоеванное старшими поколениями, учитель обращается к ученику, пробуждает у него чувство ненависти к рабскому, принудительному труду и заставляет его задуматься над вопросом: а как же я ценю счастье, обретенное такой дорогой ценой. Идея счастья свободного труда доходит до души Коли, потому что каждое слово педагога согрето горячим убеждением. Зная жизнь, поведение, поступки своего воспитанника, он своим страстным словом то словно одобряет его деятельность, то порицает, вызывая угрызения совести, утверждая в юном человеке чувство собственного достоинства.

Классный коллектив был однажды взволнован поступком Коли С., который отказался приготовить раствор из местных удобрений для подкормки плодовых деревьев. В ответ на замечание товарищей, обвинивших мальчика в лени, он заявил: «Пусть дураки возьмется в навозе, а я буду делать то, что мне приятно». Готовясь к уроку, учитель перечитывает «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, а из головы его не выходит мысль о том, что на уроке надо раскрыть всю мерзость отказа от будничного труда, добиться, чтобы Коля сам осудил свой поступок и нашел в себе силы исправиться.

И вот на уроке зазвучало страстное слово Виктора Алексеевича: «Уставший, изможденный от непосильного труда на барина, крестьянин только ночью находил время поработать на собственном клочке земли. Горек был хлеб, выращенный этим трудом, беспросветной была жизнь человека. Он проклинал свой труд как тяжелое бремя, которое надо было нести для спасения от голодной смерти. В далекое прошлое ушло от нас это время. Мы живем в обществе, где высшей доблестью считается труд, где забота о куске хлеба отодвигается на второй план. Всена-

родным почетом и славой окружены люди, создающие материальные ценности для тысяч других людей. Почему же в нашем обществе все еще встречаются тунеядцы, которые уклоняются от простого, будничного труда, считают его грязным, ищут что-то легкое? Как вы должны относиться к таким людям? Человек, презирающий простой труд, унижает свое собственное достоинство, позорит свое имя, уклоняется от верного пути, на котором можно найти счастье жизни».

Затем учитель пригласил всех учеников принять участие в борьбе против эрозии почвы на одном из участков колхозного поля: «Это будет настоящее творчество,— заявил он.— Тот, кого страшит труд на земле, поймет, как он радостен, когда что-то создается для других людей».

По инициативе Виктора Алексеевича был создан небольшой трудовой коллектив. Вошел в него и Коля С. Площадь, которую надо было спасти от эрозии, представляла собой склон большой балки. Сразу же после уборки урожая ученики вспахали участок и сделали на нем несколько тысяч противоэрозионных валиков. Это был нелегкий, однообразный труд, но он озарялся благородной целью и поэтому вдохновлял ребят. Учитель литературы трудился вместе со своими воспитанниками. Когда уставшие ребята отдыхали, рассказывал им о жизни крестьян в дореволюционной России, рисовал картины радостного труда в коммунистическом обществе. Участок преобразился. Благодаря тому что на участке было задержано много влаги, уже в первый год здесь был собран урожай в полтора раза выше, чем на участках, не истощенных эрозией.

Ученики приходили на свой участок после каждого дождя, а зимой — после снегопада и смотрели, как задерживается драгоценная влага. На участке была посеяна озимая пшеница. Земля, считавшаяся ранее малопродуктивной, дала небывало высокий урожай — сорок один центнер с гектара.

Виктор Алексеевич не выпускал из поля своего зрения Колю С. Он сумел заронить в сознание школьника зерна пытливой исследовательской мысли. Решив создать небольшой опытный участок, мальчик самостоятельно отобрал для посева самые крупные зерна, с увлечением собирал перегной и птичий помет. От былого пренебрежения к «грязной» работе у него не осталось и следа. И резуль-

гаты получились замечательные: его опытный участок дал свыше пятидесяти центнеров пшеницы.

Теперь Коля трудится в полеводческой бригаде совхоза, ведет опытническую работу, испытывает новые сорта зерновых и технических культур, выращивает плодовые деревья. У молодого рабочего богатая духовная жизнь: он читает художественную и научно-популярную литературу, переписывается с учеными-селекционерами.

Если сам по себе труд, а не его материальные выгоды и преимущества, доставляет человеку истинное наслаждение и приносит высокое нравственное удовлетворение, можно без преувеличения сказать: такой человек готов жить по принципам коммунизма. Наше общество глубоко заинтересовано в том, чтобы учитель передавал учащимся не только знания, но и готовность трудиться. Если детей воспитывает педагог, для которого труд — счастье, то и его питомцы будут счастливы. Учитель литературы, о котором идет речь, горячо любит и свой предмет, и труд на земле; он умеет не только рассказывать о тонких наблюдениях над природой, но и своими руками создавать красоту: выращивает саженцы плодовых деревьев и передает их населению; собирает семена плодовых и декоративных деревьев и обменивается ими со школами других союзных республик. Большое наслаждение доставляет ему и уход за плодоносящим кустом винограда, и чтение лирических стихов о природе и человеке. Он сам пишет — не для печати, а для того, чтобы научить своих учеников бережно пользоваться словом. За двадцать два года своей работы в сельской школе он написал свыше тысячи поэтических миниатюр, в которых воспевают красоту природы и человеческого труда. Читая свои произведения ученикам, он во время экскурсий и походов обращает их внимание на многообразие явлений природы и красоту труда. Каждое лето к Виктору Алексеевичу приезжают его бывшие воспитанники — учителя, инженеры, журналисты. Как самое заветное показывает он свои поэтические миниатюры и возвращенные его руками виноградные лозы.

Вера в человека — огромная нравственная сила, воплощающая в себе самую сущность отношений в нашем обществе. И в школе эта вера должна проявляться учителем всегда и во всем. Настоящим педагогом может считать себя только тот, кто в каждом своем воспитаннике видит человека в будущем. И если перед ним ученик

нерадивый, не имеющий желания учиться, не проявляющий ни к чему интереса и способностей,— сердце учителя должно встревожиться: ведь знания — не багаж, который можно положить в голову ребенка. Прежде чем думать о знаниях, надо пробудить в нерадивом ученике человеческое достоинство, незаметно коснуться самых чувствительных струн его души.

Там, где учитель сумел вызвать у воспитанников чувство любви к своему предмету, ярко раскрываются их способности и склонности — появляются талантливые математики, историки, биологи. Интересы, способности, склонности и даже весь жизненный путь школьника во многом зависят от того, чья неотразимая сила оказала влияние на его интеллект в годы отрочества и юности. Я знаю школу, из стен которой вот уже в течение семнадцати лет выходят талантливые агротехники и животноводы, мастера высоких урожаев. Многие выпускники этой школы получили высшее образование и возвратились в село специалистами, влюбленными в природу, в труд на земле. И в каждом из них эту любовь открыл талантливый учитель — преподаватель биологии и химии, руководитель сельскохозяйственных кружков.

А что будет, если огоньки, зовущие к знанию, к труду, творчеству, ученик увидит со всех сторон? Это должно быть и обязательно будет. Тогда все учителя станут прежде всего воспитателями. В каждом без исключения ребенке раскроются его природные задатки, засверкает разум. Достигнуть такой высокой ступени нравственного и интеллектуального развития общества — наша цель, это и есть коммунизм.

* * *

Усилие активности рабочих, колхозников, интеллигенции в деле воспитания — знаменательное явление нашего времени. Оно отражает глубокие процессы нашей общественной жизни и прежде всего непрерывный рост числа людей, имеющих высшее и среднее образование. Рабочие и колхозники по уровню своего культурного развития приближаются к интеллигенции. Инженер, агроном, зоотехник, рабочий, колхозник идут в школу уже не только для того, чтобы узнать, как учатся дети: они хотят вместе с учителями найти эффективные пути улучшения воспитательного процесса.

Сколько новых форм и методов работы рождает это явление! В лучших школах нашей страны на заседания педагогического совета приглашаются передовые люди труда — люди высокой культуры, принимающие активное участие в совершенствовании учебно-воспитательной работы.

Усиление влияния общественности на педагогический процесс повышает роль школы и учителя, поднимает теорию и практику обучения и воспитания на более высокую ступень. Задача работников школы и педагогической науки — своевременно подмечать новые требования, которые ставит жизнь перед учителем, школой и наукой о воспитании.

Отдельные педагоги игнорируют то важное обстоятельство, что люди труда, особенно молодежь, постоянно обогащают свои знания, проявляют интерес к проблемам науки и техники, далеко выходящим за пределы программы общеобразовательной средней школы. Если учитель хоть на один день остановится в своем интеллектуальном росте, он перестает быть светочем знания и для своих воспитанников, и для взрослых тружеников.

В этой связи вспоминается событие, имевшее место год тому назад в одном из сел Кировоградской области. В селе — большая средняя школа, в которой работают свыше пятидесяти учителей. Преподавателя физики Карпа Емельяновича, проработавшего в школе свыше двадцати лет, родители и ученики знали как трудолюбивого человека и хорошего учителя. До тех пор, пока все оканчивавшие среднюю школу поступали в высшие учебные заведения и редко возвращались на работу в родное село, Карп Емельянович чувствовал себя передовым человеком. Но в жизни страны произошли важные изменения, связанные с перестройкой школы. В колхозе и совхозе, расположенными рядом с селом, возникли бригады и звенья, полностью состоящие из молодежи, окончившей среднюю школу. Юноши и девушки жили не одним трудом: они читали научные журналы, проводили беседы и диспуты. Многие из них интересовались такими проблемами науки, как термоядерные реакции, гравитация. Однажды в читальном зале возник спор об элементарных частицах. Молодые люди поняли, что они многого не знают. К кому обратиться за помощью? Никто не сомневался, что преподаватель физики сумеет ответить на их вопросы. Они

пришли и попросили прочитать лекцию об элементарных частицах. Просьба эта была неожиданностью для учителя. «Для чего им это?» — подумал он, но спросить не решился, смутно чувствуя, что оскорбит своим вопросом юношескую пылкость и любознательность.

Старый учитель принялся читать научную литературу. Он пытался вдуматься в сложные вопросы, но охватить то, что упускал годами, было невозможно. Карп Емельянович убедился, что лекцию прочитать не сможет. Он никогда не говорил неправды, и когда через несколько дней ему напомнили, что молодежь с нетерпением ожидает лекции, он сказал: «Не готов я к этому. И вообще, наверное, не смогу ее прочитать».

Лекцию подготовил и через месяц прочитал бывший выпускник школы, техник местного радиоузла Владимир З. Он был одним из тех любознательных юношей, которых все интересует. Когда лекция окончилась, Карп Емельянович пожал руку своему бывшему ученику, поздравил его с успехом.

Прошло два года. Владимир З. поступил на заочное отделение университета. Позднее его назначили преподавателем в одну из школ района. Физика стала любимым предметом учеников.

Этот факт — наглядное свидетельство глубоких, коренных изменений, происходящих ныне в развитии производительных сил и в духовной жизни общества. К переднему краю науки и техники, к новейшим достижениям мысли стремятся миллионы рабочих и крестьян. Школа не только должна учитывать это закономерное явление в воспитательной работе, но и быть его вдохновителем. А это возможно лишь в том случае, если учитель является для молодого поколения образцом постоянного роста, интеллектуального обогащения. В учителе-воспитателе должно воплощаться все лучшее, что достигнуто народом. Творческий труд на благо Родины в сочетании с богатым разносторонним интеллектом становится в наши дни определяющей чертой высокой нравственности, духовного благородства нового человека.

Советская педагогика, 1961, № 12.

РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ И НАКЛОННОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ

Все во имя человека, все для блага человечества — этот гуманный принцип коммунизма все глубже воплощается во всех сферах жизни нашего общества. Высшее благо и счастье передового советского человека — творческий труд, в котором наиболее ярко и полно раскрываются способности и дарования личности.

При коммунизме духовная сторона труда поднимается на небывало высокий уровень. «Главное для создания счастливой жизни человечества в том, — говорит академик Н. Н. Семенов, — чтобы духовная творческая деятельность в той или иной мере стала присущей каждому». Счастье любимого труда надо давать молодому поколению уже сейчас, сегодня. В этом мы видим единство нравственного и трудового воспитания.

На современном этапе жизни советского общества воспитание всесторонне развитой личности, раскрытие индивидуальных способностей каждого школьника — важная педагогическая задача. Коммунизм означает прежде всего расцвет способностей каждого. В новом, самом справедливом обществе человек будет настолько влюблен в свое дело, что посвятит ему все свои творческие силы. Своевременно найти, воспитать и развить задатки способностей у наших воспитанников, вовремя распознать в каждом его призвание — вот, что сейчас главное в учебно-воспитательной работе.

Наш педагогический коллектив ставит перед собой цель — добиться, чтобы в школе не было ни одного безликого, ничем не интересующегося ученика, которого ничто не волнует и не увлекает, который с одинаковым равнодушием учит и математические формулы, и лирические стихи. Мы стремимся, чтобы каждый наш воспитанник с первых дней своего пребывания в школе чем-то увлекся, во что-то влюбился, развивал свои творческие способности, чтобы у него сформировалось определенное жизненное призвание.

Как же это делается практически, как открыть, зажечь в каждом ребенке искру творчества?

В нашей школе ежегодно учится от 500 до 550 учащихся. Первое, что бросается в глаза новичку, — атмосфера творческого труда. Конечно, ребенок, поступивший в

I класс, больше чувствует, чем понимает эту воодушевленность. Но педагогу это важнее всего: вовлекать детей в труд не словами, не уговорами, а живым примером старших, тех, кто в интересном деле видит радость жизни. У каждого ученика есть любимый уголок для творческого труда, старший товарищ, который является для него образцом. В том, чтобы помочь каждому ученику найти любимое дело, пример для овладения мастерством труда, и состоит в настоящее время одна из главных трудностей организации внеклассной воспитательной работы. Преодолеть ее нам помогают связи школьников с членами тракторной бригады местного колхоза, которой присвоено звание коллектива коммунистического труда, с тружениками полеводческих бригад, животноводческих ферм, ремонтно-технической станции, Кременчугской гидроэлектростанции, вагоностроительного завода и других предприятий. В этих производственных коллективах наши воспитанники находят старших товарищей. Бывает, что отдельных, равнодушных ко всему детей приходится вводить то в один, то в другой коллектив, пока, наконец, их не заинтересует что-то.

Это нелегкое и кропотливое дело, в процессе которого происходят конфликты. Преодоление их — будни каждодневной воспитательной работы. Учится в нашей школе девятиклассник Павел Д. В прошлом он был одним из наиболее равнодушных учеников. Педагогам долго не удавалось его ничем увлечь. Безразличие к труду рождало безразличие к учению; на протяжении восьми лет (с I по VIII класс) мальчик трижды оставлял школу. Но вот в кружок юных техников пришел новый руководитель В. Я. Таран. Человек с золотыми руками, мастер слесарного, монтажного и токарного дела, он быстро увлек всех ребят. Один Павел продолжал относиться к занятиям так же безразлично, как и прежде. Но через короткое время новый руководитель сумел пробудить у подростка интерес к труду и, что особенно важно, научил доводить начатое дело до конца. У мальчишки пробудилось чувство гордости за то, что он сделал, а, на наш взгляд, — это исключительно важное условие формирования интереса к труду. Постепенно Павел увлекся занятиями в кружке и сейчас стал одним из наиболее заинтересованных моделированием и конструированием.

В нашей школе односменные занятия, и поэтому после уроков и отдыха каждый ученик может заниматься в своем любимом уголке (примерно с четырех до восьми часов вечера). Педагогическому коллективу пришлось очень много потрудиться, чтобы создать материальную базу для творческого труда ребят. Обычно в часы, отведенные для любимых занятий, школу посещают все учащиеся. Вместе с ними нередко приходят и ученики соседних восьмилетних школ. Малыши-первоклассники часто приводят и своих младших братьев и сестер — им тоже хочется что-то делать. Для всех ребят надо найти увлекательные дела, а не просто запясть их чем-нибудь, лишь бы не бездельничали и не мешали друг другу. Чтобы зажечь в каждом школьнике дух творчества, во всех этих любимых уголках необходимо широко представить важнейшие виды труда, преломив их в сугубо детской деятельности с учетом возрастных особенностей ребят (здесь большая опасность оттолкнуть детей излишней серьезностью, «заорганизовать» то, что должно быть просто интересным).

У нас хорошо оборудованы четыре рабочие комнаты технического творчества, три мастерские (одна столярная и две металлообрабатывающие), две комнаты для занятий по машиноведению, две комнаты и пять уголков для конструирования и моделирования, для монтажных и электротехнических работ, радиолaborатория, комната для занятий по автоматике и телемеханике, несколько уголков юных мотористов, специальный гараж для микролитражной автомашины, собранной старшими школьниками и учителями. В этих разнообразных видах технического творчества находят интересные и увлекательные для себя дела и первоклассник, и одиннадцатиклассник. В столярной мастерской есть специальные электролобзики для младших школьников, а в одной из рабочих комнат по технике — маленькие токарные и сверлильные станки для изготовления игрушечных деталей. Несколько десятков рабочих мест оборудовано для тех малышей, которые любят мастерить, обрабатывать металл, конструировать и моделировать. Каждое из них обеспечено маленькими тисками, напильниками, молоточками, плоскогубцами, набором материалов: проволоки, металлических пластинок, разнообразных болтиков, гаек и пр. Все это рассчитано на то, что ребенок, проявляя смекалку, начнет монтировать, со-

ставлять узлы, модели. Есть в рабочих комнатах и мастерских действующие модели машин и механизмов.

Рядом с любимыми уголками младших ребят расположены рабочие места пионеров и старших школьников. Ученик III или IV класса вытачивает на маленьком станочке какой-нибудь валик или колесико для игрушечной тележки. Рядом с ним восьмиклассник изготавливает детали для действующей модели генератора, а одиннадцатиклассник — для токарного станка, на котором работают ученики VIII класса. Это имеет особый воспитательный смысл: так создаются условия для активного воздействия на безразличного, порой ленивого ученика.

Для развития у детей младшего и среднего школьного возраста интереса и способностей к конструированию и монтажу выделены особые рабочие места, где можно собрать модели механизмов и машин из размонтированных узлов. Рядом с младшими старшеклассники монтируют демонстрационный токарный станок с программным управлением. Такому соседству мы тоже придаем большое воспитательное значение.

Многолетний опыт убедил нас в том, что уже в младших классах у отдельных ребят обнаруживаются ярко выраженные задатки к управлению сравнительно сложными машинами и механизмами. Для этих самородков, вернее — для того, чтобы труд шлифовал как можно больше таких талантов, — у нас есть силовой цех — несколько маленьких двигателей внутреннего сгорания, которые можно без опасности заводить и останавливать. Они приводят в движение игрушечные генераторы небольшого напряжения. Этот детский силовой цех размещен рядом с настоящей силовой установкой, которую изучают кружковцы среднего возраста. Практика показала, что из каждого десятка мальчиков и девочек три-четыре уже в 10—11-летнем возрасте умеют размонтировать и смонтировать небольшой двигатель внутреннего сгорания, хорошо управлять машиной и, что особенно важно, влюбляются в нее. Это — будущие талантливые механизаторы. Из каждой сотни мальчиков и девочек два-три человека в том же возрасте знают двигатель внутреннего сгорания несравненно лучше, чем одиннадцатиклассник, которого техника никак не заинтересовала. Чем ярче раскрываются способности детей, тем успешнее преодолевается главная

трудность воспитания способностей и призвания — равнодушные отдельных ребят к какому бы то ни было труду.

Для учеников среднего и младшего возраста у нас имеется свыше пятидесяти двигателей внутреннего сгорания, как элементов разных машин (трактор, автомобиль, мотоцикл), так и стационарных установок, приводящих в движение генераторы постоянного тока самого разнообразного назначения. Например, два двигателя приводят в движение циркулярную пилу и фуговальный станок (хотя есть аналогичные рабочие машины, приводимые в движение током от электросети). Подросток может в любое время разобрать ее, почистить, смазать, поразмыслить над взаимодействием деталей и узлов. В распоряжении старших школьников — два трактора и две автомашины. Мы отдаем предпочтение не новым а списанным машинам. Работать на них нелегко, ибо они требуют частого ремонта, но зато у детей воспитывается подлинная любовь к технике.

В одном из школьных помещений есть уголок юного строителя. Здесь любители строительного дела монтируют арматуру, изготавливают железобетонные блоки и детали.

В кабинете электротехники также созданы рабочие места для учеников разных возрастов. Самые маленькие собирают действующие модели генераторов из готовых узлов, постепенно переходя к сборке узлов из отдельных деталей. Школьники среднего возраста изготавливают детали, монтируют из них узлы, конструируют модели механизмов и электроизмерительных приборов, делают для младших товарищей электролобзики, электропаяльники. Рабочие места старшеклассников обеспечены инструментами для изготовления сравнительно сложных установок и механизмов, действие которых основано на превращении электрической энергии в механическую, тепловую, световую.

Особое место в воспитании индивидуальных способностей мы отводим кабинету электроники и автоматики. Здесь имеется полный набор материалов и деталей для конструирования действующих моделей и установок, построенных на принципах автоматики и телемеханики. Многолетний опыт убедил нас, что в каждом классном коллективе выявляются 2—3 ученика, у которых благодаря занятиям в технических кружках постепенно разви-

ваются творческие способности в области автоматики и электроники.

Всегда переполнена рабочая комната по радиотехнике, где трудятся и малыши, и пионеры, и старшекласники. Творчество ребят начинается здесь с изготовления простых детекторных радиоприемников и завершается конструированием сложных полупроводниковых приемников и установок для управления по радио авиамodelями. Период увлечения авиамodelизмом проходят почти все дети. Чем больше успехов достигают они в этой области, тем более глубокий интерес проявляют они к таким видам труда, как радиodelo, автоматика и электроника, электротехника.

Большое внимание уделяет педагогический коллектив пробуждению и развитию у своих питомцев способностей к художественному творчеству, особенно в области прикладного искусства. В маленькой керамической мастерской ребята изготавливают посуду и различные фигурки. Для малышей отведен специальный рабочий уголок, в котором они лепят, делают куклы для школьного кукольного театра. В кружке художественного выжигания и выпиливания дети воплощают свою фантазию в рисунках и плоскостных фигурках. В кружке живописи объединяются ученики с I по выпускной класс. Музыкальные способности развиваются в хоровых коллективах, в детском оркестре народных инструментов, в кружке юных баянистов. Есть в школе и литературно-творческие кружки. Периодически в школе проводятся выставки ученических работ («Наше творчество»). Но, развивая способности учащихся в сфере художественного творчества, мы, конечно, не ставим цель сделать музыку или живопись их будущей профессией — это задача специальных школ. Наша же обязанность — всесторонне развивать личность каждого школьника, выявлять его дарования и формировать способности к художественному творчеству для многогранной полноценной духовной жизни.

Богатый выбор видов труда предоставляется воспитанникам в сфере сельского хозяйства. Ни на один день не прекращается увлекательный труд в двух наших теплицах (одна из них — лимонарий), где дети находят дело по душе буквально с первого дня пребывания в школе. Интересные опыты с растениями проводятся в зеленой лаборатории, в кабинете и уголках живой природы, в плодопитомнике, фруктовом саду и на учебно-опытном

участке, на школьной пасеке, кролеферме и в одном из отделений колхозной фермы. Мы добиваемся, чтобы, выращивая растения или обрабатывая почву, ребенок уже с малых лет на собственном опыте убеждался в преобразующей силе человеческого разума. Одним из таких дел, с которых начинается труд малышей, является, например, выращивание растений без почвы — на водном растворе минеральных питательных смесей (из песка, органических веществ и минеральных удобрений). Малыши сами готовят такие смеси, выращивают на них растения. В зимнюю стужу в живых уголках и в кабинете живой природы зеленеют огурцы, созревают помидоры, манят гроздья винограда. В школьном плодопитомнике уже 8—9-летние дети прививают культурные плодовые деревья к дичкам. Конечно, это умеют делать далеко не все ребята, а лишь те, кто до поступления в школу успел полюбить природу.

На одном из участков колхозной свинофермы есть уголок любимого труда для школьников, которые любят животных. Здесь — своеобразная лаборатория, где учащиеся выращивают культуру пенициллинового грибка и, добавляя ее в корм, исследуют влияние биохимической подкормки на развитие организма животного. Этот труд привлекает и малышей, но главную роль в нем играют старшие школьники. Такая же творческая лаборатория есть и на колхозной ферме крупного рогатого скота, где пионеры шефствуют над молодняком. Здесь исследуется несколько десятков кормовых рационов, особенно большой интерес у детей вызывает проблема витаминизации кормов. Летом совершаются специальные туристские походы с целью поисков растений, богатых витаминами и фитонцидами. Ученики заготавливают особым образом несколько центнеров витаминного сена, а зимой готовят витаминную муку. Такие же маленькие лаборатории или уголки созданы и на молочнотоварной, и на птицеферме, и на кролеферме. Труд привлекает здесь детей ярко выраженной преобразующей силой разума. Если ребенок почувствует это (понять он может это позже), его физический труд наполняется интеллектуальным содержанием.

Важную задачу воспитательной работы наш педагогический коллектив видит в том, чтобы все эти уголки любимого труда были тесно связаны с учением. Поэтому интерес к тому или иному виду трудовой деятельности

каждый учитель пробуждает у детей на уроках в процессе изучения программного материала. Так, уже в начальных классах ученики приобретают элементарные знания о растениях, в частности, о плодовых деревьях. Рассказывая младшим школьникам о живой природе, учителя М. Н. Верховинина, Г. А. Нестеренко, Е. М. Жаленко знакомят их с тем, что делают их старшие товарищи на учебно-опытном участке, в плодовом саду, питомнике. У ребят пробуждается стремление узнать больше, чем изучается на уроке, а это и есть первейший источник интереса к труду. Во всех уголках, где происходит творческая трудовая деятельность, узнать что-либо можно только работая, и чем напряженнее труд, тем быстрее и глубже познаются закономерности природы.

Опыт учит, что для пробуждения и развития способностей школьников наиболее эффективной является организация труда, основанная на их самостоятельности. Учеников объединяет в тот или иной коллектив общий интерес к определенному виду труда. Таких объединений в нашей школе ежегодно не менее семидесяти. В каждом из них — от 3 до 10—12 учеников. Все кружки (группы, звенья, секции) живут по своим законам самостоятельности. Учитель, хорошо знающий тот или иной вид труда, включается в работу ученического объединения и часто становится его руководителем, но не по праву педагога, а как мастер своего дела. Однако таких учителей у нас не более 15 человек; остальные ученические объединения возглавляют наиболее опытные старшеклассники. Руководство здесь носит особый характер — это прежде всего пример личного мастерства, умения воодушевлять своим трудом. Вокруг такого влюбленного в свое дело школьника (иногда это ученик VII—VIII класса) группируется несколько таких же мальчиков и девочек.

Наиболее жизненным и поэтому педагогически оправданным является у нас объединение, в которое входят ребята с различным уровнем готовности к труду, умений и навыков. Оно возникает как бы стихийно — вместе с восьмиклассником трудится второклассник, пятиклассник учится у десятиклассника. Но эта кажущаяся стихийность и является настоящей самостоятельностью: детей объединяет увлеченность, любовь к делу. Вот в одной из рабочих комнат в часы любимого труда ежедневно собирается небольшая группа юных конструкторов-модель-

листов. Они увлекаются монтированием моделей, приводимых в движение электричеством. Наиболее способный из них девятиклассник Сергей С. Вместе со своими друзьями (учениками VII, VIII и XI классов) он конструирует модель электрической железной дороги с автоматической сигнализацией, несколькими стрелками, тупиками, запасными путями. Рядом с ними два семиклассника (мальчик и девочка), восьмиклассник и пятиклассник самостоятельно монтируют модель подъемного крана, приводимую в движение электромотором. Но время от времени некоторые из них включаются в труд более умелых товарищей, а те в свою очередь помогают им монтировать подъемный кран. Здесь в одном творческом объединении как бы два маленьких коллектива: один выполняет более сложную работу, другой — более простую, но увлечение у всех одно и то же. Члены коллектива, выполняющего более простую работу, всеми силами стремятся достигнуть такой степени мастерства, которая дает им право трудиться вместе с более опытными товарищами. А тем хочется быть всегда впереди, ибо они чувствуют, что кое-кто из менее опытных уже «наступает на пятки». Есть в этом объединении еще три ученика — два второклассника и ученик IV класса. Им хочется что-нибудь делать, и старшие товарищи нашли для них посильную работу: отшлифовать металлические пластинки для вагончиков и стрелок, разобрать и почистить детали старого заржавевшего электромоторчика. Младшие школьники с радостью выполняют этот черновой труд. Постепенно им поручается все более сложная работа. И вот через месяц ученик IV класса Олег Р. уже помогает девятикласснику сверлить отверстия в металлических пластинках. Видя это, руководитель группы говорит товарищам, что мальчику скоро можно будет доверить и токарный станок.

Проходит три месяца, и модели электрической железной дороги и подъемного крана готовы. Сергей С. приносит в рабочую комнату чертежи новой модели — блюминга, в котором уже есть элементы автоматики и электроники (программное управление, контроль за качеством обрабатываемых деталей). Из двух объединений, выполнявших работу разной сложности, создается один коллектив. Но вскоре оказывается, что нескольким ученикам, успешно справлявшимся с работой над моделью подъем-

ного крана, далеко не все посильно при изготовлении модели блямминга. Однако ребятам не хочется выполнять второстепенные операции: они стремятся в чем-нибудь показать ту ступень мастерства, которой они уже достигли. И вот, используя каждую возможность полноценно участвовать в конструировании блямминга, эти подростки берутся за создание модели электромотора. К ним присоединяются и второклассники, и ученики III и IV классов. Труд, основанный на единстве интересов, по своему характеру способствует тому, что каждый школьник напрягает все свои творческие силы, стремясь выполнить порученную работу как можно лучше. При этом подавляющее большинство учеников не только учится, но и передает свой опыт другим.

Разнообразные виды творческого труда, в атмосфере которого протекает жизнь наших воспитанников, — это своего рода магниты различной силы: чем сильнее магнит, чем интереснее труд, в который вовлекается школьник, тем ярче развивается его способность именно к этому виду труда.

Учительница биологии и химии Е. Е. Коломийченко, горячо влюбленная в животноводство, создала на одной из ферм лабораторию, где ученики исследуют влияние антибиотиков на развитие животных. Самый простой труд под ее руководством становится кружковцам интересным. Юные животноводы с удовольствием ухаживают за животными, заготавливают корма.

Как мы показали выше, индивидуальные способности детей развиваются лучше всего в условиях постоянного тесного общения школьников разных возрастов в процессе творческого труда. Поэтому, на наш взгляд, нецелесообразно выделять старшие классы одиннадцатилетней школы в самостоятельное учебно-воспитательное учреждение. Не следует думать, что, отделяя младших школьников от старших, мы лучше учитываем возрастные особенности тех и других. Наоборот, наибольшие успехи будут достигаться в школе, где учатся и малыши, и подростки, и юноши, и девушки. Лучше всего человек воспитывается тогда, когда он сам кого-то воспитывает. У нас нет ни одного старшеклассника, который не передавал бы своих знаний, умений и — что особенно важно — увлечения любимым делом младшим товарищам, который именно благодаря этому не стремился бы достигнуть

мастерства в труде. Не только одиннадцатиклассники и десятиклассники, но и многие ученики IX—VIII и даже VII классов — самые активные помощники педагогов. Если у нас случаются затруднения в воспитании младшего школьника, мы задумываемся: с кем из старшеклас- сников надо его сблизить, какое увлечение, какой инте- рес могут стать почвой для духовной общности. В этом ключ к индивидуальному подходу, но вопрос этот весь- ма сложный, требующий освещения в специальной статье.

В чем же заключается педагогическое руководство, какова роль учителя в воспитательном процессе, постро- енном на самостоятельности детей? На первый взгляд мо- жет показаться, что учитель стоит в стороне, а всеми делами в кружке занимаются ребята. Но это не так. Задача педагога — постоянно поддерживать в ученическом коллективе увлеченность трудом, зажигать искорки твор- чества и добиваться, чтобы они ярко горели таким огонь- ком. Ребята увлеченные техникой, растениеводством, са- доводством, у нас есть потому, что на их глазах трудятся учителя-энтузиасты, влюбленные в свое дело. Учителя А. А. Филиппов, И. В. Компаниец, А. Ф. Барвинский, В. Я. Таран, В. И. Шенгур, А. А. Ворошило — люди, которые прекрасно знают двигатели внутреннего сгора- ния, электромоторы, хорошо владеют специальностями токаря, слесаря, электромонтера, арматурщика, электро- сварщика. Каждый из них вместе с учениками всегда что-нибудь конструирует. Все, что сделано руками этих педагогов, отличается красотой отделки, технологической тонкостью. Учитель физики А. А. Филиппов вместе со школьниками изготовил набор инструментов для наибо- лее точных работ по электрослесарному делу. Препода- ватель ручного труда В. Я. Таран сделал переносную мастерскую в ящике — набор слесарных инструментов, используемый в полевых условиях для ремонта трактора и сельскохозяйственных машин. Учитель В. И. Шенгур сделал несколько десятков карманных радиоприемников на полупроводниках. Следуя его примеру, многие учени- ки увлеклись этим видом труда. У нас есть 11—12-летние дети, уже умеющие монтировать по схеме миниатюрные радиоприемники на полупроводниках.

Преподаватели естествознания и учителя начальных классов А. А. Самков, О. И. Степанов, Е. Е. Коломий-

ченко, Е. М. Жаленко, М. Н. Верховинина увлечены выращиванием зерновых и технических культур, плодовых деревьев, экспериментированием в кабинете живой природы и на учебно-опытном участке. У каждого из них в плодовом саду и на винограднике есть свои деревья и виноградные лозы — свои в том смысле, что за каждой веточкой педагоги любовно ухаживают; ежегодно они закладывают семена для выращивания саженцев.

Овладение мастерством — основной стимул любимого труда. Поэтому мы добиваемся, чтобы за годы пребывания в школе каждый ученик достиг значительных успехов в избранной области. Только так можно воспитать трудолюбие: человек любит то, что влечет его, без чего он не может жить. Путь к успеху лежит обычно через продолжительные поиски. Ученик пробует свои силы в различных видах труда, овладевает многими умениями, но до тех пор, пока в чем-нибудь одном его достижения не выйдут далеко за пределы элементарных требований, — он еще не нашел своей дорожки. Надо особо подчеркнуть, что успех, благодаря которому воспитывается способность, склонность, призвание, — это не просто удовлетворительное, хорошее или отличное выполнение того, что доступно каждому. Любой школьник может отлично выстрогать планку, сделать модель домика, смонтировать модель генератора и пр., только одному для этого надо больше упражнений, другому — меньше. Но чтобы труд стал любимым делом, увлечением, необходим значительный успех, превышающий требования для учащихся данного возраста.

Как правило, в нашей школе ребенок достигает успеха в том или ином виде труда уже в начальных классах. Один третьеклассник выпиливает лобзиком лучше, чем старшеклассник; другой сделал деревянный домик — такой красивый, что им любитесь вся школа; у третьего привитые к дичку почки культурных сортов плодового дерева дают настолько сильные, мощные ростки, что и преподаватель ботаники задумывается: как он этого достиг; четвертый, помогая юным мотористам вытирать детали, научился сам собирать и разбирать маленький двигатель. Однако достижение значительного успеха в данном конкретном деле не означает, что раскрылись все задатки ученика, определились его способности, и он уже может самостоятельно планировать свое будущее (об этом

можем думать мы, учителя, ребенок же пусть продолжает поиски, пусть добивается новых успехов).

Развитие индивидуальных способностей — исключительно живой, подвижный процесс. Задатки, как и способности, многогранны, и школьник через некоторое время может достигнуть большего успеха в другом деле. Достижение такого успеха в труде требует от ребенка больших усилий. Он видит, а правильнее говоря, чувствует, как много и в то же время как мало он сделал.

Стимулирование к новому успеху — метод раскрытия задатков и воспитания способностей детей. Применение его на практике далеко не всегда идет гладко. За 27 лет педагогической работы я встретился с несколькими десятками учеников, которые в течение длительного времени не могли добиться сколько-нибудь значительного успеха в какой-нибудь области. Среди них были и ребята, проявляющие отрицательное отношение к физическому труду. Но как бы далек ни был человек от желания трудиться, начинать надо с достижения успеха — на первых порах самого маленького. Бездельника, у которого «руки ни к чему не лежат», сначала приходилось просто заставлять трудиться — там, где, по нашему убеждению, у него может что-то получиться. В таких случаях лучшее средство — совместный труд учителя и ученика. Восемь лет педагоги не могли найти подход к ленивому, равнодушному ко всему Виталию С. Он не захотел даже учиться управлять мотоциклом — а ведь редко кто из ребят останется к этому равнодушным. И вот однажды решено было взять его вместе с другими учениками на распахку междурядий тутовника. Работая вместе с ним, педагог показывал ему, как надо обращаться с машиной, заводить мотор, управлять плугом. Много раз пришлось учителю применять этот прием. В конце концов подростка увлекла работа на сельскохозяйственных машинах. А как только он достиг в этой области успеха, мы направили его усилия на выполнение более трудной задачи.

Талант, мастерство — это прежде всего упорство в достижении цели, преодолении трудностей. На пути к новому успеху в упорном труде раскрываются новые стороны задатков и способностей детей, расширяется сфера их интересов. Несколько лет назад в одном из кружков юных животноводов вместе со старшими школьниками работал Витя К. — ученик IV класса. Больше всего он

любил ухаживать за маленькими телятами. Ему приходилось часто наблюдать, как старшие товарищи, готовые для коров и молодняка сено, стремятся сохранить в нем как можно больше питательных веществ. Однажды мальчику поручили заготовить несколько десятков килограммов витаминного сена, из которого делается питательная мука для телят. Витя сумел так высушить сено, что приготовленный из этой муки настой оказался ценным лекарственным средством — он давался заболевшим телятам, и они быстро поправлялись. Для ученика IV класса это был серьезный успех. В V классе Витя увлекся приготовлением кормов для молодняка, а потом стал сам его выращивать. В VII классе подросток добился нового успеха — научился обогащать белками грубые корма, и у коров, за которыми он ухаживал, повысились надой молока. Мы видели, что у мальчика все больше развивается способность вдумчиво наблюдать. Казалось, что он должен стать хорошим животноводом. Но развитие способностей Вити пошло по несколько иному пути. Учась в старших классах, юноша заинтересовался антибиотиками и их практическим использованием в животноводстве. Опыты, которые ставились в лаборатории, натолкнули его на самостоятельные поиски методов создания новой среды для жизнедеятельности антибиотиков. На одной из животноводческих ферм была создана биохимическая лаборатория — новый уголок любимого труда для нескольких школьников. Два года назад, окончив среднюю школу, Виктор К. поступил в сельскохозяйственный институт. Надеемся, что молодой человек станет хорошим специалистом, а возможно — и ученым.

Особое внимание следует уделять воспитанию способностей тех школьников, у которых нет ярко выраженных задатков. Такие ученики есть не только среди посредственно успевающих, но и среди отличников. Глубоко веря в то, что каждый человек может достичь мастерства в какой-нибудь области труда, мы стремимся пробудить творческое начало и у таких ребят. И здесь решающее значение имеет труд, настойчивость, сила воли, умение преодолевать препятствия и не унывать при неудачах. Нужно добиваться, чтобы дети сосредоточивали все свои силы на одном деле, углублялись в его детали и тонкости. Если воспитаннику не удалось с первого раза достигнуть успеха, педагоги помогают ему начать работу заново, при

второй неудаче — советуют подойти к делу с другой стороны и подсказывают, как это сделать.

Вот, например, ученик заинтересовался выращиванием из черенков саженцев винограда (в теплице). На первый взгляд труд этот кажется очень простым, а на деле требует большого мастерства: надо умело подобрать состав почвы, правильно расположить в ней черенок, удачно выбрать достаточно освещенное и теплое место, обеспечить постоянную влажность почвы и развитие в ней полезных микроорганизмов. На первых порах у школьника ничего не получается: он готов бросить работу и начать что-нибудь новое. Педагог обязан предостеречь, что и новое дело может не сразу принести удачу, и еще раз показать, как лучше подготовить почву, удобрения для подкормки и т. д. Ученик начинает работу заново, видит в ней уже что-то новое, а это стимулирует его творчество. Но результат опять плохой: почки раскрываются почему-то медленно, ростки хилые. Начинаются поиски ошибок и просчетов, вновь и вновь ставится опыт. Овладение определенными умениями позволяет получить уже несколько лучший результат, и это становится стимулом к дальнейшим экспериментам. Ученик начинает вдумываться в то, что он делает, убеждается в зависимости результатов от вложенного труда, и приходит время, когда его растения развиваются значительно лучше, быстрее, чем у других ребят. Такое значительное продвижение заставляет упорнее заниматься делом, которое становится любимым именно потому, что принесло успех. Мы добиваемся, чтобы наши питомцы закрепляли достигнутый успех. Только благодаря труду и настойчивости, незаметные, равнодушные ученики находят свое увлечение, развивают способности.

Педагогический коллектив нашей школы всегда стремится к тому, чтобы все виды труда, к которому приобщаются дети, были насыщены интеллектуальным содержанием. Самые простые трудовые процессы проникаются исследовательской, опытнической мыслью. Кто из школьников хоть раз прошел весь цикл труда — от приготовления смеси и внесения ее в почву до уборки урожая, созревшего на неделю-две раньше, чем на основных массивах, — того уже трудно оторвать от работы в уголке удобрений. У нас есть подростки, юноши и девушки, с 4—5-летним стажем творческого труда на этой необыч-

ной «фабрике». Благодаря интересному исследовательскому труду у детей постепенно раскрываются способности и дарования. Их простой физический труд сочетается с тонкой кропотливой исследовательской работой в лаборатории. На учебно-опытном участке испытывается влияние химических веществ на интенсивность жизнедеятельности микроорганизмов. Параллельно проводятся такие исследования в лабораторных условиях. От лопаты и вил — к микроскопу, от химических реактивов — к траншее, в которой хранится ценный перегонный, — этот принцип становится характерной чертой самого простого сельскохозяйственного труда школьников. Нашим идеалом является труженник, вдумчиво изучающий почву, органические и химические вещества, средства борьбы с вредителями. В настоящее время в школе организуется почвенная станция юных исследователей. Это будет еще один уголок любимого труда ребят, где они займутся созданием самых разнообразных почвенных смесей, изучением почв района и области.

Заставить ученика трудиться физически значительно легче, чем научить его сочетать усилия рук и разума. А именно в таком сочетании — действенный ключ к воспитанию интереса и любви к труду даже у самых пассивных детей. Таких ребят мы заставляем прежде всего выполнять определенные физические работы, постепенно добиваясь, чтобы в этом труде они видели путь к какому-то — пусть незначительному познанию, подчинению сил природы. Если школьник стал относиться к физическому труду как к средству достижения творческой цели, значит он уже преодолел лень и станет трудолюбивым.

Пришло время серьезно говорить о том, что каждый ученик должен найти в школе тот вид трудовой деятельности, который в наибольшей мере соответствует его задаткам и способностям. Процесс поисков такого вида труда надо начинать как можно раньше. Самое главное — увлечь каждого воспитанника своим делом, добиться сочетания практической деятельности с овладением теоретическими знаниями. Уже сейчас мы добиваемся того, чтобы по предмету, связанному с избранным видом труда, школьник шел впереди своих сверстников.

Эту тенденцию мы будем углублять в нашей практической работе. Например, учащиеся, проявляющие склонность к труду и экспериментированию в растениевод-

стве, будут изучать более углубленный курс ботаники. Для них уже сейчас подбирается литература в школьной библиотеке. Перед ними будут ставиться более высокие требования на уроках. Те, у кого ярко обнаружилась способность к труду в области механизации, электротехники, конструирования и моделирования, будут в курсе физики дополнительно знакомиться с рядом разделов, которые не входят в программу, и более подробно проходить некоторые имеющиеся в ней темы. Дополнительный материал будет изучаться в процессе самостоятельной внеклассной работы. Для учеников с задатками к теоретическому мышлению, в частности математическому, мы уже сейчас дополняем программу элементами высшей математики. Школьники, наиболее одаренные в области математики, будут изучать начала алгебры не в VI, а в III и IV классах (с ними будут заниматься старшеклассники-математики в специально отведенные для этой цели часы). В IX—X классах эти ученики перейдут к дифференциальному и интегральному исчислению. Для них это так же достижимо, как и для отдельных ребят 9—10-летнего возраста овладение монтажом ламповых радиоприемников. Уже сейчас в школе создаются наглядные пособия и оборудование для кабинета юных математиков. А программа для них, включающая элементы высшей математики, уже сейчас проверяется практически. Отдельные ученики в X—XI классах овладевают анализом бесконечно малых величин, дифференциальным и интегральным исчислением.

Через два года в школе планируется ввести во всех классах, начиная, по-видимому, с IV, час любимого предмета (может быть, мы назовем его часом творчества). В этот час по расписанию (сначала 1 час в неделю, а в дальнейшем, за счет совершенствования учебного процесса, 2 в средних и 3 часа в старших классах каждый ученик сможет изучать интересующий его вопрос, углубляться в теорию. Педагогический коллектив будет добиваться, чтобы в этот час любимого предмета усилия творческой мысли и физический труд каждого школьника сливались воедино. Места занятий учащихся будут определяться характером увлечений каждого и содержанием его труда. Одни ребята будут копаться в книгах и журналах, другие — смотреть в окуляр микроскопа, третьих увлечет замысел, для осуществления которого нужно бу-

дет поработать лопатой, четвертые станут за токарный станок или сядут за монтажный стол. Еще богаче, разнообразнее станут часы любимого труда. Педагогический коллектив будет стремиться к тому, чтобы школа полностью удовлетворяла индивидуальные интересы и наклонности всех учащихся. У нас зародилась идея открыть комнату самых трудных дел, где в виде творческих задач будут наглядно представлены наиболее сложные конструкторские и монтажные замыслы.

Вторая наша идея — кабинет новой сельскохозяйственной техники и малой механизации, в котором учащиеся будут трудиться над созданием новых механизмов и агрегатов, облегчающих физический труд сельского труженика. Овладевая массовой рабочей специальностью, каждый школьник будет стремиться стать мастером своего дела, умелым тружеником.

Советская педагогика, 1962, № 12.

ЧТОБЫ ДУШИ НЕ РЖАВЕЛИ

Выпускник нашей школы комсомолец Леонид Шевченко по зову партии поехал на освоение целинных земель и работал трактористом. В февральскую стужу 1956 года он вместе с несколькими товарищами отправился за сеном. В дороге разыгрался буран. Можно было уйти в землянку к животноводам. Но Леонид не оставил машину: «Идите, — сказал он товарищам, — переждите буран, а я буду прогревать мотор». Юношу нашли в кабине трактора замерзшим. Его окоченевшая рука сжимала штурвал.

Ежегодно 11 февраля пионеры далекой казахской школы возлагают цветы на могилу нашего героя. Дорогая нам могила слишком далеко от нас, поэтому вместе с отцом и матерью Леонида мы возлагаем цветы к его портрету. В тот же день у нас проходит пионерский сбор. На сборе как-то само собой, совершенно естественно возникает разговор о чуткости сердца, силе духа, побуждающей действовать, как велит совесть.

Чуткое сердце... Почему же далеко не всегда молодые сердца чутки к тому, что происходит вокруг? В эту осень меня потрясло одно событие. С учениками V класса мы собирали в полезащитной лесополосе желуди. Рядом на

колхозном поле работал кукурузоуборочный комбайн. Временами машина будто захлебывалась. Я вышел на опушку, посмотрел на кукурузное поле — и все стало ясно: кукуруза растет пополам с подсолнечником толщиной с четырехлетнее дерево. Подошел к комбайнеру, попросил остановить машину сказал, что комбайн может сломаться. Косить здесь надо не зерновым, а силосным комбайном. Молодой паренек, вчерашний десятиклассник, ответил равнодушно: «Я сам знаю». «Так почему же ты не остановишь машину? Ведь комбайн новый?» Парспек махнул рукой и крикнул трактористу: «Давай!..» Буквально через десять метров заскрежетали металлические узлы, и комбайн навсегда остановился... Поневоле мне пришлось быть свидетелем, как составлялся акт. На место аварии приехали механик и бригадир. Равнодушно написали: «Ввиду того, что на поле много стеблей подсолнечника, режущий аппарат комбайна сломался и восстановлению не подлежит». Механик поочередно вручал свою аторучку с плавающей в ее корпусе золотой рыбкой трактористу, бригадире и комбайнеру. Каждый из подписавшихся долго любовался золотой рыбкой, комбайн был забыт, предметом разговора стало качество аторучек и перьев. И тут произошло неожиданное. Комбайнер подписывал акт последним. Перо закапризничало. Парспек встряхнул ручку, она выскользнула и... упала в ведро с мазутом. Лица у трактористов и бригадира стали озабоченными, а механик рассердился: «Растяпа ты, — сказал он, — а еще называешься механизатором».

Мне подумалось в то мгновение: почему он не рассердился и не назвал комбайнера растяпой, когда увидел искаженный металл вместо комбайна?

Почему, почему, почему?..

Эти вопросы возникают на каждом шагу, не дают покоя, стучат в грудь, заставляют задуматься над тем, с какими мыслями и чувствами вступает в жизнь молодой человек, как мы воспитываем его.

Почему неизвестные водители автомашин свалили на обочину дороги рядом с полезащитной лесополосой тонн пятнадцать ценнейшего минерального удобрения — калийной соли? Почему в одном из колхозов сеялка целую зиму стояла в поле под открытым небом, и нашли ее лишь весной, когда хватились — сеять нечем? Почему на приемные пункты Вторчермета до сих пор сдаются рас-

комплектованные узлы по существу новых, не бывших в действии сельскохозяйственных машин? Почему группа воспитанников одной школы-интерната, пойдя на прогулку в лес, «забыла» двадцать семь пар галош? Подростки решили: зачем нам их таскать домой, уже подсохло, а осенью дадут новые.

Такие «почему» особенно волнуют, когда узнаешь о замечательных фактах самоотверженности и героизма советских людей. Многочисленные подвиги, как вспышки молнии, озаряют подлинную человеческую красоту строителей коммунизма, но вместе с тем они освещают и темные углы, в которых кроется равнодушие к общественным интересам. Так почему же рядом с героическим, возвышенным, подлинно человеческим мы видим обывателя и обывательщину? Потому, что упускаем в воспитании одну важную сторону. Слишком уж легко, без преодоления каких бы то ни было трудностей даем мы молодому поколению как материальные, так и духовные блага, да еще внушаем мысль: это и есть человеческое счастье, это и есть осуществление самого человеческого принципа: все для человека, все во имя человека.

Чуткость к интересам общества, к народному добру не выработается словами, какими бы убедительными и яркими они ни были. Костя Петренко, ученик III класса, испортил перо и пожаловался маме, что перья никуда не годятся, из-за них он плохо пишет. Заботливая мама купила сотню перьев, и вот мальчик без нужды время от времени вынимает коробочку, берет новое перо, выбрасывает «старое». Ведь мама позволила. Мама позволяет ему и многое другое. Родители, как правило, стараются оградить детей от трудностей и лишений.

Материальное благополучие семьи всецело зависит от общественного блага, от полноты общественных кладовых, но ведь ребенок этого не понимает. Он подходит к урне и выбрасывает кусок хлеба. В его голове еще не может уложиться: кусок хлеба, обильно намазанный маслом, мать имеет возможность давать ему ежедневно потому, что в поле от зари до зари работают трактористы и комбайнеры, что вот рядом со школой стоят комбайны, и если ты, играя, сломал какую-нибудь железку у комбайна, то ты уменьшил свой кусок хлеба с маслом. И не только свой. Куда там понять ребенку это, когда мать готова отрезать ему хоть половину белого каравая.

Так возникает расточительность, рождается вредное убеждение, что всенародное, общественное — это ничье, а раз ничье, то к нему можно относиться, как к манне небесной. Из ребенка вырастет взрослый труженик, тракторист или комбайнер, он сам работает в поле от зари до зари, но в его душе укоренилось представление о неисчерпаемости общественных кладовых, и он без угрызений совести готов подписать любой акт о поломке.

Логика нашей жизни такова, что в годы детства, отрочества и ранней юности человек является лишь потребителем. К началу самостоятельного труда он — должник общества. И большая беда, если должник не сознает своего долга. Расточительное отношение к материальным благам — самый страшный моральный порок, от которого берут начало другие пороки.

Как же воспитать чуткость к всенародным интересам? Что надо для этого делать и что мы делаем практически?

Прежде всего: молодому поколению должно быть трудно. Настоящего человека нельзя воспитать, прокладывая перед ним гладкую, ровную дорогу. Человек дорожит лишь тем, во что он вложил частицу своей души, своего сердца. О каких же трудностях идет речь? Следует ли создавать трудности, если их нет? Создавать трудности не надо. Надо лишь уметь их видеть и не обходить, а преодолевать. Человеку должно быть трудно, трудно и вместе с тем радостно от того, что он идет к цели и достигает ее.

Когда семилетние малыши приходят к нам в школу, у них есть для жизни все. Это «все» заботливо предоставляют родители и школа. Вот тут-то и надо начинать закалку темп трудностями, которые постепенно убеждают человека, что все радости и блага надо морально заслужить, оправдать своим трудом, своим отношением к тому, что дает общество.

Мы сделали правилом своей воспитательной работы: в первые же два школьных года убедить ребенка, что важнейшее материальное благо — хлеб — не манна небесная, а воплощение человеческого труда, его тревог и забот, волнений и радостей. Первоклассники начинают обрабатывать десять квадратных метров пустыря, на котором никогда ничего не росло. Обычно берем глинистую или каменистую почву — «гиблое место».

Мне вручена судьба тридцати малышей, я озабочен, чтобы они стали трудолюбивыми и честными людьми, я знаю, что зажечь огонек трудолюбия в детском сердце можно лишь тогда, когда это сердце запылает от моего огонька. Я иду вместе с ребятами на пустырь, вместе с ними вскапываю глину, выбрасываю камни. Мы мечтаем о том, что скоро на пустыре вырастут пшеничные колосья. Наша мечта вдохновляется тем трудовым героизмом, который озаряет нашу советскую жизнь: мы с восторгом говорим о мастерах земледелия, умеющих вырастить два тяжелых колоса там, где природа отпускает человеку только один тощий колос. Но наши слова о героях воспитывали бы лишь заядлых болтунов, если бы одновременно с трепетом мысли и чувства не напрягались наши мускулы, не вгрызались сапки и лопатки в суровую, неплодородную почву.

Потом мы на наш клочок пустыря носим маленькими корзинками плодородный ил: берем его на берегу пруда, смешиваем с глиной, добавляем песка и перегноя... Сеем озимую пшеницу, и вот наш пустырь зазеленел. Зимой задерживаем снег на участке, оберегаем растения от мороза. Все это взрослому может показаться игрушкой, но для семилетних детей это настоящий и нелегкий труд. Первый пот трудовой усталости, первая мысль о том, что хлеб достается человеку нелегко. Наша мечта — получить хлеб с пустыря, где никогда ничего не росло, — пробуждает в сердцах детей силы, помогающие преодолевать новые трудности.

Весной мы подкармливаем хилые растения навозной жижей. Работа неприятная. Без мечты, без цели она вызвала бы просто отвращение. Наконец приходит долгожданный день уборки урожая: для нас это праздник, мы все являемся в школу в праздничных одеждах. Бережно взвешиваем урожай. Он невелик, но дорог нам; в каждом зернышке — капелька нашего пота.

Следующей весной все начинается сначала — труд, усилия, победы. Второй урожай — еще более радостный праздник: собрано в четыре раза больше. Вот она, золотая пшеница, перебранная по зернышку. Дети пересыпают зерно с ладони на ладонь, кто-то уронил зернышко, и я слышу тревожные, взволнованные восклицания.

Приближается праздник начала учебного года. Мы перемалываем нашу пшеницу, выпекаем из нее два

каравая белого хлеба, приглашаем родителей, угощаем их. Среди скромного угощения на первом месте хлеб, нарезанный тонкими ароматными ломтиками, с вкусной хрустящей корочкой. В детских глазах — гордость. Это их первый хлеб, добытый в поте лица. Никакие воспитательные беседы, никакие разъяснения не могут заменить могучую силу вот такого волнующего момента. Здесь, на празднике первого хлеба, рождается первая мысль о моральном праве на радости и блага жизни.

Открыть перед детьми трудовой корень жизненных радостей — в этом мы видим важнейшую задачу морального воспитания. Здесь, образно говоря, главная точка соприкосновения труда и нравственности. Вырастить свой первый хлеб, пережить гордость от того, что взрослые — твоя мать и твой отец — благодарят тебя за хлеб и считают тебя тружеником — это первая и очень важная ступенька воспитания на трудностях. Дальше наши воспитанники переходят на следующую ступеньку. Десять квадратных метров пустыря освоено, мы берем пятьдесят квадратных метров еще более неплодородной почвы, превращаем ее в почву высокого плодородия, выращиваем на ней высокий урожай пшеницы, потом проса, гречихи. На пятом году обучения, отправляясь в туристский поход по родному краю, берем с собой пшено, полученное с собственного участка, варим в лесу кашу, угощаем своих маленьких друзей — учеников II класса над которыми шефствуем, которым помогаем превращать десять квадратных метров пустыря в цветущий уголок. Это очень важно: то, что достигнуто трудом, потом, усилиями, пусть приносит как можно больше радости другим людям — ведь бережливость и рачительность должны сочетаться в повом человеке с душевной щедростью и бескорыстием.

Чем старше ребенок, тем важнее, чтобы преодоление трудностей приобретало в его глазах характер общественного созидания, служения народу. Наши пятиклассники не только превращают неплодородную почву в почву высокого плодородия, но и выращивают на одной и той же почве два урожая в год. Эту трудность не надо создавать, она всегда перед нами, и в ее преодолении мы видим прямой вызов силам природы.

Невозможное сделать возможным — этот принцип призывает труд наших воспитанников в пионерские и комсомольские годы. Мы добиваемся, чтобы стихийным си-

лам природы дети и подростки противопоставляли свою силу воли, настойчивость. В поле, на колхозной земле, есть пионерские и комсомольские гектары, где выращиваются пшеница, сахарная свекла, кукуруза, подсолнечник. Не раз бывало так, что хорошие всходы повреждались ливнем. Начиналось сражение со стихией, в которой участвовали мы все — учителя, ученики. На одном гектаре — двести тысяч растений кукурузы, триста тысяч — подсолнечника. Сколько раз надо наклониться, чтобы ни одно растение не осталось поврежденным, сколько горстей почвы надо переложить с одного места на другое! Это трудно, но в этом и состоит воспитание настоящего человека. Кто выходит победителем в этом сражении со стихией, тот близко к сердцу принимает тревоги хлебороба, когда знойное солнце иссушает почву или ливень размывает корни. Такой человек никогда не пройдет равнодушно мимо поля, заросшего сорняками. Кто спас тысячу растений от гибели, положил под каждый корень горсточку перегноя, — никогда не бросит на дороге удобрения. Бывает, что после уроков приходится поработать почти всю ночь — надо вывезти накопившееся на току зерно, потому что начинаются дожди. Если в коллективе не будет периодов большого напряжения физических и духовных сил, неизбежно появление нытиков и паникеров.

Особенно важно воспитывать бережливое, заботливое отношение к тем материальным ценностям, которые дает сельскому хозяйству весь народ, — к машинам, электроэнергии. Мы очень ценим старые, отслужившие свой век машины и механизмы: чтобы работать и учиться на них, нужна особая внимательность, бережливость.

Нельзя допускать у молодого поколения даже зарождения мысли о том, что при коммунизме будет легкая и беззаботная жизнь, что коммунистическое общество — это бесконечный медосбор. Чем полнее наши кладовые, тем больше мы должны вносить меда в свой всенародный улей, тем большей должна быть наша забота о цветах, дающих нектар, тем непримиримее должны быть к расточительности.

Молодежи должно быть трудно — трудно в самом высшем, человеческом смысле этого слова.

Учительская газета, 1962, 18 дек.

ТРУД — ОСНОВА ВСЕСТОРОННЕГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Рассматривая вопрос о соотношении разделения труда по профессиям и всестороннего развития личности, нельзя не учитывать коренных изменений, внесенных в труд социалистическим способом производства и новыми общественными отношениями. В эксплуататорском обществе разделение труда противоречит всестороннему развитию личности потому, что труд там — средство угнетения человека. Создавая материальные богатства и культурные ценности, труд в то же время опустошает духовно тех, кто эти богатства и ценности создает. Труд в эксплуататорском обществе тормозит всестороннее развитие не только и не столько потому, что человек прикован на всю жизнь к одному и тому же делу. Можно привести сколько угодно примеров того, как в современном капиталистическом обществе в поисках заработка, спасаясь от голодной смерти, человек переходит от одной работы к другой, но вносит ли какое-нибудь изменение в его жизнь эта перемена труда? Во время пребывания в Канаде я беседовал с рабочими, вынужденными в течение трех лет несколько раз менять работу: им пришлось работать и на строительстве дороги, и на лесозаготовках, и на руднике, и на животноводческой ферме, тушили лесные пожары — однако перемена труда не принесла этим людям ни радости, ни надежды хоть как-то улучшить жизнь семьи. Если над человеком постоянно висит угроза безработицы, если он знает, что выполняемая сегодня работа — дело временное, он безразличен к творческой стороне труда, не стремится повысить уровень своей квалификации. Да и как вообще может думать человек о совершенствовании техники и технологии, процесса труда, если он на каждом шагу чувствует, что предприниматель, выжав из него последние соки, выбросит его, как ненужную вещь?

Не перемена труда — безотносительно к тому, какая это перемена, в каком обществе, — не переход человека от одного дела к другому, а коренное изменение самого характера труда в условиях социалистических общественных отношений — вот где основа всестороннего развития личности. Без разделения труда немыслим ни процесс производства, ни гармоническое развитие человеческой личности. Разделение труда не фатальная неизбеж-

ность, с которой хочешь или не хочешь надо примириться, а закономерность развития производительных сил социалистического и коммунистического общества, закономерность развития нового человека. Все дело в том, на какой основе строится разделение труда. «Производство для человека, а не наоборот» — на это марксистское положение ссылался В. И. Ленин, раскрывая подлинно гуманные цели коммунизма: создание условий для расцвета человеческой личности³.

Труд в нашем обществе становится важнейшим источником счастья человека, источником радостей созидания, сферой наиболее полного проявления индивидуальных задатков, способностей, наклонностей. Наше общество не может пойти на то, чтобы в сфере труда, в этой важнейшей сфере проявления человеческой личности, игнорировались интересы личности. В той перемене труда, которая является законом в современном эксплуататорском обществе, нужда гонит человека от одного дела к другому, никто не интересуется его личными желаниями, наклонностями, способностями. Совсем другое дело в обществе, где на первом месте стоят интересы человека, где человек знает, что он будет счастлив лишь в том случае, если счастливо общество. Не перемена труда ради самой перемены, а поиски человеком той сферы деятельности, в которой он полнее всего может раскрыть свои способности и наклонности, — так представляется мне переход работника от одного дела к другому в нашем обществе.

Коренное преобразование социальной роли труда в жизни человека социалистического и коммунистического общества вносит глубокие изменения в физический и умственный труд. Внимательно присмотревшись к жизни, заметим знаменательное явление: работники, имеющие среднее и высшее инженерное, агрономическое, зоотехническое образование, раскрывают свои творческие силы и способности, органически соединяя умственный и физический труд. Агрономы зачастую становятся звеньевыми полеводческих звеньев, работают в поле так же, как и рядовые колхозники. Зоотехники нередко идут работать непосредственно на производство. Зоотехник В. Бушков, имеющий высшее образование, стал заведующим овцефермой и старшим чабаном в Новорыбинском совхозе Целиноградской области. «Да, я возглавляю чабанскую бригаду, являюсь, если хотите, старшим чабаном, — пи-

шет В. Бушков в «Комсомольской правде». — И здесь, поверьте, и романтика, и неограниченные возможности для применения своих сил и способностей, и удовлетворение от результатов своего труда» (Комсомольская правда, 1962, 21 сент.). Инженеры и механики работают бригадами тракторных бригад; они не только руководят трудом механизаторов, но и сами управляют трактором, комбайном.

Всеобщность труда и стремление общества дать каждому человеку максимально высокое образование для облегчения труда, для блага самого человека способствует тому, что умственный и физический труд органически соединяются, и в этом их единении как раз и рождается новое, коммунистическое разделение труда, создаются условия для новой перемены труда — далеко не такой, какой представлялась эта перемена тогда, когда коммунизм был только теорией. Прежде люди думали, что при коммунизме человек какое-то определенное время будет работать агрономом, потом в интересах своего всестороннего развития и в интересах производства он переменит труд — станет инженером, затем — учителем или врачом. Это представление отражало те реальные условия, в которых оно сложилось, и те формы удовлетворения культурных запросов и потребностей, которые имели место в жизни человечества. Но живая жизнь богаче теоретических предначертаний, она развивает и обогащает их. Научно-технический прогресс, насыщение производства сложными машинами, механизмами во имя блага человека, во имя его счастья — все это внесло и вносит коррективы в представления о разделении труда, о перемене труда, о всестороннем развитии человека в условиях социализма. Разве могли подумать в то время, когда создавалась научная теория коммунизма, что земледельцу потребуются знания электронной техники, программного управления механическими процессами, — ведь и самого программирования не было. А ведь появились сейчас на полях — пока еще экспериментальные — квадратно-гнездовые сеялки с программным управлением. И пахарю предстоит овладеть новыми видами труда, несущего в себе неисчерпаемые возможности для нового разделения труда, для новой перемены труда, для подлинного всестороннего развития в труде.

Внимательно присмотревшись к росткам нового в нашей жизни, увидим, что несет научно-технический прогресс, осуществляемый во имя блага человека. Машинная техника, технические знания, которыми овладевают люди,— все это разрушает преграды между отдельными узкими отраслями производства, например между растениеводством и животноводством. Техника, машины, технологические процессы, основанные на научных данных,— все это сближает узкие отрасли производства, вовлекает человека в широкий круг трудовых процессов и, что особенно важно отметить в связи с предметом дискуссии, открывает перед тружеником широкий простор для многогранного творчества в процессе труда — для всестороннего развития — той игры физических и умственных сил, о которой писал Маркс. Трактор, электромотор и стационарный двигатель внутреннего сгорания в настоящее время все больше сближают труд в поле с трудом на животноводческой ферме. Уже в наши дни встречаются такие механизаторы-полеводы, которые, не ожидая сезона полевых работ, после окончания летней и осенней страды переходят на ферму. Такой тракторист не только управляет машинами и механизмами, но и все больше осваивает специфику трудовых процессов на животноводческих фермах: заготавливает корма, заботится о повышении надоев молока и увеличении суточного привеса откармливаемых животных. Каждый новый трудовой процесс он рассматривает с точки зрения возможностей машинной техники: он думает, как применить машину в еще не механизированных трудовых процессах, он творит, изобретает. В селе уже появился механизатор широкого профиля, который в течение года несколько раз переходит с поля на животноводческую ферму. Он управляет трактором, комбайном и другими машинами, умеет наладить, отрегулировать доильную установку и управлять ею, может отремонтировать электромотор и двигатель внутреннего сгорания. Чем шире круг трудовых процессов, в которые вовлекается механизатор, тем интереснее его труд, тем богаче духовная жизнь: он много читает, думает, у него есть маленький рабочий уголок, где он экспериментирует, испытывает модели устройств и приспособлений. Круг интеллектуальных интересов такого человека все больше расширяется; я знаю молодого механизатора, который, начав изучать программное

управление сеялки, постепенно увлекся научной литературой об электронно-счетных устройствах, об элементарных частицах.

Таким образом, в результате овладения машинной техникой не только расширяется круг трудовых процессов, в которые вовлекается человек, но и создаются благоприятные условия для перемены труда. Эта перемена имеет свою логику. Она является как бы этапом на пути совершенствования мастерства, и чем ярче выражена эта логика, эта закономерность перемены, тем больше обогащает труд духовную жизнь человека, тем в большей мере труд становится источником всестороннего развития. Ничего не даст человеку, не обогатит, а опустошит его перемена, если он ни с того ни с сего вздумает: надоело работать трактористом, пойду-ка поработаю зоотехником, или заведующим фермой, или техником по искусственному орошению полей. От «перемены» ради перемены только вред и обществу, и человеку: общество получает в результате еще одного дилетанта, всезнайку, бракодела, в конечном счете лодыря, а у самого человека возникает болезненное самолюбие, разочарование, склонность к демагогическим рассуждениям о том, что его не ценят, его таланты не признают. Предотвращение такой «перемены» труда — одна из важнейших и нелегких задач трудового воспитания подрастающего поколения.

Важность задачи вытекает из того обстоятельства, что труд в условиях научно-технического прогресса не только расширяет сферу трудовой деятельности работника, не только облегчает закономерную перемену труда, но имеет и другую, диалектически противоположную тенденцию. Техника усложняет процесс производства, его технологию, делает более сложными знания, умения и навыки, необходимые для труда в определенном кругу узких, связанных между собой отраслей, для закономерной перемены труда. Чтобы стать мастером своего дела даже в одном трудовом процессе, надо в совершенстве знать машину. Без глубокого знания, без углубления в детали невозможно мастерство. Верхоглядство — такой же враг всестороннего развития, как и мастерства, трудолюбия. Для того, например, чтобы овладеть вождением трактора при вспашке почвы на высоких скоростях (один из важных путей повышения производительности труда в

земледелии), тракторист должен в совершенстве знать не только машину, но и свойства почвы. Высокой производительности труда в работе на кукурузоуборочном комбайне добиваются механизаторы, хорошо знающие слесарное дело: эта машина нуждается в постоянной регулировке деталей, узлов, рабочих механизмов, требует от работника умения конструировать и монтировать несложные приспособления и устройства, совершенствующие технологический процесс в зависимости от конкретных условий работы на данном участке, при данном рельефе местности и т. д. Чтобы успешно работать на механизированной ферме, животновод должен знать не только организм животного, условия его развития, свойства кормов, но и электротехнику, механику, даже элементы автоматики,— только в таком случае чисто зоотехнические знания найдут свое практическое применение. В условиях механизации и электрификации сельскохозяйственного производства перед работником выдвигается такое очень важное требование, как умение творчески выполнить ту или иную трудовую операцию, тот или иной процесс в разных условиях, в разных обстоятельствах. Это заставляет работника многократно возвращаться к одному и тому же делу, овладевать его тонкостями, добиваясь совершенства. И чем больше человек углубляется в одну, казалось бы, узкую область, тем больше ему надо знать и уметь из других, смежных, а иногда и отдаленных отраслей производства. Чем больше знаний и умений приобретает работник, тем больше возможностей открывается перед ним для дальнейшего совершенствования мастерства в той узкой отрасли, которая, казалось бы, уже до конца освоена и в которой уже как будто нечего совершенствовать.

Агротехник колхоза имени Коминтерна Кремгэсовского производственного управления И. И. Шевченко, работающий звеньевым по выращиванию пшеницы, подсолнечника, кукурузы и ячменя, рассказывает: «Тридцать пять лет я работаю на земле, из года в год делаю одно и то же. Заготавливаю и вывожу удобрения, очищаю семена для посева, обрабатываю почву, уничтожаю сорняки. Казалось бы, в этом однообразном деле уже до конца все освоено и поэтому нет ничего интересного. Нет, это не так. Пятнадцать лет тому назад меня заинтересовала жизнь микроорганизмов в почве. Наблюдения показали,

что в зависимости от того, какие удобрения и когда вносятся, как учитывается при этом состав почвы, в ней усиливаются жизненные процессы, развиваются микроорганизмы, которые выделяют питательные вещества для культурных растений. И вот еще что замечательно: добавляя в удобрения то или иное химическое вещество, иногда в самом незначительном количестве, можно усилить развитие именно тех микроорганизмов, которые выделяют питательные вещества для данной культуры. Передо мной будто открылся неизвестный ранее мир. И чем больше я узнаю о жизни почвы, тем больше открывается нового, неизвестного. Не хватит жизни, чтобы все узнать. Интересным становится самый простой, черновой труд: вывозка удобрений на поле, приготовление раствора для подкормки растений».

Таким образом, сама жизнь убеждает, что овладение мастерством труда в условиях научно-технического прогресса ведет к расширению кругозора работника, расширяет сферу его деятельности и в то же время ведет к ограничению сферы деятельности, к углублению в тонкости, в детали любимого дела. К. Маркс в «Капитале» писал, что «без ограничения сферы деятельности нельзя ни в одной области совершить ничего замечательного» *. Это положение приобретает особую важность в наши дни, когда наука становится непосредственной производительной силой. Ограничение сферы деятельности, вытекающее из необходимости углубляться в тонкости, в научные основы конкретного дела, не ведет к профессиональной узости и ограниченности интересов, к механическому повторению изо дня в день, из года в год одного и того же. Ограничивая сферу своей деятельности несколькими узкими отраслями производства (или даже одной отраслью), человек получает широкий простор для овладения научными знаниями и научными основами труда. В ограничении сферы деятельности — источник мастерства, совершенства, творчества, без которых немислимо всестороннее развитие. Человек не может быть всесторонне развитым, если он не художник, не поэт в своем деле, если у него нет любимого дела, а любимое дело открывается опять-таки в той сфере деятельности, где человек может стать творцом, поэтом, художником.

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 373.

Труд и только труд — основа всестороннего развития личности. Не может быть и речи о всестороннем развитии, если человек не познает радости труда. Внимательно присмотревшись к жизни, к людям, к процессам, совершающимся нынче в нашем обществе, мы приходим к выводу, что органическая потребность в труде — не только понимание своего долга перед обществом, но и ощущение человеком полноты духовной жизни, переживание радости в связи с успехом в любимом деле — в том деле, в котором человек поднялся на вершину мастерства.

Человек, для которого труд стал органической потребностью, уже живет рядом с нами, трудится, мечтает, воспитывает тех, кто работает вместе с ним. Я знаю рабочих и колхозников — слесарей, монтажников, токарей, строителей, животноводов, растениеводов, садоводов, — для которых труд стал органической потребностью, важнейшим источником радости жизни именно потому, что они влюблены в свое дело, дорожат им, гордятся своей профессией, видят в ней широкий простор для дальнейшего совершенствования мастерства, для интеллектуального развития. Чтобы охарактеризовать духовный мир этих людей, надо рассмотреть индивидуальные черты каждого из них (именно через индивидуальную неповторимость раскрывается влюбленность в труд, богатство интересов, не связанных непосредственно с трудом), ибо анализ индивидуальных черт помогает яснее видеть то общее, что характерно для этих людей.

И. С. Плаксий двадцать три года работает токарем Онуфриевского районного отделения «Сельхозтехники». Его универсальный токарно-винторезный станок уже девять лет не проходил ремонта, однако все узлы и детали действуют в станке так же точно и безукоризненно, как в машине, только что выпущенной с завода. Творческий замысел, воплощению которого рабочий отдал много лет и который волнует его и сегодня, — п р о д л е н и е ж и з н и м а ш и н ы и постепенная модернизация, обновление по мере того, как ей угрожает моральное устаревание. Все усовершенствования и новые устройства, которые за годы работы на старом станке появились в новых моделях, И. С. Плаксий вносит в свой станок собственными руками. Детали, изготавливаемые Иваном Сергеевичем, отличаются точностью и прочностью. Для многих деталей рабочий сам проводит предварительную обработку метал-

лических заготовок — этот труд тоже стал идеей, над практическим внедрением которой он работает вместе с товарищами. Товарищи по работе говорят, что Иван Сергеевич чувствует кончиками пальцев, па что должна пойти та или иная металлическая заготовка. Он убежден, что прочность деталей можно значительно повысить, предварительно придав определенную структуру металлическим волокнам, расположение которых в каждой отдельной заготовке токарь должен хорошо знать. Идея продления жизни машины вышла за пределы мастерской, в которой работает И. С. Плаксий. По его предложению каждый механизатор проводит профилактический осмотр и ремонт машин. Особенно большое внимание при этом уделяется деталям, неисправность или повреждения которых ведут к износу узла или всей машины. И. С. Плаксий стал инициатором комплектования и изготовления небольших передвижных мастерских, которые механизаторы называют «аптечками». В этих мастерских — инструменты, необходимые для предотвращения поломок и неисправностей, различные детали. «Токарный станок, слесарные тиски и инструменты, — говорит И. С. Плаксий, — это лаборатория, в которой чувствуются пульс и дыхание машин. Моя мечта — создать передвижной универсальный токарный и сверлильный станок, на котором каждый механизатор мог бы в поле выполнить необходимую работу. Эта мечта не дает мне покоя. Над созданием такого станка я работаю. Чем больше углубляешься в станок, в топкости дела, тем больше видишь нового, тем больше надо знать и уметь. Меня спросили: не надоело ли два десятка лет стоять у станка? Как может надоест любимый труд! Замыслов столько, что боюсь, хватит ли жизни на то, чтобы осуществить их».

Этот человек живет богатой духовной жизнью. У него большая библиотека технической и художественной литературы. Его увлечение — электротехника и радиотехника... «Это для отдыха, для души», — говорит Иван Сергеевич, когда речь заходит о ветроэлектростанции, сконструированной им на своем приусадебном участке, о радиоприемниках, над которыми он засиживается по вечерам. Он любит садоводство, выращивает виноград — все это тоже, по его словам, для отдыха, для души. И. С. Плаксий принимает активное участие в общественной жизни. Он руководит кружком любителей книги; по

его инициативе ведется борьба против эрозии почвы в колхозе; во многих местах, где началось образование оврагов, посадили деревья.

П. Я. Панасенко — один из тех скромных тружеников, которые кормят народ. Свыше тридцати лет работает он на свиноферме в колхозе имени Свердлова Лозовского района Харьковской области. За годы своего труда он вырастил больше двадцати тысяч свиней. Этот человек — большой мастер, золотые руки, как говорят о нем колхозники, влюблен в свое дело так же, как влюблен в искусство настоящий художник или в науку — настоящий ученый. Как и у токаря И. С. Плаксия, как и у всех мастеров своего дела, у него тоже есть заветная мечта. Надо так приготовить корм и так дать его животному, говорит он, чтобы мясо было нежным, мягким, ароматным, чтобы сало расплавлялось, как масло. Как И. С. Плаксий чувствует кончиками пальцев металл, так П. Я. Панасенко чувствует, по его выражению, настроение животного. Он заботится о том, чтобы поросята, отнятые от маток, были обеспечены питательным, вкусным «детским», как он говорит, кормом. Для молодняка заготавливаются корма, богатые витаминами и веществами, предотвращающими заболевания. На свиноферме — своеобразная лаборатория, где испытываются, исследуются различные кормовые рационы. Как художник с волнением говорит о своей картине, геолог — о богатствах земли, архитектор — о красоте и прочности сооружений, П. Я. Панасенко с такой же увлеченностью говорит о животном, о его развитии, о борьбе за каждый грамм отдачи — повышении суточного и месячного привесов. Животновод стремится проникнуть в тайны процесса обмена веществ в организме животного, найти ответ на вопросы: от чего зависит изменение коэффициента отдачи — привеса на каждую единицу затраченного корма? Какие вещества наиболее благоприятно влияют на усвоение белков и углеводов организмом животного? Как должны соотноситься разные виды корма, чтобы организм животного превращал их в чередующиеся тонкие слои мяса и сала.

П. Я. Панасенко — человек большой культуры, ответы на все эти вопросы он ищет не только в собственном опыте, но и в книгах, в опыте других мастеров. Он ни за что не променял бы работу свиновода на какую-либо другую. Эта работа для него самая интересная — «она

вошла в мою душу, и уж ничем ее оттуда не вырвешь, а вырвешь насильно — ничего в душе не останется». Любовь к труду, мастерство снискали ему уважение среди колхозников, являются главным источником того чувства собственного достоинства, трудовой чести, которое глубоко живет в сердце этого замечательного труженика.

Тридцать пять лет работает лесником А. А. Шаповалов. За годы трудовой жизни он посадил и вырастил три миллиона деревьев. Влюбленный в свой труд и в природу, он мечтает добиться, чтобы все овраги, балки покрылись лесным ковром, чтобы люди оберегали деревья, заботились о зеленых насаждениях. Свыше четырехсот гектаров плодородных колхозных земель спас А. А. Шаповалов от эрозии, посадил лес в оврагах, балках, на приовражных склонах. Двадцать километров дорог обсадил деревьями. В Онуфриевском лесничестве, где работает этот человек, все работники соревнуются за то, чтобы оставить свой добрый след на земле, воспитать страстных защитников природы. Каждый работник по примеру А. А. Шаповалова имеет свой овраг или приовражный склон, где выращивает свой лес, дубраву, лесополосу. Дни осеннего и весеннего древонасаждения — подлинный праздник труда для этого человека. За годы своей работы он пробудил любовь к природе у многих рабочих и колхозников. По совету лесника и при его помощи свыше пятидесяти коллективов полеводческих бригад, звеньев, ферм, пионерских отрядов и комсомольских организаций в школах создали свои лесопитомники, из которых на поля каждую весну высаживаются сотни тысяч деревьев. Гордость А. А. Шаповалова — дубрава в одном из оврагов и на склонах этого оврага, заложенная еще в первые годы работы в лесничестве. Здесь на площади в два с половиной гектара растет свыше семисот дубков, и старый лесник с любовью ухаживает за каждым деревом. Он добивается, чтобы каждый молодой специалист, поступающий на работу в лесничество после окончания высшего или среднего учебного заведения, начинал свой трудовой путь с закладки своей дубравы. «Чем дольше я работаю, тем дороже мне становится любимый труд, — говорит А. А. Шаповалов. — Лишить меня этого труда, предложить запясться чем-нибудь другим — все равно, что вырвать с корнем дерево. Любимый труд — корень человека. Чем глубже твой корень, тем больше ты ува-

жаешь сам себя. Без корня, без любимого труда человек — пустоцвет. Если я вижу, что молодой человек легко и беззаботно порхает с одного дела на другое и ни на чем не останавливается, сердце мое болит за такого человека: ничего стоящего из него не получится. Я читаю много книг, меня интересует, какими будут люди при коммунизме. Откровенно скажу: не верю в то, что при коммунизме люди, как мотыльки, будут перелетать от одного дела к другому. Не будет этого. Скудной и безрадостной была бы жизнь при коммунизме, если бы человек не пустил глубоко в землю свой корень и если бы не росла, не крепла с каждым годом его крона». У А. А. Шопалова широкий круг интеллектуальных и эстетических интересов. Он книголюб. Читает не только литературу по лесоводству, но и художественные произведения. Любопытная деталь: всем, кто поступает на работу в лесничество, он рекомендует прочитать «Русский лес» Л. Леонова. Интересуется и проблемами развития техники, любит поговорить со знающими людьми об энергетике будущего, о развитии автоматизации и телемеханики.

Я мог бы рассказать еще о жизни многих людей, горячо влюбленных в свое дело. Всем им присущи черты нового человека. Ни один из этих людей никогда бы не согласился переменить свой труд на другой уже потому, что каждый влюблен в свое дело, глубоко пустил свой корень. Этот трудовой корень, эта влюбленность в дело — основа трудовой талантливости лучших людей нашего общества. Я не знаю ни одного подлинно талантливого труженика, который бы достиг замечательных успехов, внося свою индивидуальную крупицу в сокровищницу человеческого творчества вчера в растениеводстве, сегодня — в электротехнике, завтра — в строительном деле. Есть в народе скромные, мало, к сожалению, известные всему нашему обществу труженики, которые всю свою жизнь отдают выращиванию не вообще растений, а одной культуры. Это — народные селекционеры. Таким селекционером является И. И. Шевченко, о котором я рассказывал в начале статьи. Он выращивает разные культуры, изучает жизнь микроорганизмов в почве, но есть у него одна страсть, которой он отдал более трех десятилетий своей жизни, — это отбор морозоустойчивых сортов озимой пшеницы. «Пшеница — главное в моей жизни, — говорит народный селекционер. — Я уже нашел

растения, которые не боятся 25-градусных морозов. Воспитываю их. Если бы еще природа дала лет тридцать жизни, я переключился бы только на пшеницу». А сколько есть известных стране селекционеров-ученых, посвятивших всю свою жизнь выращиванию и изучению одной культуры. Без сосредоточения всех усилий этих людей в данной сфере деятельности наш народ не получил бы, например, прекрасных сортов подсолнечника, выращенных ученым-селекционером академиком Пустовойтом. Этот человек посвятил своей работе всю жизнь, и творческому горению, творческой радости этой жизни мог бы позавидовать каждый.

Особенность «ограничения» сферы деятельности именно состоит в том, что в обществе, где все подчинено благу человека, это «ограничение» не является каким-то самопожертвованием, отказом от радостей жизни. Наоборот, оно осуществляется во имя самого же человека, вытекает из его желания, из извечного стремления человека раскрыть свои задатки, таланты, способности. Всестороннее развитие личности представляется мне прежде всего единством труда и всего духовного строя жизни человека. Присматриваясь к жизни и труду людей, влюбленных в свое дело, мы видим, что как раз благодаря этому делу, благодаря творчеству в труде перед ними и открывается это единство. По мере углубления в тонкости, в научные основы труда человек все больше становится не только создателем материальных благ, но и мыслителем, исследователем, творцом идей. Благодаря этому формируется интеллигентность человека — создателя материальных благ. Эта интеллигентность представляет собой единство культуры труда и общей культуры. В интеллигентности труда, в культуре любимого дела — корень богатства культурных запросов человека, корень его общей интеллигентности. Культура человека начинается в трудовой культуре, в том, что человек находит все новые и новые тонкости и детали дела, в котором далеко не все известно, не все открыто. Трудовая культура, трудовая интеллигентность пробуждают у труженика чувство собственного достоинства, жажду знаний, заботливое, бережливое отношение к культурным сокровищам, стремление приобщиться к духовной культуре человечества. Люди, о которых я рассказывал, живут богатой, интеллектуальной жизнью, имеют многогранные интересы как

раз благодаря тому, что у них есть то, что называется живинкой в деле. Трудовой интерес стал для них важнейшим духовным интересом, а любимый труд — смыслом жизни.

Такой труд не приковывает человека навсегда к одной профессии, не закрывает дороги к другим видам трудовой деятельности. Именно благодаря тому, что человек овладевает тонкостями, научными основами любимого труда, он испытывает потребность в обогащении все новыми знаниями и умениями. Часто бывает так, что, углубляясь в тонкости своего труда, человек осваивает смежные родственные специальности: токарь овладевает специальностями слесаря, электромонтера, электросварщика; слесарь — специальностями электромонтера, токаря; агротехник становится трактористом. Но логика труда в условиях научно-технического прогресса такова, что овладение родственными специальностями, с одной стороны, открывает возможности для перемены труда, а с другой — помогает совершенствовать мастерство, открывает перед человеком те стороны трудовой деятельности, в которых труд поднимается на ступень творчества. «Я стал хорошим токарем потому, что я не только токарь, но и слесарь,— говорит И. С. Плакий.— Можно было бы перейти на работу слесаря. Но интереснее быть хорошим токарем, чем посредственным слесарем или посредственным электромонтером...»

В этих словах выражено извечное стремление личности к радости труда, к наслаждению трудом. Каждый человек стремится к тому, чтобы достигнуть своей наивысшей вершины. Хорошо сказал об этом большой мастер своего дела, токарь-инструментальщик завода «Красная заря» (Ленинград) В. М. Гой: «Нужно, чтоб каждый человек в чем-то одним королем был» («Известия», 1961, 19 сент.). Добиться того, чтобы каждый человек стал подлинным господином труда, неповторимым творцом, вносящим свою крупицу во всенародный океан творчества,— самая верная дорога к всестороннему развитию личности, к царству свободы, к коммунистическому счастью.

В достижении этой цели мы видим ведущую линию трудового и нравственного воспитания молодого поколения, путеводный огонек всестороннего развития. Важнейшая задача трудового воспитания и вообще воспитания нового человека заключается в том, чтобы в каждом человеке

открывать его живинку, его золотую жилку; чтобы каждый человек пошел как раз по той дороге, на которой его жизнь станет взлетом к вершине творчества. Не о том мы должны прежде всего заботиться, чтобы человек был подготовлен к перемене труда, — перемена придет сама по себе, если человек овладеет мастерством в любимом деле. Если сравнить воспитание с шлифовкой алмаза, то задача общества, комсомола, школы заключается в следующем: надо найти в невзрачном, ничем не привлекательном камушке ту грань, которая, если ее отшлифовать, открыть перед солнечными лучами, так ярко засияет, что преобразит весь камушек; он заиграет, засверкает, откроет новые, невидимые раньше грани. А ведь такая заветная грань есть в каждом человеке, надо только ее увидеть, понять, почувствовать, открыть, не подходить к камушку с грубым напильником, а пользоваться тончайшим инструментом. Не должно быть ни одного безликого, ни одного равнодушного к труду, ни одного человека, у которого, как говорится, руки ни к чему не лежат. Далеко не каждый станет ученым, писателем, артистом, далеко не каждому суждено открыть порох, но мастером в своем труде должен стать каждый — это важнейшее условие всестороннего развития личности. Нельзя допустить, чтобы человек работал как-нибудь, видел в своем труде лишь средство добывания хлеба насущного и восполнял убогость души, отсутствие творческого огонька в труде богатствами культуры, искусства, созданными человечеством. Человеку, у которого нет любимого труда, никакие сокровища и богатства культуры не принесут радости. Я глубоко уверен, что при коммунизме хорошему инженеру, хорошему педагогу, хорошему геологу, хорошему растениеводу, хорошему животноводу — а все люди должны быть только отличными тружениками — мало будет жизни, чтобы полностью исчерпать себя в труде, овладеть всеми его тонкостями и научными основами, насладиться трудом. Будут передавать, как эстафету, своим ученикам незаконченный труд и неосуществленные замыслы. Общество будет дорожить, как дорожит оно и сейчас, каждым талантливым математиком, артистом, композитором, художником. То обстоятельство, что они будут посвящать всю свою жизнь единственному труду, несколько не обеднит их всестороннее развитие. Коммунизм и прекрасен тем, что каждый человек изберет тот

жизненный путь, на котором ярче всего раскроется его талант, способности, наклонности. В любимом труде — основа всестороннего развития личности.

Вопросы философии, 1963, № 4.

СЛОВО О СЛОВЕ

Недавно в одном учебнике педагогики я прочитал буквально следующее: слово учителя играет второстепенную роль среди методов влияния на ребенка, на первом месте стоит активная деятельность, труд. Поэтому не удивительно, что в последние годы среди учителей распространилось мнение, будто «словесное воспитание» дает незначительные результаты. Это мнение проявилось в пренебрежительном отношении к воспитательной беседе. Редким явлением в некоторых школах становится вдумчивая подготовка учителя и пионервожатого к встрече с учащимися — речь идет о подготовке живого обращения воспитателя к уму и сердцу людей.

Конечно, в формировании духовного облика человека большую роль играет поведение, взаимоотношения в коллективе, конкретный труд на благо народа. Но ведь и поведение, и взаимоотношения, и труд — все это зависит от сложных процессов, происходящих в душе, важнейшим средством влияния на которую является слово. В устах воспитателя слово — такое же могущественное средство, как музыкальный инструмент в руках музыканта, как краски в руках живописца, как резец и мрамор в руках скульптора. Как без скрипки нет музыки, без краски и кисти — живописи, без мрамора и резца — скульптуры, так без живого, трепетного, волнующего слова нет школы, педагогики. Слово — это нечто вроде мостика, по которому наука воспитания переходит в искусство, мастерство.

Вспоминаю случай из своей педагогической практики. В тихий теплый вечер ранней весной мы возвращались из леса. Попрощавшись с детьми, я свернул на тропку, ведущую к моему жилью — маленькой белой хатке, обсаженной сиренью. Был тот короткий и прекрасный период весны, когда уже все пробудилось от долгого зимнего сна, но жизнь растений еще только начинается: блестят нежные листочки, едва лишь показавшиеся из

почек, пробиваются к солнцу светло-зеленые иголки травы, прозрачным туманом покрылся ивняк... Очарованный красотой, я стоял и смотрел.

И вдруг до меня донеслись детские вздохи. В них слышалось горе, страдание. Стараясь ступать неслышно, я обогнул хату, пошел в заросли парка. Через минуту увидел: под ветвистой вербой, неподалеку от пруда сидел Костя Д., пятиклассник, тихий, задумчивый мальчик. Я знал о горе, тяжелым камнем давившем душу ребенка. Его отец умер, в семью недавно пришел отчим, и мальчик тяжело переживал это. Когда я прикоснулся к его плечу, мальчик вздрогнул, что-то хотел сказать, но губы его скривились от боли. Нельзя было оставлять его одного. Надо было как-то успокоить, утешить...

— Пойдем, Костя, со мной, — сказал я. Он послушно поднялся. Мы вышли на высокий курган у села, перед нами раскинулся белый разлив абрикосовых садов.

В вечерних сумерках я не видел глаз мальчика, но по тому, как крепко сжал он мою руку, как прижался ко мне, я понял, что черные мысли, которые овладели было сознанием ребенка, мне удастся развеять. Мы пошли с Костей ко мне домой. Сели во дворе, развели костер, приготовили ужин. До полуночи я рассказывал ему о вечной борьбе человека за счастье и правду, о смелых, отважных людях, пока мальчик не уснул...

Слово... Как оно нужно ребенку каждую минуту — и тогда, когда он наслаждается радостями жизни, и тогда, когда его сердце сжимает печаль.

Я не представляю себе и воспитания любви к природе без живого, трепетного слова. Люблю ходить с детьми в поле в теплые осенние дни. Детей завораживает не только красота природы, но и рассказы о ней.

— Смотрите, дети, на наши степи, долины, перелески — сколько тут красоты и как она разнообразна. Какое богатство красок, цветов, оттенков! Наш правый берег Днепра холмистый. Холмы идут словно волнами — одна ближе, другая дальше. И чем дальше волна, тем более тонкие, нежные краски накладывает на нее солнце. Смотрите на первую. Здесь можно различить каждое дерево, даже стебель подсолнечника. Вот ветвистый дуб; листья на нем еще зеленые, как рута, а рядом — клен роняет на землю разноцветный убор. Смотрите на вторую волну: она серая, как стадо овец в тумане. Деревья

на этих холмах кажутся табунами гусей, севших отдохнуть перед дальней дорогой. Третья волна — сияя, как лепестки подснежников. На ней уже можно только угадать, а не различить деревья, лесополосы, прямоугольники полей. Все это скрывается в какой-то дымке.

Присмотритесь лучше — не кажется ли вам, будто над далекими селами, над полями и лесами кто-то распустил огромный парус, и он движется — приближается к нам? А позади за синей волной еще одна, четвертая, — сиреневая. Смотрите, как играет она на солнце удивительными переливами!

А дальше — голубая волна. Присматриваешься к ней и думаешь: что же это — морской вал или нежное облачко, плывущее в небе? Нет, это далекие просторы. Там тоже села, нивы. И все покрыто тонким голубым покрывалом. Что же дальше, за пятой волной?..

Стоим мы среди этих волн, любимся красотой родной земли. Любуемся солнцем, которое так щедро положило свои краски на мир. На каждой волне вы видите высокие курганы — вечных часовых наших степей. Тысячи лет стоят они в степи. Многие видели они и могли бы рассказать, если бы умели. Сотни поколений людей оросили нашу родную землю своим потом и кровью. Тысячи из них погибли на этих просторах, которые открываются перед нашими глазами, за свободу и независимость Родины. И когда думаешь о героях, отдавших свою жизнь за то, чтобы над нами сияло солнце, эта красота становится еще дороже.

Взгляните на Днепр, на левый берег. Мы не видим там таких волн, как на правом берегу. На много километров расстелилась равнина. Кажется, до самого горизонта на землю кто-то положил тонкие малахитовые пластинки. Это зеленеют озимые. А между ними — села...

Дети слушают очарованно. Самые большие шалуны стоят, затаив дыхание. В мыслях они путешествуют по бескрайним просторам родной земли. Слово раскрывает перед детьми красоту этих просторов. Слово звучит для них, как музыка. Оно насыщено запахами трав и леса.

Как важно, чтобы в каждом слове воспитателя трепетала, волновалась, радовалась и негодовала живая человеческая страсть! Ибо как бы высоко ни было содержание слов, которые слышит ребенок, они останутся для него мертвыми, пока в них не загорится огонек чувства,

не запульсирует кровь. Эту душевную полноту и насыщенность слова нельзя почерпнуть ни из каких книг, пособий, указаний. Она дается только жизнью, входит в душу воспитателя и отдается детям, как драгоценнейшее духовное богатство...

Проходит час. В вечно изменчивой красоте природы я вижу много нового. Солнце склонилось уже к горизонту, откуда-то из-за холмов выползают синие вечерние сумерки. Эту перемену теперь замечают мои питомцы. Я вижу, им хочется еще раз услышать, пережить музыку слова.

— Посмотрите на небосклон,— снова говорю я ученикам.— Его линия на некоторое время в предвечерний час становится ясной, четкой. Теперь можно увидеть и очертания далеких гор, и лес. Природа словно открывает перед нашими глазами то, что было скрыто днем, когда солнце стояло высоко над землей. Воздух свежеет. Кажется, если бы человек мог стать великаном, если бы ему удалось коснуться синих очертаний далеких гор, земля отозвалась бы тихой волшебной музыкой. Так все красиво в эти предвечерние минуты.

Но вот взгляните — линия небосклона окутывается фиолетовой дымкой. Ежеминутно меняется окраска холмов — тех удивительных волн, которые под солнцем так нарядны, разноцветны. Ближайшая волна, бывшая пестрой, многокрасочной, играет-переливается красными отблесками. Серая волна становится розовой, синяя — темно-зеленой, сиреневая — темно-фиолетовой, голубая — синей. И все это снова изменится через несколько минут.

Вот уже краешек солнечного диска скрылся за горизонтом, и все волны холмов будто погрузились в темно-фиолетовое море. Только вершины их еще алеют. Солнце уже скрылось, а вершины еще играют позолотой. Когда эти золотые огоньки погаснут, река мрака выплеснется из балок и оврагов, разольется по всему простору... Эти минуты — самые прекрасные в вечном круговороте времени. Ими навеяны народные сказки. Мрак разливается из оврагов, балок, дубрав — и человеческая фантазия рисует бабу-ягу, серого волка, хитрую лисицу.

Дети возвращаются домой радостные, взволнованные. ...Пионерский сбор может быть интересным не только тогда, когда все дети что-нибудь делают и активная деятельность увлекает их. Такие же горячие чувства может

пробудить и слово. Вспоминается сбор, посвященный детям алжирских патриотов. Краткую газетную информацию о двух девочках, на чьих глазах колонизаторы убили мать, я старался наполнить человеческими чувствами, вложить в свои слова ненависть к колонизаторам и симпатию к поработленным.

— Солдаты, убив мать, отошли и со стороны смотрели на страдания детей,— рассказывал я.— Девочки, плача, подбежали к мертвому телу. Младшая, двухлетняя девочка, толкала мать, надеясь, что та проснется. Старшая понимала, что такое смерть, и в глазах ее стоял невыразимый ужас.

Сейчас девочки в лагере Красного Креста. У них нет теплой одежды, и они не выходят из землянок, не видят солнца, не дышат свежим воздухом. Давайте свяжем шерстяные кофточки и пошлем девочкам...

Трудно передать волнение, которое переживали дети. Кофточки вязать долго, а им хотелось уже сегодня чем-то подбодрить, поддержать далеких друзей. И они решают написать письмо. Написанное целым звеном, оно переходило из рук в руки. Пионерам казалось, что слова в нем слишком будничные, не передают их чувств. «Дорогие дети...», — а разве нельзя сказать ласковей? Напишем: «Милые наши, родные». Каждому хотелось вставить свое слово.

И вот это письмо.

«Милые наши, родные!

Мы узнали из газеты, что колонизаторы убили вашу маму... Горе это велико — как высокая гора над Днепром. Вы не можете сдвинуть своими руками эту гору, не хватит всей вашей жизни, чтобы по горсти рассеять ее. Но если вам на помощь придут дети всего мира, то страшная гора исчезнет, мы развеем ее по пылинке.

Дорогие девочки! Будьте нашими сестрами! Отдайте нам частицу своего горя, мы разделим его, и вам станет легче.

Посылаем вам через Красный Крест маленькую помощь — теплые кофточки. Их вязали все девочки нашего пионерского отряда. Пусть греют вас и эти голубые кофточки, и тепло наших сердец...»

...В морозные зимние дни мы отправлялись далеко на лыжные прогулки. Детей привлекала не только радость отдыха, но и красота зимней природы. Однажды мы поехали на левый берег Днепра. Отдыхали на опушке.

Любовались голубым небом и заснеженными деревьями. Перед нами стояла ветвистая елка, покрытая снегом. На фоне розового небосвода каждая веточка выделялась особенно четко.

— Смотрите, какая красивая елка,— сказал Валерий.— На фоне неба зеленые ветки кажутся фиолетовыми, как сирень.

— Дети, посмотрите на эту елку, подумайте, как рассказать об этом красивом дереве, чтобы наши слова создали яркую картину,— предложил я.— И чтобы в этих словах у каждого было что-то свое. Скажите об этой елке так, чтобы в ваших словах отразилась и красота вечерней зари, и стук дятла, и мелькание снежинок...

Дети задумались. Они смотрели на небо, переводили глаза на елку. А меня больше всего интересовали в этот миг задумчивые, сосредоточенные лица детей — такие разные, неповторимые. Вот передо мной один из шалунов — Павлик. Широко открытыми глазами смотрит он на опущенные снегом ветки. Черты лица у мальчика резкие, выражение всегда напряженное, так как сердце его никогда не бывает спокойным. А сейчас резкость лица его исчезла, черты смягчились. В детских глазах на мгновение вспыхивает розовый отблеск вечерней зари, губы расплываются в улыбке. «Павлик скажет сейчас что-нибудь смешное»,— думаю я. Но мальчик молчит. Первым звенит в лесной тишине голос самой маленькой участницы похода — Зои.

— На дне глубокой белой чаши стояла елка,— начинает свой рассказ девочка. Пришел волшебник — Мороз, посмотрел, вздохнул, взмахнул широкими полами белой шубы — и взвилось вокруг елки белое кипение вьюги. Волшебник ушел, а елка стоит чистая, умытая в белой купели.

— Хорошо. Ой, как хорошо! — слышатся голоса детей.

— Я не так скажу,— взволнованно говорит Павлик.— Снежинки летят от солнца. Где-то высоко-высоко, неподалеку от горячего солнца, есть огромная хрустальная кузница. Возле прозрачных наковален стоят кузнецы. Выковыывают молоточками миллионы снежинок из хрусталя. И в каждую из них вставляют несколько тоненьких-тоненьких солнечных лучей. Вот стоит зелено-синяя елка, опущенная снежинками. Почему снег розовый? А по-

тому, что в каждой снежинке заморожены солнечные лучики. Солнце перед закатом становится розовым — и лучики розовеют. Солнце скроется — и они погаснут. Хрусталь холодный — и лучики холодные. А когда начнет солнце пригревать, его лучи оживают повсюду — и на вершинах снежных сугробов, и в снежинках. Почему звенит весенняя капель, падая с крыш? Это играет в ней расплавленный хрусталь...

— Ты настоящий поэт, — удивился я.

Павлик покраснел, смутился. Солнце уже коснулось горизонта, розовые отблески зари на холмах, на опущенной снегом елке стали алыми, на пламенеющем фоне дерево было еще красивее. Пощипывал мороз, и, паверное, холодное дыхание почти навеяло новый образ, пробудило новые слова, каких никто не ожидал от молчаливого, застенчивого Ивася:

— Вечнозеленое дерево — елка напоминает о могучей жизни. Нет для нее никаких преград. На дворе мороз, трещит лед на речке, а она стоит, зеленая красавица; под золотой корой у нее текут горячие соки земли. Она протягивает свои ветки навстречу солнцу. Солнце ласкает ее. Придет весна — посажу дома елку. Пусть стучит зелеными лапами в окно.

А Таня сравнила елку с малахитовой мозаикой:

— На далеком Урале есть удивительный камень — малахит. Из малахитовых плиток мастера делают тоненькие пластинки, выкладывают из них чудесные узоры. Багряное небо на западе — это яшма. На ней мастер выложил из миллионов тоненьких пластиночек эту елку. Не знаю только, как назвать драгоценный камень, из которого мастер сделал белую опушку на зеленых ветках...

По дороге домой я рассказал детям о небе на рассвете. На следующий день предрассветную тишину у школы разбудили звонкие голоса. Словно зачарованные, смотрели дети, как в ледяном зеркале пруда переливались краски небосклона. И в ту минуту, когда они переживали красоту увиденного, я сказал им:

— Смотрите, как постепенно меняется окраска неба над горизонтом. Вы видите несколько полосок: лиловую, багровую, красно-фиолетовую, бирюзовую, розовую, голубую. И между ними — оттенки, переливы удивительных солнечных красок. Полоска у самого горизонта — пурпурная. А там, где бирюзовая полоска переходит

в розовую, вы видите рождение голубизны. Это цвет неба в ясный солнечный день, о котором мы мечтаем и поем песни. Слова, передающие эти краски, так же красивы, как и то, что мы видим. Если вы слышите слово «голубизна», вы представляете небо, безграничную даль полей, журавлиную стаю.

Окраску неба изменяет солнце. Это и называется зарей, утренней зарей, рассветом. Мы говорим: вечерняя заря гаснет — и в нашем представлении возникают целые картины: бескрайние поля, засеянные пшеницей, запах колосьев, звонкие песни в поле, темная дубрава...

Когда горизонт начинает светлеть, говорят: занимается заря. А посмотрите сейчас на звезды: кажется, будто тоненькие лучи, как золотые нити, тянутся на землю, искрятся. Это мерцание. Звезды мерцают. И эти слова пробуждают в нашей душе воспоминания. Кто из вас не помнит, как вместе с отцом или матерью ехал на возу с сеном, глядел в глубокое звездное небо и мечтал о чем-то сказочном?

Как тонко подметил народ красоту природы, какими выразительными, яркими, сочными, душистыми словами назвал ее явления! Сколько существует слов, означающих лишь то, что происходит с огнем: горит, пылает, сверкает, теплится, пламенеет... И каждое слово имеет свой оттенок.

...Хочется посоветовать учителям: если вы стремитесь, чтобы ваше воспитание стало искусством, оттачивайте слово. Ищите в неисчерпаемой сокровищнице нашего родного языка жемчужины, зажигающие огонек восторга в детских глазах. Находите тончайшие оттенки на многокрасочной палитре народной мудрости, говорите детям красиво о красоте окружающего мира. Слово — это тончайший резец, способный прикоснуться к нежнейшей черточке человеческого характера. Уметь пользоваться им — великое искусство. Словом можно создать красоту души, а можно и изуродовать ее. Так овладеем же этим резцом, чтобы из наших рук выходила только красота!

Радянська Україна, 1964, 16 янв.

ТРУД, ПРИЗВАНИЕ, СЧАСТЬЕ

Как добиться, чтобы каждый человек нашел свое призвание? Чтобы не было людей, жизнь которых складывается неудачно, чтобы творческий труд приносил каждому счастье? Этот вопрос волнует нас, учителей. Вот почему я не мог не принять участия в беседе, на которую приглашаете вы, друзья. Взволновало меня и то, что девушка, написавшая в газету о своей растерянности на первых шагах жизни, — моя землячка, заведующая клубом в одном из сел Кировоградской.

Досадно, что она не захотела назвать себя и подписала письмо одной буквой — С. Ну что ж, я представляю, что передо мной двадцатилетняя девушка Светлана — стройная, красивая, с синими, чуть печальными, пытливыми глазами. Она уже два года по окончании школы зорко присматривается к жизни, хочет найти ответ на вопросы, тревожащие ее, и не находит...

Познакомимся, Светлана. Я двадцать девять лет работаю в сельской школе, тысячи юношей и девушек такого же, как ты, возраста снарядил в далекую дорогу жизни. И когда мы, учителя, расстаемся с теми, кто пришел к нам семилетним малышом, а ушел в жизнь взрослым, зрелым человеком, нас всегда волнует чувство ответственности, тревоги, беспокойства за каждую человеческую судьбу: а каждый ли нашел свое призвание? Каждый ли пойдет той тропинкой, на которой сможет найти свое счастье?

Да, призвание — это в конечном счете самая главная основа личного счастья, основа гармонического слияния личной радости и гражданского достоинства человека. Ведь так, Светлана, — если бы ты нашла, наконец, работу по душе, ты была бы счастлива. Удовлетворение от любимого труда окрашивало бы светлыми чувствами твои взаимоотношения с товарищами, твои надежды на будущее, твою любовь, дочка. А пока что у тебя нет этих светлых чувств, а значит, нет и полноты счастья. Вина ли ты в этом? Нет, это не вина твоя, а беда. А в беде надо помогать. Меня радует, Светлана, что ты вдумчиво, серьезно, требовательно подходишь к жизни, тебя не удовлетворяет в ней хлеб насущный, тебе хочется радостного, творческого труда. С этой точки зрения твои переживания и поиски, твой мир духовной жизни типичен

и характерен для передового молодого человека нашего времени — труд для него не только заработок, не только способ удовлетворения материальных потребностей, но и нечто высокое, идеальный источник вечного, негасимого человеческого стремления к творчеству, к познанию и покорению тайн природы, к товарищескому, братскому общению с людьми. Я уверен, что, одолев беду, ты найдешь свое счастье.

Итак, начнем разговор о призвании. Я хочу помочь в беде не только тебе. Не одну девушку, не одного юношу волнуют те же мысли, что и тебя. Они чудесные люди, честные, добрые, полные горячего энтузиазма, но... Итак, начнем разговор.

Ты читала, Светлана, произведения американского писателя Марка Твена? Верно, увлекалась приключениями Тома Сойера. Так вот у Марка Твена есть любопытная повелла-сказка (почему-то, к сожалению, ее редко публикуют). С тонким юмором рассказывает писатель о том свете, о загробной жизни. Нет на том свете ни райского блаженства, ни мук адских, ни ангелов, ни чертей, подливающих смолу, чтобы поджаривать грешников. Живут люди на том свете такой же трудовой жизнью, как и на грешной земле. Но вот чем отличается тот свет от нашего в сказке Марка Твена: каждый занимается там делами по своему призванию. Неизвестный на земле сапожник после смерти становится знаменитым полководцем, а бездарный при жизни генерал, у которого был каллиграфический почерк, становится писарем в штабе. Писатель, надоевший читателям своими приторными, никому не нужными романами, находит призвание в профессии токаря по металлу. Человек, случайно попавший в педагоги, всю жизнь мучивший детей и сам мучившийся, оказывается прекрасным бухгалтером.

Вот такая сказка. В ней глубокий смысл. Писатель высказывает мысль, что человек, не идущий по тому жизненному пути, который отвечает его призванию, не может быть счастлив, хотя нередко и сам не осознает того, что он несчастен. Время, когда жил Марк Твен, давно прошло, однако и в наши дни есть много людей, не нашедших своего призвания. Бывает, человек решил стать врачом, окончил институт, лечит людей, но не находит радости в своей работе и не знает, что в нем, по словам Карла Маркса, сидит прекрасный слесарь или каменщик-

строитель. Я знаю одного учителя. Лет пять он мучился сам и детей мучил — на каждом шагу сталкивался с неудачами. Мы посоветовали ему оставить учительскую работу и пойти по другому жизненному пути — у учителя был интерес к технике. Он стал учеником слесаря, через год был уже квалифицированным слесарем, мастером смены, окончил заочно техническое учебное заведение, сейчас работает начальником цеха, доволен своей работой, внес несколько рационализаторских предложений.

Так что же оно такое — призвание? Похоже вроде на то, что каждому человеку на роду написано, как говорится в народе, кем ему быть. Нет, это не так. Призвание не дается от природы. Природа одаряет каждого человека только задатками — анатомо-физиологическими предпосылками какого-то широкого круга деятельности. И уже от того, в каком окружении находится ребенок, подросток, юноша, девушка, как человек воспитывается, чем он занимается (это самое главное), зависит реализация задатков, формирование умений, навыков, способностей — все это является словно мостиком между тем, что дала человеку природа и что он приобретает в жизни в процессе воспитания. И когда мы, например, видим, что десятилетний школьник с увлечением моделирует и монтирует модели механизмов, часами не может расстаться с молотком, тисками, когда мы говорим, что из школьника может выйти хороший инженер или рабочий, то это не значит, что уже с рождения единственно возможным путем для ребенка было стать инженером или мастером-слесарем. Если бы в школе, где учится мальчик, не было технических кружков, не было атмосферы увлечения техническим творчеством, задатки не пробудились бы, у ребенка и мысли не было бы о том, чтобы конструировать, моделировать.

Нет человека, у которого бы не было никаких способностей, у которого бы руки ни к чему не лежали. Н. Островский писал: «У нас не талантливы только лептяи. Они не хотят быть иными. А из ничего — ничего не рождается, под лежащий камень вода не течет»⁴. Хотя в этих словах есть известная метафоричность, а отсюда и излишне широкое обобщение, однако в них — глубокая истина; человек — сам кузнец своего счастья, радость труда и творчества не падает с неба, ее надо завоевать трудом и творчеством.

На знамени нашего общества написаны золотые слова: все для человека, все во имя блага человека. Главнейшая задача воспитателя — дать каждому человеку большое личное счастье, счастье творческого труда, полноту духовной жизни. Разве могут радовать, вдохновлять человека высокие общественные идеалы, если он не имеет личного счастья, личного удовлетворения от того, что делает повседневно? Задача школы, учителя, школьного комсомола сейчас прежде всего в том, чтобы в жизнь не шли неудачники и разочарованные, скептики и нытики. Я глубоко убежден, что скептицизм молодой души, с которым нередко приходится встречаться, — это обратная сторона духовной пустоты, присущей человеку, не нашедшему в жизни любимой работы, не нашедшему своего призвания.

Я долго думал над судьбой Николая Д., о котором пишет в своем письме в «Молодь України» его брат Сергей. Как оторванный от дерева лист, катится молодой человек по земле, нигде не находит себе пристанища, нигде не оставляет частицы своей души, а потому не может чувствовать и переживать того, что земля, которая кормит его, — это его родная земля. У таких людей нет жалости и к родным отцу-матери. Глубокое возмущение, гнев вызывают люди, подобные Николаю. Но в том, что он стал таким, виноват не только он. Виноваты и те, кто вел его за руку в детстве, кто не смог или не захотел добиться, чтобы человек оставил частицу сердца своего в творении рук своих на родной земле.

Почему Николай оставил школу? Почему это не обеспокоило учителей, почему равнодушно отнеслись они к тому, что на их глазах растет пустоцвет? Судьба таких, как Николай, вызывает серьезные раздумья о патристическом воспитании детей и юношества. Это большой и серьезный вопрос, который не должен сходить со страниц молодежных газет и журналов. Только тот может быть счастлив и приносить счастье другим, кто, образно говоря, оставил свой корень в родной земле, сделал для родного села, родного города, Родины что-то значительное и весомое. Без любви к труду не может быть полноты счастья, не может быть и подлинной человечности.

Без труда не найдешь призвания. Чтобы найти любимый труд, Светлана, надо полюбить его, раскрыться в нем. Есть у меня семидесятилетний друг, каменщик Кузьма Константинович. Он говорит: «Самая простая работа

становится песней, если ты вкладываешь в нее свою душу». Прекрасные слова. За свою жизнь Кузьма Константинович возвел десятки больших домов. Сейчас он пенсионер. Но не может жить без работы. Однажды строили в селе кирпичный дом. Пришел старик посмотреть на работу, не понравилось ему: «Разве так кладут кирпич? Нужно, чтобы стена пела, чтобы каждый камешек был на своем месте, чтобы ты гордился своей работой». И взяв лопату-кельму, старый каменщик уложил несколько сотен кирпичей. Запела стена: ровными рядами легли между кирпичами цементные кромки, вырисовывался дивной красоты узор из тех, казалось бы, случайных пятен, которые есть на каждом кирпиче. А однажды Кузьма Константинович поехал в город километров за сорок — посмотреть на здание, возведенное им лет тридцать назад... Долго сидел под молодыми березами в сквере, любовался своей работой, вспоминал молодость.

А послушала бы ты, Светлана, что рассказывает старик о первых шагах своей работы каменщиком. Долго не давалось ему мастерство. Много было неудач. Один раз, рассказывает Кузьма Константинович, пришлось разобрать несколько тысяч уложенных кирпичей. Тяжело было их очищать от раствора, стыдно было в глаза людям смотреть. А все-таки хотелось овладеть секретами мастерства, еще с малых лет, мальчишкой любил смотреть, как вырастает дом.

Как же полюбить работу, как овладеть сердцем этой красавицы? Напрасно было бы ожидать, что, переходя от одного дела к другому, в конце концов встретишься с работой, которая даст счастье с первого же шага. Возможно, любовь с первого взгляда, с первой встречи и бывает, как говорят иные поэты, однако работа — это красавица, которая сердито отворачивается от того, кто надеется на любовь с первого взгляда. Чувство любви к труду пробуждается, когда человек уже вложил в него частицу своей души, своего сердца, когда он в результатах видит воплощение самого себя, своего достоинства, чести, гордости.

И вот тут на нас, воспитателей молодого поколения, на комсомольские организации школ возлагается большая, ответственная задача. Мы ведем за руку человека, который вступает в жизнь, жадными глазами всматривается в окружающий мир, остро воспринимая все на своем пути.

Возраст от 12—13 до 16—18 лет — период самоопределения, становления личности — взглядов, убеждений, наклонностей, способностей, призвания. В этот период человек должен не только познавать мир, не только приобретать знания, практический опыт и навыки, но и **найти самого себя**, утвердить в активной деятельности свои творческие силы, определить свой жизненный путь. Почему, Светлана, ты лишь по окончании школы начала думать о своем будущем, испытывать свои силы то на одной, то на другой работе? Потому что учителя, должно быть, заботились только о том, чтобы вы, юноши и девушки, познавали мир, возможно больше узнавали о природе и обществе, а не задумывались над тем, как же каждый воспитанник **утверждает себя** в окружающем мире, в труде.

Человеку уже 16, 17, 18 лет, а он еще только ученик — это серьезнейший недостаток воспитательного процесса, который, к сожалению, еще не удается преодолеть. Об этом недостатке мне хочется сказать словом **оребьячивание** — подросток, юноша, девушка слишком долго остаются детьми, на них и воспитатели, и родители смотрят, как на младенцев. Конечно, нельзя отрицать того, что труд вошел в широко открытые школьные двери, однако он все-таки еще не стал духовной потребностью каждого воспитанника, его увлечением, вдохновением. С трудом, который бы стал для человека такой же потребностью, как чтение интересной книги, как мечта о дальних странах, у многих юношей и девушек еще не связываются реальные планы и перспективы на будущее. Во многих школах работа старшеклассников существует, к сожалению, только как норма трудовой нагрузки, а не как способ воспитать призвание, не как реальнейшая возможность поставить молодого человека на ту тропу, идя которой он нашел бы свое место в жизни, нашел личное счастье.

Считают почему-то, что если ученик работает, что-то делает, если есть какие-то результаты его работы, значит, он уже воспитывается, и труд становится могучим орудием воспитания. Да, труд действительно могучая воспитательная сила, тот, образно говоря, золотой ключик, который способен открыть душу каждого человека, облагородить его. Однако же у каждого человека свои склонности, интересы, способности, дарования, таланты... следовательно, и ключики должны быть разные. А что

можно видеть в жизни многих школ? Юноша, возможно, нашел бы свое призвание в труде на земле — в выращивании растений, в интересном, вдохновляющем труде на поле, а его вместе со всем классом неделю за неделей посылают в мастерскую делать табуретки.

Воспитателю молодого поколения и невдомек, что в классе есть будущий талантливый садовод, есть и девушка, которая станет чудесным мастером животноводства, есть и мальчишка, которого привлекают сложные схемы радиоприемников.

И что же получается? Если человек уже хорошо научился делать гайки и болты, а его заставляют снова и снова выполнять ту же работу, у него все валится из рук. Вспомни, Светлана, свои школьные годы, не было ли и с тобой так? Ты окончила сельскую школу. Тут весь коллектив старшеклассников, как правило, работает в поле, на ферме, на колхозном дворе, причем нередко ученики выполняют преимущественно ручную работу. Проходят месяцы, годы, а мальчишка, которому бы быть прекрасным конструктором, и не знает, что у него есть способности к техническим наукам; девушка, которой бы быть агрономом, не ощущает радости покорения и познания тайн природы, так как в работе нет исследований, нет поисков, ибо ставится одна цель: собрать со столько-то гектаров кукурузу, очистить столько-то центнеров початков.

Не пойми меня, Светлана, так, будто я пренебрежительно отношусь к простой работе. И кукурузу надо собирать, и навоз на поле вывозить, и стояла на ферме чистить — тот, кто морщит нос при воспоминании о такой работе, не может быть настоящим человеком. Но вся суть воспитания человека в школьные годы именно в том, чтобы самая простая, самая будничная работа стала желанной, пробуждала волнение и вдохновение. Ясно, что одна и та же работа не может увлекать всех юношей и девушек. Задача воспитателя в том, чтобы к каждой душе найти золотой ключик, перед каждым юношей, перед каждой девушкой открыть то поле, на котором прорастут и пышно расцветут их способности.

Как же это сделать практически? Как добиться, чтобы ко всем сердцам не подходили с одним ключом? Нужно осуществлять важнейшее правило трудового воспитания: не должно быть ни одного подростка, ни одного юноши,

ни одной девушки, которые бы чем-то не увлекались в годы ранней юности. Именно в период становления творческих сил и способностей, в годы ранней юности каждый должен почувствовать себя подлинным мастером, поэтом, художником в любимой работе.

А для этого необходимо, чтобы в школе перед юношами и девушками раскрывались разнообразные виды труда. Все воспитательные усилия нашего педагогического коллектива как раз и направлены на то, чтобы в школьные годы каждый юноша, каждая девушка видели разные тропы призвания.

Вот, например, группа юных исследователей природы ставит перед собой цель: вырастить пшеницу, зерна которой были бы в полтора-два раза больше и тяжелее, чем выращивают обычно. Это уже не просто выполнение известной трудовой обязанности, а вызов силам природы. Здесь, в этом труде, человек как раз и может найти себя, почувствовать себя поэтом, творцом, художником. Творческий замысел становится вдохновением, юноши и девушки с увлечением выполняют простейшую работу — собирают навоз, закладывают его в траншеи, ухаживают за посевами. Юноша видит пышную зелень озимой пшеницы, видит тяжелый колос, наливающийся крупными зернами, и любит результаты своего труда: это мой труд, это мой колос, это моя работа. Вот тут и рождается благородное чувство любви к труду. Это чувство не пробудится, если человеку нечем гордиться. Вот тут красавица-работа и идет в твои объятия, дорогой юноша, ибо она видит твою любовь. Я намеренно прибегаю здесь к этому образу, чтобы еще и еще раз подчеркнуть большую роль чувств, переживаний человека в таком деле, как формирование призвания.

Работа зовет (от этого и сочное слово призвание) только в том случае, если тебе дорог колос, выращенный собственными руками, дорога земля, которой ты дал источники плодородия; если ты своими руками смонтировал какой-то прибор, модель, механизм, радиоприемник. Переживала ли ты это чувство, Светлана, в школьные годы? Была ли счастлива, завершив работу, увидев и ощутив в результатах ее воплощение своего разума, своих усилий? Оросила ли землю капельками пота и затем, вздохнув облегченно, наслаждалась ли радостью заслуженного отдыха? Боюсь, что этого не было, а

если и ступила ты одной ногой на тропинку, где раскрылись бы твои способности, то тебя почему-то не поддерживали. Ты пишешь, как под конец химического вечера, где ты была ведущей, тебе сказали: «Ведь ты же прирожденный учитель. Тебе только и работать с детьми». Не удивительно, что ты не обратила внимания на эти слова. Нужно было учителям обратить внимание на то, что работа с детьми может дать тебе счастье, удовлетворение. У нас ежегодно 15—20 старшеклассников работают вожаками отрядов, организаторами коллективов малышей. Они ходят с ними в лес, организуют детские праздники, ездят на экскурсии. В этой интересной работе раскрываются, шлифуются прирожденные способности педагога.

Особое место в воспитании призвания занимают звенья юных механизаторов комсомольской учебно-производственной бригады. У нас есть звено трактористов, звено водителей автомашин — шоферов, звено электротехников, слесарей и токарей. Мы называем эти небольшие трудовые коллективы звеньями **юношеских увлечений**. Работа в этих звеньях — не отбывание повинности, не работа для получения оценки, а подлинное увлечение любимым делом. Возьмем хотя бы звено юных трактористов. Руководит им комсомолец-одиннадцатиклассник Владислав Г. В его распоряжении школьный трактор и весь инвентарь и инструмент к нему. Машины у него всегда работают, как часовой механизм. Весной, в горячие часы полевых работ, и летом он приходит в свое тракторное хозяйство ни свет ни заря — часов в пять, а иногда и в четыре утра. Проверяет исправность машин, снаряжает в поле очередную группу юных механизаторов. В работе с машинами он нашел свое призвание. Кем он станет? Инженером или колхозным механизатором, техником или конструктором — окончательно решит это сама жизнь, но и Владислав, и мы твердо уверены, что он нашел свой путь. Счастье для него не только мечта о будущем. Он счастлив своим трудом уже сегодня, а это и есть то самоопределение, то утверждение человека в труде, о котором я говорил. Из звена юных трактористов вышел один из лучших механизаторов нашего колхоза Анатолий Л. Он два года был бригадиром комсомольской учебно-производственной бригады. Как и Владислав, сотни рассветов встретил он в поле...

Большой, интересный разговор начали вы, юные друзья. Найти свое призвание — значит найти свое счастье, утвердить свое человеческое достоинство, выбрать жизненный путь, на котором ты, юный друг, принесешь наибольшую пользу Родине и одновременно сам будешь переживать полноту духовной жизни. Как болит сердце, когда видишь молодого человека, которого, словно перекасти-поле, несет по земле ветер случайностей.

Хочется сказать гневные слова тем, кто не смог в годы ранней юности открыть перед человеком радость творческого труда. Хочется бросить упрек и ему, молодому человеку, который не смог завоевать сердце красавицы-работы. Хочется посоветовать всем, кто стоит на пороге грудовой жизни: не надейтесь на то, что призвание само придет к вам, упадет, как манна небесная. Его надо добывать трудом, открывать животворный источник, пробивая твердую, сухую землю, просверливая камень.

Будьте, юные друзья, смелыми тружениками, искателями своего счастья, борцами за него.

Молодь України, 1964, 3 июня.

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

После новогодних каникул учительница Лидия Петровна привела в четвертый класс нового ученика. Дети окружили новичка, спрашивали, как его зовут, откуда приехал, умеет ли кататься на коньках. Мальчик молчал. Но это молчание было каким-то странным; в нем не было застенчивости и растерянности, как бывает в подобных случаях. Любопытство новых товарищей вызывало у мальчика не застенчивость, а какую-то замкнутость и даже озлобленность. Он нахмурился, побледнел, но не опустил головы, а смотрел в лицо своим ровесникам.

— Как его зовут? — спросили дети учительницу.

— Самуил.

Дети смотрели на новенького. А Гриша В., живой, подвижный мальчик, широко улыбаясь, сказал:

— А я знаю его. У него мать сектантка. Они живут недалеко от нас. Приехали из Закарпатья.

В представлении детей сектант был почти то же, что преступник. Они слышали об изуверствах и лицемерии сектантов. Ходили слухи, что где-то в дальнем селе

«братья» и «сестры» устраивают тайные собрания, поют и плачут, выкрикивают какие-то непонятные слова. Дети не видели сектантов — и вдруг перед ними мальчик, сын сектантки. Они притихли, с удивлением рассматривая Самуила. Мальчик пытался казаться равнодушным, но было видно, что он волнуется.

Началась школьная жизнь Самуила. Новичок сидел на уроках тихо, положив руки на парту. Он старательно, прилежно выполнял все задания, но не любил, когда его хвалили за это. Мальчику хотелось быть незаметным, малейшее замечание в свой адрес он воспринимал настороженно. Когда учительница называла его имя, он вздрагивал, будто пробуждаясь после беспокойного, чуткого сна.

У Самуила был красивый почерк. Учительница хвалила его тетради. Через некоторое время она с удивлением заметила, что все классные работы Самуил стал выполнять хуже, неряшливее. Когда же он знал, что написанное не будут проверять, то с увлечением выводил каждую букву.

Дети хотели сблизиться с Самуилом, подружиться с ним, но он избегал их. Ему давали интересные книги — отказывался, говорил, что дома много книг, ему есть что читать. Однажды после уроков пошел дождь, девочки предложили Самуилу плащ — он отказался. Видно, не хотел быть кому-то обязанным.

Дети стали подтрунивать над именем мальчика: «Самуил — коров доил...» Коллектив ребят был хороший, дружный, и в прозвищах, которые дети давали друг другу, было больше юмора, чем насмешки. Так было и в данном случае. Они чутко уловили впечатлительность мальчика, его нелюдимость, раздражительность. Ребятам хотелось растормошить его, заставить быть проще, естественнее. Но мальчик молча выслушивал ребячьи шутки, ни словом не отвечая на попытки вызвать его на словесную перепалку.

Мы убеждали детей не смеяться над Самуилом, хотя знали, что советы в таких случаях не помогают. Я видел, каких больших усилий стоит мальчику казаться равнодушным. Но он упорно делал вид, будто не замечает того, что дети говорят о нем. Для десятилетнего ребенка это противоестественно и даже опасно: стремление избежать коллективных радостей и переживаний может привести

к равнодушию, к подавлению драгоценной черты нравственно здорового человека — искренне откликаться сердцем, душой на окружающий мир. Нас беспокоило, что мальчик читает учебники, отвечает уроки, пересказывает прочитанное бесстрастным, равнодушным голосом. В наиболее напряженных, волнующих местах художественного произведения он будто стремится затаить дыхание, хмурится, произносит глухим, сдавленным голосом слова, которые в устах каждого ребенка звучат страстно, взволнованно.

Не было сомнения, что дух сектантских правоучений, господствующий в семье, уже успел наложить отпечаток на духовную жизнь мальчика. Перед нами был яркий пример того, как сектанты влияют на человека. Путь к сознанию они ищут через чувства: сковывая чувства, порабащают разум.

Предстояла длительная борьба за душу ребенка. А чтобы вести ее, мало было наблюдений, которые дает школа. Ведь в школе видны лишь некоторые стороны той настойчивой и, по-видимому, умелой обработки чувств и мыслей, которая совершается дома ежедневно и ежеминутно. Мы видим пелюдиность, стремление к уединению, замкнутость, равнодушие ко всему, что делается вокруг, и предполагаем, что это равнодушие достигается большими внутренними усилиями. Видим умение противопоставить холодное, хотя и напускное, спокойствие бурному потоку детских радостей, шалостей, проказ. Но как и с какой целью формируются эти черты? Какие недостатки воспитательной работы в школе и, возможно, наши ошибки умело использует мать-сектантка, чтобы уберечь ребенка от влияния всего светлого и радостного, чтобы увлечь детское сердце в цепкие объятия суеверий, лицемерия, обмана? Ведь мы не имеем представления о своеобразной «педагогической технике» сектантов, а они умеют — мы в этом убедились позже — не только заглушать, но и пробуждать в детском сердце «добрые» чувства, увлекать его «красотой», одурманивающей, губящей ребенка тем больше, чем она для него привлекательнее.

Надо было проникнуть в тайны, тщательно оберегаемые от постороннего взора. Прежде всего — увидеть, как живет ребенок дома. Идти на собрание секты вряд ли целесообразно, так как мать Самуила не посещала собраний местной секты евангельских христиан-баптистов,

а держалась особняком, даже не хотела сказать, к какой секте принадлежит, называла себя *истинно верующей* (позже выяснилось, что она состоит в секте адвентистов седьмого дня. Время от времени она ездила в город на собрания секты).

Как узнать жизнь ребенка в семье? Мы часто посещали семьи учеников, советовались с родителями. Можно было пойти и к матери Самуила, но как она отнесется к этому? Уже в тот день, когда мальчик поступил в школу, мать сказала, что регулярно, два раза в месяц, будет приходить к учительнице узнавать об успеваемости сына. «И о поведении», — добавил я, ожидая, что скажет мать. «О поведении спрашивать не буду, — загадочно улыбнулась она. — Он будет, как голубок. Я прошу только, по возможности, следите, чтобы его не обижали: не приставали к нему с глупыми вопросами и замечаниями».

Свое обещание мать выполняла пунктуально: приходила в школу дважды в месяц, всегда в понедельник, всегда в один и тот же час. В этой точности было что-то настораживающее. Она спрашивала, как сын успевает, как читает и пишет. Когда я начинал говорить о нелюбимости мальчика, о его стремлении к уединению, лицо матери становилось непроницаемым, она опускала глаза, молчала. А один раз сказала: «Такой у него характер. А характер ломать нельзя. Разве плохо, что ребенок скромный, ненавязчивый?» В этих словах чувствовалось что-то скрытое, невысказанное.

Я все же решил встретиться с мальчиком в семье. Мать Самуила жила на окраине села, в маленькой хатке, которую купила у стариков, выехавших в город к сыну. Идя в семью, я рассчитал свой визит так, чтобы встретить мальчика, возвращающегося из школы, и вместе с ним прийти домой. Я сказал, что хочу посмотреть, как перенесли зиму яблони в саду его матери (старик выехавший к сыну, был прекрасным садоводом, показывал мне, как ухаживать за деревьями). Самуил на мои вопросы о яблонях отвечал односложно: да, нет, не знаю. В его словах чувствовалось какое-то напряжение, словно мальчик продумывал каждое слово перед тем, как ответить. Я сказал, что в школе у нас каждый пионер весной сажает дерево в Саду памяти героев, погибших во время Великой Отечественной войны.

— А ты посадишь дерево? — спросил я у мальчика.

— Да,— тихо сказал Самуил.

— А в пионеры вступишь?

— Да,— еще тише сказал он.

Я не ждал таких ответов. Думал, что он ответит. «нет» — ведь сектанты нередко запрещают своим детям вступать в пионеры.

— Почему ты не вступил в пионеры в той школе, где учился?

Мальчик молчал.

Я рассказал о героическом подвиге советского солдата, который в тяжелые дни отступления наших войск один со своим пулеметом сдерживал целый батальон фашистов и погиб героической смертью на вершине вот этого кургана у дороги, недалеко от школы. Там мы посадили дубок, это — живой памятник нашему герою. Когда я рассказывал, в глазах мальчика загорелся огонек.

— Там, возле дорогой могилы, наших ребят принимают в пионеры. Ты тоже будешь давать торжественное обещание у памятника герою. Комсомольцы повяжут тебе галстук — красный, как кровь героя...

— У меня уже есть галстук,— сказал Самуил.— Мама купила в магазине...

Он как будто испугался, что сказал очень много. Его слова озадачили меня. «Как же это так? — думал я.— Мать Самуила всеми силами добивается, чтобы мальчик жил замкнутой жизнью, чуждался общественных интересов, почему же она купила ему галстук? И правильно ли вообще, что галстуки продаются? Разве продается знамя полка, дивизии?» С этими мыслями я вошел в калитку. Мать издали увидела нас, вышла во двор, пригласила в дом. Голос у нее был ласковый, а глаза — тревожные, настороженные.

В хате было очень чисто. Над окнами — вышитые рушники; в каждой складочке белого полотна, казалось, переливаются лучи яркого солнца. Мать пригласила к столу, угостила чаем и хлебом с медом. Самуил выпил чай и сразу же взялся за работу: он что-то выпиливал лобзиком.

— Что ты выпиливаешь? — спросил я.

— Подставку для Библии,— ответил Самуил таким равнодушным тоном, как будто речь шла о полке для мыла.

— Да, подставку для Библии,— повторила мать и поджала колючие, злые глаза. И голос у нее был уже не ласковый и не добрый.

Мне стало неловко. Я любовался умелыми руками мальчика и думал горькую думу. Это в школе мы учим выпиливать. Учим, как наносить на фанеру узор, как вставлять пилочку в станок... Потом я стал рассматривать коврик и занавески; внимание привлекли написанные красивыми буквами и развешанные на стенах изречения из религиозных книг. Я старался запомнить каждое изречение — ведь в них заключены мысли, которые внушаются здесь ребенку каждый день.

Мать заметила мое внимание. Она сказала: «Это писал Самуил... Он у меня способный. Вырастет — станет большим человеком...» При этих словах лицо ее осветила улыбка. А мальчик выпиливал, будто и не слышал слов матери. Ни одна черточка на его лице не дрогнула.

Мать Самуила охотно рассказывала о яблонях, повела в сад, показала деревья, только еще пробуждающиеся от зимнего сна. Я делал вид, что внимательно слушаю, но думал о другом.

Я медленно шел обратно. Не так это все просто, как иногда кажется. Сразу же, на свежую память записал афоризмы — заповеди сектантской морали. В них стоило вдуматься, они раскрывали многое из того, что казалось непонятным. Вот одна из заповедей:

«Человек — ты слабый червь на утлом суденышке среди бушующего океана. Не гневи ни бога, ни кормчего. Бог накажет на том свете, а кормчий сбросит тебя в бездонную пропасть. Глубоко спрячь свою мысль, подави чувство».

Это целая апология самоограничения, самоунижения, лицемерия. В ней я увидел объяснение многих черт характера мальчика.

...Пришел торжественный день вступления в пионеры. Мы видели, что Самуил внутренне не готов к этому событию, ласковое трепетание красного шелка не будит в его сердце никаких чувств. Слишком мало времени пробыл он у нас в школе и слишком сильным было влияние матери. Рассказывая детям о героических подвигах людей, отдавших жизнь за коммунистические идеи, мы видели, как в глазах Самуила иногда вспыхивал огонек, но быстро угасал. Да и одних рассказов было мало; надо, чтобы

мальчик жил интересами коллектива, боролся за то светлое и прекрасное, что воплощено в красном знамени и в красном галстуке. Мы верили, что пионерская жизнь будет постепенно, шаг за шагом давать те радости, которые способны противостоять представлениям о радостях потустороннего мира, о красоте смирения.

А пока что... пионеры заметили, что Самуил надевает галстук, идя в школу, и снимает его, возвращаясь домой. Снимает, бережно складывает, заворачивает в бумажку, кладет в портфель; оказалось, что в портфеле мать пришила специально для этого маленький карманчик.

«Отыми, господи, от меня смех и даруй плач и рыдание», «Не забывай, что ты однодневная бабочка в вечной юдоли скорби», «Покорись и не ропщи, радуйся малому и не возмни о большом», «Полюби печаль и вздыхание» — чем больше мы вдумывались в смысл этих поучений, старательно написанных рукой Самуила на маленьких листочках, забытых им однажды в парте, тем яснее становилось, откуда идет нелюбимость мальчика, его стремление быть равнодушным к окружающему миру. Ежечасно мать внушает ребенку, что радость, смех — это грешно, а постоянные «печаль и вздыхание» — не только заслуга перед богом, за которую воздастся благами в загробном мире, но и нравственная доблесть в этом «грешном мире». Мы видели, что ребенок боится остаться лишнюю минуту в школе после уроков. Соседи заметили, что как только приближается время возвращения сына из школы, мать Самуила выходит к воротам, ожидает его. Однажды мальчик задержался минут на десять. Мать встретила его встревоженная, что-то долго говорила, а сын стоял, склонив голову. Ясно, что мать боялась, как бы мальчика не увлек интересный мир детского коллектива. Когда Самуил возвращался домой вовремя, мать целовала, обнимала, ласкала его, разрешала погулять во дворе, конечно одному: бегать и играть с ровесниками не позволяла. Мать поучала сына: в школе надо относиться серьезно только к урокам; все другое — дело добровольное. «Если требуют остаться на какое-нибудь собрание, — говорила она в присутствии соседки, — оставайся, сиди тихонько, но не принимай близко к сердцу то, что говорят, оставляй все за порогом дома своего».

Какое же большое значение придают сектанты чувствам в формировании религиозных убеждений! Пусть ре-

бэнок многое *познает*, пусть *знает*, что человек проникает в глубины земли, в тайны материи — лишь бы эти знания не пробудили восторга перед величием человека, чувства гордости за человека. Главное — чтобы ребенок проникся сознанием ничтожности человеческой жизни, чувствовал себя пылинкой. Несколько раз мать ездила с Самуилом в другие села на похороны «братъев». Рассказывала ему грустные истории, которые углубляли мысль о тщетности усилий и стремлений человека в земной жизни.

Что же нам противопоставить сектантским поучениям? Прежде всего надо внушить мальчику уверенность в том, что хозяином жизни является человек, а не бог, что подлинное счастье — не в безропотном подчинении судьбе, не в «печали и воздыхании», а в радостях жизни, в труде, в творчестве.

Но как это сделать? Мальчик горячо любит мать, нельзя оскорблять эти чувства. Она сумела убедить его, что правила «истинной веры» не противоречат идеям человечности, что быть верующим — значит быть честным, правдивым, трудолюбивым. Надо найти подход к ребенку, сделать так, чтобы мысли о лживости религиозных догм, о лицемерии сектантских правоучений естественно возникли у ребенка в процессе его активной деятельности, учебы, в процессе труда.

Мальчик трудолюбивый, старательный — эту черту воспитывает в нем мать. Мать не терпит безделья, сын привык работать. Но в его труде — слепая покорность судьбе. Нам же надо пробудить в детском сердце чувство гордости за то, что человек идет навстречу трудностям, умеет их преодолевать. Надо начать настолько интересную работу, чтобы ее результаты вызвали у мальчика увлеченность, удивление перед силой разума.

Мы организовали из учащихся младших классов кружок юных преобразователей природы. Пусть дети на собственном опыте убедятся в творческой силе разума, открытия, уже давно сделанные человечеством, переживут как свою собственную победу.

В теплице несколько лет выращивали огурцы. Один куст давал 10—12 плодов. Юные исследователи природы вырастили куст, который дал в десять раз больше плодов, при этом период их развития и созревания значительно сократился. Дети с увлечением наблюдали, как внесение

минеральных удобрений будто пробуждает таинственные силы в растениях. Ребята спрашивали: что же содержится в минеральных удобрениях, если благодаря им на растениях, с которых уже сняты плоды, опять появляются цветы и завязь? Учитель раскрывал перед детьми тайны природы. Он показывал, как можно вырастить овощи без почвы — на растворах минеральных солей, без солища — при электрическом свете. Детей воодушевляло то, что на улице мороз, холодный ветер, снег, а в теплице — вечная весна.

Приходил в теплицу и Самуил. Широко открытыми глазами смотрел он, как корень необычного куста помидоров вынимают из ящика, наполненного питательной жидкостью, отрезают отдельные корешки, опускают обратно. Учитель показывает, как делать искусственное опыление. Жизнерадостный огонек в детских глазах угасает не так быстро. После работы в теплице учитель дает детям по огурцу, по помидору — отнесите домой, дайте матерям.

Самуила тянет в уголок вечной весны. Он видит в маленьких бумажных горшочках нежные зеленые ростки. Это — арбузы. Да, здесь вырастут большие вкусные арбузы, вырастут тогда, когда в поле их будут только сажать. Эти большие лампы создадут здесь жаркий, июльский день. В глазах юных исследователей природы гордость — все это мы делаем своими руками. Радует и Самуил.

Но он спохватывается: что скажет мать, ведь он задержался почти на час. Он забыл заповедь: все мирское, суетное оставляй за порогом родного дома. Но вот его встречает мать, в ее глазах — гнев. Где был, что делал? Мальчик рассказывает о необычных растениях, он возбужден. Мать так этого боится! Она говорит: «Тебя взволновала суета мирская. Ляг отдохни, поспи. Нельзя так увлекаться». Мальчик ложится, но заснуть не может. Он закрывает глаза и видит разрезанный арбуз, горячие искорки играют в янтарной влаге.

Мальчик встает, мать дает ему религиозную книгу: читай. Эту книгу он любил: нравились торжественные, красивые, часто непопятные, таинственные и поэтому привлекательные слова. Особенно приятно то, что фразы похожи на стихи, в созвучии слов рождается какая-то удивительная музыка... (вот над этим надо подумать: почему нет книг для детей и подростков о человеке,

о природе, об окружающем мире, которые говорили. бы возвышенным, приподнятым, торжественным словом?). Теперь же мальчику хочется почему-то понять каждое слово. Если раньше непонятное рождало у него чувство благоговения, то теперь слова, смысл которых неясен, стали казаться какими-то досадными препятствиями, мешающими достигнуть цели. Но обходить эти слова нельзя, мальчик знает, что мать очень сердится, если пропустишь хоть одно слово. Впервые чтение получилось скучным, невнятным. Мать приложила руку ко лбу сына: не заболел ли?

А Самуил не мог выбросить из головы то, что пробудило у него такие светлые, радостные чувства там, в теплице. Его тянуло к цветам и удивительным растениям.

На другой день, провожая сына в школу, мать говорила: «Не ходи в теплицу. Там жарко, заболит головка. Если это урок — иди, а после уроков не оставайся».

Но мальчик уже не в силах был выполнить этот наказ. Лед равнодушия дал трещину. Мир детских радостей врывался в жизнь мальчика свежим ветром. Когда группа юных исследователей собралась после уроков идти в теплицу, мальчик тоже пошел с ними. «И Самуил с нами, — радостно сказал ученик, больше других любивший подтрунивать над его именем. — Слушай, мы будем называть тебя не Самуил, а Саша — хорошо?»

Имя Саша понравилось детям. Мальчик не возражал. Он радовался уже потому, что он такой же, как и другие дети, что они принимали его как равного.

Саше (так стали звать мальчика товарищи, так и мы будем называть его теперь) хотелось быстрее увидеть созревший арбуз. Утром, перед уроками, он стал приходить в теплицу, измерял, насколько увеличились побеги, считал новые листочки. Первые цветы, первая завязь плодов — все радовало его.

Сектанты не случайно придают столь большое значение чувствам. Безрадостность, мрачные переживания, аскетическое удовлетворение тем, что есть («Радуйся малому и не возмни о большом...»), пессимистическое неверие в доброе начало в человеке — все это та духовная отравка, которой сектантские проповедники стремятся парализовать разум. Где безрадостные чувства, там и угнетенный разум, скованная мысль. Вот почему Сашину мать насторожили, обеспокоили жизнерадостные чувства,

которые она все чаще стала наблюдать у сына. Сектант ласков только до того времени, пока не видит опасности для своих правоучений, пока покорная его воле душа — как мягкое тесто, из которого можно вылепить что угодно. Если же он замечает силу, способную противостоять его идеологии, его морали, куда девается мягкость и ласка.

В жизнерадостных чувствах Саши, в увлечении интересным трудом сектантка увидела опасность для того смирения и безропотного подчинения, которые она так настойчиво насаждала в сыне. Она почувствовала, что удивление перед величием разума, охватывающее мальчика, уже начинает пробуждать у него вопросы: как, почему? — а эти вопросы неизбежно повлекут за собой другие, разбужденный разум ребенка подвергнет сомнениям и ее поучения. Не случайно все чаще мальчик останавливается в раздумье, читая «священное писание». Уже несколько раз он задавал вопросы, ошеломляющие мать. Резким тоном она отвечала: верить надо не разумом, а сердцем, бог не прощает мудрствования. Сын хмурился, мать видела, что червь сомнения уже точит его душу.

И вот она решила во что бы то ни стало оторвать сына от дела, которое его увлекло. Мать пришла в школу и сказала: сын болен, может быть, пролежит неделю.

— На что же он жалуется? Мы ничего не замечали. Но если болен — пусть врач осмотрит. Можно послать хорошего специалиста.

— Нет, что вы... — матери стало неловко. — Это такая болезнь. Ее никакой врач не поймет и не вылечит. Если хотите знать, это наследственное. Я тоже в молодости болела... Как только много поволнуется — обрадуется или опечалится — у него сильно болит голова, иногда ночь не может уснуть... И вообще у него слабое здоровье, ему надо больше отдыхать. И уж никак нельзя ежедневно задерживаться в школе. После занятий ребенок должен сразу же идти домой. Я имею право требовать этого как мать...

Я объяснял терпеливо: труд на участке, в саду, в теплице — лучший отдых среди природы, на чистом воздухе. Ведь сын остается в школе не голодный — он хорошо обедает в школьной столовой. И потом, зачем же запрещать ребенку то, что увлекает его?

На следующий день Саша не пришел в школу. Я пошел к нему домой. Мать растерялась: она не ожидала, что я приду. Подошла к сыпу, взяла на столике маленькие листочки, исписанные рукой Саши, положила их под подушку. Куда девалась приветливость, с которой она встретила меня в первый раз. Теперь она не сказала ни слова, не пригласила сесть. Я спросил у мальчика:

— Саша, почему ты не был в школе?

— Какой Саша? — насторожилась мать. — Самуил, что это такое? Не знают твоего имени или перекрестили?

Мальчик потупился, на столик упала слеза. Так и не услышал я ни слова от него. На следующий день он пришел в школу, но в теплицу не заглядывал, после уроков не остался.

А между тем работа в кружке становилась все интереснее. Появились всходы арбузов. Дети часто бегали смотреть на них, с волнением рассказывали: ежедневно можно измерить, как растут арбузы. Услышал Саша о том, что ребят учат делать необычную прививку деревьев: к сливе — почку абрикоса, к абрикосу — почку персика. Почки приживаются, с наступлением весны растения будут высажены в открытый грунт. Краснеют помидоры... А на дворе снег. Ну как можно удержаться, не зайти, не посмотреть? Дети говорят еще об одной интересной новости — в теплице расцветают ландыши. Скоро Женский день, каждый понесет матери цветок.

Мальчик не удержался, забыл строгое материнское предупреждение и остался после уроков. Ему дали расцветающий куст ландыша: ухаживай, понесешь матери, поздравить ее.

Мне хотелось поговорить с мальчиком наедине. Я нашел его в теплице, где в это время испытывалась установка для поливания растений. Саша несколько раз включал этот искусственный дождь. Но вот он зажег лампу, и сквозь легкий дождевой туман заиграла радуга — совсем как в летний день. Глаза у мальчика загорелись, он стал спрашивать, почему возникла радуга. Мы долго разговаривали, и постепенно я направлял русло разговора к тому, что больше всего меня волновало. Спросил, почему мальчик не был в школе. И он рассказал: мать заставила его переписать 77 раз один и тот же текст из «священной» книги. Мне стало ясно, что мальчик переписывал «святые» письма, посылаемые сектантами неверую-

щим, особенно молодежи, в надежде вовлечь в секту по-
вых «братьев» и «сестер». Мать внушала, что эта работа
угодна богу, что, переписывая текст, мальчик заслужи-
вает у бога прощение.

Трудно было сдержать возмущение. Я сказал: «Сек-
тантские проповедники — лицемеры. Они обманывают
честных людей, одурманили разум и твоей матери». Маль-
чик, наверное, впервые слышал о сектантах такое. Он
слушал, не сводя с меня удивленного взгляда.

Я показал Саше одно из «святых» писем, полученных
недавно родителями ученицы VI класса. Саша узнал свой
почерк, а адрес был написан незнакомой рукой взросло-
го. Мальчик побледнел. «Это я писал», — тихо сказал он.

«Вот в «святом» письме, которое ты переписывал,
говорится о войне: война — по воле божьей, бог нака-
зывает людей войной. Что же это за чудовище — бог,
если он готов уничтожить миллионы людей? Разве тебе
и твоей матери хочется, чтобы запылали наши села и
города? Эти «святые» письма забирает проповедник, по-
сылает по почте, обманывает и запугивает людей. Пропе-
ведник обманывает мать. Ты должен рассказать ей об
этом».

...Вскоре мать снова задала мальчику «урок богобояз-
ненности» — переписывать «святые» письма. Саша теперь
знал назначение листочков. Он сказал матери:

— Не буду переписывать эти письма.

— Почему не будешь? Почему ты называешь листоч-
ки письмами? Ведь ты хорошо знаешь, что это урок для
спасения твоей души.

Мать старалась быть спокойной. Ждала, что он ска-
жет. Слова сына ошеломили ее.

— Мама, скажи, кто посылает эти письма по почте?
Зачем мы это делаем? Я не буду писать «святые» письма.
Бог жестокий — он хочет войны. Я хочу жить без бога.
Играть с мальчиками и девочками. В школе так инте-
ресно.

Мать была потрясена. Чувство материнской любви
столкнулось с суровыми правилами сектантской морали,
требовавшими не жалеть для бога ничего, даже родного
ребенка. Она не находила слов, растерялась, молча смот-
рела сыну в глаза. Страх перед проповедником за то, что
она не уберегла дитя от «пагубного влияния мирской суе-
ты», сковал ее. Но фанатизм еще не полностью охватил

ее душу, в ней еще тлели искорки чистых, не омраченных религией чувств. Она обняла сына, заплакала. Но этот порыв быстро угас. Многолетняя привычка прятать, подавлять чувства победила, и мать сказала:

— Сегодня не будешь писать — завтра напишешь. Бог не прощает.

На следующий день мальчик пришел в школу задолго до уроков. Я ожидал его в саду. Саша расплакался и рассказал все.

До конца уроков Саша старался не думать о том, что придет минута, когда дома его встретит мать. После уроков он остался на школьном участке, ребята высаживали виноград в почву; радовало голубое небо, теплое солнышко, птичьи песни...

Увлеченные работой, дети не заметили, как к ним подошла женщина. Саша поднял голову: перед ним стояла мать. Уже несколько минут она слушала веселое детское щебетание. О чем она думала в эти минуты? Может быть, вслушиваясь в разговор детей, пыталась понять, чем же влечет ребенка к себе пионерская организация, которую проповедник называет «зародышем адского семени». В словах детей не было ничего такого, что могло бы поколебать принципы сектантской идеологии. Но радость, бурная, неудержимая детская радость, смех, шутки — это уже большой грех.

— Когда окончишь работу, сразу же иди домой, Самуил, — сказала мать. И пошла, тяжело вздохнув, сгорбившись. Дети через минуту забыли о ней. Саша же, радостный и возбужденный, думал: наверное, мама теперь разрешит ему бывать на участке, она увидела теперь, как здесь хорошо.

Дома мать не сказала ни слова. А когда сын пообещал, снова напомнила ему о долге перед богом: надо писать слова из «священной» книги — слова о страхе перед божьим наказанием за неверие. Мальчик молчал. Он будто не слышал. Читал книгу, которую ему дали в школе.

— Почему ты молчишь? — спросила мать тревожно.

Она почувствовала, что покорность сына навсегда отошла в прошлое. Но ей трудно было примириться с мыслью, что многолетние усилия затрачены впустую. Как утопающий за соломинку, ухватилась за свою последнюю надежду: за любовь сына к ней, матери.

— Мать отдает тебе всю душу,— говорила она, обнимая и лаская сына,— а душа материнская принадлежит богу. Не будешь верить в бога — меня постигнет большое горе.

Она задела сокровенную струну детского сердца, и снова в душе ребенка воцарилось смятение. Он взял бумагу и ручку, сел за столик. Склонился, вывел первые слова «святого» письма. Переписал одно письмо, второе, третье. Детское сердце камнем угнетала мысль: что же я делаю? В школе, в саду, под голубым небом было так радостно, а здесь снова слова «священных» книг. Глаза его заливают слезы. А возле окна плачет и молится мать.

«...Мама, я люблю тебя, но писать не хочу,— думает сын.— Зачем тебе, мама, думать о жизни на небе — ведь на земле так хорошо». Он откидывается на спинку стула. Он не может больше писать «святые» письма. В лице его и во всей фигуре видна решимость. Мать понимает: больше заставлять нельзя.

Она тяжело вздохнула и села.

— Иди погуляй...

С этого дня борьба за душу ребенка приобрела новый характер. Мать стала часто задумываться. Мальчик заметил, что несколько написанных им «святых» писем мать положила в шкаф. Раньше этого не было: все листочки она в тот же день куда-то относила. Она больше не напоминала Саше, чтобы он не оставался в школе после уроков.

Однажды мальчик задержался дольше обычного: дети ходили в поле. Придя домой, Саша встретился с проповедником. Старик что-то доказывал матери. Мальчик прислушался к его словам. Проповедник упрекал мать: в ее вере уже нет той «ревностности», что раньше. Когда проповедник напомнил о каре господней, мать заплакала. Саша бросился к матери, обнял ее.

— Не приходите к нам,— сказал он проповеднику.— Не запугивайте маму. Зачем вы посылаете людям «святые» письма?

Увидев в руках у старика листочки, хранившиеся в шкафу, мальчик выхватил их и разорвал. Мать зарыдала, бросилась к сыну:

— Что ты наделал? Он наслет на нас несчастье. Старик ушел.

Но он продолжал приходить, когда Саши не было дома, продолжал запугивать мать. Однажды мы пошли с Сашей к нему домой задолго до окончания уроков. Проповедник сидел за столом, читал книгу, а мать стояла перед ним бледная, заплаканная. Увидев нас, он захлопнул книгу и, что-то ворча себе под нос, быстро ушел.

А в школе перед мальчиком открывались все новые радости. Он стал учиться играть на баяне в кружке. Мать пообещала купить баян.

Это было прямое отступление от сектантской морали. Сектанты всполошились. Боясь, что женщина уйдет из секты, наиболее ревностные «братья» и «сестры» стали все чаще, почти ежедневно, приезжать к ней, уговаривали ее, угрожали.

И вот в этот момент мы, учителя, допустили оплошность. Все внимание было направлено на то, чтобы Саша увлекся новым, интересным, чтобы мраку сектантской обреченности, молчаливой покорности судьбе противопоставить радость активного труда. Мальчик все меньше и меньше бывал дома. Летом и особенно осенью он с утра до вечера был в школе: пообедав, шел в сад, на учебно-опытный участок. К старой сливе ученики привили несколько сортов других плодовых деревьев и с нетерпением ожидали: какие плоды созреют? Увлекался мальчик и музыкой, и рисованием.

А мать была одинока. Если бы знал сын, если бы знали мы, учителя, как нужны были ей в это время поддержка, ласковое слово! Ведь радости жизни она перестала проклинать потому, что почувствовала: эти радости приносят сыну неизмеримо большее счастье, чем молчаливая покорность «воле божьей». Надо было добиться, чтобы эта радость жизни захватила и мать, чтобы и она вышла из мрачной кельи на ясное солнце. Но ни сын, ни мы не помогли ей сделать этого. В одиночестве человек становится болезненно чутким к малейшей невзгоде. И как раз в это время случилась беда — Саша заболел воспалением легких. Сектанты тут же взяли это «на вооружение»: они уверяли мать, что причина болезни — богоотступничество.

Саша лежал дома, за ним было постоянное врачебное наблюдение. К нему приходили товарищи. Но мать вбила себе в голову, что сын выздоровеет не от забот врача, а от искренней веры в бога. Она молилась у постели

больного, не таила своего недовольства, когда приходили пионеры. Когда Саше стало легче, мать целыми часами рассказывала ему религиозные истории. Позже мы узнали, что вечерами к больному часто приходил проповедник. Он приносил подарки, сладости. Хвалил Сашу за хорошие успехи в учении, предостерегал его от «искушений всего мирского».

— Ты уже искупил болезнью грехи своего детского легкомыслия, — говорил он. — Теперь вступаешь ты в лоно истинной веры чистый, как роса божья. Ты выздоравливаешь, тебе становится легче — это нисходит божья благодать.

Саша выздоровел, но мать не торопилась отправлять его в школу. Болезнь оторвала мальчика от коллектива на месяц. Уже первые дни пребывания в школе после болезни показали, что в душе Саши произошел какой-то надлом. Мальчик снова стал молчалив, нелюдим, настрожен. Исчезла чистосердечность, которой нам с такими усилиями удалось добиться. Исчезла и улыбка.

Мы поняли, что в часы тяжелого самочувствия мальчик был одиноким, и сектанты сумели это использовать, а мы, боясь, как бы наши посещения не утомили больного, старались не задерживаться у его постели.

Что же, опять надо бороться за душу ребенка, исправлять ошибки и помнить, что в минуты, когда человеку тяжело, его нельзя оставлять одного. К матери Саши приезжали десятки «братьев» и «сестер», каждый из сектантов находил для этого время — и все для того, чтобы не упустить одного человека. Вот как работают сектанты! Этот факт заставляет нас всех задуматься над тем, как находить дорогу к сердцу каждого человека.

Боясь снова потерять расположение мальчика, проповедник не заставлял его больше писать «святые» письма, он вообще советовал матери не ставить перед сыном требований в категорической форме. Проповедник был уверен, что после болезни Саша не забудет о боге. Уверена была в этом и мать.

Неужели та твердость духа, которую мальчик уже начал было проявлять в борьбе с религиозным дурманом, сломлена? Неужели сектантам окончательно удалось запугать Сашу, внушить ему мысль, что жизнь и здоровье — в руках бога? Как бы то ни было, надо добиваться, чтобы душой ребенка снова овладело вдохновение перед

светлой целью, чувство радости жизни. Мальчик снова должен обрести радость творчества.

Мы решили пока что не начинать бесед с Сашей. Пусть его постепенно увлечет какая-нибудь деятельность. В эти зимние дни дети стайками бегали в теплицу. Там цвел виноградный куст. В ящиках проросли семена абрикосов с пересаженными на них зародышами персика — интересовало, какое растение получится?

Не было ни одного ученика, который бы чем-нибудь не увлекался. В физическом кабинете Саша увидел маленькую модель трактора. Узнал, что этот трактор скоро будет ездить по школьному двору, им будут управлять по радио: на столе стоит коробочка, на ней кнопки, нажмешь, — трактор поедет. Трактор пленил мальчика, он даже снился ему.

Но возвращение в мир творческого труда, детских радостей было медленным: мальчика как будто что-то сдерживало, он чего-то боялся. Вот он идет в рабочую комнату, смотрит, как двигается трактор, в глазах вспыхивает огонек восхищения, руки тянутся к делу. Саша уже что-то делает, и вдруг огонек угасает, глаза смотрят куда-то вдаль, руки опускаются, мальчик идет домой мрачный, задумчивый.

Однажды после уроков, поставив лампу возле виноградного куста, Саша залюбовался нежными листочками. Я смотрел в его глаза, в них горел долгожданный огонек увлечения. Но вдруг огонек угас, мальчик уже не видел листочков, он думал о чем-то далеком.

— О чем ты думаешь, Саша? — спросил я.

Мальчик молчал. В его глазах блеснули слезы.

— Все это будет цвести, а человек умрет. Как не хочется умереть... — в его голосе я почувствовал глубокую сердечную боль. Я обрадовался, что Саша открыл душу, доверился мне. Значит, можно начать откровенный, душевный разговор. Я рассказал мальчику о жизни Томмазо Кампанеллы, выдающегося мыслителя, социалиста-утописта, борца за свободу и независимость Италии. Я стремился создать в представлении Саши образ человека, которого не сломил ни страшные муки, ни мрак подземелья, потому что он верил в светлое будущее человечества. Бессмертие для него открывалось в борьбе за счастье людей на земле, в жизни для людей, он мечтал о прекрасном Городе Солнца. Каждый человек уми-

рает, но народ бессмертен, и счастье человеческое бессмертно. И поэтому каждый человек стремится оставить после себя что-то такое, о чем с благодарностью вспоминали бы люди. Большое счастье — внести свою крупицу в океан человеческого бессмертия.

К этой беседе с Сашей я готовился давно. Я чувствовал, какие мысли угнетают мальчика, искал яркие, убедительные факты. Образы Томмазо Кампанеллы, Александра Ульянова, героев «Народной воли» меня самого волновали с детства: я ночами не спал, читая книги о них. Их пепел стучит в мое сердце. Наверное, поэтому Саша слушал мои слова, как очарованный. Он стал расспрашивать о жизни Кампанеллы и Степана Халтурина, Софьи Перовской и Юлпуса Фучика. Я дал мальчику книги.

Но что будет говорить сегодня сыну мать? К какой беседе надо готовиться завтра?

Разговор с Сашей вызвал у меня раздумья об острых проблемах воспитания. Все ли мы делаем для того, чтобы найти путь к сердцу каждого ребенка? Мать, отец, когда хотят поговорить с ребенком по душам, говорят наедине. Душа каждого ребенка — это неповторимый мир мыслей, чувств, переживаний. А в школе мы привыкли говорить преимущественно с коллективом и добиваться того, чтобы каждый ребенок выражал свои мысли вслух, перед всеми. Привыкли обращаться к некоему абстрактному ученику. Не от того ли так часты неудачи в воспитательной работе, что учителя пользуются одним и тем же ключиком, имея дело с сотнями замочков, у каждого из которых свой секрет?

Саша жадно читал книги о смелых, мужественных людях, оставивших о себе добрую память своими подвигами, трудом. Мать же стремилась отвлечь внимание сына от этих книг, давала ему религиозные брошюры, которые приносил проповедник. Но Саша жил теперь в мире настоящего человеческого бессмертия, и рассказы о страданиях и терпении «святых» подвижников казались ему надуманными, нелепыми.

Однажды Саша читал книгу о Джордано Бруно. Образ мужественного борца за истину настолько овладел его мыслями и чувствами, что мальчик стал читать вслух. Мать заслушалась. Ее поразили стойкость великого уче-

ного, верность убеждениям, готовность умереть в борьбе за правду.

— Это святой человек,— сказала мать.

— Нет, мама, не святой, а герой,— возразил сын.— Вот его портрет. Он родился в бедной крестьянской семье. Сохранился домик, в котором прошло его детство. А попы сожгли его за правду.

Мать молчала. Ее душу тревожили раздумья и сомнения.

Я советовал Саше: будь почаще с матерью, читай ей, не оставляй в одиночестве. Из того, что читал сын, следовало, что служители бога всегда были врагами человека, тиранили его душу, пытали. Эти мысли пугали мать.

Я дал Саше книжку об изуверстве сектантов-фанатиков. Это был репортаж с судебного процесса над преступниками, которые довели мать двух детей до такого фанатизма, что она «во имя бога» убила дочь и собиралась убить сына. Книжка потрясла мать Саши. Она слушала, затаив дыхание, просила перечитывать отдельные места — свидетельские показания об ужасном преступлении. Впервые мать взяла в руки «мирскую» книжку, к тому же «богопротивную». Несколько раз перечитала ее сама. Ее душа была в смятении.

Потом я дал Саше роман Э. Войнич «Овод». Мальчик читал книгу две недели. Когда книга была прочитана, мать куда-то уехала. Возвратилась она через два дня с двумя молодыми женщинами. Между ними и матерью уже был по-видимому разговор о том, что читает Саша, потому что женщины попросили мальчика:

— Читай, сынок.

Саша еще раз прочитал книжку об изуверстве сектантов. Потом началось чтение «Овода».

Саша рассказывал об этом с большой радостью.

— Скоро мама придет в пионерский клуб — смотреть кино,— с гордостью сообщил он.

И вот мать пришла с сыном смотреть кинофильм. Сорокалетняя женщина впервые в жизни увидела кино. Она сидела рядом с сыном, держала его руку. Перед ней открывался мир, огромный и неведомый мир людей, занятых большой созидательной работой. Мать сидела рука об руку с сыном и смотрела на этот мир широко открытыми глазами.

Уходил на пенсию учитель математики. Тридцать пять лет работы в школе, сотни юных воспитанников, сварженных в далекую дорогу жизни... И вот настал для него день прощания со школой. Перед уроками все учителя и ученики собрались во дворе под ветвистыми липами. Волнуясь, сказали математику прощальные слова, поднесли подарки. Старый учитель был так тронут, что не мог ответить на добрые, сердечные пожелания.

Кто из нас, дорогие товарищи, не волновался в такой торжественный и печальный день? Да, печальный, ибо мало радости осталось для учителя, который больше не зайдет в класс и не начнет урок. С выходом на пенсию не приветствуют, не поздравляют. Просто желают от чистого сердца спокойно дожить век. Желают, правда, активного участия в общественной жизни, тесных связей со школой, приглашают приходить... Но каждый из нас знает: какой бы крепкой ни была дружба старого пенсионера со школой, это уже не то, что тревога школьных будней...

...А после уроков собрались учителя своим коллективом — потолковать, посидеть под яблонями, еще раз высказать товарищу добрые пожелания.

Откровенно говоря, математика в школе не любили. Ученики уважали его за глубокое знание предмета, за широкую эрудицию, но в этом уважении не было тепла и сердечности. Дети всегда чувствовали в словах учителя какое-то пренебрежение, снисходительность к ним. Они не могли передать словами эти тонкие ощущения — они их переживали. Настораживало, а бывало и возмущало школьников то, что учитель старался «поймать» ученика как раз тогда, когда тот не знал материала. Поймав, ставил неудовлетворительную оценку, и дети чувствовали, что математик в эту минуту будто радуется, что ему удалось утвердить свою власть над воспитанниками.

Учителя недолюбливали коллегу за сухость, однако, как и ученики, уважали за глубокие знания. Никто из учителей не пытался вникнуть в те тонкие, сложные взаимоотношения, которые сложились между математиком и учениками.

И вот сегодня — прощание с коллективом. Когда директор школы сказал: «Мы знаем, дорогой друг, как нелегко

расставаться с тем, что дорого и близко...», старый математик заплакал. Все подумали: значит, ошибались мы, считая его сухарем... Любит он школу...

А старый учитель опустил голову в раздумье, словно забыв, что перед ним тридцать его коллег, и сказал слова, которые вызвали у всех глубокое удивление.

— Друзья мои дорогие, не хочу далее носить в сердце то, что угнетает меня вот уже несколько лет. Последнее время я умом своим охватил все, чего не могло почувствовать сердце за три десятилетия.

Я никогда не любил детей... Мне трудно было заходить в класс, я подавлял в себе желание написать заявление и перейти на какую-нибудь другую работу. Я очень хорошо знаю математику, но ученики не любили моего предмета, так как не любили меня. Вот только теперь, работая последний год, я понял, что дети — это мудрейшие философы и проницательнейшие психологи. Они чувствовали, что я захожу в класс, будто в ледяную воду. Тридцать пять лет я работал в школе... Тридцать пять лет за учительским столом... Стол — я теперь понял — был той крепостью, из-за стен которой я наступал на учеников. Но и они принуждали меня обороняться, и я был всегда, как в осаде. Между нами стояла глухая стена...

Больно об этом говорить, больно и думать. Но пусть это станет наукой для молодых. Прошла молодость, пришла старость, и теперь я с болью, с отчаянием спрашиваю себя: во имя чего я жил? В чем была радость моего труда? Кто вспомнит меня как доброго наставника, как человека, который зажег в молодой душе огонек любви к науке? Недаром говорят: если бы молодость знала, если бы старость могла... Не пошел бы в школу. Математика — вот мое призвание. Математика, а не воспитание детей.

В глубокой задумчивости слушали учителя слова математика. Каждый думал о своем жизненном пути, каждый спрашивал себя: а что буду переживать я на его месте?

Давайте же подумаем и мы, дорогие товарищи учителя, над этой нелегкой жизненной историей. Да и не только учителям есть тут над чем задуматься. Кто воспитывает наших детей, кто их наставник, в чьи руки отдан руль корабля, который выходит в бурное море, где могут быть и туманы, и подводные камни, и буря-непогода?..

Трагическая история преподавателя математики (я не боюсь именно таким словом ее назвать), который только в конце своей трудовой жизни понял, что выбрал не тот путь, дает ответ на вопрос, который волнует отцов, матерей, думающих педагогов: каждому ли можно стать учителем?

Нет, не каждому. Как не каждому можно стать и врачом, и инженером, и садовником, и земледельцем. К любому делу нужно призвание, любой творческий труд требует живой искры вдохновения (а в нашем обществе какой бы то ни было труд становится творческим). А педагогическая работа выделяется среди всех прочих видов трудовой деятельности своей единственной, неповторимой чертой: объектом, предметом этой работы является человек. И человек особого рода — ребенок, личность в период формирования ее разума, чувств, воли, характера, взглядов, убеждений.

Учитель — это не только тот, кто передает ученикам знания и умения. Это прежде всего тот, у кого ребенок, как у отца и матери, учится жить. Дети познают мир главным образом по поведению тех, кого они ежедневно видят рядом, кто заботится о них, кто ставит перед ними требования.

Первое оконце в окружающий мир, которое открывается перед ребенком — это личный пример отца, матери и учителя. Все знают способность детей подражать тому, что они видят в людях, являющихся для них авторитетом. А учитель для ученика не меньший авторитет, чем отец и мать, а иногда и больший. В учителе ребенок видит идеал, верит каждому его слову, безоговорочно выполняет его требования. И если случается, что каким-то своим поступком учитель разрушает веру ребенка в него, в детской душе происходит первая трагедия: закрадывается сомнение, зарождается неверие.

Если бы мы, взрослые, внимательно присматривались ко всему тому, что иногда кажется нам пустяковым и не заслуживающим внимания, то заметили бы не одну такую трагедию.

Учительница (я намеренно не называю ни имени, ни школы) приехала в школу работать после окончания педагогического училища. Дети полюбили ее. У молодой учительницы была богатая фантазия, она умела сочинять

сказки, рассказывать о далеких краях. Учительница стала непререкаемым авторитетом для малышей.

Однажды, уже в начале третьего года обучения, учительница повела детей на колхозный двор. «Будем перебирать кукурузные початки», — сказала она и показала, как это делать. Ученики принялись за работу, а учительница предупредила: «Посидите сами, я пойду посмотрю, какую картошку мне оставили...»

Тут же, в десятке шагов, сидели пожилые женщины, колхозницы. Учительница еще вчера дала им мешки, попросила отобрать ей картошку получше. И вот через минуту дети услышали ее сердитую речь: «За что же я деньги платила?»

Дети удивились: они не узнавали своей учительницы. С ними она разговаривала мягко, будто голубила каждым словом, а тут какой-то хриплый, бранчливый голос... Но совсем их ошеломило, когда услышали из ее уст грязную брань.

Дети сидели, опустив головы, боясь поднять глаза. Вернулась учительница. Она что-то говорила им — снова мягким, голубящим тоном, но ученики не понимали ее слов. В их ушах еще звучали грязные слова, которыми учительница только что оскорбила женщин...

Что делалось в эти минуты в детских душах — можно только догадываться. Вечером, когда сумерки окутали комнату, девятилетняя Валя сидела у окна хмурая, задумчивая. Безо всякой причины расплакалась. Как ни старалась мать дознаться, почему девочка плачет, она не услышала ни слова. А Валя переживала именно тот случай, о котором я говорил. Она дружила со своей учительницей, часто приходила к ней домой, поверяла ей свои маленькие тайны. И вот теперь детское сердце встревожено, полно сомнений: почему учительница с ними, детьми, говорит так ласково, мягко, а со взрослыми людьми ругается? Неужели она только притворяется доброй и мягкой, а на самом деле — злая, недобрая?

Нет ничего болезненней, чем муки детского сердца. Рана в нем может не заживать много лет, а то и на всю жизнь остаться. Валя долго плакала, ночью спала беспокойно. Девочка больше не верила учительнице. Сложные детские чувства вылились в своеобразный протест: девочка стала грубой, непослушной. Казалось, она нарочно делает все наперекор учительнице — чтобы рас-

сердить ее, вызвать досаду. Возможно, приходилось вам, уважаемый читатель, видеть ребенка, который делает все наперекор взрослым. Я уверен, это — из-за того, что идеальный образ, созданный в его сердце, был растоптан тем, кого он считал своим идеалом...

Учить жить — значит передавать из сердца в сердце моральные богатства, завоеванные, накопленные человеком. И передает эти богатства тот, кто с колыбели лелеет ребенка, кто заботливой рукой поддерживает его первый шаг, кто ведет его за руку по первой тропинке жизни. Это отец, мать и учитель. Но чтобы учить жить, надо иметь в себе то, что ты хочешь видеть у того, кого учишь. Моральная чистота, моральная цельность воспитателя — главнейшая и, по сути, единственная предпосылка успеха в той тончайшей сфере человеческого творчества, которая называется воспитанием.

Перед ребенком открывается необъятный мир человеческих взаимоотношений, радостей и невзгод. Во всем этом он стремится разобраться, и самый острый вопрос, на который ему хочется получить ответ, — вопрос о добре и зле.

В детском мире существует самая простая и в то же время самая мудрая классификация явлений окружающего мира. Все, что видит ребенок, он относит либо к добру, либо к злу. Ничего среднего для него не существует. И до тех пор, пока отец, мать, учитель являются для ребенка живым воплощением добра, пока своим поведением, каждым своим поступком воспитатель утверждает в сердце ребенка его представление о добре, он, несомненно, верит, верит не только в воспитателя, в отца, мать или учителя, но и в добро.

А если у того, кто воспитывает, есть две правды — одна — для детей, для бесед с ними, для поучений, а другая — «для домашнего употребления» — эта вера рушится, как возведенный на песке дом. Так случилось и с детской верой в мягкую, ласковую учительницу.

Моральная чистота, моральная цельность воспитателя — это прежде всего его любовь к людям, органическая непримиримость к злу. Почему ученики не любили преподавателя математики, о котором мы упоминали в начале статьи? Потому что он относился с пренебрежением к своим воспитанникам, считал, что оказывает им услугу, объясняя материал на уроке, помогая решить задачу.

Дети с гневом отвергают искусственность, деланность. Доброта, любовь к человеку, непримиримость к злу — этого не раскроешь какими-то заранее подготовленными поступками. Все это должно быть во плоти и крови воспитателя.

И эти черты, присущие настоящему педагогу, становятся могучей воспитательной силой благодаря тому, что добротой, человечностью, непримиримостью к злу и неправде проникается вся духовная жизнь детского коллектива.

В Павлышской средней школе работает учительницей I—IV классов Вера Павловна Новицкая. Свыше тридцати лет отдала она детям. Об этом человеке хочется написать книгу. Это подлинный воспитатель, которого без преувеличения можно назвать властителем детских сердец. Не одно поколение благословила Вера Павловна в далекую дорогу жизни. Глубокая вера в воспитателя — вот что характеризует отношение детей к ней. И источник этого — моральная чистота, цельность Веры Павловны прежде всего как человека. Чтобы увидеть и постичь ее силу, нужно не просто наблюдать работу учительницы на протяжении нескольких лет, а войти в жизнь детского коллектива, стать ее активным участником.

Дети учатся жить у Веры Павловны прежде всего благодаря тому, что они сердцем чувствуют, как учительница переживает все, что делается вокруг. Переживает поступки и отношения, добро и зло, правду и неправду, честь и бесчестье. Вот несколько картин из будничной жизни коллектива воспитанников Веры Павловны.

Первый класс, четвертый месяц обучения. Перед началом уроков учительница спрашивает Колю Н.: «Почему ты вчера не был в школе?» Коля взволнован, в его глазах — грусть. Учительница уже жалеет, что спросила при детях, надо было поговорить наедине. «Бабушка заболела, — говорит Коля. — Болят глаза у бабушки. На один глаз совсем ослепла... И другой болит, слезится. Идет около стенки и ничего не видит бабушка... Я вожу ее за руку».

Кто-то из детей засмеялся, представив, как Коля ведет бабушку, кто-то сказал что-то колкое. Остальные дети, затаив дыхание, смотрели на учительницу. Она побледнела. Стало тихо. «Дети, что вы такое говорите? Разве можно так обижать старых людей?» — сказала Вера

Павловна, и на учеников подействовал не только смысл этих слов, но и прежде всего то, как близко приняла к сердцу их учительница все, что случилось. И горе бабушки, и насмешливое слово, брошенное кем-то. Бледная, с широко открытыми глазами, она села к столу, охватила голову руками и сидела молча несколько минут. В классе такая тишина, что слышно было, как стучит дятел где-то в саду... Вера Павловна тяжело вздохнула, подошла к окну, еще несколько минут молчала, глядя, как падают на землю снежинки. Потом сказала: «Не забываете, дети, вы тоже когда-нибудь станете стариками, у вас тоже будут старческие болезни».

Никаких специально задуманных «воспитательных мер» тут не было, все случилось совершенно неожиданно. А дети пережили то, что не забывается всю жизнь. Их взволновали прежде всего боль, возмущение Веры Павловны. Они не только поняли, но и сердцем ощутили, как настоящий человек должен относиться к чужому горю. А тому, кто сказал обидные слова, стало стыдно. Жгучее чувство стыда — лучшее лекарство от грубости, неуважения к человеку.

...Долго готовились воспитанники Веры Павловны, ученики третьего класса, к первой весенней прогулке в лес. Приготовили пшено и сало — кулеш в лесу самый вкусный... Но вот накануне прогулки, в субботу, выяснилось, что Галя К. не может пойти с товарищами: ее матери подошла очередь гнать коров со всей улицы в стадо за восемь километров от села. Мать заболела, и коров погонит Галя.

Девочка в слезах рассказала об этом в классе. «Что делать?» — спросила Вера Павловна, и детям стало больно, что их любимая учительница огорчилась и будто даже растерялась. Она молча, вопросительно смотрела на детей, ждала, может быть, кто-то придумает выход. Но дети не могли ничего придумать.

«Разве можно пойти в лес без Гали?» — спросила учительница. «Нет, нельзя», — ответили дети.

И вдруг глаза Веры Павловны засветились радостью. «До леса, куда мы собирались идти, три километра, — сказала она. — А до того леса, куда Галя погонит коров, — восемь километров. Это в противоположной стороне. Если хотите, чтобы и Галя была с нами, давайте пойдем вместе с ней. Там лес еще лучше. А если боитесь

далекой дороги...» Дети не дали закопчить. Нет, они не боятся пройти хоть и двадцать километров. Грусть сменялась общей радостью.

Без морального права учить добру и правде человек не может быть воспитателем. Ибо речь о них из уст того, чьи поступки противоречат словам, дети будут воспринимать как насмешку над добром и правдой. Такой «воспитатель» калечит детей. И очень горько, когда подобные люди иногда попадают в школу. Вот факт, заставляющий задуматься над вопросом: как уберечь школу от тех, кого и на пушечный выстрел нельзя допускать к святому делу воспитания нашей смены?

В 1960 году двадцатилетнего студента второго курса факультета физического воспитания Кировоградского пединститута Эдуарда М. вместе с группой преступников приговорили к тюремному заключению за изнасилование девушки. Через два года, досрочно, его освободили из тюрьмы. Не будем вдаваться в подробности дела, не будем анализировать меру вины М. Она была неоспоримо доказана на суде. И вот человек, запятнанный позорным преступлением, возвращается в Кировоград. Каждый, кто хоть немного понимает, что такое воспитание, скажет: «Нельзя такого подпускать к школе на пушечный выстрел». Конечно, наши законы и мораль высокогуманны: человек, отбывший наказание, имеет право на труд, перед ним десятки трудовых дорог. Однако есть одна дорога, от которой М. надо было разумно и решительно предостеречь, — дорога в педагоги.

А в Кировограде рассудили иначе. «Пусть учится. Ведь два года перед заключением был студентом пединститута. Не пропадать же этим годам...», — сказали добрые дяди из Кировоградского пединститута. И вот, ничтоже сумняшеся, после окончания педагогического института М. направляют учителем физкультуры в школу вблизи Кировограда.

Прошло два месяца. В школе узнали, что, готовясь к благородной деятельности учителя, М. имел двухгодичные тюремные «каникулы». Узнали сначала не из официальных источников, а по слухам.

Проверили — правда. Возмутились родители, возмутился педагогический коллектив. На заседании педагогического совета учителя решили: М. не имеет мораль-

ного права быть учителем. Сказали ему: иди себе, па-рень, ищи работу...

Давно прошло то время, когда общественность была лишена возможности вмешиваться в учебно-воспитательный процесс. Не те сейчас родители, что два-три десятка лет назад. И если они сказали: закройте двери школы перед человеком, которому мы не доверяем воспитание своих детей, то эти двери следует-таки закрыть. Надо уметь быть взыскательным и непримиримым во имя гуманности — во имя моральной чистоты наших детей, во имя того, чтобы у каждого из своих воспитателей дети могли учиться жить.

Радянська Україна, 1964, 26 нояб.

НА НАШЕЙ СОВЕСТИ — ЧЕЛОВЕК

Недавно мне выпало счастье побывать в Болгарии. Несколько недель, проведенных на болгарской земле, навсегда останутся в памяти. Я видел много интересного, поучительного для нас, советских учителей. Об этом расскажу в большой журнальной статье. Было много интересных встреч и бесед с учителями и учеными. Во время одной из них болгарский педагог Бистра Аврамова спросила: «Что, по-вашему, самое главное в нашем педагогическом труде?».

Мой ответ был очень общим: знать ребенка. Вы, дорогая другарка Бистра Аврамова, и другие другари, принимавшие участие в беседе, выразили пожелание когда-нибудь в будущем поговорить о том, что же значит знать ребенка. Возвратившись домой, я долго думал об этом. Мне кажется, эти размышления будут интересны не только моим болгарским друзьям, но и советским педагогам.

* * *

Каждый год за два месяца до начала учебного года собираются в школе наши будущие первоклассники. На два месяца для малышей школой становится зеленая лужайка, прохладная тень лип и яблонь, теплая река, безбрежное поле, синий сумрак дубрав.

«Школа под голубым небом» — так называем мы эти недели интересной воспитательной работы с детьми. Глав-

пая задача, которую ставим при этом,— получить первое представление об индивидуальных особенностях каждого ребенка, начать то узнавание ребят, которое у чуткого умного педагога не прекращается ни на день и без которого нельзя представить успешное воспитание.

Мы стремимся узнать о ребенке как можно больше: какое у него здоровье, какими особенностями отличается его организм, как он мыслит, чувствует, воспринимает окружающий мир. Несколько лет существует наша Школа под голубым небом. Вначале мы видели в ней прежде всего условие и средство подготовки детей к успешному обучению: дети многое узнают из того, на что раньше не обращали внимания, учатся думать, наблюдать и — что особенно важно — удивляются, совершая каждый день новые и новые открытия в окружающем мире.

Но с каждым годом учителя все больше убеждались, что подготовка к школьным занятиям — лишь одна и, можно сказать, производная задача. Главное — начать проникновение педагога в духовный мир ребенка, начать изучение его мышления, чувств, характера, воли, интересов. Воспитывать — прежде всего знать ребенка, а чтобы знать, надо постоянно видеть, изучать. Без знания ребенка, без глубокого понимания всей сложности явлений, происходящих в его душе, воспитание становится слепым и поэтому бессмысленным.

Нет двух детей, одинаковых по мышлению, по восприятию окружающего мира, по индивидуальным особенностям разума, воли, характера, каждый ребенок — это особый, неповторимый мир. Воспитать личность, сформировать душу человека можно, только поняв этот мир, узнав все его тайники.

Меня давно тревожил вопрос: как же узнать ребенка, что значит видеть, изучать, наблюдать? Жизнь убедила, что изучать ребенка, узнавать индивидуальные особенности его психики, проникать в его духовный мир — означает видеть взаимодействие ребенка с окружающим миром, с вещами и явлениями, с людьми, с силами природы. За партой ребенок не раскрывается перед вами; здесь вы видите лишь результат умственного развития и труда, а само умственное развитие, наиболее яркий, интенсивный умственный труд, происходит в те мгновения, когда ребенок оказывается лицом к лицу с синим лесным сумраком, с ручьем, журчащим в овраге, с бабочкой, пор-

хающей пад раскрывающимся цветком; внутренний духовный мир маленького человека открывается перед вами тогда, когда этот человек напрягает умственные усилия — не для того, чтобы припомнить слова, заученные из книги, а для того, чтобы найти объяснение непонятному явлению природы, получить ответ на вопросы: Как? Почему?

И вот именно это живое общение с природой, с окружающим миром и происходит в Школе под голубым небом. Выйдите с детьми из душного класса в сад, на берег реки, сядьте с ними под столетним дубом — и вы увидите, как преобразятся лица ребят, какой живой огонек загорится в глазах у того, кого вы считали отстающим, неуспевающим.

Мне вспоминается одно событие... Люда Н. пришла в I класс из многодетной семьи. Мать и братья Люды были умными, трудолюбивыми людьми. Я помнил, как хорошо училась в школе мать Люды.

А с дочкой дело пошло совсем не так. Люда с большим трудом запоминала буквы и цифры. Вот уже, казалось, она знает буквы, но когда из четырех букв приходилось составить слово, все как будто бы вылетало из головы: она не узнавала ни одной буквы, словно и не видела их никогда раньше. «На веточке сидели три синички, к ним прилетели еще две синички. Сколько всего синичек стало на веточке?» — сколько ни бился я, чтобы Люда решила эту задачу, ничего не мог добиться.

В чем дело? **Что** происходит в твоей голове, Люда? **Что** ты видишь вокруг себя, **что** ты думаешь о том, **что** видишь? **Как** ты думаешь? Почему сосед по парте Коля, не успев дослушать до конца условие задачи, уже тянет руку; он успел не только представить, что спрашивается в задаче, но и решить ее. Почему ты не решишь этой простенькой задачи, ведь ты же можешь считать до пятидесяти, ты помогаешь дома матери связывать лук в пучки, в каждом пучке — пятьдесят луковиц? Почему ты там живая, сообразительная, а здесь, в классе, воробьи и синички становятся для тебя чем-то непостижимым?

Это было лет двадцать назад. Помню, Люда стояла у доски, потупив глаза, она не могла решить задачу о девяти автомашинах, которым надо было переехать по мосту через реку... шесть уже переехали. Сколько осталось еще на берегу? Вот девочка подняла головку, по-

смотрела через окно на озаренный ласковым осенним солнцем мир, увидела голубую гладь реки, задумчиво склонившиеся над рекой вербы... И сразу же синие, как леп, глаза Люды преобразились: она что-то вспомнила.

Мне стало ясно, что вряд ли девочка вспомнит о задаче, если даже я потребую этого. У меня мелькнула мысль: что будет, если тоненькую березку вырвать из тучной почвы вон там, на берегу реки, и посадить ее в другую почву, перенести сюда, в душный класс,— как будет чувствовать себя нежная, ласковая березка, чуткая к еле заметному дуновению ветра? Поникнут листья, станет сохнуть ствол... Будет березка зеленеть, но не будет жить. Не то ли самое произошло и с тобой, Людочка?

На другой день мы пошли к реке. Стояли теплые осенние дни, солнышко ласково грело, в воздухе носились серебряные паутинки. Мы сели на зеленой лужайке, я рассказывал детям сказку о Солнечных Кузнецах — сказочных великанах, которые живут рядом с солнцем и куют раскаленные золотые полосы, рассыпая золотые искорки; сыплются искорки на землю, на траву, на воду, играют, переливаются. Дети заслушались, я заметил синие глаза Люды и меня поразило в них выражение глубокой взволнованности, очарования. Как будто вот сейчас Люда видит Сказочных Кузнецов.

«А теперь решим задачу,— сказал я, и сразу же лицо девочки стало замкнутым, нахмуренным. «Нет, не ту задачу, какой ты боишься»,— подумал я. И рассказал задачу-сказку о Волке, Козле и Капусте. Вот они здесь, рядом с нами, вот лодка, на которой их надо перевезти на противоположный берег.

Дети стали думать, я сделал из глины сказочных персонажей задачи, поставил их на берегу, малыши размышляли, переставляли фигурки равнодушных друг к другу пассажиров.

А где же Люда? Она отошла в сторонку, подошла к воде, лепит из глины своих Волка, Козла, Капусту. Вылепила и лодку. И все это очень быстро. Дети стали отчаиваться — невозможно перевезти этих пассажиров.

И вот ко мне подходит Люда со своими глиняными пассажирами и с лодкой. «Я перевезу их»,— говорит она, и я почувствовал, что девочка живет сейчас в мире сказки; она забыла, что Волк, Козел и Капуста не настоя-

щие. Она рассказывает, как перевозила их, кого оставляла на противоположном берегу.

Так почему же ты не могла решить задачу о пяти синичках, Люда? В чем же дело? Почему твой взгляд был таким равнодушным, когда я читал условие задачи о синичках?

Я долго и мучительно думал. Почему же так получается — самая сообразительная девочка не может запомнить буквы, они вылетают у нее из головы; не может решить задачи, в которой вся трудность в том, чтобы к двум прибавить три? Как мыслит Люда? Что она воспринимает ярче всего и что, в этом у меня не было больше сомнений, как бы скользит по поверхности ее сознания?

Вот передо мной два ореховых листка. Один — свежий, благоухающий, только что сорванный с дерева. Другой — несколько лет, может быть, лет десять назад положенный в книгу... Он лишь по внешнему виду напоминает ореховый листок. В нем нет ни запаха ореховой рощи, ни прозрачных клеточек сочной зелени. Он — сухое вещество... Не были ли мои задачи, которые я давал в классе, таким же засушенным листком, как вот этот? Может ли определить ребенок, с какого дерева, в какой роще сорван листок, если сам не чувствует ни аромата, ни освежающей прохлады живого листка?

Эти вопросы вызвали в моей душе смятение. Можно ли так учить детей, как мы учим? Можно ли, вырвав в одно прекрасное утро чудесной осени нежную березку, только что поднявшую свои ветви навстречу солнышку и голубому небу, и, пересадив ее в грубо сколоченную кадку, перенести в класс и, сказав: «расти», — ожидать, что поднимется тенистая роща? Да нет же, никакой рощи не будет.

Это событие стало как бы этапом в моей педагогической жизни. Я понял, что нельзя знать ребенка, нельзя изучать, нельзя наблюдать его, если между тобой и ребенком — учительский стол. И тем более нельзя понять, как ребенок воспринимает окружающий мир, как он мыслит и чувствует, если лишить его родной стихии — той обстановки, в которой у него впервые открылись глаза на новое и непонятное, впервые возникло чувство изумления и удивления перед красивым и необычным, странным и волнующим. Каждый день, каждая неделя

педагогического труда убеждали меня в том, что индивидуальные, неповторимые черты мышления — такая же закономерность, как то, что среди тысячи глаз нет двух пар абсолютно похожих. И понять эти черты можно лишь в том случае, если ребенок находится в своей стихии, действует, познает, напрягает умственные и физические силы, переживает радость успеха и горечь неудачи.

Мышление Люды стало для меня как бы откровением. Такой образности, конкретности, можно сказать, рельефности мышления я ранее никогда не встречал, хотя дети с ярко выраженным образным мышлением — не редкость, особенно в младшем возрасте, особенно в селе, где первые представления о жизни, развитии, причине, следствии ребенок черпает из явлений природы, с которыми он сталкивается повседневно. Задачу о пяти синичках Люда не могла решить потому, что до ее сознания не доходил смысл моих слов. Все внимание девочки было поглощено цифрами, но и эти цифры как бы скользили по поверхности ее памяти. Впоследствии я убедился, что для Люды задачу надо преобразовать в яркий, живой рассказ, возбуждающий воображение. Я убедился, что у девочки живое, яркое воображение, зоркий глаз, чуткая душа.

Никогда не забуду, как однажды тихим летним вечером вместе с ребятами сидел на холме, наблюдая, как солнце садилось за кромку далекого леса. С полей и долин тянуло прохладой, пели перепела в созревающей пшенице. Перед нами раскинулась широкая балка, один склон которой порос кустарником. Темпело, очертания зеленых кустов становились мягкими, словно воздушными.

«Дети, посмотрите на эти зеленые кусты, что они напоминают вам?» Мы любили фантазировать в тихий вечерний час.

«Как зеленые тучки — плыли по небу и прилепились отдохнуть в балке...»

«А разве тучки бывают зеленые?»

«Как морские волны — приплыли издалека, изнемогли, устали, вздумали отдохнуть, да и застыли».

«А откуда у нас быть морским волнам?»

«Эти кусты напоминают муравейники. Помните, мы видели в лесу?»

«А разве могут быть муравейники без муравьев? Где же муравьи?»

Каждое сравнение вызывало спор. И вдруг я услышал тихую, но взволнованную речь Люды. Она говорила так, как будто рассказывала сказку:

«Это овцы остановились на ночлег. Смотрите, как они прижались друг к дружке — так теплее... А вон и овчар рядом с отарой.— Люда указала на отдаленное дерево, похожее в вечернем сумраке на человека в длинной одежде.— Вот он сейчас сядет, разведет костер. А рядом с овчаром — собака».

Дети заслушались. То, что увидела Люда, не вызвало возражений. Наоборот, все увидели новые детали: вот несколько овечек отбились от отары, пасутся в балке, мало им было дна, не напаслись. Вот сейчас овчар пошлет за ними собаку...

Я стремился к тому, чтобы яркое, образное, конкретное мышление было не препятствием, а помощником Люды в учении. В I классе девочка нарисовала буквы. Это были удивительные рисунки. Каждый рисунок чем-то напоминал очертание букв, но в то же время и какое-нибудь растение, или зверя, или фантастическое существо. После этого Люда навсегда запомнила алфавит, никогда не забывала ни одной буквы.

А во II и в III, даже иногда и в IV классе она рисовала задачи. Ее тетрадь по арифметике совсем не была похожа на тетради других учеников. Рядом с цифрами и арифметическими действиями располагались нарисованные девочкой яблоки и карандаши, грузовики и мешки с картофелем, поезда и самолеты. Люда хорошо успевала, у нее никогда не было неудовлетворительных оценок.

С каждым годом я все больше убеждался, насколько важно учителю знать, как обращается каждый ребенок с окружающим миром — источником мысли, мышления, умственного развития. И я, и другие учителя с горечью думали о том, как мало мы знаем ребенка, переступившего порог школы, ставшего учеником. В сущности, мы о нем ничего не знаем, он для нас книга, полная тайн, видим же мы только обложку этой книги, а обложка далеко не всегда раскрывает содержание. Чтобы узнать ребенка, чтобы прочитать хотя бы первые страницы неизвестной нам книги, надо понять, как ребенок видит окружающий мир. Учение, воспитание ни в коем случае не должно начинаться за партой. Учитель, директор школы должны вместе с детьми идти в поле, в лес, на

берег реки — задолго до того, как ребенку сесть за парту. Да и тогда, как начался процесс школьного обучения и воспитания, нельзя ограничиваться чтением, книгой, классом, партией. Пусть ребенок так часто, насколько это возможно, возвращается в свою родную стихию — это необходимо ему как воздух — птице, как чистая вода — рыбе.

Вот почему педагогический коллектив пришел к тому, с чего я начал рассказ, — к Школе под голубым небом.

Ясное, тихое июньское утро. Мы с детьми выходим на окраину села. Идем на высокий скифский курган, садимся, смотрим на небосклон, из-за которого вот сейчас покажется красный огненный пар солнца. В противоположной стороне, на западе, — село, белеют хаты. Мы уже несколько дней собираемся по утрам с будущими первоклассниками. Меня очень беспокоят два мальчишка — Гриша и Сапа: я не слышал от них ни одного слова. Почему они такие вялые, ко всему безучастные? Постепенно мне открывается причина: мальчишки росли в тепличной обстановке, все их желания и капризы удовлетворялись родителями; они «перенасыщены» впечатлениями, но эти впечатления — больше от подарков, чем от окружающего мира. Мальчишки, по существу, не видели природы, не встречали восхода солнышка, не переживали очарования лучезарного летнего вечера. Семья на равнодушие уже дали всходы в их сердцах, мне никак не удастся взволновать, удивить, изумить их картинами природы...

Вот из-за горизонта показалась огненная полоска. «Смотрите, дети, на белые хатки. Что вы видите там?» — мне хочется, чтобы дети увидели, как в окнах, отражающих эти первые солнечные лучи, вспыхивают пурпурные, багровые, ярко-красные огни, как они переливаются, играют. Эта картина столь изумительна, что и в равнодушных глазах Гриши и Саши вспыхивает восхищение, изумление, удивление. Наконец-то — вздыхаю я с облегчением — найдена нить, которая свяжет мысль мальчишек с окружающим миром. Удалось открыть окошко, через которое маленький человек увидел. И это окошко — удивление, изумление. Чтобы заставить ребенка мыслить, умеете заставить его удивляться. Удивление — толчок, пробуждающий самые ленивые дремлющие умы...

Детям не терпится, им хочется рассказать о полыхающих огнях, о солнечной игре в окнах. Они описывают увиденное смелыми образами, слово оживает в их сознании, играет, трепещет, переливается яркими красками. Такое слово — окошко в духовный мир ребенка; через слово педагог видит, как подходит ребенок к живому источнику мышления — природе. Но это окошко будет ясным лишь в том случае, если слово рождается в общении ребенка с природой, если оно действительно живое, а не заученное, бесцветное, вымученное.

«В окнах загораются костры, как среди ночи в лесу... Вот один костер погас, а другой разгорелся... В любом окошке — крохотный кусочек солнышка...» Каждый ребенок видит окружающий мир по-своему, у каждого свое, индивидуальное видение.

Меня особенно волнует, что скажут Гриша и Саша. Вот как увидел мир Гриша: «В каждом окошке загорелось маленькое солнышко». А Саша увидел другое: «Солнце зажигает в окнах яркие фонарики. Они горят, пока поднимется солнышко». Меня радует изумление, восхищение, которые я вижу в детских глазах. «Мышление начинается с удивления», — вспоминается мне изречение древнего философа; к этой мысли жизнь возвращает меня еще и еще раз, когда встречаются в практике особенно трудные случаи.

Поднимается солнце, прячутся тени в овраге, легкий ветерок разгоняет туман, мы любимеся степью, и вдруг наш слух улавливает чудесную песню, несущуюся с небесной лазури. Мы вслушиваемся в переливы песни: словно кто-то зовит в маленькие серебряные колокольчики. Да это же жаворонок! Вот он, серый комочек жизни пад желтым пшеничным полем. Снова в детских глазах загораются огоньки удивления и восхищения, снова мысль облекается в яркое, трепещущее слово.

К этой изумительной красоте никто не может остаться равнодушным. Красота природы — могучий источник энергии мысли, это толчок, пробуждающий и ленивую, и дремлющую, и инертную мысль. Перед лицом красоты я вижу каждого ребенка таким, каким он есть в действительности, под влиянием красоты он становится таким, каким должен быть.

Никогда не забуду Володю И. — одного из самых трудных, самого, казалось, безнадежного ребенка. Во II клас-

се он не мог запомнить условие вот такой задачи: «Сын принес из сада пять яблок и отдал их матери и отцу. Матери он дал три яблока. Сколько яблок дал сын отцу?» Мне не давала покоя мысль: почему у отдельных детей так слабы память и воображение? У Володи И., казалось, сразу же вылетает из правого уха то, что он слышит левым. Его мышление не имело ничего общего с мышлением Люды. Образы не волновали мальчика, не пробуждали у него мыслей и чувств. Мышление Володи представлялось мне каким-то хилым, бледным, безразличным ко всему уродцем, ковыляющим на двух костылях: стоит спрятать один костыль, как уродец становится совсем совершенно неподвижным. Да и внешний вид Володи имел что-то общее с его мышлением: мальчик бледный, как будто бескровный, апатичный, болезненный. Вот я даю мальчику задачу о пяти яблоках и смотрю в его серые равнодушные глаза. Что происходит в твоей голове, Володя?

Пытаюсь представить, как воспринимают клетки мозга этого мальчика мои слова. Сын, мать, отец, яблоки... — несколько клеточек мыслящей материи приняли информацию, вернее, должны принять и хранить ее в течение какого-то времени. Но я глубоко убежден, что материальная основа процесса мышления — клетки коры полушарий — не у всех детей одинаковы, как не у всех одинаковы мускулы, как не у всех одинакова ткань сердечной мышцы. Я не сомневаюсь, что клетки мозга Володи такие же хилые, болезненные, как и весь его организм (почему? — другой вопрос). И вот в одной клетке информация еще хранится, а в другой уже угасла.

Что значит решить задачу, что происходит при этом в мозгу? Между клетками — тончайшие нити, по которым в какую-то тысячную долю секунды информация поступает из одной клетки в другую, взаимно перекрещиваясь и сверяясь. Информация пошла в дальнюю клетку, но в то же время она должна храниться и в той клетке, откуда она отправилась. Так представляется мне процесс мышления с физиологической точки зрения: полнокровные, чуткие, трепещущие клетки откликаются на раздражение окружающего мира, происходит то, что мы называем усилием мысли. Но у тебя, Володя, почему-то не совсем так: в клетках твоего мозга нет той полнокровности и чуткости, нет того трепета, которые сопут-

ствуют живому биению мысли. Нити между клетками в твоём мозгу почему-то хилые, анемичные... Может быть, это несколько грубая схема, но, я убежден, она в какой-то мере отражает сущность вещей.

Что же делать, чтобы мысль затрепетала в твоём мозгу, чтобы клетки запульсировали, чтобы тончайшие нервные нити понесли информацию со скоростью света? Прежде всего, по-видимому, нужны более здоровые условия жизни. Лучшая пища, больше чистого воздуха и солнца, больше активной деятельности среди природы. Я забочусь, чтобы мальчик хорошо питался. Летом, осенью и весной он целые дни на воздухе. Появляется румянец, наливаются щеки — значит и клетки мозга становятся полнокровными. Но это еще не все. Необходима такая деятельность ума, которая послужила бы как бы толчком, пробудила дремлющие силы мозга. Это так же необходимо для мозга, как физические упражнения для мускулов.

Что же послужило толчком для Володи? Природа и красота. И не только для Володи, но и для других детей. Пшеничное поле — сколько видит глаз. Над желтым ковром — голубое небо. Мы сидим на баштане, возле куреня. Смотрим на сизое облако, надвигающееся с севера, из-за леса. Вот оно все ближе и ближе. И вдруг — словно невидимый художник прочертил через все облако несколько дуг: красную, оранжевую, желтую, зеленую, голубую, синюю, фиолетовую... Засверкала, заиграла радуга, в поле стало тихо-тихо.

В это мгновение с желтого пшеничного ковра взметнулся в голубое небо жаворонок — и запел, приближаясь к радуге. Затанов дыхание, стоят мои дети, любуются невиданной красотой. У Володи широко открыты глаза. Он слушает песню жаворонка, смотрит то на переливы цветов радуги, то на желтое поле, то на сизые арбузы на баштане.

А туча проходит стороной — пшеница стоит, не шелхнется, солнце сияет, с голубого неба раздаются серебряные колокольчики жаворонка. «Серый поющий комочек и радуга, голубое небо и желтое поле — как вы можете сказать, дети, об этой красоте?» У каждого ребенка находятся свои слова. У меня учащенно забилося сердце, когда я услышал слова Володи:

«Это жаворонок выпустил из клюва несколько золотых нитей: красную, оранжевую, желтую, зеленую, голубую, синюю, фиолетовую. Упали нити на тучу и заиграли. А жаворонок полетел к солнышку. Прикоснется клювом к серебряному колокольчику, — играет поле, играет лес, играет пшеница. Весь мир играет, весь мир — колокольчик».

Вот оно, долгожданное мгновение. Затрепетало яркое слово, открылись животворные ключи мысли. Мир с его неисчерпаемой новизной и изумительной красотой стал для ребенка могучим источником живого воображения, ярких представлений. Изумление красотой окружающего мира пробудило трепет мысли, наполнило живым бытием каждую клеточку мозга, озарило сознание.

Также мгновения не забываются никогда, Володя запомнил их на всю жизнь. С каждым месяцем мальчик становился все более крепким физически, укреплялись, мужали и его умственные силы: цепким становился ум, все больше и дольше информации хранила память.

Каким незавидным казалось будущее этого мальчика. Никто не верил, что он «поднимется» выше III класса. А он окончил семилетнюю школу, потом успешно окончил техникум, стал агрономом. Ничего этого не было бы, если бы не удалось проникнуть в духовный мир ребенка, понять, как он воспринимает окружающий мир, как трудно пробивают путь живые ручейки мышления в его сознании.

Как часто приходится слышать от нашего брата учителя: ничего не выйдет из этого ученика, безнадежный он... Хочется сказать: не спешите с выводом — на вашей совести человек. Врач произносит роковые слова — безнадежно больной лишь тогда, если убедится, что все сделано и мудрость исцелителя пока бессильна перед силами природы. Но разве можно мне, педагогу, произнести эти роковые слова перед непонятными, неразгаданными, неузнанными, неувиденными тайнами индивидуального духовного мира совершенно здорового человека? Прежде чем подумать, а не то что сказать, выйдет ли что-то хорошее из ребенка или не выйдет, надо увидеть, узнать, понять его.

Ум и сердце ребенка откликаются на тысячи явлений окружающего мира, и могут быть тысячи причин, в силу которых ребенок сегодня, в эту минуту не может быть таким, каким хотел бы его видеть учитель. Узнайте его

таким, какой он есть. Не пытайтесь изменить, переломить, перестроить то, что создала в своей таинственной мастерской природа, — в подавляющем большинстве случаев такая перестройка может привести к болезненным явлениям. И самое главное — наблюдайте и еще раз наблюдайте. Наблюдайте, как взаимодействуют два мира — мир окружающей ребенка природы, труда, общественных отношений и внутренний духовный мир человека. Наблюдайте, как ребенок думает и переживает, **какими** сложными, порой извилистыми путями пробивают себе дорогу ручейки мысли в его голове. Умейте читать тончайшие движения мысли, чувств, переживаний в каждом движении и особенно в его глазах.

Может быть, кому-то покажется старым, избитым выражение: **глаза — зеркало души**, но для нас, педагогов, эта истина никогда не может исчерпаться. Именно мы, должны уметь читать в этом зеркале — и читать так, чтобы ребенок не почувствовал вторжения в свой духовный мир.

Лет десять пазад нашу пиколу окончили сестры-близнецы Надя и Люба С. Они удивительно похожи друг на друга — настолько похожи, что в течение нескольких лет мы не могли понять, кто Надя и кто Люба. Но вот мы обратили внимание на то, как окружающий мир, пробуждая мысль, отражается в глазах девочек. Но мысли, отраженной в глазах, мы научились различать сестер. Вот обе девочки смотрят на одну и ту же изумительную картину природы: озаренное солнцем цветущее поле клевера, над тысячами цветов летают пчелы; как будто золотые струны чудесной арфы звучат над степью. В глазах у Любы я вижу огонек восторга, ликования, восхищения: разум девочки воспринимает прежде всего красоту мира, воспринимает картину природы как единое целое. Совершенно иначе воспринимает ту же картину Надя. В ее глазах я вижу напряженную мысль. Девочка обращает внимание на детали. Вот она подходит к тонкому стебельку, наклоняется над цветком, всматривается в его лепестки. Как раз в эти мгновения на цветок опускается пчела, девочка хмурит брови, смотрит внимательно, сосредоточенно. Весь мир для нее в такие мгновения — в этих золотистых пчелиных крылышках, в тонком хоботке: она видит в этом крохотном кусочке жизни и синее небо, и далекий горизонт, и яркое солнце. Я убедился, что у Любы вос-

приятие и мышление образно-художественное, а у Нади — исследовательское, математическое (это различие не мешало обеим девочкам окончить один и тот же механико-математический факультет университета, стать инженерами).

Постепенно мы, педагоги, стали улавливать это различие в рассуждениях, в эмоциональной окраске речи. Пришло время, когда, услышав голос одной из девочек, мы уже могли определить, кому он принадлежит. Но дело не только в том, что исключительное сходство внешних черт перестало быть «камнем преткновения». Поняв индивидуальные черты мышления, мы научились создавать наиболее благоприятную обстановку для того, чтобы мыслительные силы Любы и Нади находили простор для активной деятельности.

Приходилось ли вам выводить сорок малышей из душевного класса в сад, на зеленую лужайку или в лес? Помните, как трудно удержать ребят возле себя — они так и рвутся на простор, каждый стремится найти свою любимую стихию. Да, их не только трудно, но и невозможно удержать. И не надо запрещать малышам идти туда, куда хочется каждому из них (конечно, каждую минуту учитель должен знать, где дети, что они делают). Когда ребенок оказывается лицом к лицу с природой, когда перед ним открывается мир удивительных, интересных вещей, — дайте волю детским поступкам, именно через поступки вы лучше всего сможете наблюдать, как воспринимает окружающий мир каждый ребенок, что он видит, как чувствует.

Мы с малышами отправляемся в лес. Вот и кроны могучих дубов. Стучит дятел, поет иволга. Мы пробираемся в чаще. Дети пастороженно прислушиваются к шуму верхушек деревьев. Они переживают таинственность сказочной обстановки: вот так же шумят деревья в сказке о бабе-яге, костяной поге. Но вот перед нами открывается светлая поляна, залитая солнцем. Эхо разносит по лесу возгласы радостного детского ликования. Сорок ребят — и каждый встретился с поляной по-своему. Один мальчик просто бежит и визжит от избытка чувств и впечатлений — так он выражает свою радость общения с природой. Другой пошел вдоль лесной опушки, смотрит то в лесной сумрак, то на залитую солнцем поляну, улыбается; вот он подошел к столетнему дубу, прислонился к нему

спиной, смотрит на голубое небо. Третий полез на дерево — ему хочется окинуть поляну взглядом с высоты. Одна девочка, закрыв ладонью лицо от солнца, улыбается, смотрит то на верхушки деревьев, то на траву. Другая гладит ствол дуба, третья погналась за бабочкой, четвертая села па траву — любитесь нежными цветочками ландыша...

Все это не просто разные развлечения, но и разные тропинки, по которым идет сложный, извилистый путь мысли. Несколько раз мы приходим на свою поляну, и с каждой новой встречей с небом и лесом, с травой и цветами детская мысль обогащается, становится ярче, находит выражение в слове. Детям хочется рассказать о том, что они переживают.

Чувство красоты рождает поэтическое слово, мысль воплощается в яркие образы. Вот стихотворение, в котором мысль нашла выражение в поэтическом слове (это стихотворение дети составили коллективно):

Мы идем, идем тенистой дубравой,
высокие деревья тихо шумят,
как будто где-то далеко идет дождь...
Над деревьями солнышко играет,
а между деревьями прячется сумрак:
— Вот придет вечер, я выползу и буду пугать вас...
Исчез сумрак,
остался позади шум листвы,
и мы увидели солнечную поляну.
Среди сочной травы
темно-зеленые листья, как стрелы,
между листьями белые гроздьи —
крохотные, как звездочки.
Над поляной летают мохнатые
шмели и золотистые пчелы.
Вся поляна поет, играет,
радуется солнышку и ласковому ветру.

Если мысль вылилась в поэтическое слово, если в этом слове затрепетали нежные краски цветов, запахи ароматы трав, заиграли переливы теней и полутеней лесного сумрака — значит, затрепетала детская мысль, значит, ум ребенка черпает животворные силы из вечного источника жизни и познания — из природы, из красоты. Ведите детей в лес, к реке, в луг, открывайте перед ними источник, без которого невозможна полноценная духовная жизнь, и вы увидите, как ваши дети станут умными, наблюдательными, сообразительными.

Тысячи раз сказано и пересказано: мы, педагоги, имеем дело с человеком, объект нашего труда — живая душа. Но от многократного повторения эта истина не устарела. Наоборот, в новом обществе, создающем все условия для многогранного развития личности, эта истина приобретает особый смысл. Вступив на путь педагогического труда, вы мысленно даете себе клятву: открыть в каждом ребенке все его задатки, способности, силы. А для этого необходимо знать того, кого вы воспитываете. Знать, каково здоровье ребенка, индивидуальные черты его мышления, знать сильные и слабые стороны его умственного развития.

На нашей совести самое цепное, что есть в мире, — человек. Провожая любящим взглядом своего ребенка в школу, мать верит в то, что учитель знает что-то такое, чего не знает она, мать. И ты должен знать то, что знает далеко не каждая мать, если ты настоящий учитель. Ты должен знать человека.

Учительская газета, 1964, 5, 8, 10 дек.

РОЖДЕНИЕ ДОБРА

Есть старинная украинская легенда.

Был у матери единственный сын. Женился он на девушке невиданной красоты, привел ее в родной дом. Невзлюбила сноха свекровь, сказала мужу: «Пусть не заходит мать в комнаты, посели ее в сених». Поселил сын мать в сених. Боялась мать показываться злой снохе на глаза. Когда сноха шла через сени, мать пряталась под кровать.

Но и этого снохе показалось мало. Говорит она мужу: «Чтобы и духом матери не пахло в доме! Пересели ее в сарай». Переселил сын мать в сарай. Только по почтам выходила она из своего убежища.

Отдыхала однажды ночью молодая красавица под цветущей яблоней и увидела, как мать вышла из сарая. Рассвирепела жена, прибежала к мужу: «Если хочешь, чтобы я жила с тобой, убей мать, вынь из ее груди сердце и принеси мне».

Не дрогнул сын, околдовала его невиданная красота жены. Говорит он матери: «Пойдемте, мама, искупаемся в реке». Идут к реке каменистым берегом. Споткнулась мать о камень. Рассердился сын: «Что вы, мама,

спотыкаетесь? Почему под ноги не смотрите? Так мы до вечера будем идти».

Пришли, разделись, искупались. Сын убил мать, вынул из ее груди сердце, положил на кленовый листок, несет. Трепещет маленькое материнское сердце. Споткнулся сын о камень, упал, ударился коленом, упало горячее сердце на острый утес, окровавилось, встрепенулось и прошептало: «Сыночек мой родной, не больно ли ты ушибся?»

Зарыдал сын, схватил горячее материнское сердце, возвратился к реке, вложил сердце в растерзанную грудь, облил горячими слезами. Понял он, что никто никогда не любил его так горячо, преданно и бескорыстно, как родная мама.

И столь огромной и неисчерпаемой была любовь материнская, столь глубоким и всеильным было желание материнского сердца видеть сына радостным и беззаботным, что ожило сердце, закрылась растерзанная грудь, встала мать и прижала кудрявую голову сына к груди. Не мог после этого сын возвратиться к жепе-красавице, постылой стала она ему. Не вернулась домой и мать. Пошли они вдвоем степями и долинами, вышли на широкий простор и стали двумя высокими курганами.

Такова легенда, созданная народной мудростью.

Сыповняя благодарность... Сколько горьких дум и скорбных минут переживает материнское и отцовское сердце, чувствуя, что сын или дочь равнодушны, бессердечны, что они забыли обо всем добре, сделанном для них матерью и отцом. И нет выше радости для человека, чувствующего приближение сумерек своей жизни, чем радость, источник которой — любовь и благодарность детей...

Каждый день начинается для меня детской радостью. Я вижу в детских глазах восхищение красотой раскрывающейся розы, изумление перед чем-то необычным в окружающем мире — удивительным облачком в синем небе, пестрой бабочкой среди листьев, — удовольствие от подарка, полученного из родительских рук, наслаждение от веселой игры.

Мы все делаем для того, чтобы дети были счастливы. И при виде радостных, безмятежных детских лиц мое сердце наполняется удовлетворением. Однако почему-то закрадывается и тревога.

Меня тревожит вопрос: зажигает ли наш факел любви к детям ответные искорки благодарности в их сердцах?

Чувствует ли ребенок, что блага его жизни — результат большого труда родителей, заботы многих «не родных», но любящих его людей? Ведь без них, без их труда и забот он просто не мог бы жить на свете. Но как часто ему это и в голову не приходит!

Здесь таится большая опасность — вырастить человека эгоистичного, считающего, что все должны работать на него, что главное — его личные нужды, а все остальное — второстепенное. Чтобы предупредить такую опасность, важно пробуждать и развивать в ребенке чувство признательности, благодарности.

Как достичь этого? Я вижу лишь один путь: учить детей делать добро для нас — родителей, воспитателей, вообще людей старших поколений. За добро ребенок должен платить добром!

Детское счастье эгоистично по своей природе: блага, созданные для него старшими, ребенок воспринимает как нечто само собой разумеющееся. Ему кажется, что мать и отец для того и существуют, чтобы приносить радости, удовольствия.

Нередко мы сталкиваемся с парадоксальным на первый взгляд фактом: в хорошей трудовой семье, где родители души не чают в детях, отдают им все силы своего сердца, дети вырастают равнодушными, бессердечными. Но никакого парадокса здесь нет: так происходит потому, что ребенок знает лишь радости потребления. А они не могут сами по себе развить нравственное чувство. Это чувство возникает лишь в том случае, если мы приобщаем детей к высшей человеческой радости — радости творения добра для других людей. Только это, поистине бескорыстное и поэтому подлинно человеческое переживание является силой, облагораживающей юное сердце.

Самое главное, по-моему, в том, чтобы учить ребенка видеть и чувствовать, понимать и переживать всем сердцем, что он живет среди людей и что самая глубокая человеческая радость — жить для людей.

Воспитание в младшем возрасте — от 6 до 10 лет — я бы назвал школой сердечности. Наши педагоги стремятся воспитать у каждого ребенка этого возраста сердечную чуткость к окружающему, ко всему, что создает человек, что служит ему, и, конечно, прежде всего к самому человеку. Это начинается с детской заботы о творении красоты. Все прекрасное несет в себе чудодейст-

венную воспитывающую силу. И важно, чтобы создание красоты и создание добра сливались у детей в единый акт.

Дети переступили порог школы, стали первоклассниками. С первых дней школьной жизни исключительное значение придаем связи с родителями. Еженедельно мы, учителя начальных классов и директор школы, беседуем с матерями и отцами, советуем и сами слушаем людей, умудренных жизненным опытом. Мы сообща думаем, что должен делать ребенок, чтобы сердце его стало чутким к окружающему, чтобы он научился жить для людей.

Мы договариваемся с родителями первоклассников об осеннем Празднике розы (ученики II—IV классов уже знают о нем). Это семейный и вместе с тем школьный праздник. У него есть особенность, характерная для многих наших детских праздников: он проводится не в школе. В таких праздниках нет излишней парадности, за которой порой мало искренних детских чувств и много искусственного. Наши детские праздники проводятся главным образом в семье, но готовят детей к ним в школе.

Осенний Праздник розы — день, когда каждый первоклассник сажает дома на приусадебном участке розовый куст. Мы даем ребенку саженец розы — возьми, посади, ухаживай, создавай красоту, принеси радость матери, отцу, бабушке.

Труд этот в общем несложный: за два года надо принести несколько ведер воды, перенести с одного места на другое несколько лопат земли. Но главное — память, постоянная забота, настойчивость в достижении доброй, красивой цели. А всему этому надо учить.

Первоклассник сажает куст розы. Часто приходится напоминать ему: полей, прикрой от холода, разрыхли землю... Однообразный труд не очень-то радует, а результат — благоухающий цветок — в детском представлении невообразимо далек. Ребенок еще не умеет терпеливо ждать, настойчиво прокладывая путь к решению поставленной задачи.

Но вот появились первые зеленые листочки на кустике — в детских глазах загораются огоньки радости. Наступает длительная полоса нового однообразного труда. Снова и снова приходится поливать и рыхлить землю, собирать удобрения.

Наконец неожиданно для ребенка появляется первый бутон. Потом второй, третий... Они раскрываются, блестят на солнце алые, розовые, синие, голубые лепестки. Еще больше разгораются огоньки радости в детских глазах. И она ни с чем не сравнима. Это не та радость, которую доставляет родительский подарок, веселый досуг, предвкушение удовольствий от предстоящей экскурсии.

Это радость творения добра для самых дорогих людей — матери, отца, бабушки, дедушки. И такое добро особенно трогает потому, что оно одновременно и красота. Ребенок ждет не дожидается, когда бутон расцветет. А если случилось, что кто-нибудь сорвал цветок, — для детского сердца нет большего горя. Но тот не настоящий человек, кто никогда не пережил такого горя...

Для меня самое большое счастье — видеть сияющие детские глаза в те мгновенья, когда малыш срезает розу и несет ее матери. Ребячий взгляд излучает чистое сияние человечности.

Дети по-новому видят мир. В цветущих ветвях яблони, в созревающих гроздьях винограда, в задумчивых цветах хризантемы видят они воплощение человеческого труда, забот, чувства добра и красоты. У них не поднимется рука сломать ветку, просто так сорвать цветок.

Прошли два года школьной жизни. Пышно расцвел куст, посаженный в первый школьный год. Посажено еще несколько кустов. В семье родилась хорошая традиция — ко дню рождения матери, отца, бабушки, дедушки дети преподносят им цветы. Хорошо, если день рождения приходится на весну, лето или раннюю осень. А если на зиму — тогда приходится выращивать цветок в школьной теплице или дома у печки делать теплячок. Сколько волнений приходится пережить ребенку, пока появится бутон, пока он раскроет свои лепестки...

Педагоги добиваются, чтобы дети были захвачены заботой о живом и красивом, о цветущем и расцветающем. Пусть ребенок думает о маленькой яблоньке, которой холодно под порывами осеннего ветра. Пусть его тревожит: а не подкрадывается ли в холодную зимнюю ночь к яблоньке серый заяц, не грызет ли кору? На рассвете он пройдет в сад, попробует на ощупь тоненький ствол яблоньки, укутает ее соломой. Его будет волновать то, что весенний приморозок повредил цветы персиковых деревьев, что буря сломала ветку на яблоне.

В такой заботе рождается человеческая чуткость, отзывчивость, участливость. Мы стремимся, чтобы у каждого из детей был свой домашний уголок красоты. Летом, весной, осенью — в саду, зимой — в комнате. Родители сначала трудятся вместе с детьми, помогая им создать свой уголок, а потом постепенно как бы отходят в сторону, трудятся одни дети.

У Ивана Ивановича, рабочего ремонтно-технической станции, трое детей, учеников V—VIII классов. Мать и отец посоветовали им создать уголок красоты в плодовом саду. Небольшой участок обсадили диким виноградом. Его заросли образовали тенистую беседку. Рядом цветут астры, хризантемы. Вокруг беседки — сиреневая аллея. Целое лето в уголке красоты все цветет. Ребята с радостью встречают в своем уголке родителей, возвращающихся с работы. Здесь для них замечательное место отдыха. И дети гордятся: это они создали условия для отдыха.

Через год-два после начала обучения школьник закладывает сад благодарности: сажает яблони, виноградные кусты — матери, отцу, бабушке, дедушке. Саженцы для сада получают в школе — здесь ежегодно выращивается несколько тысяч саженцев. Нелегко побуждать детей ухаживать за плодовыми деревьями. Успех дела зависит от настойчивости и жизненной мудрости родителей, от единства усилий школы и семьи. И вот на деревьях, посаженных, как кажется ребенку, очень и очень давно, завязываются первые плоды. Он знал, что плоды когда-то будут, но их появление — всегда радостная неожиданность. Теперь ни учителям, ни родителям не приходится напоминать школьнику, что надо поливать, подкармливать растения, — он и сам об этом не забывает. С нетерпением ожидает того дня, когда созреют яблоки и виноград, когда можно будет снять плоды и понести счастливо взволнованной матери.

Для нас, педагогов, большая радость видеть, как у детей развивается сознание, что уставшие на работе мать и отец нуждаются в отдыхе. Что тишина, покой, чистота и красота в доме — это то, что дает необходимый отдых и переживание хорошей радости. Дети не только умом, но и сердцем чувствуют, что их дурное поведение, плохие успехи в учении причиняют боль родителям, а это равносильно злumu, бессердечному поступку.

«Мне надо учиться отлично по всем предметам,—сказал Коля Б., ученик IV класса,—у моей мамы большое сердце». Ребенку хочется, чтобы мать была спокойной. Он знает, что своим трудом поможет уберечь сердце матери.

Стремление детей (особенно маленьких) хорошо учиться нередко продиктовано желанием принести матери и отцу радость. А оно пробуждается лишь тогда, когда ребенок уже ранее на чем-то другом испытал радость творения добра для родителей.

Как важно, чтобы дети научились чувствовать душевное состояние товарища, распознавать чужое горе, переживать его как свое личное. Эта сердечная чуткость зависит от того же: от добра, сделанного ребенком для товарища. Мы учим маленьких детей делать добро товарищам. Первоклассник Сережа не пришел сегодня в школу. Учитель знает — у Сережи тяжело больна бабушка, и рассказывает об этом ученикам. В детских сердцах пробуждается сочувствие, жалость. Товарищи идут к нему домой, помогают выполнить задание, идут в аптеку за лекарствами для бабушки. Десятки таких уроков чуткости, отзывчивости, участливости получает каждый ребенок.

Детство должно стать для ребенка естественной школой сердечности. Это одна из самых сложных и тонких воспитательных задач семьи и школы. Мы призваны облагородить сердце нового гражданина, одухотворить его порывы и желания высшей человеческой красотой — чуткостью, отзывчивостью, участливостью. С первых шагов сознательной жизни маленького человека надо помнить, что он станет не только творцом материальных и духовных ценностей, но и сыном престарелых родителей, мужем, отцом.

Семья и школа, 1965, № 3.

ТАЙНИКИ ПЕРЕГРУЗКИ

Нам представляется чрезвычайно большим пороком духовной жизни школьников среднего и особенно старшего возраста то, что они лишены великого блага — свободного времени, необходимого для всестороннего развития, формирования интеллектуальных, эстетических инте-

ресов и запросов. Да и программные знания, по существу, не используются для всестороннего развития — и прежде всего для развития умственного. По мере приобретения все новых и новых знаний учиться детям становится не легче, а труднее.

Многие учителя считают главным злом несовершенство программ и учебников, перегрузку отдельных предметов второстепенным, излишним материалом. Все это действительно есть, но основная причина всех бед в другом. Корень зла — в самом процессе обучения. Знания — понятие широкое, многогранное. Оно включает в себя, во-первых, постоянное сохранение в памяти обобщающих истин (правил, определений, зависимостей и т. д.), которые часто применяются в практической деятельности и при овладении новыми знаниями; во-вторых — понимание общих закономерностей, являющихся как бы источником для обобщающих истин. Эти две стороны усвоения знаний взаимосвязаны, но требуют различной умственной деятельности.

Плохо то, что материал, который должен осмысливаться как источник обобщения, ученики заучивают. В связи с этим память настолько перегружается, что в голове ученика не может сохраниться и тот материал, который надо обязательно запомнить, чтобы успешно учиться дальше.

Например, на уроке истории в VII классе изучается тема «Нидерландская буржуазная революция», на уроке физики — тема «Единицы измерения теплоты — калория и килокалория». И в том, и в другом случаях необходимо глубокое понимание причинно-следственных связей, и, конечно, запоминание. Но если на уроке физики конечной целью является прочное сохранение в памяти единиц измерения количества теплоты, запоминание и сохранение в памяти числовых зависимостей, то конечная цель изучения Нидерландской революции совсем иная.

При изучении Нидерландской буржуазной революции решающее значение имеет понимание ряда закономерностей, связанных с многими историческими явлениями, как бы отвлеченными от данного конкретного события. Такими закономерностями являются зарождение элементов капиталистического способа производства в недрах феодализма, повышение производительности труда и усиление эксплуатации на мануфактурах, использование

буржуазией недовольства народных масс для борьбы с феодальным строем в своих классовых интересах и др. Чем глубже раскрыл учитель эти закономерности на живых фактах Нидерландской революции, тем меньше необходимость в запоминании всех фактов, деталей, подробностей. Понятия о перечисленных выше закономерностях сохраняются в памяти без заучивания, по самой логике, они таковы, что их невозможно не запомнить.

Ученик запоминает, что совершенствование средств производства в эксплуататорском обществе ведет к усилению эксплуатации, как запоминает он, например, то, что углерод воздуха при помощи солнечных лучей преобразуется в листьях растения в органическое вещество. Все это сохраняется в памяти без заучивания, достаточно только глубоко понять и осмыслить причинно-следственные связи между явлениями. Но для того, чтобы хранить в памяти единицы измерения количества теплоты, недостаточно одного понимания, здесь нужна специальная работа — заучивание.

После Нидерландской буржуазной революции ученику приходится изучать многие буржуазные революции, и каждый раз знание перечисленных выше закономерностей углубляется, если учитель не ставит целью заучивание материала о каждой конкретной революции. И чем глубже знание общих закономерностей, тем больше ориентируется ученик в конкретных фактах, тем больше он знает их, но знает без заучивания. Благодаря этому ученику тем легче учиться, чем больше он знает.

Опытные преподаватели стремятся не допустить, чтобы ученики в ответах воспроизводили то, что рассказывал учитель, и то, что они читали в учебнике. Проверка знаний у них представляет собой не механическое повторение изученного, а углубленный анализ фактов, раскрытие новых причинно-следственных связей между явлениями.

Если, например, при изучении темы «Падение крепостного права в России» учитель рассказывал о фактах и закономерностях исторического процесса, то ни один ответ ученика при проверке знаний на обобщающих уроках не представляет собой воспроизведения того, что слышал, а потом читали ученики. Вот отдельные вопросы, на которые отвечали на уроках преподавателя истории А. С. Грищенко:

«Почему невозможно было дальнейшее сохранение крепостного права в России? Что произошло бы в стране, если бы царизм и дальше не освобождал крестьян от крепостной зависимости? Как развивалось бы при этом производство? Какие общественные силы и группы были заинтересованы в сохранении крепостного права, а какие — в его ликвидации? Почему? Какой можно сделать вывод о месте той или иной социальной группы в общественной борьбе на основе отношения их к вопросу об освобождении крестьян? Почему после реформы в России сохранились остатки крепостничества, кто был заинтересован в их сохранении? Позиции каких классов усиливались в связи с реформой 1861 года? Почему? По какому пути пошло бы развитие капитализма в сельском хозяйстве в России, если бы не было сохранено крупное помещичье землевладение? Как понимать слова Некрасова: «Порвалась цепь великая, порвалась и ударила одним концом по барину, другим — по мужику»? Знание выражается в данном случае не в простом воспроизведении фактов и закономерностей, а в анализе, сравнении. Характерной чертой сформулированных выше вопросов является наличие предположения. Это очень ценный прием, побуждающий к размышлению.

При таком овладении знаниями трудность работы ученика не определяется количеством страниц учебника: он может прочитать и три страницы, и десять страниц, но увеличение количества материала не ведет к перегрузке памяти. Читая, ученик не ставит перед собой цель запомнить, он стремится как можно глубже понять. И чем глубже он понимает, тем лучше запоминает материал. Углубленное проникновение в сущность материала, исключаящее механическое запоминание, зубрежку, — все это воспитывает у ребят любовь к учению. Причем очень важным стимулом является интерес к самой сущности, к содержанию материала.

Много возможностей для облегчения умственного труда таким же образом открывается при изучении литературы. Лучшие преподаватели предмета учитывают, что **знать литературу** — это совершенно особое понятие. В знании литературы на первое место выдвигается понимание идейных и эстетических критериев ценности художественного произведения, глубоко личное эмоционально-нравственное отношение к эстетическим ценностям. Препода-

ватели литературы старших классов нашей школы никогда не допускают, чтобы ученики читали по учебнику о художественном произведении до знакомства с первоисточником, т. е. самим произведением. Это было бы равносильно тому, как если бы человек стал читать о музыке, надеясь постичь ее красоту, не услышав ни одного звука музыкального произведения. Только когда в сознании учеников сложится представление о художественных образах произведения — нравственное отношение к героям, явлениям, событиям, — допускается чтение учебника. Все вопросы, обращенные к ученикам, требуют знания первоисточника.

Опыт убеждает, что лишь при таком подходе литература становится учебником жизни, знания по литературе — не запасом фактов, требующих воспроизведения, а достоянием духовной жизни.

Обычно учителя ссылаются на нехватку времени. Если с этим и можно согласиться, то лишь с той оговоркой, что время теряется иногда впустую. Нигде нет такой расточительной траты времени, как в школе, на уроках (это целая педагогическая проблема, над которой надо серьезно задуматься: расточительство, бездумная трата времени воспитывает лодырей).

На одной стороне бессмысленной траты времени я детально остановился выше — это заучивание того, что не надо заучивать. Другая заключается в неправильном использовании времени, отводимого на овладение знаниями, которые надо прочно хранить в памяти. Так, при изучении грамматики многие учителя сразу же после того, как правило сформулировано и приведено несколько примеров, заставляют заучивать правила. Ученики добросовестно заучивают, приводят заученные же примеры, а пишут неграмотно. Здесь игнорируется специфика знаний по грамматике и — что особенно недопустимо — специфика перехода от осмысливания фактов до запоминания обобщения (правила). Знать грамматику — это не значит всегда помнить правила. Известно, что грамотные люди забывают правила, но все же они знают их. Знать грамматическое правило — значит осмыслить его на многочисленных фактах живой речи, притом не сразу, не на одном уроке, а постепенно.

Знание и сохранение в памяти правила (в течение более или менее продолжительного времени) зависят от

того, каким путем оно запомнилось: сразу ли заучено после того, как учитель сформулировал его и привел примеры, или постепенно, в течение продолжительного времени. Если правило заучено без осмысления достаточного количества фактов, ученик может помнить его, но не будет знать, а поэтому и помнить будет не твердо. Многолетний опыт убедил нас в том, что запоминание грамматического правила должно происходить постепенно, и чем больше фактов и явлений живой речи обобщает правило, тем продолжительнее должен быть период запоминания.

Методика обучения на уроках грамматики характеризуется одной важной особенностью, а именно тем, что изучение материала, по существу, органически сливается с развитием, углублением, постепенным закреплением знаний. В грамматике невозможно выделить на изучение каждого правила (раздела) столько-то часов и изучать это правило только в течение этого отрезка времени. (У того, кто так делает, ученики неграмотные). Возьмем для примера правило о написании безударных гласных. Изучение их начинается во II классе, продолжается семь лет, и тем не менее на эти правила ученики нередко допускают больше всего ошибок. И причина заключается в том, что заучивание правил учителя считают знанием правил.

Опытные учителя начинают не с заучивания. Ученики выполняют упражнения, целью которых является анализ фактов живой речи. Они осмысливают правила, но не заучивают его. Не допустить, чтобы ученик преждевременно заучил правило, так же важно, как и добиться понимания материала. Иногда учителю даже приходится добиться того, чтобы ученик забыл, «выбросил из головы» формулировку, которую он не понимает, и «начал сначала» — вдумался в сущность фактов живой речи.

Опыт лучших учителей убеждает: решающим условием грамотности является правильная система упражнений. Если, например, программой предусмотрено два часа на изучение разделительных твердого и мягкого знаков в I—IV классах и 3 часа — в V—VIII классах, то, как бы эффективно ни использовалось только это время, ученики грамотными не станут. Грамматика требует не такого распределения времени. Упражнения на правописание разделительных знаков надо проводить в

пачальных классах на 15—20 уроках и в V—VIII классах — на 25—30 уроках.

Материал для упражнений следует подбирать с таким расчетом, чтобы на многочисленных фактах живой речи ученики с каждым новым уроком все глубже осмысливали сущность правил и постепенно запоминали их. Для выполнения этих упражнений у нас отводится каждый раз несколько минут урока; часто примеры подбираются таким образом, что на них объясняется другой материал (например, все примеры по синтаксису насыщаются орфографическим материалом). Зная индивидуальные возможности каждого ученика, учитель дает, кроме того, отдельным из них специальные задания.

Если учесть, что грамматических правил много, что на каждое из них надо не один раз упражнять учеников, используя при этом индивидуальные задания, — станет ясно, насколько кропотлив и сложен этот труд. Никакая программа не может предусмотреть и определить, какие упражнения, когда и сколько раз надо проводить, — все это может видеть только учитель, хорошо знающий силы, способности, особенности умственного труда каждого школьника.

Запоминание, основанное на глубоком осмысливании, — это, по существу, применение знаний. Овладевая знаниями, ученик применяет их и, применяя их, ими овладевает. Умственный труд ученика становится творческим, значительно облегчается; на подготовку всех домашних заданий в старших классах идет не более полутора-двух часов. Знания не остаются мертвым багажом, они всегда в движении, в развитии. Они становятся для ученика как бы инструментом, с помощью которого он овладевает новыми знаниями.

Учительская газета, 1965, 27 июля.

ВОСПИТАНИЕ И САМОВОСПИТАНИЕ

Педагогика, как теория, так и практика воспитания, еще не уделяет достаточного внимания человеческой личности — становлению ее творческих сил и способностей, формированию идеалов, интересов, склонностей. Если недостатки в воспитании не особенно ярко бросаются в глаза, когда речь идет о малышах, то по отношению к

подросткам забвение личности может привести и нередко приводит к тяжелым последствиям.

Отрочество и ранняя юность — возраст интеллектуального, нравственного, общественного самоутверждения личности. В этом возрасте нормальное духовное развитие школьника зависит от того, насколько глубоко происходит его самоутверждение во всех сферах деятельности и отношений в коллективе — в интеллектуальной жизни, в труде, в формировании моральных убеждений. Подросток становится настоящим человеком лишь тогда, когда он научается пристально всматриваться не только в окружающий его мир, но и в самого себя, когда он стремится познать не только вещи и явления вокруг себя, но и свой внутренний мир, когда силы его души направлены на то, чтобы сделать себя лучше, совершеннее. Речь идет о самовоспитании во всех сферах духовной жизни.

Присмотримся внимательно к воспитательной работе с подростками в школах. Чем она отличается от воспитания малышей? Нередко — ничем. Подросток, как и малыш-первоклассник, часто выступает лишь в качестве объекта воспитания. Все внимание воспитателя сосредоточено на том, чтобы вложить в его голову как можно больше знаний об окружающем мире, как можно больше научных и моральных истин. Подросток много познаёт и много знает, но он не познаёт и не знает самого себя. Ведь нравственные истины становятся достоянием, богатством души лишь в том случае, если они добыты, приобретены, пережиты, если они самостоятельно превращены в личные убеждения. Учитель часто, слишком часто напоминает подростку: ты уже не маленький, задумайся над своей судьбой, над своим будущим. Но чтобы человек задумался над своим будущим, он должен что-то делать для самовоспитания, в чем-то испытывать, проверять свои силы, закалять себя. Но много ли такой самопроверки, самозакалки в его духовной жизни?

Возьмем то, что всеми педагогами считается самым сильным средством воспитания, — труд. Нельзя сказать, что подростки трудятся мало. Но стал ли этот труд самовоспитанием, самоутверждением? Свой труд они часто рассматривают лишь как обязанность.

Школа дает подростку обширные знания о человеке, об историческом пути человечества. Но в какой мере этот процесс овладения знаниями служит самовоспитанию?

Нередко учитель, излагая материал, обращается к созданию абстрактного ученика, не учитывает особенностей школьников, сидящих перед ним. И знания о человеке, которые подросток «усваивает», воспринимаются им бесстрастно, равнодушно, он с одинаковым равнодушием «усваивает» и то, что в листьях растений под действием солнечных лучей образуется органическое вещество, и то, что Томмазо Кампанелла 30 лет просидел в темнице, гордо отвергая соблазнительные предложения получить свободу и благополучие в обмен на отказ от своих убеждений.

Классный руководитель, пионерская и комсомольская организации немало заботятся о том, чтобы подростки были заняты делом, приносящим пользу людям. Но во что превращается порой для отдельных ребят эта деятельность? Опять же в повинность. Отношения с людьми, в которых подросток не утверждает себя, не чувствует, что он передает свои знания и умения другому человеку и благодаря этому сам становится лучше, тяготят мальчиков и девочек. Не потому ли равнодушно относятся многие подростки к таким «прозаическим» делам, как помощь инвалидам, старикам? Нельзя сказать, что они делают это с неохотой, но труд этот часто не оказывает облагораживающего влияния. Человек до 17—18-летнего возраста чувствует себя только воспитуемым. Его только воспитывает кто-то, а сам он никого не воспитывает. Он не воспитывает и себя, потому что не самоутверждается в многократных человеческих отношениях с другими людьми. Я глубоко убежден в том, что сделать подростка воспитателем младшего товарища — одна из самых сложных, нелегких и важных задач нравственного воспитания. Самовоспитание, строго говоря, начинается с заботы человека о другом человеке, со стремления увидеть в нем что-то хорошее, — то, что есть во мне самом.

Многие педагоги уверены, что подростков надо как можно больше «охватывать» всевозможными мероприятиями, привлекать к деятельности культурно-просветительных учреждений, спортивных организаций. Стал подросток преступником или нарушил нормы морали — все сокрушаются: мало у нас клубов, молодежных кафе, спортивных площадок и залов; вынуждены подростки собираться у подъездов — отсюда и безнадзорность, и

преступность. Такое толкование истоков зла вводит в заблуждение и семью, и общественность, и комсомол, и школу. В этом объяснении — стремление покрепче взять подростка за руку и не отпускать его от себя, боязнь того, что, оказавшись наедине с самим собой, он не устоит перед дурным примером, искушением и соблазнами.

Но можно ли считать это воспитанием? Ведь в жизни человеку нередко придется оставаться один на один со своей совестью. Подросток должен не только остерегаться, как бы зло не прилипло к нему, но и активно бороться с ним. Разве можно научить человека жить, если постоянно опасаться, как бы жизнь не оставила его наедине с трудностями. Наше стремление как можно надежнее организовать жизнь учащихся доходит подчас до абсурда. Комсомольские организации требуют, чтобы даже в выходные дни в школах был организован коллективный отдых подростков, чтобы даже в воскресенье учителя их развлекали, следили, чтобы они не попали в дурную компанию. Вся эта псевдозабота о нравственности подростка будит тревожные мысли: кого же мы воспитываем? В душе человека, которого до зрелости бояться распеленать, перекармливают удовольствиями и радостями, поселяются пустота и скука. Он не знает, куда девать время. Семья, отец, мать, братья и сестры, бабушка и бабушка, домашние обязанности — все это кажется ему будничным, серым, не стоящим внимания.

И если учителя, комсомольские организации, жалея подростка, ищут, чем бы его занять, думают, какие организовать для него воскресные развлечения, то все мы проявляем по отношению к школьнику полнейшее безразличие, так как не учим его самостоятельно и толком использовать свободное время.

Воспитание, побуждающее к самовоспитанию, — это и есть, по моему глубокому убеждению, настоящее воспитание. Учить самовоспитанию неизмеримо труднее, чем организовать воскресное времяпрепровождение; неизмеримо труднее и сложнее, чем схватить подростка за руку и не выпускать его до тех пор, пока он не вышел из стен школы, пока его не опьянил воздух, свободный от запретов и регламентаций. Только воспитание, побуждающее к самовоспитанию, может решить эту трудную проблему. В этом убеждает многолетний опыт воспитательной работы в школе, где я работал почти четверть века.

С чего и когда начинать самовоспитание? «Победить самого себя — самая нелегкая победа», — гласит старинная мудрость. С этого и начинается познание себя, начинается самовоспитание. Начинать учить человека саморганизации, умению, если это требуется, «заставить себя» надо в детстве и раннем отрочестве, в возрасте от 7 до 10—11 лет. Если же этот период упущен, в дальнейшем неизбежно встанет проблема перевоспитания.

В детстве и раннем отрочестве школьник воспринимчив к советам старших, он с интересом делает то, что полезно, нужно, необходимо; начинает наблюдать за собой, различать и оценивать в себе хорошее и плохое. Педагог советует мальчикам и девочкам: поднимайтесь рано утром, не позже шести часов, а летом — в пять часов, делайте утреннюю гимнастику, работайте два часа в это утреннее время — и умственно, над книгой, и физически, в саду, — поливайте деревья, ухаживайте за цветами. Дети приходят в школу и рассказывают — кто чего сумел добиться: одному удастся «заставить себя», другому не удастся. Постепенно в победе над своими слабостями — ленью, нерадивостью — дети начинают видеть известную волевою доблесть, они увлечены делом, которое поначалу кажется игрой. На нашем школьном участке у каждого ученика есть деревья, которые летом надо несколько раз полить. Классные руководители не назначают времени, когда надо выполнить эту работу. Каждый приходит тогда, когда найдет нужным. Тем не менее школьники с большим интересом относятся к этому самостоятельному труду.

Очень важное место в самовоспитании занимает физическая зарядка. У каждого ученика дома есть душ; надо заставить себя подняться на рассвете, принять душ, причем делать это надо ежедневно. Тот, кто живет вблизи пруда, — купается. Зимой мальчики и девочки 9—10 лет учатся обтирать тело снегом. Это дело не простое, надо много упорства и силы воли, чтобы регулярно выполнять эту процедуру. И если бы учитель просто заставлял ребят, ничего не вышло бы. Многие обманывали бы его, уверяли, что они делают все, что от них требуется, а на самом деле нежились бы в постелях. Все дело в том, что надо заставить самого себя. Ребята откровенно рассказывают, кому что удастся. Тот, кто никак не решится набрать в ведро снега, снять рубашку, растереть

тело холодными хлопьями, — обращается за помощью. Это исключительно важная сторона самовоспитания, самодисциплины.

Дисциплина труда, режим дня, физическая закалка, укрепление здоровья — все это сферы духовной жизни и по мере приближения человека к возрасту ранней юности они все прочнее входят в самовоспитание. Если в детстве человек пережил удовлетворение от того, что ему удалось преодолеть свои слабости, он начинает критически относиться к себе. А с этого и начинается то познание самого себя, без которого не может быть ни самовоспитания, ни самодисциплины. Как бы хорошо ни усвоил, ни запомнил, ни понял маленький человек, что лень — это плохо, но если это чувство не заставило его взять себя в руки, никогда он не станет человеком сильной воли.

Мы не проводим утренней гимнастики в школе — каждый делает зарядку, обтирается снегом или водой, принимает душ только дома. В этом деле между мальчиками и девочками уже в 10—11-летнем возрасте начинается молчаливое соревнование. В этой сфере — в умении заставить себя — надо прежде всего развить соревнование.

В 7—8-летнем возрасте каждый ученик сажает в школьном саду дерево. Оно сажается в память о дорогом человеке, причем каждый делает это индивидуально. С первого взгляда кажется, что здесь игнорируется роль коллективного труда, его воспитательная сила. На самом же деле это подлинно коллективный труд. Каждый организует себя не только потому, что чувствует отвращение к лени, но и потому, что не хочет, чтобы другие считали его безвольным. Уход за деревьями длится лет пять-шесть. На четвертом или пятом году обучения каждый ученик сажает еще одно дерево и ухаживает за ним до окончания школы. Это коллективный сад, поэтому трудиться обязан каждый ученик. Никто тебя не будет заставлять работать, работай сам по совести — эта мысль внушается всем укладом взаимоотношений в коллективе. Никто не напоминает подростку, что его труд всегда на виду у товарищей, он и сам это чувствует.

И если на какое-то время лень берет верх, товарищи прямо назовут подростка лодырем, бездельником. Порицают и высмеивают они не просто лень, а слабоволие,

нежелание преодолеть свои слабости, взять себя в руки. К такой нравственной оценке личности особенно чувствителен подросток: он как бы видит себя глазами других людей. В этом и заключается сущность того познания самого себя, которое играет столь важную роль в самутверждении. Не может быть и речи о познании каждым подростком самого себя, если в коллективе нет высокой требовательности, общественной оценки его нравственного облика, труда, поведения.

Очень богатые возможности для самовоспитания открывает умственный труд, учение. Уже в IV—V классах мы побуждаем учеников к значительному волевому усилию: «Попробуй заставить себя выполнить все домашние задания с шести до восьми утра, — советует учитель, — ты убедишься, как это облегчит твой умственный труд, даст много свободного времени». Постепенно подростки убеждаются: занятия в утренние часы неизмеримо плодотворнее, чем после уроков. За один час утром можно сделать столько, сколько не сделаешь и за три часа днем.

Но дело не только в этом. То, что день школьника начинается с труда, что он заставляет себя его выполнять, отчитывается в этом перед своей совестью, играет исключительно важную роль в нравственном воспитании. Они учатся ценить время, дорожат свободными минутами. Лишь тот, кто уже в годы отрочества познал радость труда, пережил гордость и удовлетворение от того, что ему удалось заставить себя работать регулярно, дорожит свободным временем и умеет его использовать. Не просто труд, но самовоспитание в труде — главное лекарство от бездумного времяпрепровождения.

Не один год меня беспокоит, почему подростки с таким нежеланием читают интересные книги — научные, художественные, почему их увлекает лишь легкое чтение — приключенческая беллетристика, однодневные мотыльки, не оставляющие никакого следа. Я убедился, что подростки часто не знают, что такое подлинное чтение — вдумчивое проникновение в смысл прочитанного, игра умственных сил, наслаждение художественными ценностями. Одна из причин духовной пустоты — отсутствие подлинного чтения, которое захватывает ум и сердце, вызывает раздумья об окружающем мире и о самом себе, заставляет всматриваться, вдумываться в сложности человеческой души, думать над своей судьбой, над

будущим. Как сделать умную и красивую книгу средством самовоспитания? Как добиваться, чтобы ученика привлекали не только магнитофон и радиола, не только танцплощадка и кино, а и умные, красивые книги? Подростков надо учить читать, и мы создали «комнату мысли», в которой собрано несколько сот самых умных и самых красивых книг. В этой комнате поставили шкаф с книгами о жизни замечательных людей, о выдающихся борцах за свободу и счастье народа, о мужестве и духовной непоколебимости людей, которые предпочли смерть, мучения, долгие годы тюрьмы отказу от истины, — о Томмазо Кампанелле и Александре Ульянове, о Юлиусе Фучике и Камо, о Мусе Джалиле и генерале Карбышеве. Книги о таких людях — энциклопедия самовоспитания юношества. Без идеала нет стержня человеческой личности, а идеальное ярче всего отражено и запечатлено в книгах. Самовоспитание — это сравнение, измерение самого себя известной меркой. И очень важно, чтобы единицей измерения стала жизнь мужественных людей.

Рассказывая о жизни Александра Ульянова и Томмазо Кампанеллы, учитель показывает школьникам книги, из которых можно узнать много интересного об их жизни. Цель была достигнута — подростки с увлечением читали эти книги. Читальный зал постепенно становился очагом полнокровной духовной жизни, у ребят появились специальные тетради и записные книжки, где каждый откровенно разговаривал с самим собой. Это очень важная ступенька самовоспитания, на нее поднимается лишь тот, кто увидел в нравственных богатствах человечества образец для себя, у кого возникло горячее желание взять для себя что-то из ценностей, добытых, завоеванных, выстраданных человечеством.

Море книг окружает школьника, много тысяч. Одни из них абсолютно нейтральны — в них нет ничего ни для ума, ни для сердца. Другие — просто вредны. Доказано, что самый усердный читатель за всю свою жизнь может прочитать не больше двух тысяч книг. Как требовательно и строго надо отбирать эти книги, как умело указывать юношеству путь к ним. Прежде чем подросток найдет книгу, чтение которой становится целым этапом, как бы поворотным пунктом в его жизни, с каждым надо говорить отдельно. Это — нелегкий труд. В педагогическом коллективе нередко приходится преодолевать равнодушие,

инертность. Нельзя просто ждать встречи подростка с «его» книгой, надо стремиться раскрыть ее подлинную красоту — лишь тогда произойдет эта встреча.

Изучая интересы, склонности, способности подростков, педагоги советуют им читать научно-популярную литературу. Главное в том, чтобы чтение постепенно стало интеллектуальной потребностью, пробуждало чувство радости познания. Мы считаем, что не нашли тропинки к сердцу ученика, если он не пристрастился к чтению научной литературы. После того как прочитано несколько книг в читальном зале, после того как школьник почувствовал радость познания, он берет книги для самостоятельного чтения.

Труд принято называть великим воспитателем. Но он становится могучей воспитательной силой лишь при условии, что человек утверждает себя в труде, познает свои силы, способности, дарования. Труд становится подлинным воспитателем лишь в том случае, если он стал для человека любимым. Как важно, чтобы в подростковом возрасте среди множества видов деятельности каждый нашел как раз ту тропинку, идя по которой он найдет свое счастье. Чувство личного достоинства, чести, являющееся как бы духовным стержнем личности, приобретается благодаря тому, что человек видит сам себя — свое мастерство, творчество — в результатах своего труда. Мы добиваемся, чтобы каждый подросток нашел себя в труде. В школе сейчас 540 ребят. Для них мы создали десятки уголков любимого труда, где каждый может заниматься интересным делом, испытать свои силы, способности. Эти уголки — в мастерских и рабочих комнатах, в теплицах и в плодовом саду, на школьной пасеке и на животноводческой ферме колхоза, в биологическом и агрохимическом кабинете, в радиолaborатории, в школьной бригаде юных механизаторов.

Важно, чтобы у каждого подростка было ежедневно несколько часов свободного времени, которое он мог бы по своему желанию и выбору использовать для поисков любимого дела. Почему, закончив школу и поступив на работу, юноша томится, не зная, куда девать свободное время? Потому что в школьные годы у него не было свободного времени, он не понял, не почувствовал, что время — огромное благо, дающее человеку духовные богатства. Самое нелегкое дело нашего коллектива — борьба за

целесообразное использование подростками, юношами и девушками своего свободного времени. Сколько усилий приходится прилагать к тому, чтобы ребята привыкли готовить уроки рано утром, чтобы вторая половина дня была у них свободной. Но это не безделье, это период напряженного труда и для учащихся, и для нас, воспитателей. Лень и разболтанность — самые страшные враги юности.

В руководстве процессом самовоспитания самая главная трудность, от которой хотелось бы предостеречь молодых учителей и руководителей школ, — нарочитость, искусственность воздействия. С большим трудом приходится добиваться, чтобы подросток не почувствовал, что его куда-либо вовлекают с определенной целью. В каждой мастерской, рабочей комнате, в теплице, на учебно-опытном участке учащиеся выполняют трудовую задачу, требующую продолжительного времени. Например, в слесарной мастерской они делают сеялку для учебно-опытного участка. Учитель дает задание на весь период от начала до завершения работы. Он проверяет правильность обработки деталей; ребята обращаются к нему за помощью. Однако работают они совершенно самостоятельно. Радость трудового успеха делает подростка сознательным, самостоятельным, излечивает от детской беспомощности и потребительских настроений. Воспитать душу школьника — значит добиться, чтобы каждый вложил свою энергию, ум, волю, изобретательность в материальные результаты труда, увидел себя в творении своих рук, своей мысли. Нас очень тревожит судьба учащегося, который к 13—14-летнему возрасту не пережил чувства удовлетворения от собственного труда. Это — корень человеческого достоинства, это вместе с тем и источник требовательности к себе. Лишь тому хочется стать лучше, кто уже пережил радость успеха.

В школе есть еще несколько уголков, в которых воспитывается увлеченность, одержимость. Это — уголок трудных дел, малой механизации, селекции и генетики. Без страстной увлеченности любимым делом, без творческого труда, в котором человек забывает о времени, мы не представляем себе формирования личности подростка.

Назову еще одну сферу духовной жизни школьников, в которой ярко проявляется самовоспитание. Это забота о другом человеке, работа, в которой подросток отдает

другому человеку частицу своего труда, ума, силы воли, знаний, мастерства. Начинается это с малого — старшие чем-то помогают малышам. Педагог говорит семиклассникам: «Вы изучаете французский язык, а маленькие дети — второклассники и третьеклассники — тоже хотят научиться говорить по-французски. Может быть, кто-нибудь из вас возьмется за это дело?» Находятся десять желающих иметь несколько учеников. Через две-три недели трое «учителей» отпадают, остальные семь с каждым днем все больше увлекаются интересным делом, радуются успеху маленьких питомцев. Семиклассники принимают близко к сердцу тревоги и волнения малышей, становятся их друзьями. Они заботятся уже не только о том, чтобы подопечные запомнили слова и правильно произносили фразы, но их волнует успеваемость «учеников». Им хочется, чтобы стал лучше тот маленький человек, в котором они уже оставили что-то свое. Это желание — один из важнейших истоков самовоспитания. Искусство и мастерство воспитания заключается, по моему глубокому убеждению, в том, чтобы у каждого подростка это стало духовной потребностью. Только если подросток увидел в другом человеке частицу своей духовной красоты, он начинает по-настоящему воспитывать себя.

Дружба с малышами — очень важная сторона воспитания нравственного самосознания. Мы добиваемся, чтобы в ее основе были индивидуальные увлечения, чтобы свою увлеченность книгой, творческим трудом подросток передавал другим ребятам. Вокруг подростков, увлеченных трудом в мастерских, в лабораториях, в рабочих комнатах, создаются группы ребят, которым тоже хочется заниматься интересными делами. Так возникают детские технические и сельскохозяйственные кружки, руководители которых — сами школьники. Особенно привлекает детей труд в кружках юных механизаторов. Подросткам самим, как и детям, хочется играть, но они уже стремятся приблизить игру к настоящему труду. Вместе они запускают и останавливают маленький двигатель, управляют игрушечным автомобилем, с увлечением монтируют модель электрической железной дороги. Во всех этих делах труд сочетается с игрой, подросток чувствует себя старшим, малыши ждут от него ответа на многочисленные вопросы. Между детьми устанавливаются интересные отношения: это и дружба равных и забота старшего

о младших. Подростку хочется, чтобы в игре и в труде перед маленькими детьми всегда открывалось что-то новое, захватывающее, это побуждает его постоянно учиться, овладевать новыми знаниями и умениями.

Отрочество и раннюю юность называют трудным возрастом. В этот период бурного развития — физического, умственного, нравственного — перед воспитателем возникает много трудностей. Преодолеть их можно лишь в том случае, если воспитание сольется с самовоспитанием.

Советская педагогика, 1965, № 12.

НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Тридцать один год работаю я в сельской школе. Уже лет пятнадцать каждую осень, когда матери и отцы приводят своих малышей, я вновь и вновь переживаю волнующие чувства: ведь родители моих новых питомцев — мои бывшие ученики; в зрелых людях я узнаю мальчишек и девчонок, сидевших за теми же партами, за которые садятся их дети. Новые мои питомцы — это не какие-то совершенно незнакомые дети. Я узнаю в них черты бывших своих воспитанников. Сравниваю их, каждый раз задумываюсь: как повторили себя родители в своих детях, что вложили они в юные сердца из тех умственных, нравственных, эстетических богатств, которые мы, учителя, вкладывали в их сердца в тридцатые, сороковые, пятидесятые годы? Что прибавили нового, что сумели взять от изумительно богатой, многогранной жизни? На сколько ступенек выше по сравнению со своими отцами и матерями поднялись дети в своем духовном развитии, что принесут они в жизнь через десять лет, окончив школу? Передается ли от поколения к поколению все лучшее, созданное, добытое, завоеванное, выстраданное трудовым народом?

В наши дни неизмеримо возрастает роль педагогов во всех сферах воспитания — идейной и политической, нравственной, эстетической и физической. Специальность педагога — быть воспитателем. Эти слова Макаренко выражают принципиальное требование слить воедино обучение и воспитание в школе.

В настоящей статье речь пойдет главным образом о некоторых вопросах воспитания у детей любви к труду,

Многолетняя практика показывает, что идейно-политическое воспитание в школе так же, как и воспитание трудолюбия, невозможно без тесной повседневной связи с жизнью трудового народа. Долг народного учителя заключается в том, чтобы юношество жило идеалами народа, чтобы время школьного обучения измерялось не только учебными четвертями, полугодиями, семестрами, но и теми историческими задачами, которые решает страна.

В идейно-политическом воспитании учащегося самое главное — воспитание политической активности молодежи. Мудрость воспитания пионеров и комсомольцев заключается в том, чтобы каждый школьный коллектив чувствовал себя участником борьбы за коммунизм — борьбы хозяйственной, идеологической, политической. Если молодой человек вкладывает свою душу в коллективный труд, создающий материально-техническую базу коммунизма, если его волнуют коммунистические идеи, то марксистско-ленинское мировоззрение становится для него близким, родным.

* * *

Лет восемь назад привел в школу своего первенца известный во всем районе человек, колхозный механизатор.

— Принимайте пополнение,— сказал он, волнуясь.

Я вспомнил его трудное детство. Шли последние недели войны... Четырнадцатилетний Дмитрий окончил седьмой класс, и вот уже в апреле сорок пятого года пришла похоронная: под Берлином убит отец. Не дождавшись окончания учебного года, пошел Дмитрий на курсы трактористов. Какие тогда были курсы? Три недели поучился — и садись на трактор, доучивайся в борозде. «Надо работать,— сказал Дмитрий,— ведь дома еще трое детей. Я самый старший...» Помню трудную осень сорок пятого года. В тихое сентябрьское утро пошел я в поле к трактористам. Из-за леса доносился ровный гул мотора. Вдруг слышу — взрыв. Напарника убило на месте, а Дмитрий был ранен: щедро начинила война землю минами, снарядами... За три года еще два раза попадал трактор Дмитрия на мины, еще два раза пролилась кровь юноши...

Как хотелось ему закончить среднюю школу! В те годы вечерних классов в селе еще не было, и Дмитрий возил с собой на тракторе учебники и тетради. Даже ящичек сделал специально для учебных пособий. Вечерами приходил на консультации к учителям. И добился своего: школу закончил, сдал экзамены вместе со своими ровесниками.

А теперь вот он привел сына. Прошли недели, месяцы, годы... Младший Дмитрий уже в пятом, в шестом классе... Я с большой тревогой думаю: почему отец учился так старательно, с такой настойчивостью стремился овладеть знаниями, почему в его душе никогда не угасала жажда знания, а у младшего Дмитрия этого нет? Почему мальчика тяготит выполнение заданий? Как же это получается? Ведь родители не только должны повторять себя в детях, но и прибавлять что-то новое, хорошее.

Беседуя с Дмитрием Ивановичем, вспоминаем годы его школьной жизни, размышляем, ищем ответ на вопросы, которые не дают покоя ни мне — учителю, ни ему — отцу. И возникает мысль, не является ли это результатом того, что и Дмитрий-младший, и его сверстники слишком ограждаются от повседневных трудовых забот. И не в том ли задача народного учителя, чтобы вместе с родителями вдохнуть в юные сердца любовь к труду, к знаниям, к интеллектуальным, эстетическим, нравственным ценностям, созданным человечеством?

Быть народным учителем не значит пойти раз в неделю к колхозникам в поле или на ферму, прочитать лекцию или провести беседу. Нет, в этом звании более глубокий смысл. Оно требует по крупницам собирать, хранить, развивать, умножать все, что создал, утвердил, завоевал, выстрадал трудовой народ, передавать как святыню из сердца в сердце, от поколения к поколению.

Мы идем с Дмитрием Ивановичем в поле, идем вместе с пионерским отрядом, в котором Дмитрий-младший. Вот он, маленький лесок, вот поле, на котором трижды гремели взрывы мин, трижды орошалась кровью земля, трижды приходила смерть уже через несколько лет после окончания войны. Снимите шапки, юные ленинцы, перед этим священным местом! Эта земля — ваше наследие. Вы получаете ее из рук отцов, вы должны знать, какие неисчислимые жертвы принес народ, чтобы отстоять эту землю от вражеского нашествия, освободить от

порабощения. Вы должны переживать великое счастье труда на этой земле. Знайте, что никакие блага, никакие радости не даются легко. Только на трудном, тернистом пути познается счастье. Вы должны оставить свой след на земле, сделать эту частицу своей великой Родины богаче и краше, чем она была и есть.

Мы идем дальше. Вот заросший кустарником овраг у дороги; нива, прилегающая к оврагу, изрыта потоками дождевой воды, там, где раньше когда-то был метровый слой плодородного чернозема, сейчас желтеет глина. А ведь этот овраг — тоже священный уголок нашей земли: здесь в черные дни фашистской оккупации гитлеровцы расстреляли четырех советских партизан. Их останки перенесены в братскую могилу. Но остался еле приметный холмик. Здесь они сами копали себе яму под дулами фашистских автоматов. Разве можно спокойно смотреть, как это священное место разрушается эрозией, покрывается сорняками?

Дмитрий-младший как будто впервые увидел своего отца. В его глазах не только огонек гордости, но и беспокойство, и задумчивость. Заботы и тревоги, радости и печали, труд народный — вот что вносит в сознание ребенка зрелость, взрослость. Идеалы живут и передаются из поколения в поколение лишь потому, что народ трудится, в труде воссоздает вновь и вновь свои материальные и нравственные богатства. И нет для учителя более важной и более трудной задачи, чем утверждение в своих питомцах духа созидания, духа преемственности поколений.

Мы пришли всем отрядом на то место, где пролилась кровь советских патриотов. Пионеры дали слово восстановить плодородие этих двух гектаров, ставших пустырем, заросшим сорняками. Решение это будет выполнением их первой гражданской обязанности перед страной. Это будет памятник землякам, погибшим за то, чтобы мы жили, видели солнце и лазурное небо, свободно трудились на свободной земле.

Начинается нелегкий, длительный труд. Колхоз дает трактор, прицеп, мы идем с лопатами в долину, где весенние воды десятилетиями откладывают ил. Копаем, грузим на прицеп, возим на нашу ниву. Но вот трактор ушел в поле, а до окончания работы еще очень далеко. Мы носим плодородный ил маленькими корзинками.

Я вижу, как нелегко Дмитрию-младшему и его сверстникам — шпионерам пятого класса — совмещать занятия в школе с работой на ниве. Они узнают, что такое усталость, мозоли, соленый пот трудового дня.

Прошел год, второй — видим первые результаты. Вместо канав и рытвин — плодородная, надежно защищенная зелеными насаждениями от размыва почва. После двадцатилетнего перерыва впервые здесь сеют пшеницу. Сеем мы сами, и для детей становятся незабываемым праздником эти часы труда. Их сердца взволнованы первой радостью созидания. Это самое глубокое, самое нужное для детей гражданское чувство. Без него никакие слова, никакие разъяснения и поучения не могут оказать влияния на юные сердца.

Проходит еще год, дети становятся подростками. Дмитрий-младший все больше похож на отца не только внешними чертами, но и той зрелостью, взрослостью, которые я помню в его отце в том же возрасте. Не прекращается работа на ниве: мы продолжаем возить плодородный ил, укрепляем склоны оврага, сажаем деревья. Мы с Дмитрием Ивановичем всматриваемся не только в труд подростков, но и в их души. Мы счастливы: душами наших детей овладевают забота и беспокойство об общественных интересах. Общественное становится личным.

Три десятилетия постоянного общения с трудовым народом открыли передо мной главнейшую, на мой взгляд, педагогическую истину: чтобы из поколения в поколение становилась все прочнее нить революционных идей, связывающая предков и потомков, отцов и сыновей в единую плоть, в единую душу, в единое сердце народа, надо укреплять эту непреходящую нить общим трудом поколений, надо воспитывать так, чтобы сын продолжал дело, начатое отцом, передавал эстафету своего труда детям. В этой истине вся сущность того гражданского воспитания, которое является важнейшей задачей школы и семьи.

В воспитании гражданина — средоточие, сердцевина воспитания коммунистической сознательности, патристической верности высоким идеалам советского народа, подлинного трудолюбия, непримиримости к отступлениям, от норм коммунистической нравственности. Первый долг народного учителя — чтобы с малых лет каждый

наш питомец чувствовал себя не только наследником, хозяином материальных и духовных благ, созданных старшими поколениями, но и создателем, строителем, творцом, ответственным за то, что он получает от старших.

Зачатки важнейшего идеала трудового народа — созидание во имя счастья всех, труд во имя общего блага — закладываются именно в годы детства и отрочества, в том возрасте, когда мысль, убеждение доходят до сознания через сердце, через переживания, чувства. Если в детстве и отрочестве человек переживал заботу об общественных интересах, если общее стало для него глубоко личным — он к зрелым годам станет настоящим патриотом. Идеалы народа живут в его делах — в труде, в борьбе за торжество подлинно человеческой красоты, которая является коммунистической нравственностью.

Человек труда не любит словозлияний об идеалах. Я глубоко убежден, что дух подлинно народного воспитания в том и заключается, чтобы к высоким словам проявлялась исключительная бережливость и осторожность. У нас есть святые слова, есть высокие, благородные идеалы. И если мы будем помнить их все, если будем на каждом шагу и по каждому поводу клясться нашими идеалами, то великое и святое может легко превратиться для наших питомцев в погремушку, в пустой звук. Пустозвонство и пустословие как ржавчина разъедают юную душу, опустошают сердце, отравляют разум ядом демагогии. Это особенно пужно помнить нам, воспитателям. Глубоко ошибаются те, кто считает, что для воспитания в духе морального кодекса строителя коммунизма достаточно вывесить красиво оформленные тексты наших нравственных норм и еженедельно проводить беседы о них. Я, может быть, раз в год говорю детям о том, что они юные строители коммунизма. А все дела, вся педагогика подчинены этому — воспитанию активных борцов за коммунизм.

Труд начинается с малого. Маленькие, семилетние дети переступили порог школы. Какими общественными интересами можно их воодушевить?

Когда я на одном собрании рассказал, как 7—8-летние дети помогают закладывать полезащитные лесополосы, мой товарищ, уважаемый педагог-теоретик, заметил скептически: разве можно маленьких детей, учени-

ков I—II классов, вовлекать в подобные дела? Да и дело-то — борьба против эрозии почвы — не столь значительно, все это мелочи, крохоборство какое-то... Я никогда не соглашусь с подобной точкой зрения! Ведь смысл народного воспитания в том, что уже пятилетний ребенок в настоящей трудовой семье чувствует себя помощником старших. Понятнее трудиться для него означает постигать красоту и радость жизни.

И для педагогической теории, и для практики учебно-воспитательного процесса очень важно правильное понимание политехнического обучения. Ленинское учение о политехническом образовании молодежи требует ознакомления школьников с основными отраслями и принципами производства на широкой основе научно-образовательных знаний. Жизнь с каждым годом подтверждает мудрость и прозорливость ленинского учения. Жизнь вместе с тем наказывает за прожектерство. Знания о производстве, практические умения — все это не какой-то придаток к теоретическому образованию, а его органическая составная часть. Мы живем в такое время, когда понятие *знать* во многих случаях включает в себя понятие *уметь*. В связи с этим необходимо предостеречь от непродуманного шараханья от одной крайности к другой: кое-кому кажется, что, если сейчас подчеркивается важность глубоких знаний, значит, можно забыть о труде. Жизнь подвергла критике необоснованную, непродуманную идею механического соединения общего и профессионального образования, она же требует единства теории и практики, знаний и умения.

Я глубоко убежден в том, что если каждое новое поколение, воспитывающееся в школе, должно подняться в своем нравственном развитии на несколько ступенек выше, чем его родители, то количество пройденных ступенек зависит от того, в чем будут видеть наши питомцы главную радость. Если единственным источником детских радостей останется потребление, если радости детства будут открываться перед нашими питомцами лишь в том, что они получают от старших поколений, — никакого движения вверх по этой лестнице нравственного развития не будет. Народность воспитания, особенно в наши дни, в период развернутого строительства коммунизма, заключается в том, чтобы уже в детстве каждый будущий граж-

дании почувствовал, пережил радость труда, радость творчества, радость созидания.

Вот дети засеяли небольшой участок. Проходит лето, они собирают свой первый урожай, очищают зерно на маленьких зерноочистительных машинах, созданных их старшими товарищами. Мы, взрослые, помогаем им перемолоть зерно, испечь первый хлеб, и вот у детей незабываемый день — Праздник первого хлеба. Они приглашают родителей, угощают их хлебом, выращенным собственными руками. Этот праздник — торжество народной идеи труда, труда пелегкого, но радостного, создающего жизнь, без которого невозможно представить честь, достоинство, личное благополучие человека. Вместе с тем этот праздник является и личной радостью, своим делом каждого ребенка.

Это отношение к труду мы стремимся сохранить во все годы воспитания человека. Самое важное здесь — чтобы дети чувствовали биение сердца своего народа, жили его тревогами, радостями, надеждами. Особенно важную роль играют трудовые заботы в жизни подростков, юношей и девушек. Я много слышу и читаю о трудностях воспитания подростков и часто недоумеваю: разве можно воспитывать юношество одними только радостями потребления, как это, к сожалению, бывает? Результаты такого воспитания нередко плачевны: подросток попадает в дурную компанию, кто-то сбивает его с правильного пути... Откуда эти дурные компании, откуда нежелательный кто-то? Истоки этих нежелательных явлений в забвении важнейшего: настоящим человеком вырастет тот, кто трудится на общее благо, у кого душа одухотворена ясной, благородной, возвышенной целью. Если же душа пуста, человек вырастает как сорняк, как былинка перед злыми ударами холодных ветров: куда они подуют, туда она и клонится. Некоторые родители, учителя, комсомольские работники ломают головы над вопросом: чем бы увлечь подростка в свободное время? В какой клуб или спортивный зал ему пойти? Где провести вечер? И клуб и спортивный зал должны быть, но это не может наполнить юное сердце и разум раздумьями о будущем — своем, своей семье, своей Родине.

Идеалы народного воспитания требуют, чтобы 12—13-летний подросток уже оглядывал мысленным взором свой пусть еще небольшой жизненный путь и с гордо-

стью думал: вот плоды и моего труда, это я лично сделал для общества. Нива, возрожденная к жизни трудом моего коллектива, плодоносящее дерево, которое я посадил маленьким саженцем. (Я говорю о том, что ближе сельскому школьнику. Но и в городе не меньше, если не больше возможностей для самоутверждения юной личности в созидании). И если нет гордости за созданное для общества, нечего и говорить об идейном воспитании: душа молодого человека останется пустой.

Воспитание человеческой личности — это прежде всего воспитание чувства собственного достоинства. Детство и отрочество можно назвать **творением доброго имени человека**, формированием самосознания. Особый долг народного учителя состоит в том, чтобы к моменту вступления в подростковый, в юношеский возраст уже была прочна завязь личности, гордой от сознания сделанного для людей. Если подросток горд тем, что он уже создал нечто полезное для общества, созидание для блага людей становится его важнейшей духовной потребностью.

Если присмотреться к тончайшим душевным движениям народа, можно понять глубокий смысл еще одного народного идеала: в материальных результатах труда человек воплощает свои лучшие индивидуальные черты: разум, честь, мастерство, доброе имя. Недаром в народе говорят: по колосу пшеницы узнают человека, вырастившего этот колос. В формировании нового человека самым тонким, самым трудным для народного учителя и является как раз то, чтобы **каждый** питомец, образно говоря, вырастил свой колос на общей ниве, видел в нем, как в зеркале, самого себя, дорожил своим добрым именем труженика. Подчеркиваю: **каждый** питомец. Коммунистическое воспитание — дело общенародное и вместе с тем глубоко индивидуальное. Долг народного учителя — подметить в каждом человеке его золотую жилку, его живинку, помочь ему увидеть себя, открыть перед ним не с чем не сравнимую радость материального воплощения своей внутренней духовной красоты.

Мы видим важнейшую воспитательную задачу в том, чтобы в годы отрочества и ранней юности каждый воспитанник влюбился в труд, достиг значительных успехов в овладении мастерством — стал на первую ступеньку того трудового мастерства, благодаря которому человек

чувствует себя творцом, переживает радость повиновения делу рук, воли, творческого вдохновения.

Без влюбленности в дело нет человека. Опыт убеждает, что если в школе, скажем, шестьсот учеников, то это значит, надо искать шестьсот индивидуальных тропинок. Помочь каждому воспитаннику найти его тропинку — это и значит поставить человека на ноги, ввести его в жизнь гражданином, имеющим свою индивидуальность. Это самое тонкое, самое кропотливое, что есть в воспитании. Каждый учитель у нас в школе стремится подметить природный задаток, тяготение, интересы, наклонности воспитанника. Для одного — это трактор или токарный станок, машины, для другого — кропотливый уход за растениями или забота о плодородии почвы. Оказывается, что этот труд — для него такое же творчество и такое же наслаждение, как игра красок для художника, как воплощение замысла в мраморе для скульптора.

Коммунизм — это прежде всего счастье каждого человека. При коммунизме не должно быть людей, несчастливых из-за того, что они не нашли себя, не раскрыли своих творческих задатков и способностей. Задача народного учителя как раз и заключается в том, чтобы не было в жизни ни одного неудачника, ни одного недоучки, ни одного человека, ни к чему не способного. Без вдумчивого, индивидуального, творческого подхода к каждому человеку решить эту задачу невозможно. В этом деле страшнее всего формализм, надежда на какие-то универсальные формы и методы воспитания. Есть прекрасные методы воспитания, но если в любой из них уверовать как во всепильный, единственный, как в панацею от всех бед, — самое хорошее дело может превратиться в свою противоположность. Так получилось, например, со школьными учебно-производственными бригадами. Эти бригады — неплохая форма организации коллективного труда сельских школьников. Но их воспитательное влияние имеет свои границы. Бригада не может охватить всей сложности индивидуальных задатков, наклонностей, интересов. Тем более не решают успеха такие факторы, как наличие или отсутствие в школьной бригаде полевого стана, где жили бы юноши и девушки. Совершенно никакого значения не имеет и то, где расположена земля, которую обрабатывают школьники, — в общем массиве или на отдельном участке, отведенном для школы (а

между тем на страницах педагогических трудов, на семинарах копыя ломаются и по этим вопросам). Решающее значение имеет то, какое место в жизни школьников занял труд.

Сейчас передо мной семилетние дети, но я вижу их в будущем взрослыми, зрелыми людьми. В конце 70-х годов они вступят в самостоятельную трудовую жизнь, станут творцами и потребителями материальных и духовных благ; в начале 80-х годов они станут отцами и матерями, в середине 80-х годов приведут в школу своих сыновей и дочерей, и следующее десятилетие — до середины 90-х годов — для них будет периодом самого сложного, самого удивительного человеческого творчества — повторения самих себя в детях; 90-е годы, канун и первое десятилетие XXI века будут зенитом творческих сил и способностей тех, кто сейчас старательно выводит первые буквы. Ни в одном труде, кроме труда учителя, нет такой далекой перспективы, столь длительного расчета.

Вглядываясь в судьбы тех, кто лишь несколько месяцев назад переступил порог школы, я переживаю гордость за свою профессию. И вместе с тем волнует чувство огромной ответственности: от нас, учителей, во многом зависит, какими станут эти мальчики и девочки, какими свершениями встретят они двадцать первый век, как повторят себя в своих детях, на сколько ступенек в неустанным нравственном развитии поднимутся их дети и внуки. Честное слово, если бы произошло чудо: вернулись юность, и мне снова предложили выбирать жизненный путь, я бы снова выбрал труд народного учителя. Я вижу, представляю коммунистическое далеко в своих воспитанниках. И больше всего меня тревожит мысль о том, насколько гармонично будут слиты в коммунистическом человеке гражданственность, ясный разум, чистое сердце, золотые руки.

Общество, которое мы строим и в котором жить тем, перед кем мы сегодня открываем первое окошко в необъятный мир, — это общество высокой культуры. Понятие ее охватывает все сферы многогранной жизни: идейные, нравственные, эмоциональные, интеллектуальные, эстетические отношения, запросы, интересы, потребности. Коммунистический человек, воспитание которого является долгом народного учителя, — это человек высокой духовной чистоты и культуры во всем: и в служении Ро-

дые, и в нравственно-этических отношениях со своими близкими, и в наслаждении благами жизни. Средоточием, сердцевинной коммунистической культуры, к становлению которой так близко причастен учитель, является, по моему глубокому убеждению, расцвет высшей человеческой потребности — потребности в человеке, высокая культура отношений с другими людьми. Труженик всегда ощущал, говоря словами Маркса, «потребность в том величайшем богатстве, каким является другой человек» *. От того, насколько ярко будет расцветать эта потребность, зависит становление коммунистической культуры.

Глубокий смысл народности воспитания состоит в наши дни в том, чтобы человек в отношениях с другими людьми черпал высшую радость своей жизни, чтобы взаимное общение и духовное обогащение были неисчерпаемым источником полноты и многогранности жизни. В человеке, своем соотечественнике — далеком и близком — каждый гражданин нашего общества должен видеть, чувствовать величайшее богатство, без которого невозможно жить. С каждым десятилетием в жизни современного человека все большую роль играет внутренний мир. Все тоньше и глубже реагирует человек на отношение к нему другого человека. В последние годы родители все чаще обращаются к учителям с тревожным вопросом: где истоки какой-то отчужденности, какого-то равнодушия детей к матери и отцу? Эта тревога закономерна: родителям хочется чувствовать душевную теплоту, ласку, сердечность своих детей. Задача народного учителя — сделать так, чтобы важнейшей духовной потребностью каждого воспитанника была потребность в другом человеке. Школой сердечности была, есть и всегда будет семья.

Наш педагогический коллектив видит исключительно важную задачу в том, чтобы в каждом детском сердце воспитывать тонкость, эмоциональную чуткость, впечатлительность. Я глубоко убежден, что воспитание этих тончайших движений сердца — именно в годы детства и отрочества — чрезвычайно необходимое дело.

Все более ясна закономерность: чем богаче и полнее удовлетворяются материальные и культурные потребности членов нашего общества, тем тоньше должна быть

* Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. Госполитиздат, 1956, с. 596.

человеческая натура, тем острее она воспринимает мир, душевные состояния других людей. То обстоятельство, что культура отношений между людьми, к сожалению, пока что отстает от роста материальных и духовных благ, создаваемых людьми для людей, является еще источником многих бед и несчастий.

Построен, например, прекрасный Дворец культуры, на сцене поют артисты, а в фойе трое юнцов распивают поллитровку. Открыт новый детский театр, пионеры идут под руководством вожатых и учителей смотреть новую пьесу и для развлечения... стреляют в артистов из рога-ток. В этих фактах раскрывается грубость, невоспитанность, возмутительное бескультурье эмоциональной сферы человеческих отношений.

Детство должно стать школой воспитания эмоциональной культуры. Все, что делает, видит и слышит, о чем думает ребенок, должно облагораживать его сердце. Здесь опять надо возвратиться к могучему источнику воспитания, который наряду с учебой играет важную роль в формировании личности юного гражданина, — к труду. Я глубоко убежден в том, что важнейшее воспитательное назначение детского труда — в облагораживании сердца, воспитании эмоциональной тонкости и остроты переживаний. Народность коммунистического воспитания заключается в том, чтобы детский труд был одухотворен добрыми чувствами, очеловечен. Труд ребенка должен быть одухотворен благородным стремлением: вырастив дерево, сняв первые плоды, принести их матери или отцу, бабушке или дедушке — принести им радость. И то, что творение радости для других является для самого ребенка огромной радостью, — и есть как раз школой воспитания коммунистической культуры. От меня, народного учителя, зависит в этом воспитании очень многое. Ребенку трудно сосредоточить свои волевые силы на длительном труде: интерес к труду в его сознании легко может и угаснуть. Я вместе с его семьей постоянно должен поддерживать в детском сердце огонек одухотворенности трудом. И чем дольше горит этот огонек, тем больше хочется ребенку трудиться для счастья родных. Так рождается потребность в человеке. Для меня наступает праздник в тот осенний день, когда после трех-четырех лет видны результаты, ребенок снимает плоды яблони, виноградные гроздья и несет их родным, да и не только им.

В этих скромных плодах очеловечены благородные душевные порывы.

Говорить о любви к человечеству легче, чем помочь в беде одному человеку, чем доставить радость родному, близкому. Эта простая и мудрая истина очень дорога нам, народным учителям. Больше, чем кому бы то ни было, нам видна страшная опасность звонкой фразы, демагогической болтовни, пустопорожних обещаний в устах детей и юношества. Слушаем мы складные приветствия пионеров и даже октябрят на различных торжественных собраниях и совещаниях (в одном месте умудрились вывести пионеров для поздравления слета кооператоров-заготовителей; дети в своем приветствии пообещали собрать как можно больше макулатуры и битого стекла). Звонят красивые слова, но для детей они пусты, потому что составлены и придуманы взрослыми, детской душой или не поняты, или же еще не пережиты, не прочувствованы. Взрослый лицемер опасен, лицемер-ребенок страшен, — он наше создание, мы искалечили его душу, приучили пользоваться дорогими, высокими словами, как разменной монетой.

Не делайте этого, товарищи! Не вкладывайте в детские уста таких слов, для которых нет еще реальной основы в юном сердце — переживаний, выросших из живых человеческих отношений.

Слово — могучее средство воздействия на человеческую душу, слово в устах опытного педагога ничем не заменимая сила. Умение воспитывать словом было и — пока еще, к сожалению, — остается ахиллесовой пятой теории и практики нашего воспитания. Слабость многих, очень многих учителей в том, что слова воспитателя не доходят до тех, к кому они обращены.

Подлинно народный учитель — человек, умеющий «глаголом жечь сердца людей». Есть у нас на Украине прекрасный мастер — учитель математики Иван Гурьевич Ткаченко, директор Богдановской средней школы Знаменского района, Кировоградской области, заслуженный учитель школы. Больше тридцати лет отдал он любимому делу. Послушайте, как он говорит со своими питомцами, и вы почувствуете, что значит воспитание словом. Кажется, что каждое слово, с которым он обращается к детям, настроено на ту же волну, что и сокровенные струны детской души. Он знает, какую реакцию вызывает

в детских сердцах его слово, и пробуждает словом как раз те чувства, которые надо пробудить в данный момент. Это владение словом идет от большой внутренней культуры, от знания души детей, от жизненной мудрости, от морального права учить и поучать. Для педагога имеет исключительно большое значение моральное право учить. Если он не обладает этим правом, дети не признают в нем наставника, его моральные сентенции встречаются с иронией. Отсутствие этого права становится очевидным в тех случаях, когда поступки, поведение учителя вступают в противоречие с теми истинами, которые он стремится внушить своим питомцам. Но еще сложнее обстоит дело с моральным правом учить и воспитывать, если учитель вообще не любит детей, не знает их внутреннего духовного мира, забывает, что он сам был ребенком, или останавливается в своем духовном росте, перестает учиться и пополнять знания, не замечает той черты, за которой ему уже печему учить: он опустошен, он выдохся.

Коммунистическая культура предполагает богатство, многогранность духовных запросов, интересов, потребностей каждого члена общества. У учителя две важнейшие задачи: во-первых, дать ученикам определенный запас знаний, во-вторых, научить своих питомцев постоянно, всю жизнь пополнять и обогащать знания, научить самостоятельно пользоваться ценностями из сокровищницы человеческой культуры. Если осуществление первой задачи стало предметом постоянного внимания школы и общественности, то ко второй мало кто относится по-серьезному. А ведь именно от ее осуществления в огромной степени зависит будущее развитие личности, богатство отношений между людьми.

Наука в наши дни развивается столь бурными темпами, знания внедряются в производственную деятельность людей настолько быстро, что школа, какой бы дальновидной она ни была, не может дать запаса знаний, которого хватило бы на тридцать, а то и на сорок лет активной жизни ее воспитанника. Логика развития науки, производства, культуры такова, что если человек будет пользоваться только школьным багажом знаний, то уже лет через 5—6 после окончания школы он окажется недоучкой.

Что же делать? Неужели через каждые 5—10 лет переучивать всех окончивших среднюю школу? Характер школьного образования и воспитания в обществе, строящем коммунизм, противоречит такому выводу. Главная его цель в том, чтобы у человека, окончившего среднюю школу, на всю жизнь сохранилась жажда знаний, чтобы чтение стало одним из важнейших его духовных интересов.

Педагоги, родители, социологи — вся общественность нашей страны обеспокоена тем, что молодежь не знает, куда девать свободное время. Это одна из главных причин пьянства, хулиганства и других отрицательных явлений, которые встречаются среди молодежи. Вносятся предложения — открыть побольше молодежных кафе, танцевальных площадок. Есть и другие: принять закон против алкоголизма и вообще регулировать потребление спиртных напитков.

Не отрицая всего этого, хочу подчеркнуть, что никакие законы, пусть даже самые строгие и беспощадные, никакие ограничения и запреты не помогут, если не будет тонкой, умелой, кропотливой воспитательной работы. Надо воспитывать у юных граждан страны страстную, горячую увлеченность духовными интересами. У меня есть данные об использовании свободного времени тысячами молодых рабочих (от 20 до 35 лет). Оказывается, что только 14 процентов свободного времени у них идет на чтение, остальное — на самые разнообразные развлечения часто с единственной целью «убить время». Значит, школа не воспитала у своих питомцев отношения к свободному времени как к бесценному богатству.

Может показаться парадоксальным, но это действительно так: одной из самых опасных болезней многих школ является бескнижность, книга не вошла в жизнь учеников, не стала их повседневной духовной потребностью. Книг на библиотечных полках, может быть, и много, но они как спящие великаны. Удивительно, что во многих школах есть и мастерские, и рабочие компаты, и кабинеты технических средств обучения, но нет главного — комнаты для чтения, компаты книг. Я убежден, что такая комната должна быть одним из ярких очагов духовной жизни юношества. Самая важная образовательная и воспитательная задача школы состоит в том, чтобы юноши и девушки находили высшее наслаждение в чте-

нии, чтобы уже в годы отрочества у каждого начала создаваться личная библиотека, чтобы эта библиотека передавалась из поколения в поколение, была семейной гордостью. Жизнь убеждает, что если у молодого человека воспитана страсть к чтению, он не будет в свободное время изнывать от безделья и искать дешевых развлечений и удовольствий. Не кто-то должен удовлетворять духовные потребности человека, а он сам должен быть творцом своей духовной жизни.

Книга, личная библиотека — это воздух и для народного учителя. Без книги, без страсти к чтению нет учителя. Чтение — источник мысли и творчества педагога, сама жизнь. Все педагогические системы рушатся, если нет потребности в книге.

Радостно видеть, что твои ученики везде — и рядом с тобой, и в школе, и в больнице, и в колхозном производстве. Десять наших выпускников после окончания вуза стали учителями в нашей же школе. Три врача в местной больнице — воспитанники нашей школы. Главный агроном нашего колхоза имени Коминтерна, главный инженер районного сельскохозяйственного управления, бригадир тракторной бригады колхоза — бригады, завоевавшей почетное звание коллектива коммунистического труда, — выпускники нашей школы.

Радостно видеть, как вырос культурный уровень села. И в этом росте частица нашего труда. С 1949 по 1965 год получили среднее образование 611 наших сельчан, из них получили затем высшее образование 242 человека; сейчас учится в вузах 143 человека. Наше село, в котором проживает около 6 тысяч жителей, дало стране 84 инженера, 41 врача, 38 агрономов, 49 педагогов, 30 специалистов других квалификаций. Сравните эти цифры с дореволюционным временем: за 50 лет (с 1867 по 1917 год) получили среднее образование 7 наших односельчан, высшее — один.

Радостно видеть, что из отдельных семей вышло по несколько специалистов с высшим образованием. Вот семья рабочего пункта «Заготзерно». Четыре его сына, окончившие нашу школу, а потом вузы, стали инженерами. У простого колхозника дочь — врач, вторая дочь и сын — инженеры. Таких семей я мог бы насчитать не один десяток. Для нас, народных учителей, коммунистическое строительство не абстрактное понятие. Это —

живые люди, которых мы растим, воспитываем, проводим в жизнь.

Мы свято храним лучшие традиции народного учителя-просветителя. В домах колхозников по вечерам собираются люди, главным образом зрелого возраста и престарелые; мы, учителя, рассказываем им о достижениях современной науки, читаем художественную литературу. Это стало и для нас, и для колхозников духовной потребностью.

Мы несем в народ свет знаний, науки. Народ — живой, вечный источник педагогической мудрости. Если бы у нас не было этого постоянного духовного общения с людьми, мы не могли бы успешно учить и воспитывать молодое поколение.

Коммунист, 1966, № 2.

ЧТОБ ДУША НЕ БЫЛА ПУСТОЙ

Воспитание подростка... Эта проблема все больше волнует старшие поколения, все наше общество. Подростковый возраст, отрочество — от 11—12 до 14—15 лет — не случайно называют переходным, переломным периодом. Человек в эти годы уже не ребенок, но он еще не становится и взрослым. В годы отрочества человек осмысливает, осознает то, что он стоит на пороге самостоятельного труда, готовится вступить в жизнь как активная творческая сила.

В подростковом возрасте начинает формироваться духовная сущность человека — моральные идеалы, моральные убеждения. Я глубоко уверен, что все трудности воспитания в подростковом возрасте как раз и коренятся в том, что мы, родители, старшие братья и сестры подростков, забываем важную истину: правильные моральные убеждения, моральные идеалы подростков утверждаются только тогда, когда человек, приближаясь к порогу жизни, задумывается над своей судьбой, над своим настоящим и будущим, оценивает самого себя, подходит к своим поступкам и поведению с высокой меркой коммунистической моральности.

О самостоятельности, активности, инициативности, самостоятельности подростков говорится немало. Но что понимают под той самостоятельностью, которую пытаются

утвердить во многих школах? Прежде всего отсутствие присмотра и контроля со стороны старших. Пионерский сбор — без классного руководителя, экскурсии — без учителя, тимуровская работа — без старшего вожатого — вот что нередко считают самостоятельностью и инициативностью. Это примитивное, наивное представление о самостоятельности личности и коллектива. Подлинное самоутверждение человека в годы отрочества и позднее, в годы ранней юности — это внутренняя, духовная самостоятельность; это формирование личного жизненного идеала.

Чтобы душа подростка не была пустой — вот что должно быть главнейшей нашей заботой, заботой коммунистов и комсомольцев, воспитателей и родителей. Чтобы в сердце подростка утвердилось глубокая личная вера во что-то святое и нерушимое, единственно истинное и единственно правильное. Чтобы единственно правильные моральные истины были для подростка ярким путеводным огоньком, звездой, указывающей ему правильную дорогу.

Вот о душе подростка, о его порывах, мечтах, чувствах, переживаниях нам, педагогам, и надо больше думать, и думать не только тогда, когда жизнь преподносит нам какой-либо чрезвычайный случай, доставляет неприятность, а думать ежечасно.

Самое страшное, что встречается в среде подростков, юношей и девушек — это пустота души, отсутствие святого и нерушимого, единственно истинного и единственно правильного, отсутствие той духовной сущности, без которой нет человеческой личности, нет чувства чести и достоинства. Не будем бояться этих слов — святое и нерушимое. Когда речь идет о моральном облике нового человека, в эти слова вкладывается достаточно ясное и конкретное содержание: то, чем человек дорожит как своей личной честью и достоинством; то, чем он никогда, ни при каких обстоятельствах не может поступиться.

Больно и страшно смотреть на молодого человека с пустой душой. Однажды мне довелось зайти в зал заседаний народного суда. Слушалось дело о постыдном поступке 15-летнего подростка.

Судья спросил подсудимого:

— Неужели ты не понимаешь постыдности своего поступка? Неужели тебе не совестно перед людьми?

Парень нагло ответил:

— А мне ничего не стыдно. Я хулиган...

Тяжело смотреть на 15-летнего человека, у которого нет чувства чести и достоинства. Тяжело думать о будущем человека с пустой душой. Приговор суда был справедливым и суровым, но может ли быть уверенным общество в том, что наказание пробудит в юном сердце чувство чести, пробудит совесть? Почему в нашем обществе есть люди с пустой душой? В чем недостатки и просчеты школьного и семейного воспитания?

Равнодушие воспитателя к внутреннему духовному миру подростка — вот что, на мой взгляд, самое страшное и самое опасное. Наука и искусство воспитания состоят прежде всего в том, чтобы уже с детских лет, а особенно с лет отрочества и ранней юности, человек не только знал, помнил, что такое добро и зло, но и ощущал, переживал добро и зло, ощущал и переживал в самом себе стремление к добру, правде, чести, духовной красоте и непримиримости к злу, неправде, бесчестию, уродству. Подлинное воспитание состоит в том, чтобы моральный идеал добра, правды, чести, духовной красоты жил в юном сердце, утверждался в активной деятельности как неотъемлемая частица собственного естества, собственных мыслей, чувств, намерений.

Я твердо убежден в том, что главнейшей причиной пустоты юной души является духовная праздность и показная активность. Приглядимся к тому, что делают подростки, какой деятельностью они увлечены, как эта деятельность «проходит» через их сердце, как те чувства пробуждает и утверждает. И особенно важный вопрос, над которым нам всем стоит задуматься, — это вопрос: что побуждает подростков к деятельности, которой они заняты? Веление ли собственного сердца или, может, что иное? Вот недавно, летом, произошел такой случай. Пять мальчишек-шестиклассников шли помогать старенькой бабушке — несли воду, чтобы полить капусту. Встретили по дороге старика. Все его хорошо знали: старик очень плохо видел, палкой искал дорогу перед собой. И вот мальчишкам пришла мысль подшутить над дедом. Там, где он должен был идти, они налили выбоину, вылили туда всю воду, притаились за кустами... Старик забрел в лужу, это рассмешило подростков, принесло им невыразимую радость. Насмеявшись

до упаду, мальчики вернулись к колодцу, набрали снова воды, пошли поливать капусту бабушке...

Вот и подумаем над побуждением к поступкам. Пионеры шли помогать старушке не по велению сердца, а потому, что тимуровская работа есть в плане: вожатый требует; надо бороться за высокие показатели в соревновании с другими отрядами... Ох, как калечит юное сердце эта показная активность, эта искусственная доброта, эта трескотня об идейности вместо подлинной идейности, — душевности, человечности, искренности — без громких слов и обещаний, без фальшивой торжественности. Как уродуют душу подростка, юноши и девушки слова тех речей, которые нередко готовят для них учителя и пионервожатые. Какую большую опасность представляют для молодежи искусственно организованные, «подстроенные» диспуты по написанным заранее шпаргалкам...

Подросток — уже не ребенок; он осознает, что становится все ближе ко взрослым. Он, как путешественник, восходящий на вершину высокой горы. Вершина — это зрелость. С каждым шагом ширится кругозор, перед его глазами открывается даль. Он дальше видит, больше познает. Однако большая беда в том, что, много видя и познавая вокруг себя, он мало видит и мало познает себя. И на уроке, и в воспитательных беседах учителей с каждым днем все ярче раскрывается перед подростком мир моральных богатств и ценностей, выстраданных, завоеванных, добытых, созданных человечеством в его многовековой борьбе за счастье, справедливость, добро.

Подросток познает, дознается, знает, что такое добро и зло. Беда в том, что во многих случаях этим и исчерпывается воспитание. А воспитание с этого только начинается. Подлинное воспитание в том, что юный ум, юное сердце, юная душа, познавая мир, познают одновременно свою личность. Подлинное воспитание в том, что, познавая моральную красоту, добро, справедливость, человек начинает видеть себя, начинает мерить себя наивысшей меркой моральности, спрашивает самого себя: — А что я за человек? Что во мне хорошего и что плохого? Что обо мне думают люди?

Суть процесса морального воспитания состоит в том, что моральные богатства общества, которые раскрывает

перед питомцами учитель, становится индивидуальным достоянием каждого из них, превращаются в нормы и правила морального поведения. Этот процесс возможен только при условии многогранной духовной деятельности, без которой нет стремления к идеалу, нет человеческой личности.

Духовная деятельность — очень сложная вещь, ее нельзя представлять так упрощенно, как представляют себе подчас отдельные учителя, пионервожатые, комсомольские работники. Очень уж упрощенное представление у них порой о моральном воспитании: считают, что если подросток своими руками делает что-то хорошее — нужное, полезное, то уже сами собой формируются добрые чувства и добрые стремления в его сердце. А в действительности все происходит не так просто. Подростки-шестиклассники шли делать доброе дело, и они как будто бы и сделали его, но какая цена добру, если оно не вдохновляется внутренним побуждением, если побуждением к нему не является голос совести? У таких ребят, как эти шестиклассники, все случайно: и добро, и зло. Не встретили бы мальчишки старика — не было бы и постыдного поступка. Но было ли настоящее добро и в том, что по замыслу воспитателя должно было утвердить в юных сердцах моральную красоту? Нет, не было. Полив капусту бабушке, мальчишки вздохнули с облегчением: сбросили обузу, скорей на площадь, поиграем в футбол.

Духовная деятельность — это активные усилия личности, направленные на то, чтобы моральные богатства общества — наши политические, моральные, эстетические идеи, взгляды, убеждения, идеалы — стали богатствами личности, внутренними ценностями человека, нормами и правилами его поведения. Естественно, что духовная деятельность — это не какое-то оторванное от повседневного труда самоуглубление или самоанализ. Это творческий труд, кипучая общественная деятельность человека. Однако труд без морального воспитания, как писал А. С. Макаренко⁵, становится нейтральным процессом. Придавая огромное значение труду, трудовой деятельности личности, ее отношениям в коллективе, я в статье не ставлю цели анализировать роль этих важных факторов в моральном воспитании. Предметом анализа является отражение общественных отношений личности —

включая и труд — во внутреннем духовном мире человека, то есть как раз в том, что я называю **духовной деятельностью**. Для полноценного воспитания подростка особенно важно, чтобы он прилагал активные усилия, стремясь достичь идеала. Если этого нет, если подросток не думает о себе, не переживает своих поступков, своего поведения, — возникает пустота души, случайность добра и зла в поведении.

Подлинное воспитание состоит в том, чтобы постоянно происходила внутренняя работа мысли и сердца, чтобы моральные ценности, которые раскрывает перед питомцем учитель, становились его личным достоянием, отражались в его взаимоотношениях с товарищами, в отношении к людям. Это и есть та духовная деятельность, которой так бедна пока школа и без которой немислимо воспитание. Только такая деятельность и рождает в юной душе то святое и нерушимое, что становится моральной сердцевинкой человека.

Как же воспитывать юную душу, как добиваться того, чтобы не боялись отец и мать за подростка: только выйдет за порог — гляди, наделает беды, попадет в дурную компанию... Как же добиться того, чтобы в юном сердце был **иммунитет** к злу, чтобы встреча со злом на жизненном пути не калечила человека, а духовно закаляла его?

Если вы хотите, чтобы подросток начал думать о себе, начал мерить себя высшей меркой человеческой моральности, — пробудите в его сердце восхищение моральной красотой, удивление перед моральным подвигом. Моральные ценности — не абстрактные истины и мертвые принципы. Моральные ценности — это плоть и кровь живых людей, это трепетное биение горячего сердца, это счастье жизни человека во имя счастья человечества, это радости и страдания. Нарисуйте перед глазами подростков настолько яркий образ живого человека, ставшего для человечества вечным воплощением моральной красоты, чтобы он, подросток, слушая вас, затаил дыхание, чтобы яркий факел моральной красоты, морального подвига осветил юное сердце, проник в самые сокровенные его уголки, заставил биться учащенно.

Вот вы рассказываете о героической жизни коммуниста Сергея Лазо, о его смерти, ставшей пьедесталом его вечности. Чтобы побудить юное сердце к той духовной

деятельности, о которой говорилось, надо пробудить чувство восхищения моральной красотой. Возможно, не надо говорить подросткам: будьте и вы такими же стойкими, отважными, добрыми, морально красивыми людьми. Пусть моральная красота настоящего человека завладеет юным сердцем, пусть сам подросток увидит себя, посмотрит на себя глазами настоящего человека. Пусть забудет, что это воспитательная беседа, пусть не думает, что, проводя беседу о том, кто должен стать идеалом, учитель поставил перед собой какую-то воспитательную цель — подростки не любят дидактики, они очень критически, настороженно относятся к параллелям: вот в каких условиях действовал герой, и вот в каких условиях живете вы...

Человеку вообще присуще стремление к моральной красоте, к величественному и героическому, а подростку это стремление присуще тем более. Захваченный чувством удивления перед моральной красотой, подросток начинает думать: — А что я за человек? — Пробуждение этой мысли — одна из главнейших задач воспитания юношества. Пусть эту мысль подросток носит в себе, пусть хранит ее как самое сокровенное, пусть никогда не гаснет перед его глазами факел подлинной моральной красоты, подлинной человечности. Не ищите сразу же параллелей между поступками и поведением того, кто должен стать идеалом для юного сердца, и подростком. Не упрекайте подростка: настоящий человек действует вот так, а ты совсем иначе... Это упрощение, оно ведет к тому, что духовная деятельность, без которой невозможно формирование идеала, приостанавливается, в юном сердце зарождается неверие в собственные силы, возникает страшнейшая отравка души — чувство собственной ничтожности, тщетности усилий, недостижимости идеала. Духовное богатство немислимо без чувства собственного достоинства. Яркий образец идеальной жизни, красоты морального подвига должен не ослеплять человека, а освещать ему путь, показывать все доброе и все злое в его собственной жизни.

Восхищение моральной красотой пробуждает у подростка стремление видеть красоту в самом себе, чувствовать себя морально красивым. Это закономерность воспитания, о которой часто забывают. Красота сама по себе влияет на душу человека и не требует комментариев.

Мы любимся цветком розы как единым целым, и красота будет разрушена, если мы станем отрывать от цветка один за другим лепестки и анализировать, в чем заключается подлинная красота. Так не надо растолковывать подростку то, что ясно и без разъяснений. Пусть творческое воображение мысленно рисует себя в той обстановке, в которой жил и боролся герой, чей образ пленил душу.

Стремление к моральной красоте, стремление стать морально красивым — самое дорогое духовное богатство, которое только может создать воспитатель в юной душе. Пробудить это стремление в каждом сердце, раскрыть красоту моральных ценностей перед каждым человеком — вот в чем заключается мастерство и искусство индивидуального подхода к человеку. Подросток не может жить вне коллектива, его тянет к товарищам, но духовный мир каждого подростка глубоко самобытен; стремление быть морально красивым, утверждение веры в святые и нерушимые принципы — все это явления индивидуальные. Знать, чем живет подросток, уметь, образно говоря, настроиться на лад той музыки, которая звучит в его душе, — великое искусство воспитания, доступное, понятное тому, кто сердцем своим ощущает биение сердца другого человека.

Глубокой ошибкой было бы надеяться, что если вы, рисуя в своей воспитательной беседе образ моральной красоты и величия, покорили душу и разум подростка, заставили его задуматься над собственной судьбой, взглянуть на самого себя: что я за человек, — тут же и утвердятся в юном сердце то, что вы хотели утвердить. Это только начало сложной, многогранной внутренней работы сердца и разума, начало той духовной деятельности, в которой утверждается вера человека в святые и нерушимые моральные принципы. Это словно духовный заряд, который дает воспитатель воспитаннику, и от силы этого заряда зависит дальнейшая духовная деятельность подростка.

А потом подросток остается наедине с собой. Ему хочется подумать, помечтать, почитать, хочется в одиночестве нарисовать в своем воображении величественную картину красивого, героического, хочется представить себя в трудных условиях борьбы за торжество добра... Эти минуты и часы одиночества в такой же мере нужны

для духовного развития человека, как и содержательная, кипучая жизнь коллектива. Без этих минут и часов раздумий нет человеческой личности, нет благородного порыва юного сердца к моральной красоте. Это не любованье собой, не эгоистическое стремление отделиться от коллектива. Это та индивидуальная духовная деятельность, без которой невозможны душевность, человечность, чуткость к чужой беде, готовность отдать свои силы для общего блага.

Вот почему одну из важнейших воспитательных задач мы видим в том, чтобы дать каждому подростку духовный заряд для индивидуальной духовной деятельности — для раздумья и мечты, для пристального, строгого, требовательного взгляда на самого себя, для измерения самого себя высшей меркой — меркой коммунистических принципов. Вот почему нас очень радует рассказ родителей о том, что 15-летний подросток сидит над книжкой задумчивый, словно даже встревоженный чем-то. Мы советуем родителям: не надо нарушать этой задумчивости и встревоженности. Не надо говорить подростку: иди к товарищам, развея свою тоску. Это не тоска. Это самовоспитание, это действие духовного заряда, полученного от воспитателя.

Я еще раз хочу здесь предостеречь от ошибочного понимания сути того, что называю индивидуальной духовной деятельностью. Это не оторванные от жизни мечты, не пустой полет фантазии. Это прежде всего мысли о том, чем живет человек, что его волнует, заботит, тревожит. Это раздумья и мечты о собственной работе, об успехах в трудовой деятельности, о том, что уже достигнуто и чего еще надо достичь. Если нет интересной, идейно богатой, напряженной работы коллектива, если нет моральных отношений в коллективе, то не может быть и полноценной духовной деятельности, направленной на самооценку и самовоспитание.

В том, чтобы огонек, зажженный воспитателем в коллективной беседе, не погас в уединении, а еще ярче разгорелся, как раз и состоит мастерство воспитания подростков. Раздумья и мечты, строгий и требовательный взгляд на самого себя — все это приходит к подростку тогда, когда он после рассказа учителя наедине с собой находится под впечатлением моральной красоты, вызвавшей у него восхищение и удивление.

Если вам удалось пробудить у подростка эти благородные чувства, то он будет стремиться еще ближе стать к моральному идеалу. Ему хочется читать о людях, воплотивших в себе представления и мечты человечества о добре, чести, справедливости, отваге. В часы хорошего, так нужного юному сердцу уединения происходит тонкая внутренняя работа — самоутверждение человека, формирование идеала. Моральная красота все глубже покоряет душу подростка, становится для него теми святыми, нерушимыми принципами, которыми он дорожит, как собственной честью, как частицей своего естества. Человек находит свой моральный идеал в юные годы только в том случае, если красота моральных богатств, завоеванных человечеством, сливается с его личностью, становится его личной красотой.

Одну из важнейших воспитательных задач мы видим в том, чтобы подросток зачитывался книжкой о жизни и борьбе выдающегося человека, который олицетворяет собой моральную красоту, величие, достоинство. И чтобы это чтение было индивидуальным, чтобы подросток переживал его как приобщение к моральной красоте, как глубокое увлечение, как страсть. Именно такое чтение и перечитывание хорошей книжки о выдающемся человеке мы считаем одной из богатейших составных частей, моментов духовной жизни человека.

Некоторые учителя боятся даже выражения — *часы самостоятельности*. Это следствие ошибочного, подчас примитивного представления о коллективизме, о взаимоотношениях коллектива и личности. Примитивизм этих представлений вот в чем: кое-кто считает, что человек воспитывается только тогда, когда трудится, когда рядом с ним — члены коллектива, а когда он читает книгу — это не воспитание. Вербальный метод воспитания — такой ярлычок иногда приклеивают к тому, без чего невозможно формирование человеческой души, — к живому слову учителя, к ярким, волнующим ум и сердце книжкам. Вспомним рассказ Георгия Димитрова о своей юности: сколько волнений и раздумий о собственной жизни пробудило в нем чтение романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Образ Рахметова оставил в душе Георгия Димитрова неизгладимый след на всю жизнь.

Именно в часы чтения любимой книги, увлекаясь морально высоким и благородным, подросток все больше

познает себя, осознает себя как активную творческую силу. В нашей «Комнате чтения» есть специальный шкаф для подростков — здесь книги о жизни и борьбе выдающихся людей. Раскрывая моральную красоту таких героев, как Александр Ульянов и Софья Перовская, Сергей Лазо и Юлиус Фучик, Феликс Дзержинский и Яков Свердлов, Муса Джалиль и Януш Корчак, — я, педагог, считая своей главной задачей формировать идеалы в юных сердцах, добиваюсь того, чтобы после моего рассказа каждый воспитанник возможно дольше сохранял чувство восхищения, удивления, благоговения перед моральной красотой. Чтобы это чувство привело его к книге, ставшей источником моего рассказа, чтобы каждая страница этой книги была, образно говоря, окном в мир человеческой красоты и в то же время — зеркалом, в котором бы подросток видел самого себя.

И когда я вижу, что жизнерадостный, веселый, беззаботный подросток, известный в школьном коллективе своими остроумными выдумками, подросток, который сам никогда не знал, что он сделает через минуту и даже через секунду; подросток, который никогда не задумывался, что откуда берется, и смотрел на отца-мать как на источник своих радостей и удовольствий, — когда я вижу, что этот подросток стал внезапно задумчивым, когда я узнаю, что он, склонившись над книжкой, уже не только читает, но и думает о себе; когда мне становится ясно, что в каждом человеке, с которым сталкивается подросток в повседневной жизни, он видит, открывает что-то новое и новое и каждый раз, пораженный этим новым, зорко, вдумчиво, пытливо всматривается в человека, — если все это происходит на моих глазах, я радуюсь: значит, началась внутренняя духовная деятельность, на которую я так долго надеялся, которую я так долго ждал...

Здесь опять-таки надо повторить предостережение: книга воспитывает только в том случае, если в духовной жизни ученика есть и другие яркие, волнующие страницы — прежде всего труд, то есть та отдача духовных сил во имя высоких целей, без которой чтение становится лишь занятием, заполняющим свободное время.

Судьба воспитателя юношества такова, что надо ожидать начала этой глубоко индивидуальной внутренней духовной деятельности в каждом сердце. Но ожидать не

пассивно, а предвидеть, стимулировать, пробуждать юные сердца, утверждать в них чувство восхищения моральной красотой.

Было бы ошибкой считать, что выдающиеся люди, в которых олицетворена красота морального идеала, — это только те, кто жил, боролся и отдавал свою жизнь за светлое будущее человечества. Волнующие книги написаны и о тех людях, которые живут, работают, борются за коммунизм. Вот пример. В небольшой сибирской деревне живет комбайнер Прокофий Нектов. Он вернулся с фронта инвалидом — без обеих ног. Какое духовное мужество, силу воли надо проявить, чтобы не только стать на ноги, научиться ходить на протезах, но и взять в руки руль комбайна. Прокофий Нектов стал Героем Социалистического Труда — и книга о нем учит молодежь жить, трудиться и, что самое важное, — воспитывать самого себя.

Почему речь идет именно о подростках? Потому что это пора формирования личности, когда сердце человеческое особенно чутко, восприимчиво, впечатлительно ко всему, что происходит в окружающем мире, что человек видит, слышит, делает. В эту пору обязательно что-то утверждается в человеческом сердце: если вы донесли до сокровеннейших его уголков добро — утверждается добро; если никто ничего не доносил — утверждается равнодушие к людям. А равнодушие — наибольшее зло.

Сердце подростка чутко и к добру и к злу. Но чтобы утвердить добро, надо приложить много усилий, надо зажечь огонек красоты — зажечь маленький огонек можно только большим огнем. А зло утверждается само, достаточно только быть равнодушным к подростку, достаточно не учить его ни добру, ни злу. Так не упустите лет отрочества, утвердите именно в эти годы в юном сердце добро, красоту — моральный идеал. Упустите время, опоздаете — никогда не наверстаете упущенного.

Итак, самая важная, самая сложная задача воспитателя — добиться, чтобы началась внутренняя духовная деятельность подростка, чтобы, застав дыхание, он читал книгу о выдающемся человеке, чтобы учащенно билось юное сердце, чтобы, возможно, и заставлял его рассвет над умной, убедительной книгой. Трудно найти иной — более сильный или равнозначный — способ влияния на духовный мир подростка, чем хорошая книга, интерес к

которой сумел вдохнуть в юное сердце воспитатель, пробудив чувство восхищения моральной красотой. Еще раз повторяю: решающее значение имеет слово воспитателя — толчок, стимул, который раскрывает перед подростком моральную красоту. Без этого толчка книги, как некие великаны, спят на полках библиотечных. Слово воспитателя — это та живая вода, от которой просыпается спящий великан, прикасается к рукам, к сердцу, к разуму подростка, вливает в юное существо сказочную силу. Я глубоко верю в воспитательную силу коллектива, в целительную силу труда — все это азбучные истины воспитания, но они не поднимаются выше азбуки, если нет внутренней индивидуальной духовной деятельности, в которой формируется идеал. Ибо идеал — это глубоко личное дело, это неповторимые индивидуальные представления о моральной красоте и величии, это личные стремления, мечты, порывы, надежды и чаяния.

Коллективная воспитательная беседа, в которой раскрывается моральная красота, становится толчком к личной, индивидуальной духовной деятельности, указывает путь к заветному шкафу с книжками о выдающихся людях только части подростков. А со многими надо говорить наедине. И это едва ли не самое трудное в воспитании юношества (и подростков, и юношей, и девушек). Индивидуальную беседу проводить всего труднее — так как для того, чтобы она дошла до юного сердца, нужно иметь с подростком какие-то общие духовные интересы, увлекаться тем же, что и подросток. Тут очень важно вот что: если подросток почувствует преднамеренность вашей беседы, поймет, что вы специально говорите с ним, чтобы его воспитывать, душа его, образно говоря, застегнется на все пуговицы, ваши слова будут восприниматься с недоверием и настороженностью (главнейшая беда школьного воспитания — это, прибегая к образу из античной мифологии, «ослиные уши воспитательного замысла»; торчат эти уши, как их ни пытаются прикрыть красивой прической «воспитательного мероприятия»).

Моральный идеал — это и общественное, и вместе с тем глубоко сердечное, личное дело, это отражение политических, моральных, эстетических принципов в личном, индивидуальном. Чтобы найти путь к сердцу подростка, надо найти общность интересов, надо подойти

к нему так, чтобы он не ощущал, что вы собираетесь воспитывать его. Опытный воспитатель сначала становится другом, товарищем подростка в общей деятельности, а потом начинает говорить с ним о моральной красоте. Если я хочу, чтобы подросток увлекся книгой о жизни выдающегося человека, я сам расскажу ему об этой книге — расскажу так, чтобы он почувствовал, пережил мое увлечение. Индивидуальное духовное общение воспитателя с воспитанником особенно необходимо в связи с тем, что есть подростки, в душе которых жизнь исказила представление о добре и зле. Чтобы влиять на этих подростков, нужны большая чуткость и такт.

Есть в моей жизни страница, которую я никогда не забуду. Это Николай Л., двенадцатилетний мальчик, который приехал с матерью в наше село среди учебного года. Его душа казалась мне страшной, растравленной раной — так много в ней было страданий, боли. Узнав о жизни мальчика в годы детства, я ужаснулся: сколько зла видел Николай, сколько горя испытал он; обстоятельства семейной жизни сложились так, что вокруг мальчика всегда были ничтожные люди, которые принесли много горя и ему, и его матери. Николай не верил, что в мире существует добро. Доброе слово он воспринимал с болезненным раздражением: это для него, думалось мне, будто прикосновение чужой руки к растравленной ране наболевшего сердца... Помню, я рассказывал подросткам о замечательном человеке, отдавшем жизнь во имя убеждений. Мои глаза встретились с глазами Николая, и я увидел в них недетское чувство — глумливую усмешку, презрение и к тому, кто рассказывает, и к тому, о ком идет речь в рассказе. Сердце заняло от боли за человека. «Это мое испытание,— подумал я.— Если я смогу пробудить в этом искаленном сердце добрые чувства, заронить зернышко веры в добро и красоту,— значит, воспитание — действительно великая сила».

Как убедить этого маленького человека, что в мире есть добро, что жизнь во имя добра и счастья людей — высшее личное счастье? Должно быть, не логическое умозаключение, а чувство подсказывало мне, что к человеку, у которого сердце, как открытая рана, нельзя идти со словами сочувствия, так как эти слова еще больше растроят рану. Надо, чтобы мы с мальчиком стали друзьями, однако нельзя напрашиваться на дружбу. Надо,

чтобы Николай сам пришел ко мне, чтобы его увлекло что-либо в моей работе. Я пригласил нескольких подростков поработать со мной после уроков в школьном саду. Среди них был и Николай. Мы прививали яблоню к дичкам. Как хотелось мне побыть с глазу на глаз с мальчишкой. И вот эти долгожданные минуты настали. Мы ходили от дерева к дереву, я рассказывал мальчику историю каждой яблони и груши. Возможно, потому, что в эти минуты я сам забыл об истинной цели нашей встречи (так увлекся рассказом) — Николай не почувствовал, что я собираюсь его воспитывать. Постепенно мой рассказ перешел к жизни великих ученых, исследователей природы — Тимирязева и Мичурина. Мальчик забыл о своей боли, о своем недоверии к людям; он слушал мой рассказ; а когда я напомнил о книжке, в которой описывалась жизнь Мичурина, он попросил дать ее ему.

Так началась наша дружба и вместе с нею началось пробуждение добрых чувств в сердце подростка. Перед ним открылась красота жизни для счастья людей. Позднее, через несколько лет по окончании школы, Николай рассказывал:

«Когда я читал книжку о Мичурине, меня жгло чувство стыда. Стыдно было за самого себя. Передо мной открылся неведомый, новый мир: я поверил, что есть люди, которые находят свое личное счастье в борьбе за счастье людей. Стыдно стало за свои мысли: ведь я считал раньше, что каждый заботится только о своем благополучии. Я читал книжку о Мичурине, а думал о тех людях, которых встречал на своем пути в детстве. Они обманывали мать. Книжка убедила меня, что настоящие люди не такие. Подлинная красота человеческая в том, чтобы делать добро другим. Я перечитал эту книжку несколько раз, она запомнилась мне на всю жизнь».

Николай стал настоящим человеком — честным тружеником, хорошим гражданином, преданным своей Родине, добрым, чутким отцом. В годы отрочества и ранней юности в его сердце утвердилась глубокая чуткость к людям, забота и тревога об общенародных интересах. Его идеалом стало служение людям. И в утверждении этого идеала решающую роль сыграла та духовная деятельность, которую удалось зажечь словом о настоящей моральной красоте, то восхищение красотой, источником которого стала жизнь выдающегося человека.

Полнота духовной жизни в юные годы, богатство и красота морального идеала — корень, сущность человеческой личности. Глубокое значение приобретают в наши дни слова выдающегося советского педагога А. С. Макаренко о том, что человека нужно проектировать, в человеке с детских лет нужно воспитывать то, что потом будет развиваться, утверждаться в нем как основа его взглядов, убеждений. Главнейшим в этом проектировании является моральный идеал. Уже в годы отрочества человек должен почувствовать, пережить красоту жизни — борьбы за счастье человечества. Утверждение идеала в юном сердце — это восприятие моральных ценностей, созданных человечеством, восприятие не только разумом, но и сердцем. Становление морального идеала само по себе является многогранной духовной деятельностью, исполненной чувства восхищения моральной красотой, исполненной раздумий о цели жизни, о собственной жизненной судьбе. Пробудить в юной душе эту деятельность — одна из самых тонких и самых сложных задач педагога.

Радянська школа, 1966, № 2.

СЧАСТЬЕ, ИДЕАЛЫ, РЕЛИГИЯ

Когда живешь десятилетиями в одном селе, когда на твоих глазах становится невестой и матерью девчушка, которую ты учил выводить первые палочки и кружочки в тетради, — начинаешь задумываться над человеческой судьбой, над сложным переплетением человеческих взаимоотношений. Я вижу десятки глубоко индивидуальных, неповторимых миров, вижу сложность духовной жизни и все более утверждаюсь в мысли, что убеждения человека, его мировоззрение в значительной, а иногда даже в решающей мере зависят от тончайших оттенков личности, которые в своей совокупности представляют предпосылки человеческого счастья или горя, радости или печали, полноты духовной жизни или душевной пустоты...

Тридцать лет педагогической работы убедили меня в том, что без сердечной чуткости к личной жизни, без тонкого, тактичного и вдумчивого проникновения в духовный мир ученика нет подлинного воспитания. Каким бы дружным, сплоченным, единым в своих целях

и стремлениях ни был коллектив, все-таки у каждого человека есть свой глубоко индивидуальный мир, в который никто, даже коллектив, не должен и не имеет права вторгаться, ибо такое вторжение только вызовет боль, выворачивая душу, затрагивая неприкосновенное...

Говоря о тонком, тактичном проникновении в духовный мир человека, я имею в виду, что он не должен чувствовать, как кто-то чужой — пусть даже самый большой доброжелатель — вмешивается в его сердечные, глубоко личные дела. Вся сложность искусства воспитания, а я убежден, что воспитание — не только наука, но и искусство, заключается в том, чтобы уметь чувствовать глубоко личное в каждом человеке. Это касается не только воспитания детей. В той же, а иногда еще в большей мере это касается воспитания взрослых, и особенно верующих.

Я спросил однажды опытного, как говорили мне, пионерского работника: «Вы говорите, что прием ученика в пионерскую организацию является величайшим днем радости для него. А может ли быть так, что этот день станет для кого-нибудь из детей днем печали?»

— Нет, этого не может быть! — ответил мне молодой товарищ. И я рассказал ему о Николае, моем ученике. Это было лет пятнадцать назад. Пионерская дружина нашей школы впервые после войны готовилась отметить весенний пионерский праздник. Николай учился в третьем классе. Он вместе с товарищами готовился к торжественному сбору, на котором — он давно мечтал об этом — на его груди заалееет красный галстук. Но неожиданно в его семью пришло большое горе: тяжело заболела и скоропостижно умерла мать.

Занятые подготовкой к сбору, дети как-то равнодушно отнеслись к горю товарища. Нас, учителей, тяжело поразило, что никто из детей не подошел к нам и не сказал: «Завтра хоронят Колину мать, пойдемте к нему...»

Некогда было раздумывать над тем, откуда у ребят такое равнодушие, надо было учить их чуткости, пробуждать в них добрые чувства. Я рассказал детям о большом горе Николая, и когда они осознали всю горечь его сиротства, когда их сердца защемило от сочувствия, — о завтрашнем сборе не было уже и мысли. Все переживали горе товарища. Как-то стихийно случилось так, что

на сбор никто из третьеклассников не пошел, — все по-шли на похороны.

А в школе тем временем прием третьеклассников в пионерскую организацию был самым главным событием праздничной программы. Собственно, оно, это событие, и определяло праздник. Трех учителей, которые пошли на похороны, обвинили в «политической слепоте», «бес-принципности». Детей вызывали и спрашивали: кто под-говорил их не приходить на пионерский праздник? Дети плакали. Плакал и Николай: детское сердце разрывалось от тоски по маме, а тут еще одна беда свалилась на голову. Мальчик чувствовал, что он — самый главный виновник «срыва» пионерского праздника. Никакие до-воды не могли переубедить некоторых ретивых руководи-телей, что ничего предосудительного не случилось, что, напротив, все произошло так, как того требуют законы человечности. Пионерский сбор можно провести позже, от этого ничего худого не приключится...

Обстановка обострилась: одного из нас стали обви-нять, что именно такие аполитичные мысли прививались и детям. Могла бы случиться большая неприятность, если бы не неожиданное для нас вмешательство настоя-щего коммуниста — умного, опытного партийного руко-водителя. Он сказал, что дети и учителя поступили пра-вильно...

Однако несколько недель волнений, вызовов, рассле-дований — все это оставило глубокую рану в сердце каждого из нас и, особенно, в сердце Николая. Ребенку трудно, невозможно было понять, почему его горе стало причиной стольких неприятностей для близких людей — одноклассников, учителей. Теперь ежегодно день пионер-ского праздника не только напоминал ему о преждевре-менной смерти молодой матери, но и растравлял эту сердечную рану. Николай боялся, чтобы никто не напо-мнил ему, что завтра — годовщина смерти мамы. Он со страхом ждал этого дня...

Когда я рассказал обо всем этом «опытному» пионер-скому работнику, он сказал равнодушным тоном:

— Это все личные дела. Не надо путать личное с общественным и, тем более, противопоставлять личное общественному. На мой взгляд, не надо было проявлять слезливой чуткости к личному горю пионера. Меньше слез — больше стойкости. Пусть с малых лет человек

учится стойко переносить жизненные невзгоды. Я бы сделал тогда вот как: поговорил бы с Николаем, укрепил бы в его душе чувство мужества, и мальчик пришел бы на пионерский сбор...

— А на похороны матери не пошел бы?

— Ну, знаете... — не нашел что ответить мой молодой оппонент.

Я вдумывался в его слова; они были громкими, звонкими, но фальшивыми. Мне трудно было примириться с тем, что в наши дни, когда партия провозглашает как один из своих основных принципов чуткость, заботу о каждом человеке, еще подвизаются вот такие, насквозь официальные личности, и особенно было обидно видеть, что они есть среди молодежи...

Я продолжал дискуссию с моим молодым собеседником. Хотелось заронить в юное сердце сомнение в правильности громких, но бездушных фраз.

— А теперь, — сказал я ему, — послушайте, что рассказал мне Николай недавно, месяца три назад. Вот его слова:

«Приближалась первая годовщина смерти матери. Есть народный обычай: помянуть в этот день человека добрым словом. Не пренебрег этим обычаем и мой отец. Пригласил соседей. Пришли какие-то старые люди, лампадку засветили... А я сижу под грушей; груша цветет, пчелы гудят, казалось мне, во всем мире звучит эта дивная музыка. Сижу и плачу — тоскливо, тяжело...

Выходит из хаты какая-то старушка и говорит: иди, сынок, в хату, помолишься за матушкину душу... Все задрожало в моем сердце: как же так, разве могу я, пионер, молиться? Ведь на груди моей — красный галстук. Молчу, словно сил нет сказать: идите, молитесь, а я не буду. Она раза три выходила ко мне, и все так мягко, ласково говорила со мной, будто и не настаивала на том, чтобы я помолился, а просила — и вздыхала все, вздыхала... Так стало мне жаль и маму, и самого себя от этих вздохов... Такой доброй, родной стала почему-то старушка. Хотелось прижаться к ее плечу и плакать. А она словно почувствовала, что творилось у меня в душе, — подошла, положила руку на голову мою и снова вздохнула.

В это мгновение упали из глаз моих слезы, гляжу — на красном галстуке, будто искорки вспыхивают... Что-то

словно вострепнулось, дрогнуло в сердце больно, и еще большая жалость к самому себе разлилась в груди... Ушла старушка в хату, чувствую — ждет меня. А я сижу да и думаю: сейчас пойду, буду молиться рядом с ней; она добрая, не может не быть правдивым такой добрый человек.

Если бы в эту минуту не пришли вы с ребятами, вся моя жизнь пошла бы по иной дорожке... Я уже приготовился было идти молиться. Не знал слов молитвы, не представлял себе толком, что это значит — молиться, но в том странном состоянии, в котором я тогда находился, молился бы. Бог представлялся мне таким же добрым, как та старушка, что приходила ко мне...

Я знал, так как в школе этому учили, что бог — это ложь, выдумки. Но тогда мне до боли хотелось, чтобы в мире нашлось какое-нибудь доброе существо...

И вот в эту минуту вы пришли и сказали: идем, Коля, на кладбище, вот мы несем венок на могилу твоей мамы. Положим венок, помянем добрым словом твою маму. Какими родными, дорогими были вы все для меня в эту минуту. Сердце мое пело. Я забыл о доброй старушке и добром боге. Я пошел с вами. Мы положили венок из живых цветов там, где лежит голова мамы.

Долго сидели на молодой пахучей траве. Вы рассказывали о далеких звездных мирах, о красоте и величии человеческого стремления туда, в неведомые миры, а я слушал и думал: это рассказ о маме, и весь этот разговор — о маме, так как она прекрасна, и все то, что прекрасно, напоминает мать.

Было далеко за полночь, когда вы проводили меня домой. В хате еще сидели соседи, сидела и та добрая старушка. Она теперь ни слова не сказала мне, только смотрела как-то укоризненно. Я смело посмотрел ей в глаза, и она не выдержала моего взгляда. Все в хате показалось мне таким мрачным, тяжелым, гнетущим — настороженная тишина и чад лампы.

Захотелось снова под цветущую грушу. Я просидел там до рассвета. Когда занялась утренняя заря, в сад вышел отец. Он сел возле меня на скамейке, взял мою руку в свою теплую, мозолистую ладонь и пожал. Он не сказал ни слова, но это пожатие его руки я понял, как слова: делай, сынок, так, как совесть велит...

Мне сейчас двадцать седьмой год, я отец. Свои тревоги в семье, детство вспоминаю лишь иногда. Но я никогда не забуду того добра, которое сделали для меня люди. Почувствовали, что творится в моей душе,— вот самое большое добро. И не только почувствовали, но и разделили мое горе. Я тогда этого не понимал так, как теперь понимаю. Если бы вы с ребятами не пришли ко мне в те трудные минуты, я бы нашел добро у той верующей старухи. Стал бы, наверное, сам верующим.

Теперь я хорошо понимаю, что религия — это обман. Но обман, который иногда заглушает боль,— вот о чем забывают многие атеисты. Алкоголь тоже приносит только вред, но человек после него переживает некоторое время чувство блаженства... Так и с верой в бога. Может быть, вы думаете, что старуха, о которой я рассказывал,— какая-то злая баба-яга, мол, хотела лишь обмануть меня, чтобы потом творить зло. Нет, она таки и вправду добрая, человеческая. Только добро она понимала по-своему...»

Я долго размышлял над этими простыми и мудрыми словами. Думал прежде всего о том, что нам много, ох как много чему можно поучиться у народа, что в жизни не все так просто, как в истинах житейских.

Религия является порождением человеческого бессилия; и с той поры, как тот, в чьих руках была власть, сила, тюрьма, оковы в буквальном смысле слова, надел на эксплуатируемых еще и духовные оковы, религия стала не просто символом невежества и темноты, но и классовым злом. В нашем обществе ныне религия утратила классовые корни, ибо нет у нас никаких условий для угнетения и эксплуатации человека человеком. Вот почему нельзя смотреть на верующего, как на живое воплощение социального зла, как на какую-то враждебную силу.

Многие верующие — хорошие люди, но от того, что они хорошие, вредное влияние их религиозных верований на молодежь, особенно на детей и подростков, не только не уменьшается, но и, напротив, становится еще опаснее.

К сожалению, об этих чрезвычайно простых, но мудрых истинах мы, воспитатели, часто забываем. Забываем прежде всего о том, что религиозная вера приходит к человеку вместе с добротой и что эта доброта является не какой-то маской для обмана, а подлинной человече-

ской добротой — человечностью, чуткостью, готовностью прийти на помощь.

Добро в жизни часто переплетается со злом. Верующий человек может быть честным, добрым. Однако было бы глубокой ошибкой считать, что в его душе спокойно себе сосуществует, как добрые соседи, религиозное мировоззрение и общечеловеческие моральные нормы — честность, правдивость, чуткость к чужому горю, выработанные в среде трудового народа и утвержденные многолетним жизненным опытом трудящихся.

Добрая бабушка, которая так настаивала на том, чтобы одиннадцатилетний мальчик помолился за душу матери, действительно была доброй в том понимании, что никакого зла мальчику не причиняла и считала бы своим врагом того, кто имел бы намерение причинить ему зло. Но исчерпываются ли этим подлинная человечность, доброта и подлинное добро? Можно ли считать вершиной моральной доблести то, что человек не причиняет зла, горя другому человеку? Вот тут мы и падаем на сладкий обман религии.

Доброта, чуткость, сердечность верующих людей сами по себе являются искренними человеческими чувствами. Как воспитатель молодого поколения, как атеист и коммунист я ничего не имею против этих чувств. Но даже бочку чистого меда можно испортить каплей смертельного яда — религиозной морали. И если бы Николай, по его словам, пошел по другой дороге, он бы не был тем, кем он стал, а именно глубоко счастливым человеком, полнота духовной жизни которого — в борьбе за высокие идеалы.

В чем же пагубность этой капли религиозного обмана? Много человеческих характеров сложилось на моих глазах за долгие годы жизни и совместной работы с честными, хорошими людьми — моими земляками. Жизнь убедительно свидетельствует, что зло религии в наше время — в проповеди бессилия. Рабства земного в нашем обществе нет, оно давно уничтожено, и религиозная мораль о нем не вспоминает. А вот о рабстве небесном, о том, что каждый человек — раб божий, религиозная мораль охотно внушает мысль.

Проповедь бессилия перед судьбой, перед сложившимися в жизни обстоятельствами ведет к тому, что человек становится рабом собственного бессилия, чувствует свою

обреченность, смотрит на себя, как на игрушку в руках господних. Он привыкает покоряться фатальной неизбежности, начертанной богом, ибо эту неизбежность, согласно религии, не в силах отворить никакая человеческая деятельность, — лучше уж молча ожидать того, что неизбежно произойдет, чем что-то делать, к чему-то стремиться.

Это своеобразное утешение — отдайся на волю божью и тебе станет легче, ты счастлив будешь уже оттого, что веришь. Счастье — не в борьбе за лучшее, не в преодолении трудностей, не в утверждении собственного человеческого достоинства, а в бессловесной покорности — такова суть тех духовных оков, которые надевает сам на себя верующий человек.

Присмотритесь к доброте, которую проявляет глубоко верующий человек к своему ближнему. В этой доброте вы увидите сочувствие горю обреченного. Доброта глубоко верующего человека — это прежде всего жалость к несчастному рабу божьему, это переживание не только горя нынешнего, но и горя завтрашнего.

Вот тут мы и подходим к проблеме личного, к проблеме счастья и идеалов каждого человека, к взаимоотношениям личности и коллектива. Мы, педагоги, часто недооцениваем пагубности религиозного мировоззрения и морали еще и потому, что не вдумываемся в средства влияния на человека, характерные для проповедников слова божьего. В основе этих средств, этой своеобразной методики — внимание к человеческой личности. Зерна веры в бога зароняются в человеческую душу чаще всего в беседе двох — верующего и того, кто не верит. При этом время для беседы выбирают такое, когда у неверующего человека чем-то ослаблены его внутренние духовные силы, когда он не может больше жить без какой-то моральной поддержки, без утешения, успокоения, сочувствия.

Где вы видели, чтобы верующий обращался к группе неверующих с призывом поверить в бога, как иногда лектор-атеист обращается к группе верующих с призывом стать безбожниками? Отдельная, неповторимая тропинка к сердцу человека — вот средство влияния на душу неверующего или того, кто колеблется. И огоньком, который освещает эту тропинку, является все-таки доброта, чуткость к личному. Вот об этой особенности

влияния религиозной морали, религиозного мировоззрения и забывают часто воспитатели молодого поколения, атеисты, имеющие дело с верующими.

Многие рассуждают так: поскольку научно-материалистические истины являются единственно правильными, то уже одного разъяснения этих истин достаточно для того, чтобы человек сразу же освободился от религиозных предрассудков, если они уже завладели его сознанием. Прослушал лекцию на атеистическую тему — и сразу стал неверующим... На самом деле все это не так просто, а если принять во внимание, что на атеистические лекции большинство верующих вообще не ходит, — все это и вовсе не так.

Если бы это было настолько просто, то не видели бы среди верующих ни одного с восьмилетним или средним образованием. В атеистическом воспитании чрезвычайно важную роль играет внимание к внутреннему духовному миру человека, чуткость к его личному. Я расскажу о нелегкой судьбе сельской девочки, выросшей на моих глазах: она пришла в школу маленькой, стыдливой, молчаливой девчушкой, стала подростком, потом взрослым, зрелым человеком. Окончила школу, приобрела специальность, вышла замуж, стала матерью и вот в прошлом году привела в первый класс дочку...

Назову эту девочку Олей. Все, о чем пойдет речь, такое глубоко личное, что нельзя называть ни подлинного имени, ни фамилии.

Мать не хотела, чтобы Оля родилась. Она с проклятием вспоминала тот день, когда почувствовала, что под ее сердцем зашевелилась еще одна жизнь. Себя она считала человеком самым несчастным, обманутым... Мать хотела, чтобы произошли преждевременные роды или ребенок родился мертвым, — она стягивала живот поясом, поднимала тяжелые предметы. Все это не дало желанных результатов: девочка родилась вполне здоровой, хотя и имела физический недостаток — лобик был будто вогнутый.

Уже после рождения ребенка мать хотела от него избавиться — оставляла в комнате одного, долго не кормила. Можно сказать, что только счастливое стечение обстоятельств спасло Оле жизнь. А потом у матери проснулось горячее чувство любви к ребенку. Она болезненно переживала, что еще до рождения дочки причинила

ей зло, часто плакала над Олей, боялась за ее здоровье. А девочка росла на редкость крепкой. Только чуть-чуть сплюснутый лобик напоминал матери о тех тягостных днях, когда она памеревалась оборвать жизнь своего еще не рожденного ребенка.

Оля стала ученицей. Никто не обращал внимания на ее лобик, тем более, что недостаток становился совсем незаметным, когда она повязывала голову платочком. Синие глаза, белая коса — настоящей красавицей будет, думали мы, учителя.

Оля была разумной, пытливой, смысленной. К тому же она отличалась в коллективе и глубокой душевной чуткостью к товарищам, добротой, мягкостью, доверчивостью. Девочка принимала близко к сердцу радости и горе товарищей. Бывало, заболит кто-нибудь из одноклассников, не придет в школу, а она уже тревожится, переживает, идет после уроков домой к товарищу.

Эмоциональность, впечатлительность ребенка — душевные черты, которые одновременно и облегчают, и усложняют воспитание. Облегчают тем, что моральные истины, осмысливаясь, оставляют в чутком сердце более глубокий след, быстрее утверждают убеждения. А усложняют тем, что впечатлительные, слишком возбудимые сердца часто склонны болезненно переживать истины, для осмысления которых нужен известный жизненный опыт.

Еще и десяти лет не исполнилось Оле, как детское сердце впервые сжалось от чувства большого горя. Утром, задолго до начала занятий, пришла ко мне мать Оли в слезах:

— Что делать? Не спала моя девочка всю ночь. С вечера была задумчивой, сосредоточенной, долго лежала с открытыми глазами. Я уже заснула, как вдруг слышу — плачет дочка, пытается заглушить рыдания. Долго не хотела ничего говорить, потом вымолвила сквозь слезы: «Мамочка, неужели мы все умрем — и ты, и я, и все-все?..» Ну что мне было ей говорить? Упрашиваю, убеждаю, а она плачет. Потом перестала плакать, но не заснула и на миг.

По опыту я уже знал, что мысль о неминуемости, неотвратимости смерти становится трагедней для эмоциональных и впечатлительных натур. Но таких болезненных переживаний, как у Оли, мне еще не приходилось видеть. Девочка стала молчаливой, замкнутой; до нее слов-

но не доходило то, что делалось вокруг. Казалось, она намеренно старается углубиться в собственные мысли. Бывало, в классе она сначала как будто внимательно слушает рассказ учителя, думает о том, что изучается, а потом взгляд ее устремляется куда-то вдаль, на глазах — слезы. Обращаешься к ней, позовешь: Оля, — она вдруг встрепенется, словно очнется от глубокого сна.

Опыт подсказывал, что залечить рану в таком чутком сердце можно только в том случае, если ты ни словом не обмолвишься о тяжелых переживаниях ребенка, ни о чем не будешь его расспрашивать, но будешь знать все, что творится в его душе. А залечить эту рану было крайне необходимо, ибо, по выражению Максима Горького, страх смерти гонит человека в темницу веры.

Не один год все учителя добивались, чтобы Оля чувствовала, переживала радость жизни, чтобы оптимизм был той призмой, сквозь которую она смотрела бы на природу, на людей, на самое себя.

Счастье — это прежде всего оптимизм, вера в светлое и радостное будущее. Но ребенок еще не может и не умеет мечтать о будущем. Его счастье — это радостное сегодня, полнота жизни, это не только потребление готовых материальных и духовных благ, но и желание отдать свои силы для творения радости другим людям. И вот мы и стремились, чтобы жизнь Оли была насыщена этим счастьем творения.

Здесь, в коротенькой статье, нет возможности рассказать об этой кропотливой воспитательной работе; о ней стоит написать целую книгу. Мы считаем большим успехом, что навязчивая мысль о смерти перестала как будто тревожить детское сознание. Постепенно Оля снова стала такой же жизнерадостной, как и прежде.

Но вот возникла та опасность, которой я очень боялся, ждал с тревогой. Наступила пора, когда в девочке просыпается женщина, когда молодая, жизнерадостная юная девушка пробует взглянуть на себя глазами юноши. Оле пошел четырнадцатый год. Девочка внимательно глянула на себя и почувствовала, что ее внешность обезображена, что никогда ей не познать женского счастья, никогда на нее не будет глядеть влюбленными глазами тот, кто станет для нее самым дорогим в мире.

Эта мысль причинила Оле страдание. Чувство собственной неполноценности тяжело потрясло ее. Мать

сердцем ощутила, что творится в душе дочки, но боялась заговорить с ней об этом. Впечатлительность девочки особенно обострилась, когда она уловила в шепоте подруг и в разговорах мальчиков слова о своем недостатке — это не только усилило ее душевную боль, но и оттолкнуло от коллектива.

Какую тропинку найти к детскому сердцу, чтобы оно не затрепетало от еще более острой боли? Не могло быть и речи о том, чтобы прямо говорить с Олей о причине ее страданий, так как это привело бы к еще большей замкнутости. Надо было что-то делать, чтобы вызвать в ней желание поделиться своим горем, быть откровенной.

Пока я думал надо всем этим, случилось то, чего никто не ожидал.

Теплыми весенними вечерами Оля выходила на берег речки, садилась на старый камень и молча смотрела в глубину. Однажды, когда землю окутали мягкие майские сумерки, девочка почувствовала, что за спиной у нее кто-то стоит. Оглянувшись, она увидела женщину среднего возраста. Женщина смотрела мягко, приветливо; от ее взгляда Оле стало как-то приятно. Оля узнала ее: это была Мария, жена проповедника секты евангельских христиан-баптистов.

Обо всем, что было после этой встречи, я узнал уже тогда, когда Оле угрожала серьезная опасность. Я не передаю ее рассказа дословно, так как это была бы очень долгая повесть. Но и в кратком варианте этот рассказ очень поучителен, как поучительна и сама жизненная история.

Жизнь временами дает единственно правильный и суровый урок: личное счастье, полнота личной жизни — это словно некий драгоценный самоцвет, в ярком блеске которого становится для человека дорогим, близким все то, что утверждает коммунистические идеалы, ясность общественных целей, довольство и благополучие людей. Счастье, идеалы, мировоззрение — большая философская проблема: это не философия книжных изысканий, а живой трепет горячих сердец, волнения, надежды, страсти живого человека.

На следующий день Оля снова пошла к речке, и снова в то же время пришла Мария. Теперь она подошла к девочке ближе, села рядом, коснулась рукой плеча — так же ласково, как вчера, поглядела.

— Я вижу, что ты несчастлива, дитя мое,— сказала Мария,— и несчастье твое так велико, что хочется тебе уйти из этого мира.

Оля хотела что-то ответить, но Мария подняла вверх палец, стала будто прислушиваться, потом произнесла ласковым шепотом:

— Не надо, не надо ничего говорить... Бог уже узнал, что ты хотела сказать. Ты хотела сказать: не ваше дело, тетенька... Ошибаешься, девочка. Мое дело, ибо все мы дети господни, все мы братья и сестры. Все мы умрем, все мы на этом свете лишь странники, а постоянный дом наш там, на небе. Но бог не разрешает идти к нему раньше, чем каждому из нас предназначено. В свое время он позовет и тебя, и меня, и всех, кто странствует на этом свете. Душа твоя, девочка, чиста, как вот то облачко белое. Душа твоя прекрасна. Пусть не тревожат тебя мысли о красоте — это однодневный цветок. Иди к нам. Послушаешь, о чем мы говорим. Мы и песни любим, и музыку. В песне и музыке — красота нетленной души. У нас ты найдешь то, что ищешь,— истинную правду и покой души.

Оля слушала, затаив дыхание. Она не раз слыхала, что религиозные сказки — обман, но в эту минуту все забылось, куда-то отошло. Перед ней были не сказки, а живой человек, в чьих глазах горели огоньки глубокой убежденности. Эта женщина была счастлива и счастлива, наверное, потому, что сама верила в истину, о которой говорила.

Слова Марии глубоко тронули девочку еще и потому, что они давали ответ на ее сомнения, и именно тот совет, которого она ждала, которого ей хотелось. Да, она действительно собиралась покончить с жизнью. Она знала, что после смерти не будет ничего, но это ее не пугало. Более страшного, чем сознание собственной неполноценности, она не представляла себе, и ей хотелось умереть.

Оля чувствовала, что попала в безвыходное положение. И когда из уст этой странной женщины она услышала слова о бессмертной и красной душе, они уже не показались высокопарными фразами религиозной сказки. Может быть, где-то в уголке ее сознания и брезжила мысль о том, что это обман, но в минуту отчаяния ей хотелось, чтобы это была правда.

В тяжелые минуты жизни человек сам создает для себя иллюзию правды, ему хочется верить в плод своего воображения. Возможно, именно так человек создал в своем воображении бога.

Оля пошла к «евангельским христианам». В тот день верующие собирались на молитву, посвященную немало-важному событию в их общине,— двадцатилетняя девушка выходила замуж за сорокалетнего вдовца, но «брата» и единоверца. На Олю хлынул целый поток впечатлений, ошеломивших ее. Прежде всего удивило то, что в общине неплохой хор. Мелодии волновали, глубоко трогали.

Мария проводила девочку домой, напомнив, что через два дня — субботнее моление. В субботу Оля пошла снова в святую церковь, как называли верующие свой молитвенный дом. На этот раз она внимательно прислушивалась к словам, с которыми обратился к присутствующим пресвитер. Тихим, мягким, отеческим тоном он начал: все мы — в руках господних, никто из нас не знает, что случится завтра, через минуту.

Старенький пресвитер объявил, что сейчас выступит гордость их общины. Это был муж Марии. Его слова сначала захватили Олю: в них чувствовались подъем, одухотворенность, глубокая вера. И девочка ощутила, как учащенно забилося ее сердце...

Разочарование наступило позднее. Сначала в душу закралось сомнение. Почему это и пресвитер, и Мария, и муж ее так подчеркивают одно и то же: верьте, не думая, верьте сердцем, а не разумом, не подвергайте суду мысли то, что вам говорит сердце... Верить, верить, верить... Все то, что мы видим вокруг себя на этом свете,— твердили они,— это лишь сон; мы — словно гости на этом свете...

Оля чувствовала, как деревенеет все ее тело, кружится голова. Перед ней, словно слепящий свет молнии, засветилась было заманчивая мысль о вечной красоте души, а выходит, что нельзя думать, рисовать в своем воображении, что же оно такое — вечная красота, что такое душа... Обо всем этом она шепотом спросила у Марии, но та окинула ее таким суровым взглядом, что Оля больше ни слова не произнесла. А Мария толкнула ее и сердито прошептала:

— Ты слышишь? Надо верить сердцем, а не рассуждать.

В эту минуту все словно померкло перед глазами Оли. Она едва не потеряла сознание. Мария вывела ее во двор, проводила домой, что-то говорила, но девочка ничего уже не понимала. Она тяжело заболела. Встревоженная мать пришла в школу. Рассказала все, что знала: и о долгих беседах Оли с Марией, и о том, что дочка ходила на молитвы. А сейчас бредит... и все в бреду о чем-то просит... У постели больной мы встретились с Марией. В минуту, когда Оля пришла в себя, она увидела Марию и вскрикнула. Я попросил женщину покинуть комнату.

Через несколько дней девочке стало легче. Я не просил рассказывать, она сама рассказала обо всем.

Ее поразило требование верующих — ни о чем не думать. Как же это так? А что же такое тогда душа, что такое красота души? Разве можно верить во что-нибудь, не думая? Это поразило Олю в самое сердце.

Рассказала девочка и о своем горе, о том, почему она пошла в общину, что думала и переживала перед этим, как хотела наложить на себя руки. Теперь, когда Оля открыла свое сердце, можно было осторожно коснуться самой болезненной его раны.

— Девочка, ты прекрасна, — сказал я Оле. — Прекрасна не только душой, но и телом. У тебя красивые глаза и коса, красивое лицо, красивая фигура и так же красива твоя душа. Красота твоей души — в гордости, в чувстве собственного достоинства. Ты найдешь свое счастье. Ты уже поняла, что настоящая радость не в том, чтобы быть бессловесно-покорной божьей «овечкой», а в том, чтобы верить в силу разума, творить счастье на земле. Выздоровлявай скорее, тебя ждут товарищи...

Я не успел закончить мысль, Оля перебила меня.

— Нет, я еще пойду туда... скажу им... я много думала и не могу не сказать об этом...

И она еще раз пошла и сказала правдивые, страстные слова. Когда проповедник начал повторять поучения о необходимости верить сердцем, а не разумом, Оля встала и звонким голосом спросила:

— А душа — это разве не разум?

Ошарашенный проповедник, не догадываясь, к чему идет речь, ответил: да, душа человеческая — это разум. Только у человека есть разум...

— А что же тогда остается от души, если нельзя думать, как вы поучаете? Мне хотелось знать, что такое вечность, о которой вы так много говорили, хотелось иметь представление о том, что такое царство небесное. Мне хотелось знать, почему я ежеминутно должна быть готовой к смерти,— и обо всем этом нельзя думать, как вы говорите. Как же я должна верить в то, о чем не могу думать,— скажите, пожалуйста?

Проповедник смолчал, он был сбит с толку простыми доводами 14-летней девочки. Потом снова начал говорить, что надо верить сердцем.

— Но сердце человеческое — это и есть разум,— сказала Оля.— Вы много говорите о душе, а превращаете ее в рабыню, в мертвую мумию. А я хочу жить.

Может быть, читатель не поверит, что такие глубокие, правдивые и страстные слова могла сказать 14-летняя Оля. Я бы тоже не поверил, если бы в мою жизнь не вошла эта прекрасная девушка, если бы я сам не был много раз до глубины души растроган ясностью, мудростью, глубиной ее раздумий о жизни, о правде, о счастье, об идеалах. Не буду преувеличивать влияния ее слов на верующих. Но они взволновали многих, особенно молодых. В словах Оли поражала искренность, поиски правды.

Об Оле, ее дальнейшей жизни, о том, как она нашла свое большое личное счастье, можно было бы рассказывать много. Но не это является целью статьи. На примере человеческой судьбы мне хотелось показать, какую большую роль играет чуткость воспитателя к внутреннему духовному миру человека, к его глубоко личному, индивидуальному. Если бы в те дни когда ребенка потрясла мысль о неизбежности смерти, мы остались равнодушными к его мыслям, чувствам, тревогам, если бы все, что окружало Олю в школе, не прививало оптимистического мировосприятия, если бы девочка не переживала счастья нынешней, сегодняшней жизни, то она легко поддавалась бы влиянию религиозной морали, религиозных настроений.

Борьба за судьбу человека — это прежде всего борьба за его личное счастье, за то, чтобы он чувствовал, переживал полноту и радость жизни.

ЗАВИСИТ ТОЛЬКО ОТ ВАС

(ПИСЬМО ЗАВТРАШНЕМУ УЧИТЕЛЮ)

Я получаю много писем от студентов, главным образом от членов педагогических секций научных студенческих обществ. Почти во всех письмах — вопрос, ответ на который, мне кажется, будет представлять определенный интерес для многих завтрашних учителей. Вопрос этот звучит так: что самое важное, самое главное в педагогическом труде?

Я тридцать два года думаю над этим. Ответить не так легко, потому что в нашем деле нет второстепенного. Однако есть все-таки и сердцевина педагогического труда.

Дорогой друг, завтрашний учитель! Самое важное в нашем труде — видеть в своем ученике живого человека. Учение — это не перекладывание знаний из головы учителя в голову школьника, а это прежде всего живые человеческие отношения между педагогом и детьми.

Умственный труд ребенка, его успехи и неудачи в учении — это его духовная жизнь, его внутренний мир, игнорирование которого может привести к печальным результатам. Помните, что самая могучая сила, заставляющая школьника учиться, пробуждающая у него интерес к труду, усидчивость и настойчивость, — вера в себя, чувство уважения к самому себе. До тех пор, пока в детском сердце живет эта сила, Вы — мастер-воспитатель, Вы — человек, которого ребенок уважает. Но как только угаснет огонек этой ни с чем не сравнимой духовной силы, Вы становитесь бессильным: самые мудрые, самые тонкие средства воздействия на душу ребенка остаются мертвыми.

В одной школе не так давно произошло вот что. Ученик никак не мог понять, как питается и как дышит растение, как из почки развивается листок, из цветка — плод. Учитель биологии часто вызывал его и укорял: «Неужели ты не можешь понять простых вещей? Что же ты вообще можешь?» Постепенно в душе мальчика зрело неверие в самого себя. Элементарные вещи казались ему сложными, потому что путь к знанию стала преграждать стена неверия в собственные силы. На уроке биолог сказал: «Через несколько дней начнут распускаться почки, мы пойдем всем классом на каштанов-

вую аллею, если и там Алеша не расскажет то, что понятно каждому, тогда уж дело безнадежно».

Учитель очень любил свое детище — аллею маленьких каштанов, выращенных из семян... Когда класс пришел на каштановую аллею, учитель был поражен: все почки на деревьях сорваны... Дети стояли удрученные. В глазах Алеши на мгновение вспыхнул огонек злорадства.

Что стоит за этим поступком? Глубокая сердечная боль, обида, бурная вспышка духовных сил, взрыв. Мальчик выразил протест. Он чувствовал в словах учителя зло. А за зло ребенок платит злом, иногда чудовищным, нелепым, бессмысленным.

Но чаще бывает так, что школьник, получающий двойку за двойкой, примиряется со своей участью, свыкается с мыслью, что он ни на что не способен. Мое сердце охватывает гнев и возмущение, когда я вижу такого равнодушного, безропотного ребенка, готового терпеливо слушать укоры и «распекания» учителя. Больше огня бойтесь этого, мой юный друг. Бойтесь безропотного, бессловесного, готового со всем согласиться ученика. Это самое страшное в человеке. Пусть радуется Вас строптивость и ершистость, пусть к Вашей мысли ребенок подходит как бы с недоверием, пусть проверяет, исследует. «Да здравствует строптивость!» — эти слова я бы написал яркими буквами и вывесил бы в учительской...

Вы — завтрашний учитель. Помните, что каждый ребенок приходит в школу с искренним желанием хорошо учиться. Оно, как яркий огонек, озаряющий мир детских забот и тревог. Ребенок несет его нам, учителям, с безграничной доверчивостью. Этот огонек легко погасить резкостью, грубостью, равнодушием, неверием. Если бы мы, учителя, несли в своем сердце ту же безграничную доверчивость к ребенку, какую он несет нам! Была бы чудесная гармония человечности, взаимного уважения.

В чем же должна выражаться вера учителя в силы ученика? Диалектика нашего труда такова, что никогда не может наступить такой момент, когда учитель имел бы право сказать: благодаря моим трудам и моим заботам ребенок достиг предела, большего от него не добьешься. Многие беды школьного воспитания как раз и имеют в своей основе эту неверную мысль. Помните, что возможности и силы человеческие неисчерпаемы. Школьник может целый год чего-то не понимать, чего-то не

уметь, но вот наступил момент, когда он понял, сумея. Внутренние духовные силы для такого «озарения» — я так бы назвал это пробуждение мысли — накапливаются в детском сознании постепенно, и накапливаем эти силы мы, педагоги, своей верой. Никогда не надо спешить и разочаровываться. Не умеет сегодня — будет уметь через три года, и все эти три года я буду верить в неисчерпаемость человеческих сил.

В связи с этим хочется посоветовать Вам, мой юный друг: как у хирурга в чистом металлическом ящичке лежат тончайшие инструменты и ожидают своего часа — операции, так и Ваши самые тонкие, самые мудрые, самые острые и небезопасные инструменты — оценки — пусть больше «лежат в ящичке», чем пускаются в дело. Я считаю признаком дремучего педагогического бескультурья привычку ставить оценку чуть ли не за каждое слово. При таком отношении к делу тончайший инструмент превращается то в пряник, то в дубинку: одного он развращает, другого уязвляет. Хочется, чтобы не было в школах ненужной погоны за оценками, так называемого «накопления оценок». Сколько у ученика должно быть оценок в течение четверти — это дело учителя.

Помните, что и для взрослого напрасный, безрезультатный труд постыл, оупляющ. Мы же имеем дело с детьми. Если школьник не ждет успехов от своей работы, он теряет веру в свои силы, становится дерзким или же равнодушным.

От того, как ученик относится сам к себе, в огромной мере зависит его моральный облик. В школах пока еще много кустарщины в той сфере воспитания, где успех зависит от педагогической культуры учителя: ученик познает мир, окружающий его, но очень мало познает и очень мало знает себя. Я твердо убежден: познавая окружающий мир, ребенок должен познать себя, проникнуться чувством глубокого самоуважения. Самоуважение — мать самовоспитания. В чувстве собственного достоинства — один из сильнейших источников человеческой чести, доброго имени, здорового самолюбия. Вступая на поприще педагогического творчества, помните, что Вам надо научить ребенка умственно трудиться, научить думать, наблюдать, понимать, чувствовать в результатах умственного труда свои духовные силы.

Переступая порог школы, Вы становитесь не только преподавателем своего предмета, но прежде всего воспитателем. Вы должны уметь воспитывать желание учиться. Не все дети одинаково думают, одинаково воспринимают, одинаково запоминают. У одного уже получается то, чему Вы хотите его научить, у другого еще не получается, но это не значит, что он не хочет учиться. Дайте ему возможность подумать, не задувайте, не гасите слабый огонек жажды знаний. Оценивайте умственный труд ребенка лишь в том случае, если он приносит хотя бы незначительные положительные результаты. Умейте видеть и чувствовать в каждом неповторимую человеческую индивидуальность. Когда кто-нибудь из учителей говорит: «Этот ребенок безнадежен, такова его судьба — быть отстающим», мне вспоминаются слова Генриха Гейне: «Каждый человек — это мир, который с ним рождается и с ним умирает. Под каждой могильной плитой лежит всемирная история».

Студентку Алма-Атинского педагогического института Тамару Ш. волнует вопрос о методах обучения. «Меня страшит то, что появляется обилие методов обучения, — пишет она. — Почти каждый день читаешь: новый метод, новый методический прием... Как разобраться в этом обилии методов и приемов? Какие из них в самом деле наиболее эффективные?»

И Тамара Ш. и другие студенты, которых тревожит «рождение и не очень продолжительная жизнь отдельных методов» (так пишет студент из Волгограда), должны понять, что любой метод обучения, пока он существует лишь в нашем представлении, пока мы анализируем его достоинства и недостатки на бумаге — в учебнике, в конспекте, — это еще не метод. Представим себе набор тонких слесарных инструментов. Все они лежат — каждый на своем месте, каждый имеет свое назначение. Но что представляют собой все эти инструменты, пока к ним не прикоснулась человеческая рука? Металл — не более. Каждый из этих кусочков металла становится инструментом только в руках мастера. Так с методом обучения. Метод появляется тогда, когда есть мастер. От Вас и только от Вас зависит, как он будет воздействовать на юного человека. Настоящий творческий труд в школе — это прежде всего живая, пытливая мысль, исследование. Самая прекрасная, самая тонкая методика действительна

лишь тогда, когда есть живая индивидуальность педагога, когда в общее он вносит что-то свое, глубоко продуманное. Как не вспомнить слова мудрого польского педагога Януша Корчака: «Велеть кому-нибудь дать тебе готовые мысли — это поручить другой женщине родить твое дитя. Есть мысли, которые надо самому рожать в муках, и они-то самые ценные». Если хотите быть настоящим мастером, не ждите, когда кто-то родит Вам Ваше дитя. Наилучшим, наиболее эффективным будет тот метод, в который вы вдохнете свой ум, свою живую мысль.

Учительская газета, 1967, 9 февр.

НАГРАДА ЗА ДОБРО

Я знал одного образцового ученика-отличника, активиста. Он был командиром тимуровского отряда. О делах пионеров постоянно говорили в школе, о них писала районная газета. Но однажды к учителям пришла бабушка Володи Б. и рассказала:

— Бессердечный он, Володька... Учится хорошо, а сердца нет... Придет вечером в перепачканном пальто, сбросит его в коридоре, и приходится мне, больной, чистить. А пальцы-то у меня, смотрите, искалечены ревматизмом... Спрашиваю: «Где это ты, Володя, так измазал одежду?» — «Пионерские поручения выполнял», — отвечает.

Когда тяжело заболел отец Володи, мальчишка продолжал включать транзисторный приемник и слушал радиопередачи целыми вечерами. А отцу-то необходим был покой...

В школе учителя делали все для того, чтобы организовать для Володи и других подростков развлечения. Две пожилые учительницы по воскресеньям приходили в школу, чтобы наладить работу «клуба выходного дня». Когда Володя и несколько его товарищей — восьмиклассников были приняты в комсомол и им надо было явиться в райком за билетами, директор школы, шестидесятилетний страдающий одышкой педагог, два дня ходил в правление колхоза, просил машину, чтобы отвезти ребят в райцентр. А ехать-то всего десять километров...

Вот он, один из корней эгоизма, который педагоги, сами того не замечая, обильно подкармливают, проявляя чрезмерную заботу о своих питомцах. Этот эгоизм оборачивается порой очень страшной своей стороной.

Через неделю после получения комсомольского билета у Володи Б. умер отец. Несмотря на страшное горе в семье, подросток как ни в чем не бывало пришел в школу, был на уроках, вместе с товарищами шалил. Одна учительница, потрясенная этим, зашла в класс и буквально насильно вывела ученика в коридор.

— Отец твой умер,— стыдила она мальчишку.— Неужели тебя это не трогает?!

Володя нехотя пошел домой. А учительницу чуть было не наказали за «применение непедагогических мер воздействия». И этот школьник был активным участником тимуровской команды, пилил дрова и носил воду старушке! Как же все это сочеталось с бессердечностью, с эмоционально-нравственным невежеством?

Дело в том, что кое-где в духовную жизнь школьных коллективов проникло такое зло: некоторые ребята совершают добрые поступки в надежде на похвалу. Уверен: если бы о Володе и его тимуровской команде без конца не писали в стенгазете, не выдавали им грамоты, он бы и пальцем не шевельнул, чтобы помочь человеку.

В той же школе в дни, когда у Володи Б. умер отец, произошло событие, на которое, к сожалению, никто особого внимания не обратил. Как-то на перемене к учительнице IV класса подошла девочка и протянула 20 копеек, найденные во дворе: может быть, объявится потерявший деньги. Учительница расхвалила ученицу за «благородный поступок». О ней рассказали по школьному радио, написали заметку в стенгазету, даже фотографию поместили. И вот к учительнице вскоре пришли еще две девочки и тоже принесли «найденные во дворе» деньги. Но как-то получилось, что этот «благородный поступок» прошел незамеченным. Ученицы почувствовали себя оскорбленными: почему же о них не написали в газете? Потом выяснилось: девочки отдали учительнице свои деньги, надеясь купить похвалу...

Нам, взрослым, надо помнить, что ребенок, подросток, в свое время неверно понявший, что он каким-то своим поступком делает людям одолжение, и ожидающий за каждый добрый шаг награды, может вырасти расчетливым,

чванливым и неискренним человеком. Поэтому не умиляться надо по поводу того, что ребенок сделал что-то хорошее для другого. Высшей наградой за добро, сделанное людям, для подрастающего человека должен быть голос собственной совести — радость, удовлетворение.

Что же здесь самое главное, где ведущая роль воспитания человечности? Главное, на мой взгляд, — в культуре человеческих желаний. Присмотримся, на что направлены желания наших воспитанников, особенно детей младшего возраста. И увидим: прежде всего на то, что связано с попятными «дай», «сделай для меня». Гораздо реже маленького человека волнует желание что-то отдать другому, сделать хорошее для окружающих. А ведь это, согласитесь, одностороннее воспитание. Тот, у кого желания связаны с удовлетворением только личных потребностей, перестает замечать интересы и потребности других людей, становится эгоистом. Кто не знает границ своим желаниям, никогда не станет ни хорошим гражданином, ни добрым другом, товарищем.

В практике своей воспитательной работы педагогический коллектив нашей школы стремится к тому, чтобы с первого же класса дети учились отдавать частицу своего сердца близким людям. Уже в первую осень школьной жизни каждый первоклассник сажает на приусадебном участке родителей яблони — матери, отца, бабушки, дедушки. Много надо потрудиться учителю в течение нескольких лет, чтобы ученик вырастил эти саженцы. И он выращивает их.

Яблони начинают плодоносить. С трепетом в сердце маленький человек ожидает день, когда можно сорвать с дерева первые плоды. Он несет их самому дорогому человеку — матери. Это мгновение дороже тысяч воспитательных бесед и наставлений! Сумейте привести своего питомца к этой счастливой минуте, и наш воспитанник станет расти хорошим человеком. Его сердце откроется для тревог и забот о любом своем соотечественнике.

Воспитание тревожной, деятельной любви к окружающим, особенно к матери, — это не торопливая забота о подарке к 8 Марта (мать деньги дает, а сын покупает подарок). Это труд ежедневный и будничный, но такой необходимый.

Именно он припосит ребенку умение чувствовать сердцем мир другого человека. Жить сердцем, познавать

сердцем — в этом, по моему глубокому убеждению, самая тонкая, самая мудрая сфера воспитания. Я учу детей: по глазам, по речи, по движениям, по мельчайшим деталям поведения умеете почувствовать горе, смятение, отчаяние другого человека, и прежде всего своей матери.

Однажды ко мне прибежали мои питомцы, встревоженные, взволнованные. На берегу пруда они увидели старую женщину. «Она сидит, а в глазах у нее большое горе. Ей надо чем-то помочь. Только чем?» — обратились они ко мне. Мы вместе пошли к дальнему пруду. Оказалось, у женщины, потерявшей на войне двух сыновей, недавно умер муж. У нее на душе в самом деле была безысходная тоска, отчаяние. С тех пор ребята стали ее близкими друзьями, спасли женщину от одиночества.

Мы обязаны воспитывать в детях доброту, человечность, сердечность, отзывчивость. Не слезливую сентиментальность, а именно человеческую доброту. Взрослые при этом не должны даже с маленькими детьми «сюсюкать», умиляться их кажущимся нам смешными намерениями. Взять, например, заботу детей о животных. Почему бы в школьном сарае, где-то дома не отвести ребятам уголок для организации «птичьей» лечебницы или лечебницы животных. Пусть принесут сюда дети подобранных на улице щенка, выброшенного кем-то котенка, пусть в мороз ребята пойдут в сад: они обязательно найдут там полузамерзшую синицу или воробья. Благодаря заботе о живых существах они с малых лет начнут воспитывать себя сами. Это — не мелочь.

Наконец, человечность воспитывается культурой взаимоотношений учителя и школьников. Мы вынуждены признать, что эта сфера воспитательной работы — очень запущенный участок, воистину камень преткновения. Нам, педагогам, к большому сожалению, чаще, чем кому бы то ни было, приходится выражать отрицательное отношение к результатам работы детей. Порицание, неодобрение, тем более наказание — это набор самых острых в нашем деле инструментов, использование которых требует от педагога огромного умения, такта, внутренней культуры.

Большая беда школьного воспитания именно в том и заключается, что некоторые учителя, не умея пользоваться этими инструментами, хватают, образно говоря, из этого арсенала воспитания без разбора все, что

попадает под руку. Что я имею в виду? Окрик, раздраженность, угроза вызова родителей, а у людей, далеких от педагогической культуры, даже злорадство: «Вот ты ничего не знаешь, давай дневник, я тебе поставлю двойку, пусть родители полюбуются, какой у них сын...»

Трудно представить что-либо более ненормальное во взаимоотношениях учителя и детей. Если мальчишка почувствовал, что учителю хочется, чтобы о его двойке обязательно узнали родители и приняли крутые меры, он озлобляется против учителя и против школы, учение становится для него в тягость. А отсюда — 'огрубение чувств, жесточенность, которые нередко переносятся на его отношения с окружающими. Многочисленные ранки в конце концов зарубцовываются, но как раз эти рубцы и создают эмоциональную толстокожесть. Испытывая безразличное или несправедливое к себе отношение, дети теряют чуткость к добру и злу.

Чтобы иметь право пользоваться небезопасными педагогическими инструментами — порицанием, неодобрением и т. п., надо прежде всего любить детей. «Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он — совершенный учитель», — писал Л. Н. Толстой.

В основе человеческой чуткости учителя лежит общая интеллектуальная, нравственная, эстетическая и эмоциональная культура в своем органическом единстве, а это единство достигается и образованностью, и общественным опытом нравственных отношений в коллективе. Каждый из нас должен знать и чувствовать, что на нашей совести — судьба детей, что от нашей духовной культуры и идейного богатства зависят разум, здоровье, счастье поколения, которое воспитывает советская школа.

Правда, 1967, 20 февр.

КАК ЛЮБИТЬ ДЕТЕЙ

Иногда можно еще услышать в учительской среде дискуссию: обязательно ли, чтобы каждый педагог любил детей? «А если я их не люблю? — щеголял своей оригинальностью один учитель. — Если от их галдежа у меня головная боль? Если я только и знаю светлые минуты, когда не слышу их и не вижу? Что же, прикажете оставить школу и переквалифицироваться?»

Ответ этому оригиналу может быть только один: да, надо оставить школу и приобрести другую специальность. Или же воспитать в себе любовь к ребенку — третьего не дано.

Ибо любовь к ребенку в нашей специальности — это плоть и кровь воспитателя как силы, способной влиять на духовный мир другого человека. Педагог без любви к ребенку — все равно, что певец без голоса, музыкант без слуха, живописец без чувства цвета.

Нельзя познать ребенка, не любя его. Все выдающиеся педагоги прошлого стали светочами педагогической культуры, человечности прежде всего именно потому, что они любили детей. Ян Амос Коменский, Песталоцци, Ушинский, Дистервег, Жан-Жак Руссо, Лев Толстой, Крупская, Шацкий, Макаренко, Януш Корчак — эти имена всегда будут сиять нам, как вечный огонь мудрой человеческой любви. «Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель, — писал Л. Толстой. — Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он — совершенный учитель»⁷.

Речь идет не об инстинктивной любви, не облагороженной жизненной мудростью, которая приносит иногда ребенку большой вред. Речь идет о мудрой человеческой любви, одухотворенной глубоким знанием человеческого, пониманием всех слабых и сильных сторон личности — о любви, предостерегающей от безрассудных поступков и вдохновляющей на поступки честные, благородные. Любовь, которая учит жить, — такая любовь нелегка, она требует напряжения всех сил души, постоянной отдачи их.

Вместе с тем любовь к детям воодушевляет воспитателя, является для него источником, из которого он постоянно черпает новые силы.

Я не могу себе представить, чтобы ребенок когда-нибудь надоел мне, чтобы я перестал любить его. Это невозможно, так как невозможно до конца познать человеческое в ребенке и сказать: все. В тебе нет больше ничего, чего бы я не знал. Холодок, взаимная неприязнь, а потом и отвращение (а бывает — и ненависть: к сожалению, в нашем самом гуманном в мире месте — в школе, и такое бывает) возникают тогда, когда учитель считает, что он

уже знает ребенка, как свои пять пальцев. Представьте себе, что человек с завязанными глазами берется среди многих роз определить самый яркий, самый привлекательный для человеческого глаза цветок — что может сказать такой мудрец? Вот таким мудрецом кажется мне и педагог, который считает, будто он уже знает ребенка до конца. Да на это и жизни не хватит! Когда за год до начала обучения в школе приходят шестилетние малыши и становятся моими воспитанниками, меня поражает несходство детского восприятия мира. Вглядываюсь в черные, синие, голубые, серые глаза, и кажется, что каждый ребенок открыл сейчас свое маленькое оконце в мир и смотрит, очарованный, на небо и землю, солнце и месяц, цветок и птичку. И каждое оконце — неповторимо, своеобразно. Один воспринимает мир через музыку природы — вслушивается в пение птиц и гудение шмеля, в шепот травы и шелест листьев. Перед другим мир открывается в красках и оттенках. Один видит явление как единое целое, а другой всматривается в детали. Вот мы пошли в лес. Одного ребенка захватывает вся величавая красота жизни, цветения, а других поражает какой-нибудь маленький стебелек; один изумлен многоголосым пением птиц, а другой — не может оторвать глаз от муравья, который тянет груз, в несколько раз тяжелее его самого.

Чем больше познаешь эти тонкости детского мировосприятия, тем больше любишь каждого ребенка. Если бы я не познавал многогранности человеческого в ребенке, если бы каждый день не открывал передо мной что-то новое в каждом ребенке, все дети казались бы мне похожими друг на друга — я не видел бы ребенка. А тот, кто не видит ребенка, не может и полюбить его.

Любовь учителя к детям рождается в горении, в борьбе за человека, нередко — в муках. Было бы наивно представлять себе дело так, что все дети, которые приходят в школу, — красивые розы; и учителю не остается ничего, лишь только любоваться ими. Есть розы, а есть и чертополох. Сколько приносят дети с собой уродливого, сколько бывает такого, когда сердце детское — как гнойник, как язва, корни которой уходят в глубину тех дней, когда перед ребенком только открылось оконце в мир. Бывает, смотрят на тебя не чистые, честные, откровенные, а наглые, лицемерные глаза. Разве можно это все

любить? Я люблю ребенка не таким, какой он есть, а таким, каким он должен быть. И когда удается очистить сердце детское от гнойника и язв, когда в глазах ребенка сияет одухотворенность красотой, а не блуждает лицемерная усмешка, я люблю этого настоящего человека, ибо в нем — частица моей души.

Наверное, самое страшное из всего того уродливого, что приходится иногда находить в детской душе, — детский цинизм. Он является порождением тех семейных условий, где унижается человек. Никогда не забуду семилетнего Станислава К. Трудно поверить, но это действительно так: семилетний ребенок — циник. На его глазах в семье порочилось, извращалось, выставлялось на свет в зловонной грязи все, что есть светлого и дорогого в человеке. Для ребенка не было в жизни ничего святого. Он не знал, что такое материнская ласка и что вообще в мире существует сердечность, душевность, чуткость. Мальчик не представлял себе, что один человек может отдавать свои духовные силы во имя блага другого человека. Он видел в семье прямо противоположное: все делалось только для личной выгоды.

Лишь отвращение, брезгливость вызывало то уродливое, что было в душе мальчика. Но ведь это был человек. Он должен был стать прекрасным! Искусство нашей профессии состоит в том, чтобы, ненавидя зло, не переносить ненависть на того, в чьей душе живет оно.

На мой взгляд, подавляющее большинство конфликтов между учителем и «неисправимыми», «безнадежными» школьниками как раз и возникает там, где ненависть ко злу учитель переносит на ребенка. Однако ребенок есть ребенок, и в том, что зло укоренилось в его сердце, виноваты взрослые. В моей педагогической практике существует правило: каким бы страшным ни было зло в детской душе, надо видеть в этой изуродованной душе прежде всего человека, который ждет, чтобы ему помогли — излечили от зла. Я обращаюсь не к голосу зла, а к голосу красоты человеческой, которая в ребенке обязательно есть, которую не заглушить ничем.

Вот и со Станиславом К. так было... Я старался говорить с ним таким тоном, с такой внутренней настроенностью своей души, чтобы мальчик почувствовал в себе человека, чтобы стал уважать прежде всего себя. Это чудодейственная живая вода, от которой заживают самые

страшные гнойники и язвы. Ведь сама природа детского цинизма — это полная утрата уважения к самому себе. Обращаясь к Станиславу К., я старался забыть — и мне удавалось достичь этого величайшим напряжением духовных сил, — что в его душе царит зло. И как только мне удалось забыть об этом, мальчик впервые в жизни почувствовал, что в эту минуту обращается человек к человеку. Мы рассматриваем цветы на маленькой вишенке, которая зацвела в теплице накануне нового года. Восхищение красотой — вот что помогает мне забыть о том, что передо мною мальчик, в душе которого прочно укоренилось зло. Я вижу перед собой человека, с которым мне хочется поделиться своей радостью. И у мальчика исчезает настороженность — он забывает, что его воспитывают...

Удивительные чувства переживает в эти минуты Станислав. Это и смятение, и растерянность, и искреннее увлечение красотой. Я вижу перед собой ребенка: он предстает передо мной таким, какого я буду любить. До полного излечения от зла, конечно, еще далеко. Терпеливо, постепенно ищу все новые и новые дорожки к сердцу ребенка. Эти дорожки прежде всего наши общие духовные интересы — мы увлекаемся цветами, мы живем в мире игры красок, нас одухотворяет красота жизни; потом к этому увлечению добавляется еще и интерес к книге. Мы читаем интересные произведения о человеке, о его радостях и горе, о верности и преданности человека человеку. Постепенно, как великая тайна жизни, как удивительный мир подлинно человеческого, перед мальчиком открываются благородные человеческие чувства: ласка, сердечность, доброта. Сначала эти чувства ребенок узнает в других людях, потом они пробуждаются в нем самом. Так Станислав начал жить по-новому, познавать человека сердцем.

Проходят месяцы, проходит год, второй, третий год школьной жизни. Мальчик познает ласку и сердечность, доброту и сочувствие. Бесследно исчезает цинизм. Я с каждым годом все больше привязываюсь к мальчику. Я ни слова не говорил ему о том, что видел и видит он в семье. Я говорил с ним просто, как человек с человеком, и с того времени, как человек в нем пробудился, все доброе, что ожило в детском сердце, стало моим союзником, помощником в воспитании.

Дети по самой природе своей — оптимисты. Для них характерным является светлое, солнечное, жизнерадостное мировосприятие. Любить детей — это значит любить детство, а для детства оптимизм — то же самое, что игра красок для радуги: нет оптимизма — нет и детства.

Но тут мы и встречаемся часто с серьезной бедой школьной жизни: воспитатель, бывает, сам не ведая, что творит, подрубает корни оптимизма, подрубает методически, безжалостно. Оптимизм — это будто волшебное цветное стекло, сквозь которое окружающий мир кажется ребенку великим чудом. Ребенок не просто видит и понимает, он эмоционально оценивает, он любит, увлекается, удивляется, ненавидит, стремится стать на защиту добра против зла. Нельзя отнимать у ребенка это волшебное стеклышко. Нельзя превращать его в холодного, рассудочного резонера. Вот мы пришли на луг. Предвечерняя тишина. Над цветами летают бабочки, в голубом небе поет жаворонок, на плесе вскинулась рыбка. Дети возбуждены, они бегают от цветка к цветку, прячутся в кустах, перекликаются. Все это — детский оптимизм, все это — свет сквозь волшебное стеклышко. Пусть насладятся дети чудесным видением мира сквозь волшебное стеклышко. Пусть набегаются и поиграют. Пусть каждый из них удивится и, затаив дыхание, смотрит на то, что его удивило. Не делайте ничего, что делают педагоги, которые не любят детства: они не дают расцвести этой детской жизнерадостности, скорее спешат собрать детей вместе, ставят их по двое в ряд, и начинается нудный «анализ»...

В самих детях, в их оптимистическом мировосприятии — источник моей любви к ним. Мне хочется быть с детьми. Особенно сильным становится это желание тогда, когда по каким-то своим внутренним причинам я чувствую упадок духовных сил. Знаешь, что общение с детьми вдохнет бодрость, пополнит духовные силы, и потому в такие минуты больше, чем когда-либо, стремишься быть с детьми. Но... тут есть одна очень важная закономерность воспитания, о которой надо помнить. И если вы забыли о ней, то ни вы не будете любить детей, ни дети не будут любить вас. Эту закономерность можно сформулировать так: если все время, на протяжении которого учитель находится вместе со своими воспитанниками, считать единым целым, то две трети его должны

быть неприпужденным, товарищеским, дружеским общением, в котором дети забывают, что они — воспитанники, а учитель — их воспитатель. Это общение должно пронизывать деятельность, не связанную с обучением, усвоением материала, оценками, успеваемостью и т. п. В этом общении должно отступать на задний план то интеллектуальное неравенство, которое является результатом неодинаковых умственных возможностей. Здесь, в этом общении, все чувствуют себя равными, здесь каждый является прежде всего не учеником, а человеком. В таком общении каждый предстает перед вами, воспитателем, не таким, каким делает его оценка, а таким, каков он есть, когда раскрываются все его человеческие способности, задатки. Само это общение и является неисчерпаемым источником той радости, которая навсегда оставляет отпечаток в эмоциональной памяти учителя, благодаря которой дни и часы общения с детьми вспоминаются, как счастливейшее время жизни. Было бы наивным думать, что найти такое общение с детьми, в котором они уважали бы учителя, это значит учителю опуститься до уровня детей. Дети понимают, чувствуют интеллектуальное превосходство учителя, они стремятся подняться до его мыслей, жизненной мудрости. Но для того чтобы поднять детей до своего уровня, педагог должен глубоко понимать их духовный мир. А этот мир чрезвычайно многогранен, и его интеллектуальная основа не исчерпывается учебой, оценками. В чем же это богатство заключается?

Прежде всего в общении детей и учителя с природой. Мир природы — богатейший источник эмоций, и именно благодаря непосредственному воздействию на чувства, природа воздействует и на разум, она делает широким, ясным, светлым то оконце, сквозь которое ребенок глядит на мир. Познание красоты облагораживает сердце, ребенок становится красивым, вы будто впервые видите перед собой детей, которых привыкли видеть в других условиях. На протяжении десяти лет дружбы с каждой группой своих воспитанников я открываю несколько — иногда семь, иногда восемь-девять волшебных уголков природы песчанной красоты: в лесу, в поле, на берегах озера, речки, пруда, в густых зарослях луговых кустарников, в оврагах и рощах. Красота этих уголков природы завораживает своей гармонией, она пробуждает благородные человеческие переживания в самых равнодушных серд-

цах. Я веду детей в эти уголки в периоды самого яркого расцвета или такого же яркого угасания природы — ранней и поздней весной, летом, осенью. Мы здесь мало говорим, и когда я что-то объясняю, то каждое слово полнится здесь глубоким смыслом. Мы любим природу, и то, что у каждого из нас в эти минуты открывается сердце навстречу красоте, сдружижает нас, мы словно впервые видим друг в друге те черточки, которых раньше не замечали. Здесь в эти минуты зерна любви дают буйные ростки.

У нас есть такие укромные уголки среди природы, в которые мы приходим, чтобы жить здесь два, три дня. Это бывает не так часто — два-три раза в год, преимущественно летом. Сооружаем шалаши, ставим палатки, готовим еду. Каждый час пребывания среди природы приносит нам все новые и новые открытия. Но самое ценное то, что мы открываем друг в друге.

В моей памяти навсегда сохранился Петр С. Он окончил школу лет десять назад и сейчас работает инженером. И вот когда я вспоминаю его, возникает картина: теплый летний вечер, заходит солнце, пурпурные краски играют на плесе пруда, мы пришли в Сад Матери, к матери двух сыновей, погибших на войне. Петр С., черноглазый пятиклассник, подошел к яблоне, сорвал несколько созревших розовых яблок, положил их на тарелку, стоит, любуется ими. Сейчас он понесет яблоки матери, но ему хочется дольше переживать эту незабываемую минуту, так как он любуется не просто яблоками, а воплощенным в них собственным трудом, он гордится человеческой красотой в самом себе. Вот эта картина на всю жизнь запечатлелась в моей памяти и всегда предстает передо мной, как живая, лишь только я слышу имя Петра С.

Когда вспоминаю Тамару Ш., которая окончила школу и учится теперь в университете, передо мной возникает также яркая картина одухотворенного труда. С первого класса девочка стала увлекаться цветами. На школьной усадьбе у нее — свой цветник, своих три куста роз. Росное майское утро. Тамара, маленькая шестиклассница, пришла в свой цветник. Она срезает розы бережно, зажав дыхание, чтобы не стряхнуть капель холодной росы. Это она готовит букет для своей бабушки, сегодня ей восемьдесят лет. Это для нее она посадила куст розы,

на котором цветут невиданной, поразительной красоты голубые цветы. Радость сияет в глазах девочки, и это сияние навсегда вошло в мою душу, я люблю девочку именно такой, какой увидел ее в то росное утро.

А Федя Д. вспоминается удрученным, печальным, со слезами на глазах, с выражением отчаяния. В школьном Уголке Красоты он посадил куст сирени, заботливо ухаживал за ним, поливал, дождался цветов. Сегодня он пришел в сад, чтобы срезать несколько фиолетовых кистей и понести их своей маме, которая лежит в больнице с поворожденной сестричкой... Пришел и увидел: кто-то сломал, изувечил сирень. Никогда не забуду выражения детского страдания. Таким запомнился мне Федя на всю жизнь.

Эти воспоминания, навеки запечатлевшиеся в памяти сердца, и являются теми родничками, теми маленькими ручейками, которые рождают и питают большую любовь к каждому ребенку. Время нашей работы идет стремительно, часы общения с детьми быстротечны, но они не проходят бесследно: они остаются в нашей памяти, в сердце волнующие воспоминания. И чем ярче они, чем больше их запечатлелось в сердце, тем сильнее тянет к детям, тем более глубокую радость приносит новое общение с ними, тем больше неповторимого открываю я в новом поколении малышей, приходящих в школу. Чуткая и богатая эмоционально сфера учителя, способность запечатлевать, сохранять в сердце картины общения с детьми — это то, что приобретает педагог, что он может воспитать в себе за годы своей педагогической работы.

Мудрая любовь к детям — вершина нашей педагогической культуры, мысли и чувств. Сердечность, теплота, доброжелательность в отношении к ребенку — то, что можно назвать общим словом **доброта**, является результатом большой, длительной работы педагога над самовоспитанием чувств.

Создавая богатства своей эмоциональной сферы, учитель оберегает себя от эмоциональной стихии — так можно назвать состояние, которое овладевает им в часы неудач и разочарований. Если в ребенке вы не видите ничего светлого, радостного, если общение с ним не принесло в вашу эмоциональную память ни одного радостного воспоминания, тогда ребенок просто раздражает вас — и тем, что громко смеется, и тем, что молчит, и тем,

что шалит, и тем, что приходит к вам с жалобами на шалунов... Учитель, которому недоступна радость общения с детьми, не понимает детских чувств и поступков. Жизнерадостное мировосприятие ребенка кажется ему умышленными шалостями, и он старается погасить детскую радость.

Мудрая человеческая любовь к ребенку и детству — чувство, одухотворенное глубоким раздумьем, богатством мысли. Духовная пустота никогда не пробуждала и не питала подлинной любви. Вам, наверное, приходилось наблюдать не один пример холодного равнодушия, какой-то странной отчужденности в отношениях между учителем и учениками. Ученики не могут сказать, любят или не любят они учителя: он только приходит на урок для того, чтобы пересказать очередной раздел учебника, спросить, поставить оценки. Он не раскрывается перед ними, как живое воплощение человеческой культуры. Это одно из самых досадных явлений, с которым можно еще, к сожалению, встретиться в наших школах. Такой педагог приносит зло своей безликостью, тем, что в душах своих воспитанников он сеет пустоту.

Стать подлинным воспитателем детства, отрочества и юности можно только тогда, когда учителя и его воспитанников объединяют общие взгляды, помыслы, стремления. Без души и помыслов высоких нет пути от сердца к сердцу, — эти слова великого Гете заставляют глубоко вдуматься в характер взаимоотношений педагога и воспитанников. Возьмите учителя, который не пользуется у школьников авторитетом, которого не любят дети, и проанализируйте: о чем говорит он с учениками? Какие мысли и чувства передает он своим воспитанникам, а какие они — ему? Этот анализ вызовет у вас большую тревогу. Вы придете к выводу, что смысл обращения такого учителя к ученикам всегда заключается в пересказывании чужих мыслей, а ученики никогда бы и слова не сказали своему воспитателю, если бы не нужно было отвечать урок, чтобы получить оценку.

Ни о каком чувстве любви тут и речи быть не может, поскольку нет элементарного уважения человека к человеку. Такой учитель не знает души своих воспитанников. Несколько подобных учителей в педагогическом коллективе — и школьное обучение превращается в мертвую зубрежку, не раскрываются индивидуальные силы,

способности, задатки детей. Чтобы любить своих воспитанников, надо создавать у них культуру мышления, пробуждать живую, собственную мысль. Чтобы воспитанники любили учителя, они должны видеть в нем живое воплощение культуры человеческой мысли. То, что мы вкладываем в понятие любовь учителя к детям, любовь детей к учителю, начинается, на мой взгляд, с удивления, с благоговения одного человека перед духовными богатствами другого и прежде всего перед богатством мысли.

Как же практически достичь того, чтобы в отношениях учителя с учениками царили помыслы высокие?

Прежде всего нужно, чтобы в тех мыслях, которые доносит учитель до сознания школьников, он выражал самого себя, чтобы к сердцу детскому прикасались не холодные истины, а живая, страстная личность педагога. Это зависит от того, насколько знания, которые преподает учитель ученикам, стали его личными убеждениями, вошли в его душу. Это зависит и от общей культуры, эрудиции, широты научного горизонта учителя. Искра, которую бросает учитель в сознание ребенка, способна зажечь костер только тогда, когда, образно говоря, она не только что высечена, а горела не один день и не один год в его мыслях. Иными словами, костер живой мысли в сознании своих воспитанников зажжет только тот педагог, который знает в сто раз больше, чем того требует обязательная программа. Если у учителя есть это богатство, то его интеллектуальное общение неминуемо выходит за рамки урока и приобретает индивидуальный характер: интеллект педагога и интеллект отдельных учеников связываются десятками нитей — это и есть живые дорожки от сердца к сердцу.

Интеллектуальное общение с детским коллективом и особенно с отдельными воспитанниками — такой же богатый источник радости, как и одухотворенный труд. Формы этого общения самые разнообразные. Это прежде всего живой, страстный, волнующий разговор о науке, о книге — разговор с группой или с отдельными школьниками. Трудно предвидеть и заранее определить, о чем будет идти речь. Это не какие-то консультации или дополнительные занятия, а передача от сердца к сердцу тех искорок, из которых разгорается пламя мысли воспитанника.

Любить ребенка — значит защищать его от того зла, которое еще окружает многих детей в жизни (мы имеем в виду прежде всего семью). Ежегодно, когда школьный порог переступают первоклассники, с тревогой смотришь в глаза детям, которые несут в своем сердце открытую рану. Я хорошо знаю этих детей, знаю их родителей, знаю боли и тревоги детской души, знаю, что отдельных детей надо уже не воспитывать, а перевоспитывать. Эти дети у меня на особом учете, их воспитание я называю защитным воспитанием — оно является важной составной частью моей педагогической системы.

С какими же ранами в сердце приходят дети, искалеченные злом семейного окружения?

По моему мнению, очень опасная рана (а опасна она тем, что поражает сердца детей даже во многих, на первый взгляд, благополучных семьях) — одиночество, когда ребенок знает и чувствует, что он никому не нужен. Речь идет здесь не о том, что мать или отец отказываются от ребенка, что его оставили на произвол судьбы. Такие случаи бывают редко, и о них следует говорить особо. Речь идет о намного более сложном явлении духовного одиночества. Ребенку присуща способность жить сердцем, отдавать его близкому человеку, другому живому существу или даже неодушевленным предметам. Эта способность любить бескорыстно облагораживает душу ребенка, делает его жизнь богатой, светлой. У подавляющего большинства детей, пришедших в школу, есть кто-то дорогой, кому-то они отдали свою душу, и это дает им счастье, полноту духовной жизни. А у некоторых детей жизнь сложилась так, что они никому не смогли отдать своего сердца и чувствуют себя одинокими, не знают счастья духовной близости, родства. Это бывает в тех семьях, где самые близкие ребенку люди — мать, отец — лишены сердечной чуткости, не способны откликнуться на стремление детского сердца завязать искреннюю, душевную дружбу. Эмоциональное невежество родителей, ограничивающихся материальными потребностями, иногда животными инстинктами, — все это калечит детскую душу: в школу такие дети приходят глухими к добру; их сердце — как задубевшая подошва. Защищать ребенка от духовного одиночества, пробудить спо-

способность жить сердцем — одна из важнейших задач защитного воспитания.

Есть еще более грозное одиночество: отдельные дети понимают, что родились они на свет случайно, ни отцу, ни матери не нужны. Эти дети приходят в школу с тяжелой психической травмой. Они, как правило, несут в своем сердце открытую рану — озлобленность. Озлобленный ребенок не верит в человечность. К искреннему, сердечному слову учителя он проявляет настороженность и недоверие. Защитное воспитание детей с этой травмой требует глубокой, самоотверженной любви воспитателя к человеку, высокой культуры чувств, тонкой способности отделять зло от личности ребенка.

С тяжелой раной приходят в школу дети, которых в семье воспитывают в духе обмана, нечестности, эгоизма, неуважения к людям. Они не способны чувствовать сердцем человека рядом с собой, не верят в добро. Если не защитить детей от зла, господствующего в семье, они вырастут жестокими людьми, готовыми во имя собственной выгоды пойти на все, вплоть до измены, до зверского желания уничтожить того, кто стоит у них на пути. Лишенные защитного воспитания, с раной в сердце, которой не заметил воспитатель, эти дети, став взрослыми людьми, часто становятся на путь самых страшных преступлений.

С искалеченным сердцем приходят в школу дети, с первых шагов своей сознательной жизни подвергающиеся телесным наказаниям. Отец, который бьет ребенка, убивает в его сердце самое дорогое: ту способность жить сердцем, о которой говорилось выше. Пинки, подзатыльники, удары ремнем — не только насилие над телом. Это также и удары по чуткому детскому сердцу. С каждым ударом оно становится все менее чувствительным к этим самым ударам, становится толстокожим. Воспитанный в раннем детстве в духе насилия над телом и духом, ребенок становится невосприимчивым к каким бы то ни было мерам воспитательного влияния. Часто он жесток и бессердечен. Защитное воспитание этих детей является по сути испытанием педагогической культуры учителя — испытанием его любви к человеку.

В своеобразном защитном воспитании нуждаются и заласканные в семье дети, избалованные полной и ничем не ограниченной свободой самовыражения. Есть

некоторая часть детей, родители которых не приучают к подчинению личных интересов интересам других людей. Эти дети приносят из семьи дикий, нелепый принцип: «Я так хочу — так и делаю, мне нравится — значит, можно». Несчастлив тот ребенок, в душе которого живет животная уверенность в том, что его интересы самые важные. Он становится хамом, наглецом, хулиганом, если не защитить его от «благ» полной свободы самовыражения. Советы и требования учителя о поведении в коллективе такой ребенок переживает как личное оскорбление.

Защитное воспитание — это глубоко индивидуальное творчество педагога. Тут надо уметь так прикоснуться к болезненному, искалеченному сердцу ребенка, чтобы воспитание не обернулось для него страданием. От духовного одиночества самой лучшей защитой является пробуждение чувства любви, симпатии к человеку — учителю или старшему товарищу-школьнику, к кому-нибудь из таких же одиноких людей — к старику или старухе, к женщине-матери, потерявшей своего сына.

Сближение с человеком начинается с того, что воспитатель учит одинокого ребенка сопереживать: рассказывает ему о горе, трагедии, пережитых тем, с кем он намеревается сблизить своего воспитанника. Сопереживание — это первый шаг к познанию человека сердцем. Ребенка, который по тем или иным причинам в семье не познал любви к самому близкому, самому дорогому существу, я учу близко принимать к сердцу чужое горе. Чем глубже сопереживание, тем более чутким становится ребенок к людям, которые его окружают.

В защитном воспитании одиноких детей очень важно, чтобы ребенок не почувствовал воспитательной преднамеренности: учитель старается сблизить его с кем-то специально для того, чтобы воспитать... Если к этому «запланированному добру» добавляется еще хоть маленькая капелька равнодушия — ребенок воспротивится, возненавидит и учителя, и того, с кем учитель собирается его сблизить. Сближение одинокого ребенка с другим человеком должно происходить в естественных условиях. Человек, которому ребенок отдаст свое сердце, должен иметь в своем сердце что-то такое, что обогатило бы ребенка духовно. Развеять детское одиночество может только духовно богатый и щедрый человек.

Детей, озлобленных бессердечностью родителей, детей, не нужных ни отцу, ни матери,— очень мало. За тридцать два года работы в школе в мою жизнь вошло девять таких детей. Они всегда пробуждали в моем сердце острое чувство жалости, и я старался дать им то, чего они не знали в семье. Я становился другом таких детей, и за мои сердечные заботы они платили искренней, щедрой, самоотверженной любовью. Именно дружба с этими детьми стала для меня животворным источником вдохновения, той целебной водой, в которой нуждается каждый педагог, когда напряженный труд утомляет его сердце, истощает духовные силы.

Стать другом такого ребенка, пробудить в его сердце чувство любви, полюбить его всеми силами своей души — это требует большого искусства. Озлобленные равнодушием родителей, дети очень насторожены, они с недоверием относятся к ласке, хотя она им необходима, как влага томимой жаждой земле. Но начинать надо не с проявления ласки. Я стараюсь найти с ребенком такой общий духовный интерес, такую деятельность, чтобы ребенок почувствовал во мне человека и потянулся к человеческому. Как правило, эта общая деятельность рождается в коллективе. Потом ребенок становится моим товарищем, мы словно забываем, что мы — учитель и воспитанник. Духовное общение становится для нас потребностью. У ребенка исчезает подозрительность и озлобленность. За любовь и сердечность ребенок платит искренней готовностью отдать богатства своей души, чем-то утвердить свою симпатию. Личная дружба — это удовлетворение потребности в человеке — одна из высших моральных потребностей, которые школа должна утверждать с детства.

Самым действенным способом защиты ребенка от обмана, нечестности, эгоизма является пробуждение уважения к самому себе, пробуждение чуткости к человеческому в себе. Воспитание таких детей требует длительной индивидуальной работы. Здесь надо также найти общность духовных интересов, чтобы увидеть дорожку к детскому сердцу. Чаще всего основой этой общности у меня является книга. Книгой и разговором о книге я открываю ребенку глаза и сердце на добро и зло, добиваюсь того, что он восхищается добром и презирает зло.

Как бы ни было поражено детское сердце уродством домашней атмосферы, в нем теплится искра сопереживания, и чем меньше ребенок, тем больше в нем способность сопереживать. В первый класс пришел Валерий Г. — бездушный, бессердечный, жестокий — таким сделала его семейная атмосфера циничного презрения ко всему чистому и святому, что есть в человеке. Я пробудил у мальчика интерес к книге. Мы прочитали с ним рассказ Г. Сенкевича «Янко-музыкант». Яркие картины борьбы добра и зла потрясли ребенка. Читая рассказ, я наблюдал, как мальчик мысленно вступает в поединок с жестокостью и произволом. Валерий сердцем почувствовал, что в жизни есть вещи для человека несравненно более дорогие, чем присвоение материальных ценностей, выгода. Это — радость творить добро для людей. Одну за другой читали мы книжки о человеческом благородстве, потом он стал читать сам. Я с радостью видел, как атмосфера домашней жадности, обмана, циничного унижения человеческой красоты становится для мальчика чужой. Он нашел радость в отдаче тепла своего сердца другим людям. Уже в четвертом классе мальчик стал вожатым группы октябрат. Для него подлинным счастьем стало давать счастье детворе. Где-то в лесу он нашел ручеек, вытекающий из родника. Привел к ручейку детей и вместе с ними сделал тут игрушку — водяную мельницу. Построил для детей шалаш.

В первые недели пребывания Валерия в школе, когда я встречался глазами с его взглядом — лицемерным, равнодушным к горю людскому, в моей душе поднималось глухое возмущение против тех, кто искалечил детское сердце. Я ненавидел зло и боялся, что возненавижу мальчика. А теперь в глазах Валерия сияло человеческое благородство. Вот он увлеченно рассказывает о водяной мельнице в глубине леса, о том, что будущей зимой думает построить тут со своими мальчишками маленькую ветроэлектростанцию: пусть возле кормушки для лесных птиц загорится маленькая лампочка, пусть свет привлекает пернатых друзей. Да, это уже были совсем не те глаза, какими глядел мальчик на мир пять лет назад. Эти глаза нельзя не любить.

Воспитание детей, сердце которых искалечено побоями, грубым окриком, бранью, требует не только бережности, чуткости, но и большой настойчивости. Миссия

педагога состоит прежде всего в том, чтобы защитить ребенка от насилия над телом и душой. Я добиваюсь того, что отец перестает бить ребенка. Но во многих случаях побои и брань уже огрубели детское сердце, сделали его жестоким и глухим к добру. Тут сложнейшие инструменты педагогического искусства должны быть использованы для того, чтобы пробудить в детском сердце чуткость к тончайшим способам влияния на человеческую душу — прежде всего к красоте и к слову учителя. Я стремлюсь к тому, чтобы ребенок, искалеченный побоями и бранью, никогда не слышал крика, угрозы, никогда не ждал наказания.

Потом я начинаю пробуждать его сердце красотой. Лечение красотой — так можно назвать одну из граней моей педагогической системы. Об этой грани не расскажешь в двух словах. Здесь надо характеризовать сложность и многогранность тонких духовных влияний на чувства, на сердце, а через сердце и на разум. Перед ребенком с огрубевшим, «толстокожим» сердцем я раскрываю красоту природы, музыки, живописи. Это требует времени и большого терпения. Иному ребенку приходится открывать глаза на десятки картин природы, пока сердце его, образно говоря, не вострепечется, не ощутит оттенков красоты. Весною и летом, осенью и зимой я хожу с детьми в лес, в поле, в сад, в дубраву, на луг — слушать музыку природы. Это один из самых действенных способов лечения красотой. Пробуждая сердце, красота будто открывает сокровеннейшие уголки, и они становятся чуткими к слову учителя.

Важным способом защитного воспитания детей, искалеченных побоями и бранью взрослых, является забота о живых существах, цветах, растениях — обо всем живом и красивом. Специально для этих детей у нас есть больница для зверюшек, птичьи кормушки. Дети, у которых надо пробудить чуткость сердца, ухаживают за подобранными в холодную зимнюю пору птицами, зайчатами, ежиками... Этих детей мы также ведем на колхозную животноводческую ферму, где они ухаживают за маленькими ягнятами и телятами.

Очень большого внимания и педагогического такта требует защита детей, избалованных ничем не ограниченной свободой самовыражения, от произвола родителей, — ибо только произволом можно назвать удовлетво-

рение детских капризов, жизнь по принципу «мне все дозволено». Не надо пытаться сразу, с первого дня сломать волю такого ребенка. В воспитании таких детей я придерживаюсь принципа столкновения желаний, интересов. Я добиваюсь того, чтобы ребенок, избалованный произволом родителей, понял: мои желания, мои интересы, вполне законные и мотивированные, сталкиваются с такими же законными желаниями и интересами других людей. Мне хочется удовлетворить свое желание, но и другому человеку хочется удовлетворить свое желание, которое противоречит моему. Я убеждаю ребенка: если ты и тот человек, с желанием которого столкнулось твоё желание, будете действовать только в своих собственных интересах, жизнь превратится в ад, человек опустится до уровня пещерного дикаря. Такая «свобода» будет приносить только несчастье, страдания. Следовательно, чтобы пользоваться благами подлинной свободы, надо урезать свободу своего самовыражения, ограничивать свои желания, помнить, что принцип «мне все дозволено» — это звериный закон дикарей и хулиганов.

А чтобы ребенок все это осмыслил, он должен на собственном опыте убедиться, что без ограничения свободы самовыражения, без умения урезать желания не может быть настоящей свободы. Очень важно уметь создавать такие ситуации, в которых сталкиваются желания и интересы. Класс, например, идет в интересный поход в лес, но в школе существует строгий порядок: ежедневно один ученик от каждого класса включается в бригаду самообслуживания, которая работает и в столовой, и во дворе, и в теплице. Попробуй нарушить школьный порядок, и на тебя обрушится гнев коллектива. Десятки таких уроков — и самый избалованный ребенок начинает понимать, что он живет не на необитаемом острове, а среди людей.

У Д. И. Писарева есть интересная мысль: «Человеческая природа до такой степени богата, сильна и эластична, что она может сохранить свою свежесть и свою красоту посреди самого гнетущего безобразия окружающей обстановки»⁸.

Конечно, эти богатства, сила, эластичность не возникают сами собой, не даются ребенку природой, как некий иммунитет против нежелательных влияний. Их надо создавать, выращивать, утверждать. А для этого необходимо

защищать богатства человеческой природы в детской душе. Чтобы защитить ребенка от зла, преодолеть его и утвердить добро, надо видеть, понимать прошлое и представлять будущее ребенка, четко наметить перед собой идеал воспитания. Надо любить в ребенке все человеческое, чистое, благородное.

Радянська школа, 1967, № 7,

КУСОК ХЛЕБА

Несколько лет назад жизнь дала мне урок, который я никогда не забуду. В школу пришел старик, всеми уважаемый 80-летний пастух колхозного стада Иван Степанович. Я пригласил старика в учительскую, но он сказал: «Пойдем в сад... Разговор у меня тяжелый...» Когда мы сели под старой яблоней, Иван Степанович вынул из-за пазухи узелок. Развернул белый платок, и я увидел засохший кусок хлеба. Похоже было, что кусок побывал во многих руках.

— Знаете, что это такое? — спросил Иван Степанович.

— Хлеб.

— Святой хлеб, — сказал старик. — Я не верю в бога, как и вы, но хлеб называю святым. А вы, учителя, будто и забываете об этом. И что же выходит? У меня четверо внуков, четверо разбойников — ваших учеников. Пришел я вечером с поля и застал их всех за таким занятием: бросают черствый кусок хлеба на дерево, сбивают груши. Я отобрал хлеб. Стоят передо мной, головы опустили. Говорю: это святой хлеб, в нем пот и мозоли, целовать его надо. А в глазах у них смех, ждут не дождутся, когда я отпущу их. Надрал уши, пустили слезу внуки, но не от стыда, а от боли — вот в чем беда. Отпустил их, побежали мои внуки — и снова смеются. Подумайте, люди добрые, что же это такое? Разве могут стать настоящими гражданами эти дети? Разве могут быть они счастливыми людьми?

В ту ночь я не спал. Передо мной на столе лежал засохший, запыленный кусок хлеба. Глядел я на него и думал горькую думу... С тех пор прошли годы. И сейчас в шкафу лежит у меня окаменевший сухарь, завернутый в белый платок. Иван Степанович умер, но когда я смотрю

на этот сухарь, вижу его глаза — строгие и тревожные; слышу его упреки. Это голос души трудового народа.

Гражданин. Это высокое слово повторяется в школах нередко. Оно связывается в нашем сознании с благородной преданностью Родине, с высоким коммунистическим идеалом. Но часто забываем мы, воспитатели и родители, что это высокое уходит своими корнями в простое, будничное, повседневное — в труд и хлеб, в материальные ценности, которые создают люди для людей. Забываем мы иногда, что счастье наших детей, юных граждан, добыто, создано, завоевано, сохранено большой кровью и огромным напряжением сил старших поколений, трудом, потом, мозолями. Вдохнуть в юное существо душу гражданина — значит передать не только радость, восхищение, гордость за все то, что представляет собой наши святыни, но и сердечную боль, тревогу, заботу о судьбе этих святынь — свободе и независимости, чести и величии, богатстве и славе нашей любимой Родины.

Я принадлежу к поколению, которое в тяжелом 1941 году пошло с оружием в руках защищать Родину. В огне войны сгорели сердца многих из нас; над тысячами братских могил выросли высокие деревья. А тем, кому было суждено вернуться с войны, выпал нелегкий труд: из пепла и руин подняли мы фабрики и заводы, построили новые города и гидроэлектростанции, возвели замечательные школы и дворцы.

Далеки эти годы. Счастливы наши жены, счастливы и мы, отцы: растут у нас дети. Искренне радуемся, когда видим, как возводится для них новый дворец, как они весело идут вместе с мамами и бабушками к автобусу, отвозящему их на лето в пионерский лагерь. Бабушки и дедушки несут чемоданы, матери в сотый раз дают напутственные советы...

Все это — закономерности жизни нашей, всему этому надо только радоваться. И было бы неразумно высказывать сожаление по поводу того, что в тяжелые дни, дескать, легче воспитывать... Пусть никогда не возвращаются они, те дни, когда дети голодали и корочка хлеба была их мечтой. Но меня, отца, коммуниста, и, в этом нет сомнения, многих родителей, коммунистов, тревожит тот же вопрос: как соединить растущее изобилие материальных благ с формированием морального облика граж-

данина, который должен глубоко осознавать, что все это досталось дорогой ценой?

В одной школе-интернате случилось такое. Тридцать семиклассников пошли в воскресенье с воспитателем в лес. Был апрель, вечером шел дождь, ученики обули галоши. А днем прояснилось, солнце подсушило землю, галоши стали в тягость, и подростки выбросили их в овраг, еще и землей присыпали. Сделали все так, чтобы и воспитатель не видел. Когда потом у них спросили: «Зачем вы это сделали?», они ответили: «Все равно скоро выдадут новые...»

Не стоит рассказывать, чем закончилась эта история. Закончить ее каким-либо одним «воспитательным мероприятием» невозможно. Завершение ее упирается в ту же проблему — становление гражданина.

На моих глазах стали родителями те, кто когда-то сам переступил порог школы маленьким первоклассником. С каждым годом у детей наших все больше материальных и духовных благ — это очень хорошо; детство с каждым годом все радостнее — тоже хорошо — и беззаботнее — а это уже очень плохо. Может ли человек быть счастлив, если жизнь его превращается в бездумное потребление радостей, если он не знает, какой трудный, тернистый путь ведет к источникам этого потока радостей, если он не охватил взглядом своим тысячи ручейков, из которых образовался этот поток — образовался не сегодня, а давно: когда Александр Ульянов произносил на суде гневную речь, разоблачавшую царя и его сатрапов, когда великий Ленин закладывал фундамент нашей партии, когда Сергея Лазо сожгли в паровозной топке, повесили Юлиуса Фучика, расстреляли Никоса Белоянниса, когда мы с тобой, ровесник, стояли насмерть у крепости на Волге, когда тысячи намогильных красных звездочек появились на полях от Волги до Эльбы? Нет, не может быть настоящим гражданином человек, который не знает источников своих радостей, своего счастья.

Трудности воспитания совсем не в том, что изобилие материальных и духовных благ таит в себе какую-то опасность. Коммунизм мы строим для счастья и радостей человека. Трудности воспитания вот в чем: чем больше радостей жизни дается молодому поколению, тем с большей заботой должны мы вкладывать в юные сердца те моральные ценности и богатства, те наши святыни, без

которых жизнь может превратиться в бездумное проедание созданного старшим поколением, в «существование,— по словам Ф. М. Достоевского,— для собственной утробы»⁹.

От чего зависит формирование гражданской сердцевинны человека? От того, что вошло в его сердце в годы детства и отрочества, что взволновало, встревожило его душу, что наболело на душе, как говорит народ. Святыней для наших детей должен стать прежде всего долг перед миллионами борцов за свободу и независимость нашей Родины, отдавших жизнь за счастье будущих поколений. Это — святая святых школьного воспитания. Каждый ребенок, каждый подросток обязан переживать свой долг перед тем неизвестным солдатом, который в минуту смертельной опасности для Родины стоял насмерть и не пустил врага к стенам Москвы, не отступил за Волгу, телом своим заслонил путь фашистскому танку, бросился под танк со связкой гранат, сгорел в пламени войны... Чрезвычайно важная задача морального воспитания состоит в том, чтобы сердце детское ускоренно забилося при мысли, что на этом холмике, в этой балочке шел в атаку на врага дед, прадед; земля, щедро политая его кровью, стала его могилой. В этом переживании, в этом волнении сердца — источники той великой духовной силы, без которой нет настоящего гражданина, подлинного патриота. Эту силу я называл бы чувством народа. Но источник тот открывается перед человеком только тогда, когда долг перед павшими за наше счастье воплощается в активную деятельность. Корни гражданских чувств — в детстве; если детские годы упущены — этого никогда не наверстаешь.

За селом, на древнем скифском кургане я показываю детям следы давней битвы. По этой дороге в трудные дни сорок первого года отступали к Днепру наши войска. Сюда, на вершину кургана, пришел наш пулеметчик. Задержать врага, прикрыть наших бойцов — такой ему был дан приказ. И вот на дороге показались вражеские мотоциклисты. Он скошил их огнем своего пулемета. Фашисты начали обстреливать пулеметчика из миномета, потом из орудия. Смолкли взрывы, на дорогу выехали мотоциклисты, и курган снова ожил, фашисты падали от пуль советского воина. Фашисты послали танк. Он приблизился к самому кургану и начал обстреливать его из пушки. Смолкла пушка, снова выехали на дорогу фашис-

ты, и снова ожил высокий курган. Наш воин был тяжело ранен в руку, в голову и в грудь, глаза его заливала кровь, он знал, что в последний раз видит голубое небо родной земли. Но пока билось его сердце, он боролся с врагом. Здесь он и умер: танк вполз на курган, начал стрелять в упор, снаряд разорвал грудь молодого бойца, на траву упало окровавленное сердце. Вечером пришли колхозники, выкопали могилу, завернули сердце в лоскут багряного шелка, а тело — в другой и похоронили. Здесь и лежал его прах до того дня, когда наша родная Советская Армия освободила село от фашистов. Снова пришли на курган колхозники. Когда докопали до того места, где было похоронено сердце, — говорят в народе, — остановились пораженные: комок земли, лежавший на том месте, где было похоронено сердце, задрожал, как живой. Задрожало сердце воина. Это легенда, созданная народом. Она так же правдива, как героический подвиг. Помните, дети: земля, где мы сейчас стоим, это могила, в которой похоронено сердце героя.

Дети приносят на могилу дубок. Не надо никаких слов, когда в детских сердцах трепещет нежная волна благородных чувств, когда глубоко переживается то, что делается: они не просто сажают деревцо — они закладывают живой памятник герою. Трудно вырастить дуб на вершине кургана, но дети не отступают перед трудностями. Несколько лет поливают дубок; проходят годы, дети становятся подростками, юношами, взрослыми людьми. У живого памятника герою вступают в пионеры и в комсомол. День подвига нашего друга, неизвестного героя, становится для моих воспитанников днем славы, светлой памяти и печали. Ежегодно мы все приходим в этот день на могилу; кладем красные розы на место, где, по рассказам, упало окровавленное сердце героя. Потом идем коллективно работать — делаем что-нибудь полезное для общества; наш труд направлен на приумножение всенародных богатств, на то, чтобы украсить лицо родной земли.

Романтичное, героическое сливается с будничным, повседневным — с работой; всенародное сливается с личным, сердечным, бесконечно дорогим сердцу; в этом слиянии — источник гражданских чувств, гражданских убеждений, гражданского сознания. Высокая идея становится личным убеждением только тогда, когда она касается личного — сердечных забот и волнений, дум и тревог.

Подлинное гражданское воспитание начинается там, где идея и личный труд — пот, мозоли, сливаясь воедино, создают то, о чем народ говорит: у человека есть святое за душой. Я твердо убежден, что этим святым для каждого человека должен стать труд, одухотворенный высокой идеей. Это такая же святыня, как и долг перед павшими за наше счастье. Когда я вдумываюсь в слова патриотизм, Родина, гражданин, — эти слова всегда связываются в моем представлении с тремя другими понятиями: народ, труд, хлеб. Это три могучих корня гражданственности.

Мы уже привыкли к понятию органическая потребность в труде. Там, где речь идет о построении коммунизма, говорим и об этой потребности. А тем временем воспитание потребности в труде начинается в радости труда — когда это чувство сливается с пониманием его необходимости: не будешь трудиться — не имеешь права на материальные и духовные блага, которые дает тебе общество.

Дети мои неделю назад переступили порог школы, стали учениками, и вот мы с ними впервые приступаем к труду. Перед нами несколько десятков квадратных метров глины — здесь никогда ничего не росло. Я зажигаю в детских глазах искру желания: превратим этот пустырь в цветущий уголок. Носим на глину речной ил, смешиваем с песком и перегноем, создаем плодородную почву, сеем пшеницу. Мечтаем о том, что здесь вырастут полнозерные колоски, и пустырь зазеленеет. Зимой задерживаем снег, оберегаем растения от мороза.

Наша мечта — хлеб. Цель собрать хлеб на пустыре, где ничего никогда не росло, пробуждает в сердцах детей силы, необходимые для преодоления трудностей: нелегко носить плодородный ил, перекапывать почву, собирать перегной. Да, нелегко, но я и стремлюсь к тому, чтобы труд был и посильный, и нелегкий. Первый пот трудовой усталости, первая мысль о том, что хлеб дается человеку нелегко. В тихие летние вечера мы собираемся под дубом, мечтаем о том, как соберем зерно, смелем его, испечем свой первый хлеб. Дети любят мечтать, у них загораются глаза, им хочется трудиться, чтобы мечта осуществилась. Тут уже вы, воспитатель, заботьтесь о том, чтобы духовный заряд, который вам удалось вложить в детскую душу, не превратился в холостой выстрел. Мечта воспитывает болтунов, если одновременно с

трепетом мысли и чувства не напрягаются мышцы, не преодолеваются трудности. Радость труда, по сути, и дается победой над трудностями,— она завоевывается. Мне кажется, что один из самых больших недостатков школьного воспитания — это как раз гром холостых выстрелов: слова, мечта есть, а дела, которое завоевывало бы радость труда, очень мало.

...На зеленой траве стелят дети белые вышитые ска-терти, раскладывают хлеб, яблоки, мед; все это добыто нашим трудом. Хлеб нарезан на мягкие душистые лом-ти. Вот о чем мы мечтали, собирая удобрения,нося ил,роясь в навозе. Каждый ребенок держит свой ломоть как что-то бесценное, в глазах — гордость. Это его пер-вый хлеб. Разве можно даже подумать о том, чтобы кто-нибудь бросил на землю хоть крошку? Это невозможно, потому что маленький человек видит в хлебе, создан-ном собственными рѹками, самого себя, гордится собой, уважает себя. Если вы хотите, чтобы труд стал для че-ловека органической потребностью, научите его уважать самого себя, научите вкладывать в труд самое лучшее, что есть в его душе.

Важнейшая задача коммунистической педагогики — гражданская направленность труда. Уже в 8—9-летнем возрасте педагогический коллектив нашей школы вклю-чает детей в труд, имеющий ярко выраженный граж-данский характер. Это труд для людей — создание ма-териальных благ не только для своих детских потребно-стей, но и во имя общественных интересов большого коллектива взрослых тружеников. Причем очень важно, чтобы этот труд охватывал целый период духовной жиз-ни человека — с детства до отрочества, с 8—9 до 14—15 лет.

Никогда нельзя забывать, что труд и трудно — от одного корня, что подлинный труд не может быть лег-ким делом. Человек, который скоро получит паспорт, должен пережить такую же гражданскую ответствен-ность в труде, как и взрослый. В многолетней практике педагогического коллектива школы выработалось прави-ло: в 15—16-летнем возрасте ученики, особенно юноши, познаѹт труд, требующий большого напряжения сил. В трескучий январский мороз юноши едут на тракторе в поле, несколько раз за день привозят сено из полевых стогов на животноводческие фермы. Это нелегкий труд:

не у каждого и взрослого хватит выдержки и сил для него. Поручая этот труд юношам, мы имеем в виду, что человек готовится к нему физически и духовно на протяжении нескольких лет.

Нельзя не сказать о том, что подчас гражданское воспитание подменяют игрой. В одном городе построили прекрасное здание школы. И решили в торжественной обстановке передать школу детям. К семилетним малышам, которые едва переступили порог школы, пришли лучшие, передовые строители. Семилетней девочке вручили большой деревянный ключ, специально сделанный для этого. Передача ключа должна была, очевидно, символизировать то, что дети отныне — хозяева школы.

На первый взгляд, как будто все тут очень хорошо. Но если вдуматься в суть, то спектакль этот вызывает глубокое возмущение. Возмущает то, что мы, устраивая такие спектакли, забываем, что кроется за каждым нашим словом, в котором мир открывается перед детьми, и как они воспринимают то, во что мы стремимся вложить добрые побуждения. Организаторы таких мероприятий исходят, очевидно, из того, что дети — радость нашей жизни, что мы живем и работаем ради них. Бесспорная истина! Но говорить это детям, устраивать инсценизации, подчеркивающие такую мысль, — значит развращать детей.

Вместо того, чтобы низко кланяться перед семилетним ребенком, как это делали строители школы, нужно было совсем иное. Дети понимают, что для них построен прекрасный дворец науки, мысли, творчества. Так пусть они подойдут к строителям, до земли поклонятся им, поблагодарят за труд, пообещают беречь ценности, хозяевами которых являются взрослые.

Дети любят игрушки, но не любят, когда их самих пытаются превратить в игрушку. К сожалению, взрослые иногда вовлекают детей в сомнительную игру в гражданственность. Задумали в одной школе провести... показательный пионерский диспут. Пионерам-восьмиклассникам раздали шпаргалки и приказали заучить текст выступлений. Отдельные пионеры заучили краткие реплики: возражения, сомнения, несогласие с тем, кто выступает. На диспут привели вожатых всех отрядов — учиться. Организаторы спектакля были в восторге: вот как нужно проводить пионерские диспуты, все идет, как

по нотам! Им и невдомек было, что ноты с начала и до конца фальшивы, что вся эта инсценизация — уродование юной души, опошление святынь, дорогих советскому человеку.

Гражданское воспитание — словно тончайший резец, которым работает скульптор. Пока он лежит на столе, пока он не в руках мастера — это еще не инструмент, а просто кусочек металла. Инструментом, который воссоздает тончайшие черты одухотворенного человеческого лица, он становится, лишь попав в руки подлинного мастера — скульптора. Так пусть прикоснутся к этому кусочку металла только мудрые руки мастера. Держите резец подальше от рук кустаря!

Радянська Україна, 1967, 19 нояб.

ПЕДАГОГИКА СЕРДЦА

«В 1966 году я окончил педагогический институт. Но учительствовать пришлось недолго, потому что избрали первым секретарем комсомольского райкома. Помню тогда, поздравляя меня, товарищ из обкома сказал: ты педагог, а комсомольская работа — почти то же самое, что и работа в школе, главное — воспитание человека.

И вот я уже пять месяцев секретарь. Район у нас сельский. Почти семьдесят процентов комсомольцев — школьники. Много трудностей. Иной раз сидишь на собрании или беседуешь с юношей или девушкой и видишь: совершенно безразлично им, что обсуждается, как решается...

Как-то на одном собрании в школьной организации решили проверить комсомольские билеты. Почти ни у кого их не оказалось — дома оставили. Перенесли собрание на другой день. Две девушки все равно пришли без билетов. Почему? Матери дома нет, отвечают. Оказывается, их матери хранят билеты дочерей под замком, боятся, чтобы не потеряли.

Как преодолеть равнодушие? Посоветуйте, пожалуйста, как старый педагог, вы столько лет работали с молодежью, знаете ее.

Михаил Ч.»

Вот какое письмо я получил. А как отвечать? Вылужил на стол записные книжки — свое самое заветное — и перечитывал их несколько дней.

Проносились передо мной годы и десятилетия, проходили сотни моих питомцев — ведь работаю я в сельской школе уже тридцать третий год.

Непросто ответить на ваши вопросы, Михаил. Комсомольская, молодежная педагогика, — это не педагогика урока, а педагогика души и сердца, мысли и убеждения. Неимоверно сложная вещь!

Вспоминаю историю Ленинского комсомола. Что вело нас, полуголодных и плохо одетых, на тяжелый смертный бой с полчищами интервентов; что давало силы выдерживать штурмовые, бессонные ночи первых пятилеток? Только выстрадавшие, сросшиеся с нами мысли и мечты о самом справедливом, прекрасном, разумном, человеческом строе, который мы поднимали на своих плечах.

Мудрость и мастерство комсомольской педагогики, на мой взгляд, как раз и заключается в том, чтобы перед каждым открывать мир будущий и не только общий, но и личный: каждого мальчишки, каждой девчонки. Не всем им суждено полететь в космос, двадцатидвухлетними защищать докторские диссертации, расшифровывать письма, над которыми безуспешно бился ученые триста лет, или, скажем, выступать в Большом театре. Но всякий, наверное, может найти себе дорогу, путеводной звездой на которой будет не только добыча хлеба насущного, но и нечто от трудных мук творчества над докторской диссертацией, от большого чувства жизни в огромном нашем мире, который замечательный русский писатель Андрей Платонов назвал «прекрасным и яростным».

Надо, наверное, уметь хоть на один шаг опережать все, что делается вокруг. Труд, который предстоял моим ребятам на выделенном в колхозе участке, тысячи раз выполнялся нашими отцами, дедами. Предстояло засеять и вырастить гектар пшеницы. Исстари даже в самый удачный год дает она здесь не больше тридцати пяти, ну сорока центнеров, а в среднем — шестнадцать. А мы решили: попробуем семьдесят, и обычный труд стал необычным. И не только по своему характеру: многое приходилось делать не так, как на больших полях. А прежде всего потому, что сама борьба сделала нас единомышлен-

пиками. Мы заставили пшеницу куститься, и мощные растения с тяжелым колосом радовали. А уборка стала просто праздником — оказалось, семьдесят с лишком!

Общая наша радость потянула ребят друг к другу, и все собрались вечером в школу, хотя никто никого и не созывал. Хотелось быть вместе. Хотелось мечтать о том времени, когда на полях наших будут собирать по во-семьдесят, даже по девяносто центнеров пшеницы...

Мы заглядывали в будущее. Но заметьте, Михаил, не часто употребляли высокие слова. К ним надо относиться бережно. А то ведь как бывает? Надо, скажем, выполоть бурьян или поработать день под палящим солнцем, и воспитатель сразу же напоминает, в каких условиях работал Павка Корчагин, заготавливая дрова, какие трудности и лишения переносили строители Братска. Нет, так нельзя, иначе святое обернется холодными штампами, и на сердце, на юную душу уже не будет действовать ничего.

Второй мой совет вытекает из первого и связан с ним. Каждая истина в нашей педагогике должна быть тесно связана с десятками других, и если в одном каком-нибудь уголке юношеского сердца воцарится пустота, то она угрожает всему сердцу. Речь идет о святынях юности.

Патриотом и гражданином может стать только человек с чутким и мужественным сердцем. Меня удивляет, что, говоря о коллективе и коллективизме, упоминают все: и организационные зависимости, и руководство, и подчинение, и дисциплину. А о воспитании чувств, о сердечности и душевности почти никто не говорит. Но ведь ни о каком коллективе не может быть и речи, если в нем будут люди с каменным сердцем. А патриотизм — это, образно говоря, сплав чувств и мысли. Понятие Родина постигается ведь не только и не столько разумом, сколько сердцем. И начинается это, по-моему, с того, что в окружающем мире кто-то становится человеку безмерно дорогим, кому-то готов ты отдать все силы своей души. Патриотизм начинается с любви к человеку.

Никакие добродетели не найдут места в сердце, жестоком к собственной матери. На чертополохе не расцветет роза. Постигнем же, мой юный друг, азбучную истину педагогики: человек должен любить и тонко чувствовать рядом с собой человека с его радостями и тревогами. И пусть это начинается с матери. Подумайте, сколько

проводится всевозможных субботников и воскресников, педелей и месячников, рейдов и походов. Все это надо. Но найдите хоть одну организацию, где бы секретарь спросил у комсомольцев: «Что вы сделали, товарищи, для своей матери?».

Я говорю мальчикам и девочкам: «Сегодня у вас торжественный день. Вы получили комсомольский билет. Поделитесь своей радостью с матерями. Пойдите сейчас все домой, посадите каждый на самом почетном месте Яблоню Матери. Вот каждому из вас саженец — берите. Это необычайный сорт: прозрачно-розовое яблоко будет отражать в себе и пекучую зари, и багровый закат перед ветреным днем. Так и назовем этот сорт «материнское». Будем лелеять эти деревца и беречь, а как созреет яблоко, — отнесем его матери».

Я считал бы комсомольское воспитание лишенным сердцевины, лишенным одного из главных, столбовых корней, если бы не воспитание человечности. Тот ясный июльский вечер, когда мой юный друг снимает с Яблони Матери созревшие плоды, — радостный для меня момент восхождения на одну из вершин педагогической мудрости.

И еще, мне кажется, об одном надо сказать. Есть у нас в школе комната, которую мы называем Комнатой Мысли. Здесь всегда тишина. В шкафах кнпки. Чтобы ни один подросток не прошел мимо комнаты — в этом вижу я одну из важнейших задач воспитателя юношества.

Я не представляю себе комсомольской педагогики без того, чтобы Коля А. и Люба Ш., Ваня Г. и Галя М., Зина Г. и Шура Ч. не просидели ночь и не встретили рассвет над книгой о Марксе, Ленине, Николае Кибальчиче, Сергее Лазо, Феликсе Дзержинском, очарованные, полные глубоко личных, индивидуальных раздумий: кто я, какой я, как я жил до сих пор и как буду жить.

Можно услышать споры: когда начинается ранняя юность — в четырнадцать или в шестнадцать? В последнее время ученых беспокоит ускорение физического развития юношей и девушек и в то же время отставание развития социального, духовного, нравственного. Социальная, духовная незрелость некоторой части молодых комсомольцев становится препятствием в их воспитании. Как же преодолеть это препятствие?

С малых лет человек должен познавать радость творчества для людей. Юность немыслима без радости. Но духовная зрелость, духовное возмужание подростка, юноши зависит от того, в чем источник этой радости. Если это лишь радость потребления, — он до двадцати лет будет ребенком. Сколько такого, к сожалению, бывает... Возмужание приносит другая радость — радость от мысли, что я что-то своим трудом дал людям. Это — важнейший источник морального богатства.

Когда моим юным друзьям было по десять лет, мы решили создать Виноградник для Людей. Перед нами — выжженный палящим солнцем, безжизненный склон. И вот мы трудимся: очищаем поле от сорняков, готовим к продольной вспашке. Роем сотни ям, носим в каждую перегной.

С тех пор прошли годы, а забота о винограднике стала для каждого из нас чем-то родным и важным. Заботой простой, естественной и в то же время этой своей естественностью значительной. Постепенно мы накрепко приросли к земле. А глаза наши обрели гражданское видение мира. В нем нет больше ничего, что не касалось бы нас лично. Как-то Коля А. и Шура Ч. пришли ко мне вечером и, тревожась, рассказали, что нашли странный степной уголок; в балке растет несколько старых усыхающих вишен, а кругом — сорняки. «Какой-то заброшенный мир, — говорили тогда мальчики. — А один старик сказал, что когда-то там был прекрасный помещичий сад и росли даже грецкие орехи. Почему же земля пропадает?»

Я слушал мальчиков и радовался: «Заботы и тревоги входят в ваши сердца, юные друзья, — как это прекрасно». На следующий день на заре, мы, как на крыльях, полетели к «затерянному миру» и решили вырастить там Уголок Красоты для Людей. Не скрою, у меня затаилась тревога: по силам ли? Но мои ученики выкорчевали пни, посадили орешник, сирень, рябину. И уже в первую весну Уголок Красоты зеленел. Три года мы поливали деревья, и они поднялись над степью упругой зеленой стеной. И туда стали приходить на отдых колхозницы — весной и летом они работали неподалеку на свекловичной плантации.

Или такая история. Был у нас Комитет Защиты Природы. Пошли однажды Юра Ш., Федя Р. и Ваня Г. по берегу широко разлившихся озер — посмотреть, нет ли

рыболовов-браконьеров, и заметили в камышах тщательно укрытую лодку, приготовленную к ночной охоте: на дне ее лежала взрывчатка. Они заменили ее увесистыми булыжниками и глиной. Да еще и лавки в лодке смазали дегтем и смолой. Легко представить, в каком положении оказались незадачливые рыболовы.

Обо всем этом ребята чистосердечно рассказали мне в ту же ночь. И я не мог отругать их. Конечно, может быть, с точки зрения холодного рассудка, ребята и не все правильно сделали. Но не скажешь же им, что надо было тихонько прийти в село, сообщить в сельский Совет или мне, — а уж мы, взрослые, направили бы дело в суд. Я вылил бы ушат воды на костер гражданских чувств, и он бы угас. Нет, не всегда можно связывать благородные юношеские порывы путами логических умозаключений. Все это придет со временем: зрелая мудрость, рассудочность, умение семь раз отмерить и раз отрезать. Но горячий трепет возмущенного злом сердца никогда не придет, если юношество не возьмет его в зрелые годы из той тревожной, беспокойной поры, когда происходит великое открытие мира — сложное и небезболезненное познание добра и зла сердцем.

Право, не знаю, Михаил, помог ли я вам. Да я и не совсем уверен, что есть они, готовые рецепты комсомольской педагогики. Надо просто руководствоваться определенными принципами. О некоторых из них я и рассказал.

Комсомольская правда, 1967, 28 нояб.

СЛОВО УЧИТЕЛЯ В НАВРСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ¹⁰

Слово учителя — ничем не заменимый инструмент воздействия на душу воспитанника. Искусство воспитания включает прежде всего искусство говорить, обращаться к человеческому сердцу. Я твердо убежден, что множество школьных конфликтов, нередко оканчивающихся большой бедой, происходит от неумения учителя говорить с учениками.

Стала тривиальной истина, что влияние личности учителя на воспитанника ни с чем не сравнимо и ничем не заменимо, но повторяющие эту истину редко отдают себе отчет в том, что личность учителя раскрывается перед учеником в единстве слова и поведения. Педагог

в слове выражает себя — свою культуру, свою нравственность, свое отношение к воспитаннику.

Главное, что определяет эффективность слова учителя, — честность. Ученики очень тонко чувствуют правдивое слово, чутко откликаются на него. Еще тоньше чувствуют дети неправдивость, лицемерие.

Существенное значение имеет и эмоциональная культура воспитателя — составная культуры педагога как личности. Подлинный мастер-воспитатель дает нравственную оценку поступкам, поведению учеников не специально подобранным острым, «крутым» словом, а прежде всего эмоциональным оттенком обычных слов. Возьмем фразу: «Как нехорошо ты сделал...» Эти слова, сказанные одним учителем, пробуждают у воспитанника глубокие угрызения совести, даже смятение, сказанные же другим, они не пробуждают никаких чувств, воспринимаются равнодушно. Первый учитель, скажем мы, отличается эмоциональной культурой. Этому невозможно научиться специально, она теснейшим образом связана с культурой нравственной, с человечностью, с чуткостью души. У второго учителя слово обесчеловечено, и его пустоту учитель часто стремится возместить криком. Сколько в школах «воспитателей», владеющих лишь одной нотой эмоциональной гаммы — возмущением! Они достойны глубокого сожаления. Их воспитательное воздействие на учащихся равно нулю.

Условие действенности слова воспитателя — широкое содержание, разнообразие целей обращения педагога к воспитаннику. Педагогическое безкультурие зачастую выражается в том, что воспитатель знает лишь две-три цели словесного обращения к питомцам — запрет, разрешение, порицание. У мастера-воспитателя обращение к воспитаннику имеет множество целей, и одна из самых частых — разъяснение нравственной истины, понятия, нормы. При этом добиться желаемого эффекта можно лишь зная, чувствуя отношение своих воспитанников к хорошему и плохому в самих себе, их способность критически относиться к собственным недостаткам. Опытный воспитатель, разъясняя нравственное понятие, всегда обращается непосредственно к внутреннему миру воспитанника, стремится добиться того, чтобы его питомец анализировал какой-то свой поступок, какую-то черту своего поведения, увидел себя глазами других людей.

Внушение требует от воспитателя огромной затраты духовных сил. Условие внушения — органическое единство глубокой веры учителя в то, что он говорит, правдивости его идеи и яркости, силы, выразительности слова. Опытный воспитатель прибегает к внушению не часто, опасаясь авторитарности. Гораздо чаще он воздействует убеждением — логическим доказательством истинности той или иной нормы, того или иного положения. Воспитателю надо знать, как убеждать малышей и как подростков, юношей и девушек. Если маленький школьник охотней всего берет истину из яркой жизненной истории, то для подростка и тем более юноши путь к убеждению лежит через философствование, раздумье, размышление.

Педагог, обладающий высокой педагогической культурой, учит размышлению вслух, он делится с юношами и девушками своими сомнениями, обращается к ним за советом, приглашает к совместным раздумьям. Слово такого учителя непринужденно, задушевно, оно утверждает атмосферу доверия, чистосердечности, общности. В разговоре педагога с учащимися утверждается единство взглядов на добро и зло, на нравственные ценности; такой разговор приближает воспитателя к воспитанникам, всякая же попытка войти в духовный мир воспитанников хитростью, «через задворки», разыграть близость с воспитанниками обычно терпит провал. Моральное право на задушевную откровенность питомцев имеет только тот, кто уважает и любит их, верит в доброе начало в каждой юной душе, непримирим ко всему показному, фальшивому, лицемерному.

Эффективный прием нравственного воспитания учащихся — введение их в мир борьбы нравственных идей, сократический, мы бы сказали, прием активизации мышления подростков путем выявления противоположных идей, тенденций. Этот прием пользования словом очень важен в обучении, но нужен и важен и в области нравственного воспитания.

Приемом побуждения воспитателю легко проверить свое педагогическое мастерство, самого себя. Он побуждает питомцев к творческому выполнению той или иной работы, к преодолению трудностей, к длительному сосредоточению волевых и умственных сил на достижение цели, товарищескую взаимопомощь и т. д. В основе побуждения почти всегда лежит непосредственное обраще-

ние к чувству собственного достоинства, к здоровому самолюбию школьника. Но это обращение не должно превращаться в захваливание, — надо очень тонко, незаметно пробудить у воспитанника желание утвердить свое достоинство. Ни в коем случае не должны быть предметом похвалы проявления элементарной моральной культуры; большую ошибку допускают отдельные воспитатели, представляя как доблесть готовность прийти на помощь человеку и т. п. Хвалить надо лишь в том случае, если ученик поднялся над требованиями азбуки моральной культуры.

Похвала, поощрение ученика, коллектива — очень большая воспитательная сила: возрастает чувство собственного достоинства поощряемых, у них возникает желание поступить еще лучше. Совершенно недопустимо поощрять коллективы и отдельных учащихся, которые являются «лучшими среди плохих».

Педагог должен быть не только добрый, чуткий, но и строгий, непримиримый к лени, лжи, лицемерию, бесчеловечности. Если приходится иметь дело с личностью развращенной, бравирующей своей безнаказанностью, не желающей выполнять элементарные нормы поведения, надо со всей решительностью браться за инструмент, к которому в воспитании прибегают не так часто, — за принуждение.

Жан-Жак Руссо писал, что верный способ испортить человека — это дать ему все и не требовать с него ничего: «тогда тиран будет к вашим услугам»¹¹. Одной из истин педагогической мудрости, уходящей корнями в многовековой опыт трудового народа, является положение: чем больше человеку дается, тем больше с него надо спрашивать. Эту истину необходимо претворить в нормы и правила школьной жизни, претворить в отношениях между младшим и старшим поколениями. Но надо еще раз напомнить о том, насколько это острый и небезопасный инструмент воспитания — принуждение, проявление власти человека над человеком. Выполнение учеником своего долга перед обществом — это прежде всего учение, овладение знаниями. Не так легко понять ребенку, что хорошим учением он возвращает обществу то, что оно дает ему. Вот эту мысль и надо глубоко внушить маленькому человеку с тем, чтобы и до вступления в пору отрочества он уже постигал, чувствовал гражданский смысл своего

учения, труда. Без этого он не поймет и смысла принуждения. Кроме того, очень важно различать, где кончается неумение учиться и начинается нежелание. В подавляющем большинстве случаев первой причиной лени, нерадивости является неумение учиться. Того момента, когда неумение перешло в нежелание, учитель уже и не помнит. Перед ним, по его убеждению, законченный лодырь, но если разобраться в истоках явления, то окажется, что в корне зла — беда, которую своевременно не мог понять учитель. Вот почему принуждение нельзя рассматривать как метод, независимый от других методов, сторон, аспектов воспитания.

Наказание — не только крайняя форма принуждения, это также одна из форм гражданской оценки поведения человека. Наказание перевоспитывает лишь тогда, когда в чем-то убеждает, заставляет задуматься над собственным поведением, над отношением к людям. Мы рассмотрим только такую форму наказания, как **порицание**.

Воспитательная сила порицания учителя зависит от его моральных качеств, от его тактичности, авторитета. Какой бы резкой ни была оценка поведения ученика, опытный воспитатель никогда не допускает уничтожающей оценки. В умном порицании всегда есть оттенок удивления: «Я никогда не ожидал от тебя такого поступка, я считал и продолжаю считать тебя лучше, чем ты сам заявляешь о себе своим поступком». Эти слова не произносятся, но обязательно «читаются между строк» — в этом как раз и заключается искусство порицания. Если же воспитатель вместо тонкого, умного порицания «практикует» ругань, оскорбляет достоинство школьника, это вызывает ожесточенность, отчаяние, злобу и замкнутость, отношение к воспитателю как к враждебной силе. Искусство порицания состоит в мудром сочетании строгости и доброты: ученик должен почувствовать в порицании педагога не только справедливую строгость, но и человеческую заботу о себе.

Выражение недоверия — один из острейших инструментов воспитания. На применении его быстрее всего и испытывается педагогическая культура воспитателя. Недоверие может оказать нужное педагогическое воздействие лишь при строго индивидуальном его применении. Недопустимо выражение недоверия к нескольким ученикам, а тем более ко всему коллективу.

Есть несколько оттенков недоверия. По отношению к ученику, совершающему неблагоприятные поступки по ошибке, по неосмотрительности, в силу беззаботности и легкомыслия, и совершавшему их уже не раз, изредка можно применить «предупреждающее» недоверие.

Бывают случаи (в хороших школах — очень редкие), когда отдельные школьники грубо нарушают дисциплину, хорошо понимая при этом сущность своих поступков. Если ко мне в школу приходит из другой школы такой ученик, я излучиваю его осуждающим недоверием, сочетая его с другими очень эффективными методами воспитания — усиленным контролем, надзором, принуждением. Все это применимо, повторяю, по отношению к тем ученикам, у которых в силу сложившихся дома обстоятельств и в силу многочисленных ошибок, допущенных школой, извращены представления о добре и зле, до крайности развился эгоизм, совершенно притуплена способность переживать душевные движения других людей. Осуждающее недоверие заключается в том, что коллектив не доверяет ученику деятельности, связанной с созданием тех или иных благ для коллектива, выполнения обязанностей, имеющих характер почетного долга. Я применял это средство к одному семикласснику, только что пришедшему в нашу школу, при следующих обстоятельствах.

Весной класс закладывал «Сад Матери». Девяти мальчикам (всем мальчикам класса) предстоял нелегкий, но почетный труд: пойти в лес, накопать саженцев липы для посадки в торжественный день. Я почувствовал, что Андрей К. сейчас скажет: «А я не пойду, не хочу». И я поспешил сказать то, что ошеломило подростка: «Этот труд настолько почетен, что доверить его можно не каждому. Тем, для кого нет ничего святого, мы не можем доверить самого тонкого, самого нежного — жизни дерева, которое высаживается на память о матери. Вы хорошо понимаете, о ком идет речь, и, думаю, одобряете меня». Взоры всех учеников обратились к Андрею. В глазах товарищей он увидел осуждение. Все еще хорошо помнили, как несколько дней назад подросток глубоко оскорбил святое имя — мать. Андрей попытался напустить на себя равнодушие, но это ему не удалось. Мои слова как-то выбили его из колеи. Надо сказать, что после этого случая он стал не таким дерзким.

Недоверие как метод воспитания теряет всякий смысл и превращается по результатам в свою противоположность, если не поддерживается, не одобряется коллективом. Прежде чем прибегнуть к этому методу, воспитатель должен длительное время готовить морально коллектив. Эта подготовка заключается прежде всего в воспитании непримиримости, нетерпимости к безделью, тунеядству, недисциплинированности, расхлябанности.

Запрещение — при умелом применении весьма нужный и эффективный прием воспитания. Запрещением, — если за ним стоит необходимый моральный авторитет запрещающего, — предотвращаются многие беды — «прожигание» жизни, необоснованные претензии юнцов на жизненные блага, не заслуженные личным трудом... Ведь желания незрелого человека можно сравнить с побегами на маленьком плодовом дереве: на нем распускается множество ростков, и часть из них — «дикие», так называемые «волчки»; садовод их срезает, оставляя только плодоносные побеги. Так и с человеческими желаниями в детстве и отрочестве: школьнику хочется очень многого, его желаниям нет конца. Но, если дать волю всему, что зеленеет, плодовое дерево одичает, обильная поросль «волчков» забьет плодоносные ветви. Если старшие стремятся удовлетворять любое желание ребенка, вырастает капризное существо, раб прихотей и тиран ближних. Воспитание желаний — тончайшая, филигранная работа «садовода» — воспитателя, мудрого и решительного, чуткого и безжалостного. Он умело срезает «волчки», оставляя ростки, которые дадут плоды.

Это один из важнейших участков совместной работы школы и семьи — воспитание желаний. Пожалуй, решающим в воспитании желаний является ограничение, запрещение. В детские и отроческие годы воспитанник должен, и не раз, убедиться на опыте в том, что есть такое серьезное слово «нельзя». Мы стремимся к тому, чтобы дети соразмеряли свои желания с возможностями родителей. Скромность заставляет подростка, юношу, девушку отказываться от тех материальных и духовных благ, которые готовы предоставить в их распоряжение родители, нередко отказывая себе в самом необходимом. Воспитание скромности — важнейшая задача в системе нравственного воспитания. Скромность невозможно сформировать в человеке изолированно от других качеств:

скромность, умеренность доступны лишь тому, для кого труд стал выражением личности, сферой духовной жизни. Почувствовать аморальность прихоти маленький человек может только при условии, что его чувство собственного достоинства развивается на основе труда, создающего радость для других людей. Тот, кто ничего не дает людям, не знает удержу своим желаниям. Тот же, кто трудится охотно и сознательно, обычно умеет умерять свои желания и требования, относится к жизни не потребительски, ему уже можно доверить определение меры благ для себя.

Доверие — наиболее понятное воспитаннику любого возраста выражение уважения к его человеческому достоинству. Не говоря ни слова о признании нравственных качеств своего питомца, воспитатель, оказывая доверие, не только заявляет об этом признании, но и как бы открывает перед питомцем перспективу дальнейшего морального развития, — он выражает уверенность, что человек, уже обладающий определенными моральными богатствами, завтра будет иметь новые.

Немыслимо пользоваться методом выражения доверия и недоверия без глубокого знания индивидуальности каждого питомца, без глубокой веры в добро. Этот острейший инструмент полезен лишь при условии безошибочного его применения. Если педагог, зная понаслышке о блестящих результатах проявления доверия в воспитательной системе А. С. Макаренко, решает: сделаю и я так, авось что-нибудь получится, — ученик почувствует, что воспитатель делает из него игрушку; такое «доверие» оборачивается для педагога самым неожиданным результатом: воспитанник становится замкнутым, настороженным, недоверчивым и озлобленным, он болезненно воспринимает доброе слово.

Выражение доверия — свежий ветерок, раздувающий слабенькие, иногда едва тлеющие огоньки совести воспитанника. Если воспитатель правильно выбрал, определил ситуацию для выражения доверия, то в результате воспитанник как бы обращает взгляд на себя, видит, оценивает добро и зло в самом себе, у него пробуждается горячее стремление утвердить в себе добро, предстать перед людьми лучшим, и это стремление является движущей нравственной силой.

Искусство оказания доверия требует от воспитателя, чтобы он выражал своим доверием прежде всего оценку доброго начала в человеке, как бы забывая о зле. Признаком дремучего педагогического невежества является то, что отдельные воспитатели, оказывая доверие, напоминают воспитаннику: за тобой числится много грешков, я об этом помню, но вот, видишь, доверяю тебе; значит, я добрый человек, так будь же и ты хорошим... Подобные слова учителя — соль на рану в человеческом сердце: воспитанник чувствует, что педагог придумал свой фокус с доверием только для того, чтобы усилить контроль. И он чаще всего отвергает попытку учителя. То, что школьник оправдал доверие, ни в коем случае не может быть предметом похвалы, поощрения, вообще усиленного внимания со стороны воспитателя, ученического коллектива.

Большого такта и осмотрительности требует выбор дела, в котором выразится доверие к воспитаннику. Это дело должно быть настоящей самопроверкой, испытанием совести; пусть ученик раскроет в нем свои волевые силы.

* * *

Мастерство, искусство применения слова воспитателем сказывается в том, что он создает для школьников атмосферу, насыщенную душевностью, атмосферу исканий, открытий не только научных, чисто познавательных, но и этических, эстетических. И эта атмосфера в школе — начало морального развития, побуждение к развитию. В конце концов, именно от слова педагога зависит создание в школе обстановки, способствующей воспитанию любви к знанию, чтению, искусству, музыке... Правда, здесь необходимы и материальные факторы, но слово педагога, слово, отражающее его живые духовные привязанности и потребности, — это первое.

А самая главная духовная потребность, которую следует воспитывать у ученика, без которой нельзя представить полноценного его воспитания, — это потребность в человеческом общении, в духовной общности, в настоящем товариществе. Воспитатель, заботящийся о полноте духовной жизни питомца, заботится об интеллектуальной основе повседневного общения школьников меж-

ду собой. Учитель может считать большим успехом своей воспитательной работы то, что уже в годы раннего отрочества его воспитаннику хочется встретиться со своим ровесником не только для игры и развлечений, но и для того, чтобы поделиться мыслями об интересной книге, о явлении, на которое он натолкнулся в жизни. К этому не побудишь парой советов и пожеланий — это зависит от общей направленности жизни школьников, от того, какое место в их внутреннем мире занимают размышления, насколько проникнуто их учение исследовательским подходом. Но и это последнее, в свою очередь, все-таки упирается в слово педагога, за этим стоит повседневная его работа, его воспитывающее, горячее, умное слово.

Творческое слово воспитателя рождает творчество учащегося. То зернышко творческой мысли, из которого произрастает поросль творческого труда, часто сеет именно слово учителя.

У настоящего воспитателя главной силой, объединяющей коллектив, является постоянный обмен духовными богатствами — знаниями, умениями. Первое условие этого: учитель не только дает знания, но и воспитывает жажду знаний. Второе условие — постоянное интеллектуальное общение учителя со своими питомцами: знания, проблемы жизни становятся предметом личных бесед, споров, раздумий учащихся. Все это — фон, на котором раскрывается индивидуальная «творческая жилка» каждого воспитанника. От тонкости учителя зависит подметить в каждом воспитаннике «творческую жилку», открыть ее, поощрить ее «разработку».

Желание быть первым в учении, в творческом труде — благородная человеческая черта, которую следует всячески развивать у питомцев. Наш педагогический коллектив стремится к тому, чтобы каждый воспитанник на определенном этапе своего духовного развития пережил ни с чем не сравнимую радость первенства. Каждому нужна моральная поддержка, а особенно тем, кто в силу самых разнообразных обстоятельств чувствует себя посредственностью. В школе не будет ни одной посредственности, а значит и в жизни не будет ни одного несчастливца, если мудрость воспитателя «докопается» до «творческой жилки» в каждом воспитаннике и если его умело сказанное слово пробудит к жизни творческие способности.

Для воспитателя, который стремится совершенствовать свое мастерство, длительность, непрерывность наблюдений над одним воспитанником, над классным коллективом имеет большое значение.

И снова мы возвратимся к условию действенности слова, да и любого приема педагога, о котором говорили вначале: каждое слово, каждый поступок педагога должны отражать его личность, его нравственность, человечность, доброту, правдивость... С учителя начинается, по сути, познание ребенком мира человека; легко понять, что значит при этом пример учителя. Большое духовное богатство надо иметь воспитателю, чтобы постоянное самовыражение его личности действовало на ученика как стимул к самоусовершенствованию. Сколько бы хороших слов ни произносил учитель, они останутся для воспитанников пустым звуком, если в жизни своего наставника они не увидят воплощения всех этих слов и призывов. Быть личным примером для своих учеников — значит прежде всего повседневно общаться с ними вне уроков. У настоящего учителя-воспитателя тянутся десятки тончайших ниточек от урока к товарищеской беседе, к спору, к разговору о книге...

Народное образование, 1967, № 12.

И ЛЕС, И КАЖДОЕ ДЕРЕВО

Почему школьникам учиться все труднее? Ведь в последнее время много сделано для усовершенствования процесса обучения: составлены новые программы, учебные планы, готовятся новые учебники. И все-таки учащиеся средних и старших классов при добросовестном отношении к учению вынуждены сидеть над домашними заданиями от трех до шести часов ежедневно. Шесть часов в школе да шесть дома — такое учение истощает физические и нервные силы. Многие подростки, окончив восьмой класс, не хотят учиться в девятом только потому, что учиться очень трудно.

Сейчас, когда страна наша стоит на пороге введения всеобщего среднего образования, проблема облегчения умственного труда школьников становится первостепенной. От того, как будет она решена в практическом плане — применительно к работе учителя, директора, завуча,

заведующего роно,— в решающей мере зависит культура педагогического процесса, вся учебно-воспитательная работа школы.

Конечно, учение — труд, и труд нелегкий. Да и не могут знания доставаться иначе. Однако нельзя допускать, чтобы подросток с утра до вечера корпел над учебником, уподобляясь механизму для заучивания. Можно ли облегчить учебный труд, сделать так, чтобы старшеклассник выполнял домашние задания за два, в крайнем случае — за три часа; чтобы восьмикласснику требовалось на выполнение уроков не более часа-полтора. Тридцать с лишним лет работы в школе убедили меня: можно.

Что для этого нужно? Свободное время. Да-да, как это ни парадоксально звучит. У ученика должно быть в день не менее четырех-пяти часов времени, совершенно свободного и от школьных занятий, и от домашнего сидения над уроками. Времени, необходимого ему для многогранной интеллектуальной жизни.

Присмотримся внимательно к тому, что представляет собой умственная жизнь ученика средних способностей, стремящегося добросовестно заниматься по всем предметам. Все его усилия направлены на то, чтобы заучить, запомнить, сохранить в памяти, суметь ответить на любом уроке. Ему некогда почитать «для души», подумать, поразмыслить. А ведь в школьной дидактике существует исключительно важная закономерность: чем больше удельный вес информации, рассчитанной на запоминание в том общем объеме материала, который ученик читает из интереса, из потребности познавать, тем труднее ему учиться. Иными словами, если мы хотим облегчить ученику, скажем, восьмикласснику процесс учения, надо сделать так, чтобы он читал в три раза больше, чем ему нужно заучивать, запоминать. В девятом и десятом классах читать необходимо в четыре-пять раз больше того, что должно сохраниться в памяти.

Если подросток ничего, кроме учебника, не читает, он не успеет выучить и учебник. Много ученик читает — он не только хорошо выучит уроки, у него останется еще и свободное время для других, интеллектуально-творческих, спортивных, трудовых, эстетических интересов.

Мне кажутся наивными попытки «разгрузить» старшеклассников путем выбрасывания из программы одних разделов и введения других. Если мы хотим облегчить

умственный труд учащегося, давайте откроем перед ним дорогу к полкам школьной библиотеки, добьемся, чтобы книги из спящих великанов превратились в живых друзей юношества.

Общий тон, характер интеллектуальной жизни школьников во многом зависит от учителя, от его духовной культуры и интересов, от эрудиции и кругозора. От того, с чем педагог идет к ученикам, что он отдает им и что у него остается. Причем самая страшная опасность для учителя — интеллектуально исчерпать себя, остаться без запаса духовных богатств.

Итак, главный путь к облегчению умственного труда — обеспечить богатство интеллектуальной жизни. Факультативные занятия, введенные сейчас в школах, и преследуют именно эту цель: определить индивидуальность ученика, выявить и развить его интересы, склонности, таланты.

Чтобы ребятам стало легче учиться, необходимо также устранить разрыв между их умениями и знаниями. В самом деле: предложите шестиклассникам прочитать по абзацу из любого учебника, и вы убедитесь, что пять школьников из десяти не умеют бегло сознательно читать. Читать так, чтобы глаза схватывали, а сознание запечатлеvalo целые предложения, чтобы ученик мог, оторвав взгляд от книги, закончить фразу по зрительной памяти. А ведь только при таком чтении школьник сможет научиться одновременно читать и думать.

Если хотите, это одна из важнейших школьных проблем вообще. Ученик, умеющий одновременно читать и думать, запоминает, не зазубривая, а соображая, подвергая материал логическому анализу. Усвоить четыре-пять страниц из учебника по истории или биологии, географии или литературе он может за 10-15 минут.

Как же научить школьников читать и одновременно думать? Здесь необходима длительная тренировка. Причем надо помнить: что упущено в начальных классах, никогда не наверстаешь. Итак, с I по IV класс — минимум полчаса выразительного, сознательного чтения нового текста в день. Надо добиваться, чтобы каждый школьник умел читать, думая, и думать, читая.

И писать. Хорошо, быстро, бегло. Присмотритесь внимательно, как пишет ученик V—VI класса. Лицо и руки у него напряжены, на лбу выступил пот — все усилия

направлены на самый процесс писания, на то, как вывести ту или иную букву, соединить буквы в слово. Куда уж ему думать о написанном! А ученик должен уметь одновременно писать и размышлять, писать и слушать объяснение учителя, осмысливая услышанное. Неумение владеть полуавтоматическим письмом, при котором можно думать о правилах, сознательно применять их, проверять себя, — во многом объясняет «плохую орфографию» школьников.

Не облегчает труд учащихся и сам подход к выявлению их знаний. В современную школу, школу эры новейших научных достижений и открытий, по инерции, без изменений перешел из прошлого века взгляд на знания как на багаж, который ученик хранит в памяти и должен предъявить по первому требованию учителя. Помнит ученик — значит знает, не помнит — не знает. Учение при таком подходе превращается в усвоение по порциям: сегодня запомнил порцию знаний, завтра выложил их перед учителем и как бы освободился от них. Это, в свою очередь, постепенно утверждает в сознании учащихся психологическую ориентацию на опрос. Вот и получается, что целью подготовки домашних заданий является для школьника, как правило, получение завтрашней оценки. А ведь о наличии знаний должно свидетельствовать умение применить их.

Все, о чем идет речь в этих заметках, предусмотрено программами, но далеко не всегда делается на практике. Будь программа самой совершенной, она останется мертвой бумагой, если к ней не прикоснутся творческие руки, пытливый ум мастера-педагога.

Опытный учитель не требует сегодня, чтобы ученик заучивал текст учебника — в таком «учении» прямая опасность умственной ограниченности. Опытный педагог строит всю работу так, чтобы ученик размышлял, сравнивал факты и явления, используя уже имеющиеся знания, делал самостоятельные выводы. У такого учителя ученик выходит к доске со своими записями, заметками — с тетрадью, с учебником, с дополнительной литературой: ведь он не пересказывает слово в слово материал учебника, а рассуждает, исследует.

В нашей школе на уроках литературы, например, старшеклассники, отвечая, пользуются текстом художественного произведения. Идет, скажем, речь о романе Л. Тол-

стого «Война и мир». Берите, пожалуйста, роман, исследуйте текст, покажите, как гениальный писатель понимал судьбы народа и судьбы отдельных лиц; как это понимание нашло художественное отражение в системе образов; расскажите, что думаете лично вы, завтрашний молодой труженик, об Андрее Болконском или Наташе Ростовой; расскажите так, чтобы ясно было, какое место занимает художественная литература в вашей духовной жизни.

Современная же методика обучения зачастую таит большую опасность. Она заключается в том, что ученик, образно выражаясь, видит каждое дерево в отдельности, но не видит леса. Изучая первую русскую революцию, школьник скрупулезно запоминает каждую деталь, дату, но не рассматривает все историческое событие в целом, не абстрагируется от деталей, чтобы увидеть общие контуры всего события, задуматься над его смыслом, сущностью, значением для судеб народа.

А ведь только в том случае, если человек видит лес как единое целое, у него складывается более полное представление и о каждом отдельном дереве. Без взгляда на реку невозможно понять, что такое капля воды. И процесс обучения надо строить так, чтобы в старших классах ученики уже умели анализировать всю тему в целом, думать над большими, проблемными вопросами.

Желание знать, стремление познавать, быть сегодня духовно богаче, чем вчера, — вот какие качества должны воспитывать у ребят школа, учителя.

Правда, 1968, 4 янв.

БЕЗ ДОВЕРИЯ НЕТ ВОСПИТАНИЯ

Редакция журнала «Семья и школа» попросила меня прокомментировать письмо Людмилы В.¹² Я долго думал: как комментировать? Что писать? Кому адресовать комментарий? Речь идет вроде бы о необычном явлении в школьной практике: о жалобе учеников на учителей. Даже при поверхностном взгляде на вещи становится ясно, что правы ученики и не правы педагоги. Как же быть в подобных случаях? Высказать свое мнение, поделиться своими раздумьями в нашем, педагогическом кругу? Осторожно сгладить острые углы и противоречия конфликта,

обратиться к девушкам и юношам с правоучением о том, что надо в любом случае уважать старших?

Нет, совесть подсказывает делать не так. Мне кажется, каждый вдумчивый педагог почувствует в письме Люды В. не только сердечную боль, но и глубокое уважение к старшим.

Уверен, что в школе, о которой пишет Люда, есть хорошие, думающие, умные педагоги, уверен, что во всей истории, рассказанной в письме Люды, педагоги руководствовались самой ревностной заботой о своих питомцах, но как примитивна и бестактна эта забота, насколько она лишена высокой культуры и сердечной чуткости, насколько оскорбительны эти движения души, так называемые проявления материнской, отцовской заботы.

То, о чем писала Людмила, кажется маловероятным: шестнадцатилетним юношам и девушкам директор школы и классная руководительница запретили идти в поход. Таной запрет чужд не только высоких целей воспитания, благородной миссии педагога, но и элементарного человеческого такта. Шестнадцатилетние люди, люди с паспортом, и те, кто завтра получит паспорт, вправе сами решить, как им поступить в данном случае. Подумайте, уважаемые педагоги, что мы делаем подобными неразумными и неправомерными запретами. А делаем мы вот что:

во-первых, оребьячиваем шестнадцатилетних. Они все еще будут чувствовать себя беспомощными детьми — а это большая беда;

во-вторых, неразумные запреты толкают юношей и девушек на скрытность, неправдивость, неоткровенность. Неразумными запретами мы отталкиваем от себя своих питомцев;

в-третьих, разрешая или запрещая то, что является предметом глубоко личной жизни юношества, мы обедняем сферу духовной жизни.

Самое уродливое, самое злое в нашем педагогическом деле — не верить в человека. Там, где нет веры в человека, в доброе начало в нем, любая педагогическая система рассыпается в прах. Без веры в добро, без творения добра нашими отношениями — отношениями отцов и детей — не может быть и речи ни о какой педагогике. Воспитание, дорогие мои товарищи — и педагоги, и вы, Люда, с вашими сверстниками, — не безоговорочные при-

казы старших и безропотное подчинение младших, а совместная, напряженная, сложная духовная деятельность, в которой участвуют старшие и младшие. Воспитывать — значит прежде всего думать друг о друге хорошо: учитель хорошо думает о своем воспитаннике, а воспитанник хорошо думает о своем воспитателе. Вы же, по крайней мере в девятом классе, перестали думать друг о друге хорошо — вот что страшно. Вы потеряли веру, вы не доверяете больше друг другу — какое уж тут воспитание, какая уж тут педагогика! И как ни трудно это говорить, но говорить надо — неверие это началось с вас, товарищи педагоги. К вам обратились с просьбой юноши и девушки: разрешите пойти в поход. Вы забыли о том, что они могли бы к вам не обращаться — это их личное дело. Но если уж они верили вам и считали необходимым заручиться вашим согласием, как этим доверием надо было дорожить, как его беречь. Вы не дорожили: вчера, в пятницу, вы разрешили, а сегодня, в субботу, изменили самим себе, унизили себя, оскорбили недоверием своих питомцев.

Какое это большое и тонкое искусство — властвовать над умами и поступками воспитанников! Маленького ребенка можно просто взять за руку и сказать: никуда не ходи, не смей! Властвовать над юношами и девушками таким же образом мы не можем — перед нами не дети, а формирующиеся самостоятельные, становящиеся взрослыми люди. Власть над умами и поступками юношества — совсем другая власть. Дорожите как бесценным моральным богатством тем, что юноши и девушки обращаются к вам за советом.

Мы у себя в педагогическом коллективе считаем так: до тех пор, пока питомец обращается ко мне за советом — а по привычке бывает, и за разрешением (неплохо, если эта привычка сохраняется и до двадцати лет), — я еще властвую над умом и сердцем, мыслями и поступками. И чем тоньше, интимнее вопросы, трудности, радости, горечи, по которым ко мне обращаются, тем мудрее я должен быть как воспитатель.

К вам обратились: разрешите пойти в поход. Помните, уважаемые коллеги, что это один из тончайших вопросов духовной жизни юношества. На первом месте здесь не то, сколько километров туда и обратно, где ночевать, как будет с питанием в дороге. В эти минуты юношей и деву-

шек волнует другое — товарищество, дружба, любовь. Если в школе подлинное коммунистическое воспитание, то при решении вопроса о походе дружба, товарищество, любовь будут только подразумеваться, но о них не будет сказано ни слова. Вообще-то, перед чем надо преклоняться, что является венцом человеческой красоты — любовь, дружба, — не должно быть в школе предметом пересудов. Плоха та школа, в которой к вопросам о любви и дружбе относятся как к очередному мероприятию — вчера говорили о сборе металлолома, сегодня поговорим о любви и дружбе.

А как поступили в школе, где учится Людмила В.? Совершенно ясно, что юношей и девушек больше всего возмутило то, что воспитатели поставили под сомнение, сделали предметом подозрения, недобрых намеков как раз то, что должно возвышать человека — дружбу, товарищество, любовь. Какое хорошее, честное, чистое письмо написала Люда! Я бы гордился такими девушками и юношами, уважаемые коллеги-учителя, я бы радовался тому, что они обратились ко мне с просьбой. Я смотрел бы в их ясные, искренние, одухотворенные чистыми чувствами глаза, и они, юноши и девушки, понимали бы, что о дружбе, товариществе, любви я думаю, но ни слова не говорю им. Мы чувствовали бы, понимали друг друга без слов... Разве не очевидно, уважаемые коллеги, что только при условии, что вы владеете этим языком без слов, учите ему своих питомцев, обогащаете словарь этого языка, — лишь при этом условии человек может прийти к вам и поделиться самым сокровенным. Там, где не понимают этого языка, где выворачивают душу, вы посят на обсуждение все, чему только есть в человеческой речи название, — там никогда семнадцатилетняя девушка не придет к вам, воспитатель, и не скажет:

— У меня и радость, и горе. Посоветуйте, что делать, как быть...

В письме Людмилы нет ни слова о любви, но я знаю юношество, умею читать между строк, чувствую трепетное биение юных сердец за этими хорошими, чистыми словами. Кто вам дал право, уважаемые товарищи, не верить в чистоту юношеских побуждений? Что, наконец, вы вкладывали в свои слова: «Это не обойдется без последствий?» Почему о самом чистом и святом вы думаете так плохо? Разве в праве вы теперь рассчитывать на то,

что перед вами откроется юное сердце? Ведь работа в школе станет для вас сущим адом, если питомцы ваши станут думать о вас так же плохо, как вы о них? Если в мире бывает гадость, то разве можно всех людей считать гадкими? И еще одно нельзя нам, педагогам, никогда забывать: если мы думаем плохо о своих питомцах, то для чего мы вообще существуем? Какие же мы воспитатели?

Дружба, товарищество, любовь — тонкие и могучие, нежные и всепобеждающие, хрупкие и неискоренимые чувства. Представим себе куст цветущей розы. На лепестке алого распустившегося цветка — хрустальная капля росы. Вам надо срезать цветок, не стряхнув каплю. Какими любящими, бережными должны быть движения. Вот с таким же добрым и нежным сердцем надо подходить к товариществу, дружбе, любви. А вы вместо тонкого, хрупкого резца взяли ржавую лопату и стали рубить ею под корень. И потом будете удивляться: как получилось, что хрустальная капля росы упала на землю, в пыль... Человек человеку — друг, товарищ и брат — гласит наш великий принцип коммунистической нравственности. Дружба — могучая сила, объединяющая и возвышающая сердца. Я расскажу вам, Людмила, одну фронтовую историю. Зимой 1942 года наш полк сражался у города Ржева. Все в полку знали молодого разведчика, двадцатилетнего Алешу. Все знали, что он влюблен в красавицу Сашу, дочь командира полка. Она тоже была разведчицей. Алеша и Саша были неразлучны. Вместе ходили в тыл противника, вместе добывали «языка», вместе грелись у костра, вместе спали на охапке сосновых веток. Как-то в период затишья Алеша позвал в лесную чащу своих самых верных друзей — человек восемь офицеров и младших командиров. Мы пришли удивленные: зачем Алеша решил собрать нас в глухом лесном уголке? Они стояли под высокой елью, взявшись за руки, — Саша и Алеша.

«Мы муж и жена, — сказала Саша. — Но мы не прикасались друг к другу. Когда мы ложимся спать, мы кладем посередине автомат. Но я горячо люблю моего Алешу. Я могу отложить автомат в сторону. Этого мне не хочется, ой, как не хочется. Ведь тогда у меня будет ребенок, как же я буду воевать? По моей просьбе Алеша позвал вас, чтобы в вашем присутствии дать клятву: до

победы он не прикоснется ко мне». Мы подняли автоматы, скрестили их, под скрещенным оружием прошли Алеша и Саша. Среди нас был и отец Саши. Их любовь была яркой, прекрасной звездой, озаряющей нашу фронттовую жизнь. Если бы кто-нибудь сказал неуважительное слово о Саше или посмотрел на нее с ухмылкой, каждый из нас жестоко наказал бы виновника по суровым фронттовым законам. Она была, как писал летописец о легендарном русском воине, без единого порока с головы до пят. Она была чистым, нежным цветком и нашей совестью. Мы клялись их чистотой, благородной любовью: «Мое слово такое же твердое и чистое, верное и надежное, как любовь Саши и Алеша». Оба они погибли, обоих мне с товарищами пришлось хоронить. Первой погибла Саша. Вражеская пуля попала в сердце девушки, когда она возвращалась из немецкого тыла. Поцеловал Алеша свою любимую в мертвые губы. Через месяц мы похоронили и Алешу. Их любовь навсегда останется в моей памяти светлой, недопетой песней.

Так воспитывайте же и вы, юноши и девушки, воспитывайте у самих себя высокую человеческую красоту — красоту верности, красоту чистоты и преданности. Верьте в то, что в наших чувствах, в наших человеческих отношениях есть великое и прекрасное. Не давайте в обиду это великое и прекрасное. Пусть совесть ваша, честь, достоинство зорко оберегают красоту и величие ваших чувств.

Не бойтесь говорить правду. Презирайте тех, кто откровенному, прямому слову предпочитает подлый шепот «на ушко».

Будьте верными своим благородным чувствам.

Семья и школа, 1968, № 2,

НА ТРЕХ КИТАХ

Учительница одной из школ Кировоградской области, побывавшая недавно у нас в гостях, жаловалась:

— Что происходит с детьми в школе, не пойму. Приходит сообразительный и пытливый мальчик. И вот в V классе, смотришь, уже посредственный ученик, в шестом учится неохотно и попадает в неуспевающие... Чем объяснить это?

Действительно. Почему многие ученики плохо учатся? Почему восьмиклассник зачастую не может самостоятельно разобраться в элементарном вопросе, требующем размышления? По теории-то обучения должно быть так: чем больше ученик знает, тем легче овладевать ему новыми знаниями. На практике же получается совсем не то: чем больше знаний усвоил школьник, тем труднее ему учиться. Почему так происходит? Почему, окончив восьмой класс, многие подростки не хотят учиться дальше: говорят, что им трудно учиться?

По моему глубокому убеждению, вся система обучения в современной школе страдает очень серьезным недостатком: не хватает умственного воспитания — специальной работы, направленной на развитие способностей ученика. Ученик изо дня в день, из года в год повторяет чужие мысли, а своих собственных не выражает. Перед ним ставится единственная задача: запомнить, сохранить в памяти, воспроизвести. Нелепо, уродливо сводить, как мы это делаем, изучение родного языка в школе к штудированию грамматики. Ведь ребенок понимает тончайшие оттенки родного языка задолго до того, как узнает, что на свете есть грамматика. Следовательно, первая задача школы — научить хорошо мыслить и говорить. Опытные учителя убеждены: и грамматику многие ученики плохо знают потому, что слово не стало средством умственного развития.

Тридцать три года работы в школе убедили меня: в основу системы обучения нужно положить живое слово и творчество ребенка. Не повторение чужих мыслей, а творение собственных. Я имел счастье (да, настоящее счастье) провести учеников по всей тропинке познания — от подготовительной группы до окончания десятого класса. И я уверен: чтобы пытливость, любознательность, живость ума и яркость воображения не только не угасали, но развивались, необходимо то, что я называю уроками мышления.

Будущие ученики, шестилетние дети, приходят ко мне в школу два раза в неделю. Мы идем с ними в сад, в лес, на берег реки, в поле. Наша книга — окружающий нас мир, солнце, деревья, цветы, облака, бабочки, цвета и звуки, многоголосая и сложная музыка природы. Каждый наш поход посвящен одной страничке книги природы. Вот названия этих страничек: живое и неживое в

природе; жизнь в воде и на земле; колосок и зернышко; пробуждение природы весной; первые признаки осени; как живут муравьи; жаворонок в небе...

Дети учатся видеть, познают на собственном опыте глубокую связь между предметом и словом. На уроках мышления происходит то, чего никогда не может дать никакая книга, никакой класс: дети воспринимают окружающий мир не только умом, но и сердцем. Они глубоко ощущают эмоциональную окраску слова; слово становится как бы искрой, зажигающей порох мысли. На уроках мышления дети не только слышат — чувством воспринимают слова: вечерняя заря, летние сумерки, мерцание звезд, ласковый ветер. Звучание этих слов навсегда слилось в их сознании с яркими, незабываемыми картинками, волнующими сердце и потому ставшими в их сознании глубоко личными.

Каждый ребенок по самой природе своей — поэт, но чтобы в нем заиграла поэтическая струна, чтобы открылся родничок творчества, его надо учить наблюдать, подмечать многочисленные отношения между вещами, явлениями. Вот цветущее дерево. Дети видят игру солнечных зайчиков, белые лепестки цветов, хлопотливую пчелу, дрожащую веточку, беззаботного мотылька. Я показываю детям десятки взаимосвязей между этими предметами, и пробуждается живая, своя мысль, дети сочиняют сказки. Лишь между теми предметами, которые видят дети, можно найти десятки тысяч различных связей, — значит, о цветущей яблоне и весеннем солнышке, о пчеле и веточке, о мотыльке можно составить десять тысяч сказок с совершенно самостоятельными сюжетами.

Вот несколько сказок, придуманных моими учениками на уроках мышления. Такие уроки мы проводим в нашей школе, начиная с подготовительного класса и по седьмой.

Лепесток и Цветок

Расцвел белый Цветок георгина. Летали над ним пчелы и шмели, брали нектар.

В Цветке сорок два Лепестка. И вот один Лепесток возгордился: — Я самый красивый. Без меня Цветок не цветет. Я самый главный. Вот возьму и уйду — что мне?

Поднатужился Лепесток, вылез из Цветка, спрыгнул на землю. Сел в кустике розы и смотрит, что будет делать Цветок.

А Цветок как ни в чем не бывало улыбается солнышку, зовет к себе пчел и шмелей.

Пошел Лепесток, встречает Муравья.

— Ты кто? — спрашивает Муравей.

— Я — Лепесток. Самый главный. Самый красивый. Без меня и Цветок не цветет.

— Лепесток? Знаю лепесток в цветке, а на двух топеньких ножках, как ты, — не знаю.

Ходил Лепесток, ходил, до вечера засох. А Цветок цветет.

Цветок и без одного лепестка — цветок. А лепесток без цветка — ничего.

(Таня К., III класс).

Крылатый цветок

Это было летом. Поднялся сильный ветер. Принес он в луг Семечко с двумя пушистыми крыльцами. Село Семечко на лугу в траву. Удивилась зеленая Трава:

— Кто ты?

— Я — Крылатый цветок, — отвечает Семечко. — Буду расти здесь, в траве.

Трава обрадовалась новому соседу.

Прошла зима. Зазеленела Травка. Там, где опустилось Семечко, показался толстый стебелек. На нем расцвел желтый цветок. Яркий, как маленькое солнышко.

— Да это же одуванчик! — сказала Трава.

(Наташа М., I класс).

Кто умнее

Заспорили Бык, Козел и Баран, кто умнее. Каждый говорит: «Я умнее всех». Никому не хочется быть глупее других.

Вот они пошли к Ослу, чтобы он рассудил, кто из них умнее. Осел дал им задачу:

— Пусть каждый из вас скажет, почему растет трава. Кто скажет умнее других, тот самый умный.

Бык говорит:

— Трава растет потому, что дождик идет.

Козел говорит:

— Потому, что солнышко греет.

А Баран молчит. Молчит день, два, три, неделю.

И Осел решил, что Баран самый умный. Раз он молчит — значит он себе на уме. А Бык и Козел, хоть и сказали, но ведь они могли ошибиться.

(Галля Ш., III класс).

Передо мной тысячи сказок, сочиненных детьми, и каждая из них хороша по-своему. Три вы теперь прочитали. Я еще раз повторяю: такого результата можно

достичь лишь в том случае, если слово входит в духовную жизнь ребенка как глубоко личный инструмент творчества. И использовать его надо именно в пору детства и раннего отрочества. Того, что не сделано в эти годы (особенно в 6—10-летнем возрасте), никогда не наверстаешь. Если ребенок не учится мыслить и творить словом в начальной школе, то приступать к этому тончайшему труду в пятом классе бессмысленно.

Вся система обучения и умственного воспитания в нынешней школе нуждается в коренном научном усовершенствовании. Пусть в школе царствуют яркая мысль, живое слово и творчество ребенка. На этих трех китах должно строить все содержание, весь характер духовной жизни, умственного развития школьников.

Известия, 1968, 25 февр.

ВОСПИТАНИЕ БЕЗ НАКАЗАНИЙ

В Кировоградский детский приемник милиции доставили четырнадцатилетнего подростка. Подвижный, смывленный, он, как выяснилось, учился в пятом классе третий год. Тепер вот сбежал из дома... Твердит одно: «Ни за что не вернусь домой. Не пойду в школу!» Детприемник затребовал из школы характеристику на мальчишку. Директор тотчас же ответил примерно следующее. Ученик Федор С. — неисправимый, законченный хулиган, бездельник, издевается над учителями, к тому же шалопай и тупица. Выяснилось: перед тем, как убежать из дома, Федор на уроках развлекался: мяукал, лаял. По дороге на станцию вынул стекло в магазине сельпо, снял с витрины рюкзак, два карманных фонарика и несколько батареек. «Это преступное действие подлежит наказанию, — грозно заключил свою характеристику директор, — такого ученика нельзя оставлять в нормальной школе».

К судьбе Феда мы еще возвратимся. А пока давайте, товарищи родители, кто бы вы ни были — рабочие или врачи, учителя или инженеры, партийные или хозяйственные работники, а также молодежь — завтрашние отцы и матери — задумаемся над вопросом: почему до сих пор существует детская безнадзорность? Откуда это противоестественное для нашего общества явление? Причем оно опасно не только само по себе — тем, что часть под-

ростков идут в жизнь нравственно искалеченными. Безнадзорность в детстве — семя, дающее свои плоды в зрелые годы.

В нашей стране есть все возможности свести на нет причины, порождающие безнадзорность, правонарушения малолетних, полностью покончить с этим злом.

Главная причина детской безнадзорности и правонарушений, по моему твердому убеждению, — низкая педагогическая культура семейно-школьного воспитания. Пора и родителям, и учителям глубоко осознать, что ни школа без семьи, ни семья без школы не могут справиться с тончайшими, сложнейшими задачами становления человека. Пока же выходит так, что семья и школа воспитывают детей каждый по своему разумению.

Многие родители совершенно не знают, как правильно растить юных, формировать их характер, взгляды, привычки, в чем заключается этот процесс. Бесспорно, нет родителей, которые не хотели бы вырастить детей хорошими людьми, честными тружениками, полезными обществу. Но беда в том, что не все умеют это делать.

Мы в своей практике убедились: сами дети являются для взрослых огромной воспитывающей силой. В самом деле, в доме, где есть дети, перед педагогами открывается благотворная возможность формировать очаг моральной чистоты, благородства, духовного богатства, сердечных человеческих взаимоотношений. Если при помощи школы в молодой семье заложены прочные основы высокой педагогической культуры семейно-школьного воспитания, ребенок способен творить чудеса: он не допустит, чтобы отец стал пьяницей, удержит родителей от грубого слова, ссор и т. д. Вот почему, думается, важнейшая задача педагогов — научить родителей тому, как воспитывать детей.

В нашей школе вот уже полтора десятка лет работает постоянно действующий родительский университет. В нем несколько групп. Первая — для молодых супругов, у которых еще нет детей. Во второй занимаются родители дошкольников — ребятшек, которым предстоит поступать в первый класс, созданы также специальные группы для отцов и матерей учащихся разных возрастов.

Ребенок учится в школе десять лет, а его родители учатся в своем университете тринадцать лет. Посещают занятия и отец, и мать, все без исключения. Если кто-то

из родителей не может явиться на лекцию, он просит у директора или классного руководителя разрешения на это.

Занятия в каждой группе проводятся два раза в месяц по полтора часа. Ведут их директор школы, завучи, лучшие учителя. Я, как директор, считаю эту работу самой нужной и важной среди всех других моих обязанностей.

Кто-то может спросить: если в школе работают семь родительских групп да собираются они дважды в месяц, то, выходит, учителя только и делают, что говорят с родителями? Нет, перегрузки мы не чувствуем, потому что освободили себя от многих ненужных, но широко бытующих в школах форм общения с родителями. Мы не ходим к ребятам на дом. Их отцы и матери идут к нам сами.

На занятиях педагоги стремятся конкретно разобраться, что значит правильно воспитывать детей, подростков, юношей и девушек. Не провозглашают лозунгов и призывов, к которым, к сожалению, иногда сводятся родительские собрания, а дают деловые советы отцам и матерям.

Так, на занятиях молодоженов — будущих родителей — разговор ведется главным образом о культуре взаимоотношений супругов, об умении человека управлять своими желаниями, сообразуя и согласуя их с желаниями других людей. Если внимательно проанализировать то, что в житейском плавание называется счастьем и несчастьем, удачей и неудачей, духовным богатством, создаваемым вдвоем (а потом и семейным коллективом), — все это зиждется на культуре человеческих отношений. Уважая неприкосновенность интимного мира людей, мы вместе с тем тактично прикасаемся к самым заветным, можно сказать, заповедным уголкам человеческих сердец. Именно это как раз и привлекает молодых отцов и матерей. Кстати, почти все они — наши бывшие ученики.

Л. Н. Толстой писал, что рождение ребенка создает для родителей особую «область уязвимости». Отцам и матерям мы стараемся как можно ярче показать эту их «уязвимость» перед детьми: убеждаем, что каждым шагом своей жизни они воспитывают ребят, оставляют в них крупицу своего собственного разума, нравственности, своей души.

На занятиях с родителями, детям которых предстоит поступать в школу, мы рассказываем, как развивать умственные способности и речь детей, воспитывать чувства. Специальные лекции посвящаются темам: «Отец и сын»; «Мать и дочь»; «Семья как школа человеческих взаимоотношений»; «Первые нормы нравственной культуры детей» и др.

Исключительно важный элемент семейного воспитания — трудовая закалка детей. Думается, идеалом здесь должна служить мудрая заповедь народной педагогики: ребенку надо трудиться с того момента, как он научился держать ложку в руке и нести пищу из тарелки в рот. Труд в семьях наших учащихся стал основой культуры человеческих взаимоотношений. Красной нитью здесь проходит идея труда для человека, для его счастья и блага.

Вместе с отцами и матерями добиваемся того, что с первых шагов своей сознательной жизни и до возмужания ребенок, подросток что-то создает для людей: в семь лет, то есть к тому времени, как идти в первый класс, каждый обязательно вырашивает в своем дворе Яблоню Матери и несет ей первые плоды с этого дерева.

Воспитание было бы однобоким, если бы маленький человек, проживший на свете 11—12 лет, оглянувшись на детство, не увидел первых результатов своей трудовой жизни, не сказал себе с удовлетворением: эту зеленую рощу для отдыха людей вырастил я; этот виноградник посадил я — для всех!

Многолетний опыт убеждает в истинности очень важной педагогической закономерности: там, где источником радости ребенка, подростка является труд для людей, общества, совершенно нет наказаний. В них просто нет нужды, вопрос о наказаниях даже не возникает. А раз нет надобности в наказаниях, — значит, нет нарушителей дисциплины, дезорганизаторов.

Да, утверждаю: учащиеся нашей школы не знают наказаний. И прежде всего потому, что источником их детской радости является жажда созидать, радость делать людям добро. У нас не практикуются коллективные «проработки» ребят в пионерском отряде, классе. Ремешок, подзатыльник и прочие наказания в семьях тоже совершенно изжиты.

Без этого достижения мы не представляем себе элементарной педагогической культуры семейно-школьно-

го воспитания. В. И. Ленин говорил, что завоевания революции может закрепить только школа. Да, воспитание без наказаний — это не узко школьное дело. Это одна из важнейших проблем коммунистического переустройства общества, его тончайших и сложнейших сфер — человеческого сознания, поведения, взаимоотношений.

Можно еще нередко услышать рассуждения: для того, чтобы навсегда исчезли преступления, нужно пожестче, строже наказывать. Неправильно это! Преступлений не будет, если в детстве, отрочестве, ранней юности не будет наказаний, — точнее: если исчезнет надобность в наказаниях.

В начале нашей беседы я рассказывал о мальчишке Феде С., убежавшем из дома. Выяснилось тогда: жизнь и в школе, и в семье стала для него настоящим адом. Ребенок не мог осилить учебных заданий, ему было трудно заниматься, а учителя без конца писали в дневнике родителям: «Ваш сын не хочет учиться, примите меры...», «Плохо ведет себя, примите меры». Отец и мать били мальчишку. Возненавидев школу и семью, он стал умышленно не выполнять заданий, нарушать дисциплину...

Всем надо помнить: если ребенок познал потрясение, связанное с наказанием, в его душе ослабляются внутренние силы, самой человеческой природой предназначенные для самовоспитания. Чем больше наказаний и чем они жестче, тем меньше самовоспитания.

Наказание, особенно если справедливость его сомнительна (именно так и бывает в подавляющем большинстве семейных конфликтов), огрубляет душу, озлобляет и ожесточает ее. Человек, подвергавшийся наказаниям в детстве, в подростковые годы не боится ни детской комнаты милиции, ни суда, ни исправительно-трудовой колонии.

Пусть всякой другой напасти мы, воспитатели, опасаемся именно грубости души, нравственной толстокожести, невосприимчивости к добру, красоте. Эта напасть тоже зарождается в семье, в годы раннего детства, и предотвратить ее можно только с помощью важнейшего очага педагогической культуры — школы.

Конечно же, есть трудные, очень трудные семьи. Но я, работая в школе не один десяток лет, не встречал родителей неисправимых, не встречал людей, в душе которых не осталось бы доброй искры. Превратить эту искру

в яркий факел — вот в чем мучительно трудная, но благородная задача педагогов.

Время выдвигает острые, жгучие проблемы коммунистического воспитания подрастающего человека. Успешно решать их нельзя без высокой педагогической культуры семейно-школьного воспитания.

Правда, 1968, 22 марта.

НЕ БОЙТЕСЬ БЫТЬ ЛАСКОВЫМИ

Я разговариваю с воспитанником детской исправительно-трудовой колонии пятнадцатилетним Сергеем З. Это еще ребенок, хотя по летам — подросток. Тонкие черты лица, одухотворенного внутренним напряжением мысли и чувств, синие глаза, в которых много грусти и боли... Он случайно прочитал мою книгу «Верьте в человека», написал мне письмо, просил выслушать его «повесть о жизни». И я приехал к мальчику. Уже с первых минут нашей беседы меня поразили контраст между детскими глазами, чертами лица и недетскими мыслями, переживаниями. Его рассказ взволновал меня, заставил задуматься над острой, жгучей проблемой: взрослые и дети, их взаимоотношения, передача моральных ценностей старшими поколениями детям, юношеству, молодежи. Вот содержание печальной повести Сережиной жизни.

«Мои родители — колхозники, теперь они живут в большом селе на юге Украины. Есть у меня шестилетний брат и пятилетняя сестричка. Как я попал сюда — вы знаете: за преступление. А почему, с чего все началось, — об этом мне и хочется рассказать. Было мне тогда, наверное, лет девять, учился я в третьем классе. Однажды просыпаюсь ночью — слышу, отец и мать о чем-то спорят... То, что я услышал тогда, ошеломило меня: мать и отец решили разойтись. «Что значит разойтись?» — вспыхнула в моем сознании мысль. Я понял, что отец и мать будут жить в разных местах. А затем услышал, что ни отец, ни мать не хотят взять меня к себе. Отец настаивает на том, чтобы я остался у матери, а мать говорит: пусть он идет с тобой, ничего я с ним не поделаю, он уже не слушается...

В горе и отчаянии я не мог заснуть до утра. Утром пошел в школу. В тот день наш класс собирался в лес.

Екатерина Петровна накануне сказала, чтобы каждый взял с собой — кто хлеба, кто сала, кто картошки. Мне надо было взять пшена: будем варить кашу. Но до того ли мне было утром? Я пришел в школу уже тогда, когда все собрались.

— А где пшено? — спросила учительница.

Я молчал. Не мог говорить. И пшено, и прогулка, и костер на тихой полянке — все это казалось таким мелочным, ненужным по сравнению с тем, что свалилось на меня дома. Учительница еще раз спросила меня, я ничего не сказал, а потом буркнул что-то в ответ. Не помню и сам что. Позже мне сказали, что я грубо бросил учительнице: «Чего вы ко мне пристали?» Если бы день назад кто-нибудь сказал, что я могу так ответить учительнице, никогда не поверил бы.

— Не пойдешь в лес. Оставайся дома, грубиян, — закричала Екатерина Петровна. — И не только сегодня не пойдешь, а никогда — ни летом, ни осенью.

Что-то обожгло грудь, в глазах потемнело. Я пошел — сам не знаю куда... Над цветами летали пчелы, легкий ветер качал ветки черешен с крупными красными ягодами, в голубом небе пел жаворонок. Но от этой красоты мне стало еще тяжелее. «Никому я не нужен» — эта мысль не давала покоя.

И в тот же миг, когда я это осознал, где-то в глубине души зародилась злость. Ага, если так, если вы причиняете мне зло, то я тоже вам отплачу! Мне захотелось видеть горе, страдание в глазах Екатерины Петровны. Захотелось, чтобы товарищи, мои одноклассники, не радовались, а грустили. Не думая о том, что делаю, я начал рвать цветы. Рву и бросаю тут же, на зеленую траву. Сорвал все. Потом начал рвать листочки шелковой травы, сбил цветущие маки. Помню, как сидел я возле изуродованных цветов и плакал. Если бы в ту минуту кто-нибудь подошел ко мне, сказал хоть одно ласковое слово, пожалел, спросил о моем горе — не так, совсем, может, не так сложилась бы моя жизнь. Подошел ко мне школьный сторож, но не с ласковым словом: «А, так вот кто тут цветы рвет!» Увидев, что я натворил в цветущем уголке, закричал: «Аспид! Что же это ты делаешь?! Вот придет учительница, придет директор, — выгонят тебя из школы!»

Я молча пошел домой. На следующий день не был в школе, прятался в ивняке. Разжег костер, пек картошку. Там нашел меня отец. Отлупил, отвел в школу. А в школе меня водила пионервожатая из класса в класс и говорила: «Вот кто сорвал все цветы в саду. Что же с ним делать, как вы думаете?» Я ничего не видел, слышал только, как кричали: «Выгнать его из школы!»

Не выгнали. Но для меня наступили тяжелые дни. Учительница на каждом шагу напоминала мне, что я преступник. Класс шел на экскурсию, а я домой. А отцу и матери было не до меня. Отец уже было собрался куда-то ехать, связал свои вещи и узлы, уложил чемодан.

В конце учебного года класс поехал в дальнюю экскурсию — по Днепру в Канев и Киев. Я любил читать книги о дальних странах, представлял места, куда отправились одноклассники, и мысль о том, что я никому не нужен, снова жгла огнем. Та неделя, когда класс был в отъезде, стала для меня тяжелым испытанием. В моем сердце росла злоба. Я начал ненавидеть всех. Чтение было моим любимым волшебным миром, а теперь и этот мир стал казаться мне лицемерным. Я перестал верить не только людям, но и книгам. Бродил, как неприкаянный, — по лесу, по лугу. Нашел старую, приبلудную, выгнанную кем-то собаку — она стала моим единственным другом, я кормил ее жареной картошкой с мясом (украденной дома). А когда вареной еды не стало, взял курицу, зарезал и зажарил — мы ели ее вместе с Жучкой. Прошла неделя, и вот однажды, под вечер, я увидел, как мои одноклассники возвращаются домой. Веселые, загорелые. Екатерина Петровна ласково улыбается маленькой Зосе, ведя ее за руку. А я никому не нужен... И снова из глубины души всплыло озлобление: радость человеческая стала жечь мое сердце... Мне снова захотелось сделать больно тому, кто рад и счастлив. Я пошел в школу и, пробравшись потихоньку в теплицу, где росли лимоны и мандарины, поразбивал все горшки, поломал растения, разложил на полу костер и убежал. Из своего укрытия наблюдал, как вспыхнули сухие рамы теплицы. Злорадство приносило мне наслаждение. Теперь никто не мог обвинить меня — никто не видел. Учительница допытывалась: «Ты это сделал?» Но я умел теперь смотреть в глаза людям и лгать. Я уверял: «Ни сном ни духом ничего не ведаю».

Шло время, а я жил одиноким, никогда никто не погладил меня ласковой рукой, никто не спросил, что у меня на душе. Родители то расходились, то снова сходились. Я слышал оскорбительные слова о людях, о женщине, о матери. В школе меня посадили на заднюю парту. Год или два оставляли после уроков выполнять домашние задания, а потом махнули на меня рукой — делай, как знаешь. Сердце мое словно одеревенело, онемело. Я стал каким-то недобрым. Однажды осенью — это уже было, кажется, в шестом классе — мы собирали на школьном участке кукурузу. Девочки сложили на меже свои платочки. Я первым заковылял ломать початки на своем ряду, подошел к платочкам: можно было обойти их, но я наступил на них сапогами, втоптал в грязь. Сделал это, сам не знаю почему, просто так. Меня наказали: запретили ходить в спортзал и школьную мастерскую, а отец избил, как всегда, когда учителя сообщали о моих проделках. Но и школьные, и домашние наказания уже были для меня безразличны. Чем больше донимал меня побоями отец, тем больше зла копилось в душе. На школьные наказания, хотя они и задевали большее всего, я тоже не обращал внимания. Знал директор школы, что единственным любимым занятием осталась для меня работа в мастерской, — и запретил посещать мастерскую. Но ему и на ум не пришло, что за это я пережег электромотор сверлильного станка.

И вот теперь это мое последнее преступление... Тяжело говорить мне о нем. Жгуче стыдно. Возможно, этот стыд — хорошее чувство, может, мое сердце скоро освободится от той злобности и черствости, которые пересилили все доброе и светлое в нем. Во время новогоднего праздника я бросил на электрические провода кусок проволоки — произошло замыкание, вспыхнул пожар. Его погасили. Но один малыш покалечился на всю жизнь. Меня много раз спрашивали — и на следствии и после: «Почему ты это сделал? Что стало непосредственным поводом к преступлению? Тебе запретили прийти на праздник новогодней елки?» Нет, не запретили. И в тот вечер меня никто не обидел. Но к этому вечеру привели меня годы духовного одиночества, это они сделали меня злым и жестоким. Вот что я теперь знаю сам о себе. С той ночи, когда я впервые узнал, что не нужен ни отцу,

ни матери, не слышал я доброго слова ни дома, ни в школе. Никто меня не любил, для всех я был обузой.

С годами я многое понял. Теперь мне хочется стать настоящим человеком, поверьте. Хочу быть добрым, чутким. Буду воспитывать сам себя, утверждать в себе то, что должно было утвердиться еще тогда, когда воспитывала меня Екатерина Петровна. И тот классный руководитель, который ставил меня за доской и говорил: «Постой там, а товарищи пусть посмотрят на твои ноги...» Теперь я знаю, что люди хотели, чтобы я был лучше. И мои воспитатели тоже. Но не все умели мне помочь, а некоторые причинили только вред».

Эта исповедь юной души надолго останется в моей памяти... Горько, но надо нам, педагогам, признать: в школьном воспитании еще немало дремучего педагогического бескультурья. Суть его состоит в забвении той простейшей и мудрейшей истины, что воспитание человека — это прежде всего воспитание гармонии разума и сердца, где сердцу принадлежит самая нежная, самая тонкая мелодия.

Педагогическое бескультурье в воспитании чувств — это, на мой взгляд, едва ли не наибольшее зло, которое часто приводит — о чем свидетельствует нелегкая судьба Сергея — к трагической ломке жизни. Это зло заметно даже при поверхностном ознакомлении с некоторыми школами. Покрикивание, нервозность, вспыльчивость кое-где стали обычными во взаимоотношениях учителя с учениками. Привыкая к повышенному тону, к нервозности, ученики иногда в течение пяти-шести часов, в течение целого школьного дня, находятся в состоянии чрезмерного возбуждения. Уже это одно — серьезная угроза не только их здоровью, но и моральному развитию. Напряженность изматывает, истощает нервы, приводит к тому, что дети перестают реагировать на спокойный тон, обращают внимание только на «усиленные» меры — крик, стук, угрозу. У ребенка притупляется чувствительность, он становится равнодушным к тем тончайшим эмоциональным тонам и полутонам человеческого слова, которые должны ежедневно и ежечасно ощущать и которые воспитывают сердечную чуткость. В атмосфере постоянной напряженности, нервозности, гама, крика и учитель в конце концов утрачивает эти нюансы, тона и полутона.

«Я работаю шестой год,— рассказывал мне один молодой учитель,— и с каждым годом чувствую, как все больше деревенеет мое слово, с которым обращаюсь к ученикам, теряет тепло, так как все время я вынужден «перекричать» шум в классе. А чем равнодушнее становятся ученики к моим словам, тем чаще приходится прибегать к окрику, угрозе. С уроков прихожу домой разбитый, с тяжелой головой, несколько часов не могу ни за что взяться, только под вечер немного успокаиваюсь и начинаю работать, засиживаюсь над книгами до ночи, а утром — снова то же самое».

После рабочего дня, проведенного в атмосфере нервного напряжения, чрезмерного возбуждения, ученики (особенно подростки) также приходят из школы домой совершенно изнуренные и не могут нормально работать. Выполнение домашних заданий в таком состоянии становится подлинной мукой. А в результате — поверхностные знания, усталость уже где-то на втором уроке, снова то же равнодушие и реагирование только на «сильнодействующие средства».

Заколдованный круг: нервозность, напряженность, возбужденность ведет учителя в тот тупик педагогического бессилия, за которым приходит еще более постыдное и страшное — школа, которая по самой природе своей должна быть святым местом гуманности, человечности, храмом высокой культуры человеческих чувств, становится — как это ни странно, но это так — местом несправедливости. Не зная, что делать с учеником, который, по его мнению, нарочно нарушает дисциплину, нарочно причиняет неприятности,— учитель прибегает к наказанию. Слабость апеллирует к силе и насилию. Да, я долго думал, прежде чем написать это слово — насилие, ибо произвол и несправедливость всегда выливаются в насилие над волей, мыслями, чувствами. А коль уже учитель прибег к наказанию, к силе,— тут уже кончается, исчерпывается педагог и начинается надзиратель, которого ученики ненавидят.

Конечно, было бы странно, если бы где-либо в наше время, в нашем обществе кто-то в школе прибег бы к палке, розге, ремню или подзатыльнику в буквальном смысле. Эти меры воздействия давно исчезли из жизни нашей школы. Но моральная розга, моральный ремешок и подзатыльник еще кое-где и по сей день процветают.

Бесспорно, есть у нас тысячи и тысячи учителей, творческий труд которых — пример духовной красоты человека. Но я с болью говорю: почти все жизненные трагедии, вследствие которых подросток в лучшем случае оставляет школу, а в худшем попадает в исправительно-трудовую колонию, порождаются нашей педагогической несостоятельностью. Что можно подумать о враче, который бы сказал больному: «Состояние вашего здоровья безнадежно, лечить вас не стоит, можете заказывать гроб»? Такого врача и дня бы не держали в больнице, его бессердечность стала бы предметом общественного осуждения. А в школе о том, что ученик безнадежен, что из него ничего не выйдет, нередко говорят не только его родителям, но и ему самому. Это умышленное желание «пронять» ребенка до глубины души и является тем ударом палкой по чуткому детскому сердцу, который, повторяясь, в конце концов делает ребенка нечувствительным, равнодушным к собственному достоинству.

Жесткие, «сильнодействующие» средства, которые, по мнению педагога, должны повлиять на ребенка положительно, действуют, но не так, как он хочет. В одной школе учительница привела на родительское собрание двух школьников и предложила им читать: один читал бегло, эмоционально, а другой продемонстрировал свое бессилие — сбивался, переставлял слоги и слова, читал не то, что написано. Такое выставление напоказ неумения ребенка, публичное унижение его — уже само по себе большое зло. Но еще хуже то, что ученика, который не умел читать, это совсем не смущало, его не обижало такое публичное унижение. Видно, уже немало таких ударов моральным ремнем испытал он, если перестал чувствовать и наказание, и доброе слово. Вот так детскую душу, открытую для добра, ласки и справедливости, жестокость, немотивированные наказания и унижения покрывают ледяным панцирем равнодушия.

Я получаю много писем от учителей и родителей учеников. Вот что рассказывает учительница из Киевской области.

«В первом классе есть такой неповоротливый малыш Миша. У нас давно заведено: дежурные пропускают в школу только того, кто хорошо вытер обувь. Хороший порядок, но... Миша не успел вытереть сапожки до звонка и опоздал. Директор поставил его в коридоре и при-

казал: «Стой здесь, не сходи с этого места». Я не знала, что директор так решил проучить мальчика. Смотрю — стоит Миша. Почему ты стоишь? — спрашиваю. Молчит, глазами моргает... Взяла я его за руку, отвела в класс. И что бы вы думали? Директора и кое-кого из учителей возмутил мой поступок. Начали приклеивать ярлычок: добренькой быть хочет, потакает нарушителям дисциплины. Горько и больно слушать такие обвинения».

А вот другое письмо. «Как может это повлиять на ребенка?» Третьеклассник Коля плохо выполнил домашнее задание. Учительница сказала: «Выйди к доске и порви перед классом свою тетрадь». Мальчик вышел, порвал. Как это может повлиять? Может убить достоинство человеческое в душе ребенка. Может вселить злобу. Угадаешь ли, семя какого злого зелья посеют насмешка и несправедливость? Вот они моральные ремешки: после проверки домашнего задания учительница называет фамилию ученика, выполнившего работу хуже всех, и тот должен, раскрыв свою тетрадь, сказать: «Так нельзя писать» и потом показать всем ученикам,нося ее от парты к парте; в одной из черкасских школ учительница написала в дневнике второклассника: «Володя все время на уроке улыбался». Дома родители прочитали, но не поняли, что тут плохого. На следующий день в дневнике уже грозная запись: «Володя продолжает улыбаться, примите меры». Или такие моральные ремешки: в витрине магазина вывешен список неуспевающих; в школьном коридоре на стенде — «педагогические» характеристики воспитанников: такой-то ученик трудолюбивый и настойчивый, такой-то лентяй, у такого-то плохие способности. Бывает и так: за невнимательность на уроке ставят у доски, а когда один не захотел стать, учительница пошла в канцелярию и позвонила в милицию: такой-то ученик сорвал урок; ученика с плохим поведением не принимают в кружки; в балетные кружки принимают только отличники и т. д.

Вот они, повторяю, удары духовного ремня, калечащие душу ребенка. Каким гражданином станет человек, который уже в детском возрасте побывал в милиции, которого не раз выставляли на публичное осуждение? Какого уважения к законам и правилам социалистического общежития можно ожидать от того, кого не раз «прорабатывали», чью душу публично выворачивали?

Для такого человека не будет ничего святого, ничего, что могло бы сдержать его.

Как часто можно читать догматические рекомендации педагогов-теоретиков о том, что только коллектив может повлиять на человека, только через коллектив можно карать и миловать. При этом всегда цитируют выдающегося советского педагога А. С. Макаренко. Но почему же забывают, что А. С. Макаренко не раз подчеркивал большую роль личного влияния педагога на воспитанника? Если осмыслить всю его педагогическую деятельность, то станет совершенно ясно, что она является блестящим доказательством могучей силы влияния личности воспитателя. Макаренко никогда не говорил, что надо выставить перед коллективом все промахи и недостатки личности. Если бы это так делалось на практике, то коллектив стал бы не мудрой воспитательной силой, а моральной палкой. Я знаю сотни фактов, когда именно вдумчивое, тонкое, тактичное педагогическое проникновение в духовный мир ребенка буквально спасало его. Пусть у нас будет больше мастеров индивидуального влияния на ребенка, настоящих педагогов, понимающих, чувствующих, где кончается та сфера духовного мира личности, которую можно делать предметом обсуждения коллектива.

Я глубоко убежден, что некоторые приемы использования коллектива как способа сильнодействующего влияния на ребенка — лишь признак бессилия, растерянности педагога, непонимания самой сути коллективного воспитания.

Моим непоколебимым педагогическим убеждением является истина: чуткость и мягкость — та духовная сила, которая способна уберечь детское сердце от огрубения, озлобления, жестокости и равнодушия, от бессердечнотупого отношения ко всему доброму и светлому в жизни, прежде всего к сердечному, теплему слову. Возможно, у кого-то этот принцип вызовет ироническую усмешку: мы, дескать, будем ласковыми, а они нам на голову сядут... Не сядут, ведь зло в детском сердце порождается только грубостью, равнодушием взрослых.

Однако следует помнить, что ласка — это не сюсюканье и не всепрощение. Это человечность. Это самая сущность, самая сердцевина коммунистической педагогики, для которой истина: человек человеку друг, товарищ

и брат — не красивая фраза, а плоть и кровь взаимоотношений между людьми. Коммунистическая педагогика является сплавом идей и гуманности, я бы сказал: это идея человечности, помноженная на доброту каждого учителя как живой личности, как неповторимого человеческого сердца с его радостями и горем.

С чего начинается воспитание лаской, добротой, сердечностью? С нетерпимости к крику, шуму, угрозам, деревянному однообразию слова воспитателя и слова воспитанника. В школе должен звучать весь диапазон ласкового, душевного слова педагога — чтобы в нем звенели и наша вера в доброе начало в ребенке, и доверие к нему, забота о его судьбе, успехе, тревога и беспокойство, и наше искреннее желание принести радость, и доброжелательность, и обида, когда мы чувствуем, что на нашу доброту маленький человек еще не отвечает желанием быть хорошим. Ласковое слово имеет сотни оттенков, и педагог овладеет им, если будет знать душу ребенка.

...Семь лет учил я Степана В. — с первого по седьмой класс. Ему было очень трудно учиться. Три года ушло на то, чтобы мальчик, наконец, понял, что же оно такое — арифметические задачи, и начал их решать. Он был очень впечатлительным, где-то в глубине сознания мальчику не давала покоя мысль, что он почему-то не такой, как другие, не умеет так учиться, как другие. Но если бы я хоть одним намеком оживил эту мысль, он окончательно потерял бы веру в себя и, наверное, оставил бы школу. Моя ежедневная беседа с ним о выполнении домашних заданий была, образно говоря, игрой на тончайших струнах ласкового слова. Я никогда, ни разу не ставил ему неудовлетворительную оценку, так как видел, что ребенок искренне хочет учиться, стремится к успеху. Все мои усилия были направлены на то, чтобы поддержать его. Я уверен, что если бы хоть раз прибегнул к «сильнодействующим» способам влияния на Степана через коллектив, то ничего, кроме беды, из этого не вышло бы. Мягкость, сердечность — вот что спасло мальчика. В нем постепенно утверждалось самоуважение — чуткость к собственной чести и достоинству, мальчику хотелось быть хорошим, и он напрягал для этого духовные силы. Помню, с каким негодованием отвергал он попытки товарищей подсказать, подсунуть шпаргалку, — ему все хотелось сделать самому. Окончив семилетнюю школу, Степан

поступил в ремесленное училище, стал наладчиком станков, потом, через два года, поступил в вечерний техникум, окончил его и теперь работает техником в экспериментальном цехе машиностроительного завода.

Вспоминаю, как мальчик, бывало, по два часа бился над задачей, как трудно было помочь ему так, чтобы он и сам не заметил этой помощи; как на уроке, взяв тетрадь Степана, я делал вид, что впервые вижу его сегодняшнюю работу по арифметике. Какую большую радость мальчику приносила сама мысль о том, что класс убежден: Степан самостоятельно решает задачи, он может уже обойтись без посторонней помощи... С сожалением смотрю я на тех школьников, к которым коллектив «прикрепляет» сильного товарища в помощь — они настолько привыкли считать себя слабыми, что скажи такому: «бездарь ты, ничего не умеешь» — и он не обидится.

Воспитание лаской — это утверждение самоуважения. Я не верю в успех наказания, в котором есть хоть капля унижения человеческого достоинства. А это унижение именно и начинается там, где что-то недоброе, имеющееся в ребенке, выставляют напоказ, выворачивают детскую душу. Я не верю в наказание, если оно поражает в сердце, оставляет боль, откладывается в памяти обидой. Страшно представить себе человека с одеревеневшим и озлобленным сердцем, воспитанного с помощью «моральной палки», в роли руководителя. Те бездушные, бессердечные, тупые бюрократы, которые мы нередко с удивлением и отвращением наблюдаем в жизни, — и есть ядовитые плоды озлобленности и черствости, посеянных в годы детства.

К чувствам ребенка надо прикасаться лаской и добром, о том плохом, что в нем есть, должно знать как можно меньше людей, пусть даже совсем не знает об этом коллектив — так будет только лучше. Чем больше тонкости и тактичности в этой сердечной сфере взаимоотношений, тем чувствительней становится ребенок, подросток к плохому в самом себе, тем больше стремится стать лучше.

Воспитательная роль коллектива совсем не в том, чтобы в глазах ребенка (а иногда и взрослых) он был пугалом, судищем. Коллектив только тогда воспитывает, когда утверждает самоуважение личности, чувство

собственного достоинства и чести. Искусство и мастерство воспитания человека коллективом состоит в том, чтобы он чувствовал, что вносит что-то хорошее, красивое в коллектив, и от этого и жизнь коллектива, и жизнь его самого становится счастливей, содержательней. Многолетняя работа в школе твердо меня убедила: коллектив только тогда становится воспитательной силой, когда он видит в человеке достоинств в десять, в сто раз больше, чем изъянов и недостатков. А это значит, что воспитание коллектива — тонкая, филигранная работа воспитателя с каждой личностью, ласковое, человеческое прикосновение к каждому сердцу, тонкая подготовка каждой личности к жизни в коллективе.

Читатель может спросить: а что же все-таки делать, если в коллективе есть злостный нарушитель дисциплины? Я снова отвечаю: зло в ребенке порождается только злом, устраняется только добром. Дайте педагогу — настоящему, талантливому — сорок малышей-первоклассников, с которыми он будет работать с первого по десятый класс, — и в этом коллективе не будет ни одного нарушителя дисциплины, не будет намеренного зла, не будет озлобленных сердец, так как с первого до последнего дня воспитания он будет оберегать эти сердца от сильнодействующих средств влияния, будет беречь их чистоту, чуткость, мягкость, будет воспитывать непримиримость ко злу. Хулиган, сознательный нарушитель дисциплины не рождается внезапно. Его создают годы черствости, равнодушия и бессердечности взрослых.

Ласковость, если она утверждает в человеке самоуважение, обладает волшебной силой: она развивает чувство стыда за дурной поступок. Умейте найти такое слово и так его сказать, чтобы не унизить ребенка и, одновременно, чтобы ему стало стыдно, — и вы победили как педагог. Слово это не заучишь по книжке, не запишешь на лекции профессора педагогики, оно рождается в сердце и окрашивается чувством учителя. Можно сказать ребенку или подростку самые обычные слова: «Как же это так получается? Что же мы теперь с тобой будем делать?» — и эти слова коснутся самых чутких струн сердца, заставят пережить поступок, пробудят благородные движения души. Чудодейственная сила слова возникает из любви педагога к ребенку, из его глубокой веры в человека. Любовь к человеку и вера в него — это, образно говоря,

воздух, на который опираются крылья ласки и мягкости.

Пусть звучит в наших школах мягкое слово. Коснемся же лаской детского сердца. Будем беречь человеческое достоинство, утверждать в человеке уважение к самому себе, воспитывать тонкую чуткость к добру и злу. Как зеленый листок тянется к солнцу, так душа нашего воспитанника пусть тянется к ласке и добру. Не бойтесь быть ласковыми!

Радянська школа, 1968, № 4.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ГРАЖДАНИН

Это случилось в селе несколько лет назад. У восьмиклассника Павла В. внезапно умер отец. Многодетная семья оказалась в тяжелом положении. Мать часто болела и в колхозе работала изредка. Сошлись родичи и советуют: четверых надо отдать в детский дом или школу-интернат, а Павел пусть кончает школу, да и матери подспорье будет. Заплакала мать, заплакали дети. Только Павел ни слова не проронил и не плакал. Молчал, что-то думал. Потом сказал:

— Никуда мы их с матерью не отдадим. Я уже не маленький — в восьмом классе, и в комсомол поступил, хотя билета еще и нет. Будем жить... Малыши матери будут помогать, а я с весны до осени в колхозе стану работать.

Однако жизнь была намного сложнее, чем казалось. Павел понял, что заработка матери не хватит.

— Какой же выход видишь ты, Павел? — спросил я.

— А вот какой. Сейчас весна. Берут меня прицепщиком к трактору. Работа такая, что дважды в неделю я смогу приходить в школу. Может, когда и один раз, но не отстану.

Иного выхода не было — я согласился с тем, что предлагал Павел. До смерти отца мальчик не отличался особыми способностями, но был старательным, трудолюбивым учеником и учился хорошо. Удивительное дело: теперь Павел был с утра до ночи на работе, а успеваемость у него ничуть не ухудшилась. В поле мальчик не расставался с книгой: лишь только выпадала свободная минута, — читал.

Может быть, не все и поверят, но действительно так и было: работая и занимаясь в школе, Павел обеспечивал многодетную семью и мать всем необходимым. Находил время не только следить, как братья и сестры выполняют домашние задания, но и не пропускать ни одного родительского собрания. В семье (что заслуживало особого внимания и заставляло о многом задуматься) царила ответственность человека за человека: каждый отвечал не только за себя, но и за кого-то другого. Летом все работали в колхозе.

Не будем торопиться с выводами. С событиями в семье В. сопоставлю другой факт. Жил в нашем селе прекрасный человек — старик Алексей Никитич. Влюбленный в землю и растения, в тихие летние рассветы и вечера щедрой осени. Жил Алексей Никитич один-одинешенек, не было ни детей, ни внуков, ни родни. Все, что приносил его сад и виноградник, Алексей Никитич отдавал людям. Особенно дружил он с детьми.

Настоящим детским праздником были дни медосбора, когда старик брал мед из нескольких ульев — маленькой пасеки, принадлежавшей, как и весь сад, детям. И вот случилось неожиданное. Ночью, накануне медосбора, когда малышам снился предстоящий праздник, чья-то злая рука потравила серой пчел, забрала соты с медом, уничтожила пасеку. Уже утром стало ясно, что это сделали четырнадцатилетние подростки — Олег и Анатолий, дети из трудолюбивых, хорошо обеспеченных семей. Ни о чем парни не думали, никаких забот не знали, разве что летом: куда девать свободное время.

А теперь снова вернемся к Павлу. Учась в девятом классе, мальчик овладел уже специальностью тракториста, и колхоз доверил ему машину. Незадолго до окончания девятого класса, как-то в марте, разыгралась жесткая выюга. И вот в этот день у женщины, жившей неподалеку от семьи Павла, начались роды. Надо было или привезти врача из районного центра, или отвезти женщину в больницу. Единственный возможный транспорт — гусеничный трактор. В такую выюгу, когда и света божьего не видно, Павел поехал на тракторе за врачом, и жизнь матери и ребенка была спасена.

Разговор наш нынешний об очень важном предмете: с чего начинается гражданин. В чем главные источники гражданской ответственности?

Почему Павел стал настоящим гражданином, а Олег и Анаголий оказались на опасном пути преступления? Сравнить можно не только эти два факта. Для сравнения есть десятки и сотни других, и все они приводят к одному выводу: гражданин вырастает там, где есть чувство долга перед людьми.

Нынче остро дает о себе знать старая, хроническая болезнь школы — отставание воспитания от обучения. Здесь я сделаю небольшое отступление. В живом, сложном учебно-воспитательном процессе есть вещи, эффективность которых зависит от сотен других вещей. Нельзя сказать: сделайте вот это, и ваш воспитанник станет хорошим гражданином. Здесь куда более сложное правило: сделайте это и еще сто вещей, — и только тогда ваш воспитанник станет хорошим гражданином.

Гражданская деятельность — это такой труд, такое напряжение физических и духовных сил, когда для человека личным, моим, дорогим, родным становится то, что принадлежит не ему лично, а людям, коллективу, обществу.

Итак, в основу гражданской деятельности мы кладем труд коллектива. Малыши, только что севшие за парту в первом классе, берут своим коллективом небольшой участок глинистой, совсем не плодородной земли — 20—25 сотых гектара. До окончания третьего класса они превращают участок в почву высокого плодородия. Потом берут большой участок — 70—80 сотых гектара и так же преобразуют его до окончания девятого класса.

Многолетний опыт глубоко убедил нас в том, что труд только тогда становится могучей воспитательной силой, когда в нем заложена какая-либо гражданская идея. А если труд ограничивается случайными ежедневными нагрузками — сделать то, что попало под руку, что недоделал кто-то другой, — воспитательная сила такого труда сводится к нулю.

Только в нелегком труде для общества рождается моральное качество, без которого немыслима гражданственность. Это чувство уважения к самому себе — самоуважение.

Мы подходим к одному из важнейших вопросов гражданского воспитания — о гражданских убеждениях человека. Почему в жизни есть немало людей, которые тысячу раз знают, что надо работать для общества, надо

беречь общественные ценности, а на деле эти люди лентяи и расточители? Питательной средой для формирования подобных людей является такое воспитание: человека стараются воспитать словами без пробуждения его собственной духовной энергии, без единства труда и мысли. Все это совсем не значит, что словесное воспитание — плохое воспитание. Иных средств, которые несли бы в себе такую силу, как слово, человек не знает. Словесное воспитание может быть хорошим или плохим в зависимости от того, что есть помимо него.

Большая ошибка воспитания кроется в преднамеренности воспитательных мероприятий. «Мы идем сажать деревья, у нас сейчас трудовое воспитание», — ответил мне школьник на вопрос, куда это они идут с лопатами. Выходит, деревья сажают не для того, чтобы город был чистым и красивым, чтобы легче дышалось и жилось, не потому, что без труда человек не может жить, а потому, что в школе есть трудовое воспитание, хочешь не хочешь, а надо отбыть его.

Жизнь гражданина в нашем обществе немыслима без экономической, материальной взаимозависимости и ответственности. Уже в детском возрасте наши воспитанники знают, что порученная им работа — не игра, а совершенно серьезное, взрослое дело. Чтобы воспитать зрелость, возмужалость взглядов, мышления, чувств, мы заботимся об экономических, хозяйственных отношениях не только между школьниками и взрослыми тружениками, но и между членами школьного коллектива. Коллектив — это, образно говоря, колыбель гражданственности. В связи с этим надо сказать, что пионерская и комсомольская организации еще не стали во многих случаях школой воспитания граждан именно потому, что понятия самодеятельность, руководство, дисциплина часто держатся только на словах и не имеют под собой твердой материальной почвы.

У пионерской организации нашей школы есть бригада малой механизации. Это небольшой детский коллектив, в распоряжении которого есть машины и механизмы, используемые на школьном учебно-опытном участке, а также на занятиях детских политехнических кружков.

Бригадир несет материальную ответственность за все ценности. У него ключи от гаража и склада, где хранятся машины и механизмы. Перед ним и механиком (это

один из самых опытных юных механизаторов) отвечают за материальные ценности те, кто пользуется ими в процессе работы.

Благодаря десяткам взаимозависимостей, в первую очередь материальных, у пионеров воспитывается зрелость мысли, гражданская активность, инициатива, коллективистская сознательность, чувство ответственности перед товарищами. В бригаде установлено твердое правило: если ученик что-то ломает, он своим трудом возместит материальные убытки.

В комсомольской организации есть бригада юных механизаторов, построенная по такому же принципу. Комсомольцы работают на колхозном поле.

Есть в пионерской и комсомольской организациях и бригады юных растениеводов и юных садоводов, бригады, которые занимаются заготовкой местных удобрений.

Опыт производственных, материальных отношений дает возможность комсомольской и пионерской организациям быть хозяином многих материальных ценностей. Комсомольцы и пионеры распоряжаются средствами, поступающими от продажи урожая с учебно-опытного участка, сада, огорода.

Участие школьной молодежи, пионеров и комсомольцев в духовной жизни народа — одна из самых жгучих, самых актуальных проблем коммунистического воспитания. Важная задача учебно-воспитательной работы современной школы состоит в том, чтобы знания, которыми овладевают ученики, не оставались мертвым грузом в их головах, а становились орудием гражданской активности.

Критерием, мерилom человека в школе стала отметка. Учится ученик на пятерки — хороший; учится на тройки — так себе, а если у него по двум-трем предметам двойки — тут уж, как говорят, пиши пропало. За отметкой теряется человек, в отметке расплывается его неисчерпаемость, его многогранный духовный мир. И это — пусть это не покажется парадоксом — ведет прежде всего к ухудшению успеваемости, к равнодушию в учебе. Сколько детей и подростков идет утром в школу «как на казнь египетскую» (так пишет в письме одна молодая мать из Киева). Беда не только в том, что они выходят из школы неучами, а и в том, что всю свою жизнь они с чувством душевной боли вспоминают школу, а к серьезному чтению, книге их ничем не привлечешь.

Я не за то, чтобы неуспевающих считать хорошими, чтобы любоваться лодырями. Я за то, чтобы не было безделья и лени. Я не знаю школьника, нормального по своему умственному развитию, который хотя бы по какому-то одному предмету школьного обучения не мог достигнуть отличных результатов. И если вам посчастливится эти дремлющие способности пробудить, если человек, который сам на себя махнул рукой, станет отличным хотя бы по одному предмету, — тут у вас, воспитатель, самый подходящий момент пробудить в школьнике гражданское достоинство.

Это очень хрупкая, нежная, красивая вещь и чтобы уберечь ее от неосторожных, а иной раз (к сожалению, это бывает в некоторых школах) и варварских прикосновений, надо помнить: каждый ребенок — не только личность, но и завтрашний гражданин.

Мы считаем одной из важнейших воспитательных задач то, чтобы у каждого ученика наряду с уроками был богатый и привлекательный своей необязательностью мир знаний, мир интеллектуальной жизни. И создается этот мир благодаря тому, что основу интеллектуальной жизни коллектива составляют гражданские взаимоотношения: старшие руководят различными кружками у младших. У них есть и свои научно-предметные кружки. Комсомольская организация создала свой молодежный лекторий «Современность». Еженедельно на дальней окраине села, в хате кого-нибудь из колхозников собираются люди среднего и пожилого возраста. К ним приходят комсомольцы, рассказывают, что делается в мире; отдельные доклады и сообщения посвящаются важным проблемам современной науки. Хаты, где время от времени проводятся вечера научных знаний, мы, учителя, называем очагами педагогической культуры. Ведь именно здесь, благодаря передаче знаний, благодаря тому, что процесс передачи знаний превращается в тончайшие человеческие взаимоотношения — гражданскую заботу одного человека о том, чтобы другой человек стал духовно богаче, — именно благодаря этому знания преобразуются в убеждения.

Для того чтобы каждый воспитанник был другом, тозарищем, братом своему соотечественнику, чтобы вырос настоящим гражданином, мы с особым вниманием следим за тем, какими сыновьями и какими дочерьми вырастают наши дети. Любовь и преданность матери — пер-

вая школа гражданственности, и если ребенок вышел безграмотным из этой школы, то ему не овладеть в будущем высшей школой гражданственности — преданностью интересам Родины. Плохой сын не может быть хорошим патриотом.

Слово — могучее орудие воспитания гражданского сознания, но только в том случае, если есть гражданская деятельность — и деятельность рук, и деятельность разума, то есть та передача интеллектуальных богатств, о которой говорилось выше.

Необходимы специальные беседы воспитателя — классного руководителя. Раз в неделю у нас проводится час классного руководителя. Он посвящается гражданскому воспитанию. Как только дети сядут за школьную парту, мы рассказываем им о Советской Родине, о труде и борьбе советских людей за построение коммунизма, о борьбе человечества за социальный прогресс. Эти рассказы — не только первая, элементарная политическая информация, не только первые знания о большом мире, который начинают познавать дети. Это также источник гражданских забот и гражданских мыслей молодого поколения.

В школьном курсе нет такого предмета — современность. Но дух современности должен пронизывать всю учебно-воспитательную работу школы, всю жизнь воспитанников. Воспитание — это прежде всего идейное воспитание, формирование идеологии. А идеология человека зависит от того, что он думает и как думает, какие события, люди, явления волнуют его, к чему он стремится, что считает добром и что — злом.

Опыт показывает, что в течение всех лет пребывания в школе познание окружающего мира должно заключаться прежде всего в познании человека. За много лет у нас составила своеобразная хрестоматия — книга о людях с огненными сердцами. Раскрывая величие и красоту жизни и борьбы коммунистов, комсомольцев, пионеров, мы утверждаем в сознании наших воспитанников мысль, что подвиг подлинного гражданина — высокое человеческое счастье.

Постепенно, шаг за шагом утверждая в душе своих воспитанников гражданские мысли и переживания, мы готовим их к познанию высочайшей красоты гражданственности — осмыслению героической жизни и борьбы В. И. Ленина.

Мы добиваемся того, чтобы рассказы о В. И. Ленине как великом гражданине нашей страны совпадали с тем периодом духовного развития воспитанников, когда в их жизни уже есть, кроме мира личного, большой мир общественных интересов и дел, мир борьбы за высокие идеалы, мир стремлений и порывов.

Конечная цель всех бесед о гражданственности в том и состоит, чтобы человек начал думать о себе, увидел глазами общества самого себя.

Гражданское воспитание — это воспитание на гражданских идеях. А идеи — святыни, завоеванные, выстраданные человечеством, и их не повторяют ежедневно и на каждом шагу, как не читает ежедневно мать последнее письмо своего сына, павшего на поле боя. Советую всем, причастным к воспитанию: как огня, бойтесь той игры в идейность, которая, к сожалению, бывает в школах и о которой, к стыду школы и педагогики, газеты иной раз пишут как о достижении в идейном, гражданском воспитании. В прошлом году я прочитал в пяти газетах примерно одно и то же: пионеры такого-то отряда в такой-то школе вписали в классный журнал своего класса фамилию героя Великой Отечественной войны, павшего смертью храбрых в бою за освобождение села от фашистских захватчиков. Каждая третья (порой пятая, шестая) отметка, которую получают ученики класса, ставится против фамилии героя... Об этом иной раз пишут с восторгом: начинание, дескать, способствует повышению успеваемости... Хочется зайти в учительские тех школ, где педагоги делают это (ведь дети до такого не додумаются), и спросить: что вы делаете? Зачем вы калечите детские души? Что это — скудоумие или фиглярство? Ведь бывали такие случаи: мальчишка по глупости своей и легкомыслию не выучил урок, получил двойку, а тут как раз подошла его очередь «отдать» свою отметку герою, и мальчишка уже слышит упреки: какой же ты патриот... К великому и святому нельзя подходить так легковесно! Двойка в детском дневнике и патриотизм — слишком не равнозначные вещи.

Высока и ответственна миссия советского педагога. Когда мне надо идти к своим воспитанникам — что-то рассказать им, в чем-то убедить, меня волнует мысль: я стою между моральными ценностями народа и душой человека. Моя задача — сделать бесценные моральные

богатства личным достоянием каждого человека. От того, что и как я скажу, зависит моральная чистота человека, которого я создаю.

Давайте же работать, дорогие друзья, так, чтобы в каждой душе, как солнце в капле росы, отражалось величие коммунистических идей. Миллионы людей — миллионы солнц, миллионы граждан, преданных идеям коммунизма, людей с чистым сердцем, ясным разумом, золотыми и работающими руками.

Радянська Україна, 1968, 14 апр.

УРОК И ЗНАНИЯ

Опыт передовых учителей убеждает: одной из причин трудностей, с которыми встречаются дети в учебе, является то, что знания часто остаются неподвижным грузом, они накапливаются словно «про запас», «не идут в оборот», не применяются в повседневной жизни и прежде всего для приобретения новых знаний.

В практике учебно-воспитательной работы многих учителей стало правилом: требовать знаний — значит добиваться правильных ответов на поставленные вопросы или выполнения учебных заданий. Такой взгляд толкает учителя на одностороннюю оценку умственного труда и способностей учеников: способным и знающим считается тот, кто умеет хранить знания в памяти и по первому требованию учителя «выкладывает» их.

К чему это ведет на практике? К тому, что знания отрываются от духовной жизни школьника, от его интеллектуальных интересов. Овладение знаниями превращается в нудное запяtie, в самоцель.

На наш взгляд, о подлинных знаниях можно говорить лишь тогда, когда они становятся фактором духовной жизни, увлекают мысль, пробуждают интересы и стремления. Начинает действовать закономерность: чем больше знаний у человека, тем легче ему приобретать новые. На практике, к сожалению, бывает наоборот: с каждым годом ребенку учиться становится труднее.

Какой же практический совет вытекает из этих истин?

Стремиться к тому, чтобы знания были и конечной целью, и средством, инструментом для овладения новыми знаниями. Чтобы они жили в умственном труде школьника.

ков, в духовной жизни коллектива, во взаимоотношениях между учениками, в том стремительном, постоянном, непрерывном обмене духовными ценностями, без которого нельзя представить полноценное интеллектуальное, моральное, эмоциональное, эстетическое развитие.

Что и как практически делать для этого?

В начальных классах с первых шагов обучения важнейшим элементом знаний ребенка становится слово. Точнее, реальный окружающий мир, который выражается, отражается в мысли и слове. Этот мир открывается ребенку все новыми и новыми, не известными ему до школы гранями. Первые и, наверное, самые широкие шаги на пути познания ребенок делает благодаря наблюдениям, живому созерцанию, благодаря слову. Если вы хотите, чтобы знания не превратились в мертвый, неподвижный груз, который делает невозможным дальнейшее продвижение по ступеням познания, сделайте слово одним из инструментов детского творчества.

Опытные учителя практически ориентируются на то, что в умственном труде школьника на первом месте должно стоять не заучивание, а мысль, живое творчество, познание предметов, вещей, явлений, окружающего мира с помощью слова, познание вместе с тем и тончайших его оттенков, углубление в эти оттенки.

Вы пришли с детьми в осенний сад. Теплый солнечный день «бабьего лета». Ласковые лучи греют землю, деревья стоят в ярком, разноцветном уборе. Вы рассказываете детям о золотой осени, о том, как все живое в природе готовится к долгой и холодной зиме. Но процесс познания мира был бы только накоплением ваших мыслей в голове ребенка, превращением ее в кладовую знаний, если бы вы не стремились к тому, чтобы слово в голове и в сердце ребенка стало активной силой. Убедившись, что дети проникаются богатством содержания и эмоциональной окраски слов, словосочетаний, вы предлагаете малышам рассказать о том, что они видят, чувствуют. На ваших глазах рождаются удивительные, тонкие, яркие мысли об окружающей природе, ее красоте: «В голубом небе плывет облачко — как белый лебедь...», «Дятел стучит по стволу дерева, и он звенит...», «У дороги цветет одинокая ромашка...», «Аист стоит в гнезде на одной ноге и смотрит куда-то далеко, далеко... О чем он дума-

ет?», «На цветок хризантемы села бабочка, гребется на солнышке...»

Толчком, источником для детского творчества, для всыпки детской эмоциональности, бесспорно, послужили ваши мысли, так как вы сумели открыть перед ребенком окошко в окружающий мир. Но дети не пересказывают услышанное: ваше слово, ваша мысль трансформируются в их сознании. Ребенок учится думать, ощущает ли с чем не сравнимое чувство радости мышления, наслаждение от познания.

Вам, наверно, приходилось наблюдать или хотя бы слышать от коллег, что ребенок бывает равнодушным к словам учителя, ничем его не затронешь, не зажжешь в глазах огонька жажды познания. Если такое случается на ваших уроках, есть все основания для тревоги: такое равнодушие, нечувствительность к слову — большая беда в обучении.

Отчего случается такая беда? Именно оттого, что ребенок становится невосприимчивым к слову, если слово не живет в его душе как способ творчества, если он только заучивает, усваивает, как говорят, чужие мысли и не создает своих мыслей, не выражает их словом. Как самой большой опасности бойтесь равнодушия, бойтесь погасшего взгляда ребенка. Вкладывайте в его сознание живое, трепетное слово. Вложив его, заботьтесь о том, чтобы оно не превратилось в засушенный цветок, а вылетело, как из гнезда, певчей птицей, радовалось красоте окружающего мира.

Этот совет касается, по сути, той же проблемы процесса обучения — превращения знаний в средство овладения новыми знаниями, в инструмент мышления.

Об активности умственного труда учеников говорят много и часто. Но активность может быть разной. Ученик, который заучив прочитанное, хоть и не все понял, может бойко ответить на вопросы учителя. Это тоже активность, но может ли она развивать умственные способности и одновременно углублять знания? Конечно, нет. Нам надо стремиться к активности мысли, к тому, чтобы знания развивались при глубоком осмыслении и применении их.

Учить так, чтобы знания приобретались с помощью уже накопленного — в этом, по мнению многих опытных педагогов, заключается высокое мастерство дидакта. По-

сеща и анализируя уроки, опытные директора школ делают вывод о педагогическом мастерстве учителя именно на основании этой очень тонкой черты умственного труда школьников.

Как же достигнуть того, чтобы обучение было сложной работой мысли, приобретением знаний? Что тут самое важное? Приобретать знания — значит открывать истины, причинно-следственные и другие разнообразные связи. Это значит отвечать на вопросы. Вы знаете, как вспыхивают детские глаза, какой особенной, неповторимой становится тишина, когда, образно говоря, в классе опускается птица, имя которой — очевидность непонятного. Добивайтесь, чтобы дети ваши со всей очевидностью поняли, ощутили, увидели непонятное — чтобы перед ними возник вопрос. Если вам посчастливилось этого достигнуть — это уже половина успеха.

Значит, готовясь к уроку, надо продумывать материал именно с этой точки зрения — найти незаметные, на первый взгляд, «узелки», где сплетаются причинно-следственные, временные, функциональные связи, из которых и рождается вопрос, а вопрос — это уже стимул, возбуждающий желание знать.

Вам нужно дать урок на тему «Фотосинтез». Ученики должны понять, что происходит в зеленом листе растения. Можно все это изложить с научной достоверностью, теоретической и дидактической последовательностью. Но в таком случае ваш рассказ может стать, а может и не стать толчком к активному приобретению знаний. А задача именно в том и состоит, чтобы, воспринимая материал, ученики искали ответы на вопросы — только тогда знания становятся осознанными и осмысленными.

Вы вдумываетесь в материал: где «узелки» сплетения смысловых связей? Вот он, самый главный «узелок», — превращение неорганического вещества в органическое. Вы открываете перед глазами школьников захватывающую таинственную картину: растение берет из воздуха и почвы неорганические вещества и превращает их в своем сложном организме в вещества органические. Что представляет собой этот процесс построения органического вещества? Что происходит в организме растения, этой необычайно сложной лаборатории, которая превращает на солнечном свете мертвое вещество минеральных удобрений в сочный помидор; в душистый цветок розы?

Вы излагаете материал так, чтобы подвести учеников к осмыслению этих вопросов, взволновать каждого чудодейственным явлением природы.

Как подвести учеников к этим мыслям? Для этого надо знать, что именно вы объясните на уроке до конца, а что оставите недосказанным. Недосказанное — словно приманка для мышления учеников. Здесь нет никаких рецептов, которыегодились бы во всех случаях. Все зависит от содержания конкретного материала и от фактических знаний, которыми уже обладают школьники.

Но вот в сознании школьников уже возник вопрос. Далее вы стремитесь к тому, чтобы из всего запаса знаний, уже приобретенных учениками, отобрать необходимые для ответа на вопрос. Вот этот отбор, использование уже имеющихся знаний для объяснения непонятного, неясного и есть приобретение знаний. А надо, чтобы знания приобретали все. Наиболее пассивных и невнимательных следует привлекать к работе разными способами. Один из них — задание для самостоятельной работы. После того как непонятное, неясное стало очевидным, можно предложить: думайте все, работайте сосредоточенно, запишите ход своей мысли.

Бывает и так, что, подводя учеников к вопросу, вы объясняете материал сами. Для того, чтобы и в таком случае ученики активно работали, вам надо хорошо знать уровень знаний каждого: у одного ученика он высок, у другого — ниже, один очень хорошо помнит выученное, другой кое-что забыл. Вот здесь вам надо быть таким руководителем умственного труда, чтобы каждый, вслушиваясь в ваше объяснение, шел с нитью мысли, находя в своих запасах знаний то, что там хранится. Если в предназначенном для знаний месте — пустота, если кто-то уже потерял нить вашей мысли, надо заполнить эту пустоту дополнительным объяснением. Это требует большого мастерства. Надо уметь увидеть — вот сейчас, в эту минуту кто-то уже «отключился»; надо мгновенно вспомнить, что именно могли забыть ученики, от чего зависит непонимание материала. Бывает, что для получения «обратной информации» в такую минуту достаточно поставить вопрос, ответ на который ограничивается одним или несколькими словами, и вам уже станет ясно, какие затруднения возникли у отдельных учеников, как помочь преодолеть их.

В процессе изложения опытный учитель с особым вниманием следит за умственной работой учеников в тех местах, где как раз сплетаются, перекрещиваются, соприкасаются «узелки» мысли — смысловые связи. Именно в этих «контрольных пунктах» на пути осмысления материала учитель так или иначе должен проверить: а все ли донесли до этого вот пункта то, что я им даю? А из каких уголков «кладовой знаний» использовали они собственные запасы в то время, как я давал им новые знания? Проверка на этих «контрольных пунктах» — очень важная предпосылка активного приобретения знаний. В зависимости от содержания изучаемого материала проверку можно осуществлять разными способами: это постановка вопроса, требующего обобщенного ответа, и небольшая (на минуту-две) практическая работа.

Если выясняется, что кто-то чего-то не понял, — опытный учитель не возвращается к началу изложения, а ищет «горизонты» где-то на предыдущих «контрольных» пунктах, находит их и опять-таки ставит вопрос так, чтобы ученики сами ухватились за потерянную нить мысли, сами припомнили то, что было причиной непонимания нового материала.

Активное приобретение учениками знаний тогда, когда рассказывает, объясняет материал учитель и, казалось бы, нет активной деятельности учеников — один из сложнейших этапов в нашей дидактической практике.

Радянська освіта, 1968, 15 мая.

ПИСЬМО ДОЧЕРИ

Дорогая доченька, я получил письмо, в котором ты сообщаем о предстоящей практике. Обрадовало и взволновало оно меня. Вспомнились первые шаги на педагогическом поприще, первые радости и огорчения. Ты спрашиваешь: что самое главное в нашем труде? С чего все начинается и вокруг чего все вращается? Трудно ответить на твой вопрос... Сказать, что самое главное в нашем прекрасном и сложном, вдохновенном и мучительно трудном деле, нелегко уже потому, что неисчерпаемо сложен, бесконечно многообразен человек. Вспоминается мне судьба одного из первых моих питомцев — маленького, черноглазого Тимка. Он пришел ко мне во второй класс. Пере-

вели его из класса учительницы, считавшейся очень опытной. Я знал этого человека (да, думай, доченька, о каждом ребенке как о человеке) с первого дня его пребывания в школе. Это был мальчик с исключительно тонким, чутким духовным миром. Тимко жил в мире сказок, населенном удивительными мавками (в переводе с украинского — сказочные лесные девушки), золотыми жаворонками, кузнецами-великанами. На перемене мальчик, бывало, соберет вокруг себя таких же малышей, и живут дети десять минут в своем удивительном мире. Но на перемене он не успевал окончить сказку, и какую-то часть урока малыши, сев рядом с ним, слушали его шепот. До урока ли тут! Учительница была далека от сказочного мира детской мечты, она не знала, чем живет Тимко. Детскому увлечению (а мне это казалось настоящим талантом), которому только бы радоваться, она объявила «войну». Запрещала Тимку собирать на перемене малышей. Они убегали в кустарник. В злом сердце учительницы рождались новые «сильные», «волевые» средства. Помню, она запретила Тимку два дня приходить в школу. Мальчик стал хмурым и молчаливым, все больше озлоблялся. Однажды, когда Тимко вновь был отлучен на один день от школы, он пас корову. К нему пришли два первоклассника. Они хвалились сопилками — свирелями. Тимко сказал: «Дайте сопилки, я переделаю и научу вас играть». Доверчивые малыши отдали сопилки, и произошло странное: обе сопилки Тимко бросил в огонь.

Трудно было представить, что такой добрый, любящий детей мальчик мог сделать это. Что же произошло, что творилось в его душе? «Сильные» средства, к которым часто прибегала учительница, по капельке накапливали в детском сердце жестокость. Унижение человеческого достоинства постепенно отравляло сердце, порождая озлобление. Маленькие камушки несправедливости обрастают глыбами гнева, оскорбления, отчаяния. Детский же гнев — очень опасная вещь, дочка. В гневе ребенок готов причинить зло даже тому, кто не имеет никакого отношения к его человеческой беде.

И вот Тимка перевели ко мне... Объясняю, бывало, правило, все внимательно слушают, потом пишут. Пишет как будто бы и Тимко, но сердце мое тревожится за этого человека. Глаза у него играют, как два зверька, чем-то он занят, не до грамматических правил ему. Подхожу

тихонько к мальчику и вижу: перед ним полуоткрытая спичечная коробка, в ней — жук, какой-то необыкновенный жучище, с одним рогом; как пплой, режет он и никак не перережет стенку своей тюрьмы. Тимко весь там, в коробке, там его глаза и мысли. Можно, конечно, рассердиться, можно «выйти из себя», можно поставить Тимка в угол, можно довести до слез и раскаяния, но что из этого? Мне не дает покоя мысль: что происходит в душе твоей, человеке? Я тихонько беру коробку, закрываю ее, прячу в карман, кладу руку на голову Тимка, мальчик пишет, вижу, все он понял и запомнил: бывают же такие дети — одним глазом смотрит на рогатого жука, другим — на доску, и все понимает...

После уроков Тимко подходит к моему столу и молчит, склонив голову. Черные глазищи-бесенята под густыми-густыми ресницами. Отдаю жука и прошу рассказать о нем: где он нашел это удивительное существо, что он дальше думает с ним делать. Тимко рассказывает, в глазах у него горят огоньки пытливости. Он тянет меня к кустарнику, мы идем туда всем классом. Здесь, по его словам, такие вот однорогие жуки вылазят на свет и летают раз в три года. Мы садимся под кустом, и перед нами открывается удивительный мир сказки...

Дорогая дочь, мы постепенно приближаемся к главному. Помни, что учителю надо понимать Мир Детства. В таких случаях, как я вот рассказал тебе, речь идет не о том, чтобы с вершин педагогической мудрости снизойти к прозаическому миру детских интересов, не о том, чтобы милостиво позволить себе быть снисходительным к детям. Речь идет о том, чтобы подняться к топким истинам Мира Детства. Подняться, а не снизойти. Не сюсюкать с ребенком, а говорить с человеком. Не подстраиваться под «детскую ограниченность» интересов (нет этой ограниченности, если ты сама не приведешь маленького человека к ограниченности), а быть мудрым наставником — обладать мудрой властью, все понимать. Учительница озлобила и ожесточила Тимка потому, что не умела владеть такой властью над маленьким человеком...

Прошли годы... Тимко стал взрослым человеком, отцом. Началась война, он ушел на фронт. И вот уже через несколько лет после победы я встретился с его другом. Он рассказал мне, как пал на поле боя мой питомец. Дело было у маленького городка на Западной Украине. Моло-

дая мать с грудным ребенком, прячась от фашистов, перебегала улицу. Вражеская пуля убила ее. Она упала, прикрыв своим телом ребенка. Дитя плакало. Тимко пополз к женщине. Он уже возвращался с ребенком, уже недалеко были наши танки, когда осколок мины сразил его. Далеко от родного села зеленеет маленький холмик. Каждый год на могилу героя приходят дети, приносят венок из лесных цветов...

Вдумайся в эту судьбу человеческую, доченька, и ты поймешь, что мы еще больше приблизились к главному в нашей работе.

Мы, моя девочка, стоим посредине между двумя великими вещами: с одной стороны — знания, добытые, накопленные, выстраданные в веках, сосредоточенные и в копилке мудрости — в книгах и в бессмертной душе бессмертного народа, а с другой стороны — ребенок, маленький человек, из которого надо создать Человека. Для чего я рассказал тебе о судьбе Тимка? Для того, чтобы ты помнила: к тебе пришел маленький семилетний человек, через десять лет он станет гражданином. Через десять лет все мы, наша гигантская советская семья, будем ночью спать, а он будет стоять с винтовкой на границе, оберегая наш покой, безопасность Родины. Вот и подошли мы, доченька, к главному. Главное — уметь видеть в малейшем человеке завтрашнего гражданина. Главное — уметь понять, что великое гражданское в человеке складывается по крохам из всего, что он делает в детстве, что он чувствует и переживает. Пусть не закроет от тебя человеческую сердцевину в маленьком ребенке то, что он повел малышкой в кусты рассказывать сказку или на уроке играл с жуком.

Создать человека — не значит переложить знания из копилки мудрости в головы наших питомцев. Нет, это процесс более сложный. Помни, что книги остаются спящими великанами, пока к ним не прикоснулась живая вода мудрого ума и трепетного, взволнованного сердца педагога. Вот тогда великан оживает. Ты будешь по-настоящему счастлива, когда почувствуешь, что твои ученики не просто узнали что-то новое, а поднялись на одну ступеньку выше, чем просто узнавание истины: их сердца одухотворены величием и красотой идеи.

Вот об этом ты и думай, доченька, видя перед собой пытливые глаза питомцев: идеи — это святыни, и их не

повторяют каждодневно и на каждом шагу, как не читает каждый день мать последнее письмо сына, погибшего на поле битвы: она извлекает из заветного уголка в сундуке очень редко, но чувствует его у своего сердца всегда. Если тебе удалось прикоснуться к тончайшим струнам человеческого сердца, будь скупа на слова. Чем дороже святыня, тем глубже в сердце ее надо хранить. Помни, однако, что знания еще не идея и тем более не убежденность.

Как практически сделать так, чтобы ученики сами определяли свое место в столкновении идей? Я тридцать три года думаю над этим и пришел вот к чему. Это зависит от наличия двух обстоятельств.

Первое — дух гражданственности, царящий в школе, в жизни коллектива, во взаимоотношениях между детьми, во всем, что они думают и делают, к чему стремятся, что их радует и огорчает. Правильно определить свою позицию, овладевая знаниями, быть всегда на стороне подлинно правдивого, передового, революционного — это возможно лишь в том случае, если ты поднимешь своего питомца к гражданскому видению и пониманию мира, к гражданскому чувству того, что окружает его повседневно, к гражданскому поведению и поступкам. Идея борьбы за славу и величие, честь и могущество Отечества одухотворяет юное сердце, если в окружающем мире есть что-то для него безгранично дорогое. Дорого же может быть лишь то, что досталось с трудом и в труде. Маленький клочок заброшенного, одичавшего пустыря, глины, на котором ничего не растет, — этот клочок мои малыши в течение нескольких лет превращают в цветущий уголок.

Добивайся того, чтобы ученик твой уже в детские годы в чем-то оставил частицу себя, во что-то вложил свою душу, в заботах о чем-то родном и нужном для нашего Отечества переволновался и перестрадал. Пусть пронесет твой питомец эту гражданскую боль, эти патриотические тревоги и заботы через все годы детства, отрочества, ранней юности. Не верь басням о том, что при коммунизме жизнь будет легкой, безбедной и безмятежной. Пока будет жить человечество, пока оно будет подниматься на все новые и новые ступеньки счастья и прогресса, — будут мозоли и пот, трудности созидания и радостная усталость.

Только лишь в том случае, если твой ученик, достигший 12—13-летнего возраста, оглядываясь на свой маленький жизненный путь, может сказать с гордостью, указывая на тяжелый колос пшеницы, на цветущее дерево, на клочок тучного чернозема: «Это сделал я», только в том случае его сердце и разум будут чутко откликаться на каждое слово учителя на уроке, только тогда он с тревогой и волнением будет думать о судьбах своего Отечества.

Второе — гармоническое единство идей и личности учителя. Не всякий учитель, хорошо знающий свой предмет, умеет наилучшим образом донести его, иначе говоря, обладает даром думать о знаниях. Думать о знаниях — значит предвидеть, к каким уголкам человеческого сердца прикоснется каждая истина, какие ответные мысли, вопросы, сомнения пробудит. Думать о знаниях — значит представлять себя на месте подростка и юноши.

У педагогов, умеющих думать о знаниях, ученики овладевают редким, бесценным качеством: воспринимая знания, они как бы абстрагируются от них, переходя к мысли о самих себе, о своей судьбе, о ее зависимости от судеб Отечества. В этом переходе и заключается восхождение на ту ступеньку познания мира, где постигается идея. Ты с тревогой спрашиваешь, как раскрывать коммунистическую идею при изучении таких, скажем, произведений, как «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского. Я люблю Достоевского, знаю наизусть целые страницы его романов, преклоняюсь перед его мудростью, человечностью. Когда я рассказываю ребятам о его произведениях, мои мысли заняты не столько самим содержанием романа, сколько тем, как его воспримут воспитанники, что они будут думать о себе. Страшно далеко от наших дней время Достоевского, но ведь изучается-то роман для коммунистического воспитания. Эта мысль не выходит у меня из головы и при подготовке к уроку и на самом уроке. Я все время думаю, как пробудить в сознании учеников гражданские мысли: что же такое истинный человек? Что такое честь, совесть, достоинство? Что обо мне думают люди? Для чего я живу на свете? Изучение произведений Достоевского важно не столько для того, чтобы ученики могли бойко рассказать содержание изученного, сколько именно для того, чтобы в их сознании возникли подобные вопросы. Без этого нет

самовоспитания, а значит, немислимо и гражданское воспитание.

Опасайся примитивного взгляда на воспитательную силу знаний. Кое-кто полагает, что изучение Пришвина или Короленко, Гете или Бичер-Стоу — это, конечно, хорошо, однако не в полной мере коммунистическое воспитание. А вот если мы изучаем Маяковского или Маршак — это уже подлинно коммунистическое воспитание. Какое заблуждение и какой большой вред приносит оно! Знания сами по себе — еще не нравственность. Это инструмент, воспитывающий нравственность. И действительность этого инструмента зависит от мастера. Короленко может стать таким же могучим инструментом коммунистического воспитания, как и Маяковский.

Многие научные истины добыты ценой жизни выдающихся мыслителей. Перелистывая страницы учебника, в которых излагаются знания, содержащие в себе накал борьбы идей, столкновение правды и суеверий, истины и лжи, мне кажется, что я беру в руки оружие. Твердо держи в руках оружие наших идей, доченька! Одухотвори свои слова чувством глубокого уважения к мыслителям-борцам, зарони в юные умы мысль о том, что истина, по словам Антонио Грамши, всегда революционна. Сделай свое преподавание таким, чтобы овладение научными знаниями было для юного ума и сердца его внутренней борьбой — борьбой разума, души за торжество единственной правды — коммунистического мировоззрения. Пусть уже в стенах школы, исследуя мир и добывая знания, питомец твой дорожит истиной, как собственной честью.

Я всю жизнь бьюсь над тем, чтобы, воспринимая мои мысли, постигая духовные ценности человечества, ученик делал их своими мыслями и что особенно важно — вырабатывал свою позицию, свой взгляд. До тех пор, пока истина не стала позицией, точкой зрения твоего питомца, она лишь кусочек металла, кусочек крепкий, но мертвый. Но лишь только истина стала личной позицией, она острый инструмент в руках мастера, сабля в руке бойца. Это не урок, если юноша, услышав из моих уст рассказ о гимназическом сочинении Маркса «Размышления юноши при выборе профессии», ушел домой без горячего трепета в сердце. Я не заслуживал бы имени народного учителя, если бы мой рассказ о Владимире Ильиче Ленине не пробудил в юных сердцах горячего желания отдать

свои силы, а если потребуется, и жизнь во имя славы и чести Отечества.

Если ты хочешь, чтобы знания твоих воспитанников переходили в страстную коммунистическую убежденность, как огня опасайся зубрежки, «проглатывания» готовых истин без их осмысливания, без глубокой вдумчивости, без отнесения великих, мировых истин к самим себе, к своей личности. Вдумайся в прекрасные слова Сергея Лазо: «Убеждения нужно выстрадать, нужно проверить их жизнеспособность, нужно «обтереть» их о чужие убеждения... человек должен скорее пойти на гибель, нежели отказаться от своих убеждений»¹³. Осмысливание знаний как раз должно быть «обтиранием» их о чужие убеждения. Найди для своих питомцев книги, в которых истина преподносится как трепетный факел, зажженный огнем сердца. Но главная затравка для осмысления знаний, для мыслей о знаниях, для перехода от знаний к убеждениям должна быть дана на уроке.

О том, как вести человека к постижению идеи, от идеи к убеждению, теория обучения говорит пока еще очень мало. Да если бы об этом были написаны и многие книги, — все равно каждому учителю приходится искать свою дорожку, потому что у каждого свои питомцы и каждый из них — неповторимая личность. Советую тебе: думай об этом всегда.

Будь здорова и счастлива, доченька. Пусть труд, которому ты решила посвятить свою жизнь, принесет тебе счастье.

Твой отец.

Огонек, 1968, № 27.

МЫСЛИ О ШКОЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ

ПРИВЕЛА МАТЬ В ШКОЛУ ДОЧКУ...

Она почти не изменилась с тех пор, как десять лет назад вышла к столу, взяла экзаменационный билет и без подготовки блестяще сдала экзамен по истории. Оля Н. — гордость класса. Будто вчера это было, а теперь она уже мать, привела записывать в школу дочку. словно угадывая мое желание узнать что-либо о ее жизни, Оля рассказывает:

— Поступила было в институт, но сложилось иначе. Вышла замуж, пошла работать. Имею дочку... Прожили с мужем всего полгода. Разошлись... Если скажешь кому-нибудь об этом горе — сочувственно молчат или утешают какими-то случайными словами. Мне не надо ни сочувствия, ни утешения. Я очень обижена на тех, кто воспитывал нас в годы юности.

Женщина вздохнула и умолкла. Я почувствовал, что ее волнуют те же мысли, что и меня не один год, и спросил:

— Что же вас обидело?

— То, что не учили жить. Вы думаете, что мы разошлись из-за какого-то разочарования друг в друге или из-за того, что, как принято говорить теперь, «не сошлись характерами»? Нет, мы просто не умеем жить. Не умеем быть женой и мужем. Ни он, ни я — оба не умеем.

Тот разговор с молодой матерью навсегда останется в моей памяти и в сердце. Не один год после этого разговора я думаю: и правда — мы же не учим в школе самому главному — не учим жить. Учим всему, знают наши воспитанники тьму-тьмущую полезных и нужных (а иногда и не очень нужных) вещей: и в каком состоянии пахнет вода на пятикилометровой глубине, и что записано было в законах царя Хаммурапи, и сколько атомов вещества в кубическом сантиметре межзвездного пространства, и что такое гравитация.., но ничего не знают о том, как жить семейной жизнью, что это значит — быть женой и мужем, матерью и отцом своих детей. На педагога, который бы вдруг посвятил воспитательную беседу с восьмиклассниками или девятиклассниками теме «Взаимоотношения жены и мужа в молодой семье», посмотрели бы как на чудака. А между тем говорить об этом намного важнее, чем о гробнице ассирийских царей. Ведь слезами и горем детей оборачиваются разводы родителей.

За последние десять лет я изучил причины разводов 200 молодых семей. 189 разводов произошло как раз из-за неумения молодых супругов понять друг друга. Вступая в брак, юноша и девушка даже представления не имеют о той сложной, тонкой культуре взаимоотношений, которой требует семейная жизнь. Им никто не говорил, и они не знают, что жить в браке, жить изо дня в день вместе, в одной комнате, не в счастливые часы свиданий, а всю

жизнь — не только радость, счастье, но и большой ни с чем не сравнимый труд, напряжение и одновременно цветение всех духовных сил. Какая большая культура, какая духовная подготовка, какая школа мудрости нужна для этого!

А школы этой, как это ни удивительно, нет. Жизнь требует того, чтобы для юношей и девушек в старших классах средней школы читался курс «Культура взаимоотношений в семье». И читать этот курс должен духовно богатый, морально прекрасный человек. На убедительных фактах раскрывать перед завтрашними отцами и матерями суть той истины, что жить в браке — значит ежедневно взаимодействовать с человеком — сначала с мужем, с женой, с родителями своими и своей жены, а потом с детьми. Без преувеличения скажу, что это очень сложно и тонко — постичь разумом и сердцем эти, казалось бы, на первый взгляд, простые житейские вещи. Повторяю, эти вещи требуют большой мудрости педагога. И если мы по-настоящему будем открывать перед юношами и девушками мудрость и сложность жизни, это поможет им стать зрелыми и осмотрительными, не будет в них того легкомыслия, которое еще и теперь мы наблюдаем во взглядах и поступках многих молодых людей.

Если бы мне поручили составление программы этого нужнейшего в старших классах предмета — «Культура взаимоотношений в семье», я бы на первое место поставил вопрос культуры человеческих желаний. Ведь что такое умение жить в браке? Это прежде всего умение управлять своими желаниями, властвовать над ними, умение поступаться частицей своих желаний во имя блага жены или мужа, родителей, детей. Разводиться спешат прежде всего эгоисты, индивидуалисты — те молодые люди, для которых личные желания превыше всего на свете. И был бы в этой программе раздел «Гармония желаний в молодой семье». Раскрывая содержание этого раздела, я бы детально проанализировал то, что делается в молодой семье, на поучительных примерах показал бы, как возникают человеческие желания, какие из них можно удовлетворять и как именно, а какие надо уметь сдерживать; как подчинять свои желания общим интересам семьи.

Открою маленькую тайну. Курс «Культура взаимоотношений в семье» существует. Мы уже несколько лет

учим юношей и девушек, как готовиться к браку и жить семейной жизнью, в чем заключается высокая культура взаимоотношений в семье, как воспитывать своих детей. Конечно, преподавать этот очень важный предмет в условиях, когда в учебном плане на такие темы не выделяется и часа, — нелегко. Но какими бы ни были трудности, мы преодолеваем их, так как знаем, что предмет этот не менее важен, чем математика, физика, химия... Если не самый важный. Посудите сами: не всем быть физиками и математиками, а родителями быть всем, мужьями и женами — всем.

Пусть не поймет меня читатель, будто я умаляю роль математики и других наук. Не зная их, нельзя войти даже в прихожую науки. И все-таки знания о человеке — еще важнее. И если не сегодня, то завтра в школьном учебном плане предмет о культуре человеческих взаимоотношений будет стоять первым, ибо мы живем в эпоху Человека. Хочется нам этого или нет — это будет. И лучше, если это время для нашей школы наступит быстрее.

УДИВИТЕЛЬНАЯ СУДЬБА

Беседую с тридцатилетней женщиной. У нее красивое, одухотворенное лицо. Под глазами — тонкие морщинки, какие прорезает пытливая, неотступная мысль о чем-то важном, глубоко личном. Женщина рассказывает о своей жизни, которая в наши дни может показаться, на первый взгляд, удивительной, непостижимой.

— Кое-кто считает меня чуть ли не сумасшедшей, — говорит она. — Во всяком случае, я кажусь чужаком, непонятым человеком, каким-то живым анахронизмом... особенно тому, кто считает, что в наши дни в человеке все или почти все объяснено, изучено.

— Была я у отца единственной дочерью. Отец и мать — верующие люди. Это может показаться странным, но мой духовный мир в годы ранней юности был очень похож на духовный мир Катерины — героини «Грозы» Островского. Та же тонкость восприятия окружающего мира, экзальтированность, замкнутость, нелюдимость. То же ожидание чего-то необыкновенного...

Когда я училась в девятом классе, мы проходили «Грозу»... Да, именно *проходили*, — глубоко вздохнув, повторяет женщина.

— Я прочитала драму Островского, как говорят, в один присест. Прочитала, затаив дыхание. Это было не просто чтение. Книга эта стала для меня откровением. Я словно встретила с живым, мыслящим человеком, который так же, как и я, чувствует какую-то неясную тревогу, чего-то ждет, ищет... Катерина пробудила во мне целый вихрь мыслей и чувств. Ведь я так же искренне, безоговорочно, как и Катерина, верила в бога. Верила, что бог все видит и все знает. Верила, что он добрый — эту мысль внушил мне отец. И вот трагическая гибель Катерины заронила в сердце первую искру сомнения: почему человек должен был погибнуть, чтобы доказать свою правоту? Почему так получается, что с именем бога на устах творят зло страшные люди?

Хотелось, чтобы кто-нибудь объяснил мне сложный духовный мир этой замечательной девушки, поговорил *со мной обо мне*. Хотелось найти ответ на вопросы и сомнения, мучившие меня, не дававшие покоя. С нетерпением ждала уроков литературы, на которых будет изучаться «Гроза». И вот первый урок о моем любимом произведении. Чувства, волновавшие Катерину, в равной степени волновали и меня. Все, что жило и трепетало в моем сердце, отзывалось голосом сомнения: неужели бог, о котором отец говорит всегда как о доброжелательной силе, неужели бог, который, по словам матери, знает, с какими мыслями каждый человек ложится спать и с какими встает, — неужели этот добрый бог заодно с Кабанюхой и Диким?

Хотелось спросить об этом учителя, но постеснялась. А сам он мне этого не объяснил. Он говорил больше о социальных идеях, которые воплотил драматург в образах своих героев. Пришла домой, спрашиваю отца: как же бог мог спокойно смотреть на гибель честного человека? Ведь она, Катерина, искала у него спасения и помощи? Вообще, почему это так бывает на каждом шагу, что бог не только спокойно глядит на зло, но и словно потворствует ему?

Отец улыбнулся — и говорит мягко:

— Успокойся, дитя мое. Если бы в мире не было зла, то не было бы и бога. Страшный грех — сомневаться в доброте божьей. О боге не надо рассуждать — в него надо верить сердцем. Не принимай близко к сердцу того,

что говорят тебе на уроках. Запоминай, отвечай, по к сердцу не принимай.

Долго еще говорил со мной отец. Убеждал, что во имя спасения души надо уметь говорить не то, что думаешь. «Умей держать закрытым свое сердце», — несколько раз повторил он.

С той поры началась моя странная жизнь. словно две души жили во мне... И в этом двоедушии — корни моей удивительной судьбы. Окончила среднюю школу, поступила в институт. Окончила вуз блестяще (так считалось на основании оценок в дипломе) и сразу же ушла в монастырь. Монахиней...

Знаю, тысячу раз спрашивали друг друга знакомые мне люди: почему? Многие считали меня нечестным человеком, ханжой, не верили в искренность моих чувств. Разве совместимы эти вещи — научно-естественный профиль вуза и религия, биология, основы дарвинизма, отличные отметки по этим дисциплинам и вера в бога, думали они. А кое-кто считал, что была у меня какая-то личная трагедия, ну, скажем, несчастная любовь, — и поэтому так сложилась моя жизнь.

Но все это не так... Может быть, кому-нибудь покажется невероятным, но уроки по основам дарвинизма в школе, лекции по естественному циклу в вузе остались совершенно нейтральными относительно моей веры в бога. Две непримиримые души — так я теперь представляю себе это — будто примирились в моем существе.

Как это понять? — спросите.

После того, как за монастырскими стенами я поняла суть религиозного мировоззрения и религиозной морали, могу об этом говорить уверенно. Школа формировала — пыталась формировать, так будет точнее, — мои научно-материалистические взгляды. А родители формировали религиозные взгляды. И это им больше удавалось. Объясню почему. Отец старался, чтобы моя «вторая» душа жила в мире с «первой», которую формировала школа. А школа не старалась, чтобы научно-материалистические убеждения вступили в борьбу с религиозно-лицемерной, лживой душой. Вот где корни моей судьбы. Исклечил меня лицемерный, голубящий шепот отца: «Не принимай, дитя мое, близко к сердцу того, что услышала ты на уроке о смерти, о Вселенной, о добре и зле. Верь только тому, чему учит слово божье».

Теперь я убеждена, что все время была каким-то живым механизмом для запоминания и воспроизведения знаний (тогда я, конечно, не дошла до этой мысли, хотя и чувствовала это). Из урока в урок, из лекции в лекцию — научные истины о веществе, о времени и пространстве, об элементарных частицах, о сложных биохимических процессах, о возможности жизни в далеких солнечных системах, о происхождении Вселенной. И все это — для чего? Прежде всего для того, чтобы *запомнить, сохранить в памяти и — ответить*. Ответить, выложить знания, получить оценку. Выработался такой стиль мышления, стиль духовных интересов: накапливать знания, чтобы потом, после экзамена, *освободиться от знаний*. И я, отвечая учителю в школе и профессору в институте, освобождалась от знаний, чувствовала облегчение и готовилась поглотить новые и новые порции знаний.

Все, что усваивалось, как-то скользило по поверхности сознания. Не волновало, не затрагивало меня лично. Не слышала я в словах учителя и профессора обращения ко мне лично: подумай, взвесь, убедись, переживи, почувствуй, присмотришься к окружающему миру и человеку.

И наряду с этим — религиозные родители с их необычайным вниманием к каждой моей мысли, к каждому переживанию.

И в школе, и в вузе я изучала окружающий мир, но очень мало изучала человека. Мало узнавала человека и поэтому мало знала себя. Я любила и сейчас люблю литературу. Думаю, что это предмет, отличный от других предметов. Это должен быть разговор с человеком о человеке, а не порция знаний, которую надо усвоить, чтобы через некоторое время освободиться от них, получив оценку... Если бы, объясняя «Грозу», учитель одухотворил меня убеждением, что высшее счастье — в борьбе за счастье людей на земле, что эта борьба в наши дни доступна каждому человеку, — моя жизнь пошла бы совсем иным путем, не было бы безвозвратно утраченных лет юности. Однако что для этого было нужно? Чтобы та первая душа, которую формировала во мне школа, — душа научно-материалистическая, — была не первой, а единственной. Чтобы она вступила в единоборство с лицемерием и ложью. Я где-то читала, что добро должно быть с кулаками — только тогда оно добро. Значит, надо было так говорить со мной, так воспитывать, чтобы я

готова была бороться за самую величественную правду — правду наших идей.

Я не специалист и не могу судить, как преподают литературу, но понимаю, что эти уроки должны быть *познанием человека и самопознанием*. Познание мира человеческих страстей, мыслей, чувств.

Я теперь поняла, как воспитывал во мне любовь к литературе отец. Так, как требовали его религиозные взгляды. Решающую роль играл выбор книг — односторонность этого выбора. Только теперь для меня стала ясной одна истина, которую, мне кажется, следует учитывать тем, кто составляет программы по литературе для школы. Странно, почему в программе по литературе нет произведений, где с огромной силой отображен сложный духовный мир человека — его мысли, страсти, переживания. Почему в программах старших классов нет ни одного произведения Короленко, Лескова? Почему нет произведений таких тонких знатоков человеческой души, как Гаршин, Глеб Успенский, Салтыков-Щедрин, Пришвин, Паустовский? Почему не изучаются, даже не всегда рекомендуются для внеклассного чтения те произведения Толстого и Чехова, Нечуя-Левицкого и Ольги Кобылянской, в которых с огромной силой раскрываются человеческое горе, страдания, — ведь это помогло бы познать духовный мир человека? Почему не изучается «Дон Кихот»? Как можно представить себе воспитание человека без «Дон Кихота», этой энциклопедии добра, глубокого мира страстей, мыслей, порывов?

Наверное, мой усиленный интерес к духовному миру человека объяснялся тем, что мне хотелось глубже познать самое себя. Отец это прекрасно понимал и доставал для меня произведения, которые трудно понять без мудрого наставника-педагога, где трудно самой разобраться в сложном переплетении человеческих судеб, страстей, поступков.

Я поняла, что «Дон Кихот» — не приключенческое произведение. Дон Кихот стал для меня воплощением всего доброго, что есть в человеке. С большим волнением я прочитала слова Достоевского о том, что когда человечество будет отдавать отчет о своих деяниях перед всевышним, оно поднесет ему как доказательство добрых дел своих прежде всего книжку Сервантеса. Я плакала над «Дон Кихотом», перечитывала его несколько раз,

и в том сложном мире, который окружал меня в семье, эта книжка стала для меня будто вторым евангелием.

Моя судьба исключительна тем, что, окончив институт, я ушла в монастырь... Во всем остальном нет ничего исключительного: человек попал под влияние религиозного мировоззрения, а со временем прозрел. В монастыре я пыталась заставить себя читать только религиозную литературу, хотелось найти в ней возвеличение человека. Но чем дальше, тем больше убеждалась, что религия унижает человека, низводит его до пылинки, праха.

И тут случилось то, что должно было случиться еще за школьной партой. Возвеличение человека я нашла, наконец, в том, мимо чего прошла в школе и в институте. В моей келье появились «Диалектика природы», «Материализм и эмпириокритицизм», «Фауст», произведения Чехова, Горького, Фадеева, Шолохова. Я по-новому прочтала все это. В моей памяти снова встало то, что я слышала на уроках и на лекциях в школе и в институте, что я читала. Теперь все это было для меня оружием, направленным против самого страшного зла, которое открылось мне в религии, — унижения человека. Раньше страсти человеческие казались мне поиском божественного идеала. Теперь я увидела жизнь и человека в ином свете. Я почувствовала, что в великих художественных творениях утверждается порыв человека к счастью не в потустороннем мире, а здесь, на земле.

Я поняла, что, с печалью говоря о фанатике добра Дон Кихоте, Сервантес возвеличивает человека. И союз Фауста с дьяволом — тоже во имя человека. И страдания убийцы, переживающего весь ужас своего преступления, — тоже борьба за доброе начало в человеке.

Была в монастыре слепая монахиня. Очень тонкая, чуткая натура. Я прочтала ей «Слепому музыканта». И ее душа просветлела. Она поняла, что даже тьма не может заслонить от человека того, что он может познать только потому, что он — человек.

Когда я поняла, что наука и подлинные художественные творения возвеличивают, возвышают человека, когда сердце мое преисполнилось чувства гордости за то, что я человек, когда мне стало ясно, что человек выше мифического бога, созданного человеком, — для меня по-новому открылось то, что изучалось в школе и институте. Со всем по-иному осмыслила я тогда и романтически

произведения Горького. Перед глазами встал гордый Данко с пылающим сердцем в руках. По-новому увидела я и Гоголя с его бессмертными «Мертвыми душами», меня захватила красота рассказов Тургенева о природе и человеке.

Шаг за шагом я «повторяла» все, изучавшееся по биологии, физике, химии, истории, диалектическому и историческому материализму. Всего этого будто впервые касалась. Вспомнился рассказ о Джордано Бруно. Был серый, дождливый день, я сидела в беседке. И внезапно мир передо мной озарился словно вспышкой солнца. Я словно увидела многотысячную толпу римлян, смотревших, как ведут на казнь человека, осмелившегося утверждать: мир не такой, как учит слово божье. До того четко, зримо представилась мне эта картина, что я встала, вышла на аллею, поднялась на гору, с которой открывался чудесный вид на речку, лес,— мне хотелось в эти минуты видеть мир, любоваться им. Я гордилась подвигом Джордано Бруно. Вот кто выше бога. Я засмеялась. Засмеялась вот чему: сравнила два образа — вечный страдалец боженька, который велит терпеть, надеяться на рай, и гордый борец Джордано Бруно. Каким жалким показался мне бог!..

Эти минуты были окончательным прозрением. Разрыв с религией не был для меня ни болезненным, ни продолжительным. У меня он был радостным. Я будто вторично на свет родилась. Сказала игуменье, что покидаю монастырь. Она поняла, какую опасность представляют мои взгляды для ее паствы, и поскорее выпроводила меня. В тот же день я написала письмо любимому... Когда я ушла в монастырь, он страдал. Теперь прилетел как на крыльях. Через неделю мы поженились. Я счастлива. У нас сын... Но почему то, что открылось передо мной после долгих, болезненных раздумий, не открылось еще в школе?

АБСТРАКТНЫЙ УЧЕНИК И ЖИВОЙ ЧЕЛОВЕК

Этот рассказ заставил меня задуматься над многими вопросами учебно-воспитательной работы. Действительно, почему наша могучая духовная сила — великая правда наших идей, правда и красота художественного слова порой не доходят до юного сердца? Почему эта умная,

честная женщина так поздно поняла и почувствовала то, что она должна была понять еще за школьной партией? Не касаясь всех граней этой удивительной человеческой судьбы, я хочу остановиться только на вопросе о знаниях и убеждениях. Почему бывает так, что знания не становятся для юных глубоко личным, дорогим? Почему порой литература не учит жить? Девушка, о которой я рассказывал, ушла в монастырь. Другие, не приобретя убеждений, идут в пивную, на вечера сомнительных увеселений... Почему?

Леонид Ильич Брежнев на Всесоюзном съезде учителей говорил, что советская школа должна добиться того, «чтобы молодежь воспринимала наши великие идеи не как зазубренный урок, а как систему собственных взглядов и воззрений»¹⁴.

Это нелегкая, но почетная наша задача.

Превращение знаний в личные убеждения человека — самая главная, самая сложная проблема формирования мировоззрения. Очень большим недостатком учебно-воспитательной работы в отдельных школах является то, что, преподавая знания, учитель обращается не к живому, конкретному человеку, сидящему вот здесь, в классе, со своими мыслями и переживаниями, радостями и горем, а к абстрактному ученику, не существующему в природе. Этот порок преподавания, к сожалению, характерен и для высших учебных заведений.

Непосредственное обращение к человеческой душе, к сознанию и совести — это сердцевина искусства воспитания вообще, на всех уроках в школе, особенно при изучении гуманитарных предметов — литературы, истории. Женщина, об удивительной судьбе которой я говорил, не случайно сказала, что в ее существе жили две души, что верующий отец добивался мира и согласия непримиримых мировоззрений, и ему это удавалось. Почему? Слушая рассказ молодой женщины, я вспомнил слова пламенного революционера-героя Сергея Лазо: «Убеждения нужно выстрадать, нужно проверить их жизнеспособность... Человек должен скорее пойти на гибель, нежели отказаться от своих убеждений». Единство обучения и воспитания еще не достигается тем, что в голове у человека — истинные знания. Чтобы быть верным борцом за коммунизм, надо нести знания, как оружие, применять их, как острый меч, а не складывать про

запас — только для того, чтобы получить оценку. К сожалению, в практике воспитания некоторые учителя подчас забывают, что коммунистическая убежденность — это решительное, непримиримое наступление на вражескую идеологию. То, что по самой природе своей непримиримо, не должно мирно сосуществовать, как это случилось, к сожалению, в духовной жизни женщины с удивительной судьбой.

Молодежь любит, чтобы старший, умудренный опытом человек обращался непосредственно к юному сердцу. К сожалению, у педагога очень мало возможностей для того, чтобы на уроке обратиться к юноше или девушке, побудить воспитанника задуматься над своей судьбой.

Возьмем программы по истории. Они перегружены огромным количеством фактов, но сказать искреннее, теплое слово о тех, чья жизнь и борьба должны стать для молодежи путеводным огоньком, — у учителя нет времени. Как это ни странно, ни парадоксально, но в программе по истории нет, например, четкой ориентации на то, чтобы учитель истории глубоко раскрыл процесс формирования духовного мира основоположников научного коммунизма — Маркса, Энгельса, Ленина. Нет в программе ориентации и на то, чтобы учащиеся узнали о жизни и борьбе героев «Народной воли», о героической жизни коммунистов Сергея Лазо и Феликса Дзержинского, Николая Островского и Юлиуса Фучика. Пренебрежение живыми примерами верности коммунистическим идеям снижает уровень преподавания истории.

Главнейший гуманитарный предмет — история — должен быть не только цепью фактов и обобщающих выводов, но и живым, трепетным, исполненным страсти рассказом о борьбе добра и зла, о торжестве благородных помыслов, о мужественных, смелых, преданных светлым идеалам людях, образ которых есть и будет для молодежи вечной путеводной звездой. «Для ребят идея не отделена от личности»*, — писала Н. К. Крупская. Очень досадно, что это золотое правило воспитания учителя часто игнорируют, а если учесть, что учитель спешит во что бы то ни стало уложиться в урок при огромном количестве фактов, — то правило это вообще забывается.

* Крупская Н. К. Педагогические сочинения. М., Изд-во АПН РСФСР, 1959, т. 3, с. 265.

И потому истины, которые раскрывает педагог-историк, часто лишены эмоционального заряда, не волнуют учеников, не вызывают личных переживаний, стремлений. Эмоциональная бедность всегда снижает воспитательную роль предмета. А между тем в преподавании истории огромное значение имеет сочетание идейной и эмоциональной сторон материала. *Verba docent exempla trahunt* (учат слова, увлекают — примеры) — эта старая латинская пословица содержит в себе истину, которую всегда следует помнить педагогу-воспитателю.

Теперь относительно литературы. Школьный курс литературы — не обычный предмет, его нельзя ставить наряду с другими предметами. Литература является могучим орудием воспитания человека. Пришло время продумать программу литературы именно с этой точки зрения, чтобы в нее вошло все самое ценное, все, что духовно обогащает человека. Гуманитарное образование молодежи — одна из важнейших основ морального воспитания.

На мой взгляд, только недооценкой роли художественных сокровищ в воспитании можно объяснить, что учащиеся не знают ни Дон-Кихота, ни Тилиа Уленшпигеля, не знают ни Данте, ни Короленко. Несколько лет назад исключили из программы даже «Господ Головлевых» Салтыкова-Щедрина. Как можно пробудить в юношеских сердцах нетерпимость к эгоизму, алчности, скупости, не изучая «Господ Головлевых» — этой жемчужины мировой литературы? Один ученый недавно предлагал «вывести» литературу в факультативные предметы. В этом предложении ярко отражена мысль, которую подчас теперь повторяют: мы живем в век математики, физики, электроники, следовательно, все внимание должно быть уделено именно этим предметам.

Век математики — крылатое выражение, но оно не отражает всей сути того, что происходит в наши дни. Мир вступил в эпоху Человека. Недопустимой, в корне неправильной является мысль, будто тот, кто не имеет определенных математических способностей, — неполноценный человек.

В моем распоряжении имеются точные данные, свидетельствующие о том, что тягчайшие преступления (убийство, разбой, насилие, грабеж) совершают чаще всего те, кто отличается дремучим гуманитарным неве-

жеством. Мы не имеем права забывать об этом. Пусть подобных выроdkов немного, но они есть. Когда видишь, как приговаривают к расстрелу 20-летнего юношу, который убил человека, забрав из кармана убитого три рубля,— не становится легче от мысли, что наша молодежь в целом прекрасна. Никакие вычислительные машины не в состоянии измерить наши моральные потери, являющиеся следствием равнодушного отношения в некоторых школах к воспитанию души, сердца, убеждений молодого поколения.

Мы не имеем права забывать и о том, что у некоторой части молодежи формируется позорная привычка: прежде чем идти в клуб, на танцы, на стадион, надо выпить сто граммов. Какими бы строгими ни были меры борьбы с пьянством, хулиганством, преступностью, меры эти ничем не помогут, если они не будут подкреплены большой воспитательной работой.

Эмоциональная и эстетическая толстокожесть — вот источник многих моральных пороков, и этот источник часто берет свое начало в неумелом, примитивном преподавании гуманитарных предметов в школе.

Давайте задумаемся, товарищи педагоги и ученые, над словами моей собеседницы о том, что цель обучения в школьные годы она видела в том, чтобы, ответив на вопрос учителя, освободиться от знаний. Подобный взгляд на обучение опасен для любого предмета, а для истории и литературы он — самоубийство.

Многие воспитатели забывают, что литература становится учителем, наставником только в том случае, если, образно говоря, крылья идеи поддерживает воздух красоты. Без красоты, без эстетических чувств эта птица камнем падает на землю.

Представим, что на занятиях по музыке без конца идут разговоры о музыке, а музыки нет. Ясно, что в этом случае нет никакого музыкального воспитания. То же бывает и на уроках литературы: ведутся бесконечные разговоры о литературе и нет литературы — нет живого, трепетного слова, нет красоты, нет волнующего чувства, которое бы захватило ученика.

Преподавание литературы должно быть непосредственным обращением к душе человека. Я твердо убежден, что изучение литературы — это прежде всего познание человеком самого себя, пробуждение усилий, направлен-

ных на самовоспитание в духе коммунистических идей. Настоящий мастер-словесник умеет добиться того, чтобы его воспитанникам хотелось стать лучше, чем они есть. В духовных богатствах, созданных человечеством, юный гражданин находит то, что возвеличивает человека, окрыляет его.

Важная задача изучения литературы в школе — добиться, чтобы книга вошла в жизнь молодого человека как духовная потребность, чтобы школьным изучением литературы не закончилась, а только началась духовная жизнь человека в мире книг. Без этого преподавание литературы теряет всякий смысл.

Три года в одном из классов нашей школы проводился эксперимент: в основу изучения литературы мы положили чтение первоисточников — самих произведений. К уроку ученики готовились, читая художественное произведение, а не раздел учебника. От программы — непосредственно к произведению, таким образом готовился и учитель к уроку. Не было на уроках мертвой тоски, не было сухих слов об идеях, а были яркие идеи, воплощенные в художественную форму. Всегда шел горячий, страстный разговор о человеке, о жизни. Сердца воспитателей и воспитанников открывались навстречу друг другу. Ученики по-настоящему знали литературу — книга навсегда вошла в их духовную жизнь.

Я твердо убедился, что именно таким и должно быть преподавание литературы. Как учитель музыки несет на урок скрипку, так в устах словесника на уроке литературы должно звучать художественное слово, раскрывающее идею, а не скучный рассказ об идее.

Конечно, этот пример усовершенствования педагогического процесса не надо понимать как отрицание учебника. Учебник — важный источник знаний, азбука науки. Но учебник — только логическое обобщение истины. А в литературе, как и в музыке, мы имеем дело с тончайшим, сложнейшим проявлением человеческих отношений — с чувствами, красотой, человеческой личностью. Учащиеся, конечно, читают учебник по литературе, но только после того, как вся эта сложность, все эстетическое богатство произведения осмыслены, пережиты.

Ни в средней школе, ни в вузах нет в учебных планах такого предмета: человековедение. Возможно, и не надо вводить отдельные часы на этот предмет. Человековедение

нием должна быть проникнута вся учебно-воспитательная работа школы и вуза. Я с большим волнением слушал на Всесоюзном съезде учителей речь Л. И. Брежнева. Меня взволновало, потрясло то, что красной нитью через это сердечное, вдумчивое, проникновенное слово Генерального секретаря нашей партии проходит мысль о любви учителя к ребенку, к своему благородному делу. А чтобы любить — надо знать. Знать каждое движение юной души. Знать, каким влияниям открыто каждое сердце. Знать — и бороться. Бороться с хитрым, коварным противником, за плечами которого не одно столетие тонкой работы по уловлению человеческих душ религией, бороться с чуждой нам идеологией.

Чтобы стать убежденным борцом за коммунизм, наш воспитанник должен наступать своими знаниями. Только тогда, когда знания наступают, борются и побеждают, — меч идейности всегда отточен. Как добиться того, чтобы знания наступали, — это отдельная, одна из важнейших проблем воспитания.

Комуніст України, 1968, № 10.

МОЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ВЕРА

В старом, известном на всю Украину приднепровском селе жил хороший, трудолюбивый колхозник. У него были большой каменный дом за каменным забором, каменный сарай и каменный погреб, выложенная камнем дорожка в яблоневом саду. Даже будка для собаки каменная, а кличка собаки Гранит.

У колхозника — единственный сын. И вот когда мальчишка учился еще в шестом классе, попросили отец с матерью в колхозе участок земли и стали сооружать для сына дом. Каменный дом с каменным забором, каменный сарай и т. д. Удивлялись односельчане, спрашивали у колхозника: зачем так рано заботишься об отделении сына? Зачем вообще строить ему дом, ведь вы с женой в преклонном возрасте, а сын-то у вас единственный? Отвечал заботливый отец: у каждого должно быть свое хозяйство...

Учился сын туговато, не любил засиживаться над книгой. В день, когда был сдан последний экзамен, собрал все учебники и положил на чердак. Вдохнул с облегче-

нием, спрятал аттестат о среднем образовании на дно материнской скрини и сразу же пошел на работу в колхоз. Пришло время — пошел служить в армию, а в селе ждал его каменный дом с забитыми окнами. Отслужил, возвратился домой. Собрался жениться, но произошло несчастье: умер отец, а через два месяца слегла в постель и умерла мать. Остался сын один-одинешенек, стал неожиданным владельцем двух каменных домов. В одном живет он с женой, а в другом поселил дальнюю родственницу, живую бойкую старушку. Старушка сторожит сад и торгует на рынке яблоками. Подрастает у сына маленький сынок, скоро в школу пойдет.

Я часто бываю в этом хорошем приднепровском селе. Спрашиваю у председателя колхоза: как живет, как трудится хозяин двух каменных домов за каменными заборами, двух каменных сараев, двух каменных будок для собак? Председатель задумчиво качает головой и говорит:

— Страшный человек. Пусть у соседа сгорит дом дотла, пусть все поумирают вокруг, пусть Днепр исчезнет, он даже посмотреть не выйдет из своей каменной клетки. Недавно собирали подарки детям Вьетнама. Трудно было собирать: каждый колхозник нес так много вещей, что для отправки всего понадобился бы не один вагон. А когда у того «каменного» спросили, что же он подарит, он ответил: «Без надобности мне он, ваш Вьетнам, жил и проживу без него».

Помолчав, председатель обращается ко мне:

— Вы педагог, знаете человеческую душу... Скажите, почему в нашем обществе есть такие люди? Что их порождает? Ведь что вызывает тревогу: таких нелюдских, как этот нелюд (к нему в дом никто не ходит, и он ни к кому), не стало меньше, чем было, скажем, десять лет назад. Я знаю у себя в колхозе таких человек семь. Коммунизм не за горами, а у нас благоденствуют люди с каменной душой... Разве можно быть спокойным?

Да, спокойным быть нельзя. Я тридцать три года работаю в школе, и тридцать три года мне не дает покоя мысль: как создать человека с богатой, щедрой, благородной душой, готового отдать свои богатства людям?

Человеческая душа. Вдумываюсь в эти слова, и вижу тучное поле, на котором надо вырастить пшеничный колос. Не будешь выращивать колос, не будешь пахать

почву и орошать ее потом, оплодотворять заботами и тревогами,— поле будет пустым, а на пустыре вырастет чертополох.

Душа не может жить без святыни. Что-то для человека становится дорогим и незбылемым, неискоренимым и неистребимым. Сущность коммунистического воспитания и состоит, по моему твердому убеждению, в том, чтобы в каждом человеческом сердце утверждать истинно человеческую святыню, чтобы полнозерным пшеничным колосом на тучном поле стал наш коммунистический идеал счастья.

Альфа и омега моей педагогической веры — глубокая вера в то, что человек таков, каково его представление о счастье. Если же мне, воспитателю,— а воспитатель является творцом, создателем человеческой души, пахарем и сеятелем,— если мне не удалось посеять истинно человеческое, то есть коммунистические семена счастья, в душе может утвердиться иная святыня, и тогда идолом, богом может стать каменная будка для цепного пса, благополучие «тепленького местечка».

Мы часто говорим и читаем: счастливое детство. Вдумаемся, что это такое и чем оно должно быть, счастливое детство, если ни на минуту не забывать, что наше опоздание хотя бы на один день со вспашкой и посевом на поле человеческой души угрожает появлением ростка чертополоха или первого кирпича будущей каменной будки для цепной собаки. Обычно в понятие «счастливое детство» вкладывается все то, что дается детям: безмятежное времяпрепровождение, отдых в пионерском лагере после занятий (иногда это отдых после безделья), прекрасные дворцы, парки и т. д.

Я твердо убежден: если поле человеческой души питается только этими соками, то подлинного счастья человек никогда по-настоящему не познает и в сердце его никогда не войдет высокий человеческий, то есть коммунистический, идеал. Подлинно коммунистическое воспитание — это прежде всего забота о настоящем человеческом счастье, то есть о жизни во имя идеи, идеала. Да, может быть, кому-то из педагогов это покажется преждевременным — говорить о жизни ребенка во имя идеи, но я готов спорить, что это именно так. То, что ребенок, подросток, юноша получает из всенародной сокровищницы благ,— это, по существу, плоды всенародного

счастья, которые он — ребенок, подросток, юноша — сры-
вает в нашем саду, заботливо и многотрудно выращенном
старшими поколениями. Это счастье детства и отроче-
ства — в том, чтобы у человека (а ребенок не будущий
человек, но человек уже с е г о д н я) была богатая идей-
ная жизнь.

Что же такое идейная жизнь в детстве, отрочестве
и ранней юности? Воспитание превратилось бы в карикатуру, если бы мы заставили ребенка заучивать форму-
лировки коммунистических идей. Коммунистическое —
это подлинно человеческое, это вершина человеческого.
Свою заботу о богатстве идейной жизни детства, отроче-
ства и ранней юности я вижу в том, чтобы перед созна-
нием и сердцем ребенка раскрывалась высшая человече-
ская красота, чтобы детское сердце одухотворялось этой
красотой, чтобы человеку, перед которым открывается
мир, хотелось быть прекрасным.

У Маркса есть мысль, очень важная для определения
идеала воспитания. Коммунистические идеи, писал он,
должны превратиться в узы, из которых нельзя вырвать-
ся, не разорвав своего сердца.¹⁵ Я вижу первую задачу
воспитания в том, чтобы в жизни ребенка, особенно
в жизни подростка и юноши, чувствование и понимание
высшей человеческой красоты — труда и борьбы на благо
общества, народа, Отечества — уходило корнями в глу-
бины сердца.

Детство — каждодневное открытие мира. Нужно, чтобы
это открытие стало прежде всего познанием человека
и Отечества. Чтобы в детский ум и сердце входила кра-
сота настоящего человека, величие и ни с чем не сравни-
мая красота Отечества. Я забочусь о том, чтобы, позна-
вая человека, каждый переживал изумление, потрясение,
радость, трепет сердца и решимость отстаивать свя-
тыню Отечества. Я добиваюсь, чтобы образ настоящего
человека, мысль о нем, душевный порыв были
для моего питомца родным, незыблемым, ни с чем не
сравнимым.

Через мою жизнь прошел не один ребенок, похожий
на того сына, из которого вышел нелюд. Они стали бы
мещанами и стяжателями, людьми с каменными будками
для цепных псов и с каменными сердцами, если бы не
удалось утвердить в их сердцах мысль о настоящем чело-
веке и стремление к идеалу.

На всю жизнь остался в моем сердце черноглазый Коля. Его, десятилетнего мальчика, отец заставлял спускаться с цепи злого пса на детей, которым хотелось сорвать в саду гроздь винограда, предназначенного на продажу. Сколько раз я испытывал горечь разочарования, и все-таки мне удалось добиться того, чтобы Коля понял человеческую красоту. Он прочитал книгу о большевике Камо (Тер-Петросяне), прочитал, не переводя дыхания, от сумерек до рассвета, и на рассвете пришел ко мне, и я услышал от него взволнованные слова: «Разве можно жить на свете так, как живет мой отец?»

За одну ночь в человеческой душе произошло то, что в других случаях может произойти в течение длительного времени. Коля хотел убежать из дому, и мне с трудом удалось убедить мальчика, что можно обойтись и без этого. Тогда Коля ушел к своему другу — пионеру-однокласснику. Две недели его упрашивал отец вернуться домой. Он вернулся, он жил не по мещанским и домо-строевским правилам, а по правилам пионерским, коммунистическим.

Вот что такое идейная жизнь в детские годы. Человек с детства должен видеть мир в свете идеала, чтобы его жизнь была восхождением к вершине идеального. Идея — не заученная истина, которую человек при случае может произнести. Идея — это боль сердца за правду, истину, красоту. А идейное воспитание немыслимо без самостоятельной жизни души, без желания подняться выше в своем нравственном развитии.

Я не один год думал: в чем же выражается наиболее ярко результат воспитания? Когда я имею моральное право сказать: мои усилия принесли плоды? Жизнь убедила: первый и наиболее ощутимый результат воспитания выражается в том, что человек стал думать о том, каков он. Задумался над вопросом: что во мне хорошего и что плохого? Самые изощренные методы и приемы воспитания останутся тщетными, если не приведут к тому, что человек посмотрит на себя, задумается над собственной судьбой.

И если меня тревожат и беспокоят поступки того или иного человека, его поведение, — объяснение я ищу в ответе на вопрос: что думает человек о самом себе? С кем и с чем он сравнивает себя, свою жизнь? Что его воодушевляет, восхищает в тех конкретных людях, с которыми

он соприкасается? Против чего протестует, негодует его душа?

Видение самого себя, сопоставление и сравнение себя с нравственным идеалом — тончайшие движения души. Ювелирное мастерство воспитания, в сущности, и заключается в том, чтобы умело руководить этим процессом. Конечная цель педагогического руководства — воспитать человека-патриота, борца, преданного коммунистическим идеалам, человека чистой и благородной души.

Чтобы в человеке утвердилась высокая идея, нужно дать ему азбуку человеческой культуры. Ведь идейная жизнь — это жизнь мысли, разума, на страже которого стоит чуткое сердце. Вот одна из истин моей педагогической веры: в юном сердце и разуме надо воспитывать тонкую чуткость к человеку. Принимать близко к сердцу радости и горести Отечества способен лишь тот, кто не может пройти равнодушно мимо радостей и горестей отдельного человека, близкого или далекого, знакомого или незнакомого. Идейная жизнь в моей системе практической педагогики начинается с путешествия к человеку.

...Живет у нас в селе восьмидесятилетняя женщина. Когда я с детьми-первоклассниками гуляю по окраинам родного села, мы часто видим ее: одинокая и задумчивая, сидит она под столетним дубом у своей старой хаты. Я рассказываю детям о большом горе: дети этой женщины пали на фронте, братья и сестры умерли. Мы здороваемся с ней и украдкой смотрим ей в глаза. Дети потрясены. Столь глубокого и безысходного страдания они никогда еще не видели.

«Помните, дети, — говорю я, — что у старой женщины четыре сына были храбрыми солдатами, один за другим они пали героической смертью». Я вижу: у детей моих как бы открываются глаза на мир. Они становятся чуткими к тому, что происходит в окружающем мире. Ночью мы выкапываем куст цветущей розы — приносим ее с землей и сажаем у самой хаты старой женщины.

Как важно, чтобы уже в детские годы человек припаял близко к сердцу чужую человеческую жизнь, чтобы величие подвига и горя потрясло его, открыло в его сердце уголки, где возникают узы, навеки связывающие человека с идеей, с подвигом и самопожертвованием. Познать по-настоящему человека — значит познать мир, потому что

«каждый человек — это мир, который с ним рождается и с ним умирает» (Генрих Гейне)¹⁶.

Я твердо убежден, что лишь сердце, способное откликнуться на такие тонкие движения души, открыто возвышенным идеям, только в таком сердце живет любовь к добру и красоте во всех ее проявлениях, непримиримость к злу. Еще и еще раз повторяю: богатая идейная жизнь немыслима без познания человека; путешествие к человеку — это та передача юным сердцам моральных богатств, добытых старшими поколениями, без которой не может быть коммунистического воспитания.

Одной из истин моей педагогической веры является безграничная вера в воспитательную силу книги. Школа — это прежде всего книга. Воспитание — прежде всего слово, книга и живые человеческие отношения. К сожалению, книга еще не заняла надлежащего места в воспитании и особенно в самовоспитании детей и юношества. В некоторых школах нет умного подбора книг для идейного самовоспитания, а если такие книги и есть, то зачастую стоят на библиотечных полках, как спящие великаны. Мы в своем педагогическом коллективе стремимся к тому, чтобы в школе были все хорошие книги о жизни и борьбе людей, которые являются образцом, путеводной звездой для молодого поколения.

Книга — могучее орудие, без нее я был бы немым или косноязычным; я не мог бы сказать юному сердцу и сотой доли того, что ему надо сказать и что я говорю. Умная, вдохновенная книга нередко решает судьбу человека.

Я считаю бесценной сокровищницей книги о жизни и борьбе таких людей, как Александр Ульянов и Николай Кибальчич, Дзержинский и Свердлов, Камо и Сергей Лазо, Бабушкин и Юлиус Фучик, Николай Островский и Муса Джалиль, Зоя Космодемьянская и Александр Матросов, Карл Маркс и Владимир Ильич Ленин. Чтение книги о человеке, жизнь которого является образцом, идеалом, — не только один из этапов познания человека, это важнейший момент самовоспитания. Мы считали бы воспитание неполноценным, если бы в годы отрочества и ранней юности каждый человек не был одухотворен удивительной книгой об удивительной человеческой судьбе, если бы не просидел ночь над этой книгой, встретив рассвет в раздумьях о самом себе, в первой попытке

ответить на вопрос: кто я и где мой корень, зачем я живу на свете, что я сделал для своего Отечества и что должен сделать?

Прочитав книгу о настоящем человеке, юный питомец берет в руки мерку, с помощью которой измеряет сам себя. С момента встречи со своей книгой к юному гражданину приходит зрелость мыслей и убеждений, расширяется его горизонт. Он видит себя гражданином своего Отечества, сыном своего народа.

Вот здесь-то и наступает тот период духовного развития, когда от воспитателя в огромной мере зависит, каким станет его питомец. Одухотворенный гражданским видением мира, человек хочет в чем-то проявить и оставить себя, в чем-то увидеть свои силы, свой труд и мудрость, свое творчество.

В связи с этим приобретает большое значение духовный, моральный смысл того, что делают руки. Очень важно для моей педагогической веры глубокое убеждение, что настоящее педагогическое мастерство начинается тогда, когда вашему питомцу хочется стать хорошим; желание же это утверждается лишь в том случае, если человек в чем-то созданном собственными руками и разумом видит самого себя, гордится собой, переживает ни с чем не сравнимое чувство достоинства творца, создателя. Отсюда идет начало человеческой неповторимости, его индивидуальности. В переживании гордости творца — источник непримиримости к порокам, рождающим зло: лени, нерадивости, безделью, безразличному отношению к самому себе и к тому, что сделано собственными руками.

Важнейшей сферой духовной жизни моих питомцев является труд. С малых лет наши питомцы трудятся во имя того, чтобы социалистическое Отечество становилось богаче и могущественнее.

Чувствование Отечества — чувствование сердцем, всеми силами души — уходит корнями в раннее детство. Патриотические мысли в годы ранней юности становятся важнейшим духовным богатством человека, если юноша, оглядываясь на свой пока еще небольшой пройденный путь, уже имеет моральное право сказать: это я сделал для людей своими руками. Это мой труд в гектаре тучной пивы на том месте, где была бесплодная глина. Это благодаря моему труду умирающая река снова открыла

свои родники, потому что мы одели ее берега в зеленый наряд.

Труд, созидание, творчество — понятия многогранные. Человек оставляет себя не только в материальных ценностях, но и в слове, в художественном образе, в другом человеке. Одну из самых тонких граней воспитания я вижу в том, чтобы в годы школьного учения каждый человек оставлял свою мысль, творческие способности, игру своих внутренних духовных сил в слове. Это тоже настолько широкая и сложная проблема духовной жизни человека, что для полного раскрытия ее нужна большая книга.

Творчество словом — это сторона воспитательной работы, которая в нашем коллективе считается одной из самых важных. Составляя сказки, рассказы, создавая словесный образ того, что человек видит, выражая словом движения своей души, человек не просто упражняется в словесном творчестве. Он выявляет свой интеллектуальный мир, утверждает свое достоинство.

Непоколебимая истина моей педагогической веры заключается и в том, что по-настоящему воспитывается лишь тот, кто воспитывает другого человека. Мы заботимся о таких коллективистских взаимоотношениях, при которых бы каждый подросток вкладывал свои силы в воспитание младшего товарища, утверждая в нем лучшие нравственные черты, развивая в нем способности, склонности, талант.

Мы стоим на пороге осуществления всеобщего среднего образования. Как заставить каждого учиться усердно, как приобщить юношу к богатствам духовной культуры? Эти вопросы волнуют сейчас и учителей, и родителей, и общественность. Я твердо убежден, что надо думать прежде всего о прочной духовно-психологической основе учения. Знания, образованность, книга — все это должно стать для человека духовной потребностью на всю жизнь. Пребывание в стенах школы должно быть не завершением, а лишь началом всестороннего образования, интеллектуального и эстетического совершенствования человека в течение всей его жизни.

Что же является краеугольными камнями этой духовно-психологической основы школы? Идейная жизнь, гражданские убеждения и стремления, чувство гражданского достоинства, человеческая гордость от сознания

того, что я не безвестная, слабая былинка, а сильная ветвь на могучем дереве, имя которому — Отечество. Духовная, моральная зрелость — это огонек, от которого зажигается порох усердия и прилежания; это свет, при котором перед человеком открывается красота богатой, полноценной жизни, красота труда для Отечества, труда пахаря и строителя, инженера и философа, музыканта и астронома.

Я читаю журнал «Юность» от корки до корки со дня его основания. Меня радует, что и в этом, и в других молодежных журналах и газетах, особенно в «Комсомольской правде», много хороших, умных статей о воспитании детей и юношества. Но вот что огорчает: несмотря на эти умные статьи и правильные педагогические размышления, еще нередко слышишь от того или иного обывателя, что юное поколение нынче не то, что много, мол, развелось пьяниц, подонков и хулиганов и что пора их «скрутить в бараний рог», применить более строгие меры наказания, и все будет хорошо...

Верно, бывают у нас еще и пьяницы и хулиганы, можно встретить, к сожалению, и подонка, но давайте, как писал Ф. М. Достоевский, войдем в зал суда с мыслью о том, что и мы виноваты. Где же они берутся, эти подонки 1950, 1951, 1952 годов рождения? И что с ними делать, куда с ними податься, на Луну отправить, что ли? Как бороться с этими тревожными явлениями: пьянством, хулиганством, цинизмом отдельных наших юношей и девушек?

Я не верю в спасительную силу наказаний, в «закручивание гаек». Да, скальпель необходим, но необходим оп в том случае, если есть гнойник. Я не верю, что уберечь молодежь от водки можно регламентацией: продавать водку разрешается с такого-то и по такой-то час. Эти меры кажутся мне наивной детской игрой. Они порождают еще большее тяготение к водке у тех, кто жаждет выпить.

Я верю в могучую силу коммунистического воспитания. Верю в то, что детей и юношество можно воспитывать так, чтобы надобности в наказаниях вообще не было. Верю в то, что бутылка водки будет стоять в шкафу много месяцев и молодой человек даже не вспомнит о ней. Верю в то, что счастье и наслаждение для человека в полной мере откроются в духовной полноте

и насыщенности жизни, в идейном богатстве мыслей, стремлений, порывов, в познании красоты и величия бытия, в желании стать завтра лучше, чем сегодня, в повторении собственной красоты в детях, в нетленном и вечном труде на благо людей и Отечества.

Юность, 1968, № 10.

СЛОВО К ПРЕЕМНИКУ

На всю жизнь останутся у меня в памяти и в сердце незабываемые дни Всесоюзного учительского съезда, речь Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Каждый из нас по-новому вдумался в великую и простую истину: мы, педагоги, имеем дело с величайшей ценностью — человеком. Мы формируем человека. Мы творим бесконечно сложное и неисчерпаемо прекрасное — гармонически развитую человеческую личность.

До глубины души взволновали меня слова Л. И. Брежнева: «Ваша профессия, дорогие товарищи, одна из тех удивительных профессий, где мастер из года в год продолжает себя в своих учениках»¹⁷. Эти слова были встречены бурными аплодисментами четырех тысяч делегатов.

Да, так и есть. В эти дни, когда еще не улеглось волнение от незабываемых встреч и бесед, я обращаюсь к Вам, молодой друг. Вы безгранично счастливы: Вам предстоит учить и воспитывать своих питомцев не одно десятилетие. Ваш горизонт — на грани XXI века. Ваши духовные богатства вберут в себя и донесут питомцы до тех времен, когда наша страна вступит в пору расцвета коммунистического общества.

Чем, как должны мы продолжать себя в своих питомцах, чтобы они стали истинными сыновьями и дочерьми Отечества, людьми с чистым и благородным сердцем, ясным умом, золотыми руками? Какой меркой измерить нам свои успехи?

Самое главное, что предстоит Вам вложить в своих питомцев, — наивесценнейшая крупица самого себя, которую надо, как искру вечного огня, перенести из своего сердца в сердце нового человека: великая и неугасимая любовь к Отечеству, моральная готовность отдать себя — силы, труд, кровь, жизнь — во имя величия, счастья, независимости Отечества; дух вечного и нескороумного

уважения к героям, отдавшим свою жизнь во имя жизни нашей и наших потомков. Через питомцев своих Вам надо, дорогой мой друг, перенести в будущее, грядущие времена вечный дух патриотизма, чтобы подросток 2017 года, прикасаясь к красному знамени революции, чувствовал усиленное биение собственного сердца.

Тридцать четвертый год я работаю в школе и, кажется мне, имею моральное право оставить Вам, дорогой друг, свои педагогические заветы.

Первый мой завет: пусть годы детства и отрочества Ваших питомцев будут годами познания Отечества.

Воспитывая детей и подростков, я стремлюсь, чтобы на первом месте среди всего, что открывается перед человеком в окружающем мире, были святыни Отечества — земля, обильно политая кровью героев; труд новых поколений, одухотворенные идеи служения народу; образы героев, отдавших жизнь за то, чтобы Отечество наше всегда сияло в ореоле славы и величия. Путешествуйте вместе со своими питомцами по полям и лугам, по окрестностям своего села и города, по берегам безымянных рек и оврагов. Здесь, в камнях и комьях земли, в тихом журчанье ручейков и шелесте деревьев — тончайшие корни наших идеалов. Питайте, облагораживайте ими свои сердца.

Лежит у Наро-Фоминского шоссе под Москвой маленький камень — пока еще не памятник, но он должен стать памятником: положили его на том месте, где в трудные дни сорок первого года встал насмерть, и не отступил ни шагу советский воин. А сколько таких камней на всей земле нашего Отечества — миллионы! Откройте перед юным сердцем величие и славу нашего Отечества в родном селе, в родном городе.

Я помню одно из поколений своих первоклассников. Первым нашим уроком был урок о святынях Отечества. Мы пошли вдоль шоссе по дороге, ведущей из села в город, я показал детям маленький, еле приметный холмик, заросший травой. Здесь в гражданскую войну белогвардейцы зарубили саблями красного партизана. Здесь была его могила, потом прах перенесли в центр села и похоронили под мраморной звездой, остался лишь этот маленький холмик. Мы посадили дерево — живой памятник герою. Растет дубок у шоссе по дороге, сотни лет будет расти Вечное дерево. Через триста лет, если оно

погибнет, наши потомки посадят новое дерево, и так будет вечно.

Подумайте, мой юный друг, как Вам донести до грядущих поколений священный огонь революции, как сделать неугасимой вечную патриотическую искру. Заботьтесь о том, чтобы в жизни Вашего питомца — и чем раньше, тем лучше — был труд, одухотворенный великой идеей преданности Отечеству.

Мой второй Вам завет: величие и красота становятся доступными человеку, которого мы воспитываем, лишь постольку, поскольку он чувствует себя сыном Отечества и измеряет свои поступки, свой труд, свою деятельность наивысшей меркой — меркой служения Родине. Наша великая миссия — вкладывать в душу человека, которого мы творим, все самое лучшее, самое благородное, созданное поколениями борцов за счастье человечества. Я стремлюсь к тому, чтобы в годы детства и отрочества каждый питомец был одухотворен, восхищен, изумлен героизмом людей, отдавших жизнь во имя великой идеи свободы и независимости Отечества. Я рассказываю детям о жизни и героической смерти Александра Ульянова и Сергея Лазо, Александра Матросова и Зои Космодемьянской. Я добиваюсь, чтобы питомцы мои видели самих себя в свете героического. Одухотворенность героическим, чувство слияния обычного, будничного с необычным, романтическим — вот источники, порождающие патриотическое убеждение: Родина без меня обойтись может, я же без Родины — ничто; расцвет, счастье, полнота моей жизни — в служении моему Отечеству, нашим коммунистическим идеалам.

Третий мой завет Вам, дорогой друг: учите своих питомцев смотреть на мир так, чтобы уже в годы детства и отрочества каждого волновали гражданские мысли и стремления. По-моему, настоящее воспитание начинается там, где человек, воодушевленный идеалом, увидел самого себя, задумался над смыслом и целью своей жизни, над тем, каков он есть и каким должен стать. Из многолетнего опыта я вынес твердое убеждение, что высшее достижение воспитательной работы — нравственная сердцевина желаний воспитанников. Если в основе того, что хочется человеку, лежит нравственное благородство, значит, Вы — настоящий творец нового человека. Стремьтесь к тому, чтобы сокровенным желанием Вашего пи-

томца стало желание обладать нравственными богатствами, созданными героями во имя славы нашего Отечества. Желание стать настоящим человеком возникает лишь в том случае, если человек измеряет себя высшей меркой — меркой гражданского подвига.

Человек человеку — друг, товарищ и брат. Эти слова несут в себе неугасимый накал революционной борьбы рабочего класса под руководством коммунистов — борьбы за подлинную человечность, за торжество гуманизма. Наша миссия — готовить человека к жизни в обществе, в коллективе, среди людей, а общественная жизнь — бесконечное многообразие прикосновений человека к человеку, сердца к сердцу, чувства к чувству. Уметь жить — это далеко не то же самое, что уметь управлять трактором, класть каменную стену, обрабатывать деталь за токарным станком. Уметь жить — это прежде всего уметь приносить счастье своему соотечественнику — и ближнему, и дальнему.

Неизмеримо труднее, чем научить читать и писать, понимать законы электрического тока и тайны строения микрочастиц, научить юного гражданина чувствовать рядом с собой человека с его многогранными потребностями, чувствовать бесконечное разнообразие состояний человеческой души — радость и горе, мудрое вдохновение творчества и печаль, потребность в помощи и сострадании. Учите, мой молодой друг, читать человеческую душу — вот мой четвертый завет. Учите принимать близко к сердцу чужие радости и тревоги, формируйте в своих питомцах благороднейшую человеческую потребность — потребность в человеке. Пусть человек будет для них павысшей ценностью мира.

Исключительно важной гранью педагогического мастерства считается в нашем коллективе выработка и оттачивание этого тончайшего чувства — чувствования человека.

Мы с второклассниками идем в лес, перед нами много радостей. Но вот на окраине села видим: стоит у своей хаты седая женщина и смотрит на нас печальными глазами. Останови своих питомцев, воспитатель. Пусть навеки останутся в их памяти эти печальные материнские глаза. Она не свершила никаких подвигов. Всю жизнь она ждала детей, родился ребенок, но через месяц умер. Так и не узнала она материнского счастья. Перед нами

просто несчастный человек — одинокая семидесятилетняя женщина, нет у нее ни родных, ни близких. Одиночество и потребность в утешении привели ее в секту баптистов. Ходит она к пресвитеру поплакать и послушать слова утешения. Возвратившись из лесу, мы заходим к этой женщине. Приносим куст розы, сажаем у порога. Нам хочется, чтобы печальные глаза женщины загорелись радостью. Детские сердца забились учащенно, когда мы увидели в глазах женщины ласковые, теплые, как говорят дети, слезы: она рада детскому смеху в пустых комнатах своей хаты, рада сказке, которую прочитали ей девочки. День за днем дружба наша становится крепче. Седая женщина — под таким именем и вошла она в духовную жизнь детей — прекрасно знала мир растений. Дети были изумлены, восхищены ее рассказами о цветах подснежника, встречающих весеннее солнце, о том, как цветы ромашки приглашают пчел и шмелей, об удивительной жизни цветов под снежными сугробами. Мы ни слова не сказали о том, что религия — обман и «опиум для народа», но получилось как-то само собой, что Седая женщина перестала ходить на сектантские моления.

Нетрудно нарубить дров инвалиду или принести воды старикам. Гораздо труднее принести человеку радость, утешение, растопить льдинку в его сердце, стать ему другом на много лет. Пусть познание окружающего мира Вашими питомцами, мой юный друг, начинается с познания человека. Пусть первой радостью, постигнутой им, будет радость творения добра для людей. Отправляйтесь со своими воспитанниками в Путешествие к Человеку. Это близкое путешествие — его конечная цель может быть на Вашей же улице, в Вашем же доме, на окраине Вашего же села. Вместе с тем это очень далекое путешествие, потому что оно охватывает целый мир — мир человеческих чувств и мыслей. В этом путешествии Ваши питомцы приобретут бесценные богатства души.

Продолжайте себя в своих питомцах радостью творения добра людям — это мой пятый завет. По самой природе и логике наш труд — постоянная забота о жизни ребенка. Никогда не забывайте, что перед нами легко ранимое, изумительно чуткое детское сердце, и школьное учение — не бесстрастное перекладывание знаний из одной головы в другую, а ежечасное и ежеминутное со-

прикосновение сердец. Было бы наивно и ошибочно думать, что наши дети — эдакие герои, стойко преодолевающие трудности (к сожалению, так думают многие учителя, и эта педагогическая ошибка приносит немало бед). Дети слабы и беззащитны. Когда я вижу ребенка, впервые переступившего порог школы, его чистые, доверчивые глаза напоминают мне только что раскрывшийся фиолетовый цветок персика; сколько забот и тревог испытывает садовод, прежде чем цветок станет плодом. Уже в первые месяцы школьного учения на ребенка, бывает, сваливается большое горе: другие дети успешно учатся, а мне знания не даются; у других пятерки и четверки, а у меня — двойки, я ни на что не способен, я никому не нужен. Это поистине трагическая ситуация, которая огрубляет детское сердце, делает его равнодушным. Чтобы избежать неприятных разговоров и особенно наказаний, ребенок начинает ловчить, обманывать. Больно смотреть на ученика, который, не выполнив задания или плохо ответив на уроке, заявляет учителю: «У меня нет дневника», — а тем временем куда-нибудь прячет его. Дневник становится пугалом, ребенок видит в нем кнут, которым учитель бьет его рукой отца или матери — к сожалению, так бывает нередко.

Надо иметь холодное, равнодушное сердце надсмотрщика, чтобы ставить двойку ученику начальной школы, возлагая при этом надежды на домостроевские приемы кухонной педагогики. Мой завет Вам, юный друг: как величайшую ценность, берегите нежный цветок детского доверия. Его очень легко сломить, иссушить, убить ядом недоверия. Заботиться о жизни и здоровье, о благе и счастье, о полноте духовной жизни ребенка — значит прежде всего нежно и зорко лелеять нежный цветок детского доверия к Вам, наставнику, учителю, образцу человечности. Надо быть строгим и последовательным в этой заботе, строгим к злейшему врагу всего нашего педагогического дела — равнодушию, безразличию.

Желание учиться, жажда познания, стремление постигнуть тонкости интеллектуальной культуры — вот те тропинки, которые ведут к главной вершине педагогического мастерства — к гармонии взаимного прикосновения сердец. Я хочу сказать Вам, юный друг, об одном удивительно простом и в то же время адски сложном секрете воспитания. Этот секрет доступен тем, кто горячо любит

детей, и совершенно непостижим для того, у кого в сердце льдинка. И вот в чем он: учение становится воспитанием там, где есть забота наставника о человеческом достоинстве школьника. Сердцевина воспитания, по существу, и есть забота о том, чтобы маленький человек всегда чувствовал свое достоинство работника интеллектуального труда, достоинство гражданина, достоинство сына, дочери своих родителей, достоинство личности, красивой своими благородными намерениями, порывами, успехами.

Я никогда не ставил неудовлетворительной оценки ученикам начальных классов. Если у ребенка что-то получалось плохо, я говорил ему: «Попробуй переделать, потрудишься — и у тебя получится хорошо. Пока у тебя еще нет никакой оценки, потрудишься, поработаешь — получишь оценку. Не можешь разобраться в задаче, — приходи завтра до уроков в школу, вместе подумаем». Полчаса перед уроками — время самого интересного, самого насыщенного интеллектуального труда и вместе с тем это счастливые минуты того соприкосновения сердец, о котором я говорил. Дети приходят ко мне в эти полчаса со своими бедами. Ведь если ребенок не может, не умеет, если у него не получается — это его постоянное горе. Знаете ли Вы, что такое думать вместе с ребенком? Рано утром под цветущей яблоней в школьном саду мы сидим с третьеклассником Юрой. Перед нами задача, ее надо обязательно решить. Я направляю течение детской мысли в верное русло, наступает мгновение, когда ребенок открывает истину, он радуется, ему кажется, что он сам поднялся на вершину познания. Он счастлив — справился со своей бедой. Минуты думания вместе с ребенком доставляют мне, учителю, огромную радость. Я уверяю Вас, мой молодой друг, что как раз в эти мгновения и раскрывается детское доверие. Если мы вместе с ним преодолели его беду, если вместе открыли истину, — ребенок никогда не обманет меня. Потому что оценка, записанная им самим в дневник, — его гордость, его достоинство.

Исключительно важно, чтобы ребенок всегда видел свои успехи. Чтобы не было ни одного дня бесплодной траты сил.

Дружба учителя с ребенком — большой труд, огромная затрата духовных сил. Глубоко ошибаются те, кто думает, что для дружбы наставника с детьми достаточно

пойти с ними в поход, испечь картошку, посидеть у костра, разделить их радости (кстати, учение иногда представляется кое-кому большой радостью — это глубоко ошибочное мнение). Дружба с детьми — одухотворение мысли и чувства ребенка нашими силами, нашей мыслью, нашей мудростью, нашими убеждениями, нашей эмоциональной культурой. Для дружбы педагога со школьниками необходимо большое духовное богатство. Если этого богатства нет, дружба может превратиться в панибратство, — и это очень опасно для воспитания.

Есть дети, которые в силу неблагоприятных домашних условий подвергаются большим эмоциональным потрясениям, чьи сердца не могут справиться с бедой. В таких случаях наступает тяжелый кризис, выражающийся в самых разнообразных душевных состояниях — страхе, смятении, растерянности, озлоблении, ожесточенности, равнодушии... И все они — большая беда, прямо угрожающая жизни ребенка. Нам, мой друг, надо уметь читать человеческую душу. Мы не должны называться наставниками, народными учителями, если не умеем заметить зарождение этих опасных состояний детской души. Наш долг — умело подойти к человеку, помочь ему, снять с его сердца камень, рассеять беду, стать другом ребенка как раз в те мгновения, когда сердце его кричит, зовет на помощь, но услышать эти крики и вопли дано только чуткому человеческому сердцу.

Митя — веселый, жизнерадостный пятиклассник, вдруг стал замкнутым и молчаливым. В детских глазах я увидел печаль. Заметил, что ребенок хочет поговорить со мной наедине, но не решается попросить об этом. И никогда не решится, если я сам не предложу. Я пригласил мальчика пойти вдвоем в лес: найдем, Митя, хорошие трубочки бузины для свирелей. Вот тут-то он и раскрыл передо мной свое сердце. Оно было переполнено горем.

— У меня старая-престарая прабабушка. Ей больше девяноста лет. Бабушки умерли, а прабабушка жива... Однажды ночью я услышал разговор отца с мамой. «Переселим бабушку в маленький чуланчик, — говорит мама. — И ей будет лучше, и нам не будет мешать...» А отец говорит: «Надо купить досок бабушке на гроб... Может быть, умрет до осени. Хорошо бы схоронить бабушку до осени: зимой трудно яму копать...» Значит, маме и отцу хочется, чтобы бабушка поскорее умерла? Как же это так?

Ведь и они станут стариками... Утром я не мог смотреть маме и отцу в глаза. Что мне делать? Я попросил маму, чтобы не переселяли бабушку в чуланчик — пусть ее кровать стоит рядом с моей, мне с бабушкой так хорошо...

Меня очень порадовало, что в душе моего питомца горит яркий огонек человечности, и вместе с тем стало тревожно, как бы этот огонек не потускнел или не угас; хочется, чтобы любовь маленького человека к людям утверждалась в деятельности, в труде, была красивой и требовательной.

Мой завет Вам, дорогой друг: пусть не пройдет мимо Вас незамеченным ни одно душевное потрясение. Будьте помощником в беде, врачом душевных ран. Науку дружбы в беде постигает лишь тот, кто обладает высокой нравственной и эмоциональной культурой. Это вещи, которые не даются от природы и не приобретаются стихийно. Жизнь Вашего классного коллектива — этого сложного оркестра, в котором Вы и композитор, и дирижер, — должна быть школой тонких и благородных нравственных и эмоциональных отношений, этого удивительно гармоничного звучания мыслей, чувств, желаний, звучания, в котором неповторимо ярка каждая личность и в то же время все личности составляют единое целое.

И еще один завет, мой молодой друг. Самый простой, но в то же время самый важный: воспитывайте знаниями. Мы, педагоги, воспитываем знаниями не только потому, что, читая огненные строки из великой книги человеческой борьбы и мудрости, питомцы наши постигают бессмертные идеи, но и потому, что мы, сами педагоги, являемся для питомцев неиссякаемым источником знаний. Ручьем, к которому идет человек утолить самую благородную жажду — жажду познавать, открывать и удивляться. Воспитание знаниями возможно лишь тогда, когда этот ручей никогда не иссякнет. Запомните слова великого украинского писателя, философа и педагога Ивана Франко: «Современный учитель всегда должен быть учеником». Первейшая наша забота — да не оскудеют родники, питающие ручей наших знаний.

Родники эти — книги. Чтение, чтение и еще раз чтение. Напряженная жизнь в мире книг. Невозможно быть педагогом, наставником, если у Вас нет своей — неповторимой, глубоко личной жизни в мире книг. Как цветок тянется к солнцу, так пылкий ум и чуткое сердце ребенка

тянутся к учителю — светочу знаний, а светочем знаний он может стать лишь в том случае, если в огонь мысли ежедневно подливается горячее — мудрость книг.

Дружба учителя с учениками немислима, если у учителя нет жизни в мире книг, потому что эта дружба строится на основе богатства интеллектуальных интересов. Одна из важнейших воспитательных задач и состоит в том, чтобы открыть перед ребенком дверь в мир книг, ввести его туда с малых лет. Самое красивое и тонкое, умное и сильное, чем нам, молодой друг, надо продолжить себя в своих питомцах, — это благоговение перед книгой, влюбленность в книгу.

Дорогой друг! Продолжайте себя в питомцах своих бессмертными идеями коммунизма, высокими идеалами служения Отечеству, мудростью, знаниями, неугасимой жаждой познания. Это наша святая миссия. К этому зовет нас родная Коммунистическая партия.

Семья и школа, 1968, № 10.

РОДИТЕЛЬСКАЯ ПЕДАГОГИКА

Давно, уже свыше тридцати лет, ежедневно встречаюсь я с родителями. И в индивидуальных беседах, и на занятиях родительской школы самым наболевшим, самым жгучим вопросом, который задают родители, является вопрос: «Как? Как воспитывать? Как найти гармонию родительской любви и требовательности? Как дать детям счастье?»

Отцовские, материнские чувства трудно передать словами. Их может постичь только тот, кто стал отцом-матерью. Помню волнующее событие, происшедшее у нас в школе. У молодых супругов — учителя и учительницы — долго не было детей. Десять лет ждали он и она — ждали родительского счастья и уже мало верили, что оно заглянет и к ним. Но вот молодой отец привез жену с ребенком домой. Потом он, счастливый и взволнованный, пришел с ребенком на руках в учительскую. Хотел что-то сказать и... заплакал, а преодолев волнение, сказал:

— С того мгновения, как прозвучал его крик, я почувствовал себя совсем другим человеком. Я держу в своих руках будущее. От моего сердца отделилась маленькая

частица, а чувство такое, что это второе мое сердце, второе я.

Есть на свете десятки, сотни профессий, специальностей, работ: один строит железную дорогу, другой возводит жилой дом, третий выращивает хлеб, четвертый лечит людей, пятый шьет одежду... Но есть на свете самая универсальная — самая сложная и самая благородная работа, единая для всех и в то же время своеобразная и неповторимая в каждой семье — сотворение человека.

Да, это работа — ответственнейшая и сложнейшая. В ней сливаются интимное и гражданское.

И в этом слиянии, мне думается, и заключается гармония человеческого счастья. Если ты хочешь стать неповторимой личностью, если ты мечтаешь оставить после себя глубокий след на земле — не обязательно быть выдающимся писателем или ученым, создателем космического корабля или открывателем новых элементов периодической системы. Ты можешь утвердить себя в обществе, засиять прекрасной звездой неповторимой человеческой индивидуальности, воспитав хороших детей.

Вспомнится одна горькая история. Жил в нашем селе добрый человек, хороший, уважаемый во всем районе комбайнер. За самоотверженный труд наградили его орденом. Часто портреты его помещали в газетах, а однажды даже у дороги поставили щит с портретом Ивана Филипповича и написали: вот с кого надо брать пример. Был у Ивана Филипповича сын — тоже Иван. Любили отец и мать единственного ребенка своего, но неразумной была их любовь: исполняли все капризы Ивасика. Покупали все, что только пожелает ребенок (так до четырнадцати лет называли родители сына). А сын чувствовал, что купается в лучах отцовской славы, не испытывал никаких трудностей, все ему доставалось легко, — и вырос лодырем. Часто приглашали мы Ивана Филипповича в школу, но всегда отцу некогда было: то на заседании правления колхоза, то в район вызвали для обмена опытом, то в соседний колхоз поехал проверять условия социалистического соревнования. Однажды случилось несчастье: избил Иван одноклассницу свою так, что пришлось врача вызывать. Послали за Иваном Филипповичем:

— Иди, отец, в школу скорей, несчастье с сыном.

— Какое несчастье? — встревоженно спросил отец.

Рассказали, в чем дело. Отец успокоился и сказал: «А я думал, что с ним какое-нибудь несчастье... Некогда мне сейчас в школу идти. Иду на слет передовиков...».

Вечером Ивана Филипповича все-таки удалось зазвать в школу. Выслушав встревоженный рассказ воспитателя, он пришел домой, отлупил сына, поясняя причину своего гнева: «Вот тебе, чтобы меня в школу больше не вызывали». А на следующий день Иван пошел в поле, взял две пригоршни грязи и залепил глаза отцовского портрета. Понял Иван Филиппович, что воспитание — это тонкая работа разума и сердца... понял, да поздно.

Задумаемся над этой жизненной историей. Поучительна она и для того, чей сын еще в колыбели, и для того, у кого дочь на выданье. Какой бы ответственной, сложной, творческой ни была ваша работа на производстве, знайте, что дома вас ждет еще более ответственная, более сложная, более тонкая работа — воспитание человека. Везде вас можно заменить другим работником — от сторожа на животноводческой ферме до министра. А настоящего отца не заменит никто!

Человек — наивысшая ценность среди всех ценностей мира. Поймите, уважаемые родители, что невоспитанный человек, моральный невежда, недоучка все равно, что самолет, выпущенный в полет с поврежденными двигателями: он погибнет сам и принесет гибель людям. Если вас приглашают в школу, идите, договаривайтесь на производстве, чтобы отпустили.

Юпоша, ты вступаешь в брак. Проверь сам себя, готов ли ты воспитывать детей?

— А если не готов,— спрашивает юноша, завтрашний отец,— так что же, не жениться? Нет, в этой тонкой и нежной сфере человеческой жизни не бывает столь категорических ответов. Вообще в жизни человека большую роль играет самовоспитание. Если бы человека воспитывали только другие, а сам бы он себя не воспитывал, то он не стал бы наивысшей ценностью среди всех прочих ценностей мира, не поднялся бы на ту ступень морального развития, с которой он видит не только других людей, но и самого себя. Воспитанным можно назвать в полном смысле только того человека, который умеет воспитывать себя.

И вот это видение собственного духовного мира, умение заглянуть в собственную душу приобретает особое значение с того момента, когда ты, юноша, решил

жениться. Помни, завтрашний отец, что радость отцовства можно сравнить с радостью садовника, который годами вскапывал землю, оберегал деревцо от холода и зноя, выхаживал его, ночами не спал, и, наконец, увидел плоды труда своего.

Воспитание детей — это отдача духовных сил. Человека мы создаем любовью — любовью отца к матери и матери к отцу, любовью отца и матери к людям, глубокой верой в красоту и достоинство человека. Прекрасные дети вырастают в тех семьях, где отец и мать по-настоящему любят друг друга и в то же время любят и уважают людей. Я сразу вижу ребенка, родители которого глубоко, сердечно, красиво, преданно любят друг друга. У этого ребенка — мир и покой в душе, глубокое душевное здоровье, чистосердечная вера в добро, вера в красоту человеческую, вера в слово воспитателя, тонкая чуткость к тонким средствам влияния — доброму слову и красоте.

Так проверь себя, юноша, загляни в душу свою, взвесь: способен ли ты любить людей — отдавать им свои душевные силы? Помни, что воспитываешь ты детей прежде всего настоящей любовью к жене. А по-настоящему любить — значит отдавать, создавать, вкладывать духовные силы, видеть частицу вложенного тобой добра в другом человеке. Хороший муж создает красоту своей жены своей любовью, а эта любовь, словно солнечное тепло и солнечный свет, собранные в цветке розы, — эта любовь становится моральной красотой твоих детей, отец.

Любить свою жену — значит почитать ее, беречь, боготворить ее — да, не будем бояться этого слова, — верить разумом и сердцем, что она лучшая из всех женщин мира, потому что она твоя жена и мать твоих детей, значит, не изменяй ей даже в мыслях. Возможно, уважаемый отец, тебе кажутся странными эти слова, возможно, ты думаешь: какое это имеет отношение к воспитанию детей? Прямое, непосредственное! Супружеская любовь — это тончайшие корешки, питающие дерево материнской и отцовской мудрости. Там, где эти корешки отмирают, исчезает и настоящая отцовская-материнская любовь.

Так проверь себя, завтрашний отец, хватит ли у тебя сил духовных на этот нелегкий труд — всю жизнь любить свою жену, всю жизнь создавать ее красоту?

А как же это проверить? Есть такая пехорошая, опасная вещь — лень души. Загляни в свою душу, взвесь,

нет ли в ней семени этого порока. Если есть — выбрось его, не дай ему прорасти буйным дурманом. Лениость души — это равнодушие к человеку. Если ты не замечаешь чужого горя, значит у тебя опасная болезнь — лениость души. Преодолей в себе эту болезнь. Зорко всматривайся во все, что происходит вокруг тебя. Познай мир не только умом, но и сердцем. Помни, что самое главное в окружающем мире — человек. Человек со всей своей сложностью и многогранностью, со своими радостями и тревогами, наслаждениями и болями. Если не преодолеешь в себе этой болезни, то не сумеешь видеть в своей жене человека, не сумеешь создавать в ней красоту и благородство и, значит, не сумеешь правильно воспитывать своих детей.

Радянська Україна, 1968, 8 дек.

МИКРОКЛИМАТ ВАШЕГО ДОМА

Семья в нашем обществе — это первичная ячейка многогранных человеческих отношений — хозяйственных, моральных, духовно-психологических, эстетических. И, конечно, воспитательных. Однако могучей воспитательной и облагораживающей силой для детей она становится только тогда, когда отец и мать видят высокую цель, живут во имя целей, возвышающих их в глазах ребенка.

А если этого нет? Вот судьба одной семьи. Молодой агроном и работница животноводческой фермы совхоза начали свою семейную жизнь светло и радостно. Молодым помогли возвести хороший каменный дом. На приусадебном участке хозяин посадил виноградник, завел пасеку. Достал редкостные сорта яблонь и груш. Дом Николая Петровича с садом и виноградником становится уютным уголком. Но тяжелой, мрачной стала жизнь в этом доме. С каждым годом хозяина все больше обуревала страсть к обогащению. Он огородил усадьбу высоким забором. С ранней весны до поздней осени почевал в саду — чтобы никто, чего доброго, не сорвал цветка, яблока или кисти винограда. Весь урожай виноградника шел на продажу. Мария, жена Николая Петровича, иной раз просила оставить хоть что-нибудь дома, но хозяин был неумолим. Возле дома он начал сооружать каменный погреб, кладовую, электрическую установку для поливки виноградника и сада. Достал невиданные сорта помидо-

ров и начал выращивать их — тоже на продажу. В глубине сада выросла теплица — здесь возделывались не только ранние овощи, но и цветы — тоже, конечно, на базар.

У Николая Петровича и Марии была единственная дочь. Отец запретил ей приглашать в дом товарищей. Окончила Оксана школу, начала работать лаборанткой на маслозаводе. Влюбился в девушку молодой механизатор. Однажды, тайком от отца, пришла Оксана со своим другом в заснеженный сад, открыла теплицу и дала юноше букетик цветов. Подоспел отец; разъяренный, набросился на дочку и юношу, вырвал из рук цветы...

— Больше ноги моей не будет в этом проклятом доме, — сказала тогда Оксана. — Вы, отец, пытались убить во мне все человеческое. Вы отравили мое детство...

Оксана ушла от родителей, а через несколько лет переехала к дочке и мать. Остался Николай Петрович один со своими «сокровищами». Так счастье становится призрачным и ядовитым, если оно зиждется на низких страстях.

Добро только тогда добро, когда оно для людей, — вот что должны помнить отец и мать, строя свое семейное гнездо. Ибо наивысший принцип нашего общества: все для человека, все во имя счастья человека — не какая-то абстрактная социологическая истина. Это и принцип глубоко личного, сокровеннейшего — наших взаимоотношений с теми, кого свела с нами судьба, чтобы продолжать род людской, с родителями и близкими.

Однажды пришел ко мне отец ученика, плачется: что делать с сыном-пятиклассником? Становится непослушным, обманывает, уклоняется от работы. Вот и недавно было: не пошел на пионерский воскресник деревья сажать, сказал, что болен, а на самом деле в футбол играл. И больше всего волновало отца вот что: живет подросток только для себя, сердце его становится холодным, равнодушным, взгляд — непроницаемым... Выслушал я жалобы отца и спросил: позвольте говорить откровенно, как отец с отцом? Да, согласился мой гость. Тогда я сказал: почему же это ваша родная мать живет в маленькой каморке? Почему же это вы отделили ее от семьи — от себя и от внука, не приглашаете даже обедать за общий стол? В каморке у матери одно оконце, да и в нем стекло разбито, — пеужели вы и этого не видели? И вы хотите, чтобы сын

был коллективистом? Говорите ему высокие слова об обязанности перед коллективом, о том, что пионер должен близко к сердцу принимать интересы Родины. Помните, что тончайший корешок, питающий большое дерево любви к Родине, — это волнующее мгновение в жизни вашего сына, когда он принесет бабушке яблоко из сада и цветок розы, поставит перед ней стакан свежей родниковой воды и поправит подушку под головой.

Возвышайте сами себя в глазах своих детей так, чтобы дети видели: высшим смыслом вашей жизни является посев того зерна, из которого вырастают буйные побеги человеческого счастья.

В село приехал молодой учитель — только что окончил университет. Пошел однажды читать лекцию на животноводческую ферму. Познакомился с девушкой — синеглазой, русокой красавицей. Рассказала девушка о своей судьбе: отец погиб на фронте, мать тяжело больна, ей пришлось оставить пятый класс и пойти на ферму.

Влюбился учитель в красавицу. Просил стать женой. Решительно отказалась девушка: вы университет окончили, а я... Но не мог отступить учитель от красавицы и от мечты своей. Три года учил девушку. Долгими зимними почками сидели они вдвоем над учебниками, девушка была смышленной и настойчивой, сдала экзамены за среднюю школу, поступила в медицинский институт — только тогда и согласилась на замужество. Окончила институт, стала врачом. Живет счастливая чета, воспитывает пятерых детей. Дети у них прекрасные — дружные, сердечные, чуткие к малейшему движению души материнской и отцовской, добрые, послушные, заботливые, трудолюбивые. Самое главное, что бросается в глаза, когда смотришь на детей этих счастливых родителей, — они сознательно заботятся о том, чтобы не причинить горя, печали, тревоги родителям. Хорошо учатся в школе прежде всего потому и для того, чтобы мама и папа были спокойны, счастливы, радостны. Стремление детей приносить счастье своим родителям — это то, что вложили отец и мать своей чистосердечной заботой друг о друге, своей взаимной преданностью, тонкой человеческой чуткостью.

Мы, родители, воспитываем детей прежде всего красотой своих взаимоотношений. Об этом надо помнить всегда.

Перед ребенком открывается мир. Он узнает много вещей, все для него ново, все его волнует: и солнечный зайчик в комнате, и сказка об Ивасике-Телесике, и пестрая бабочка, и далекий лес на горизонте, и белое облачко в небе, и седая голова деда. Но открывается перед ребенком и другое: человек. Первое, с чего ребенок начинает познавать мир,— это ласковая материнская улыбка, тихая колыбельная песня, добрые глаза, нежные объятия. Если бы мир все время глядел в душу ребенка ласковыми глазами матери, если бы все, что позднее встретит он на своем жизненном пути, было таким добрым и нежным, как добрая мать,— в мире не было бы ни горя, ни преступлений, ни трагедий — я имею в виду наш, социалистический мир, где нет социальных причин для горя, преступлений, трагедий.

Вот и начинает ребенок познавать мир человека с матери и отца. С того, как говорит мать с ним, ребенком, как относится отец к матери. Из этого и складываются самые первые представления и понятия о добре и зле.

В хорошей семье, где отец и мать живут в согласии, где царят тонкие отношения к слову, к мысли и чувству, ко взгляду и малейшему оттенку настроения, в отношениях добра, согласия, взаимной помощи и поддержки, духовного единства и сердечности, доверия и взаимного уважения родителей — перед ребенком как раз и раскрывается все то, на чем утверждается его вера в человеческую красоту, его душевный покой, равновесие. Берегите эту детскую веру, в ней стержень моральной цельности человека, его непримиримости ко всему аморальному, антиобщественному. Если эта вера разрушена,— в детскую душу врываются трагедия, горе. Нет ничего опаснее для семьи, для школы, для моральной полноты жизни нашего общества, чем ребенок — страдающий, несчастный — на руинах своей веры.

Никогда не забуду тяжелой судьбы Николая П. Как только услышу слова: детское горе, так и видится он мне. С болью и мольбой в глазах пришел к отцу, оставившему семью, и спрашивает: папа, когда ты прийдешь ко мне? Я так хочу, чтобы ты пришел...— До девяти лет Коля видел во взаимоотношениях матери и отца только хорошее. Отец помогал матери в домашней работе, вечерами садился с сыном за стол и рисовал птиц, зверей, сказоч-

ные фантастические существа... Он работал шофером, летом начал брать с собой сына в недалекие поездки. Сколько радости приносило это ребенку!

И вдруг что-то в семье изменилось. Мама и папа стали словно чужие. Садилась за стол обедать и, потупив глаза, избегали глядеть друг на друга. Потом случилось страшное: отец больше не приходил домой, мать сказала: теперь мы будем жить без отца. Это потрясло, ошеломило ребенка.

Трудно, очень трудно воспитывать таких детей в школе. Тут уже надо быть не просто педагогом, а исцелителем души, спасителем. Много сил духовных надо вложить в ребенка, утратившего веру в высокое, идеальное, нерушимое, чтобы он снова поверил и в человека, и в добро.

То, что случилось в семье Коли П., — не исключение. Родители, не умеющие подняться на вершину культуры человеческих чувств и человеческого благородства, сеют несчастье и пожинают зло.

Бывает и так, что детская вера в добро не рушится, как у Коли П., но ребенок становится непослушным, до него, как жалуются порой родные, не доходит доброе слово. В таких случаях пусть родители глянут сами на себя. Где-то есть трещинка — сначала крохотная, незаметная — в их отношениях. Это могут быть разнообразнейшие тонкости духовно-психологических и морально-эстетических «ухабов» на нелегком пути супружеской жизни: и равнодушие, когда человек не видит человека, с которым он на всю жизнь соединил свою судьбу; и плохо прикрытое недовольство друг другом; и та духовная несовместимость, когда люди, собравшиеся было пройти жизненный путь вместе, исчерпались духовно за несколько лет и надоели друг другу.

Так вот оберегать свой семейный путь от этих «ухабов», уметь творить великое, бесценное духовное богатство семейной жизни — взаимную любовь — значит создать в доме самый благоприятный для воспитания детей микроклимат.

Радянська Україна, 1969, 11 янв.

Сельская школа далеко не то же самое, что школа городская. На нее сейчас возлагается совершенно особая миссия. Сельская школа — важнейший, главный, иногда в силу складывающихся условий, единственный очаг культуры. Она задает тон всей интеллектуальной, культурной и духовной жизни села.

Неизмеримо возросла культура производства, осуществляется то великое преобразование в труде, в быту, в сознании, которое В. И. Ленин назвал электрическим образованием масс¹⁸. Не власть земли, а умение над ней властвовать определяет жизнь и труд сегодняшнего крестьянина.

Однако стремительный рост культуры сельскохозяйственного производства на много опережает рост духовной культуры села. Если сравним насыщенность города и села книгами, если поразмыслим над цифрами, показывающими, к примеру, сколько людей, получающих среднее образование, остается в сельскохозяйственном производстве, а сколько в городе, — сравнение будет далеко не в пользу села.

Свыше шестидесяти процентов молодых людей, окончивших сельскую среднюю школу, навсегда покидают села и никогда обратно не возвращаются; больше девяноста процентов выходцев из села, окончивших вузы, становятся городскими жителями. Если вдуматься, в этом явлении есть нечто не только тревожное, но и опасное. Если и далее лучшая, наиболее развитая в интеллектуальном отношении часть сельской молодежи будет уходить из сел, в развитии сельскохозяйственного производства наступит застой. Интересы всего нашего общества требуют, чтобы село обогащалось интеллектуально развитыми и воспитанными молодыми людьми. Без них невозможны ни научно-технический прогресс, ни интеллектуально-насыщенная духовная жизнь села.

Кто же может справиться с этой задачей исключительной важности? Прежде всего школа. Сельская школа. Когда речь идет о специфике ее работы, обычно делают упор на трудовое воспитание. Надо, мол, с малых лет приучать молодежь села к труду на земле — и основные задачи сельской школы будут решены. Конечно, недостатков в трудовом воспитании у нас немало, но не они, на

мой взгляд, являются причиной главных бед. Деревенская молодежь уходит, стремится уйти из села в том случае, если интеллектуальная жизнь школы и коллективов взрослых тружеников не может удовлетворить ее требований и запросов.

Улучшить преподавание, повысить качество знаний в сельской школе попросту невозможно без подъема культурного, духовного уровня жизни всей школы и особенно сельской семьи.

В сельской школе, на мой взгляд, надо думать прежде всего о создании атмосферы, в которой происходит учение. Надо добиться, чтобы в семье и в школе царствовала книга. Чтобы вообще мир сельской жизни был царством мысли, книги, чтения, глубокого уважения к знаниям, науке, культуре. К сожалению, во многих случаях бывает так: у колхозника есть и телевизор, и мотоцикл, и радиолa, а книг в семейной библиотечке нет или очень мало. И все потому, что идея главенства книги во всей духовной жизни человека не исходит, как свет от яркого факела, от школы, не утверждается в душах питомцев, оканчивающих школу.

Мы должны воспитать в каждом ученике сельской школы потребность в знаниях, независимо от того, кем будет работать сельский житель — агрономом или трактористом, дояркой или телятницей, мастером по внесению в почву местных удобрений или врачом. Я знаю конюха, у которого в личной библиотеке две тысячи книг, и знаю врача, в чьей комнате нет даже книжной полки, а на столе лежит единственная книга из библиотеки, взятая два года назад и не возвращенная.

Кроме того, существует и еще одна проблема. Если мы не добьемся того, чтобы уже в отроческие годы сельский житель испытывал чувство гордости от сознания, что он — хлебороб, животновод, самые умные, самые развитые питомцы школы и дальше будут уходить из села. Многовековой предрассудок — взгляд на сельский труд как на дело низшее, не требующее большого ума, — жив, к сожалению, до сих пор. А цель-то как раз и заключается в том, чтобы самые умные, духовно богатые, готовые к насыщенной интеллектуальной жизни юноши и девушки оставались в селе — шли на поля и фермы. Дело это станет на прочную научную основу, лишь если в школе будут царствовать мысль и умный, исследовательский, одухо-

творенный интересными замыслами труд. Любовь к труду — дитя, рождающееся от брака чувства и мысли. Но если нет мысли, никогда не возникает чувство, не будет брака, не жди дитяти.

Для многих сельских школ характерен низкий уровень воспитания как раз в той сфере, где простой сельскохозяйственный труд должен озаряться мыслью, научными познаниями. Любовь к труду на земле рождается лишь там, где нива, сад, огород — лаборатория мысли, где однообразные трудовые процессы не конечная цель, а лишь средство достижения цели — радости творческого, исследовательского, опытнического труда. Вскрывая землю, внося удобрения, копаясь в буквальном смысле в навозе, в перегное, человек может испытывать интеллектуальную радость — радость исследователя, радость творца. И это происходит тогда, когда он видит возможность приложения в труде своего ума, своих способностей. Как ни парадоксально, но это факт: в отдельных сельских школах именно интеллектуально-воспитательная сторона труда на земле раскрывается хуже, примитивнее, чем во многих городских школах.

Село начинается со школы; культура села начинается с культуры сельского учителя. Главная воспитывающая сила в сельской школе — духовное богатство, знания, эрудиция, кругозор педагога. Устарелым, примитивным является представление о том, что якобы для сельского учителя самое важное — знать труд в поле, не бояться тягот и трудностей сельскохозяйственного труда. А ведь главное, чем привлекает к себе пытливое юношество сельский учитель, это — есть ли у него самого неугасимая жажда знаний, страстное стремление к книге, науке, культуре.

В сельской школе тысячи прекрасных мастеров. Живет у нас в Кировоградской области, в селе Подвысоком Новоархангельского района учитель Дмитрий Иванович Фартушняк. Преподает историю в десятилетке. Это изумительный человек. Перед ним снимают шапки все: от седоусого старца до маленького ребенка, почитая в этом человеке невиданное, не преувеличу, удивительное богатство знаний. Дмитрий Иванович изучил тысячи первоисточников по истории нашей Родины и зарубежных стран. Живя в селе, он самостоятельно овладел девятью иностранными языками. Учитель в подлиннике читает Шекспира и Сервантеса, Гете и Сент-Экзюпери. Уроки

истории для его воспитанников — да, его питомцев мало назвать учениками, они именно воспитанники — стали настоящим праздником. Те, кто окончил школу у Дмитрия Ивановича, на всю жизнь унесли из ее стен жажду знаний. Такой человек излучает радость познания, счастье насыщенной жизни.

Если мы говорим, что учитель знаниями воспитывает, то сущность этого сложного и не до конца еще изученного процесса заключается, по-моему, в том, что знания возвышают человека в его собственных глазах, утверждают в нем чувство гордости, развивают неугасимую пытливость ума, учат бороться за торжество справедливых идей.

Село сейчас испытывает острую потребность в духовно богатом, интеллектуально разностороннем педагоге — властителе юношеских дум. Ведь таких учителей, как Дмитрий Иванович, все-таки очень мало. Много, до боли много у нас школ, где не загорелся еще факел пытливого ума, освещающий юношеству дорогу к счастью познания, к вечно живой и неискоренимой потребности знать. Много еще у нас сельских школ, где учение не шагнуло за рамки учебника. Селу нужны тысячи и тысячи духовно богатых педагогов.

Как их привлечь в село? Ну, наверное, это тема еще для одного разговора. К нему необходимо вернуться.

Комсомольская правда, 1969, 18 февр.

ОСТОРОЖНО: РЕБЕНОК!

Читатель, — прежде всего и наш брат педагог, — прочтя письмо А. Буренковой¹⁹, скажет: но ведь это единичные факты. Можно ли на их основании строить обобщения, выдвигать проблему? Разве недостаточно, что те, о ком говорится в письмах, узнают себя и устыдятся?..

Но нет, как бы ни богата была наша школа прекрасными педагогами-мастерами, умеющими понимать душу и разум юношества и детства, это не дает нам права не замечать педагогического бескультурья и безразличия к судьбе ребенка, даже если случаи эти были бы единичны. Пройти мимо отчаянного родительского, а значит, и детского вопля «Что же делать?» никак нельзя. А ведь он повторяется в десятках — сотнях писем.

Кое-кто представляет себе школу только как кладовую знаний. Каждый день приходит сюда ученик, берет какую-то частицу ценностей из кладовой... Чем меньше взял, тем хуже. Мало берет — пропащий человек.

Забываем мы, что назначение школы в государстве, написавшем на знамени своем «Все во имя человека...», неизмеримо сложнее. Мы, педагоги, стоим у колыбели человека, личности — этой величайшей ценности, составляющей главное богатство общества, доверившего ее нам. Помним ли мы об этом?

Однажды мне пришлось зайти в хорошее, вновь построенное здание школы. Все здесь было прекрасно: и учебные кабинеты, и светлые коридоры, и душевая рядом со спортивным залом. Но кто-то из детей посадил чернильное пятно на свежевыкрашенную панель. И тут, у чернильного пятна, собрались директор, его заместитель по хозяйству, дежурные. Все по очереди скоблили, отмывали пятно. А у подъезда школы играли в мяч два шестиклассника. Они не пошли на урок... И никто не заметил этого — ни директор, ни учителя. Не заметили ни тотчас, ни через час... Как могло случиться, что чернильное пятно на панели затмило перед педагогами самое важное, что есть в школе, — детей, их неблагополучие?

Когда видишь, сколько стараний прилагает иногда школа, чтобы избавиться от плохого ученика, какая изобретательность при этом проявляется, жаль становится сил и энергии, заслуживающих лучшего применения, жаль неиспользованных возможностей. Ведь каждый, буквально каждый, без исключения ребенок — это целый мир. Мир еще не открытый и не исследованный. Нам, педагогам, его открывать. Нам поднимать этот мир до самопознания и самоусовершенствования.

Может быть, я погрешу против научной точности, отвечая на вопрос, что такое воспитание, но, на мой взгляд, это возвышение человека, постоянное и кропотливое, многотрудное и радостное.

Подлинное мастерство воспитателя состоит в том, чтобы его питомец уважал себя, дорожил своим достоинством. Если ребенок не уважает себя — это уже грань катастрофы.

Строки из письма: мальчик, стараясь не разбудить мать, тихонько встает ночью, открывает тетрадь, подде-

лывает отметку... Если он еще стирает «двойку», если ему еще стыдно за нее, то это не так уж страшно. Хуже, когда мальчишка, придя из школы, равнодушно бросает портфель и на вопрос: «Какие сегодня отметки?» отвечает: «Смотрите сами...» Или — бывает и это — разрывает дневник и на вопрос учителя: «Где же тебе отметку ставить?» отвечает: «Хоть на лбу ставьте...»

Существо, рожденному в человеческом коллективе и осознающему свое «я» в этом коллективе, хочется быть хорошим. Хочется, чтобы люди считали его хорошим. И наша миссия — всячески развивать это желание.

Поймите драму, которая развивается порой в душе ребенка. У ребят буквы получаются красивые, а у меня не получаются. Другие легко решают задачки, а у меня почему-то «не выходит». Все хорошие, а я плохой. Плохой сегодня, плохой завтра... В детском уме еще не может уложиться, почему он, такой же ученик, как и другие, и вдруг плохой. Ему стыдно. А потом уже не стыдно, ребенок привыкает к тому, что он не такой, как все. В нем утверждается убеждение: не всем же быть хорошими, кому-то и плохим надо быть. Огрубляется, окостеневает душа, и я не знаю ничего более печального в школе.

Драма еще более усугубляется, когда в таинство воспитания, где должны править мудрость и добро, где все — итог тонкого и могучего напряжения духовных сил, врывается ремень, то, о чем пишет А. Буренкова.

До тех пор, пока хоть какая-то часть родителей верит, что ремень сильнее убеждения и доброго слова, школа не может стать в полной мере домом, где возвышается человек. И мы должны без устали развенчивать наивную веру в пользу «ременной педагогики», самым беспощадным образом пресекать применение таковой в семье.

Но права А. Буренкова: беда в том, что и какая-то часть учителей в этом смысле «теоретически» недалеко ушла от родителей.

Если я знаю, что отца моего Вани бог умудрил единственным талантом — рождать детей, и если при этом я вызываю этого «мудрого» отца в школу и говорю ему: «Ваня ваш — лодырь, не хочет учиться», — происходит элементарная вещь: я, учитель, которому, конечно, не пристало заниматься побоями, бью мальчика рукой отца. Становлюсь соучастником преступления.

Я видел немало людей, считающих себя интеллигентами, что, впрочем, не мешает им придерживаться убеждения, будто отсутствие шлепков размягчает, разнеживает ребенка, порождает своего рода неприспособленность к жизни. Ремень не только унижает достоинство ребенка, но и развращает его душу, пробуждая в нем самые темные, самые подлые черты: трусость, человеконенавистничество и лицемерие. Самыми стойкими, самыми непримиримыми к злу становятся те, кто не знал в детстве ни шлепка, ни подзатыльника.

Лет пятнадцать назад ко мне в школу пришла девочка. Фантазерка, она удивляла нас своей способностью создавать сказки. Однажды на перемене Олеся — так звали девочку — подбежала ко мне, и я увидел ужас в ее глазах. «Петя на Гришу... палку, палку...» — сказала она. Оказалось, что в ее словаре даже не было слова «ударить». Она не знала, что один человек может бить другого, так счастливо сложилось ее детство. Что же, из-за этой своей неосведомленности девочка вошла в жизнь неподготовленной? Получилось совсем по-другому. Когда на ее глазах хулиган поднял нож, чтобы нанести удар женщине, девятнадцатилетняя студентка вырвала нож. Получив ранение, она защитила человека от верной гибели.

Разрушая душевную связь взрослых и детей, ремень заведомо обрекает на неудачу все воспитательные усилия и родителей, и учителей. Если от маленького ребенка под страхом порки можно добиться показного благоправия, то подростка уже не выпорешь. Чем же заменить потерявший власть ремень? Такому наказания не страшны, а разумное и сердечное слово непонятно. Здесь кончаются и родительский авторитет, и родительская власть. Дальше человек будет предоставлен самому себе и случаю.

Нельзя мириться и с тем, что некоторые педагоги — в силу ли низкой педагогической культуры, потому ли, что не умеют подчинять эмоции разуму, — прибегают к духовному ремешку. Уважение к ребенку несовместимо с унижением, как несовместимо и с «сильными», «волевыми» мерами воздействия — окриком, стуком по парте, угрозой.

Это не проповедь всепрощения, как кажется кое-кому, когда произносишь слова «уважение», «чуткость», «сердечность». Я убежден: с «сильными», «волевыми» средствами воздействия несовместима подлинная педагогическая

требовательность. Выдвигать перед ребенком многочисленные наши требования, если он не верит в свои силы, да и ты, педагог, примирился с тем, что твой ученик плохой и никудышний, — это все равно что пытаться плыть по песчаным волнам.

Школа — не кладовая знаний, а светильник разума. Все дети не могут иметь одинаковых способностей. И важнейшая задача школы — воспитать способности.

Разве можно быть спокойным, если в учении, которое должно приносить радость бытия и радость познания, ребенку становится неуютно и жутко? Жутко и неуютно потому, что и сегодня, и завтра, изо дня в день он чувствует: я плохой. У меня есть еще такое письмо: «Девочка моя не успевает. Двойки и двойки. Приходит домой грустная. Однажды ночью просыпаюсь, слышу — плачет. «Что с тобой, доченька?» — «Мама, уедем туда, где нет школы...»

Возвышать человека на ниве учения — значит никогда не забывать о том, что мы имеем дело с детской, неокрепшей мыслью. У одного она как стремительная река, другой — тугодум. Не спешите ставить оценку, не превращайте ее в идола. Не ставьте вообще в начальных классах двоек — это кнут и дубинка. Не подрубайте корень желания быть хорошим.

У меня в школе в начальных классах есть правило: до тех пор, пока ребенок не научился удовлетворительно выполнять ту или иную работу, ему вообще не ставятся отметки. Ты еще поработай, говорят ему, ты ведь можешь... И ребенок, побуждаемый желанием быть хорошим, напрягает все свои силы для того, чтобы выполнить задание. Вот где начало той подлинной требовательности, о которой шла речь выше. Он, маленький человек, собираясь с силами, а силы эти в детской душе неисчерпаемы, поднимается на одну ступеньку выше. Он несет из школы радость. Он видит в счастливом сне свой подъем, а не встает украдкой, чтобы подтереть в дневнике отметку. Не одного ребенка мы спасли от унижения и даже падения тем, что не ставили ему двоек и не прибегали ни к каким сильным мерам воздействия.

Все это не значит, разумеется, что из класса в класс можно переводить с двойками. Это было бы самым жестоким равнодушием. Я за то, чтобы пробудить в человеке уважение к самому себе. А если ребенок уважает

самого себя, он сам будет ставить перед собой требования, выдвигаемые учителем.

Школа — место, где развиваются самые сложные, какие только могут быть в мире, человеческие отношения. Сложные потому, что происходит великое и трудное, радостное и мучительное творение человека. Педагогическая мудрость в том и заключается, чтобы видеть своего питомца глазами создателя.

Литературная газета, 1969, 19 февр.

УЧИТЬ УЧИТЬСЯ

Единство обучения и воспитания...

Вдумаемся, уважаемые коллеги — учителя начальной школы, в эти слова! Ведь от того, в какой мере наш ученик является прежде всего нашим воспитанником, зависит успех всей учебно-воспитательной работы школы.

В одной из последних работ В. И. Ленина — «Лучше меньше, да лучше» — есть слова: действительно просвещенный человек²⁰. Таким наш вождь считал человека, который ценит знания, который, руководствуясь ими, не боится борьбы для достижения поставленной цели. Да, подлинное единство обучения и воспитания именно в том, чтобы каждый ученик, вступая уже в школьном возрасте в активную общественно-политическую жизнь, вырабатывал на основе знаний твердые коммунистические убеждения и руководствовался ими всегда. Чтобы интеллектуально и духовно расти, у школьника должна быть тяга к знаниям, желание овладеть ими.

Многолетняя работа с детьми не раз убеждала меня, что тончайшие источники, из которых наполняется река единства обучения и воспитания, — это желание ребенка учиться. Но как открывать такие источники, как сделать, чтобы они не заилились? Чем предотвратить тревожное явление, с которым, к сожалению, часто приходится сталкиваться нам, педагогам: скажем, ребенок нес в школу огонек — жажду знаний, но этот огонек скоро погас, взамен родился страшнейший, злейший враг обучения — равнодушие?

Или вот такое: как построить всю учебно-воспитательную работу в классе и школе, чтобы ребенку хотелось сегодня быть духовно богаче, умнее, чем вчера, чтобы он

чувствовал, переживал свой интеллектуальный, идейный рост, гордился им, чтобы эти чувства были стимулом, который побуждает преодолевать трудности. Ведь детское желание хорошо учиться неотделимо от оптимистического мировосприятия — познания окружающего мира и, особенно, самопознания. Ясное дело, там, где нет радостного увлечения учебной работой, взволнованного удивления перед истиной, открывающейся благодаря напряжению внутренних сил детской души (а они, эти силы, — единственная, так сказать, точка опоры педагога), не может быть и речи о любви к науке, к знаниям.

Чтобы ребенок был горячо заинтересован в учебе, ему необходима богатая, разнообразная, привлекательная интеллектуальная жизнь. Мы должны постоянно заботиться о том, чтобы с поступлением в школу мысль ребенка не была втиснута в рамки классной доски и страницы букваря; чтобы стены класса не отгораживали его от многообразия мира, в тайнах которого — неисчерпаемые источники мысли, творчества. Иными словами: чтобы ребенок охотно учился, его интеллектуальная жизнь ни в коем случае не должна ограничиваться лишь школьными, ученическими методами, требующими запоминания, заучивания и воспроизведения знаний для проверки их учителем.

А впрочем, пусть у читателя не сложится впечатление, будто автор пренебрежительно относится к запоминанию и заучиванию. Нет, без этого немислимы обучение и умственное развитие. Но если обучение превратить только в работу памяти, оно становится беспредметным, ибо подлинное умственное развитие возможно только тогда, когда соединяются усилия памяти и мысли, осмысливаются явления, закономерности окружающего мира.

Чтобы интеллектуальная жизнь учащихся начальной школы была богатой, необходима гармония мысли и усилий памяти. Позаботимся, уважаемые коллеги, чтобы ребенок в начальной школе был прежде всего думающим, активным добытчиком знаний, пытливым искателем истины, путешественником в мире познания. Только в таком случае он будет хорошим школьником.

Хочется в связи с этим поделиться некоторым опытом, приобретенным учителями начальных классов нашей школы. Обучение ребенка у нас начинается за год до поступления в первый класс (в подготовительной группе).

Ребенок живет в интересном для него мире мыслей. Мы проводим с малышами специальные занятия, получившие название уроков мышления. Это, образно говоря, путешествия к первоисточникам мысли. Мы идем с детьми в сад и в лес, в поле и на берег пруда; открываем перед ними разнообразнейшие оттенки и грани предметов, явлений, отношений, зависимостей. Видение мира, благодаря которому человек становится не пассивным наблюдателем, а открывателем истины,— это и есть рождение живой мысли. Мы убеждены, что предотвратить угасание огонька любознательности в детских глазах можно лишь в том случае, если мы научим своих воспитанников активно видеть мир. Мышление начинается с удивления, как отмечал Аристотель. Первоисточником тяги к знаниям, стремления к познанию истины, как известно, является увлечение ребенка тем, что открывается ему в мире, а потом и в нем самом.

...Дети — будущие первоклассники — пришли с учителем на зеленый луг. Пахнет трава, ласкают взор цветы, греет ласковое солнышко, в голубом небе поет жаворонок, в прозрачном ручейке плавают рыбки... Перед ребенком открывается жизнь в разнообразнейших ее проявлениях. И вот тут он постигает своим разумом удивительную, поразительную истину: источником жизни является солнце. В каких бы формах она ни проявлялась, ее пробуждает только солнечный луч. Эта истина вызывает у детей глубокое волнение. Перед ними возникают десятки загадок, открываются разнообразнейшие связи и отношения, суть которых неясна, но ее хочется постичь. Охватив своим разумом одну истину, ребенок объясняет с ее помощью новые и новые явления. Но чем больше понятного, тем больше открывается и непонятного, тем активнее работает мысль, тем сильнее тянет к знаниям. С занятий на тему «Солнце — источник жизни на Земле» ребенок идет в радостно-приподнятом, взволнованном настроении. Это душевное состояние порождает особую восприимчивость ума ко всему, что надо запомнить. Человек, который много думает, собственными усилиями открывая истину,— с большой активностью, с интересом воспринимает и запоминает.

Наконец, для гармонии мысли и памяти необходима целая система уроков мышления среди природы. Вот темы, по которым наши педагоги проводят занятия на

протяжении пяти лет — от подготовительной группы до окончания четвертого класса.

Лето. Первые приметы осени. Почему одни птицы улетаюТ в теплые края, а другие остаются у нас зимовать? Листья осыпаются с деревьев. Солнышко светит, но не греет. Первые снежинки. Как мороз рисует на стеклах? Рождение летнего, осеннего дня. В голубом небе — журавлиная стая. Живое и неживое в природе. Пруд и река. Наше село. Поле и плуг. Пчела на цветке. Шмели в желтых бутончиках хмеля. Цветок и зерно. Семя и растение. Как из зерна вырастает колос. Труд и хлеб. Солнце — источник жизни. Плодовые и декоративные деревья. Розы в нашем саду. Шиповник и роза. Осенние цветы. Хризантемы — дети осени. Вечерняя заря. Тихий вечер над прудом. Вишневый садик возле хаты. Солнце заходит. Песня сверчка. Скворцы прилетели. Маленькие ягнята. Корова и теленок. Цветы в теплице. Зимнее утро. Жизнь под снегом. Ранней весной. Жаворонок в голубом небе. Пшеничное поле. Росное утро. Небо перед ветреным днем. Путешествие капли воды. Как ласточка строит гнездо. Синица ищет помощи у человека. Воробей и коршун. Вьюга. Комбайн плывет в море пшеницы. Кузнец возле горна. Как из кирпича вырастает дом? Что человек может делать лопатой? Руки музыканта и руки каменщика. Труд зимой и летом. На животноводческой ферме. Труд, усталость и отдых. Игра и труд. Моя любимая игрушка. Мое любимое занятие.

Система уроков мышления — это наша школа мысли, без которой мы не представляем полноценного, эффективного умственного труда на всех уроках не только в начальной школе, но и в последующие периоды обучения и умственного развития. Она, эта школа, является фундаментом творческих умственных сил, необходимых для овладения новыми и новыми знаниями. По мнению всех учителей начальных классов нашей школы, воспитательный смысл уроков мышления состоит прежде всего в постоянном и непрестанном применении знаний. Воспитать желание учиться как раз и можно только тогда, когда знания, которыми ребенок овладевает в начальной школе, не остаются мертвым кладом, не нагромождаются в детской голове только для того, чтобы в определенное время учитель вынимал их из «кладовой» для проверки. Развитие умственных способностей — это знания в дви-

жении, в применении. Оптимистическое самопознание — а это и является предпосылкой тяги к знаниям — начинается с того, что ребенок на собственном опыте убеждается: знания становятся орудием его мышления и труда; пользуясь ими, он выражает свой ум, самого себя. На уроках мышления происходит сложный процесс самовыражения личности в творческой мысли, в подходе к явлениям окружающего мира, в их объяснении, в глубоком осмыслении. Активное применение знаний порождает, создает ту действительную просвещенность, о которой писал В. И. Ленин²¹, — глубокую убежденность, верность идеалам, умение дорожить научной истиной, как собственной честью и достоинством.

Вот именно здесь, в те минуты, когда пытливый детский ум непосредственно касается тончайших взаимосвязей между явлениями окружающего мира, между трудом человека и миром, — пробуждаются и проявляются активные интеллектуальные силы ребенка, именно здесь он впервые чувствует себя властелином знаний, учится дорожить убеждениями, ибо как раз то, что достигнуто собственными силами, особенно дорого.

Мы убедились в том, что благодаря урокам мышления школьник становится тружеником мысли. Наши уроки мышления не являются чем-то универсальным; это не единственное средство воспитания умственных способностей и желания детей учиться. Но, наверное, это самое целесообразное, учитывая возрастные особенности восприятия и мышления, средство формирования взглядов воспитанника, его отношения к умственному труду и к самому себе. Самое главное — уже в младшем возрасте человек сознательно дорожит тем, что он — мыслящая личность. А именно без этого не может быть и речи о каком бы то ни было сознательном стремлении овладеть знаниями.

Постоянно ощущая, переживая на собственном опыте привлекательность применения знаний, гордость от того, что он — властелин их, маленький человек постепенно переносит это отношение к окружающему миру на самого себя, на книгу. Читать природу мы учим детей для того, чтобы научить их читать книгу. А воспитать школьника пытливым, вдумчивым читателем — не так просто. Это не то же самое, что научить бегло читать. Желание учиться утверждается в ребенке только в том случае,

если его интеллектуальная жизнь проходит среди книг. Не самая ли большая беда многих школ — бескнижие духовной жизни? Много, очень много есть школ, где на полках библиотек нет именно того, что надо читать ребенку младшего возраста. Читать не только для того, чтобы найти какое-то средство от ничегонеделания, а чтобы жить в мире книг.

Теперь книге приходится соперничать с другими источниками информации (кино, телевизор, магнитофонные записи и т. п.). Следовательно, даже там, где хорошие книги для чтения есть, они часто стоят на полках библиотек, как спящие велпканы.

Важную свою миссию как воспитателей мы видим в том, чтобы в этом своеобразном соперничестве победителем всегда была книга. Желание учиться живет и утверждается там, где она стала самой привлекательной духовной потребностью младшего школьника. Что и как читают дети, какой след оставляет чтение в духовной жизни воспитанника? Это вопрос большой важности.

Мы не ставим перед собой цели давать пространные советы по поводу содержания внеклассного чтения. Вдумчивый учитель уже с первых шагов работы с детьми продумывает, какие книги должен прочесть (и перечитать) за годы обучения в начальных классах каждый воспитанник. Эти книги обязательно должны быть в библиотеке (и не в одном экземпляре). Без этого школа может превратиться из очага интеллектуальной культуры в место, где господствует зубрежка. Внеклассное чтение — это, образно говоря, и паруса, благодаря которым корабль мысли плывет вперед, и ветер, надувающий паруса. Нет чтения — нет ни парусов, ни ветра. Чтение — самостоятельное плавание в море знаний, и наша задача состоит в том, чтобы каждый воспитанник испытал счастье этого плавания, почувствовал себя смельчаком, ставшим один на один с безбрежным морем человеческой мудрости.

В начальной школе самостоятельное чтение играет особую роль в интеллектуальном, моральном и эстетическом развитии. От того, какое место занимает оно в духовной жизни школьника, зависит и его отношение к учебе. Мы стремимся, чтобы в детстве каждый ученик прочитал лучшие книги о природе, героическом прошлом родного народа, о борьбе советских людей за свободу и не-

зависимость в Великой Отечественной войне, подвигах строителей коммунизма, величии и благородстве человека-борца за счастье трудящихся, о коммунистическом идеале, нашей Родине, культуре, науке, просвещении. За десятилетия у нас составила «Библиотечка детства» — 250 книг, которые каждый учащийся перечитывает за время обучения в начальных классах. Мы тщательно подбираем литературу в эту библиотечку: тут должны быть книги только высокой художественной и познавательной ценности. Они входят в интеллектуальную жизнь ребенка как драгоценное достояние. Особое место в этой библиотеке занимают книги о людях, которые становятся образцом, примером для подражания. Подлинное воспитание начинается там, где есть самовоспитание. А самовоспитание начинается с увлечения моральным благородством, величием человека.

Важная воспитательная задача каждого учителя начальной школы — добиться, чтобы ребенок стремился быть похожим на того, кто является для него идеалом. Дети увлекаются книгами о В. И. Ленине, Ф. Э. Дзержинском, Сергее Лазо, Александре Матросове, Зое Космодемьянской, испытывают удивление и преклоняются перед великими учеными, отдавшими свою жизнь во имя утверждения научной истины.

Нельзя представить полноценного воспитания, если человек в детском возрасте не узнал на собственном опыте волнующей радости размышления над книгой. Чтение становится могучей воспитательной силой благодаря тому, что, увлекаясь моральной красотой, стремясь подражать, человек начинает думать о себе, оценивать свои действия и поступки, измерять себя определенной мерой моральности. Чтение и раздумья над книгой становятся интеллектуальной потребностью. Это чрезвычайно важно для воспитания той культуры мысли, без которой невозможны тяга к учению, стремление овладевать новыми и новыми знаниями.

Мысль, пробужденная книгой — словно хорошо обработанное поле, на которое падает семя знаний, прорастает, дает урожай. Благодаря размышлению над книгой облегчается усвоение программного материала. Чем больше ученик рассуждает над книгой, чем сильнее в его душе чувство увлечения, пробужденное книгой, тем легче ему учиться.

В школу нередко приходят дети с некоторыми отклонениями от нормального умственного развития (эти отклонения Г. С. Костюк называет пониженной способностью к обучению). Забота о нормальном обучении таких детей, о том, чтобы они не отставали и не чувствовали себя обреченными на интеллектуально убогую жизнь,— одна из важнейших проблем практики учебно-воспитательной работы в начальной школе. Ясное дело, чем ниже способность к обучению у школьника, чем труднее ему усвоить минимум знаний, тем важнее становится самостоятельное чтение и тем неотложней необходимость привить ребенку радость размышления над книгой. Без преувеличения могу сказать, что самостоятельное чтение буквально спасает отдельных учеников от интеллектуальной ограниченности, предотвращает их отставание, воспитывает в них умственную активность. Индивидуальную работу с детьми, которые имеют пониженную способность к обучению, следует начинать с самостоятельного чтения. Размышления над книгой — главнейшее средство предотвращения неуспеваемости. Опытный педагог, бывает, долго раздумывает над тем, какую книгу дать ребенку, имеющему пониженную способность к обучению, как врач думает о режиме человека с ослабленным здоровьем. Никакие попытки заставить такого ребенка заучить, запомнить не дадут желаемых результатов, если учитель не воспитает в нем способности думать над произведением.

Мысли, как искры: от одной загорается другая. Вдумчивый педагог-воспитатель стремится создать в коллективе атмосферу общего увлечения книгой, знаниями; чтобы интеллектуальные интересы стали теми нитями, которые связывают отдельных школьников сокровеннейшими, сложнейшими отношениями — взаимоотношениями мышления. Уже в начальных классах надо добиться, чтобы ребенок не только сам стремился к учению, но и передавал товарищам свое увлечение знаниями, чтобы интеллектуальные чувства волновали школьников. Взаимоотношения детей, основанные на мышлении, не должны ограничиваться уроком. Опытные учителя время от времени проводят с детьми беседы, посвященные книге и творчеству. Рассказывая товарищам о том, что волнует его, ребенок утверждает в своих стремлениях быть

интеллектуально богатым, и чем больше он передает своих мыслей другим, тем богаче становится сам.

Особое значение в создании полноценного детского коллектива имеет творчество. Прежде всего творчество посредством слова. Каждый учитель начальных классов систематически проводит утренники детского творчества. Дети читают свои рассказы, стихи. Это в основном художественные повествования о том, что ребенок видит собственными глазами, что его увлекает, изумляет, волнует. Ведь огонек мысли — это эмоциональная ее окраска. То, что волнует одного, начинает волновать и других. Ученик, например, читает своим товарищам сочинение о зимнем утре. Он написал его, наблюдая явление природы, восхищаясь красотой. Слушая, дети переживают увлечение мыслью. Каждому хочется испытать свои силы в творчестве.

А что делать, могут спросить, если детям тяжело достичь такого уровня творчества, чтобы мыслью одного увлекались другие и красота ее пробуждала бы стремление к творчеству? На собственном опыте я убедился, что в таком случае первой искрой должна быть инициатива учителя. Я сам пишу сочинение о том, что меня увлекает, волнует. Несу свою мысль детям, пробуждаю в их умах и душах нужные стремления.

Творчество является ступенькой самостоятельного мышления, на которой ребенок познает радость собственной мысли, переживает моральное удовлетворение творца. Как важно, чтобы этого достиг каждый ученик! Умственное воспитание, без которого немыслимо полноценное обучение, именно в том и состоит, что ребенок, творя средствами слова, чувствует себя автором, увлекается тем, что прелесть жизни, природы, человеческих отношений становится красотой мысли.

Желание учиться — очень топкая и капризная вещь. Оно, образно говоря, как нежный цветок, который питают тысячи корешков, неутомимо работающих во влажной почве. Мы их не видим, но заботливо оберегаем, зная, что без них жизнь и красота погибнут.

Стремление к знаниям питается тысячами бессонных, неутомимых корешков нелегкого, но радостного, привлекательного, желанного для ребенка труда. А таким труд становится только тогда, когда напряжение сил неотделимо от чувства собственного достоинства. Ребенок дол-

жен ощущать себя тружеником, гордиться результатами своего труда, достигнутыми собственными усилиями. Выработать гордость — значит утвердить в душе желание быть мыслителем. Это одна из тончайших сфер всей педагогики. Нет чувства достоинства, пробужденного умственным трудом, нет и воспитания в процессе обучения, не может быть и речи о единстве обучения и воспитания.

Чтобы наши дети всегда ощущали жажду знаний, чтобы желание учиться было главнейшим стимулом их нелегкого умственного труда, позаботимся об очень важной предпосылке всего школьного обучения: умственный труд ребенка, будучи понятным, в то же время должен иметь и соответствующие трудности. Чувство достоинства труженика-мыслителя возможно только в том случае, если умственный труд является определенным испытанием сил. Ребенок выходит из этого испытания победителем, с гордостью и радостью оглядывается на пройденный путь, говорит сам себе: «Это я нашел. Это я открыл».

Вот как утверждается чувство достоинства труженика-мыслителя. Мы читаем ученикам II класса задачу: «Построили 4 дома по 9 квартир в каждом и 9 домов по 4 квартиры в каждом. Девятую часть квартир уже заселили. Сколько осталось незаселенных?» Мы уже приучили детей к тому, что задачи такой трудности они решают во втором классе, как правило, устно. На уроке царит атмосфера сосредоточенной мысли. Запомнив числовые данные (условия), осмыслив зависимость между ними, дети приступают к вычислениям.

Ученики не берутся за ручку, пока задача не решена; только закончив работу, они пишут на маленьком листочке ответ. Мы проходим между рядами, видим, кто закончил работу, даем самым сообразительным карточки с новыми, более трудными заданиями. Уже через пять-шесть минут после того, как мы прочитали задачу, в глазах некоторых детей вспыхивают радостные огоньки: ответ правильный. Окрыленные успехом, дети берутся за более трудные задачи. Мы видим все новые и новые огоньки в детских глазах. Но в классе есть Юра — слабый, очень слабый ученик. Мы повторяем задачу еще раз — специально для него. Видим, с каким большим трудом ребенок схватывает, наконец, зависимости между величинами. Ребенок радуется уже тому, что понял задачу, — надо уметь оценить и эту победу детской мысли. Школьник

с нашей помощью еще и еще раз повторяет числовые величины. Мы знаем, что память у Юры очень слабая. Минут десять мальчик просто вдумывается в условия. Для него это чрезвычайно важно. Потом переходит к вычислениям. Мы еще раз повторяем с ним числовые данные задачи. Вычисления идут правильно, ребенок радуется. Мы радуемся вместе с Юрой. Но вдруг беда: забылись какие-то числовые данные условий, рассыпался домик, который ребенок с таким трудом начал возводить. Мы снова повторяем с Юрой условия задачи, ребенок снова схватывает нить мысли. Работа почти доведена до конца — и снова что-то забыто. Мы терпеливо объясняем еще несколько раз. Ребенок снова думает.

Наконец Юра записывает на бумаге ответ. Мальчик празднует успех. В его душе невыразимая радость: ведь он добился победы! Вот эта радость открытия, радость от того, что своими силами закончил работу, и является источником человеческого достоинства. Это та могучая воспитательная сила, которая пробуждает в детской душе новую энергию мысли. Будем беречь эту силу; как огня, будем бояться того, чтобы умственный труд ребенка не остался безрезультатным. Достаточно ребенку два — три месяца не видеть результатов своего умственного труда, как у него исчезнет желание учиться, ибо исчезнет, по сути, и сам труд. Источник детского желания учиться — в напряжении умственных усилий, в радостях победы.

У опытного учителя труднейшей, сложнейшей проблемой в его педагогической лаборатории является как раз то, чтобы и самый слабый ребенок видел плоды своего труда и чувствовал гордость труженика мысли. Бывает, что вести ребенка к вершине победы, как мы вели Юру, приходится неделю, две, а то и больше. Что же, наша работа требует большого терпения и большой веры в творческие силы ребенка.

Початкова школа, 1969, № 2.

МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ СЕМЬИ

Идеал семейного счастья в украинской народной педагогике ярко выразил великий наш поэт И. П. Котляревский: «Где ладят в семействе, где мир и тишина, счастливые там люди, блаженная страна...». Когда я вду-

мываюсь в это большое и многогранное понятие — согласие в семье, мне каждый раз вспоминается семья Алексея Матвеевича. Это наш колхозник, уважаемый всеми земляками человек. Он и жена его, Мария Михайловна, учились когда-то у нас в школе; сейчас мы воспитываем их троих детей.

Нас, учителей, трогало, что в этой семье между родителями и детьми царят отношения чистосердечия, открытости, прямоты. И это требует особого внимания каждого, кто хочет постичь тайны родительской педагогики — тонкой, интеллигентной, сердечной чуткости человека к человеку. Марийка возвращается из школы; не успела она еще и дверь открыть, как по ее глазам мать чувствует: у дочки в школе не все в порядке. Рассказывай, дочка, что там у тебя. Дочка рассказывает, что сегодня была контрольная работа по алгебре, задача очень трудная, наверное, ошибку сделала в решении... Бабушка Мария грустная, сидит молча у окна — и уже к ней один за другим подходят встревоженные дети, спрашивают: «Что у вас болит, бабушка? Может быть, вам дать то или это?» — После школы, отдохнув, Олеся, Петрик и Марийка садятся выполнять домашние задания. До всего доходят только собственными силами — это стало в семье одним из важнейших правил.

Однажды — еще тогда, когда Олеся исполнилось четыре года и из семьи Алексея Матвеевича в школу ходило двое ребят, — на родительском собрании зашла речь об этой тонкой, нежной стороне духовной жизни детей в его семье — о высокоразвитом чувстве чести, стремлении все сделать своими силами. «Расскажите, уважаемая Мария Михайловна, — обратился к матери классный руководитель, — ...расскажите, пусть все родители послушают, как воспитываете вы своих детей? Как оттачиваете в их душах вот эту драгоценную черту, которая для многих семей пока еще, к сожалению, является неуловимой, фантастической птицей?»

Мать улыбнулась и ответила:

— Некогда нам с мужем воспитывать детей. Изю дня в день мы на работе: муж — на животноводческой ферме, а я — и в поле, и на току, в саду, — где ни понадобится, там и работаю летом, а зимой вместе с мужем — тоже на ферме. А они с бабушками дома. А закон в семье у нас такой: только ребенок на ноги поднялся, — работай.

И не только для себя, но и для людей. И на людей смотри человеческими глазами... Это нерушимый закон. А воспитывать нам некогда. Пусть о воспитании рассказывает тот, кто нигде не работает, сидит с ребенком, да еще и воюет с ним из-за двоек, как я не раз слышала...

И нам, учителям, и родителям стало ясно: то, о чем мать говорит как об отсутствии воспитания, и есть настоящее воспитание.

В чем же он заключается — тот нерушимый закон, о котором говорила мать?

В глубоком благородстве, красоте человеческих взаимоотношений. Не один год мы задумываемся о тех духовных силах, которые объединяют людей в семье Алексея Матвеевича, видим все новые грани этих сил в других семьях, — и для нас становится очевидным: главным моральным богатством, имеющим огромную воспитательную силу, являются взаимоотношения заботы, взаимоотношения уважения. В семье Алексея Матвеевича (и во многих других прекрасных семьях) царит культ Человека, культ долга перед Человеком.

Могучая духовная сила воспитания заложена в том, что дети учатся смотреть на мир глазами отца, учатся у отца уважать, почитать мать, бабушку, женщину, Человека. Жена, мать, бабушка в семье являются — можно сказать — эмоциональным и эстетическим, моральным, духовным центром семьи, ее главой. Отец пришел с работы — и первое, о чем он спрашивает у детей, что ему надо непременно знать, переступив порог, это — как здоровье бабушек — его матери и матери жены. Какими бы неотложными ни были хлопоты и заботы — первая забота, первые хлопоты, первый труд — для бабушек. Дочка Мария на всю жизнь запомнила тот торжественный день, когда отцу исполнилось тридцать лет. Должны были прийти гости, все готовились к семейному празднику. А тут заболела бабушка Мария — мамина мать. «Ни о каком празднике не может быть и речи», — сказал отец и повез бабушку в больницу.

Вот что означает этот человеческий закон, о котором говорила на родительском собрании мать, — на людей смотреть человеческими глазами. Когда Олесе, младшей в семье Алексея Матвеевича, исполнилось четыре года, умерла мамина мать. Это было в мае. Дети посадили на бабушкиной могиле цветы. А дома недалеко от хаты

посадили куст роз, назвав его «Роза покойной бабушки». Ежегодно ясным майским днем Мария, Петрик и Олеся несут розы на бабушкину могилу. Этот день так и называется в семье — бабушкин день.

Может быть, некоторые читатели подумают: надо ли здесь говорить об этом — о цветах на могиле, о розовом кусте, посвященном покойной, о семейном дне — дне покойной бабушки. Да, без этого немыслимо настоящее воспитание, без этого нет тех духовных сил, на которых держится семья. Есть старая французская пословица: мертвые мстят живым за то, что живые забывают о мертвых. Жизнь учит, что мстят жестоко: на хорошей, животворной земле вырастает чертополох — люди с каменными сердцами, бездушные, холодно-рассудительные. Уважение и почитание памяти покойных — большой капитал, проценты с которого идут живым. Это тончайшие корешки, несущие животворные соки земли к дереву, имя которому — человечность.

В семье Алексея Матвеевича отец делает все для того, чтобы дети дорожили матерью. Летом и ранней осенью на животноводческой ферме работать легче, чем в звене, где мать выращивает сахарную свеклу. И вот в дни напряженного, нелегкого труда Алексей Матвеевич идет в поле, а жена — на ферму. Дети привыкли к тому, что отец всегда берет на себя самую тяжелую работу, и учатся у него смотреть на мать глазами благородного мужчины.

Искусство воспитания в таких семьях, как семья Алексея Матвеевича, в том и состоит, что моральное богатство создается взаимоотношениями, где тесно переплетаются любовь и добро со строгим долгом и трудом, с личным примером. Дети Алексея Матвеевича и Марии Михайловны трудолюбивы, правдивы, сердечны именно потому, что в образе самых родных в мире людей — отца и матери — перед ними раскрылось благородное видение человека и самих себя. Передавая детям тончайшие духовные черты человеческого благородства, отец сызмала пробуждал в них чуткую совесть — умение дорожить добром в самом себе, быть требовательным к самому себе.

Если в нескольких словах изложить всю мудрость родительской педагогики, то состоит она в том, чтобы дети наши были твердыми и строгими в требованиях к себе, чтобы — здесь я намеренно прибегаю к пресув-

личению, — провожая сына на свадьбу, где все гости — горькие пьяницы, мать могла быть уверена, что сын ее придет домой трезвым... Требовательность к самому себе, моральный закон в собственном сердце, честность и правдивость наедине с собой — для родителей это высокая мечта, идеал. И достигается он тогда, когда любовь, доброта, ласка сочетаются со строгой требовательностью, с долгом, с непримиримостью к злу, неправде, обману.

Перед торжественным днем вступления в комсомол Марийка рассказала мне: «Я не помню когда, с какого возраста я начала работать. Сколько себя помню, — всегда работала. Это было очень, очень давно. Наверное, тогда мне было лет семь. Отец сказал мне: посади вот эти три саженца винограда. Я хорошо умела это делать. Выкопала ямки, залила водой, посадила. А корешки не обмакнула в глиняный раствор. Помню, подумалось: они же будут закрыты землей, кто узнает — смочены корешки глиняным раствором или нет. Посадила, полила. Отец вечером спрашивает: а корешки обмакнула в глиняный раствор? Никогда в жизни — ни до этого, ни после этого — я не обманывала, а тогда сказала неправду. Конечно, отец сразу же увидел обман. Он не сказал ни слова, а только глянул мне в глаза пристально-пристально. Вдохнул как-то тяжело, будто кто на плечи положил ему тяжелую пошу. Откопал мои саженцы, смочил в ведре глины... А я стояла и смотрела... И лицо мое горело от стыда. Закончив работу, отец сказал: «Можно обмануть другого, а себя никогда не обманешь...»

Бывает, родители плачутся: «Что нам делать с сыном? Не понимает доброго слова. Учишь его — это хорошо, а это плохо, это можно, а это нельзя — так он словно и не слышит... Хоть кол на голове теши». Равнодушие к слову — большая беда в воспитании. Потеряв надежду на то, что можно воспитать словами, родители пускают в ход тумачи и ремень... Как же помочь беде? Как добиться того, чтобы слово воспитывало, чтобы на скрипке детской души были струны, а не веревки? В раннем детстве человек должен пройти большую школу тонких, сердечных, человеческих взаимоотношений. Эти отношения — главное моральное богатство семьи.

Радянська Україна, 1969, 26 апр.

В очередной моей почте письмо от молодого отца.

«Прошу ответить на вопрос, который не дает мне покоя,— пишет рабочий совхоза, назвавшийся Андреем Александровичем.— У меня двое детей, сыновья шести и пяти лет. Мы с женой работаем на животноводческой ферме. Трудимся, не покладая рук, чтобы дети были счастливы. Но счастливы ли они — вот вопрос, который сейчас мучает меня. Каждое утро отвожу я детей в садик... Хотя не знаю, для чего их вести — сами они могли бы туда пойти. Детский сад у нас прекрасный. Однажды утром старший, Олег, раскапризничался: не нравится ему курточка, сшитая матерью. Идем по улице, он ее незаметно снял и бросил в кусты. Вечером принесли люди. А второй раз младший, Владимир, не захотел почему-то снять обувь в коридоре, пошел в грязных ботинках в комнату. Там ему тетя Вера замечание сделала, а он ей в ответ: «Уберете грязь... За это вы деньги получаете...». Поражает меня равнодушие, какая-то бессердечность, безразличное отношение моих детей к труду».

Да, уважаемый отец, ваш вопрос заставляет задуматься над самым сложным и самым трудным, самым неотложным и самым важным в нашей жизни,— над нашим будущим, над воспитанием подрастающих поколений.

В Павлыше есть родительская школа. Организовали ее учителя. Приходят на занятия отцы и матери, и мы делаем то, что я назвал бы глубоким изучением детства. В самом деле, если сравнить нашу жизнь с цветущим деревом, то мы, отцы и матери, изучаем цветы: что они обещают дать? Какие плоды завяжутся от цветочков? И на первом месте у нас на всех двадцати занятиях разговор о счастье.

И мы отмечаем, что желание ребенка стало во многих семьях движущей силой. От бурь и невзгод, сильных чувств и переживаний родители прикрывают детей своими сердцами — и в этом большое горе. Меня поражает, что многие семилетние дети не знают, что в жизни у человека бывает и горе.

Одна шестилетняя девочка дружила с бабушкой — матерью моего соседа-колхозника. Часто навещала ее, носила яблоки и орехи, а бабушка рассказывала ей сказки (к сожалению, во многих семьях исчезает эта прелесть

и очарование детства — бабушкины сказки). Но вот бабушка почувствовала, что приблизился ее час. Мать отправила девочку на месяц в соседнее село к родственникам. Для чего? Чтобы уберечь детское сердце от тревог. Возвратилась девочка, сразу же к соседям: «Где бабушка? Мама, да скажите же, где бабушка Дарья?» — «Исчезла бабушка... Подрастешь — узнаешь...» Вот до чего доходит стремление некоторых родителей уберечь детей от сильных переживаний.

Скажу, вместе с тем, прямо: в тех семьях, где единственный двигатель познания и освоения мира — детское желание, постепенно превращающееся в каприз, дети лишены настоящего счастья. Несчастливы они потому, что пресыщены потребительским счастьем. Пользование благами, взятыми в готовом виде, лишает их возможности правильно видеть мир, а значит, и подлинно человеческое счастье. Счастье человека невозможно передать в наследство и невозможно получить как наследство. Там же, где пытаются передать детям вместе с фамилией в наследство и свое счастье, вырастают подлецы, негодяи, лодыри, как пиявки, сосущие кровь и труд родителей.

Настоящая мудрость воспитателя — отца, матери, педагога — в умении дать ребенку счастье. Счастье детства — это, конечно, спокойный огонь очага, дающий тепло и пищу. Но огонь этот зависит от того, как вы управляете огнем, дорогие родители. В мудрости быть кочегаром у этого очага, по существу, вся мудрость воспитания. Со всей ответственностью утверждаю, что из маленьких, казалось бы безобидных корешков безделия берут начало такие общественные беды, как пьянство, хулиганство, преступность.

Как только ребенок открыл глаза на мир, как только осознал себя, — ему чего-то хочется. Потребности — двигатель человеческой жизни. Из потребностей вытекают желания. Но вся сущность человеческого воспитания состоит в том, чтобы желания личности гармонизировали с интересами коллектива, общества, народа, Отечества. Желания надо с первых же дней сознательной жизни ребенка окультуривать. Культура человеческих желаний — столбовая дорога семейно-школьного воспитания. Мы убеждаем матерей и отцов в родительской школе, что дать детям счастье — значит прежде всего сделать их желания нравственно оправданными, нравственно обо-

снoванными, заслуженными, а с точки зрения общества — скромными, доступными, выполнимыми.

Какая сила способна внести в жизнь семьи культуру желания? Как же не допустить, чтобы ребенок жил по принципу: что хочу, то и делаю?

Такой могучей воспитательной силой является труд. К сожалению, безделие и праздность проникают даже в сельскую жизнь, где, казалось бы, сама обстановка делает праздность невозможной. У матери и отца — прекрасных тружеников совхоза — двое детей, мальчик в V классе и девочка в VI. «Вы когда-нибудь с братом мыли дома пол?» — спрашивает учитель у девочки. «Нет... но у нас ведь пол не моется. Он у нас покрыт ковриками...» Девочка и мальчик не знали, что, когда они спят или отправляются в школу, мать снимает коврики, вытряхивает их и моет пол.

Подумаем, уважаемый Андрей Александрович, допустимо ли это в нашем обществе, на знамени которого написано: «Кто не работает, тот не ест». Наше общество ставит перед каждым своим гражданином строгие требования, касающиеся труда, дисциплины, долга, поведения. И выполнение этих требований — залог развития и свободы личности. Тот, кто в детстве, образно говоря, не сел за ту парту, за которой происходит длящееся всю жизнь воспитание культуры желаний, у кого над диким кустом желаний не работают мудрые ножницы садовника-труда, того в зрелом возрасте ой как трудно посадить за эту парту. Человек, не научившийся в детстве управлять своими желаниями, не переживающий их нравственной оправданности и обоснованности, становится социально ненадежным, он вступает в конфликт с общественными требованиями. Нежелание учиться приходит к тем, кого в детстве бездумно кормили потребительским счастьем. А потом приходит еще более страшное бедствие — нежелание трудиться производительно. Это звенья одной цепи.

Счастье — не чудесная жар-птица, которую можно поймать. Это — реальная постройка, которую надо воздвигнуть. Я представляю себе детский труд как широкое, многогранное понятие, это — напряжение физических, духовных, волевых, нравственных сил, напряжение, в котором личность выражает и утверждает себя, определяет свою позицию в борьбе добра против зла.

Исключительно важно, чтобы труд с малых лет был, во-первых, максимально очеловечен, то есть одухотворился стремлением принести добро людям, обществу, народу, Отечеству; во-вторых, чтобы он стал естественным состоянием человека, привычкой.

Жизнь тысячу раз убеждала меня в том, что настоящее счастье достается тому, кто начинает свою трудовую жизнь одновременно с началом обучения в школе. Не игра в труд, а именно настоящая трудовая жизнь — с потом, усталостью, мозолями, отдыхом и радостью достигнутой цели — как раз и есть тот страж человеческой совести, без которого уютный и ласковый огонек счастья превращается в разрушительный пожар.

Вот почему уже много лет предметом большой заботы нашего педагогического коллектива является гармония труда и познания. На моих глазах сложилась судьба тысяч людей, и самыми счастливыми из них, не только в глазах общества, но и для себя, в своем личном духовном мире, являются те, кто начал трудовую жизнь в детстве.

Живет у нас в селе одна хорошая, счастливая семья. Отец, Петр Григорьевич, работает овчаром, а мать, Анна Петровна — агрономом. Трое их детей учатся — четырнадцатилетняя Анна кончила VII класс, двенадцатилетний Павел — пятиклассник, девятилетняя Ольга — второклассница. Дети прекрасно учатся и трудятся. Был такой случай: учительница поставила Анне в журнале четверку. На перемене девочка обратилась к учительнице: «Прошу вас, не ставьте мне в дневник четверку. Я выучу лучше и заработаю пятерку. У нас горе большое. Свеклу в поле занесло илом — что теперь маме делать? Разве можно теперь ей приносить четверки?»

Однажды на занятии родительской школы матери и отцы попросили: «Расскажите, Петр Григорьевич, как вы воспитываете своих детей. Как вы добиваетесь, что они боятся, как бы на вас с матерью пылинки не села...» Смущался Петр Григорьевич и ответил: «Трудимся мы вместе с ними, с детьми — вот, наверное, и все воспитание. Сами они воспитываются, потому что трудятся. Мы с женой так думаем: труд — самая заботливая и самая верная нянька. Она же самая строгая и самая требовательная».

В этих словах выражена мудрая система педагогических взглядов трудового народа. Не бойтесь детского труда, дорогие родители, не оберегайте от него своих малышей! Пусть не тревожит вас то, что ребенок отнес для поливки цветов и винограда одно маленькое ведерко воды, другое, третье, четвертое, что он вспотел и устал,— этот труд для него истинная радость, не сравнимая ни с какими другими радостями мира. В этом труде постигается не только окружающий мир. Человек постигает самого себя. А самовоспитание в детстве и начинается с узнавания самого себя, при этом узнавание это должно быть радостным: пятилетний мальчишка, вырастивший куст роз, с изумлением глядит не только на творение своих рук — дивный цветок,— но и на самого себя: «Неужели это сделал я?» Ребенок, постигая ни с чем не сравнимое счастье труда, познает себя, становится другом, единомышленником, помощником матери и отца в воспитании. Вот как надо понимать слова отца: они сами себя воспитывают. Вот в чем заключается смысл истины воспитания в труде.

Когда детям было по шесть-восемь лет, мать брала их летом с собой в поле. У ребенка росло желание делать то же, что делает мама. А сколько нового познает ребенок в эти дни! Утренняя заря и покрытый туманом луг, пробуждение птиц в лесу, серый зайчишка и хитрая лиса, встретившиеся в поле, песня жаворонка в голубом небе, далекие поля в сиянии летнего солнца, холодный родник в овраге — все это на всю жизнь остается как дорогое и незабываемое. Загоревший, уставший, полный впечатлений, приезжает вечером ребенок домой, бережно переносит с повозки в хату сумки и папки с колосьями и стеблями растений, с образцами почв и удобрений, с цветами, положенными между страницами книг. Все это не игра, а настоящий труд. Да, это и есть радости детства.

С восьми до десяти, а иногда и до одиннадцати лет в дни летних каникул ребенок отправляется на весь день с отцом на работу.

Дети Петра Григорьевича и Анны Петровны — хозяева сада и виноградника. Родители приходят на помощь детям лишь в том случае, если тем что-то непонятно. В саду есть участок, где они выращивают саженцы винограда и раздают их товарищам по школе. Сад этот так

и называется — Сад для Людей. Весь урожай яблок, груш, винограда принадлежит двум десяткам ребятишек — друзьям и одноклассникам. В вечерние часы и праздники здесь ребятишки читают книги, инсценируют сказки и, конечно, лакомятся плодами.

Несколько летних недель дети Петра Григорьевича и Анны Петровны выкармливают шелкопрядов. Так они зарабатывают себе какую-то сумму денег на одежду, обувь, на учебники и учебные пособия. А сейчас, когда они стали постарше, их заработка хватает и на экскурсионные поездки в большие города.

Бывали дети Петра Григорьевича и в Москве, и в Ленинграде, и в Киеве, но далекие и увлекательные поездки не затушевали у них бурной радости и активности, вызываемых праздником труда в поле. Труд входит в духовную жизнь ребенка вместе с познанием мира. Дорогие родители, учителя, пусть духовная жизнь ребенка в мире труда начинается в те счастливые годы, когда он впервые видит поле, встречает утреннюю зарю, впервые вслушивается в звонкую песню жаворонка.

Во многих родительских письмах, которые я получаю, — тревога: почему ребенок не уважает меня — отца, мать?

Уважение рождается из общности духовной жизни отца, матери, детей. Уважение — это не простое знание занятий родителей. Нередко бывает, что сын слишком уж хорошо отдает себе отчет в том, сколько здоровья, энергии вкладывает в него мать, но бессердечно, равнодушно относится к ней. Уважать родителей — значит выражать в чем-то самого себя, видеть себя, в чем-то, созданном своими руками — созданном для людей, для их счастья. Любовь детей к матерям и отцам — это радость затраты духовных сил во имя того, чтобы принести счастье любимому человеку.

Я знаю, что получу не одно письмо примерно вот такого содержания: «Живу я в большом городе, работаю в лаборатории (или в конструкторском бюро) — что же, для настоящего воспитания надо брать с собой детей, пусть они трудятся вместе со мной?» Да нет же, это не обязательно делать, но обязательно, чтобы ребенок ваш видел и чувствовал сердцем людей, отдавал им свои духовные силы.

Для труда не обязательно поле и пастбище. Однажды в областном городе я столкнулся с таким случаем: мать шестиклассника Алеши никак не могла придумать, чем бы загрузить мальчишку. От безделья изнывало и еще несколько ребятшек. А здесь же, в том же доме, на их глазах жил полуслепой инвалид, которому некому было книгу прочитать. Если ребенок не чувствует сердцем, что рядом с ним живет человек, нуждающийся в человеке, — какой уж тут может быть разговор об уважении к матери, отцу.

Труд становится зорким стражем и животворным источником счастья лишь тогда, когда он, труд — отношение. Отношение к человеку, выраженное через труд в детстве, в зрелые годы становится основой гражданского долга.

Только благодаря труду в детские годы познается очень важная жизненная истина: труд — дело трудное, и ни при каких условиях он не может быть легкой забавой. Важнейшая наша общая задача — и школы, и семьи, и общественности — заключается в том, чтобы дети вошли в жизнь людьми стойких коммунистических убеждений, людьми возвышенных идеалов, горячего сердца, ясного ума, умеющими жить большой гражданской жизнью.

Правда Украины, 1969, 9 июля.

ЧЕЛОВЕК — ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ

Это было в первые годы после освобождения нашего села от фашистских захватчиков. Я был классным руководителем (по-украински — в х о в а т е л е м, слово это, на мой взгляд, очень удачно передает тончайшие оттенки высокой миссии воспитателя — оберегать, охранять маленького человека) одного из самых трудных классов, где почти все дети были обездолены войной: отцы погибли на фронте, у трех мальчиков и двух девочек не было ни отца, ни матери, у одного мальчика все родственники пропали, он жил у меня, и я, проснувшись ночью, часто не мог заснуть до утра, думая о судьбе Коли.

Однажды, в теплый день ранней весны, в пору большой воды, наша Семья Несгибаемых (так называли мы свой дружный коллектив) возвращалась из леса: ходили слушать музыку весенних ручьев и смотреть, как сквозь

прошлогоднюю листву пробиваются первые стрелочки подснежников. Приближаясь к мосту, под которым клокотал водоворот разлившейся реки, мы услышали глухой звук, словно в воду упало что-то тяжелое. Потом нам почудился тихий крик, а за ним явственно все услышали стон. Ошеломленные, мы остановились на плотине. Водоворотом прибило к берегу женщину. Мы бросились к ней, вытащили из воды. Это была наша односельчанка, м а т ь Марина — тридцатилетняя женщина, судьба которой была такой же трудной, как и судьба многих моих воспитанников.

СУДЬБА МАТЕРИ МАРИНЫ

Мать Марина — так называли ее в селе, хотя у нее теперь не было детей, и, произнося слово м а т ь, все склоняли головы перед ее страданиями. Когда немцы приближались к нашему селу, Марина взяла своих троих детей — грудного младенца, трехлетнего сына и шестилетнюю дочку, посадила на телегу. Хотела увезти их за Днепр, спасти от фашистов — тогда казалось, что Днепр обязательно станет непреодолимой преградой. С трудом пробилась она со своей телегой на паром (мост был уже разбит фашистскими самолетами). Паром задержался, мать на минутку побежала на берег взять у одной доброй женщины бутылку молока... И в ту секунду, когда она взяла бутылку с молоком, заревели моторы бомбардировщика, раздался страшный грохот, и от парама ничего не осталось. Обезумевшая от горя, стояла Марина над окровавленной водой... Она погибла бы, если бы не помощь и сочувствие добрых людей. Ее приютила многодетная семья, переправившаяся ночью за Днепр. Марину увезли в Сибирь, там она работала в госпитале, а когда село освободили, сразу же возвратилась. Здесь ожидала ее новая трагическая весть: на фронте погибли муж, два брата.

В те трудные дни в селе открылась церковь, пустовавшая несколько лет. Как и многие страдающие женщины, Марина нашла утешение и забвение в молитве, стремясь постигнуть какой-то тайный, неземной смысл в проповедях старого древнего батюшки, отца Спиридона, которого женщины называли «наш батюшка». Он признавался в откровенной беседе, что плохо помнит священное писание, даже многие молитвы порастерял, но, обла-

дал удивительной душевной способностью: умел понять, почувствовать духовный мир каждого пришедшего к нему человека, знал, «какая у кого рана и что у кого болит», умел находить простые, душевные, утешающие слова. Я много раз беседовал с отцом Спиридоном, слушал его бесхитростные проповеди и видел, что он, будучи верующим, не навязывал своей веры другим, но, умело вставляя слово божье в обычные человеческие слова, излечивающие людские раны, связывая религию с добром, умел делать ее привлекательной. Противостоять влиянию такого батюшки было нелегко (да и не успел я помериться с ним в искусстве влияния на души людей, потому что вскоре он умер; и вот что интересно: на похороны 80-летнего отца Спиридона верующие женщины решили не приглашать никого из служителей церкви, обрядили и похоронили по-своему, по-домашнему). Знакомство и беседы — многочасовые, увлекательные — с отцом Спиридоном открывали мне глаза на многие недостатки не только атеистического воспитания, но и вообще на слабости и пороки воспитания человеческой души. Ведь большинство верующих не пошли бы к отцу Спиридону, а пошли бы к образованным, интеллигентным людям — к педагогам (прежде всего), умным пропагандистам, если бы мы научились тонко, тактично, душевно, бережливо, сочувственно, дружелюбно, по-доброму, без какого бы то ни было предубеждения к верующему проникнуть в духовный мир, поддержать человека, утвердить в нем мысль о подлинном бессмертии человеческого духа, человеческой души. Я понял, что именно эту цель и надо ставить в воспитательной работе с людьми — от младенца до глубокого старика, от того, кто вступил в мир и изумленно познает его, удивляется ему, до того, кто собирается оставить его и с болью и страданием смотрит на мир, размышляя по-философски о нем и о себе. В этом убедили меня беседы со многими людьми — и верующими, и атеистами, и людьми с абсолютно пустой душой (к большому своему удивлению, я убедился, что есть люди — кое-где их мало, кое-где много, и это вызывает большую тревогу, среди молодежи в отдельных местах таких немало — с пустой душой, иногда они с университетскими дипломами и, что еще страшнее, по долгу службы воспитывают других людей). Перед смертью каждый человек, независимо от того, кем он был, — верующим, атеистом или духовно

пустым вместилищем биохимических процессов,— становится философом, мысль о смерти и бессмертий, если она до этого по-настоящему никогда не приходила в голову, озаряет, как молния, его сознание; многие в эти мгновения по-настоящему, по-человечески осознают, что они могли сделать в жизни и не сделали, что делали не так, как надо было делать.

Все эти рассуждения представляются мне исключительно важными в системе нравственного воспитания молодежи — утверждения в юных сердцах мысли о том, что Человек — высшая ценность, что человеческий дух бессмертен, что в величии, полноте, моральном богатстве жизни заключается цель, к которой настоящий человек стремится всю жизнь.

Простите мне, уважаемый читатель, за пространное отступление, но без него многое было бы непонятно в истории, на которой я хочу остановиться особо, — о судьбе матери Марины. У меня были разные выходанцы — и девятилетние, и двенадцатилетние. Война смешала в одном классе ребят разных возрастов, многие из них не учились, а теперь надо было наверстывать упущенное. Были среди моих выходанцев ребята сильные. Нам нетрудно было довести ослабевшую женщину домой. Мы уложили ее в кровать, напоили чаем, дали лекарство. Мальчики и девочки убрали в комнате, поставили на стол стаканчик с лесными подснежниками. Потом я отправил всех домой, у постели остались мы с Колей. Марина хорошо знала меня, мы вместе с ней учились в школе, были почти ровесниками, даже, как я потом узнал, в каком-то поколении наши предки были близкими родственниками. Я не намеревался ни о чем расспрашивать ее, тем более напоминать о происшедшем. Но то ли потому, что именно в эти мгновения ей надо было излить душу, то ли как раз потому, что я ни о чем не спрашивал, а рассказывал о своих выходанцах, о радостях и неудачах, Марина в ту ночь рассказала нам с Колей о своей жизни и счастье, горе и страданиях. Я хотел отправить Колю домой, но Марина испуганно приподнялась на кровати, попросила Колю сесть рядом и так рассказывала до утра. Потом я убедился, что как раз благодаря тому, что Коля стал как бы участником всех событий, о которых рассказывала мать Марина, в его судьбе произошла перемена.

Итак, она рассказывала нам о своей жизни... Времени, когда повествование становилось особенно напряженным, когда раскрывались самые сокровенные уголки человеческих чувств, я с опаской поглядывал на восьмилетнего Колю: поймет ли он правильно, увидит ли и почувствует чистое, святое, поистине человеческое через наложения страшного, грязного, жестокого? Но Коля понимал все так, как хотелось мне. Я с радостью убеждался, что истина, какой бы суровой и страшной она ни была, никогда не омрачит, не развратит детскую душу, если воспринимается маленьким человеком как чистая правда — так говорят в народе о горьких, но справедливых, истинных вещах.

Трудно повторить здесь все повествование матери Марины. Я попытаюсь изложить его вкратце.

На востоке, где свыше двух лет Марина работала во время войны, она жила мыслями о возвращении в родное село. У нее еще была в глубине души надежда: а может, кто-то из детей остался жив? Она искала забвения в труде. Какое-то утешение приносили письма мужа. Она написала ему обо всем. Муж писал: крепись. За несколько месяцев до возвращения писем от мужа не стало.

— Приехав домой, я металась от горя, и самым страшным было для меня одиночество. У каждого свое горе, к кому пойдешь, кому оно понятнее и ближе собственного? До приезда я носила в сердце надежду: приеду домой, вернется муж, будут еще дети — может быть, отступит хоть немного мое горе. Муж погиб. Своей надежды я не оставляла... хотелось родить ребенка... Но меня возмущало, что многие мужчины видели во мне не человека, а только красивую женщину. Однажды пригласила я ночевать приезжего агитатора. Как горячо он говорил о счастливой жизни после восстановления разрушенных городов и сел. Вот поработаем, говорит, лет десять — и придет райская жизнь... Вечером собрала моему постояльцу поужинать, сидим, сумерничаем, и стала я рассказывать ему о своем горе. А он: «Да хватит об этом... Никого этим не удивишь: фашисты принесли невероятные страдания советскому народу. Столько-то тысяч сел и городов разрушили... на столько-то миллиардов рублей вреда причинили...» Говорит красиво, а глаза стали похотливыми, обниматься лезет... Выгнала я его из хаты. С той поры умерла во мне надежда на ребенка. Настоящим челове-

ком оказался отец Спиридон. Никогда не была верующей, но когда однажды он рассказал о жизни и смерти, о человеке и его страданиях — поверь, я пожалела, что детство и юность мои прошли без религии. В церкви я чувствовала: каждое слово этого доброго человека проникает в мое сердце. Он не говорил ни о царстве небесном, ни о страстях господних — наверное, и сам в это не верил, — ни о наказаниях в аду. Но умел подсказать то слово, которое словно бы ты десять лет ищешь и найти не можешь, а он тебе подсказал, и ты приходишь домой, ночь не спишь, все думаешь: как жить? как быть человеком? Но самое главное — не проповеди церковные, а беседы с батюшкой с глазу на глаз. С вечера до первых петухов, а иногда и до рассвета горел огонек в его окне. Станет тяжело на сердце — идешь к нему, откроешь рану, прикоснется человек к ране и успокоит словом...

Здесь я сделаю небольшое отступление. 70-летний колхозник, красный солдат гражданской войны, придя однажды ко мне в школу, пожаловался: грозой сожгло хату. Надо достать несколько жердей для крыши. Пошел в райисполком к начальнику. Чем-то занят был тот, сказали, доклад какой-то готовит, не будет принимать сегодня, приходите в среду, в приемный день. Пошел я в среду, но начальника в этот день вызвали на совещание. «Приходите в понедельник, — сказала добрая старушка, сторожиха райисполкома, — я за вас попрошу, чтобы принял». Пришел в понедельник, принял меня начальник, но даже сесть не пригласил, куда-то спешил, быстренько ответил мне: «Нет у меня никаких строительных материалов, обратитесь к председателю колхоза...» Был у меня, говорит, лесоматериал, но это — вдовам, женщинам, мужья которых погибли на фронте, а ты живой остался.

Удивительные дела бывают иногда у нас. «Занят делом, не могу сейчас принять...» — Как дико звучит это в обществе, начертавшем на своем знамени: человек — высшая ценность. Нет дела важнее, чем живой человек. Если он принес к вам свою душу, вы должны встретить его стоя и выслушать его тоже стоя, потому что перед вами — Человек. Горько и обидно делать эти сравнения и сопоставления, но от правды пикуда не уйдешь: дальновидный священник никогда не забывает, что поле его деятельности — душа человеческая; недальновидный же

чиновник, поставленный чем-то заведовать, думает, что сфера его службы — стол, кабинет, дверь и табличка на двери: прием в такие-то дни от... и до...

...Мы с Колей слушаем повесть о жизни Марины.

— Но мне же и тридцати еще не было. К каждому слову, с которым к нам обращались и председатель колхоза, и люди, приехавшие из района, мы, женщины, чутко прислушивались. Нам хотелось услышать слово, обращенное к самым сокровенным уголкам наших сердец. Чтобы представник (так по-украински крестьяне называли в те годы всякого человека, приехавшего в село представителем вышестоящих организаций) обращался к нам не как к каким-то неизвестным женщинам, а к Марине, у которой трое детей нашли свою могилу в Днепре, к Оксане, у которой муж пришел с фронта без руки и без ноги, к Катерине, у которой двух дочерей немцы угнали на каторгу, и ни слуху, ни духу о них... Ходили мы, женщины, и в клуб на лекцию, но что мы там слышали? Надо работать, надо выполнять...

Давно не давала мне покоя мысль: другие матери, у которых дети умерли, знают их могилки, а где могилка моих дорогих крошек? И вот пришло в голову: пойду на берег Днепра, наберу земли в том месте, где погибли дети, принесу на наше сельское кладбище, насыплю могилку... — так и сделала. Пошла к председателю, попросила дерева на три крестика, а он, узнав, о чем прошу, не только ничего не дал, но и рассмеялся: какая блажь пришла в голову...

Умер отец Спиридон, и для Марины настали трудные дни. Некому открыть сердце, не к кому пойти со своим горем. Кто-то пустил по селу злобный слух, что Марина завела шашни с представителем из района (это с тем, которого выгнала из хаты).

— Жизнь моя стала невыносимой. Я решила уйти... Вы спасли меня — значит так угодно судьбе.

Я вернулся домой поздно ночью, а Коля навсегда остался у Марины. Он стал ее сыном. Счастлив был мальчик, но никакими словами нельзя описать счастье Марины. Она вкладывала в ребенка всю силу материнских чувств и стремлений. Мало сказать: она воспитывала человека. Она творила, создавала его, лелеяла в нем каждую хорошую черточку и страдала, обнаруживая плохое.

Теперь Мариша несла свое открытое сердце не к священнику, а ко мне. Многолетняя дружба с этой духовно богатой, благородной женщиной, как и дружба со многими другими матерями, открывала мне глаза на многие тайны и тонкости воспитания прежде всего детей, но также и воспитания взрослых. Я понял многое, и среди первых открывшихся мне истин была одна: подлинное воспитание — это творение счастья другого человека. Мой долг и моя ответственность воспитателя — долг и ответственность творца счастья. В нашем обществе счастье человеческой личности — а в этом подлинный смысл жизни, подлинная радость бытия — зависит от воспитания и самовоспитания, точнее, от того, как видит человек человека, как он относится к нему: как к величайшей ценности или же как к источнику собственного благополучия и только. Стремление к счастью — извечное человеческое стремление. Как важно для нас, воспитателей — а воспитатели это не только педагоги, но и все, кто, соприкасаясь в повседневной работе с людьми, прикасается к святой святых человеческой личности, тому уголку сердца, где живет стремление к счастью, — как важно для нас умение беречь, хранить, лелеять, развивать, укреплять это стремление. Как важно для нас, воспитателей, — эту истину я тоже постиг в дружбе с матерью Мариной и другими матерями — умение видеть человека. Всякий раз, когда я вижу радостные, ликующие или грустные, страдающие человеческие глаза, мне вспоминаются слова Генриха Гейне: «Каждый человек — это мир, который с ним рождается и с ним умирает. Под каждой могильной плитой лежит всемирная история»²². Становление человеческого — неповторимого и несопоставимого — мира в наших руках, в руках тех, кто народом и обществом уполномочен творить человеческое счастье, то есть воспитывать по-настоящему.

Антипод счастья — страдание. Человек несет свои страдания к другому человеку в надежде облегчить боль души. За три с половиной десятилетия работы в школе мне приходилось соприкасаться с сотнями человеческих судеб — и взрослых и детей. Я убедился, что человеческие страдания — горе, печаль, обида, смятение, одиночество, если они остаются непрочитанными воспитателем

и неразделенными им же (а это значит, что непрочитанным, незамеченным, неувиденным остается и человек в целом), — делают невозможным воспитание — указание такого личного пути к счастью, когда, достигнув и вкусив счастья для себя, человек прокладывает путь к счастью другим, создает всеобщее счастье. Страдания, несчастье не только толкают человека в объятия религии. Несчастливому человеку, особенно если он стал несчастливым в детстве, недоступны многие духовные ценности, он не знает жизни, не знает сам себя и своих творческих сил, не чувствует уважения к себе, не видит в себе и в других людях величайшей человеческой ценности.

В противоположность эксплуататорскому строю, где человек, «потерявший самого себя, ставший чуждым себе, отданный во власть бесчеловечных отношений и стихий»,* может быть личностью, лишь обладая богатством, без которого он ничто, социалистическое общество знаменует освобождение человека от власти стихийных общественных сил, от гнева капитала. Социализм утвердил человека как величайшую ценность среди всех ценностей мира. В единственно справедливом обществе — социалистическом — не человек существует для производства, а производство для человека. Покончив с отчужденностью человека, создав все возможности для всестороннего развития, социализм вместе с тем создал объективные возможности для полной гармонии человеческой личности и общества. Но, создавая все для счастья, для блага человека, справедливое общество не дает счастья в готовом виде. В самом справедливом обществе личная жизнь человека может стать счастливой и несчастливой — все зависит от того, насколько полно выражается принцип нашего общества: человек — высшая ценность. Творение счастья личностью для личности в огромной мере зависит от того, как понимает человек подлинную свободу строителя коммунизма, а подлинная свобода — в гармонии личного счастья и чувства строгой личной ответственности за счастье других, за судьбы общества.

Справедливость и подлинный гуманизм нашего социалистического строя, то, что он создает все объективные условия для человеческого счастья, не только не уменьшает, но еще усиливает роль самого человека в творении

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 397.

собственного счастья и счастья других людей. Из-за своей невоспитанности, из-за неумения дорожить человеком как высшей ценностью в нашем самом справедливом обществе один человек причиняет другому страдания. При этом горе настолько ослепляет, что во многих случаях человек не осмысливает того, что его страдания — не от злой судьбы, а от конкретных поступков другого человека. Несколько лет назад в одном из сел нашего района произошла беда. Молодая женщина рожала в больнице первенца, а муж в это время ушел к другой женщине. Горе потрясло молодую мать. Никто не поддержал ее, и только в религии она нашла утешение. Через несколько лет глубоко верующая женщина вновь вышла замуж. Но и с другим не сложилась жизнь: муж оказался пьяницей. И наступила страшная развязка: самоубийство. Спихнулись все, кто мог бы предотвратить несчастье. Оказалось, что за семь лет никто ни разу не поговорил, не разделил ее горя, не посочувствовал. Женщина, хорошая труженица, работала в колхозе на животноводческой ферме. Кто-то упрекнул заведующего фермой: как же это так, отличная производственница, на доске Почета портрет, а в церкви частая посетительница, и в хате полно икон. Заведующий решил провести «воспитательную работу». Он сказал: «Если не снимешь иконы — снимем твой портрет с доски Почета». Что и было сделано. Женщина оставила работу на ферме, перешла в звено свекловодов, стала трудиться кое-как, а потом — трагический финал...

СУДЬБА ДЕТЕЙ В ТВОИХ РУКАХ, ВОСПИТАТЕЛЬ

Страдания, горе, несчастье, обиды родителей, особенно матерей, дети приносят в школу. Беседы с матерями, которые каждый день приходят ко мне со своими обидами и бедами, научили меня читать тайны детских душ. Войдешь в класс, поздороваяешься с детьми, посмотришь в глаза и сразу видишь: у Володи сегодня что-то стряслось, с ним надо быть ой каким осторожным. Его сегодня нельзя не только спрашивать, но и вообще не надо требовать от него усердного труда: как сделает, так и хорошо. Сережа сидит ошетилившийся, недоверчивый; единственное неосторожное слово — и он вспыхнет, взорвется, может на несколько дней потерять душевное равновесие. А у Любы дома какая-то радость: сняют глаза,

девочка хочет чем-то поделиться с подружкой. Оля угнетена: в семье, по-видимому, продолжается начавшаяся неделю назад война молчанием, о которой девочка по секрету рассказала мне: «Папа и мама не разговаривают друг с другом, а со мной ласково-ласково говорят только тогда, когда я остаюсь с кем-нибудь из них».

Только какая-то частичка моего мозга занята мыслями о материале, который изучается на уроке. А весь я поглощен мыслью о детях, их чувствах, об их родителях, о самом главном и самом трудном — человеческом счастье. Судьба этих малышей в твоих руках, воспитатель; ты творец их счастья.

Хочется посоветовать воспитателям: помните, что сидящие перед вами дети — не только вместилища знаний. Урок — не только переключивание знаний из головы учителя в головы детей. Это прежде всего отношение ребенка к знаниям, но также и отношение ребенка к вам, воспитатели. На уроке, по моему твердому убеждению, должно наиболее полно и ярко раскрываться отношение человека к человеку как к высшей ценности. Если этого нет — рождается нежелание учиться; его корни чаще всего в той обстановке, какая складывается дома, а иногда и здесь, в стенах самого гуманного, самого человеческого учреждения рождаются детские страдания. Я всегда стремлюсь, чтобы детское страдание, принесенное из семьи, не осталось незамеченным. Умные, чуткие матери часто сами приходят ко мне и говорят: у моего Вани в душе смятение, будьте с ним осторожны. Когда Марина усыновила Колю, она часто напоминала мне: «Как только у меня какая тревога, беспокойство, неудача на работе — глаза у Коли становятся печальными: одно резкое, равнодушное слово — и полились слезы. Прошу вас, смотрите ему в глаза и... никогда не будьте равнодушны».

С каждым годом я все больше убеждался в том, что творение счастья является и целью воспитания и в то же время счастье — это душевное состояние, о котором можно говорить как о способности быть воспитуемым, поддаваться воспитательному влиянию педагога. Без этого душевного состояния просто невозможно воспитание. Здесь надо сделать оговорку и уточнить: счастье — это не беззаботность. Счастье — это гармония

чувства собственного достоинства, радости и полноты творческой жизни, с одной стороны, и долга — сознания и чувства долга перед другими людьми, перед коллективом, перед обществом — с другой. Отношение к человеку как к высшей ценности предполагает утверждение в нем чувства ответственности за каждый свой поступок, за свое поведение. Счастье — не бездумное потребление ласки, доброты, сердечности. Счастье лишь тогда нравственно, когда человек, образно говоря, греясь у костра и подкладывая поленья, сушит топливо для того, чтобы разжечь костер завтра. Если нет этого душевного состояния, не может быть способности поддаваться таким сильным, могучим средствам влияния на человеческую душу, как слово, одухотворение примером и красота. Тридцать пять лет я работаю в школе и тридцать пять лет моим вечным исканием является забота о том, чтобы эти три инструмента воспитания были могучими и всесильными, и я убедился: если нет душевного состояния счастья и у родителей, и у ребенка, то эти инструменты становятся бессильны.

Повседневно беседуя с родителями, проводя специальные занятия родительской школы, я стремился проникнуть в духовный мир каждого отца, каждой матери, увидеть истоки детских страданий, детского смятения, озлобления, равнодушия. Передо мной открылось многоликое человеческое горе. В одних семьях оно было явственно, его видели и понимали. Помочь в таких случаях было значительно легче, чем там, где люди чувствовали себя счастливыми и безмятежными, а между тем своим поведением, своим отношением к другим людям человек кричал, призывая на помощь. Надо было услышать этот крик.

ВЕЛИКИЙ СМЫСЛ ЖИЗНИ

Большое горе было в семье одной из лучших моих воспитанниц Нины. Отец вернулся с фронта тяжелобольным. Зная, что муж безнадежен, мать гнала эту мысль даже от себя. Но чуткое детское сердце угадывало, что падвигается неотвратимое. Девочка всегда была молчалива, задумчива; нельзя было спрашивать, как чувствует себя отец, каково настроение у матери: спросишь — расстроится, заплачет. Не один час беседовали мы с матерью Нины, искали и думали: как помочь этому чуткому,

нежному сердцу, чтобы горе, которое вот-вот свалится, не сломило человека? Как творить счастье этого ребенка, если он знает, что скоро умрет самый дорогой для него человек? Таких случаев в моей практике было немало, и хотя каждое человеческое горе уникально, я всегда стремился к тому, чтобы понимание жизни и смерти, чувствование и переживание ни с чем не сравнимой потери возвышало маленького человека, умудряло его, вносило в его мысли и сердце гражданскую зрелость, воспитывало великое умение дорожить людьми, относиться к ним как к величайшей ценности. Как воспитатель, обязанный оберегать, хранить детскую душу, я стремился к тому, чтобы, познавая все радости коллективной жизни, ребенок в то же время знал и о человеческом горе. До последней минуты жизни отца я поддерживал в душе девочки надежду на то, что он будет жить, но когда произошло неотвратимое, моя воспитательная миссия заключалась уже в том, чтобы ребенок задумался, что такое жизнь, какая величайшая ценность дается человеку и как ее надо беречь...

Меня волновало всегда: как помочь ребенку постичь смысл жизни и значение смерти, какой стороной должно открыться перед ним это ни с чем не сравнимое горе, как, потрясая чистое сердце, оно заставляет по-новому осмысливать ценности, которые без этого испытания любви и человеческой преданности не могут быть познаны до конца? Благородное человеческое страдание — потерю близких, родных, — суждено пережить чуть ли не каждому ребенку. Я считаю исключительно важным, чтобы это событие стало для маленького человека как бы первым испытанием, открывающим перед ним смысл жизни и величие человеческих ценностей. Очень важно, чтобы благородное страдание потрясло детскую душу, сделало чуткое детское сердце тонким, восприимчивым, настроило его на переживание радостей и горестей близких и «далеких» людей, открыло перед ребенком высший критерий измерения человеческого счастья.

По моему твердому убеждению, это целая область воспитательной работы, которую я назвал бы закладкой нравственного фундамента под здание личного счастья и благополучия человека. Внутренний мир ребенка может стать глухим к человеческим радостям и горестям, если нет дорогого, близкого, родного человека, в которого

ребенок вкладывает все силы своей души, которому он отдает свое сердце и потеря которого, ни с чем не сравнимая и не сопоставимая, переживается как первое и глубочайшее горе. Короче говоря, я стремился к тому, чтобы бабушка, дедушка (а сейчас у многих детей есть прадеды и прабабки, которых дети называют также — дидусь и бабуся) стали для ребенка такими же дорогими, родными, как мать и отец. Дети мои были бы невоспитуемыми, то есть неспособными поддаваться влиянию наставника, если бы они не любили своих дедушек и бабушек горячо и преданно, если бы болезни, педомогания дедушек и бабушек не пробуждали в их душах горя, страданий, отчаяния. Почти у всех моих выхованцев, к счастью, были дедушки и бабушки, и по отношению к ним я судил о прочности нравственного фундамента личного счастья.

Любовь, привязанность, чистосердечная и безграничная человеческая верность детей дедушке и бабушке во многих случаях были для меня могучим средством нравственного совершенствования родителей, средством преодоления их черствости и равнодушия. Никогда не забуду трогательной истории Зины и Зои. Большие воспитательные усилия я прилагал к тому, чтобы девочки-близнецы горячо и преданно любили дедушку и бабушку. Сестры посадили Сад Бабушки и Дедушки, по их просьбе в этом саду мать поставила два улья — все это для дорогих людей. Но вот мать заболела (отец девочек погиб на фронте), материальное положение семьи, хотя и не стало безвыходным, но несколько пошатнулось. У матери появилось намерение отправить отца и мать мужа в дом престарелых. Узнав об том, Зина и Зоя глубоко страдали, но ничего не могли сделать: такова была воля матери. Пришли путевки, и оказалось, что стариков направляют в разные дома. Девочки пришли в тот день в школу заплаканные и сразу же рассказали о своей беде. А дома сказали матери, что если бабушку и дедушку отправят, они тоже пойдут с ними, не останутся с матерью... «Разве можно оставить бабушку и дедушку одних? Ведь они же бабушка и дедушка», — заливаясь слезами, говорила Зина. Словами бабушка и дедушка было сказано все. Вместе с девочками мы пошли к матери. Ее тоже потрясло бессердечие людей, разлучающих стариков, и она твердо решила никуда их не отправлять. На бабушку, уже больше

месяца лежавшую, эта радостная весть произвела столь сильное впечатление, что она поднялась с постели.

У Мити, десятилетнего сорванца, шалуна и выдумщика различных «хитростей», причинявших много забот нам, учителям, была 90-летняя бабушка. Однажды она сказала дочери: чует мое сердце, приближается последний час, постели мне постель в боковушке, оставьте меня одну. Дочь заплакала, но волю матери исполнила. Митя почувствовал сердцем приближение неотвратимого. «Бабушка, дорогая, не умирайте,— просил он, и, плача, припадая к груди бабушки, смотрел на нее своими ясными, добрыми глазами.— Вы живите, живите, бабушка: ведь я же люблю вас, люблю больше речки и солнца, больше леса и зеленых лугов... Ну, скажите же хоть слово, бабушка, дорогая...»

И бабушка, уже морально настроившаяся на смерть, заплакала...

«Да, я заплакала,— рассказывала мне потом бабуся Мити.— Что-то перевернулось в моей душе, и я вдруг почувствовала частое, сильное биение сердца. Я уже отреклась было от всего, одной ногой была уже там... А тут вдруг стало жалко, так жалко эту живую крошечку. Как же ее оставишь? В моей душе, уже безразличной ко всему, пробудилось страдание. Наверное, это страдание и подняло меня с постели».

Была теплая осень, вместе с бабушкой Митя шел на луг, усаживал ее под вербой на маленьком стульчике, бабушка грелась на солнышке, а мальчик лазил по деревьям, придумывал с друзьями новые «хитрости». Когда лучи вечернего солнца уже не грели, Митя отводил бабушку домой.

Бабушка Мити прожила еще четыре года. Мальчик редко приходил на пионерские сборы, проводившиеся у нас вечером, мало принимал участия во внеклассной работе, всегда он говорил мне: я с б а б у ш к о й. Всякий раз, услышав эти слова, я чувствовал, как бьется мое сердце. Я радовался тому, что в мире есть могучая воспитательная сила — духовная потребность в человеке, потребность о ком-то заботиться. Я несколько не преувеличиваю, делая вывод, что такие качества, как чуткость к людям, внутренняя нравственная дисциплина, благородство души воспитали в Мите любовь к бабушке, то, что в детстве и отрочестве у него был любимый человек.

Когда пришел смертный час Митиной бабушки, внук был в школе. Она послала в школу дочь, попросила, чтобы пришли мы с Митей.

Мы стояли у ее изголовья: Митя, его мама, я. Взяв бабушкину руку, Митя зарыдал. Бабушка улыбнулась и тихо сказала:

«Прощай, Митя. Ты дал мне четыре года жизни. Спасибо тебе. Помни, что самое дорогое в мире — человек. Человек могуч. Он могущественнее бога. Бог не мог дать мне четырех лет жизни, а вот ты, мальчишка, дал. Люби мать, береги ее здоровье, храни ее красоту. У тебя будет жена, будут дети. Помни, Митя: великая это мудрость — уметь оставить себя в человеке... Уметь вложить в человека свой ум, свою любовь, свое сердце, свою верность. Бессмертен тот, кто оставил себя в другом человеке. Вот ты до смерти не забудешь меня и внукам своим обо мне расскажешь — значит, я стану бессмертной... Не боюсь я теперь смерти...»

Обращаясь ко мне, она сказала:

«Больше всего опасайтесь, чтобы не было в душе ваших питомцев беззаботной и бездумной радости. Радость должна быть мудрой. Наставляйте и умудряйте своих питомцев так, как Митю. Это будет хорошо, ой как хорошо. Митина душа — это моя великая радость. Творите такие души...»

Это были ее последние слова. Мы сложили на груди бабушкины руки, закрыли ее глаза, постояли минутку над телом. В те мгновения меня поразила, потрясла мысль: да ведь это же так и должно быть, чтобы столетний мудрец, уходя из жизни, передавал свои сокровенные желания, свои мысли, свое напутствие внуку и правнуку. Ведь в слове умудренного жизненным опытом человека заложены великие нравственные ценности.

ДУХОВНОЕ ОБЩЕНИЕ

У Толи не было ни дедушки, ни бабушки. Много духовных сил пришлось мне отдать, чтобы в сердце мальчишки, считавшегося очень трудным, потому что очень трудным человеком была его мать, — чтобы в сердце этого мальчишки вошел другой, близкий, единственный в мире человек. Без этого воспитывать невозможно. Бесконечно сложна жизнь, и здесь был тот редкий случай, когда

падо было оберегать девятилетнего ребенка от нежелательного влияния матери. Дорогим, близким, единственным человеком для Толи стала безродная (так говорят у нас о пожилom человеке, не имеющем родственников) женщина, жившая неподалеку.

Я знал тяжелую жизнь этого замечательного человека. Тетя Оксана была участницей Великой Отечественной войны, потеряла на фронте здоровье, жила одна и страдала от одиночества. Огромной ее душевной потребностью была потребность в человеке. Ей хотелось быть кому-то нужной, хотелось, чтобы кто-то прагнул к ней (украинское это слово трудно перевести, оно означает что-то среднее между жаждать чего-то и стремиться к чему-то).

Я познакомил тетю Оксану с Толей. На прaгнeннa к человеку (именно так мне говорила женщина о своем душевном состоянии) Толя ответил своим трепетным, чистосердечным прaгнeннaм. Широко открытыми глазами смотрел он на тетю Оксану, когда она рассказывала о боях, о радости побед и горечи поражений, о подлинной дружбе и тяжелых утратах. Перед мальчиком открылись новые истины; слова о дружбе, товариществе, преданности идее он слышал и ранее, но не мог постичь их смысла; теперь они открылись как живое, трепетное биение человеческого сердца, потому что эти истины, эти слова жили в человеке.

Слушая рассказы тети Оксаны, всматриваясь в радостно-изумленные глаза Толи, я постиг одну из очень важных закономерностей воспитания: истина остается мертвой, и идея остается мертвой для ребенка, для подростка, юноши и девушки, если не одухотворена человеческой личностью, если не познается как глубокие убеждения того, кто не просто сообщает, но отстаивает идею. Как о радости победителя, покорившего горную вершину, может убедительно сказать только тот, кто сам покорил ее, так и свою верность коммунистическому идеалу, горячую ненависть к врагу может передать другому человеку лишь тот, в чьем сердце живут эти убеждения.

Чем объясняется вера питомца в своего воспитателя? В чем корень привязанности человека к человеку? Как пробудить это тонкое, нежное и в то же время могучее чувство — чувство прaгнeннa к человеку? Я думал над этими труднейшими вопросами воспитания, вслуши-

ваясь в слова тети Оксаны, в дрожащий, тихий, совершенно неузнаваемый голос Толи, когда он задавал вопросы. Мне становилось ясно, что с духовного общения, в котором человек отдает свои богатства, свою внутреннюю красоту другому человеку, как раз и начинается творение человека человеком. В том, что частица его души отдается кому-то, принадлежит кому-то, человек видит огромное счастье. Дать это счастье каждому, не оставить никого одиноким среди людей — вот важная задача воспитания. Детство познает мир, удивляясь и изумляясь, отрочество — возмущаясь и сомневаясь, юность — утверждаясь и одухотворяясь. Я с радостью видел, как дружба с тетей Оксаной давала Толе светлые чувства изумления и удивления.

Входя разумом и сердцем в судьбы многих своих питомцев, их отцов и матерей, дедушек и бабушек, я с каждым годом все больше убеждался, что нравственная способность человека относиться к себе как к величайшей ценности, чувство собственной чести и достоинства, стремление к идеалу — все это зависит от того, какую человеческую красоту открыл в другом человеке маленький гражданин в детстве, чему он удивлялся и изумлялся. От этого в огромной мере зависит и то, как человек нравственно подготовлен к возмущениям и сомнениям отрочества, к утверждению и одухотворению юности.

Человек имеет право на желание, это одна из его неискоренимых потребностей и радостей жизни. Разумные желания, нравственно оправданные желания сами по себе являются духовной ценностью человека. Я всегда стремился, чтобы с детского возраста в душе человеческой утверждалось первое среди благородных желаний — желание чувствовать свое достоинство, желание быть лучше, совершеннее. Вот это желание и рождается там, где маленький человек, познавая человеческую красоту, открывая подлинно человеческое, с радостью отдает свои душевные силы другому человеку. Чем больше он отдал духовных сил, тем дороже становится для него тот, в кого вложены эти силы. Толя не только помогал тете Оксане по хозяйству. Он предложил ей: вы рассказывайте, а я буду записывать. Так записал он много страниц воспоминаний.

Когда Толя учился в девятом классе, женщина заболела. Ее положили в больницу. Вечером, когда мы с То-

лей рылись в моей библиотеке, пришли из больницы: «Идите, тетя Оксана умирает, хочет вас обоих видеть».

«Сын,— сказала тетя Оксана, обращаясь к Толе,— живи для людей, и ты будешь счастливым. Умей любить людей. Умей дорожить человеческим счастьем. Помни: где бы ты ни был, что бы ты ни делал, рядом с тобой люди. Со своими желаниями и потребностями. Со своими радостями и сердечными ранами...»

ВОЗВЫШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

«Человеческая душа — это чаша для горя,— писал Александр Довженко.— Когда чаша полна, сколько ни лей, уже больше не вместится»²³. А у ребенка чаша невелика. Как мало надо, чтобы причинить горе ребенку, сделать его несчастным. До сих пор я рассказывал о благородном человеческом страдании, возвышающем человека. Не оберегать, а вводить ребенка в благородный мир страдания, имеющего своим истоком утрату человека,— вот первая страница книги, имя которой — человеческая мудрость воспитания. Но в жизни есть и горе иного рода: человек унижает достоинство другого человека и свое собственное, человек относится к другому человеку жестоко, бессердечно.

Передо мной до конца дней моих будут стоять страдающие, умоляющие глаза Миши. Отец был беспробудный пьяница, горе никогда не оставляло дом. У маленькой синеглазой, с белыми косами Олеси — другое горе, и если бы я не пришел к ней на помощь, этот ребенок с чуткой, ранимой душой погиб бы или ожесточился и озлобился, стал на всю жизнь бессердечным: когда чаша горя переполнена, человек, бывает, сам страдая, приносит страдания другим, получая от этого своеобразное удовлетворение. Прибежав ко мне как-то утром, Олеся рассказывала: «Папа сказал маме: мы разведемся. Что значит — разведемся? Скажите, пожалуйста, что это значит?»

Я видел свою миссию в том, чтобы осушить слезы, если ребенок плачет, или же вызвать облегчающие слезы, если горе настолько велико, что выжгло слезы; моя миссия в том, чтобы уберечь ребенка от страданий. Древний индийский мудрец утверждал: тот, кто осушил слезы на лице ребенка и вызвал улыбку на его устах, достойнее зодчего, построившего самый величественный храм. Да,

наша миссия — сооружать здание человеческого счастья. Это и есть воспитание, это и есть творение души. Не создавать вокруг ребенка обстановку стерильности, не закрывать глаза на зло, а утверждать в его душе силы, способные противостоять злу. Не убаюкивать его, а открывать глаза на мир, формировать душу борца, умеющего активно ненавидеть зло; воспитывать юное сердце так, чтобы человек с малых лет был невосприимчив ко злу. Чтобы, дорожа собственной честью и достоинством, он был непримирим и нетерпим к людям, унижающим себя и других, людям злым, бессердечным, равнодушным. Горе преодолевается не только лаской, но и гневом, умением ненавидеть зло и бороться против него. Счастье не может быть спокойным и благодушным, евангельски-непротивленческим. Чем больше горе, страдание, с которыми идет ко мне человек, тем большую я чувствую ответственность — ответственность своего разума и сердца за то, чтобы пришедший ко мне человек не согнулся, не сломался, а выпрямился, чтобы он всегда чувствовал свое величие, чтобы, по словам М. Пришвина, маленькому вдохнуть душу большого²⁴, — в этом, по-моему, вся мудрость и этика коммунистического воспитания. Я ни на минуту не забывал, что согнувшийся от горя человек — тем более человек маленький — может пойти к богу, понести ему свои раны...

И индивидуальные беседы с детьми, открывавшими мне свое сердце, и беседы со всем коллективом никогда не были утешительством — я очень боялся того успокоения сладенькими словами, за которыми пробудившаяся душа вопиет: но что же все-таки делать? Как жить? Я стремлюсь прежде всего к тому, чтобы мои питомцы были духовно мужественными людьми. Возвышение Человека — вот цель и путь. Всякий раз, когда я иду к самому тонкому и самому нежному, самому слабому и самому могучему, что есть в мире, — к человеческому сердцу с открытой раной, я вдумываюсь в мудрые слова борца за человеческое счастье Александра Довженко: «История народов учит нас: то государство величественно, в котором величествен малый человек»²⁵. Какие бы грани человеческой воли и разума, сердца и мудрости ни открывались в вашей личности перед ребенком: одобрение, похвала, восхищение, гнев, негодование, порицание (да, на эти чувства воспитатель тоже имеет право, он — не бес-

плотный ангел), — любая из этих граней должна открываться на фоне главного — уважения человеческого достоинства, возвышения Человека.

Важнейший же инструмент — слово. В нем — и одухотворение примером, в нем и красота. Это могучий, все-сильный и тонкий инструмент, который в умелых руках способен сделать все. «Языком можно и осквернить, можно и освятить», — писал Л. Толстой. Слово может возвысить, может и унижить, поднять и согнуть. Большой психолог французский писатель Жорж Сименон пишет: «Самое страшное преступление против человека — это убедить человека в его ничтожестве по сравнению с другими людьми. Отняв у человека чувство собственного достоинства, самоуважения, можно довести его до отчаяния, до крайности, толкнуть на самоубийство и даже на преступление». Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что неумелое, примитивное слово воспитателя во многих случаях рождает новые детские страдания. На этом я еще остановлюсь ниже. В практической работе нашей школы красной нитью проходит идея: слово учителя, прежде всего слово, обращенное к уму, сердцу, душе воспитанника, и обстоятельства, создаваемые в коллективе, в общем труде, во взаимоотношениях детей со взрослыми, — все это убеждает человека в том, что он — творец, властелин труда, и от него самого, от его воли, настойчивости, трудолюбия, зависит возможность выразить себя, раскрыть свои задатки, силы, способности, талант.

БЕСЕДЫ ПО ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЮ

За тридцать пять лет работы в школе у меня сложилась система бесед по человековедению — так я называю рассказы о Человеке. Цель этих бесед и состоит прежде всего в том, чтобы возвышать человека, чтобы он познавал самого себя, утверждался в самоуважении и в то же время переживал чувство ответственности за все, что он делает сейчас и что предстоит ему делать и сделать в будущем. Рассказ о человеке воспитывает лишь в том случае, если пробуждает раздумья — ребенок, подросток думает о своей судьбе, постепенно приходя к большим мировоззренческим вопросам: для чего я живу на свете? Что я оставляю после себя? В чем смысл жизни?

Беседы по человековедению должны, образно говоря, открывать в каждом сердце родник человеческой гордости. На заре своего педагогического труда и позже я переживал иногда мучительные неудачи: рассказываю подросткам о жизни, борьбе, героической смерти выдающегося человека — полководца, революционера, ученого, — вижу интерес к тому, о чем я рассказываю, но не вижу взгляда внутрь самого себя, не вижу раздумий о себе. В чем дело? По-видимому, мои рассказы иногда пробуждали у питомцев мысль: не всем быть полководцами и выдающимися революционерами; мы — простые, обычные люди, как же нам жить? Прочитав эту мысль в глазах подростков, я стал задумываться над тем, как возвышать простого человека, как раскрыть перед Толей, Мишей, Олесей и Сережей их собственный путь к величию. Я пришел к выводу, что надо, образно говоря, открывать источники героического, идеального, необычного в каждом человеческом сердце. Я рассказывал детям и подросткам о подвиге простых людей — Александра Матросова, Юрия Смирнова, Михаила Паникахо, отдавших свою жизнь во имя свободы, чести, независимости Родины. Стремился к тому, чтобы каждый мой питомец в своем внутреннем духовном мире нашел тот родничок, который, вливаясь в великую реку патриотической гордости, открывает истину, возвышающую личность: настоящим человеком я стану тогда, когда в моей жизни будет святыня, а эта святыня — Отечество. Чем ярче я выражаю себя в служении Отечеству, тем ближе я к вершине подлинного бессмертия — героизму, доблести, самоотверженности.

Возвышает человека только великая идея, но и она остается звонкой фразой, если не открывается перед разумом и сердцем в ярких человеческих страстях и не пробуждает столь же яркие, глубокие страсти в тех, кого мы воспитываем. Возвышение человека я представляю себе как глубоко нравственную работу разума и сердца, смысл этой работы состоит в том, что человек готовится духовно, морально к самовыражению, к тому, чтобы раскрыть себя. Эта работа начинается с познания величия, красоты, благородства идеи, того, во имя чего человек отдает свою жизнь.

Огромное впечатление производит на детей и подростков рассказ о Марии — жепщине, сыновья которой погиб-

ли на фронтах Великой Отечественной войны. Когда наши войска освободили родное село от фашистов и она получила одну за другой три похоронные, самому младшему сыну было неполных шестнадцать лет. Чудом спасла его мать от угопа на фашистскую каторгу. За ту неделю, когда пришли похоронные, мать поседела. Но когда сын пришел к ней и сказал: «Хочу идти на фронт. За братьев мстить и Родину спасать», — она не препятствовала, сшила красный мешочек, всыпала в него горсть земли с могилы отца, дала сыну и сказала: «Ты — последний мой корень... Без тебя я засохну. Но для чего зеленеть дереву, если на его ветвях мостит гнездо стервятник?» Сын ушел на войну, а через полгода и на него пришла похоронная. Через месяц умерла и Мария.

Из этой беседы по человековедению все воспитанники черпают непреходящие человеческие ценности. Юный разум и юное сердце познают великий смысл той ни с чем не сравнимой красоты, того ни с чем не сопоставимого величия — идеи, во имя которой мать посылает на смертный бой последнего сына. Именно благодаря верности этой идее человеческая жизнь и предстает перед юным сердцем как величайшая ценность, а верность идее приобретает огромную воспитательную силу. Донося эту идею до юных сердец, чтобы там началась большая внутренняя работа по духовному самовыражению, поднимая человека на ту точку, с которой для него открывается собственное, личное видение мира, я становлюсь для своих питомцев их воспитателем, их в ы х о в а т е л е м, храню и оберегаю их от горя, страданий, оберегаю тем, что закаляю их сердца, помогаю постигнуть величие жизни, учу их дорожить жизнью как богатством, ценность которого раскрывается только тогда, когда оно измеряется служением Родине.

ПОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Беседы по человековедению — и коллективные, и индивидуальные — начало идейной закалки моих питомцев.

Каждому поколению своих питомцев я рассказываю героическую быль о двух юных патриотах из нашей Кировоградской области: Яше Матвиенко и Феде Шепеле. Во время фашистской оккупации они принимали активное участие в партизанской борьбе — были разведчиками.

Гитлеровцы схватили их при выполнении боевого задания. Детей уговаривали рассказать о партизанах. Мальчики молчали. Их стали пытаться. Герои не сказали ни слова. Их привели на опушку леса, заставили вырыть яму и закопали в землю живыми.

Мы едем на родину юных патриотов. Возлагаем цветы на могилу, стоим, обнажив головы, у того священного места, где ровесники моих питомцев — 12-летние пионеры — погибли мученической смертью. Это непосредственное соприкосновение юных сердец с великим и возвышенным открывает перед ними ярчайшую грань человеческих ценностей — умение выразить свою преданность и верность Отечеству. Приобщаясь к великому, юные граждане постигают новое, высшее видение мира — гражданское видение. Они чувствуют себя в долгу перед героями, павшими в борьбе с врагом. Добро открывается перед ними не как безмятежное наслаждение благами жизни, а как жестокая схватка с врагом, добро познается как мужество, героизм.

Какое огромное значение в духовном развитии в пору детства, отрочества и ранней юности имеют эти часы прикосновения к великому и возвышенному! Юные сердца открываются для слова воспитателя. Я очень дорожу этими мгновениями, выбираю самые весомые, самые глубокие значительные слова — о долге перед Отечеством: «Яша Матвиенко и Федя Шепель были такими же простыми советскими мальчиками, как и вы, дети. Они погибли за то, чтобы жили мы».

Подняв своих мальчиков и девочек на первую вершину патриотического видения мира, я ввожу их в бурное отрочество — в тот период духовной жизни, когда человек познает мир, возмущаясь и сомневаясь. Прикосновение к великому и героическому рождает непримиримость к злу, неправде, обману, равнодушию. Эта непримиримость и есть источник и самая сущность возмущения и сомнения: юного гражданина возмущают малейшие проявления зла, отступление от норм нравственности; он сомневается не в справедливости того, что отстаивают гражданские порывы его души, а в том, достаточно ли у него сил для борьбы. Однажды был у нас случай. Пионеры-шестиклассники работали в колхозе — убирали картофель. После окончания рабочего дня колхозный агротехник, замерив убранную площадь, сказал: «Вы убрали три гектара. Но

вот рядом еще гектар убранной картошки — это работа шефов из города. Они уехали. Запишем этот гектар вам». Пионеры возмутились: «Не нужен нам чужой труд. Зачем нам обманывать самих себя?»

Жизнь в мире великого и героического помогает человеку преодолевать свое личное горе, и оно не кажется безвыходным. Теперь я скажу, в чем заключалась моя главная помощь Мише и Олеся, другим мальчикам и девочкам, когда они приходили ко мне со своими страданиями. Конечно, надо и утешить, и приласкать. Надо дать ребенку то, чего он не получает в семье. Но главное, что исцеляло сердце, выпрямляло души, оберегало детей от непосильных для них страданий, превращало мертвую воду горя в человеческую непримиримость ко злу, это благородное чувство причастности к большому миру гражданственности.

ОСНОВЫ ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Я стремился к тому, чтобы в годы отрочества и ранней юности мои питомцы всегда жили заботами, тревогами, волнениями, беспокойством о детях. Чтобы душевная тревога о ребенке стала сердцевиной, средоточием духовной жизни подростка, юноши, девушки. Дети — не только цветы жизни, как привыкли говорить. Очень часто бывает так, что ребенок — слабенький, нежный, беззащитный росток. Как к этому ростку относится тот, кто уже укоренился и стал на ноги, — от этого в огромной мере зависит нравственный облик человека, которого мы воспитываем. Я всегда считал исключительно важным, чтобы подросток, поднявшийся на ступеньку возмущения и сомнения в своем духовном развитии, чувствовал, понимал, постигал сердцем, сознанием беззащитность, ранимость, подверженность обидам маленького человеческого существа. Человеческое существо, которое нам в стенах школы предстоит сделать Человеком, вообще не может постичь величия и красоты жизни, если не научится быть чутким к человеческому одиночеству, к человеческим слабостям. Уже ребенка должно возмущать то, что рядом со взрослыми живет одинокий старик; все видят его обиды, слышат стоны и тяжелое дыхание, и никто не приходит к нему на помощь (вот о каком возмущении и сомнении идет речь).

Как только в детских руках я вижу силу, которая может помочь другим, я открываю детские глаза на хрупкие, передко хилые ростки жизни, одухотворяю их горячим человеческим стремлением, **п р а г н е н н я м** помогать маленькому, **в ы х о в у в а т ь** его. Исключительно важно в нравственном воспитании то, чтобы энергия человеческого существа была облагорожена сердечной деятельностью, нашла свое благородное применение. Там, где забывают об этом, где силы, от которых чешутся руки и трещит парта, пребывают в состоянии первобытной дикости,—там появляется поражающее нас, взрослых, дремучее нравственное невежество: подросток бежит и на бегу, не задумываясь, ломает деревце, подросток обижает малыша. Малыш же, вырастая в этой обстановке «борьбы за существование», не зная ласки и подлинной заботы о себе, сам становится злым, бессердечным. В отсутствии облагораживания человеческой силы, человеческой энергии благородной **ч е л о в е ч е с к о й** **р а б о т о й** — работой, в которой сливаются порывы сердца и усилия рук,—один из источников детской и подростковой преступности (эта тема исследуется, я надеюсь через несколько лет опубликовать материалы исследования).

Я стремился к тому, чтобы в жизнь каждого поколения моих питомцев яркими и незабываемыми душевными порывами вошла забота о маленьком ребенке. Духовная жизнь поколения, прошедшего передо мной, была углублена трогательной сердечной заботой о маленьком Феде — ребенке, с трех лет прикованном к постели тяжелым недугом. Как-то в теплый день «бабьего лета» я поведал своей Семье Несгибаемых о мальчике, который не видел ни лесной поляны, ни дятла, ни подснежников и только из рассказов матери знает, что такое лес. Отложив на несколько часов свой увлекательный поход, мы пошли к Феде. С того дня началась дружба моих питомцев с пятилетним мальчиком. Они отдавали ребенку порывы своих сердец, заботясь о слабом и беззащитном, становились нежными и душевно чуткими. Мы принесли Феде из лесу маленького ежа; каждый из ребят нарисовал и подарил мальчику картину. Зимой перед окном, у которого лежал мальчик, мы сделали кормушку для синичек; приучив птичек брать корм из рук, мы дали Феде огромную радость: синичка прилетала к нему в открытую форточку.

Чем больше радостей удавалось доставить ребенку, тем счастливее были мои воспитанники, тем более чуткими становились они ко всему, что делается вокруг. Мальчик никогда не видел живой елочки. И вот однажды мы выкопали в лесу маленькое деревце, посадили в ящик и принесли Феде. Глаза ребенка сияли, щеки покраснелись. В его комнате мы выстроили сказочный уголок; рядом с крохотной елочкой сделали каменную пещеру, соорудили домик бабы-яги. Как только в школе появился первый аквариум, мы попросили старших школьников сделать маленький живой пруд, как называли аквариум дети, и для Феде. Мальчику не довелось ходить в школу. Мы научили его читать и рисовать, помогли открыть окно в мир сказки. Летом мы выносили мальчика в сад, рядом с хатой сделали шалаш, в котором проводили долгие летние дни. Мать Феде отвела нам часть приусадебного участка, и мы посадили арбузы и дыни.

Я видел, что мои мальчики и девочки становятся нежными и отзывчивыми. А нежность им была ой как нужна. Чем сильнее становится человек, тем более нужна ему нежность — это закон нравственного воспитания. Сила, умноженная на нежность, — только в результате этого действия получается человеческое благородство. Благородство не может быть слабым; его удел — не только восхищаться красотой, но и творить, защищать ее.

Когда мои питомцы учились в VI классе, Федя умер. Это горе научило их еще больше дорожить человеческой жизнью.

Школа — прежде всего очаг духовной жизни. Миссия педагога — наставника юных душ — состоит в том, чтобы в школе во всей полноте раскрывалось богатство интеллектуальной, эмоциональной, нравственной сфер духовного мира личности. Здесь нам приходится сталкиваться с бедствием, которое отдельные питомцы приносят из семьи, — духовным убожеством и душевной пустотой, ограниченностью интересов.

Ответственность за человека выражается не только в преодолении всего этого. При неумелой постановке воспитательной работы школьная жизнь может породить — и нередко порождает — другое бедствие: овладевая знаниями, человек встречает на своем пути непреодолимые трудности, становится неудачником, теряет веру в

собственные силы. Бывает, сознание ребенка на каждом шагу омрачается мыслью: я не такой, как другие, я ни на что не способен. Мы, взрослые, не всегда отдаем себе отчет в том, как страдает от этого ребенок. Если в классном коллективе несколько таких детей, коллектив теряет свою воспитательную силу. Особенно опасно то, что у ребенка вскоре притупляется чувство горечи, он привыкает к мысли, что он не такой, как другие, сердце его деревенеет; эмоциональная толстокожесть приводит к толстокожести нравственной, происходит самое страшное: человек теряет чувство собственного достоинства. Как будто безобидная школьная издержка, на самом же деле это большое бедствие, за него приходится дорого расплачиваться обществу недоученными и невоспитанными людьми, несчастными и обездоленными — потому что поистине обездолен человек, которому уже в годы детства и отрочества общество не помогло п а й т и с е б я.

Как предотвратить это бедствие? Это большой вопрос, который можно решить лишь в том случае, если учение, процесс овладения знаниями, будет рассматриваться в широком плане нравственного воспитания — как частица духовной жизни коллектива и личности. Это тема отдельной статьи.

Наука и религия, 1969, № 6.

ВОСПИТАНИЕ ДОЛГА

Они жили рядом в старом приднепровском селе — Татьяна и Наталья. В один день сыграли свадьбу, на одной неделе родились сыновья — Юра у Татьяны и Виктор у Натальи. В грозном июне сорок первого года проводили женщины на фронт мужей и остались солдатками с четырнадцатилетними сыновьями. Сыновья были высокими, крепкими; казалось, не по четырнадцать им, а по шестнадцать.

На берега седого Днепра пришли немцы, потянулись черные дни фашистской оккупации. Через год оккупанты начали отправлять молодежь на каторжную работу в Германию. Юра и Виктор еще больше выросли. Посоветовали добрые люди матерям: спрячьте сыновей куда-нибудь, а то придут полицаи с жандармами, заберут и увезут на проклятую немецкую каторгу. Знали Юра и Виктор среди

днепровских плавней зеленый островок с густыми зарослями деревьев и старинной, должно быть, еще с запорожских времен, пещерой в сухом каменистом грунте. Там и спрятались они от фашистов и их прислужников.

Больше года жили подростки в пещере, а когда родное село освободила Советская Армия, вернулись домой. На одной неделе пришли Татьяне и Наталье похоронные — погибли мужья под Сталинградом.

В непогожий ноябрьский вечер ушел из дома Юра, оставив матери записку: «Мама, родная, прости меня... Но я не могу сидеть дома. Иду в Красную Армию. Отомщу за отца». Поплакала Татьяна и стала ждать писем от сына.

А Виктор жил в материнской хате еще год — не подошло время призываться в армию. Когда, наконец, наступил день призыва, исчез парень, как в воду канул. Говорила Наталья соседям и работникам райвоенкомата: наверное, сам ушел с какой-нибудь воинской частью, проходившей мимо. Почти в то же время, когда исчез Виктор, принесли Татьяне похоронную: погиб Юрий смертью храбрых в Карпатских горах. Вслед за похоронной пришли боевые награды сына — четыре медали и орден Красной Звезды. Горе сломило мать: за неделю поседела Татьяна, слегла и долго болела.

Тем временем приближались радостные майские дни сорок пятого года. В один теплый апрельский день пришла Наталья в сельский Совет и заявила, что сын ее прячется от призыва в армию в пещере на пустынном островке. «Умоляла я его, упрашивала, плакала — ничего не помогает, — говорила Наталья. — Жизнь моя стала мучкой». Нашли Виктора, судили, но не дождалась мать приговора: наложила на себя руки. В дни радостных побед наш народ умеет быть великодушным: по амнистии Виктор был освобожден из заключения, три года отслужил в строительном батальоне, вернулся домой.

В каждой семье было свое горе, и о преступлении Виктора мало кто вспоминал. Юноша женился, окончил курсы механизаторов, стал трактористом. И поныне работает он в старом приднепровском селе, две дочки его вышли замуж, сын пошел недавно на службу, и в школу двое младшеньких ходят. Но идет в народе о нем молва: бессердечный, бездушный человек. Выдал дочек замуж, и ни к ним в гости никогда не ходит, ни их к себе не

приглашает (а это в селе считается тяжелым моральным грехом). Да еще товарищи по работе говорят: то, что необходимо выполнить как норму, Виктор сделает, а если нужно, бывает, иногда помочь товарищам, поработать для общего дела, он, «как стена каменная», — так сказал о нем бригадир механизаторов.

Две человеческие судьбы: Юрий и Виктор. Учились в одной школе, вместе вступали в пионеры, сидели за одной партой. Почему же так различны их судьбы? Честная, открытая жизнь одного и мрачная, волчья жизнь другого — да, именно так, *волчьей жизнью* пазвал это вроде бы серое и ничем не приметное существование старший односельчанин Виктора, дед Николай, много повидавший на своем веку.

Зачем я рассказал об этом? Проходит год за годом, десятилетие за десятилетием, в мою жизнь входят судьбы сотен людей — ярких, самобытных, непохожих друг на друга. Малыши, которые на моих глазах написали первое, самое дорогое для детей всего мира слово *мама* — и с удивлением словно взглянули на себя со стороны: неужели это сделал я? — малыши эти стали черноусыми отцами, привели в школу своих малышей, «все началось сначала».

В жизненном круговороте рождаются неповторимые человеческие миры, общество с каждым поколением предъявляет нам, воспитателям, новые требования и вместе с тем загадывает труднейшие загадки. Вглядываясь ежегодно в глаза юношей и девушек, которых мы вместе с родителями провожаем в дорогу самостоятельной трудовой жизни, я каждый раз не могу спокойно думать об одном и том же: что же является самым главным в человеке, которого мы творим? В ту короткую июньскую ночь, когда юноши и девушки с захода до восхода солнца радуются, веселятся, когда вместе с ними мы выходим в поле встречать первое солнце их новой, уже не школьной жизни, — в мое сердце стучат, не дают покоя большие вопросы: где, в чем человеческая сердцевина? Как ее создать? Как утвердить в почве главный, стержневой корень человеческой личности? Где то зерно, из которого вырастает могучая поросль человеческой красоты, красоты нового советского человека? В эту самую короткую июньскую ночь передо мной проходят человеческие судьбы. Я вдумываюсь в жизнь Юрия и Виктора, листаю страницы их детства, сравниваю то, что было тридцать, сорок лет на-

зад, с тем, что есть в жизни сегодня. И чем ярче предстают предо мной живые люди с тысячами тончайших их отношений, тем неумолимее становятся вопросы, стоящие в сердце. Какими вы гражданами станете, дорогие наши питомцы? Что будет для вас в жизни святым и нерушимым? Какие человеческие черты оставите в своих детях и внуках, на сколько ступенек поднимете себя как частицу народа в своем моральном развитии?

Чем больше человеческих судеб входит в мою жизнь, тем глубже раскрываются тончайшие нити отношения человека к святыням нашей социалистической Родины, отношения человека к человеку; тем больше я убеждаюсь, что сердцевиной человека, его стержневым корнем, от которого все зависит и все начинается, является долг, осознание и переживание человеческой личностью своего долга перед социалистической Родиной, перед памятью и моральными ценностями народа, перед другим человеком — его судьбой, радостями, счастьем, жизнью, рождением и смертью. Долг — это моральная основа, моральная сердцевина, от которой зависит то, чего мы ждем от нашего воспитанника, — гражданская верность коммунистическим идеалам; умение подчинять свое личное общественному, сделать личную свою жизнь красивой именно в служении обществу; непримиримость к врагу и готовность отдать свою жизнь во имя чести, величия, славы Родины; готовность и умение делать добро людям.

Воспитание долга — основа, центр коммунистического воспитания. Наша цель — человек высокого долга. Только человеку высокого долга доступно настоящее человеческое счастье, только верность высоким идеалам возвышает личность, дает счастье, обогащает внутренний духовный мир.

По крупице, по тончайшей грани человеческих отношений я пытался найти ответ на вопрос, почему два подростка — Юра и Виктор — сформировавшиеся как будто бы в совершенно одинаковых условиях, стали абсолютно разными людьми: один — героем, другой — трусом и предателем? В многогранных человеческих отношениях, составляющих самую суть нашей жизни, нашего социального и морального прогресса, столкновение людей высоких духовных порывов с такими вот погаными душонками, как Виктор, — эти столкновения являются острой идеологической борьбой, борьбой против сил старого мира

на труднейшей ниве — в человеческих сердцах борьбой за душу нового человека.

Так на первый взгляд, Виктор и Юра жили и воспитывались как будто бы одинаково. Но большое начинается с малого; стержневой корень сначала, в детстве, бывает тончайшей волосинкой. В одной из наших задушевных бесед вышеупомянутый сельский философ помог мне увидеть эту тончайшую волосинку. Он сказал: «У Виктора сердце было глухое... Глаза видели, а сердце не видело... *Жил человек сам по себе.* А у Юрия с детства сердце было открытое. Болело сердце у него в детстве за других людей — вот в чем красота человеческая...» Эта мысль стала для меня тем ярким лучом народной педагогики, который, осветив полузабытое, многое объяснил и многое поставил на свое место.

Вспомнилось и нашло свое объяснение, например, и такое. Однажды у Виктора заболела мать. А сыну надо было ехать в пионерский лагерь. От мальчика скрыли болезнь матери. Наталья сама сказала: «Зачем беречь детское сердце? Пусть жизнь ребенка ничто не омрачает...» Рядом с семьей Виктора жили одинокие, бездетные старики. Витя частенько бегал к ним, дедушка и бабушка угощали мальчика сладкими орехами. А когда дедушка заболел, мать запретила сыну навещать старика, повторяя: «Зачем омрачать жизнь ребенка...»

Вот что значит *жил человек сам по себе*... В детстве его защищали от душевных переживаний, оберегали от сильных чувств. В его жизнь не вошел человек — с радостью и горем, тревогами и страданиями.

Совсем иначе жил в детстве Юрий. Его сердце было широко открыто для человеческих переживаний. Где-то на соседнем хуторе, в девяти километрах от села, жили дедушка и бабушка — мамыны родители. Мальчик носил им первый весенний мед, первые созревшие яблоки, первые орехи. Жизнь Юры в детстве была наполнена радостями, тревогами, волнениями, заботами. Щедро даря сыну тепло своего сердца, Татьяна мудрым материнским чувством угадывала, что величайшей радостью, глубочайшим счастьем для человека является отдача своих духовных сил другому человеку. Мир радостей входил в жизнь мальчика благодаря заботам о матери, о дедушке и бабушке. Сердце ребенка стало очень чутким к человеку. Когда отец прочитал однажды в газете о зверствах фаши-

стов на испанской земле, мальчик целую ночь не спал, едва под утро успокоили его. Я лучше понял, что такое чуткая, впечатлительная душа, к каким последствиям приводит *глухота* сердца.

На моих глазах рождались, произносили первое слово, становились на ноги, со все возрастающим удивлением познавали мир люди, и, прислушиваясь то к беззаботному детскому лепету, то к первым тревожным раздумьям человеческим о добре и зле, чести и бесчестьи, справедливости и несправедливости, я все больше убеждался: как только человек осмыслил свое бытие, выделил себя из окружающего мира, в его становлении, в том, *каким* человеком он станет, какого отца придется иметь детям, — решающее значение во всем этом имеет гармония желаний, с одной стороны, и долга — с другой.

Наблюдая жизнь ребенка и коллектива, вдумываясь в каждое слово, в каждое движение юных душ, я старался увидеть, *что* определяет отношение человеческой личности к коллективу и к другому человеку — то, что ей, личности, *хочется*, или то, что она *должна* делать, что нужно делать для общего блага. Я изучал становление отдельных личностей, их развитие и совершенствование в семье и в коллективе — начиная от первого слова и до получения паспорта и аттестата зрелости. Я стремился проникнуть в тончайшие, подчас скрытые человеческие отношения, чтобы понять, какой должна быть гармония желаний и долга.

Предметом наблюдения и изучения были дети и подростки из самых различных семей: в одних жизнь была тихой, беззаботной, спокойной, в других дети уже с малых лет испытывали сильные душевные переживания и потрясения. В одних царил мир и покой, в других вспыхивали конфликты. В одних детские желания безоговорочно удовлетворялись, в других — ограничивались.

Убежденный в том, что основой человеческой личности — сердцевиной гражданской доблести, верности коммунистическим идеалам является *долг*, я как педагог старался осмыслить закономерности формирования этого богатства души. Ежегодно мне приносило большую радость то, что в жизнь шли чудесные люди, активные строители нового общества, умеющие творить счастье и радость для людей и находящие в этом творении большое личное счастье.

Вот передо мной семнадцатилетний юноша с умными и всегда немпожко тревожными глазами — Алексей. На его долю выпало немало испытаний. Десятилетним мальчиком он потерял мать, а в четырнадцать лет остался без отца. Круглый сирота, Алексей не растерялся, не впал в отчаяние. Он стал главой семьи; жизнь и благополучие старенькой бабушки — отцовой матери — зависели теперь от него. «Я и в институт поступлю, и бабушку не оставлю», — сказал Алексей в ту самую короткую июньскую ночь. Это было настоящее мужество, но юноша не видел в своем поведении ничего необыкновенного. Он поступил в институт, учился на стипендию, по вечерам работал, на свой скромный заработок не только жил сам, но и содержал бабушку, окончил институт, стал инженером. Сейчас бабушка живет у него. «Если бы не любовь и самоотверженность внука, я бы уже не жила на свете», — сказала мне бабушка Алексея, когда однажды я был у них в гостях.

Жизнь все больше убеждала, что человек, который не испытывает в детстве и ранней юности чувства благодарности к тем, кто его родил, поставил на ноги, который ничем *не выразил себя*, чтобы засвидетельствовать свою благодарность, — превращается в бездушное, бессердечное существо.

Я понял, что долг — это внутренний судья человека, важнейший стимул совести. Для совести долг то же, что для лодки руль и весла; без долга нет совести, нет благородных человеческих принципов. Человеческое благородство для того, кто не испытал этого великого чувства и не выразил себя в нем, не может стать личным убеждением.

Прикасаясь к детским открытым сердцам, вглядываясь в детские глаза в те минуты, когда я произношу свои слова-поучения, слова-наставления с целью пробудить стремление, желание выразить себя в высоком человеческом долге, я понял, что между чувством долга и идейными убеждениями, взглядами человека, его личной позицией существует очень тесная связь. Наверное, в умении создать эту связь и состоит утверждение гармонии, определяющей моральный облик человека, — гармонии между *хочу и должен*. Человек, который на собственном опыте *выражения себя* в высоком человеческом долге не испытывает настоящего человеческого счастья, радости бытия, не умеет ощущать зависимости своего счастья от труда

других людей, *не способен* испытывать чувства благодарности — а это чувство является источником, питающим чувство долга.

Я убедился, что если в детстве и ранней юности человек *не выражает себя* и не утверждает своего личного достоинства в долге, если для этого выражения и утверждения нет нужных человеческих отношений, — происходит на первый взгляд удивительная вещь: знания и истины о человеке и обществе, о добре и зле, о том, каким должен быть человек, — все эти знания, которые много раз повторяет воспитатель в разнообразнейших формах (поучения, наставления, убеждения, одухотворения питомца благородным примером моральной доблести и красоты), знания абсолютно ясные и понятные, — не доходят до души, не волнуют ее. И все дело в том, что *истины, играющие очень важную роль в воспитании, становятся убеждениями, точкой зрения, позицией человека лишь в том случае, если он, постигая факты умом, переживает идеи сердцем, душой.*

Мечта каждого воспитателя — и не только в школе, но и в работе со взрослыми — добиться того, чтобы в минуты, когда мы воссоздаем перед умом и сердцем своего питомца яркий образ моральной красоты и доблести, в глазах его вспыхивали огоньки радостного волнения, чтобы сердце билось ускоренно, мысль устремлялась в будущее. Только в такие минуты он начинает дорожить моральными истинами как своим личным духовным богатством.

Для меня, педагога, это духовное состояние всегда было мечтой и идеалом. Но я убедился, что привести своего воспитанника в такое состояние силой воспитательного влияния можно лишь в том случае, если в многогранных отношениях с людьми человек *выражает себя в долге* и этим сознательно утверждает свое человеческое достоинство и богатство.

Бывало, рассказываешь пятиклассникам о подвиге героя, отдавшего свою жизнь во имя свободы и независимости Родины, все слушают, затаив дыхание, в глазах горят огоньки воодушевления, и вдруг в эти чудесные минуты видишь пустой, равнодушный взгляд. Эти пустые глаза, эта *закрытость сердца* к слову воспитателя не давали мне покоя, вызывали тяжелые раздумья. Откуда этот холод, почему святости не затрагивают сокровенных

уголков сердца — есть ли вообще в этом сердце сокровенные уголки?

Продолжая касаться сердец своих питомцев, наблюдая и создавая в коллективе отношения взаимной ответственности и долга, добиваясь, чтобы маленький человек чем-то выражал свое моральное богатство и благодаря этому познавал себя и воспитывал себя, я все больше убеждался, что подлинное воспитание начинается там, где есть *единство воспитания и самовоспитания*, а это единство возможно лишь при том условии, что человек чем-то дорожит: сначала человеком, своими отношениями с ним, а потом — идеей, истиной. Истина только тогда истина, когда она служит людям, писал великий поэт и мыслитель Гете.

Да, постижение, *укоренение* моральной, политической истины, идеи, идеологического принципа, убеждения в душе человека начинается с человеческих отношений. С таких отношений, при которых рождается чувство долга: каким человеком я *должен быть*, чтобы люди видели во мне моральную красоту. Школьник, юноша с пустыми, равнодушными глазами, — это человек, который на собственном опыте, очевидно, не почувствовал и вообще не знает, что такое — дорожить человеком, переживать радость и счастье от того, что он дает, делает, творит радость и счастье людям. Тот, кто не умеет дорожить человеком, не способен дорожить и идеей, моральной и политической истиной, потому что идеи рождаются только в человеческих отношениях взаимной отдачи духовных сил, братства, взаимопомощи.

Так возникли мысли о *способности* маленького человека быть воспитанным, поддаваться силе воспитательного влияния старших — прежде всего педагога. С каждым годом все яснее становился ответ на больной вопрос: почему Коля — трудный, не поддается воспитательному влиянию, почему на него ничего не действует? Потому, что отношения, в которых он находится с окружающими его людьми, не дают ему высшего человеческого блага — способности кем-то и чем-то дорожить: сначала — человеком, коллективом, потом — моральными принципами. Как окаменевшая почва не впитывает воды, дающей ей плодородие, так и сознание человека, не постигшего на собственном опыте, что значит *дорожить*, — не воспринимает ни совета, ни поучения, ни наставления. Человеку,

который не выразил себя в долге, недоступно само понятие *должен* как закон человеческих взаимоотношений, в которых благо, счастье, радость одного человека зависят от блага, счастья, радости других людей.

Может быть, читателю эти рассуждения покажутся слишком теоретическими, абстрактными и мало связанными с жизнью. Нет, тысячу раз, нет. Это самая суть повседневной школьной практики. Это, если хотите, азбука морального воспитания.

Ежедневно в школах миллионы раз произносится слово *должен*, оно выступает прежде всего как требование воспитателя. Из миллионов этих кирпичиков сооружается здание, имя которому — человек долга. Но чтобы это здание было непоколебимым, нужен очень прочный фундамент. Таким фундаментом является выражение человека в долге, самоутверждение с помощью долга в общении с людьми, с коллективом; отношение к понятию *должен* как к требованию, предъявленному самому себе, как к велению совести. Стоит вдуматься в тот диссонанс, в ту диспропорцию, которая характерна еще для практики воспитания: *«ты должен»* — слишком часто говорит воспитатель питомцу, тогда как *«я должен»* — питомец говорит себе очень редко, а во многих случаях и вообще не говорит. Человек долга абсолютно не мыслим, если он самому себе ничего не приказывает.

Мне стало понятно, что педагогу надо словно бы открывать сердце воспитанника для своего слова и своей воли, делать его восприимчивым к слову, поучению, убеждению, примеру.

Что же для этого нужно практически? Как построить прочный фундамент, чтобы здание *человек долга* было крепким и непоколебимым?

Чувство долга, необходимое каждому гражданину нашей страны, — это осознание и переживание интересов других людей, коллектива, общества, Родины — в связи с личными интересами. Долг рождается в человеческих взаимоотношениях, но выражать себя в долге человек начинает с тончайших проявлений личной жизни. В долге самым чудесным образом сливается общественное и глубоко личное. Путь к вершине долга — к пониманию и переживанию интересов общества, социалистической Родины — начинается с отношения человека к человеку. Человек, его жизнь, борьба, радости и печали — это слож-

нейший предмет познания, самая могучая сила, воздействующая на тот уголок сердца, где рождается чувство долга. Путь к вершине долга я вижу в том, чтобы с первых шагов своей сознательной жизни ребенок, образно говоря, касался сердцем человеческих судеб. Чтобы чужие судьбы стали его глубоко личным делом, чтобы через человеческие судьбы прошел путь к познанию высших интересов, чтобы, приближаясь к идеалам, человек видел самого себя, вырабатывал отношение к самому себе. Многолетний опыт убедил меня в том, что *способность относится определенным образом к самому себе*, ставить перед собой требования, прислушиваться к своей совести — все это прямо зависит от того, каковы источники радости и счастья маленького человека.

С родителями, у которых дети лежат еще не вдоль, а поперек кровати, и с теми, у кого дети уже открыли изумленные глаза на окружающий мир, на занятиях своей родительской школы мы очень много думаем, советуемся, рассуждаем о радости и счастье детей. Я убежден, что именно разговор о счастье, о радостях детства должен быть предметом самого пристального внимания педагогов и родителей — и только совместный разговор. Не будет преувеличением сказать, что отцовская, материнская мудрость воспитателей проявляется прежде всего в том, как мы относимся к детскому счастью. На мой взгляд, в отношении к счастью, в понимании счастья и радостей — один из важнейших источников педагогической мудрости. Детское счастье — это и животворный костер, согревающий человека, и катастрофический пожар — все дело в том, как управлять огнем. Было бы, по-видимому, полезно созвать большую научную конференцию ученых-педагогов и родителей и на обсуждение ее поставить одну-единственную проблему — детское счастье. Если бы эта проблема была правильно решена в теоретическом и практическом плане, исчезла бы добрая половина всех трудностей воспитания.

От того, как перед ребенком, познающим мир умом и сердцем, открывается счастье, точнее, как мы, воспитатели, умеем раскрыть счастье перед ребенком, зависит, по сути, становление человека, формирование его многогранных отношений с другими людьми. Представление о счастье, понимание и ощущение счастья определяет способность нашего маленького питомца перепечатывать мораль-

ные ценности, созданные, добытые, выстраданные старшими поколениями, умение дорожить этими ценностями и, что особенно важно, способность подняться на ту ступень морального развития, когда человек видит смысл жизни в служении народу, великим идеалам коммунизма. Только человек, знающий подлинный смысл и подлинную цену человеческому счастью, способен видеть себя, властвовать над своими мыслями, чувствами, духовными порывами, в конце концов, обладать совестью.

Все мы, кто причастен к воспитанию детей и юношества и отвечает за их судьбу, а потому — за будущее народа, не можем не чувствовать тревоги в связи с тем, что во многих семьях в нашем обществе дети не знают счастья. Глубокое сожаление вызывает жизнь детей, все желания которых безоговорочно удовлетворяют заботливые родители, детей, существование которых — безоблачно и беззаботно. Это потребительское благополучие, бесконечное кормление наслаждениями с детства укореняет индивидуализм, уродливое извращение желаний и потребностей, неспособность личности желать, хотеть того, что не связано с личными наслаждениями. Дети, вскормленные на таком «счастье», — глубоко несчастные люди, им недоступно моральное богатство нашего общества, и школе, если она понимает пагубный смысл потребительского счастья, приходится прилагать много усилий, чтобы *открыть* в человеке подлинно человеческое.

Воспитательным идеалом, на мой взгляд, является то, чтобы счастье человека в семье и в обществе было хлопотным, беспокойным, тревожным. Одна из ярчайших граней воспитания состоит, по моему глубокому убеждению, в том, чтобы утверждать сильные чувства и душевные переживания, взрослые заботы маленького человека. Без трудностей, без напряжения недоступно понимание счастья. Тут мы подходим к тому, что Горький называл *деянием* — творческим трудом, творением. Труд — первый и честнейший страж совести и долга. Труд в широком понимании как слияние порывов души и энергии рук, как отношение человека к человеку, человека к коллективу, Родине, одухотворен высоким стремлением выразить, проявить себя на ниве гражданского служения народу.

Важнейший источник счастья детства, ранней юности — это *непоколебимый культ уважения к труду*. Чувство уважения к труду связывает ребенка духовными

вцями долга с другими людьми — сначала с близкими, а потом со всеми честными соотечественниками. Из чувства уважения к труду, из мысли о том, что труд — творец счастья, рождается то состояние *обязанности*, без которого невозможно представить себе элементарную моральную культуру человека, его ответственность за свое будущее. Мысль о том, что я *обязан*, рождается в ребенке тогда, когда он испытывает все возрастающее чувство *удивления* перед трудом матери и отца, перед общественным трудом.

Я всегда стремился открыть ребенку глаза на труд матери и отца, вызвать это чувство все возрастающего удивления, утвердить желание трудиться — с той целью, чтобы пережить ни с чем не сравнимую радость и гордость. Я убежден, что познание мира ребенком должно быть прежде всего познанием труда, а включение в многогранные связи с людьми должно начинаться с выражения ребенком своего отношения к другим людям с помощью труда. Первые заботы, тревоги, беспокойства, волнения ребенка, если они связаны с этим самовыражением, как раз и дают ту гармонию желаний и долга, без которой немыслим благородный человек, немыслима его гражданская сердцевина.

Когда я рассказал малышам-первоклассникам, что Сашина мама — работница молочнотоварной фермы — своим трудом кормит пятьсот человек, а отец Гриши, двадцать лет проработавший на овцеводческой ферме, одел несколько тысяч рабочих и колхозников, — в глазах моих воспитанников загорелись огоньки восхищения и гордости. Дети увидели то, чего они сами не могли рассмотреть, и обычные, ничем не примечательные, будничные явления предстали перед ними в новом свете. Перед детьми открылась та истина, что труд в жизни отца и матери — это их долг перед многими людьми, что только благодаря выполнению этого долга человек приобретает свое гражданское лицо — его уважают, ценят.

Чем глубже чувство все возрастающего удивления ребенка перед величием обычных, ничем будто не примечательных дел, которыми заняты отец и мать, тем искреннее его *желание* что-то сделать для родителей. Как величайшую моральную ценность детской души берегите, отцы и матери, это желание. В нем как раз и заключается тончайший ручеек хлопотливого, беспокойного, тревожного —

настоящего счастья. Если уж вашему ребенку захотелось что-нибудь сделать, чтобы выразить свою любовь к матери и отцу, — помните, это начинается большой общественный процесс, начинается долгий путь ребенка к вершине долга. Помните также, что маленькая, как нам, взрослым, кажется, работа ребенка, выражающая его отношение к человеку и к долгу, — это огромное напряжение детских духовных сил. Она, эта работа, словно отворачивает пласт того поля, на котором нам — родителям, педагогу, обществу — надо будет сеять зерна гражданственности, патриотизма, верности высоким идеалам. Труд, выражающий отношение человека к человеку — к тому же маленького человека к взрослым — единственный и ничем незаменимый источник первого общественного морального убеждения ребенка: я и десятой доли того не делаю, что мне надо сделать в будущем, чтобы отблагодарить отца и мать. Это убеждение — основа чуткой детской совести. Маленький человек, переживающий муки совести в связи с развитием этого убеждения, никогда не требует от родителей невозможного, видит в матери и отце не только людей, давших ему жизнь, но и живое воплощение долга перед обществом.

Нужно большое воспитательное мастерство, чтобы ребенок нашел работу, выражающую его сложные душевные переживания и стремления. Пусть эта работа будет самой маленькой, но с этого и начинается новый, духовно богатый, насыщенный яркими влечениями период в жизни ребенка. Чрезвычайно важно здесь то, что это не забава и не игра, а настоящий труд, требующий большого в сравнении с силами и возможностями ребенка — напряжения. Но не бойтесь этого напряжения, не бойтесь пота и мозолей на ладонях вашего ребенка. Пока живо человечество, впечатлительная, чуткая, нежная душа будет воспитываться только трудом, который невозможен без усталости, пота, мозолей. В напряжении физических сил воспитывается благородство души — честь, достоинство, потому что одухотворяется это напряжение высокими побуждениями.

Я убежден, что эта, казалось бы, малозаметная работа ребенка, не бросающаяся в глаза, — тончайшее и нужнейшее дело в школьно-семейном воспитании, в нашей общественной жизни. Семья — первый родник, с которого начинается большая река патриотических чувств и

убеждений. Трудно понять, почему иногда так мало внимания уделяется этой работе в нашей общей системе воспитания детей.

Мы не случайно сейчас задумались: *с чего начинается Родина* — нас не только интересуют, но и тревожат, волнуют источники великого чувства долга перед Родиной.

Недавно я разговаривал с бывшим своим воспитанником, ныне тридцатилетним колхозником, отцом двух наших нынешних питомцев. Он с волнением рассказал, показывая мне стройный тополь у хаты: «Помните, вы советовали: посади Тополь матери. Я посадил и вырастил это дерево. Моя мать четверть века работала звеньевой свекловодческого звена. Ежегодно она давала людям тысячи пудов сахара. Я гордился матерью. Она для меня была и навсегда останется настоящим героем. С любовью садил я и выхаживал этот тополь — хотелось, чтобы он был таким же красивым и гордым, как мать. Ухаживая за деревом, я чувствовал, что касаюсь чего-то дорогого и святого — и мне хотелось быть лучше. Этот детский труд сделал зрелыми мои мысли».

Воспитание — это, как мне кажется, трудное достижение счастья. В этом тяжелом и сложном деянии очень важно, чтобы в годы детства и ранней юности человек постигал истину: в наше время особый, ни с чем не сравнимый, нелегкий, тонкий труд — это идти и прийти к человеку, к людям, принести им свои духовные силы. Есть, конечно, в нашем обществе люди, которым надо помочь принести ведро воды, нарубить дров, принести хлеба. Но несравненно больше людей, нуждающихся в человеке, — в тепле его души, сердечности, сочувствии, добром слове. Умение увидеть человека, который нуждается в человеке, — это большое богатство души, в создании которого я вижу ничем не заменимые уроки долга. Отсюда начинается мир душевных переживаний, где счастье становится тревожным и беспокойным, а потому бесконечно дорогим.

Я вижу важную воспитательную задачу в том, чтобы с первых шагов сознательной жизни перед человеком был открыт *большой мир общественной жизни, мир Родины, мир борьбы за ее независимость, честь, могущество*. Ввести человека в этот мир не равнодушным знатоком и наблюдателем, а активно действующим лицом, имеющим свою точку зрения, свою позицию, свою заинтересован-

ность в том, что происходит в мире, — это, по сути, стержневая проблема морального воспитания подрастающего поколения.

Детство и ранняя юность, по моему твердому убеждению, должны быть тем периодом духовной жизни человека, когда он с особой остротой переживает первое гражданское желание — желание проявить свои личные силы, выразить себя в большом мире общественной жизни, пережить, почувствовать свое приобщение к большому и величественному. Это значит, что важные политические и моральные идеи — судьба Родины, ее могущество, слава, борьба за торжество коммунизма — все это должно стать глубоко личным делом нашего воспитанника.

Ничем не заменимым, могучим средством влияния на юную душу является *слово* воспитателя, но при очень важном условии — если вам удалось достичь того, что, выражая себя в выполнении долга перед людьми, постигая счастье в творении счастья для людей, молодой человек благодаря всему этому стал *воспитуемым*, способным поддаваться воспитательному влиянию, прежде всего способным воспринимать слово. Тот, кто не постиг в детстве и ранней юности настоящего человеческого счастья и был вскормлен в атмосфере счастья потребительского, — тот становится абсолютно невосприимчивым к слову, призыву, убеждению, поучению, наставлению.

Как я в качестве педагога стараюсь вводить воспитанника в большой мир общественной жизни, благодаря чему он должен становиться гражданином? Отвернув в душе ребенка пласт для посева плодоносного, берущего за душу слова, я иду к открытым детским и юношеским сердцам. Слова — это огоньки, которые помогают детям увидеть нечто несравненно более высокое и значительное, чем повседневный мир личной жизни, — Родину, народ, его исторические судьбы, его чаяния и надежды. И слова не только для того, чтобы что-то сообщить. Главное, чтобы сердце юного гражданина затрепетало от гордости за свою великую Родину, от сочувствия борцам за свободу и независимость своего народа, от ненависти к врагу. Тогда и рождается желание приобщиться к большому и величественному.

О чем бы я ни говорил своим питомцам — о подвиге героя, погибшего в бою, о горе и гордости матери, отдавшей Родине самое дорогое, об убийцах вьетнамских

детей — цивилизованных дикарях двадцатого века, о страшной судьбе молодого человека нынешнего капиталистического мира, — я ни на минуту не забываю, что мои слова всегда должны быть призывом, утверждающим достоинство и честь социалистической Родины. Долг живет в юном сердце лишь тогда, если слово воспитателя создает в нем духовную энергию, необходимую для одухотворенного труда — для выражения себя на ниве гражданского служения народу. И не следует забывать, что духовная энергия, необходимая для выполнения высшего долга, не утвердится в юном сердце и не увлечет молодого человека, если слова воспитателя будут холодны, душа спокойна, если целью его слова будет только информация. Воспитательная сила слова — в позиции, в точке зрения воспитателя, в его отношении к миру.

В современном мире любовь к социалистической Родине невозможна без ненависти к ее врагам, без кипения юного сердца, без готовности отдать свои силы во имя утверждения высоких коммунистических идеалов. Воспитание ненависти к империализму, антикоммунизму, к врагу, для которого мир — плацдарм для будущей войны, а народы — пушечное мясо, — благороднейшая, гуманнейшая цель нашей педагогики, нашей школьной практики. Ненависть к врагу — страж патриотической любви. Ненависть к врагу, непримиримость к идейному противнику делают юное сердце впечатлительным и нежным, чутким и жизнеутверждающим сердцем гражданина. Человек, для которого ненависть к врагу, непримиримость к идейному противнику стали собственным богатством души, этот человек способен к самоотверженности — к такому труду, в котором главное — идея, стремление к идеалу. Только человек, умеющий ненавидеть, способен иметь свою собственную позицию, свой взгляд на мир.

В день, когда наши дети надевают красный пионерский галстук, я рассказываю им героическую быль времен Великой Отечественной войны. После того, как наши войска форсировали Днепр, шли тяжелые бои за небольшой приднепровский город. Наши воины заняли подвал одного дома. В подвале прятались от бомб и снарядов женщины и дети. Одна маленькая девочка горько плакала: фашист отобрал у нее нарядно одетую куклу и, удирая от наших, бросил ее вон там, посреди улицы. Молодой советский солдат под пулями фашистов пробрался к

кукле, принес ее в подвал и возвратил девочке. В тот же день, когда наши пошли на врага в штыковую атаку, воин с нежным и благородным сердцем заколол штыком фашистского офицера. Я рассказываю эту быль для того, чтобы чуткая, нежная, впечатлительная душа юного гражданина была в то же время беспощадной в своей ненависти к врагу.

Чем ближе к сердцу принимает юный гражданин то, что, казалось бы, не касается его лично, тем богаче становится личная жизнь юного гражданина, тем глубже его желание, стремление сделать что-либо для утверждения себя как гражданина.

Очень важно, чтобы юные граждане были духовно подготовлены к одухотворенному труду, чтобы он стал гражданским самовыражением. Я убедился, что если в годы детства и ранней юности труд многократно одухотворяется политической идеей, вытекающей из непримиримости и ненависти к врагу, — в юном сердце утверждается гражданская зрелость — зрелое, самоотверженное отношение к любому общественно полезному труду для людей, общества, Родины.

Воспитание долга — центральная проблема не только теории педагогики и школьной жизни. Это важнейшая общественно-политическая проблема.

Комуніст України, 1969, № 9.

ВИДЕТЬ СЕБЯ

Дорогой мой юный друг! Я очень обрадовался, получив от вас взволнованное письмо. Вы задаете настолько значительные вопросы, что, мне кажется, есть смысл ответить вам не личным письмом. Уверен, такие же вопросы задают себе многие ваши сверстники.

«Мне пятнадцать лет. С сентября пошел двенадцатый. Учусь неплохо: пятерки и четверки. Но вот недавно я прочитал книгу о жизни одного ученого, и мне самому перед собой стало стыдно, в сущности, я безвольный человек. Делаю только то, что заставляют. Задают выучить урок «отсюда досюда» — учу, задают прочитать книгу — читаю. Я слышал о самовоспитании, но что это такое? Мне хочется овладеть в совершенстве двумя языками — армянским и грузинским — можно ли сделать это, если

я научусь воспитывать сам себя? Или самовоспитание с умственным трудом не связано, а относится только к характеру? С чего начинать самовоспитание?»

Вы прикоснулись к самой тонкой и, можно сказать, труднодостижимой сфере педагогики.

Что же такое самовоспитание, в чем его сущность? Ответить на этот вопрос я попытаюсь рассказом об одном событии, навсегда оставшемся в моей памяти.

Дед Филипп прожил на свете девяносто два года. Никто в селе не помнил дня, когда бы дед Филипп не трудился. Есть в колхозе зеленый лужок, который люди так и называют Филиппово поле. Была здесь когда-то пустошь; долгие годы старался дед, вырывал сорняки, подсеивал луговую траву...

Много лет дружили мы с ним, и перед кончиной попросил он проведать его.

— Всю жизнь стремился я видеть себя,— сказал мне в ту встречу дед.— Не знаю, как мне удавалось это. Если бы был бог, я просил бы его сейчас удовлетворить мое единственное желание: хочется увидеть собственные похороны. Хочется увидеть, как меня будут видеть люди...

Эти слова человека, сказанные им буквально за минуту до смерти, не могут не потрясти. Здесь есть над чем задуматься каждому, в том числе и философу, и психологу, и педагогу. Дед Филипп нашел слово, в котором выразилось то, над чем я много лет думал. Мудрость жизни человеческой действительно заключается в том, чтобы видеть себя — и видеть правильно.

С этого, кстати, и начинается самовоспитание. Это тот тончайший узел всех страстей и дум человеческих, в котором соприкасаются и сплетаются долг и дисциплина, требовательность к себе и совесть, радость бытия и непримиримость к злу, чувство собственного достоинства и подлинное человеческое величие.

Думая о воспитании, я с огорчением прихожу к выводу, что в практике учебно-воспитательной работы многих школ предана забвению исключительно важная истина: мы, воспитатели, являемся — по крайней мере должны быть — наставниками, вдохновителями, хранителями, создателями духовной жизни человека в годы его детства, отрочества и ранней юности. В том сложном процессе становления и развития личности, который происходит

в школьные годы, первостепенное и решающее значение имеет жизнь духа. Воля для духовной жизни то же, что бурный поток воды для мельницы. И воспитание духа заключается прежде всего в умении властвовать собой.

Где тончайшие корни и самые маленькие ручейки этого человеческого умения? Они — в напряжении волевых сил, в преодолении трудностей, в том, что человек заставляет себя делать то, что сложнее. Труд души, деятельность духа — могучая сила, творящая сильного, нескгибаемого человека. Этот труд должен начинаться в раннем детстве, лишь только человек станет на ноги.

Если все ему дается в готовом виде, если предупреждается его собственное усилие и труд его души выполняется другими, — он никогда не узнает, что такое высота, не узнает настоящей радости.

Не так давно мне пришлось познакомиться с десятилетней девочкой Тиной. Привезли ее мама и папа в пионерский лагерь. И очень Тина скучала в лагере. Пойдут ребята кататься на велосипедах — Тина сидит под деревом на скамейке. Новость какая — велосипед. У нее дома два велосипеда! И на лошади она каталась, и на ослике, и на автомобиле.

Потом мне пришлось видеть, как приехала к Тине мама. Сидела мама с Тиной под деревянным грибком. Рядом с ними сидела еще одна девочка, я не знаю ее имени. Пошел дождь, и та девочка вдруг кинулась куда-то. Оказалось, она увидела на лавке во дворе мокнувшую под дождем куклу и побежала ее спасать. Возвратилась она взмокшая, но радостная, прижимая куклу к груди... И я наблюдал, с каким удивлением смотрела на нее Тина. Она знала, что у этой девочки есть новая, красивая кукла, недавно привезенная мамой, — зачем же ей бежать под ливнем, спасать какую-то тряпичную матрешку?

Лень души — вот что происходит, если радости детства даются в готовом виде. Происходит самое страшное — человек разучивается хотеть. Лень души рождает лень мысли.

Многолетний опыт привел меня к истине, которая кажется мне одной из самых важных закономерностей воспитания: воспитывай маленького человека так, чтобы у него были ценности души, доставшиеся ему дорогой ценой. Ценой напряжения сил. Ценой преодоления трудностей.

Первые шаги школьного воспитания — это, в сущности, побуждение к самовоспитанию.

На солнечной стороне класса — тридцать маленьких ящичков. Каждому первокласснику предстоит наполнить свой ящик землей, вырастить свой колос. Для этого труда не надо значительных физических сил, он кажется игрушечным, но требует большого напряжения сил духовных. С самого начала маленький человек видит в этом труде самого себя. У других уже появились нежные зеленые побеги, а у меня нет — почему? Надо своевременно полить растение, разрыхлить почву, чтобы стебли кустились; осенью кусты пшеницы надо пересадить в почву, зимой — прикрыть снегом... Маленький человек болеет душой, он не может быть равнодушным, не может не видеть себя, потому что его видят другие. Вот оно, мой юный друг, самовоспитание: оно в том, чтобы радоваться и горевать, переживать ни с чем не сравнимые мгновения торжества, когда дело завершено, когда я с гордостью могу сказать: это сделал я.

Тот, кто уже в годы раннего детства увидел себя, как в зеркале, в собственном труде, приобретает истинно человеческое качество: желание быть хорошим, достойным уважения. Без тонкой, глубоко развитой способности уважать себя не может быть и речи о самовоспитании.

Сущность самовоспитания — уметь заставить себя. Это умение уходит тончайшими корнями в человеческую гордость: это мой труд, я узнал здесь, что такое пот и мозоли, но вышел победителем. Гордость немислима без постижения того, что такое трудно. Если попытаться определить истинную мудрость воспитания, то она, по-моему, и заключается в том, чтобы человек, создавая себя в собственном труде, постигал красоту трудного. Человек, которому исполняется восемь, девять лет, превращает квадратный метр бесплодной глины в чернозем; он смотрит на свой труд не только с гордостью, но и с изумлением: неужели это сделал я? Да, мой юный друг, чувство изумления перед сделанным собственными руками и собственным разумом — могучий стимул самовоспитания. Оно дает подростку духовные силы для того, чтобы подняться, если нужно, задолго до рассвета, идти из теплой и уютной комнаты в холод и стужу, в дождь и в метель.

Я считаю очень важной гранью самовоспитания то, чтобы человек в годы отрочества и ранней юности как

можно чаще оставался наедине с трудом, чтобы единственным побуждением и повелителем для него была собственная совесть. Умение быть стойким и мужественным как раз в те часы, когда тебя никто не проверяет и ни перед кем ты не отчитываешься,— это, можно сказать, уроки самовоспитания.

Ни одно слово не произносится в школах так часто, как слово «должен». Ежедневно миллионы раз в устах наставников звучит: ты должен, вы должны. Но в то же время не так уж часто произносится или мыслится: «Я должен». А как раз в том, чтобы вы, мой юный друг, чувствовали и считали себя долженствующим (прекрасно это русское слово!) и заключается нравственный смысл самовоспитания. Чувство и переживание долженствования, способность осознавать свою ответственность приходит в душу к тому человеку, который постиг на собственном опыте изумление перед созданным собственными руками, мыслью, волей.

На мой взгляд, наша воспитательная система не должна признавать наказаний детей и подростков в том виде, как они существуют еще, к сожалению, в школьной и семейной практике. Наказание не побуждает к самовоспитанию. Оно воспринимается ребенком, как возмездие, как кара со стороны, его же собственная душа при этом остается бездейственной, пассивной. Наказание, по словам мудрого мыслителя и знатока души Ф. М. Достоевского, освобождает человека от мук совести. Истинный же смысл подлинно человеческого воспитания заключается в том, чтобы вы, мой юный друг, видели мир не только глазами, но и сердцем (если же сердце ваше не участвует в видении мира, то и глаза ваши ничего не видят). Воспитывать самого себя — значит уметь переживать угрызения совести. И в миссии воспитателя, пожалуй, самое сложное, самое мучительное, самое радостное и самое счастливейшее — учить ребенка оставаться наедине со своей совестью. Тонкость и мудрость воспитания как раз и состоит в том, чтобы научить человека наказывать себя. В этой мудрости педагога — самая сильная власть человека над человеком.

...Восьмилетний Юрко пришел в школу с рогаткой. До уроков оставалось еще много времени. Мальчик уселся под кустом сирени и стал смотреть на воробьев, весело чирикавших и перелетавших с ветки на ветку. Вдруг все

воробьи поднялись и улетели. Остался один. Юрко прицелился. Мальчишка не собирался убивать воробья, и когда тот упал, ему стало страшно. И в то мгновение Юра почувствовал, как кто-то прикоснулся к его плечу. Это был Учитель.

Он раздвинул ветви, и Юрко увидел: у толстого пня, на старом сучке — воробьиное гнездо. Из него выглядывали птенцы. Голые и беспомощные, они жалобно пищали. «Они остались без матери,— сказал Учитель, как бы размышляя вслух.— Спасти их никто теперь не сможет...»

Ночью Юрко почти не спал. Он все видел птенцов, жалобно протягивавших клювики...

Сейчас Юрку тридцать лет. Вот его слова, сказанные несколько дней назад: «Если бы вы тогда строго наказали меня, если бы в школу вызвали отца... я не карал бы себя много лет за этот выстрел из рогатки. Вы заставили меня быть собственным судьей. Мне казалось, что после моего выстрела в мире стало меньше птичьего щебетания...»

...Готовясь к экзаменам, Коля написал пять шпаргалок. Билет оказался трудным.

Коля сел за парту и вдруг встретился глазами с Учителем. Это произошло как раз в то мгновение, когда Коля протянул два пальца под рукав, чтобы вытащить шпаргалку. Учитель отвел глаза, лицо его покрылось краской стыда. Он поднялся из-за стола, отошел к окну. Коля так и застыл.

С трудом справившись с волнением, мальчик подготовился к ответу. Когда наконец его вызвали, учитель вышел из класса и вернулся, когда Коля закончил отвечать.

Никогда больше Коля не писал шпаргалок. И если кто-нибудь из товарищей пытался помочь ему подсказкой, Коля говорил, что всегда вспоминал глаза Учителя в ту минуту, когда тот отошел к окну...

Теперь я попытаюсь ответить на вопросы, которые, думается мне, волнуют вас, юный друг (как мне хочется, чтобы вопросы эти взволновали и каждого учителя): в чем же истоки силы, заставляющей человека быть самым строгим судьей собственных поступков? Что делает Совесть недремлющим стражем поступков, рассудка?

Представьте себе, что музыкант взял в руки ненастроенную скрипку и стал играть... Ясно, что ничего у него

не получится (да и не станет даже пробовать играть мало-мальски грамотный музыкант на ненастроенном инструменте). В школах же происходит странное явление: многие учителя пытаются воспитывать невоспитуемых. Воспитание же заключается прежде всего в том, чтобы вырабатывать, оттачивать у человека способность **быть воспитуемым**. Способность же эта — чуткость души, чуткость сердца воспитанника к тончайшему оттенку слова воспитателя, к его взгляду, к жесту, к улыбке, к задумчивости и молчаливости... Почему Юрко и Коля, о которых я рассказывал вам, оказались способными властвовать над чувствами, почему Учитель нашел такой огонек, в свете которого каждый из них увидел сам себя, задумался о себе? В школе, где они воспитываются, педагоги направляют духовные силы каждого на познание и чувствование рядом с собой другого человека.

Мы учим детей читать чувства людей — радость, боль, обиду, недоумение, смятение, стыд и многие, многие другие — в их глазах, бесконечно разнообразных тонах, в полутонах голоса; в том, как человек смотрит и как видит, как смотрит и ничего не видит, как говорит и как безмолвствует, как идет и как стоит, как радуется и как огорчается. Не менее важным, чем овладение основами науки о природе и обществе, считаем мы, является овладение языком чувств. Мы учим взаимному человеческому проникновению — так я называю способность принимать близко к сердцу радости и горести другого человека. Еще раз повторяю: воспитуемым становится лишь тот, кто видит мир не только глазами, но и сердцем: если же сердце слепо и глухо, то и глаза ничего не видят. Эмоциональное невежество порождает равнодушие, бессердечность: человек среди людей, бывает, чувствует себя, как в пустыне. Вот что запомнилось мне на всю жизнь.

Три недели не был в школе первоклассник Сережа: болел. Соскучился по товарищам и по учительнице. Радостный, взволнованный пришел в школу. И встретил равнодушные глаза ребят. Коля, сосед по парте, спросил: «А ты выполнил сегодня задание?» «Выполнил», — тихо сказал Сережа и заплакал...

Невоспитуемый человек глух к тончайшему и, по существу, единственному инструменту нашему — слову.

И еще одно исключительно важное условие, от которого зависит способность быть судьей собственных

поступков. С подростками надо говорить о том, о чем я говорю с вами, мой пятнадцатилетний друг. Воспитывать самого себя человек сможет лишь тогда, когда он знает самого себя.

С уважением к вам В. Сухомлинский.

Комсомольская правда, 1969, 26 дек.

МОГУЧИЙ ВОСПИТАТЕЛЬ

В наше время в школу приходят все новые и новые источники знаний: кино, телевизор, технические средства обучения. Трудно книге соревноваться с более интересными и, можно сказать, более простыми тропами познания и самопознания, потому что смотреть кинофильм — это прежде всего развлечение, удовольствие, а читать книгу — в первую очередь труд, и нередко труд напряженный, нелегкий, но если чтение хорошей книги вошло глубоко в духовный мир школьника, то оно становится творчеством, самовоспитанием.

В многогранной воспитательной работе школы детское чтение, воспитание книгой — не самая ли сложная проблема? Речь идет о тончайшем и сильнейшем — наряду со словом учителя — средстве влияния на душу ребенка и подростка. Мы уверены, что развитие детской литературы во многом зависит от того, какое место занимает чтение в интеллектуальной жизни школы, как сохраняется ведущая роль книги среди других духовных интересов детей, подростков, юношества.

С тревогой приходится наблюдать, как в отдельных школах книгу вытесняют кинофильм, телевизор, она отступает на задний план. Как ни удивительно, но это так: большим злом многих школ становится сейчас бескнижье: книги на библиотечных полках есть, но они мало читаются, стоят, как спящие великаны... а школьник, бывает, не знает много чтения, кроме чтения учебника.

Что нас особенно беспокоит, так это то, чтобы книга оставалась и всегда была ведущей силой воспитания, чтобы главной духовной потребностью человека было чтение. Только тогда в школе будет господствовать мысль, а не зубрежка. Достижение этих воспитательных целей, на наш взгляд, в значительной мере зависит от того, как

преподается, изучается литература, каковы взаимосвязи между уроком литературы и внеклассным чтением.

Литература — это человековедение, а преподавание, изучение литературы — музыка души, музыка слова, и учитель должен быть тем мастером, который доносит звучание этой музыки до юного сердца.

Произошел недавно в одной школе такой случай. Учился в восьмом классе Михаил — стройный, крепкий юноша, единственный сын у матери. Уже в пятом классе о мальчишке пошла слава: безнадежный лодырь, бездельник. Едва «перетаскивали» Михаила из класса в класс, но один раз все-таки остался он на второй год. До конца обучения в восьмом классе оставалось три месяца, когда к директору пришли Михаил с матерью. Михаил стоял хмурый, молчаливый, а мать начала упрашивать: освободите парня от дальнейшей учебы, хочу пристроить его к какому-нибудь делу. Директор одобрил решение матери.

Недосягаемой мудростью, «камнем преткновения» для Михаила были письменные работы — сочинения по литературе.

Ему казалось: зачем писать сочинение о произведении, написанном писателем, ведь лучше писателя не напишешь. У юноши был серьезный конфликт с Ниной Петровной — учительницей языка и литературы. Учительница ставила в журнал двойку за двойкой. Михаил вообще перестал писать сочинения. На уроках у Нины Петровны он начал баловаться, как ребенок. Когда бледная от гнева учительница приходила в учительскую, у нее дрожали руки; товарищи с возмущением говорили: до каких же пор это будет? Узнав, что Михаил устраивается на работу, товарищи поздравляли Нину Петровну...

За школьными хлопотами некогда было думать о Михаиле. Приближались экзамены. У Нины Петровны вышел из строя телевизор. Она позвонила в телевизионную мастерскую, недавно открытую в райцентре, попросила: пришлите умелого мастера.

И вот, придя домой, Нина Петровна услышала стук в дверь. Перед ней стоял Михаил с маленьким ящичком. Нина Петровна растерялась. «Вы ко мне?» — с удивлением спросила она. «Да к вам... Телевизор ремонтировать...»

Тяжелые два часа пережила Нина Петровна, пока Михаил ремонтировал аппарат. Когда он, закончив работу, продемонстрировав прекрасную видимость и звук, сказал: «Гарантия на год»; когда, выписав квитанцию, назвал сумму, которую следовало уплатить, Нина Петровна, потупив глаза от стыда, дала еще три рубля. Михаил вернул их учительнице и тихо, с каким-то внутренним напряжением сказал: «Зачем вы это делаете? Разве этому вы учили меня?! Я сочинений писать не умел, но жить научился правильно. И уроки литературы любил... да, любил больше всего. Они остались у меня в сердце на всю жизнь. Если в школе кто и воспитал меня, так это вы — литературой».

Эта маленькая жизненная история заставляет задуматься над тем, что же главное в преподавании литературы. Наверное, самое важное то, что художественное произведение утвердило в душе человека благородные моральные черты, научило жить. Наверное, влияние художественного произведения на сознание и душу ребенка, подростка, юноши, девушки надо рассматривать так же, как влияние музыки. Представим себе, если бы мы, прослушав прекрасную музыку, услышали вопрос: ну, расскажи, как ты понял эту музыку? Наверное, Михаил воспринимал художественное произведение как удивительную, прекрасную музыку, и ему казалось, что нельзя найти слов лучше, чем сама музыка. Чтобы чтение стало главной духовной потребностью наших питомцев, мы, воспитатели, должны рассматривать литературу как предмет особый. Слово — монолитный сплав идеи и красоты. Знания по литературе — это не то, что знания по математике, проверка знаний по литературе должна быть совершенно не такой, как проверка знаний по математике. (Я знаю одного выпускника средней школы: литературу, как и все остальные предметы, он знал на «5», но за пять лет по окончании школы он не прочитал ни одного художественного произведения).

Обо всем этом надо говорить и думать, ибо детская литература живет в школе только в том случае, если там царит культ книги, если литература в духовной жизни ребенка, подростка, юноши является идейно-художественной ценностью, ибо идея, которую несет в себе слово, рас-

крывается перед человеком только тогда, когда до его сердца, до его души доносится красота.

Наш педагогический коллектив убежден: чтобы литература стала могучим воспитателем детства, надо заботливо, старательно, неусыпной воспитательной работой готовить почву для художественного слова. Мы видим свою воспитательную миссию в том, чтобы с первого же дня пребывания детей в школе учить их видеть красоту, воспринимать и переживать ее. Переживание красоты природы, человека, человеческих отношений — могучее побуждение к мысли.

Мы проводим с маленькими детьми уроки среди природы, учим их видеть и думать, волноваться и увлекаться. Это, на наш взгляд, азбука художественного воспитания, которую должен осмыслить каждый. Только тот, кто умеет видеть красоту, становится чутким к музыке слова, готовым воспринимать идею, выраженную в слове.

Мы считаем чрезвычайно важным делом умение ввести детей в мир книги. Чтение художественного произведения — творчество разума и души, и это творчество ребенок может воспринять от учителя. Тихим летним или зимним вечером приходят дети в школу, собираются в Комнате Сказки или в Уголке Красоты — учитель читает художественное произведение. Бывает, читает то, что уже не раз читалось — ведь подлинное художественное произведение, как и произведение музыкальное, при повторном слушании раскрывает новую красоту. Уже с первого класса у ребенка комплектуется собственная библиотечка. Ежегодно в классе устраивают несколько Праздников Книги. Это волнующие события в жизни детей. У нас сейчас есть Комната Украинского Слова. Сюда приходят подростки, юноши и девушки — почитать, подумать. Здесь хранятся произведения классиков и современных украинских писателей.

Мы, учителя, обращаемся к вам с просьбой: пишите такие произведения, чтобы строчки в них были горячие, как раскаленное железо, чтобы слово ваше касалось сокровеннейших уголков юного сердца. Чтобы яркий свет образов, созданных вами, озарял юную душу, высвечивал ее, чтобы маленький человек видел самого себя, познавал себя. Мы с вами — наставники молодого поколения — должны быть мудрыми учителями детства, отрочества и

юности. Будем помнить, что ребенок познает мир, удивляясь и поражаясь, подросток — увлекаясь и негодуя, юноша — утверждаясь и одухотворяясь. Детству, отрочеству, юности нужны книги, в которых идея привлекала бы своей красотой, волновала, потрясала благородством и доблестью. Только в том случае, если идея влечет и захватывает, она становится идеалом, а нам, как воздух, нужны книги, в которых бы наши питомцы видели идеал. Настоящая духовная жизнь в мире книг — это стремление к идеалу. Подростки и юношество зачитываются «Знаменосцами», «Молодой гвардией», «Всадниками», «Бурьяном», «Правдой и кривдой». Мы мечтаем о новых произведениях, читая которые, молодой наш воспитанник ощутил бы себя гражданином, был бы поражен красотой идеала. Хочется, чтобы писатели смелее переносили в свои произведения неугасимый и немеркнущий огонь революционной борьбы, ненависти советского народа к врагам нашей Родины, огонь коммунистической любви к Отчизне и непримиримость к ее врагам.

Неисчерпаемая тема детской художественной литературы — образ В. И. Ленина. Читая произведения о Ленине — думай о своей жизни — так мы учим своих воспитанников. Ждем новых и новых произведений об Ильиче, хотим, чтобы дети, особенно подростки и юношество, увлекались его героической борьбой за счастье трудящихся.

Подростков и юношество волнуют такие вопросы, как цель жизни, бессмертные идейные ценности, коммунистическая принципиальность, верность убеждениям, готовность к самопожертвованию во имя убеждений. Дайте же такие произведения, в которых было бы искреннее, открытое обращение к разуму, сознанию и чувствам юного гражданина, дайте детям и юношеству такие произведения, чтобы, читая их, человек поставил бы перед собой вопрос: кто я? Для чего живу на свете? Что я могу сделать и сделаю для Родины? Сохраните в своих произведениях на века огонек героизма, пусть он зовет новые поколения на подвиги, пусть пробуждает в каждом сердце высокие чувства патриота.

В жизни еще есть зло, оно многолико и часто трудно уловимо. Помогайте нам бороться с этим злом, ибо от него школу стеной не отгородишь. Обучение — неимоверно

тяжелый, сложный труд — и для учителя, и для того, кого мы воспитываем, но именно в этом и счастье нашего творчества.

*Сборник «Час, діти, література»,
К., Радянська школа, 1969.*

СЛОВО К ОТЦАМ

В зимние вечера к нам в школу часто приходят отцы. И мы, педагоги, ведем с ними особый разговор — о высокой миссии мужчины в семье. Этому разговору придается важное значение, потому что роль отца в воспитании детей особенная.

В самом деле, как хочется ребенку, чтобы отец его был личностью сильной, ярко выраженной, ответственной. Если бы каждый отец знал и понимал, какую огромную потребность в нем испытывает ребенок, как он хочет, чтобы рядом был мудрый, мужественный мужчина!

В начале пятидесятых годов учились у нас в школе две подружки-второклассницы. У одной из них — Наташи — не было отца. Когда девочка была маленькой, она часто спрашивала у мамы, где отец. Мать молчала, а однажды расплакалась... Став школьницей, Наташа больше никогда не задавала вопросов об отце.

У ее подружки Нasti были и мать, и отец. Как-то пришла в гости Настя к Наташе и спросила: «Где твой папа?» Девочке стыдно было сказать, что у нее нет отца, и она ответила: «Тато мой — летчик. Он летает... и дома бывает редко». Из денег, которые мать давала на обед, Наташа ежедневно откладывала по несколько копеек. Однажды села в автобус, поехала в город и купила фуражку летчика... Если в дневнике у девочки появлялись неважные отметки, она говорила подружкам: «Ой, что же мне тато мой скажет...» В этих словах звучала не боязнь, а гордость...

Наташа выросла. У нее теперь своя семья: муж и две дочери. Помнится, в день, когда молодая мать впервые привела в школу свою старшую дочь, она рассказала:

— Вы не представляете, как нужен мне был в детстве отец. Я создала его в своем воображении. Так легче было жить. Отец представлялся мне добрым, но строгим, требовательным. Хотелось, чтобы он взял однажды мой

дневник и сказал: «Ну, что у тебя там, дочка...» Особенно тяжело было в дни, когда я болела. Как ждала я, что подойдет к кровати большой, сильный человек, положит руку на голову, подбодрит: «Ничего, дочка, скоро выздоровеешь...»

Я знала многих детей, отцы которых погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Взрослые уже люди, они до сих пор берегут как святыню какую-то вещь, оставшуюся от отца: звездочку, ремень, платок, ручку, кiset, сумку...

Никогда не забыть мне маленького Сережу. Его отец пал в битве в Карпатских горах. Долго плакала мать, получив спичий конверт с похоронным извещением. Окончилась война, возвращались солдаты из армии. Однажды в горячий летний день в дом к Сереже пришел седоусый солдат. Он рассказал о смерти отца мальчика. «Погиб твой отец-пулеметчик от фашистского снаряда, — обратился солдат к Сереже. — Нашел я на месте гибели только ложку своего друга». И передал эту ложку мальчику.

Шли годы. Сережа тоже стал солдатом. В армию юноша взял с собой дорогую реликвию. Три года служил, и алюминиевая ложка была его неразлучной спутницей. Теперь у Сережи растут три сына. Ложка их деда лежит на самом видном месте, и уверен: будет лежать вечно.

Если мы говорим о гражданском облике отца, его способности стать образцом для детей, то измеряется эта гражданственность прежде всего обязанностью быть ответственным за своих детей.

Отношения в семье исторически сложились так, что труд отца, имеющий целью заботу о здоровье, благополучии, жизни детей, становится средоточием нравственности. Чем желаннее и радостнее для мужчины этот труд, тем благороднее его моральный облик, тем более достойный образец для подражания являет он собой.

Отец — самый родной, самый дорогой для ребенка мужчина, в образе которого выражается человеческая ответственность за его приход в свет, за каждый его шаг и поступок в жизни. В отцовстве — великая миссия преемственности поколений, нравственного совершенствования в новой, созданной отцом и матерью личности.

Хочется, чтобы все отцы понимали: мера сыновнего подчинения, послушания, дисциплины определяется мерой отцовской ответственности. Его служение людям,

верность и преданность родной стране — гордость детей. Они дорожат тем, что отец отдал и отдает своему народу, что оставляет от своей души, своего разума в материальных и духовных ценностях Отечества.

В народе говорят: «Сыну надо иметь свой корень». Родительский корень, родительские заслуги, родительская честь не должны стать для сына капиталом, за счет которого можно жить, пользуясь благами и привилегиями. На родительском корне, если у сына не будет корня собственного, может вырасти чертополох. Чем ярче светят заслуги отца, тем необходимее сыну собственный свет. Этот свет может зажечь отец огнем своей верности высоким идеалам общества, своим трудом во имя этих идеалов.

Наши учителя стремятся в воспитательной работе к тому, чтобы каждый школьник видел, открывал в своем отце черты, творящие непреходящие человеческие ценности — гордость, достоинство семьи. Познание нравственных богатств в собственном отце — ничем не заменимые уроки гражданской чести.

Вот два таких урока.

Когда окончился учебный год, отец сказал Пете:

— Сегодня поедем на мое поле, сынок.

— Разве у тебя есть свое поле? — спросил сын.

— Есть.

Добирались долго: поездом, автобусом. Наконец, достигли леса. Вдоль опушки увидели широкое ровное поле, на нем колосилась пшеница.

— Это мое поле, — сказал отец. — Здесь я сражался с фашистами. Выбили мы отсюда врага. На этом поле — моя кровь... Вон под тем холмом я лежал раненый...

Задумчиво, строго, совсем по-новому смотрел сын на поле, казавшееся ему до сих пор самым обыкновенным. Может быть, именно в этот миг понял мальчуган, что значит служить своему народу. И здесь же увидел в своем отце верного защитника Родины, храброго человека. Если каждый из сыновей станет, как Петя после посещения такого поля, смотреть на отца влюбленными глазами, — уверен, не будет места непослушанию, неуважению.

А вот другой пример.

У Филиппка, маленького второклассника, отец тоже воевал с фашистами, был награжден медалью «За бое-

вые заслуги». Зимними вечерами отец рассказывал сыну о трудных дорогах войны, окопах в снегах и болотах, мужестве наших воинов.

«Какая это трудная медаль...» — сказал однажды Филиппок, ложась спать. А вскоре завершился учебный год. Мальчик принес домой большую книгу с яркими рисунками — награду за успешное учение. Мама улыбалась, рассматривая книжку, а Филиппок молчал.

— Что случилось? Почему школьная премия тебя не радует? — с удивлением спросила мать.

— Потому что не было трудно... — ответил сыншшка.

Есть над чем задуматься не только отцам, но и нам, учителям. Порой еще мало заботимся мы о том, чтобы в сознании детворы сливались воедино три понятия: «трудно», «прекрасно», «надо». К тому же, воспитывая чувство любви и уважения к старшим, и в частности к отцу, нам, педагогам, следует быть очень чуткими и тактичными.

...Идет урок. Учительница по очереди спрашивает первоклассников об их родителях. Дети отвечают, учительница записывает. Услышав вопрос об отце, обращенный к соседу по парте, Петя побледнел.

Оказалось, накануне, возвращаясь из школы, мальчуган встретил своего отца возле чайной. Склонившись на забор, тот смотрел на дорогу пьяными глазами. «Тату, идемте домой», — уговаривал Петя отца на глазах у проходящих мимо людей, и мальчишке было бесконечно стыдно перед ними...

В поле гудел трактор, светило солнце. Мир казался счастливым и спокойным. Но разве может быть счастливым хоть один человек, пока маленький Петя плачет над пьяным отцом, а потом, ожидая вопроса учительницы, обливается холодным потом? Всегда ли мы задумываемся о том, что в такие минуты у маленького человека ломается вера во все светлое, радостное и правильное. Без веры в «правильное» — это слово я заимствовал из рассказа одного подростка о своем домашнем горе — не может быть и речи о полноценном воспитании. Ребенок счастлив лишь тогда, когда он верит. Непослушание, дерзости, грубость — все это появляется в детском поведении именно в те моменты, когда ломается вера.

Если бы меня спросили, что самое трудное в нашей работе, я бы ответил: говорить с ребенком о его отце

и матери. Здесь малейшее неумение, оплошность, неточность могут привести к пагубным последствиям.

...В первом классе было тихо, дети рисовали осень. «А Митин тато в тюрьме», — вдруг послышался звонкий мальчишеский голос.

Павлик живет по соседству с Митей. Мальчик не мог не сообщить такую интересную новость: мама вчера рассказала, что отца Мити осудили.

Я от неожиданности не мог собраться с мыслями. Митя покраснел: карандаш, которым он рисовал дождь, задрожал в руке.

«Ничего удивительного в этом нет, — сказал я малышам. — Вы знаете, что Митин папа — стекольщик. Помните, он в школе стеклил окна? В тюрьме есть выбитые стекла... Митин отец поехал туда стеклить окна. Не такая это быстрая работа».

В глазах Мити засветились огоньки благодарности.

Наша учительская миссия — защищать детскую душу. Бывают такие обстоятельства, когда перед ребенком как будто бы острое лезвие ножа: он в ужасе, все в нем замирает. Такое чувство переживается в минуты обнажения тех интимных семейных взаимоотношений, которые ребенку хочется прикрыть, спрятать.

Вот почему мне хочется сказать отцам: знайте и помните — дети переживают ваше падение, как свое личное горе, воспринимают вашу радость, как свою. Берегите же детскую любовь к человеку, укрепляйте веру в человека.

Правда, 1970, 5 янв.

КТО СЕГОДНЯ ЗА ПАРТОЙ?

Ежедневно, входя в класс, я пристально всматриваюсь в лица своих учеников. Я думаю, какими они вырастут, что и как надо делать, чтобы воспитать из них мыслителей, тружеников, чтобы все мои ученики стали просвещенными людьми, настоящими гражданами своей Родины.

Что такое действительно просвещенный человек? Над этим не раз задумывался В. И. Ленин. Он всегда подчеркивал, что наука должна входить в плоть и кровь, превращаться в составной элемент быта²⁶. Нам нужны люди, говорил Ильич, за которых можно ручаться, что

они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести...²⁷ Многие работы вождя проникнуты мыслью о том, что учить молодежь коммунизму — это значит вырабатывать у нее собственные убеждения. Идеи коммунистической убежденности являются той путеводной звездой, которая освещает дорогу воспитания в наше время.

Задумаемся над словами «действительно просвещенный человек». Мы имеем дело с тончайшей и нежнейшей вещью, со сложнейшим и капризнейшим «строительным материалом» — сознанием ребенка. Мы не просто берем готовым этот материал. Мы его создаем, придавая ему качества, нужные для возведения прочного здания — твердых, непоколебимых коммунистических убеждений.

Школьное обучение не может сводиться к накоплению знаний про запас — для будущего. Школьное обучение должно быть активной идейной гражданской жизнью молодого человека, становиться проявлением творческих сил личности именно в тот период ее умственного, морального, эстетического развития, когда она не только познает, усваивает знания о мире, но и вырабатывает собственное отношение к миру, к самой себе. Выработать личное отношение к тому, о чем воспитанники узнают и что познают, — значит научить их дорожить и непавидеть. В этом духовные ценности нашего общества.

Что значит жить гражданской жизнью, сидя за школьной партией? Это значит, овладевая знаниями, утверждать в себе борца за коммунистические идеалы, непримиримость к вражеской идеологии, утверждать в себе патриота, труженика, воина. Единство идейной жизни и обучения — это и есть то, о чем часто говорят: воспитание в процессе обучения. Ленинское отношение к знаниям, науке, труду, гражданской жизни за школьной партией — очень сложная и тонкая материя во всей нашей воспитательной работе. По сути своей — это идейно-политическая работа. Гражданская жизнь за школьной партией начинается с личного отношения человека к собственным мыслям, ведь знания — не мертвые истины, которые вкладывают в голову. Знания — это многогранная, идейно и эмоционально богатая жизнь личности. Познавая, человек хочет, стремится, сочувствует, ненавидит. Я всегда стремлюсь к тому, чтобы, осмысливая знания, мой воспитанник был борцом — моим единомышленником.

Воспитывать действительно просвещенных людей, формировать коммунистическое отношение к знаниям — значит раскрывать перед юношеством яркие образы людей, отдавших свою жизнь за торжество правды, за счастье будущих поколений. Я добивался того, чтобы горячие, как раскаленное железо, страницы истории зажигали юные души, пробуждали стремление верно служить Родине. Без этого нет гражданственности. Настоящая подготовка просвещенных людей — это прежде всего познание человека: его героической души, преданности Родине.

Могучей воспитательной силой является образ великого Ленина. Его жизнь, революционная мысль, марксистская убежденность и целеустремленность, умение дожить знаниями — важнейшим критерием в самовоспитании наших питомцев. Чтобы рассказывать о Ленине, каждому из нас, воспитателей, надо достичь высот идейной, духовной, педагогической культуры. Суть этой культуры в том, чтобы самому глубоко верить в коммунистические идеалы, вдохновлять воспитанников благородным стремлением бороться за эти идеалы. Когда я рассказываю об Ильиче, то стремлюсь к тому, чтобы детей увлекала красота идейности, красота труда во имя счастья людей.

Познание этой красоты — могучий стимул, пробуждающий желание учиться, быть духовно богатым, идейно непоколебимым.

Что значит воспитывать действительно просвещенных людей, добиваться того, чтобы за школьной партией сидел гражданин? Это значит учить быть мыслителем и тружеником. Не потребителем готового, а добытчиком знаний. Если человек не добывает знаний, не переживает при этом напряжения духовных, волевых сил, до него не дойдет и мое слово о человеке.

Встречаются в старших классах такие ученики: в глазах — равнодушие, слово воспитателя не зажигает огонька интереса к знаниям. Почему так бывает? Потому, что знания даются в готовом виде и миссия ученика ограничивается тем, чтобы заучить, а по требованию учителя ответить «материал». При таком обучении слабеет, а то и сводится на нет воспитательная сила знаний.

Гражданственность знаний и мысли начинается с того, что учащиеся принимают близко к сердцу научную истину, родившуюся в борьбе науки против темноты

и невежества, прогресса против религии. Вы рассказываете, например, пятиклассникам о давних событиях — о греко-персидских войнах, о положении рабов в Риме, о Спартаке. Если вы подлинный воспитатель, ваше слово — не бесстрастное «изложение материала», а обращение к сознанию питомцев. Что бы ни изучалось на уроке, но если речь идет об обществе, народе, государстве, классовой борьбе, человеку, идеологии, художественном воплощении мыслей и страстей, ваше слово должно быть обращением к мысли и совести.

Переживая обращение учителя — старшего товарища, умудренного жизненным опытом, они чувствуют себя словно участниками похода по тернистой тропе знаний: вместе с учителем идут этой тропой к истине. Если я хочу поднять своего питомца до коммунистических убеждений, то должен рассказывать о давних событиях так, чтобы он почувствовал себя и рабом, прикованным к галере, и гордым, свободным воином армии Спартака. Если вы сумеете пробудить у воспитанников такие чувства, они будут не 13-летними младенцами, а в мыслях и чувствах своих будут стремиться к борьбе за правду, против вражеской идеологии и человеконенавистничества, и критерием добра, огоньком, к которому стремятся учитель и его воспитанник, всегда будет коммунистический идеал.

Но это только часть гражданственности. Настоящая гражданская просвещенность немыслима без стремления творить, трудиться во имя того, чтобы Родина была могущественней и счастливей. Давая знания о Родине, умеете передать воспитанникам не только гордость за ее достижения, но и сердечную боль, тревогу, заботу о том, что не все у нас такое, каким должно быть. Юноша, сидящий за школьной партой, станет настоящим гражданином лишь тогда, когда увидит перед собой всю сложность пути, по которому идти ему в жизни. Без этого немыслимо гражданское воспитание. Дело это исключительно важное, сложное и тонкое. Гражданина не воспитаешь, если человеку все будет представляться в розовом свете. Гражданственность состоит из чувства хозяина, из чувства ответственности за все, что есть в нашей жизни. Тут очень важно, чтобы знание плохого не превратилось в демагогическую болтовню. О горьком настоящий гражданин меньше говорит, а больше думает: как от него

избавиться? Для человека, который до 17 лет сидит за партой, для которого создание материальных и духовных благ станет основной деятельностью в будущем, знания о Родине должны быть не просто суммой фактов и выводов, требующих усвоения. Надо, чтобы наш воспитанник чувствовал личную причастность к судьбе народа. История народа — вечно живая сила, создающая гражданина.

Воспитание гражданина за школьной партой — это умение пробудить чувство гордости при мысли о том, что я сын первой в мире социалистической державы. Мы добиваемся того, чтобы каждый воспитанник осмыслил, что он — плоть от плоти трудового народа, что угнетенные в странах капитала — его братья по классу, а каждый человек труда в нашем обществе — его единомышленник и соратник в борьбе за построение коммунизма.

Высокая миссия воспитателя в том, чтобы учить молодежь видеть в нашей социалистической современности героическое, увлекаться обычным и повседневным, переживать удивление перед величайшим творением социалистического строя — новым человеком, постичь счастье борьбы, а если жизнь потребует, то и самопожертвования во имя Родины. Гражданское воспитание за школьной партой состоит в том, чтобы в юном сердце кипели гнев, ненависть к угнетателям.

Учить и воспитывать по-ленински — значит воспитывать тружеников мысли.

Удивляет примитивный взгляд некоторых педагогов на труд и трудовое воспитание. Кое-кому кажется, что труд начинается там, где человек взял в руки лопату или веник. Неправильный взгляд на сущность труда приносит вред: к лопате и венику, к плугу и рулю трактора у некоторой части подростков возникает пренебрежение, ибо они не познают (с первых дней своего пребывания в школе) всей многогранности труда. Труд — это не только лопата и веник, но и мысль. Как важно, чтобы питомцы наши постигли на собственном опыте, что мыслить — нелегкий труд, и как раз его сложность и дает человеку большую радость. Гармония умственного и физического труда — вот что нужно для воспитания умных, просвещенных, культурных граждан. Воспитание действительно просвещенных людей — это дух истинного труда в школе, дух пытливой и настойчивой, беспокойной мысли.

В сознании юного гражданина не должна даже зародиться мысль, что учеба — легкое дело. Ежедневно, на каждом уроке учащийся должен что-то добывать своими усилиями. У лучших педагогов желание воспитанников узнать и знать никогда не угасает, ибо они чувствуют гордость от того, что, думая, они трудятся. Утвердите у своего ученика отношение к мысли как к труду — и он будет в полном смысле этого слова вашим воспитанником.

Мышление становится трудом в том случае, если в школе создаются взаимоотношения, при которых знания — не мертвый груз. Знания должны всегда быть в движении, входить в духовную жизнь коллектива.

Мыслителем ваш воспитанник становится лишь тогда, когда вы приходите к нему с мыслью, зажигаете его своей любознательностью, жадностью и ненасытностью к познанию, передаете ему чувство гордости мыслителя.

Урок — первый очаг, согревшись у которого, человек стремится стать мыслителем. Я вижу чрезвычайно важную воспитательную цель урока в том, чтобы зажечь в маленьком человеке жажду познания. Если после моего урока подросток не чувствует желания знать больше, чем я ему рассказал, значит воспитательная цель урока не достигнута. Что значит прийти в класс с мыслью? Это значит, образно говоря, принести удивление. Воспитанник мой должен пережить чувство удивления. Мой урок должен воодушевить его смелостью, необходимой для того, чтобы пуститься в океан знаний. Если у меня в классе тридцать учеников, то это значит, что на полках моей библиотеки должно быть триста книг, которые с увлечением будут читать мои воспитанники. Только книга превратит удивление в любознательность. Только чтение открывает перед человеком богатство интеллектуальной жизни. От того, как и что читает человек в годы отрочества и ранней юности, зависит становление в нем мыслителя-труженика. Какой бы предмет вы ни преподавали, вы должны пробуждать тягу к книгам, проникнутым идеями, которые возвеличивают, облагораживают человека.

Если школьник учит уроки только по учебнику, если этим ограничивается его обучение, умственная жизнь его убога и ограничена. Как большой беды, следует бояться того, чтобы умственные силы подростка, юноши шли только на запоминание, заучивание. Чтение, вызванное

потребностью думать,— главное условие развития умственных способностей. В чтении, вызванном потребностью думать, узнавать, удивляться величию и силе разума,— смысл интеллектуальной жизни личности.

В наши дни подростков и юношество окружает богатый мир развлечений. Приятно поиграть в футбол или баскетбол, послушать радио, посмотреть телевизионную передачу. Приятно просто побездельничать — и это нужно. Но когда такие удовольствия поглощают все духовные силы человека, он вырастает убогим и опустошенным. Богатство развлечений — очень важная и сложная проблема воспитания. Решить ее можно только общими усилиями семьи, школы, общественности. Самое главное здесь вот что: в годы детства, отрочества, ранней юности в духовном мире человека должно утвердиться стойкое чувство привлекательности наибольшего удовольствия — чтения, счастливых часов уединения с хорошей, интересной и нужной книгой. Никакие иные удовольствия не могут сравниться с великолепием мысли, с радостью жизни в мире книг.

Ленинские идеи живут в нашей кропотливой работе с детьми. В нашей мысли и заботе о каждом ребенке, о его умственном развитии, духовном богатстве, о его настоящем и будущем. Ленинские идеи живут в самой сущности нашей воспитательной работы: в каждом заботливом, осторожном прикосновении воспитателя к юному сердцу, в единстве мысли и труда, в заботе о том, чтобы из стен школы выходили люди с горячими сердцами патриотов, светлым разумом, чистой душой, работающими руками.

Радянська Україна, 1970, 20 февр.

ЗНАНИЯ И УБЕЖДЕНИЯ

Последний урок. Дети немного устали. Учитель говорит: «Я расскажу вам о далекой Южной Стране. Управляют этой страной богачи, а бедный народ порабощен. В руках богачей — земля, фабрики, заводы, пароходы, оружие, полиция, тюрьмы — это значит, что им принадлежит власть. Посадили богачи в тюрьму молодую женщину-революционерку, приговорили ее к вечному тюремному заключению. В тюрьме родился у молодой женщины

сын. Вот портрет матери-заключенной с малышом на руках. Сын — тоже заключенный. Он уже смотрит на мир, на небо и солнце, далекое море, птиц в небесной синеве. Все это он видит сквозь железные решетки. Он не знает, что такое свобода. Возможно, придется прожить мальчику за тюремной решеткой много лет...

Честные люди всего мира с гневом клеймят палачей — правителей далекой Южной Страны. Честные люди требуют свободы для молодой матери и ее сына-малыша. Дети, разве мы можем быть спокойными, если только что рожденный человек — уже заключенный? Пусть гнев и ненависть кипят в ваших сердцах. Посмотрите в открытое окно: глубокая и спокойная небесная синева, чудесные цветы и деревья под ласковым веселым солнцем. Это же ваше счастье, дети, — счастье мирной, спокойной жизни, завоеванной для вас дедами вашими и прадедами. Но никогда не забывайте, что под этим голубым небом живет и малыш-заключенный! Он видит небо только сквозь решетки. Мы не можем быть счастливы, пока в далекой Южной Стране правят палачи. И счастье наше не может быть безмятежным, пока маленький сыночек женщины-революционерки не знает неба без железных решеток».

Дети слушают учителя, затаив дыхание. В глазах Зины учитель видит гнев, непримиримость, возмущение. Маленькие ручки сжимаются в кулаки. Учитель убежден, что в эти минуты душа девочки поглощена единственной заботой: как же помочь далекому другу — этому малышу, ставшему для нее родным, дорогим?

Учитель знает: далекому другу, брату по классу не поможешь так, как можно помочь пленцу, выпавшему из гнезда. Но это не означает, что дети, которых он воспитывает, чувствуют свое бессилие. Он зажигает в юных сердцах огонек, имя которому — непримиримость, гнев, презрение к врагу. И огонек этот загорается не на сегодня-завтра, а на всю жизнь. Воспитательный идеал советского учителя — чтобы сердце юного гражданина трепетало от ненависти к строю, где возможно порабощение человека человеком.

Ненависть и непримиримость — это не только оружие для будущей борьбы, для возможной реальной схватки с врагом на поле боя. Ненависть и непримиримость — это видение мира. Чем глубже ненавидит человек врагов

своей Родины, тирапов и поработителей, палачей свободы и прогресса, тем дороже ему Родина. Если его воспитанники охвачены ненавистью к тому, кто закрыл голубое небо от глаз малыша железными решетками, они с любовью всматриваются в небо родной земли: оно самое лучшее, ибо оно свободно.

Они с любовью смотрят на поля своей Родины: земля наша самая лучшая, ибо она родная. А родное — наше, советское — дорого нам потому, что тысячи тысяч героев пролили кровь, отдали жизнь за то, чтобы мы твердо и уверенно ходили по своей земле как хозяева, ласково и нежно любили свое голубое небо. Непримируемость и ненависть к врагам Родины должны стать убеждением каждого человека, самой сущностью детской души.

А почему глаза Наташи холодны и равнодушны? Почему ее сердце не волнует судьба правды, справедливости, судьба малыша, родившегося заключенным? Почему Наташе хочется скорее уйти домой — опытный учитель читает это желание в детских глазах, — почему слова старшего, умудренного опытом человека скользят по поверхности ее сознания — ведь так не должно быть! Почему неодинаково усваивают истину — истину революционной, коммунистической правды — Зина и Наташа, ведь воспитываются дети как будто в одинаковых семьях!

Вот то-то и оно, что мир домашней жизни у них совсем разный. Вот что стало известно учителю о том, как воспитывается в семье Зина и как воспитывается Наташа.

Рано утром идет отец Зины на работу. Он говорит дочке: «Приходи после уроков на ферму, поможешь...» Зина очень довольна приглашением отца. Есть на ферме маленькая, теплая комнатка, в которой всегда живут один или два слабеньких, хилых ягненка. Отец и Зина ухаживают за ними, как за больными детьми. Отец научил Зину готовить для ягнят теплое «молоко» из травяной муки. Он говорит, что в этой муке много витаминов — настоящее лекарство для ягнят. Однажды отец заболел и три дня не мог работать. Зина и утром, и после школы, и вечером ходила к маленьким ягням, кормила их, поила. И какую большую радость чувствовал и отец, и Зина в тот день, когда здорового, окрепшего ягненка переводили из «больницы» в общую овчарню. Это был настоящий праздник.

Летом Зина вместе с матерью и отцом сушила луговые травы для ягнят. Однажды какой-то разгильдяй разметал копну этого сена, и его вымочил дождь. Как сердился отец! Отцовский гнев научил девочку многое видеть и понимать. Девочка начала замечать, что иногда в колхозном хозяйстве кое-что делают не так, как следует делать. Так, как нужно, как полагается — стало ее желанием, ее целью. Девочку волновало все: закончили или не закончили очищать пшеницу в колхозном зернохранилище, прикрыл ли снег ровным слоем озимые...

Отец Наташи тоже идет рано утром на работу. Он тоже говорит дочке: «Приходи после уроков на ферму, поможешь...» Наташа идет и помогает. Есть на ферме темный уголок. Несколько раз девочка наблюдала, как, воровато оглядываясь, отец приносил в этот уголок ягненок, убивал его, сдирал шкуру. Наташа стояла у дверей: если бы кто-нибудь приблизился к ферме, она постучала бы сапожком. Но стучать ни разу не приходилось. Потом Наташа несла домой кошелку со шкурой ягненка и свежим мясом. «Никому нельзя говорить об этом, доченька, — учил отец. — Вырастешь — такое пальто тебе будет...» Сначала Наташе было страшно, потом она привыкла...

Вот о чем узнал учитель. Правда, какой бы горькой она ни была, лучше, чем спокойное неведение. Эта правда заставила учителя задуматься над очень важной проблемой — над воспитанием убеждений.

То, что ребенок воспринимает, понимает, знает истину, — это еще не убеждения. Истина, идея, которую мы стремимся открыть юному уму, которую мы хотим сделать словно тропинкой для самостоятельного движения по жизни, эта истина становится убеждением лишь в том случае, если она является такой же дорогой, как дорогá любимая мать. Об убеждении и убежденности можно говорить только в том случае, если ребенок готов вступить в борьбу за торжество истины, если она является для него единственной, неоспоримой, непоколебимой правдой.

Воспитание убеждений, формирование убежденности, идейное воспитание маленького человека происходит ежедневно и ежечасно, независимо от того, ставлю ли я, учитель, наставник, перед собой цель воспитать убеждения или нет, вижу или не вижу, что происходит

в юной душе, противопоставляю фальшивым убеждениям правильные или не противопоставляю. Мир входит в сознание человека через образы, и чем меньше ребенок, чем меньше его жизненный опыт, тем сильнее влияют на его сознание яркие образы жизни — образы, в которых овеществлены человеческие стремления и интересы, отношения и склонности. То, что отец, трусливо озираясь, нес ягненка, чтобы содрать с него шкуру, отложилось в сознании Наташи идеей: любой поступок можно скрыть от людского глаза... умеи только молчать. Эта порочная идея переплелась с другой: превыше всего — личная выгода. Идеи, калечащие и опустошающие детскую душу, наложили отпечаток на поведение Наташи: она стала равнодушной к товарищам, а ее душа — закрытой, словно непроницаемой для подлинно справедливых, благородных, высоких идей.

Успех воспитания убеждений и убежденности зависит, по сути, от окружения, в котором находится ребенок в том возрасте, когда перед ним открывается мир человеческих отношений. Выдающийся русский педагог, врач, общественный деятель Н. И. Пирогов писал: «Только тот может иметь их (убеждения.— В. С.), кто приучен с ранних лет проникательно смотреть на себя, кто приучен с первых лет жизни любить искренне правду, стоять за нее горюю...»²⁸. Здесь в слово убеждения мыслитель вкладывает смысл только благородные убеждения.

Идейное воспитание, формирование стойких коммунистических убеждений, таких прочных и неотделимых от самой сути индивидуальности, что человек готов во имя истины пойти на любые испытания и даже на смерть, — это сфера самого деликатного, что может быть в воспитательной работе. Еще раз надо повторить, что идейное воспитание, формирование убеждений происходит на каждом шагу нашей жизни. По дороге из дому в школу или из школы домой на протяжении нескольких минут ребенок может подвергаться идейному влиянию, намного более глубокому и яркому, чем за несколько часов пребывания в школе, и сила этого влияния именно в том, что идею несут в себе образы, картины, явления жизни (не случайно само слово идея происходит от греческого *idea* — образ).

Было бы большой ошибкой представлять себе дело воспитания так, словно ребенок приходит к нам с душой

чистой, как лист бумаги, и только мы пишем на нем то, что нам нужно. Иногда бывает, что на этом листе запечатлены уже такие прочные письма, что воспитание убеждений немыслимо без борьбы. По самой своей сути идейное воспитание вообще несет в себе ярко выраженный элемент борьбы, а что касается отдельных воспитанников — борьба выдвигается на первое место.

Многие неудачи и ошибки в школьном воспитании происходят потому, что педагог вступает в борьбу не с порочными убеждениями и идеями, утвердившимися в юной душе, а с личностью воспитанника. Если бы все учителя умели избегать этой беды, многих недостатков и промахов школьной жизни вообще бы не было.

Ежедневно перед учащимися открывается мир истин. Учитель ставит цель: утвердить в сознании своих питомцев веру в эти истины как единую и нерушимую правду. Учитель, ведущий ребенка, подростка, юношу по тропе познания, становится воспитателем в том случае, если эта вера в правду сливается с верой в истины, которым он учит.

Я представляю себе школу, как место, где каждый шаг жизни и взаимоотношений воспитанников и учителей исполнены глубокого морального смысла, где маленький человек каждый миг своего бытия находится, образно говоря, под влиянием яркого света правды, стремится к правде, борется за утверждение правды «по уважению к добру и правде, а не из страха и не из корыстных видов похвалы и награды» (Н. А. Добролюбов)²⁹. Зерно истины, которое вы сеете своим словом, надеясь, что оно даст ростки и станет могучей порослью убеждений, — очень хрупкая и капризная вещь. Оно требует животворных соков, требует света и тепла, для него нестерпимы тьма и холод.

Воспитатели, вы должны помнить, что зерна истины, которые вы сеете в юных душах, превращаются в мертвые крошки, если на глазах у ваших питомцев творится зло, если обстановка, в которой они находятся, учит их быть равнодушными. В одной школе научили пионеров произносить высокие слова обязательств, выполнение которых требовало большого, упорного труда. Обязательства были приняты, красиво написаны и вывешены в коридоре... А перед входом в школу стояло несколько засохших яблонь, посаженных на одном из воскресников

и совсем забытых; ни в ком не заговорила совесть: ведь деревья надо поливать...

Так создается дух лжи и лицемерия. Зерна истин, посеянные в такой обстановке, не дают ростков. На словах одно, а в жизни другое — это калечит молодую душу, воспитывает равнодушие и лицемерие. Если с самого младшего возраста в сознание вложить мысль о том, что своим поступком можно скрыть настоящее положение вещей, что об этом поступке никто не узнает, — в школьной жизни исчезнет атмосфера правды, слово учителя утратит воспитательную силу.

Большая опасность таится в обстановке, в которой ребенок с малых лет приучается ко лжи, обману. Нельзя допускать, чтобы по той или иной причине создавались условия, наталкивающие ребенка на ложь. В детстве провинности маленькие, поэтому малыш расскажет о них чистосердечно, не скрывая правды. Пусть не висит над головой ребенка меч наказания за неосторожный, неосмотрительный шаг. Страх перед наказанием не должен загонять в глубь детской души присущие всем малышам искренность и чистосердечность. В младших классах ми никогда не говорим о провинностях. Речь идет только об ошибках. Признаваясь в допущенной ошибке, ребенок проявляет свое стремление стать лучше. Пусть он выставляет это стремление напоказ, пусть гордится своей смелостью, — не бойтесь этого!

Невозможно воспитать непримиримость, нетерпимость к злу, неправде, обману, если ребенок дрожит от страха за каждый свой неправильный, неосмотрительный шаг. Человек стойких убеждений — бесстрашен, а это одна из чрезвычайно важных закономерностей коммунистического воспитания, о которой никогда нельзя забывать! Убежденным может стать только человек с открытой душой. Торжество правды, о котором идет речь как о важнейшем условии воспитания твердых коммунистических убеждений, несовместимо со страхом и малодушием. Страх убивает смелость, малодушие губит искренность и чистосердечность. Возмущаться, презирать, ненавидеть — для этих движений души необходимы мужество, смелость мысли; а трус никогда не может не только смело действовать, но и смело мыслить.

Чтобы воспитать убежденных борцов за коммунизм, надо с глубоким уважением относиться к детской устрем-

ленности к добру, правде, всему величественному. Неуважение к благородным порывам юной души губит убеждения в самом их зародыше.

Коля, маленький пионер-четвероклассник, пришел из школы радостный, возбужденный.

— Мама,— с увлечением рассказал он,— у нас был пионерский сбор. Приходила старшая вожатая. Вот что мы решили: каждому собрать в лесу по сто желудей. Знаете, зачем эти желуди?

— Интересно, зачем? — спросила мать, обрадовавшись детскому воодушевлению.

— Дубраву заложим! Вырастут дубы. И сто лет пройдет, и двести — а все они будут расти и зеленеть. Это Валя рассказала... Я бегу в лес.

Через два часа Коля вернулся из лесу. Принес не сто, а триста желудей. В школе желуди ссыпали в большой мешок, поставили его в конце коридора в уголок.

Прошел месяц, уже и зима на дворе, а мешок все стоит. Когда сломался стул, на котором сидела школьная уборщица тетя Мария, мешок с желудями поставили возле столика вместо стула, и теперь на нем сидела тетя Мария. Коля несколько раз спрашивал у Вали:

— Почему желуди стоят? Ведь на зиму их надо в песок положить и землей прикопать.

— Успеем,— отвечала Валя.— Наша дружина первая по сбору желудей. Переходной вымпел дадут...

Стул отремонтировали, и мешка с желудями не стало. Коля обрадовался. «Значит, закопали желуди в песок», — подумал он.

Зима была долгой и холодной. За многими заботами, радостями и волнениями Коля забыл о желудях. Наступила весна. Отцвели сады. Вот и последний день занятий. Учительница послала Колю к завхозу:

— Попроси мешок. Пойдем в лес собирать лекарственные растения.

Коля побежал к завхозу. Завхоз сидел за маленьким столиком в своей кладовой. Когда Коля попросил мешок, дядя Федор глянул по углам своей кладовки и сказал:

— Вот сейчас высыплю желуди, бери мешок.

У Коли перехватило дыхание. Он не мог и слова вымолвить.

Трудно здесь говорить о воспитании стойких убеждений. Равнодушие взрослых может погасить стремление

к правде, добру, истине. Трудно назвать что-нибудь более недопустимое в стенах школы, чем пример неуважения взрослых к благородным, высоким движениям юной души. Торжество правды в школе — это значит, что слово истины, с которым вы обращаетесь к своему питомцу, превращается в его активную деятельность.

Идея овладевает юным созданием глубже всего тогда, когда образ правды, добра, истины выражается в труде. Зерно истины превращается в стойкое убеждение там, где ребенок на собственном опыте видит, как благодаря его усилиям, его поту и мозолям мир сегодня становится лучше, чем был вчера. Нет иной воспитательной силы, которая могла бы утвердить в сознании ребенка, подростка веру в правдивость слов, моральных поучений педагога, кроме слияния слова и дела, стремления и поступка, увлеченности моральной красотой труда и самим трудом.

В практической воспитательной работе мы стремимся к тому, чтобы в духовной жизни каждого питомца был труд, исполненный глубокого морального содержания — веры в то, что все в окружающей жизни касается его лично, до всего ему есть дело, во все надо вмешиваться. Этот труд не дорожка, усыпанная розами, воспитывает он лишь в том случае, если это труд кропотливый, нелегкий. Пусть духовная жизнь ребенка будет исполнена волнений и тревог, огорчений и неудач — только при этом условии убеждения становятся прочными. По самой своей сущности убеждения — это вещь, которая достигается нелегко. Если бы это было иначе, человек никогда не дорожил бы своими убеждениями. Нелегкий, кропотливый труд — единственно возможная тропа к стойким убеждениям.

Убеждения — это свое, глубоко личное восприятие, осмысливание, переживание идей. В человеке утверждаются собственные убеждения лишь тогда, когда у него есть свой труд, свое собственное напряжение сил во имя того, чтобы мир стал лучше, чем он есть.

Під прапором ленінізму, 1970, № 3.

Во многих трудах В. И. Ленина красной нитью проходит мысль о том, что учить молодежь коммунизму — значит формировать ее коммунистические убеждения. Ленинские идеи о воспитании коммунистических убеждений являются той путеводной звездой, которая освещает путь воспитания в наше сложное время, когда идет непримиримый поединок между коммунистической идеологией и идеологией буржуазной. Мы имеем дело с тончайшей и нежнейшей вещью, со сложнейшим и капризнейшим «строительным материалом» — сознанием ребенка, подростка, юноши или девушки. Мы не просто берем готовым этот строительный материал. Мы его создаем, придавая ему те качества, которые нужны для возведения прочного здания, — твердых, непоколебимых коммунистических убеждений.

За партией сидят миллионы юношей и девушек, которые по своим моральным и физическим силам, способностям могли бы создавать материальные и духовные ценности, работать в цеху, в поле, если бы годы их наиболее интенсивного развития не шли на овладение знаниями. Но школьное обучение не должно сводиться к накоплению знаний «про запас» — для будущего. Обучая, надо создавать в человеке важнейшие моральные и интеллектуальные ценности нашего общества. Школьное обучение — если мы только хотим, чтобы оно формировало действительно просвещенных людей, — должно сочетаться с активной, идейной, гражданской жизнью молодого человека сегодня, стать выражением творческих сил личности именно в тот период ее умственного, морального, эстетического развития, когда она не только познает, усваивает знания о мире, о человеке, о социальной борьбе, но и вырабатывает свое отношение к миру, к человеку, к себе.

Что значит жить гражданской жизнью в школьные годы? Это значит овладевать знаниями, утверждать в себе борца за коммунистические идеалы, непримиримость к враждебной нам идеологии, утверждать в себе патриота, труженика, воина. Единство идейной жизни и обучения — это та очень тонкая вещь, о которой часто говорится: воспитание в процессе обучения. Воспитать ленинское отношение к знаниям, науке, труду, обеспе-

читать гражданскую жизнь за школьной партией — важнейшая и сложнейшая задача воспитательной работы с подростками и юношеством. По самой сути своей — это идейно-политическая работа. Гражданская жизнь за школьной партией начинается с личного отношения к собственным мыслям, ведь знания — не мертвые истины, которые вкладываются в голову. Знания — это многогранная, идейно и эмоционально насыщенная жизнь личности. Познавая, человек *желает, сочувствует, любит, ненавидит*. Педагог должен заботиться о том, чтобы его воспитанник, осмысливая знания, был борцом — его единомышленником. Чтобы, зная и переживая знания, он утверждался на собственных идейных позициях. Свою миссию учитель видит в том, чтобы обучение от начала и до конца сделать воспитанием взглядов, убеждений, стремлений, оценки и самооценки — все это и вкладывается в понятие отношение к знаниям.

Чтобы истина воспитывала, она должна вдохновлять, одухотворять устремления. Учащийся становится гражданином, если стремится к общественно ценной цели. Воспитание в себе идейных устремлений — то же, что заботливое любовное хранение оружия, время воевать которым наступит. Гражданские, идейные устремления при обучении начинаются там, где мысль вдохновляет стремление к идеалу. Знания — это красота подвига, самоотверженность. Страницы истории борьбы человека на пути к вершине счастья — коммунизму — горят неугасимым огнем человеческих страстей. Воспитывать действительно просвещенных людей, формировать ленинское отношение к знаниям — значит раскрывать перед детьми, подростками и юношеством яркие образы людей, отдавших свою жизнь за торжество правды, истины, за счастье будущих поколений. Надо добиваться того, чтобы страницы истории зажигали юные души, пробуждали стремление верно служить Родине. Без этого стремления нет гражданственности.

Могучей воспитательной силой является образ великого Ленина. Его яркая жизнь, революционная мысль, марксистская убежденность и целеустремленность, умение дорожить знаниями — это для наших воспитанников мера в самовоспитании. Но, чтобы рассказывать о В. И. Ленине, воспитателю надо достичь высокого уровня идейной, духовной, педагогической культуры. Суть ее

в том, чтобы воспитатель горел высокими идеалами, стремился к тому, чтобы детей захватывала красота идейности, красота труда во имя счастья людей.

Познание, постижение этой красоты — могучий стимул, пробуждающий желание учиться, стремление быть просвещенным, культурным, духовно богатым, идейно непоколебимым.

Воспитатель должен стремиться к тому, чтобы образ Ленина увлекал, вдохновлял, привлекал, вызывал желание овладевать богатством культуры. Где нет увлечения и вдохновения, не может быть любви к науке и знаниям, к книге и школе, учителю и труду. Нужны такие рассказы о В. И. Ленине, в которых раскрывается единство его слова и дела и он предстает перед учащимися, как живой, эмоционально богатый человек — борец за счастье трудящихся. Если подросток, юноша захвачен образом В. И. Ленина — страстного человека, горячо любившего трудящихся и ненавидевшего эксплуататоров, человека высокой культуры и необъятных знаний, — его помыслы озаряются светом, при котором для него становятся привлекательными, дорогими настоящие человеческие ценности: привлекательной становится реальная возможность жить по-ленински.

Воспитывать людей, по словам В. И. Ленина, действительно просвещенных, добиваться того, чтобы за школьной партой сидел гражданин — значит учить быть мыслителем и тружеником. Не потреблять готовое, а добывать знания должен учащийся. Если он не добывает знаний, не переживает при этом напряжения мысли, волевых сил, до него не дойдет и мое слово о человеке — борце за коммунизм. Есть в старших классах многих школ такие учащиеся: в глазах — равнодушие, слово воспитателя не зажигает огонька интереса к знаниям. Почему так бывает? Потому, что знания даются в готовом виде и миссия ученика ограничивается тем, чтобы запомнить, заучить, сохранить в памяти и по требованию учителя ответить — «выложить материал» из головы. При таком обучении слабеет, а то и сводится на нет воспитательная сила знаний.

Быть гражданином в учебе — значит становиться тружеником мысли, овладевать знаниями по-ленински и дорожить ими по-ленински. Гражданственность знаний и мысли начинается с того, что учащиеся принимают

близко к сердцу научную истину, родившуюся в борьбе науки против темноты и невежества, против религии. Вы рассказываете, например, пятиклассникам о давних событиях — греко-персидских войнах, о положении рабов в Риме, о Спартаке. Если вы — настоящий воспитатель, ваше слово будет не «изложением матернала», а обращением к сознанию и совести питомцев. Что бы ни изучалось на уроке, но если речь идет об обществе, народе, государстве, классовой борьбе, человеку, идеологии, художественном воплощении мыслей и страстей, слово учителя должно быть обращением к мысли и совести учащихся. Переживая обращение учителя — старшего товарища — они чувствуют себя словно участниками похода по нелегкому пути знаний: вместе с учителем идут они к истине, их поражает и вдохновляет мысль о том, что путь этот щедро орошен кровью, их сердца сжимает боль от сочувствия, от искреннего стремления к тому, чтобы правда торжествовала повсюду. Если вы хотите сформировать у своего питомца коммунистические убеждения, рассказывайте о давних событиях так, чтобы он словно почувствовал себя и рабом, прикованным к галере, и гордым, свободным воином армии Спартака. Если вы сумеете пробудить у воспитанников такие чувства, они будут не 13-летними «младенцами», а в мыслях и чувствах своих будут стремиться к борьбе за правду, против враждебной идеологии человеконенавистничества. Тогда критерием добра, огоньком, к которому стремятся учитель и его воспитанник, всегда будет коммунистический идеал.

Быть гражданином уже за школьной партией — это значит глубоко и лично заинтересованно познавать Советскую Родину: ее славное прошлое, героическое настоящее и величественное будущее. Видеть современность глазами патриота-ленинца может только тот, кто всеми силами своей души любит Родину, кто перестрадал ее страданиями и переболел ее болями, кто ощущает себя кровной частицей народа. Быть действительно просвещенным гражданином нашей Родины — это значит любить ее такой, какой создали ее старшие поколения, какой она вышла из жестокой борьбы в годы вражеских нашествий.

Подлинная гражданская просвещенность немыслима и без стремления творить, трудиться во имя того, чтобы

Родина была еще могущественней и счастливей. Юноша уже за партией станет гражданином, если он видит, понимает, принимает близко к сердцу и трудности, которые еще имеются в развитии нашей экономики, в отношениях между людьми, в том случае, если он видит не только розы, но и тернии на пути, по которому идти ему в жизни. Без такого видения, без горячего стремления и готовности идти по этому пути немислимо гражданское воспитание.

Вопрос этот чрезвычайно важный, сложный и тонкий. Гражданина не воспитаешь, если человек все будет видеть в розовом свете. Гражданственность состоит из чувства хозяина, наследника всего, созданного старшими поколениями, а также из чувства ответственности за то, что есть, но чего не должно быть в нашей жизни. Очень важно, чтобы знание плохого не превратилось в демагогическую болтовню. О плохом, досадном, горьком настоящий гражданин меньше говорит, а больше думает, как от него избавиться.

Молодой человек должен жадно вбирать в себя каждую каплю знаний о Родине. Для человека, который до 18 лет сидит за партией, для которого создание материальных и духовных благ станет основной деятельностью в будущем, знания о Родине должны быть не просто фактами и выводами, требующими усвоения. Наш воспитанник должен жить судьбой Родины: с болью и гордостью, с волнением и увлечением, с раздумьями о личной причастности к судьбе народа читать и перечитывать каждую строчку его героической истории. Настоящий учитель своим воспитательным идеалом считает то, чтобы ум и сердце его питомца тянулись к каждой строчке, к каждой книге о Родине. Кем бы ни стал учащийся в будущем — ученым, земледельцем или каменщиком, в годы отрочества и ранней юности он с открытым сердцем и пытливым разумом проходит всеми дорогами и тропами истории Советской Родины — только благодаря этому и при этом условии он входит в наше сегодня с большими внутренними силами и непреодолимым стремлением оставить по себе истинно человеческий след на земле.

Воспитание гражданина за школьной партией — это умение вдохновить молодого человека на раздумья о судьбе Родины, умение пробудить чувство гордости от мысли: «Я сын первой в мире социалистической держа-

вы». Мы добиваемся того, чтобы каждый воспитанник осмыслил, что он плоть от плоти трудового народа, что угнетенные в странах капитала — его братья по классу, а каждый человек труда в нашем обществе — его единомышленник и соратник в борьбе за построение коммунизма.

Высокая миссия воспитателя состоит в том, чтобы учить молодежь видеть в нашей социалистической современности героическое, увлекаться обычным и повседневным, гордиться величайшим творением социалистического строя — новым человеком, постичь счастье борьбы, а если потребуется, то не остановиться и перед самопожертвованием во имя Родины. Понимание великого исторического смысла в обычном, будничном — это идейная, патриотическая сердцевина гражданина, могучий стимул стремления быть настоящим человеком. Только тот, у кого мы, воспитатели, сумели сформировать дар этого видения, находит в себе волевые силы, чтобы понуждать себя, управлять собой. Подлинная сознательность, подлинная дисциплина и самодисциплина, нетерпимость к равнодушию и безделью, лени и растранижированию времени и сил — эти черты можно утвердить только на основе гражданского видения мира, на основе понимания: «На моих глазах совершаются исторические события, и я их участник». Лодыри и бездельники — это прежде всего морально слепые и глухие люди, предотвратить равнодушие к тому, что человек познает, заострение разума и сердца — важнейшая задача ленинского воспитания подростков и юношества.

«Убеждения нужно выстрадать»³⁰, — отмечал Сергей Лазо в своем дневнике. Тогда они становятся собственным богатством души. Надо открыть глаза воспитанника на мир так, чтобы страдания голодных детей рабочего в капиталистическом «раю» он считал и своим горем, чтобы сердце его сжималось от боли при мысли о том, что тысячи патриотов гибнут в застенках фашистских режимов, что в капиталистическом мире каждую секунду умирает от голода один человек — это и будут выстраданные собственные убеждения. Гражданское воспитание за школьной партией состоит в том, чтобы в юном сердце кипел гнев, ненависть к угнетателям и тиранам. Только при условии, что юный разум не просто понимает и осмысливает, но и имеет еще свою точку зрения, свою позицию, — только тогда зерна знаний пускают глубокие корни в

почву труда, в почву творчества, и это связывает все помыслы юноши с жизнью трудящихся, с коммунистическими идеями. Чем дальше видит юный гражданин, чем глубже в его сердце гнев и ненависть к социальной несправедливости, к угнетателям, эксплуататорам, поджигателям войны, тем морально красивей его душа, тем больше способен он быть другом и братом для своего соотечественника.

Истина только тогда истина, когда она служит людям, писал Гете. По-ленински учить и воспитывать действительно просвещенных людей — значит утверждать в сознании питомцев не вообще истину, а истину революционной борьбы, истину любви к трудящимся, непримиримость к нашим идейным противникам, ненависть к врагам Родины. Наш воспитанник должен думать о знаниях, думать об истине так, чтобы от этих мыслей в его груди ускоренно билось сердце юного гражданина. Для этого воспитатель должен не просто перекладывать знания из своей головы в голову учащихся, а звать, вести за собой юных граждан, быть знаменосцем просвещенности.

Учить и воспитывать по-ленински — значит воспитывать тружеников мысли. Некоторым педагогам кажется, что труд начинается там, где человек взял в руки лопату или молоток. Неправильный взгляд на сущность труда приносит вред: к лопате и молотку, к плугу и рулю трактора у некоторой части подростков возникает пренебрежение именно потому, что они не познают (с первых дней своего пребывания в школе) всей многогранности труда.

Труд — это не только лопата и молоток, но и мысль. Как важно, чтобы воспитанники наши постигли на собственном опыте, что мыслить — это нелегкий труд, и как раз его сложность приносит человеку большую радость. Гармония умственного и физического труда — вот благодаря чему можно воспитать искреннее стремление быть просвещенным, культурным. Воспитывать гражданина уже за школьной партией — значит учить детей, подростков, юношество по-ленински добывать знания, по-ленински сосредоточиваться. Очень важная задача учителя — вызвать в юных сердцах восхищение ленинским трудолюбием, верностью подлинной науке, любовью к книге.

Ныне, когда мы стоим на пороге осуществления всеобщего среднего образования, чрезвычайно важно, чтобы наши воспитанники на собственном опыте убеждались:

трудно — это не только нужно, необходимо, но и прекрасно. Воспитание действительно просвещенных людей — это дух истинного труда в школе, дух пытливой и настойчивой, ищущей и беспокойной мысли. Мы культивируем мысль, превращая ее в убеждение: чем труднее учиться, тем почетнее быть победителем в преодолении трудностей. Прочные знания — это в наше время острое оружие в руках патриота. Идти на битвы идей без знаний или с поверхностными знаниями — значит быть плохим солдатом.

В сознании учащегося не должна даже зародиться мысль о том, что учеба — дело легкое. Подросткам и юношеству — а так нередко бывает — очень трудно учиться именно потому, что в их жизни был продолжительный период, когда учеба давалась им очень легко.

Ежедневно, на каждом уроке учащийся должен что-то добывать своими усилиями — это не только правило дидактики, но и важная закономерность воспитания. У лучших педагогов стремление питомцев к знанию никогда не угасает потому, что, обучаясь, они переживают гордость от того, что, думая, они трудятся. Утвердите у своего ученика отношение к учебе, мышлению как к труду — и знания станут для него желанной необходимостью. Кое-кто считает, что правильное воспитание на уроках арифметики уже достигается решением задач, в которых речь идет о перевыполнении планов (о чем решать задачи — очень важно, но далеко еще не все).

Мышление становится трудом при условии, если в школе создаются взаимоотношения, когда знания не мертвый и неподвижный груз. Знания должны быть в движении, входить в духовную жизнь коллектива, стимулировать отношения обязанностей и дисциплины, дружбы и ответственности. За партой сидят люди с паспортами и свидетельствами призывника — они должны чувствовать себя завтрашними тружениками и воинами, гражданами. Причина многих неприятностей школьной жизни, в частности нежелания отдельных подростков, юношей и девушек овладевать знаниями, лени, безделья, именно в том и состоит, что знания в юном сознании существуют независимо от общественной жизни ученического коллектива, от взаимоотношений между школой и трудовыми коллективами взрослых. Мы стремимся предотвратить моральные недостатки отрочества и ранней юности тем, что юноши и девушки не только овладевают знаниями,

но и делятся ими в коллективе: читают доклады, рефераты на занятиях кружков, конференциях, олимпиадах, а также в коллективах взрослых тружеников — на поле, в тракторных бригадах, на фермах.

Считаем успехом воспитательной работы, если отношения дружбы, товарищества строятся на общности умственных интересов. Интеллектуальная жизнь ученического коллектива — еще малоисследованный вопрос школьного воспитания. Только при условии, что умственная жизнь коллектива богата, можно говорить о формировании подлинных убеждений. Убеждения не передаются механически вместе со знаниями, не задаются на дом с соответствующими параграфами учебника, не заучиваются и не запоминаются — они вырабатываются, только вырабатываются. Богатая, полнокровная, идейно насыщенная интеллектуальная жизнь школьного коллектива является воздухом, поддерживающим крылья убеждений.

Но и интеллектуальная жизнь становится воспитательной силой только тогда, когда в школе царит дух труда. Речь идет не просто о выполнении определенных трудовых норм, но и о трудовой жизни: настоящее воспитание немыслимо без жизни в мире труда. Те взаимоотношения в коллективе, которые мы называем интеллектуальной жизнью, — тоже прежде всего труд. Первую заповедь коммунистического воспитания мы видим в том, чтобы человек уже в детстве постиг истину: без труда немыслима жизнь. Вывести маленького человека на дорогу общественной жизни можно только тропинкой труда. Первое понятие о коллективе формируется и утверждается благодаря тому, что дети объединяют свои усилия, чтобы вырастить сад или виноградник, рощу или плодопитомник, содать несколько десятков квадратных метров плодородной почвы или защитить гектар чернозема от эрозии.

Только там, где коллектив объединяют идеи трудовой жизни, каждый член коллектива способен подняться до осмысления себя как частицы общества. Понятия о долге и ответственности не могут утвердиться иначе, чем посредством труда, в котором есть идея — материальный результат, дающий людям добро, радость; есть напряжение усилий, есть усталость. Здесь мы подходим к важнейшей закономерности воспитания действительно просвещенных людей: только в том случае, если человек на собственном опыте постиг, что такое долг и ответственность,

он может выработать в себе убеждения, взгляды, свою твердую позицию. Трудовая жизнь коллектива — это тысячи нитей долга и ответственности, идущих от человека к человеку. Труд делает эти нити прочными и неразрывными. От того, насколько прочно связывают эти нити людей, зависит характер интеллектуальной жизни коллектива. Труд облагораживает мысль, придает ей характер труда.

Отрочество и юность — возраст мечты о будущем. Подросток, юноша, мысленно строя свое счастье (а умение благородно строить счастье в мыслях — тоже очень важное духовное богатство молодого человека), видит свой идеал в труде на благо Родины. Учить мечтать и стремиться, чтобы идеал личный гармонически сливался с идеалом гражданским, — это в наши дни одна из важнейших проблем воспитания юношества. Вершины мастерства воспитатель достигает тогда, когда знания, мысль, способности, талант, творчество, труд каждого юного гражданина, сидящего за партой, будто ручеек, будут наполнять, обогащать реку — родную Отчизну; чтобы, отдавая свой ум, мудрость, трудолюбие во имя великих идеалов коммунизма, каждый человек находил в этом свое счастье.

Как практически решать эти сложные воспитательные задачи? Как достигнуть того, чтобы воспитанник наш уже в годы раннего отрочества стремился к трудному и пренебрегал путем легким, обходным? Настоящий умственный труд требует моральной стойкости, неодолимости. Чтобы мышление стало привлекательным трудом, чтобы чувствовать его красоту, надо владеть своими мыслями и чувствами. А управлять собой ученик сможет только в том случае, если вы, воспитатель, — его единомышленник, если умственная жизнь, интересы учителя для него — путеводная звезда. Многолетний опыт убеждает: поднять юношу на такую вершину морального развития, чтобы он сам управлял собственной волей, воспитатель сможет, только убедив его в *привлекательности трудного*.

Думать, мыслить воспитанник учится лишь тогда, когда учитель приходит к нему с мыслью, зажигает его своей любознательностью, жаждой познания, передает ему чувство гордости мыслителя.

Урок — первый костер, согревшись у которого, молодой человек стремится стать мыслителем. Чрезвычайно важная воспитательная цель урока — зажечь у учащихся

жажду познания. Если после моего урока подросток не чувствует желания знать больше, чем я ему рассказал, если это желание не превращается в стремление, стимул, побуждающий сидеть над книгой, — значит, воспитательная цель урока не достигнута. Прийти в класс с мыслью — значит, образно говоря, принести удивление. Воспитанник должен переживать чувство удивления, ощутив безбрежный океан знаний, увидеть себя не безвестной пылинкой, а отважным мореплавателем. Урок должен вдохновлять его смелостью, необходимой для того, чтобы пуститься в этот океан.

Если в классе тридцать учеников, это значит, что на полках библиотеки учителя должно быть триста книг, которые с увлечением будут читать его питомцы. Книга может превратить удивление в любознательность. Чтение открывает перед человеком привлекательность интеллектуальной жизни. От того, как и что читает человек в годы отрочества и ранней юности, зависит становление его как мыслителя-труженика. Какой бы предмет ни преподавал учитель, он должен пробуждать тягу к книгам, проникнутым идеями, возвеличивающими, облагораживающими человека, который стоит на пороге самостоятельной жизни. В основе книг для подростков и юношества должны быть идеи:

смысл человеческой жизни — в служении народу, Родине, высоким идеалам;

верность Родине, непоколебимость и мужество в борьбе за ее могущество — высшая доблесть, во имя которой настоящий человек преодолевает любые трудности;

сизмала человек должен учиться управлять своим разумом и волей;

знания, выработанные человечеством, достались ему в нелегкой борьбе: путь к знаниям щедро орошен кровью борцов против невежества, темноты, мракобесия;

разум человека могуществен и непобедим; он — великая сила и великое богатство; готовься служить Родине разумом, мыслью, творчеством.

Если ученик только учит уроки по учебнику, если этим ограничивается его учеба — умственная жизнь его ограничена, убога. Как большой беды, надо бояться того, чтобы умственные силы подростка, юноши шли только на *запоминание, заучивание*. Это опасный враг гармонического развития. Настоящая интеллектуальная жизнь

возможна лишь при условии, что человек читает без установки на запоминание.

Наш педагогический коллектив заботится о том, чтобы у каждого ученика было чтение, не связанное непосредственно с уроками (конечно, побуждается оно интересами и вопросами, возникающими на уроке). *Читать из потребности думать* подросток, юноша или девушка должны в два, три раза больше, чем это необходимо для усвоения заданного по учебнику — к такому выводу приводит многолетний опыт. Чтение именно из потребности думать без установки на запоминание — одно из важнейших условий развития умственных способностей. В чтении из потребности думать, узнавать, удивляться величию и силе разума и заключается смысл интеллектуальной жизни личности. Без такого чтения сидение над учебником превращается в зубрежку, отупляет ум, делает учебу тяжелой повинностью. Нежелание учиться возникает из-за отсутствия богатой, насыщенной интеллектуальной жизни. Это тревожное явление, если только правильно понять его причины, заставляет нас, воспитателей, искать единственно правильный путь предупреждения серьезных недостатков в школьной жизни — лени, растранижения времени. Этот путь — в пробуждении интереса к мысли, книге, чтению.

В наши дни подросток и юношество окружает богатый мир удовольствий. Приятно поиграть в футбол или баскетбол, послушать радио, посмотреть телевизионную передачу, особенно спортивные соревнования. Но если удовольствия поглотят все интеллектуальные силы человека, он вырастет опустошенным. Богатство удовольствий — очень важная и сложная проблема воспитания. Решить ее можно только совместными усилиями семьи, школы, общественности. Самое главное здесь — чтобы в годы детства, отрочества, ранней юности в интеллектуальном мире человека утвердилось стойкое чувство привлекательности чтения, счастливых часов уединения с хорошей, интересной и пужной книгой. Никакие иные удовольствия не могут сравниться с радостью жизни в мире книг. Это опять-таки зависит от того, с чем приходит к детям учитель. Самыми яркими часами духовного общения детей с учителем должны быть часы, посвященные книге. Книга даст им ни с чем не сравнимое удовольствие. Как важно, чтобы с детства человек стремился к умной, моральной

яркой книге, чтобы высшим удовольствием для него было думать!

Ленинские идеи живут в нашей кропотливой работе с детьми. В наших мыслях, заботах о каждом ребенке, о его умственном и моральном развитии, о его настоящем и будущем. Ленинские идеи живут в самой сути нашей воспитательной работы: в каждом бережном, нежном, осторожном прикосновении воспитателя к юному сердцу, в единстве мысли и труда, в заботе о том, чтобы из школы выходили люди с горячими сердцами патриотов, светлым разумом, чистой душой, работающими руками.

Радянська школа, 1970, № 4.

ЗАКАЛЯЙТЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Учитель рассказывал о Ленине — борце за счастье трудящихся. Третьеклассники, которые готовились к вступлению в пионеры, внимательно слушали, как Владимир Ильич любил тружеников.

— Он не мог спокойно думать о тяжелой жизни бедных, обездоленных, — говорил учитель. — Где бы ни жил человек, поработенный богачами, на каком бы языке он ни говорил, — он был другом Владимира Ильича. Ленин дал себе слово посвятить жизнь великой, нелегкой борьбе: освободить трудящихся от гнета богачей, привести народ к счастливой жизни. Учитесь, дети, жить у Владимира Ильича. Пусть глаза ваши будут широко открыты на мир. В нем еще много стран, где трудящемуся человеку приходится гнуть спину на богачей. Пусть его боли и страдания станут и вашим личным горем. Пусть тревожит и беспокоит каждого из вас то, что капиталисты готовят войну против нашей социалистической Родины.

На первой парте сидел маленький синеглазый Витя. Когда учитель заговорил о богачах, наживающихся на войне, глаза мальчика вспыхнули, ручки сжались в кулаки.

В тот же день случилось вот что.

Придя домой, Витя увидел в пионерской газете несколько фотографий. Вот мать, плача, прижимает к груди грудного ребенка, в глазах ее крик: пощадите! Пожалейте! Но неумолимо глядят черные дула автоматов... А вот лежат трупы женщин, стариков, детей... А рядом в газете

напечатана заметка, что в далекой стране Вьетнам, в одном селе, американские солдаты сожгли всех жителей и расстреляли.

Маленькое Витино сердце задрожало от боли и ненависти:

— Мама, почему же никто не заступится за детей? Почему никто не накажет богачей-капиталистов? Ведь они пришли на чужую землю!

Мать подошла к сыну, погладила его по голове и ничего не сказала.

Тогда мальчик бросился к отцу — в поле, в тракторную бригаду. Отец только завел трактор, собрался пахать.

— Папа, почему никто не защитит детей во Вьетнаме? За что их убивают? Почему никто не накажет богачей-капиталистов?

Отец, сидя за рулем, молчал. Глаза его были суровы. Потом подошел к Вите и тихо сказал:

— Вырастешь, сынок, тогда все поймешь...

— Я уже вырос, папа,— ответил сын.— Через три дня стану пионером.

Отец внимательно посмотрел на сына, словно после долгой разлуки изучал его. Потом поднял мальчика, поцеловал и говорит:

— Молодец, сынок. Верю, ты будешь настоящим ленинцем. Береги в своем сердце гнев и ненависть к врагу. Видишь поле? Оно наше, родное. А вот враг приходил сюда, чтобы захватить его. И мечтает еще прийти... Береги гнев — это твое оружие! Будь готовым защищать родную землю! И мальчику вьетнамскому будь готовым помочь, как помогают и сейчас Вьетнаму все честные люди.

Задумайтесь сегодня, друзья, над этим действительно большим событием: для третьеклассника это памятный шаг на пути становления ленинской гражданственности.

Великая миссия наша в том, чтобы закалять мужественных борцов. Ленинское воспитание заключается прежде всего в том, чтобы, одухотворив юные сердца любовью к трудящимся, верностью советской Родине, в то же время вооружить каждую душу гневом, непримиримостью к врагу. И чтобы оружие это всегда было готово к бою.

Чрезвычайно важной задачей является то, чтобы с первых шагов своей жизни в коллективе каждый воспитанник учился смело думать. Смело смотреть на мир.

Все, что происходит и рядом с тобой, и далеко — в большом мире борьбы добра и зла, социального гнета и революционной непримиримости к порабощению человека — все касается тебя, юный гражданин, до всего тебе есть дело.

Смело думать — значит чувствовать, что я не могу жить спокойно, пока в мире существует самое нестерпимое зло нашего времени — порабощение человека в странах капитала.

Детство наших питомцев радостно и беззаботно, общество наше дает детворе с каждым годом все больше материальных и духовных благ. Но ни на минуту наши дети не должны забывать, что в мире есть горе, нищета, страдания трудящихся; сотни миллионов людей голодают, арсеналы войны наполнены смертоносным оружием, которого достаточно, чтобы трижды уничтожить все живое на земле. Потому воспитывайте так, чтобы все это порождало не чувство бессилия и обреченности «маленького человека», а гражданскую готовность бороться за торжество добра, справедливости, за счастье, независимость, могущество нашей Родины.

Смелость мысли — это устремление в будущее. Человек не будет чувствовать себя безвестной пылинкой, если он духовно готов к единоборству с жестоким врагом. Моральная готовность к борьбе во имя высоких идеалов необходима для того, чтобы, с презрением относясь к опасности и даже к смерти, закалять в себе бесстрашие, способность побеждать.

Так воспитывайте в юных строителях коммунизма умение смело думать обо всем, что происходит в мире. Вкладывайте в юные души могучее оружие борца! Это и будет нашим выполнением заветов великого Ленина.

Радянська освіта, 1970, 15 апр.

ТРУД И БОРЬБА

Теплый день ранней осени. Празднично одетые шестилетние дети впервые пришли в школу. Сегодня они становятся моими воспитанниками. Я веду их в ленинскую комнату.

Родное, дорогое каждому из нас лицо. Ласково прищуренные глаза.

— «Кто это, дети?»

«Ленин, Владимир Ильич Ленин», — отвечают малыши.

«Ленин — наш учитель. Он учит нас жить и работать так, чтобы мир стал сегодня лучше, чем был вчера».

Мы идем с детьми по школьной усадьбе. Вот виноградник: гнутся лозы от солнечных гроздей. Вот тучная нива, на которой всходит озимая пшеница. «А вот, рядом с плодородным черноземом, — видите, дети? — мертвая глина. Даже бурьян здесь не растет».

«Что это такое? Почему среди плодородных полей мертвая глина?»

«Это мертвое поле, дети. Несколько десятилетий назад оно было таким же тучным, как и пива, на которой зеленеет пшеница. Землю тут неправильно пахали, дожди смыли плодородный слой, и поле умерло, осталась глина».

Святая миссия народного учителя — воспитывать юного ленинца, гражданина, борца за коммунистические идеалы. Мы, сельские учителя, воспитываем молодое поколение в особых условиях. Колыбелью наших детей, миром, в котором они живут, является бесценное народное богатство — земля. Оплодотворенная трудом, она дает нам хлеб. Бескрайние поля тучного чернозема, волны пшеничного моря входят в детские мысли вместе с первым образом, словом, представлением. Мы ходим, образно говоря, по драгоценным камням, под ногами нашими — ценности, по сравнению с которыми золото — ценность относительная и преходящая. Великое народное богатство — плодородная земля — может войти в сознание юного гражданина как богатство ничье, богатство, никому не принадлежащее и никакой цены не имеющее, если маленький человек увидит мир только глазами потребителя; в таком видении — большая опасность: у человека не будет ничего святого за душой.

В. И. Ленин учит нас воспитывать так, чтобы это «ничье» — всенародное стало для каждого гражданина нашего государства своим, дорогим. Чтобы всенародное богатство было святыней для юного патриота. Забота о том, чтобы человек, родившийся в селе, навсегда прирос к земле, считал ее, землю своей Родины, великой святыней своего бытия и мерой всех остальных ценностей, — эта забота является для нас сердцевиной ленинского воспитания юного гражданина. Человек по-настоящему воспитывается лишь в том случае, если уже с малых лет у него

есть гражданские мысли, тревоги, волнения, надежды, радости и горе. Гражданина, у которого было бы святое за душой, не воспитаешь, если с детства он видит только розовые грани нашего мира. Гражданственность складывается из чувства хозяина, наследника того, что создали старшие поколения и из чувства ответственности за то, что у нас еще плохо. Воспитывать по-ленински — значит вводить наших питомцев в мир материальных и духовных ценностей не благодушными потребителями, а заботливыми, бережливыми творцами, которых тревожит, что не все у нас благополучно.

Мы видим смысл гражданского воспитания в том, чтобы видение мира началось для маленького человека с тревоги и озабоченности, чтобы первым гражданским желанием, которое взволновало бы маленького человека, была мысль: так не должно быть! Должно быть вот так! Чтобы эта мысль пробудила чувство непримиримости к злу — безделью, бесхозяйственности, расточительству, побуждала маленького человека засучить рукава и взяться за работу. Только таким и должно быть ленинское воспитание. Великий мыслитель, создатель нашей партии и государства учит нас, что коммунизм начинается с заботы о материальных богатствах нашей Родины. Эта забота должна быть личным убеждением, делом чести каждого человека.

И вот мы с малышами перед мертвым полем. Меня не пугает то, что в детское сознание бурной волной войдет мысль: ведь так может случиться со всеми полями! Наоборот, я стремлюсь утвердить в сознании детей эту мысль: и вот эта тучная нива может умереть, если о ней не заботиться. Пока дети еще маленькие, им не под силу постичь, что природа в наши дни перестала быть неисчерпаемой кладовой; пусть пока волнует, тревожит их только то, что вот поле жило и умерло — так не должно быть! Не бойтесь омрачить детство горькими мыслями — ведь главное то, о чем эти горькие мысли, заботы. Ребенок поднимется на первую ступень гражданской убежденности именно потому, что горькие мысли пробуждаются в его душе не из-за личного, а из-за общественных интересов. Как это важно, чтобы в детские годы человек не мог заснуть спокойно при мысли о том, что если он, маленький человек, будет бездействовать, то родная земля станет беднее!

Иного пути проникнуть в детское сердце нет — только гражданская тревога.

Рядом с мертвым полем мы посеяли мак. Цветущее маковое поле и бесплодная почва — пусть эти вещи ребенок видит одновременно как раз для того, чтобы видение мира началось с тревоги и озабоченности. Чтобы у маленького гражданина возникло желание работать.

Это очень сложная, тонкая, нежная вещь — детское желание работать. Оно возникает тогда, когда в детской душе прочно засело — так не должно быть! Гражданское воспитание одухотворяется тем, что маленькому человеку хочется увидеть мир лучшим. Чтобы там, где желтеет глина, тоже жило, переливалось многоцветной красотой маковое поле. Но желание видеть мир лучшим не может возникнуть, если нет тревоги. Радость постигается, познается вообще только тогда, когда маленький человек нашел, добыл ее наряду с заботой. Гражданская гордость — детище радости труда — вообще недоступна, непостижима для того, кто, познавая и осваивая мир разумом и руками, не познал тревоги, озабоченности, у кого гвоздем не засела в сознании эта гражданская мысль: так не должно быть! Должно быть вот так!

Рядом с маковым полем начинается многолетний труд. Воспитательный смысл его, — то, что человек с малых лет прирастает к земле. И начинается этот многолетний труд в детстве, когда человек еще только начинает познавать мир, когда вместе с первыми истинами в его сознание входит убеждение, как должно и как не должно быть. Умершее должно ожить — эта мысль одухотворяет интересы, стремления. Многолетний труд состоит в том, что дети создают плодородную землю. Мы берем несколько десятков квадратных метров. Может быть, для нас, взрослых, это кажется игрушкой, а для ребенка — это большой труд. Мысль сливается с делом — лишь тогда возникает то, что называют духовной жизнью. Прирасти душой к чему-нибудь нелегкому — а труд не забава! — человек не может, если это нелегкое не стало сердцевиной его духовной жизни.

Труд во имя общего блага должен войти в духовную жизнь — в этом суть гражданского воспитания. Ребенок, как говорится, спит и видит свой любимый труд. Труд становится любимым, ибо мир становится лучше.

Создание плодородной почвы — целая эпопея. На мертвое поле дети носят перегной, песок. Ведро, лопата, корзина, грабли — немудреные инструменты крестьянского труда, с которых начинается прикосновение ребенка к земле; прикасается он не только руками, но и душой. Успехи радуют, неудачи тревожат. Бывают и веселые, радостные дни, бывают и слезы. В первую весну на оживающем поле — бледные стебельки маков. Жизнь в почве едва пробуждается, маки вянут, не успев расцвести, но если в детском сознании прочно засело: «Так не должно быть! Должно быть вот так!», в духовной жизни прорастает тонкий, но вместе с тем крепкий росток, имя которому — вера. Образно говоря, только на этом ростке цветут цветы трудолюбия; без веры в осуществимость замысла, в достижение цели, в свою собственную стойкость и настойчивость не может быть и речи, чтобы труд вошел в духовную жизнь, чтобы человек прирос душой к нелегкому — к труду. Без веры в победу невозможно добиться, чтобы человек чем-нибудь дорожил.

С каждым годом труд приносит все более ощутимые плоды. За шесть, иногда за пять лет несколько десятков квадратных метров мертвого поля оживает, превращается в плодородную ниву. Подлинным торжеством для детей становится та весна, когда на месте, где был мертвый пустырь, цветут, словно радуга, маки. Маковое поле — детская мечта, в ее осуществлении — первая радость труженика. Через год на маковом поле зреет пшеничный колос.

Маковое поле — своеобразный символ. Наша цель — чтобы каждый ребенок, образно говоря, создал свое маковое поле. Когда 12—13-летний юный гражданин увидит, как колосится пшеница на земле, созданной его собственными руками, земля станет для него родным богатством, всенародное станет личным. Этот человек никогда не скажет «моя хата с краю», увидев расточительство, беспорядок, нерадивость.

Это моральное богатство, которому нет цены. Его добывают в годы детства и раннего отрочества. Упущенного не наверстаешь позже. Ценности моральные душа добывает тогда, когда руки создают ценности материальные — для народа, для того, чтобы мир был лучше. Создавая материальные и добывая моральные ценности, человек живет в мире коммунистических отношений, коммунистических взглядов на самое главное — народное бо-

гатство, труд, человеческое достоинство труженика. Несколько десятков квадратных метров, на которых трудятся дети, познавая, во имя чего в мире есть пот, усталость, мозоли, — на этом маленьком поле создается человек. Земля, на которой ребенок сделал свои первые шаги, становится для него родной, ибо она досталась нелегко.

Ленинское воспитание состоит в том, чтобы благодаря своему труду человек увидел мир таким, каким он должен быть. Я твердо убежден, что именно в этом — предотвращение потребительского отношения к материальным и духовным благам. Если вы хотите, чтобы каждый человек, которого общими усилиями воспитывают школа и семья, вырос беспокойным, заботливым хозяином, чтобы главными интересами для него были общественные интересы, — пусть он уже в детстве и отрочестве создаст своими руками то, что должно быть. Только так можно воспитать человека гражданского долга. 12—13-летним пусть человек подводит уже первые итоги служения обществу — вот к чему нам надо стремиться. В 12—13-летнем возрасте человек должен с гордостью оглянуться назад и пережить чувство гордости при мысли: это я создал своими собственными руками.

В. И. Ленин учит: без работы, без борьбы книжное знание коммунизма ровно ничего не стоит³¹. В этот великий день, когда все прогрессивное человечество отмечает столетие со дня рождения В. И. Ленина как свой большой праздник, самым прочным и самым дорогим памятником великому учителю трудящихся будет наша работа и наша борьба во имя победы коммунизма.

Кировоградська правда, 1970, 21 апр.

ШКОЛА И ПРИРОДА

Ленинская забота о природе как всенародном достоянии вдохновляет педагогов, придает особый смысл их труду, цель которого — воспитание чувства хозяина своей Родины.

Многолетний опыт учебно-воспитательной работы убеждает, что природа не только объект познания, не только сфера активной деятельности наших питомцев, но и частица их бытия, взаимоотношений, всего строя их жизни. Природа — огромной важности воспитательный

фактор, накладывающий свой отпечаток на весь характер педагогического процесса. Природа как мир, в котором ребенок рождается, познает окружающую действительность и самого себя, облегчает воспитательную работу и в то же время усложняет, потому что делает ее богаче, многограннее. Постоянное общение с природой и взаимодействие с ней становится существенной стороной воспитательного процесса.

Единство умственного воспитания, с одной стороны, и воспитания физического, трудового, нравственного, эстетического, эмоционального, с другой, создающееся благодаря постоянному и все более расширяющемуся с возрастом общению ребенка с природой, открывает исключительно благоприятные возможности для воздействия воспитания, в узком смысле этого понятия, на учение, приобретение знаний.

Входя в жизнь ребенка с первыми ощущениями, восприятиями, понятиями, представлениями, природа становится для него наглядным мерилom ценностей, источником богатств. В этом факте заключены огромные возможности становления гармонического, всесторонне развитого человека.

Воспитуемость маленького человека (его способность поддаваться воздействию старших) достигается успешно лишь при условии, что с первых шагов своей сознательной гражданской жизни (а гражданская жизнь, по-моему, должна начинаться с того времени, как ребенок сел за парту) он соприкасается непосредственно с материальными и духовными ценностями, играющими огромную роль в жизни общества, соприкасается не как пассивный потребитель, а как творец, созидатель, чувствующий, понимающий свою ответственность, свой долг.

В любом уголке нашей Родины: и на оживленной улице столицы, и среди плодородных полей и виноградников юга, и в далекой тундре — везде можно найти творения природы. Но чтобы найти, надо думать, думать и думать. В наши дни в педагогическом творчестве решающую роль играет мысль, мудрость, научный подход учителя к своему труду. В то же время и от ученого-педагога требуется ныне, мне кажется, прежде всего научное освещение самых, казалось бы, простых, привычных фактов и явлений школьной жизни.

Роль природы в учебной работе определяется прежде всего активной деятельностью, участием физических и духовных сил ребенка в познании. Мир природы становится неисчерпаемым источником знаний благодаря тому, что знания поступают в детскую голову очень сложным путем: через руки, через труд, через взаимоотношения с другими людьми, через чувства и переживания, окрашивающие деятельность.

Придавая исключительно большое значение непосредственному общению с природой в развитии умственных способностей, пытливости, любознательности, мы стремимся как можно больше ввести детей в мир труда среди природы, именно там, где и в явлениях природы, и в человеческом труде множество проблем, вопросов, тайн, вообще-то открытых людьми, но вновь и вновь открываемых детьми в процессе учения. Так называемое проблемное преподавание и изучение материала начинается в активном взаимодействии с природой. Если я хочу, чтобы мышление детей было особенно интенсивным, чтобы у них возникло множество вопросов (а чем больше открывается непонятого при постижении понятного, тем пытливей, любознательнее становится человек), мы идем с детьми на участок, в сад, в теплицу и закатываем рукава...

Часто можно слышать утверждение: нынешние дети получают значительно больше информации, чем получали их сверстники, скажем, три десятилетия назад, и что именно это обстоятельство, а не что-то другое, позволяет ставить детей в другие условия в процессе овладения знаниями и предъявлять им новые требования. Это верно только в определенном смысле. Глаза ребенка всегда были широко открыты на окружающий мир; его ум, чувства всегда остро и заинтересованно воспринимали то, что происходит вокруг. Если современному ребенку интересно, например, наблюдать, как летит вертолет, сравнивать его с самолетом, то ребенку 20-х и 30-х годов не менее интересно было другое. Нынешний ребенок не может взять в свой духовный мир из окружающего мира больше, чем позволяют ему познавательные и творческие силы. Изменение качества информации, постоянно растущий ее поток — вот что пришло в мир современного детства, и, конечно, было бы неразумно не учитывать этих обстоя-

тельств в определении дальнейших путей развития образования. Произошли и происходят изменения в характере поступления информации из окружающего мира. Ребенку сейчас не обязательно идти к первоисточнику мысли и слова. Технические средства приближают к нему мир. Можно не идти к пчелиному улью, не заглядывать в этот изумительный очаг жизни — можно увидеть сложные явления этого мира на экране... В течение пяти минут учебный фильм расскажет и покажет, как цветочная точка превращается в цветок, а цветок — в плод; не надо ходить к живому растению много дней, нет надобности ожидать удачного стечения обстоятельств для того, чтобы собственными глазами увидеть отдельные редкие явления.

Хорошо это или плохо? И хорошо и плохо. Технические средства создают прекрасные возможности для быстрого познания вещей и явлений, как бы приближают мир к ребенку. Но они в то же время и отдаляют мир природы, если непосредственное общение с ней заменяется «сокращенным», «условным» видением отдельных явлений. Природа неизмеримо богаче и интереснее любой «сокращенной» информации о ней. Живые явления, живое созерцание, активное общение с природой нельзя заменить никакой информацией, которую несут технические средства.

В природе заложены в доступной для ребенка форме простые и в то же время сложнейшие вещи, предметы, факты, явления, зависимости, закономерности, информация о которых ничем не заменима, потому что она соответствует именно детскому восприятию, потому что информация об этих вещах, предметах является тем миром, в который входит сам ребенок, в этом мире — первоисточник его представлений, понятий, мыслей, обобщений, суждений.

Иными словами, природа — источник и в то же время мир «детства мысли». Ребенок всегда был и останется ребенком, детство во все времена было, есть и останется детством. «Детство» мысли так же необходимо, неизбежно и закономерно для нормального умственного развития человека, как пребывание плода в утробе матери. Об этом нельзя забывать сейчас, когда в школу приходит много нового и нужного, но вместе с тем кое-кто спешит отказаться от вещей, которые должны остаться в нашей жизни такими же постоянными, как воздух, небо, солнце,

Природа — колыбель детской мысли, и надо стремиться, чтобы каждый ребенок прошел школу детского мышления. Дорого, очень дорого приходится расплачиваться за забвение этой истины. Невнимательность, неумение сосредоточиться, неспособность самостоятельно трудиться, беспомощность в решении умственных задач — эти серьезные недостатки умственного труда учеников как раз и являются причиной того, что колыбель мысли осталась нетронутой в детстве.

У каждого учителя начальных классов нашей школы сложилась определенная система путешествия к истокам мысли и родного слова. Эти своеобразные занятия среди природы мы называем для удобства уроками мышления. Каждое занятие имеет свою тему, предусматривает конкретный круг вещей и явлений для наблюдений. Здесь очень важно не обрушить на ребенка лавину впечатлений. Колыбель детской мысли имеет ту особенность, что ребенок углубляется мысленно в какую-то, казалось бы, незначительную деталь, сосредоточивает на ней все внимание, забывает обо всем другом, то есть сфера его наблюдения как бы суживается, конечно, на непродолжительное время.

Вот темы отдельных таких занятий: «Пробуждение природы от ночного сна», «Как цветы встречают восход солнца», «Как прячутся от непогоды бабочки», «Путешествие муравья от муравейника к крошке хлеба», «Лучи солнца играют в каплях росы», «Какие птицы первыми встречают солнце в селе и в степи», «Куда улетают пчелы рано утром из улья», «Почему шмель не удержался на стебельке гречихи», «Двадцать оттенков осеннего убранства леса — как их назвать», «Как поет жаворонок», «Что слышится в цветущем саду», «Живое и неживое в природе», «Как весной пробуждается жизнь в лесу», «Как лес готовится к зимнему сну», «Солнце и зеленое поле», «Как из крохотного макового зернышка вырастает красивый цветок», «Как подснежник пробивает прошлогоднюю листву», «Зимняя жизнь под снегом», «Ой, как трудно зимой синичкам», «Путешествие капли воды», «Растения и животные», «Жизнь в воде и на земле», «Пшеничное зерно и колосок», «Цветы и плоды яблони, тыквы, розы», «Как ласточка строит гнездо», «Без воды нет жизни», «Весенние, летние, осенние цветы — как они живут и умирают», «Как приближается гроза», «Как ожидают

дождя пшеница, подсолнечник и роза», «Каждое явление имеет свои причины».

Учителя стремятся, чтобы каждая из названных тем несла ребенку множество открытий, сделанных им самостоятельно. Ученик познает себя как активную творческую силу, переживает чувство гордости от того, что все это он увидел сам. Уже с восьмилетними детьми, год назад переступившими порог школы, в теплое летнее утро (на заре) мы приходим в поле наблюдать и мыслить о том, как природа пробуждается от ночного сна. Повторяю: дети приходят мыслить — это главное. И чем больше постигают ученики наслаждение этого труда — открывать и мыслить, — тем органичнее сливается их ум с волей. Воля дисциплинирует ум, человек с малых лет учится ставить перед собой интеллектуальные задачи, вырабатывает способность заставлять себя думать. Уверяю, нет во всем нашем школьном деле вещи сложнее и труднее, чем достичь того, чтобы ученик умел заставить себя думать. Это те семь печатей, за которыми сокрыто много педагогических тайн. Если вы хотите, чтобы питомец ваш научился заставлять себя думать, дайте ему нелегкое наслаждение этого труда, приведите на тропинку, где он становится гордым открывателем причин, следствий, связей между явлениями. Вот мы стоим на берегу огромного моря цветущих подсолнечников, по другую сторону от нас — белое море гречихи, в полезащитной лесополосе созревают абрикосы, перед нашими глазами — улы, в которых, по словам деда-пасечника, дремлют пчелы, над землей склонились наливающиеся колосья пшеницы... Алеет заря, из-за горизонта сейчас покажется огненная полоска солнца, дети всматриваются в этот пленительный мир и замечают удивительные вещи: цветущие головки подсолнечника еле заметно (но все-таки они сумели заметить это) вздрагивают, готовясь повернуться к солнцу, а потом, часа через два, уже совершенно очевидно, что «подсолнечник ищет солнца» (это слова маленьких детей). Что же в нем, этом изумительном растении, есть такое, что заставляет его лнуть к свету? Но не только подсолнечник пробуждается от ночного сна и встречает утро. Дети видят, как трепещет (это тоже их слово) колос пшеницы, когда волны тепла и света хлынули с востока и залили степь, как распрямляют свои лепестки крохотные цветочки гречихи, готовясь встретить пчел и шмелей, как взды-

хают, переводят дыхание стебельки травы, обильно покрытые ночной росой, как все живое утром пьет росу — действительно роса не испаряется, как думали раньше дети, а впитывается почвой и растениями. Что-то такое происходит со стебельками травы — они словно напрягают невидимые мускулы, стряхивая с себя капли воды, и вода уже не может держаться; почему же капли держались, как застывшие стеклянные шарики, до наступления утра?

А сколько открытий делают дети, наблюдая, как стебельки, листки, цветы помогают насекомым — всяким этим букашкам, мушкам выбраться из своих ночных укрытий! Дети с удивлением видят: растения как будто бы специально готовят насекомым постели на ночь, а потом, когда насекомые отправляются в дневной полет, убирают постели. У каждого насекомого есть свои любимые цветы, каждое ищет свой нектар; дети замечают, что растение как бы ожидает прилета своих друзей, с радостью отдает им сладкий сок, приготовленный за ночь, — почему это так? Один, два, три, четыре дня подряд дети видят одно и то же, и у них зарождается мысль: наверное, в том, что цветок отдает свой сладкий сок, и заключается его жизнь, не прилетело бы насекомое — цветок не мог бы жить.

Вечером мы наблюдаем, как все живое в степи готовится, а потом и отходит к ночному сну. Перед детьми раскрываются десятки явлений, которые убеждают их в том, что пробуждение, бодрствование, усталость, сон — эти удивительные состояния растений зависят от множества условий: и от того, какое сегодня небо — чистое или облачное, и от тепла, и от влажности почвы... Дети видят тревожный, беспокойный сон и такое же печальное бодрствование растений, изнуренных зноем; открывают такие состояния растений, когда они то нежатся в тепле и животворной влаге, то дрожат от холода. Да, действительно, неожиданное похолодание заставляет растения съеживаться, изменяется даже окраска листьев (озимая пшеница, например, под теплым солнышком зеленеет совсем не так, как под пронизывающим ветром, растение как бы одевает платье, помогающее ему защититься от холода).

С малых лет мы учим детей присматриваться и прислушиваться к тому, что делается в почве. Земля, чернозем — важнейшее природное богатство народа; это не

только источник жизни, но и наиболее активная жизненная среда. За годы обучения в начальных и средних классах дети, образно говоря, прочитывают большую и увлекательную книгу жизни почвы. Каждое прикосновение мысли (да, это очень важно, чтобы общение с окружающей природой было прикосновением мысли!) приносит множество открытий. Уже второклассник знает, что почва живет и дышит, нуждается в пище, воде, воздухе, свете; у почвы есть десятки добрых друзей, живущих в ее комочках, но есть и опасные враги.

Очень интересны волнующие путешествия в поле в тот весенний день, когда почва пробуждается от зимнего сна. Это один-единственный в году день, и его нельзя упустить. Вся школа в поле — поле-то начинается рядом с учебно-опытным участком. Это таинственное, не совсем еще ясное явление происходит в теплый солнечный день; над пробуждающейся почвой — полупрозрачный пар, все так и говорят в этот день на селе: «Она вздохнула, она уже дышит». В таинственных клеточках почвы происходит что-то такое, от чего в природе все пробуждается. Дети заметили, что именно в тот день, когда пробуждается земля, в лазурное небо поднимается жаворонок и поет свою первую весеннюю песню; до тех пор, пока земля спит, он не поднимется и не запоет — почему так? Это явление привлекает ум детей и своей поэтичностью, и заложенными в нем какими-то трудно постижимыми связями. Именно в тот день, когда пробуждается земля, дети чувствуют запах травы как живого существа — трава начинает дышать. Происходит что-то удивительное и с почками деревьев — они начинают источать свой неповторимый аромат, сад вдруг начинает «пахнуть жизнью» (это тоже яркая детская мысль). Пробудившись, земля ждет дождя. Мы помогаем детям увидеть, почувствовать это ожидание как одно из интересных явлений природы, от которого зависят многие другие.

Удивительное свойство имеет эта колыбель мысли — книга природы: чем больше открытий сделал маленький человек, чем глубже радость мыслителя пережил он, тем больше открывается перед ним непонятого, тем больше слышишь вопросов: почему? как? что такое? — и тем энергичнее устремляются духовные силы к тому, чтобы узнать, получить ответ. Капля мысли о природе рождает могучую, полноводную реку мысли. Потребность думать

становится существом, натурой ребенка. Он ничему не верит просто так, а все хочет испытать, проверить собственным опытом. В том, что на первый взгляд кажется совершенно очевидным, он вдруг видит что-то скрытое, у него — множество вопросов, а вопросы — это ведь огоньки, зажигающие порох мысли, с этих огоньков, по существу, и начинается то, к чему все мы, учителя, стремимся — чтобы питомец наш умел заставить себя думать. У него особенно внимательное, обостренное, пытливое заинтересованное видение мира и неодолимая, я бы сказал ненасытная, потребность думать, исследовать, размышлять. Он имеет свое, личное отношение к книге. Для него книга — такая же потребность, как и живой мир природы; в чтении он находит большое удовлетворение и наслаждение. Дети, воспитанные среди природы, испытывают потребность в чтении, требующем напряжения мысли. Их не удовлетворяет учебник. Они читают научную литературу просто из потребности знать, думать, размышлять.

Колыбель мысли — мышление среди природы — воспитывает у детей высокую культуру интеллектуальных чувств. Открытия, активным участником которых осознает себя ребенок, пробуждают у него чувство удивления, изумления. Чем неожиданнее тайна, которая озаряется светом мысли, чем тоньше взаимосвязи, до сущности которых добирается ребенок, тем радостнее удивление, изумление. Многолетние наблюдения убедили меня, что в этом чувстве — неисчерпаемая энергия мысли, источник воли к познанию, т. е. опять то же, о чем мечтает каждый из нас, — способность заставить себя думать.

Уместно в связи с этим вспомнить слова А. Эйнштейна: «Самая прекрасная и глубокая эмоция, какую мы испытываем, — это ощущение тайны. В ней источник всякого подлинного знания. Кому эта эмоция чужда, кто утратил способность удивляться и замирать в священном трепете, того можно считать мертвецом». В этом поэтическом образе — истинная сущность того, с чем учителю приходится соприкасаться на каждом шагу. Сама сущность желания знать — это тонкое интеллектуальное чувство изумления перед открывающейся тайной. От того, насколько тонко развито в годы детства это чувство, в огромной мере зависит умственное развитие человека вообще.

Среди детей, которые приходят и в подготовительную группу, и в I класс, есть отдельные медленно думающие, малоспособные. Их не отправишь учиться во вспомогательные школы, потому что они не умственно отсталые и не безнадежные в своем интеллектуальном развитии. В течение многих лет эти дети являются предметом нашего пристального изучения. Факты убеждают, что интеллектуальная слабость, инертность, отсталость всегда сочетаются с эмоциональной убогостью, равнодушием, можно сказать — с примитивностью эмоционального мира. Малоспособные дети прежде всего не умеют переживать мысль — вначале чужую, а потом и то, что все-таки должно открыться собственным напряжением мыслительных усилий. Многолетний опыт убеждает, что лечить этих детей, а их воспитание больше всего напоминает лечение, надо тонкими эмоциями. Наша забота об этих детях выражается прежде всего в том, чтобы они стали умнее, а потом уже в том, чтобы дать им определенный круг обязательных знаний, предусмотренных программой. Мы учим их удивляться, изумляться, и лучшей школой для этого является колыбель мысли — природа. В том, что эти дети учатся вместе со своими сверстниками, переходят из класса в класс, в конце концов успешно овладевают знаниями (благодаря тому, что становятся умнее), чувствуют свое человеческое достоинство, становятся хорошими гражданами, тружениками, отцами и матерями, решающее значение имеет колыбель мысли — природа.

Но роль природы в умственном воспитании этим не ограничивается. Обостренное, внимательное, пытливое, заинтересованное видение тончайших взаимосвязей между явлениями природы — могучее средство, оттачивающее культуру детской речи. Развитие речи ребенка немыслимо было бы представить без его активного общения с природой. В пристальном, внимательном взгляде на явление природы сливаются в органическом единстве образ, эмоция и слово. Это слияние, по-моему, и является тем, что в практике называется активностью мышления. Природа способна создать состояние духовной готовности ребенка к восприятию того, что вам нужно вложить в его ум, сделать достоянием его мысли. Очень интересными в связи с этим являются занятия: «Двадцать оттенков осеннего убранства леса — как их назвать», «Как поет жаворонок», «Как приближается гроза», «Как ожидают

дождя пшеница, подсолнечник и роза», «Как цветы встречают восход солнца». На этих занятиях мысли и чувства, волнующие ребенка, материализуются в слове, а слово, если уже оно вошло в духовный мир ребенка, становится стимулом новой мысли. Здесь опять же мы имеем дело с одной из тех тонких вещей, благодаря которым человек заставляет себя думать: ему хочется сказать ярко, выразительно, точно — в конечном счете сказать красиво — о красивом. Искать же нужное слово — и значит заставлять себя думать. После «уроков мышления» наши ученики составляют сочинения, рассказы, сказки. И труд этот для них один из самых желанных и в то же время напряженных разновидностей того мышления, в котором на первое место выдвигается воля, стремление.

Я твердо убежден, что волевая сторона процесса мышления (умение заставить себя думать) немислима без вдохновения, идущего от слияния мысли и чувства прекрасного, прекрасное же прежде всего в природе, постепенно оно открывается воспитанником в труде, в человеческих взаимоотношениях, в силе духа, в благородстве борьбы за возвышенные идеалы. Первым же источником прекрасного является природа. Природа — самая точная, способная быть до беспредельности тонкой, мера красоты. Природу, по словам Р. Эмерсона, нельзя застигнуть врасплох неряшливой или полураздетой, она всегда прекрасна. Чувствование и понимание красоты природы мы рассматриваем как важнейшую предпосылку многогранной активной деятельности, возвышающей, облагораживающей человека.

ПРИРОДА — ИСТОЧНИК ВОСПИТАННОСТИ

Природа сама по себе не воспитывает. Напрасно было бы, оставив человека наедине с природой, ожидать, что он под ее воздействием станет умным, нравственно прекрасным, добрым и непримиримым к злу. Воспитывает только активное взаимодействие человека с природой.

То, что человек любит природу, само по себе тоже не показатель его воспитанности. Роль природы в нравственном воспитании нельзя преувеличивать, идеализировать, рассматривать вне связи с духовным миром человека. Воспитательная роль природы зависит от того, во имя чего живет человек, в чем он видит добро и зло, к чему он стре-

мится, каковы его идеалы. Роль природы как воспитателя в конечном счете определяется взаимодействием человека с природой. Но взаимодействие — очень сложная и тонкая вещь. Оно заключается уже в том, что ребенок видит и понимает природу. «Радость видеть и понимать есть прекрасный дар природы» — в этих словах А. Эйнштейна заложен глубокий смысл, по их, по-моему, нельзя понимать так, что дар видения мира ребенок приносит в школу уже в готовом виде как нечто вложенное в человеческое существо уже в утробе матери. Дар видеть и понимать воспитывается, и для этого необходим большой труд, смысл которого и заключается в побуждении к активному взаимодействию с природой.

Наши ученики живут среди природы; в ста шагах от школы — колхозное поле, на котором колосится пшеница, цветут подсолнечники, наливаются сладким соком свекла, цветет гречиха. Янтарные гроздья винограда буквально заглядывают в классные окна. Все это могло бы стать привычным и не волновать детей, если бы они были не причастны к этому. Мы видим свою важную воспитательную задачу в том, чтобы взаимодействие с природой становилось частицей существа наших питомцев, входило в их духовный мир как смысл и цель их бытия и — что особенно важно — осмысливалось в тесной связи с идеями, которыми живет трудовой народ. Мы живем среди природы, но это ни о чем бы не говорило, если бы мы не жили среди трудового народа и не были его частицей. В том и заключается смысл нашего взаимодействия с природой, что мы стремимся быть самой чуткой, самой восприимчивой частицей трудового народа. Мы учим детей видеть и чувствовать красоту природы, воспитывать ум и дар видения сокровенных тайн, учим говорить ярко, точно и красиво — все это не для того, чтобы безмятежно созерцать, а прежде всего для того, чтобы они, сегодняшние малыши, стали заботливыми, беспокойными хозяевами; у настоящего хозяина радости всегда хлопотливые, а наслаждения трудные, потому что достигаются они трудом, потом, мозолями.

Мы воспитываем у своих питомцев взгляд на природу как на народное достояние, передающееся из поколения в поколение, ценность которого ни с какими другими ценностями не сравнима и не сопоставима. Наш педагогический коллектив считает исключительно важным, чтобы

к плодородному чернозему, по которому ребенок ходит и которого может не замечать, ребенок с первых шагов своей сознательной жизни относился, как относится подводник к стенкам своей подводной лодки: он живет до тех пор, пока эти стенки прочны и неуязвимы. Это одна из красных нитей всего нравственного, гражданского, патристического воспитания. И если речь идет об охране природы, то в сельской школе, где природа не только среда и условия жизни человека, но и один из важнейших элементов производительных сил, борьба за охрану природы — прежде всего борьба за сохранение плодородной почвы.

У человека может быть прочная нравственная сердцевина лишь при условии, что мерой всего, что он делает, к чему стремится, являются первоначальные ценности, а эти ценности — родная земля, наш социалистический строй, богатство, бережно сохраненные и переданные нам ушедшими поколениями. Важно с малых лет убедить человека в том, что потери в мире этих ценностей невозможны. В коридоре нашей школы висят две картинки. Первая картинка — широкое, ровное поле, на котором колосится пшеница. На горизонте — высокий скифский курган. Надпись гласит: «Так было шестьдесят лет назад». Вторая картинка — овраг, прорезавший поле, как глубокая рана. Края оврага вот-вот обвалятся. Обнажилась глина, песок... Трудно поверить, что на картинке то же поле 60 лет спустя. Только курган на горизонте и напоминает об этом. Эрозия съела больше десяти гектаров плодородной почвы. Под картинкой подпись: «Так сейчас. Эти десять гектаров утрачены навсегда. Подумайте, дети, подростки, юноши: никогда здесь не будет колоситься пшеница. Но если мы будем молча смотреть на эту беду, стихия сожрет еще много гектаров. Приостановим разрушение! Спасем плодородную почву. Это богатство народа — наше богатство».

Мы, учителя, больше всего озабочены тем, чтобы дети не относились к природным богатствам, особенно к земле — источнику всех других богатств, — как к чужому. Наоборот, каждый должен видеть во всенародных богатствах свое, касающееся лично его, его семьи. Надо так учить жить, чтобы судьбу всенародного достояния ребенок принимал близко к сердцу как глубоко личное. Чтобы личные заботы, тревоги, огорчения его были связа-

ны прежде всего с трудом для людей. Я твердо убежден, что нравственная сердцевина человека вообще зависит от того, какое место в его детском и отроческом мире занимают заботы, тревоги, огорчения, желания, устремления, вытекающие не из личных потребностей, а из интересов других людей, из интересов общества.

Природные ценности не являются неисчерпаемыми и бесконечными. Нам удалось добиться, что мысль эта всколыхнула весь школьный коллектив. Мы пришли к оврагу, изображенному на картинке. Началась длительная и нелегкая борьба с разрушительными силами. Конечно, значительную долю работы взяли на себя взрослые — механизаторы колхоза и мы, учителя, но все-таки решающее значение имел здесь труд учащихся. По самому характеру многие трудовые операции как бы специально были предназначены для детей — готовить маленькие ямки для крохотных саженцев, потом рыхлить почву вокруг них.

Воспитательная сила этого труда состоит прежде всего в том, что он нелегок и длителен. Завтра здесь не увидишь результатов того, что сделал вчера, весной еле заметно обозначаются контуры сделанного осенью. Но взаимодействие с природой, чтобы оно стало трудом, требует длительности. Природа нетороплива, однако ни одно вложенное в нее доброе усилие не остается безрезультатным. Несколько лет овраг, казалось, не изменялся; когда мы приходили весной на окраину села и смотрели издали, он зиял черной раной. Но вот пришла весна, и дети увидели овраг иным: он был как бы опоясан зеленой ленточкой. Минуты созерцания этой красоты дали детям, подросткам, юношам особую радость. Нелегкий труд стал частицей их жизни — вот в чем истинный смысл подлинного активного взаимодействия с природой.

Природа становится могучим воспитательным фактором лишь в том случае, если маленький человек после трех-четырех лет обучения в школе с изумлением приходит к мысли: мир вокруг меня стал богаче, красивее, и это изменение мира — мой труд, это я. Прошли десятилетия. Овраг, рассекший тело земли черной раной, зарос дубами. Он как бы сузился, скрылся, и плодородным нивам вокруг ничто больше не угрожало. А новые поколения, переступающие порог школы, ищут новсе поле приложения своих сил, вступают в борьбу с разрушительной сти-

хийей, проходят школу гражданственности, учатся понимать цену природных богатств и труда.

Близость природы в условиях сельской школы создает очень благоприятные условия для того, чтобы как можно раньше начиналась трудовая жизнь человека. Это нечто более значительное, чем эпизодическое выполнение трудовых поручений или практические занятия, предусмотренные программой. Трудовая жизнь — это органическое слияние в человеке (уже в годы его детства и раннего отрочества) мыслителя, творца, созидателя, труженика мысли и пахаря, сеятеля, пастуха, механизатора, горячо влюбленного в свое дело, выражающего себя в созданном собственными руками. Я хочу особо подчеркнуть, что если ребенок с малых лет не стал тружеником мысли, если на собственном опыте не убедился, что видеть, узнавать, открывать истину — такой же нелегкий труд, как и землю копать, а копать землю и сеять зерно, убирать хлеб и отбирать по зернышку на посев — такая же изумительно прекрасная работа, как и мышление, как и чтение книги, то ни о каком трудовом воспитании не может быть речи.

Мы стремимся, чтобы вся жизнь воспитанников была наполнена созиданием в мире природы. Мы не представляем себе полноценного воспитания без того, чтобы каждый наш питомец за годы обучения в школе не превратил нескольких десятков квадратных метров мертвой глины, безжизненного пустыря в плодородную почву. Это нелегкий, но необходимый труд. Благодаря ему маленький человек, которому еще многое непонятно, начинает постигать важнейшую идею социалистического строя: истинная радость открывается перед человеком тогда, когда он думает о благе других людей. Другими средствами донести эту идею до сознания маленького человека невозможно. Наша задача заключается в том, чтобы из непосредственно воспринимаемой действительности ребенок постигал не только знания, но и нравственные идеи. Эти идеи постигаются и становятся личными убеждениями маленького человека только при его соучастии — активном стремлении, личном желании сделать то, что не только нужно, прекрасно, но и трудно. Активная деятельность рождает убеждения как раз тогда, когда трудное становится желанным и достигается цепой напряжения сил и преодоления препятствий. Если трудное не становится

желанным, убеждения не воспитать. Забота о природе требует труда, рассчитанного на длительное время; и труда непосредственно на земле, и нашего учительского, воспитательного.

Сохранение и умножение природных богатств в условиях сельской школы — ведущая, главная сторона трудовой жизни коллектива и личности. Становление коллектива, собственно, с того и начинается, что детей объединяет забота о живой природе. По традиции, сложившейся в школе, коллектив первоклассников закладывает свой маленький плодопитомник, ухаживает за плодовыми деревьями, посаженными в первый год обучения. С первого же года школьной жизни начинается и уход за полезащитными лесонасаждениями, играющими большую роль в южных малолесистых районах. Уже в возрасте 10—11 лет дети переживают первое гражданское чувство гордости, видя ценности, созданные их руками: маленькие саженцы становятся ветвистыми деревьями; плодовые деревья и виноград начинают плодоносить. Коллективная мысль, коллективное убеждение в том, что благодаря нашему труду мир становится лучше, богаче, красивее, чем был, — огромная идейная сила, объединяющая детей в прочное сообщество. Многолетний опыт убеждает, что лишь при условии, что есть это идейное единство, коллектив становится важнейшим очагом трудовой жизни. Только тот, кто гордится плодами своего труда для общества, народа, глубоко переживает смысл нравственного понятия «должен».

Одна из воспитательных задач средней школы заключается в том, чтобы труд в селе, среди природы стал уже в годы отрочества и ранней юности привлекательным, интересным, обещающим духовно богатую, насыщенную жизнь. Ошибаются, по-моему, учителя, считающие, что к сельскохозяйственному труду можно просто приучить: от своих отцов, мол, подросток усвоит привычку работать на земле... Школа в наши дни вообще не школа, если в ней не господствует дух мысли, захватывающей подростков и юношество перспективой жить не одним хлебом насущным. Мысли, умственные интересы учащихся должны простираться на землю, на растения и животных, на труд, который с извечных времен привыкли называть простым. Юноше, овладевающему богатствами культуры, приобщающемуся к искусству, этот труд не дол-

жен представляться простым. Учение и воспитание должны быть такими, чтобы труд, объектом которого является природа, открывался перед пытливым и любознательным человеком как захватывающая, интересная жизнь ума. Чтобы решение остаться в селе основывалось на убеждении в том, что на земле есть о чем думать и работа здесь будет такой же полной и интересной, как и труд в лаборатории, как деятельность врача, педагога, конструктора.

Школа видит свой воспитательный идеал в том, чтобы ее питомцы стремились быть по-ленински верными подлинной науке, своим убеждениям, быть по-настоящему просвещенными людьми. В единстве труда и мысли — перспектива дальнейшего совершенствования учебно-воспитательного процесса в общеобразовательной школе.

Человек, которого мы воспитываем, стремится к интеллектуально насыщенной трудовой жизни. Возможности для такой жизни во взаимодействии с природой неисчерпаемы. Природа, труд, мысль — предметы специального исследования.

Советская педагогика, 1970, № 5.

ПРИРОДА, ТРУД, МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Средняя школа становится в нашей стране всеобщей; получение среднего образования с каждым годом все больше входит в жизнь советского общества как обычное явление. Отсюда возникает и новая задача среднего образования: готовить выпускников средней школы не только к поступлению в высшие учебные заведения, но и непосредственно к трудовой деятельности в сфере общественного производства, к быстрому овладению массовыми профессиями, к труду, в котором особенно нуждается общество в данный момент, которым занята подавляющая масса рабочих и крестьян. В решении этой задачи существенную роль должна играть профессиональная ориентация (смысл ее заключается в том, чтобы облегчить каждому молодому человеку выбор будущей специальности в соответствии с его задатками, интересами, способностями), а вместе с ней, нередко и значительно опережая ее, те многочисленные средства педагогического воздействия на ум и сердце воспитанника, итогом которых являются не только знания и умения

сами по себе, но и любовь к труду, желание трудиться на благо общества.

В практической работе школы ныне исключительную важность приобретает марксистско-ленинское положение о том, что физический труд в современную эпоху все больше подчиняется замыслу, интеллектуальному творчеству; физический труд требует все больше знаний, он в подавляющем большинстве массовых специальностей настолько тесно сливается с трудом умственным, что по отношению к последнему играет роль средства достижения цели. В этом, по существу, заключается постепенное стирание граней между трудом умственным и физическим. Любой с первого взгляда «сугубо физический» труд требует в настоящее время больших знаний, высокой образованности, культуры.

Формирование правильных взглядов на сущность физического и умственного труда — один из очень важных элементов всестороннего развития личности; вместе с тем это и путь к предотвращению уродливого представления о том, что есть в нашем обществе труд «высшего» и «низшего» сорта, что для выполнения физического труда не обязательно иметь прочные знания. То, что в практике воспитательной работы называют *любовью к труду* — очень тонкая вещь, сущность которой заключается в понимании, переживании, чувствовании разумного, духовно богатого, нравственно возвышенного начала любого дела, даже самого, на первый взгляд, однообразного.

Задача школы заключается в том, чтобы каждый воспитанник по-настоящему познал сущность так называемого простого физического труда, его многогранные связи с мыслью, знаниями, наукой, культурой трудовой деятельности. Смысл подлинной образованности выражается ныне в том, чтобы в простом будничном физическом труде наш воспитанник на собственном опыте познавал свое приобщение к богатой духовной жизни, чтобы этот труд был насыщен яркими, волнующими мыслями. Другими словами, чтобы физический труд уже в школьные годы стал сущностью духовной жизни, наполнил ее богатыми интересами, осмысливался как единое целое с жизнью мысли. Ведь образование, образованность, приобщение к богатствам науки, культуры, искусства пробуждает у человека стремление к богатой жизни духа, мысли. Логика высокой педагогической культуры как

раз и заключается в том, чтобы это стремление было господствующим, являлось стимулом, побуждающим к знаниям, учению, чтению. Возвысить так называемый простой труд, озарить его светом мысли, утвердить в юной душе гордость труженика — в этом мы видим не только сущность трудовой ориентации, но и побуждение к усердному, прилежному, старательному овладению знаниями.

Мы видим воспитательный идеал в том, чтобы уже в годы раннего отрочества в юной душе зародилось желание навсегда связать свою жизнь с сельскохозяйственным трудом, чтобы простой сельскохозяйственный труд пленил мысль, чувства перспективой богатой, насыщенной, полноценной жизни, чтобы этот труд постепенно раскрывался не столько в разнообразии форм приложения физических (мышечных) усилий, сколько в бесконечных возможностях соединения физического труда с трудом интеллектуальным. Многолетний опыт убеждает в том, что, если физический труд с малых лет вошел в духовную жизнь человека как важнейший *умственный интерес*, ему в годы отрочества и ранней юности хочется хорошо учиться для того, чтобы стать умным хлеборобом или пастухом, механизатором или садоводом. И богатство интеллектуальной жизни определяется тем, какое место в его интересах занял физический труд, тесно связанный с мыслью.

Что для этого необходимо практически? Как достичь того, чтобы молодой человек полюбил простой физический труд и решил посвятить ему жизнь?

Необходимо царство умного физического труда в школе. Необходима богатая, полнокровная духовная жизнь в мире физического труда. Необходимо, чтобы простой сельскохозяйственный труд, веками считавшийся однообразным, тяжелым делом, открылся перед человеком как не простой, а сложный, интеллектуально насыщенный.

Что значит царство умного физического труда?

В. И. Ленин в одном из своих последних трудов подчеркивал необходимость того, чтобы наука действительно входила в плоть и в кровь, превращалась в составной элемент быта*. Людей, умеющих поставить научные

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 391.

знания на службу борьбе за коммунистическое преобразование общества, В. И. Ленин называл действительно просвещенными людьми. Объектом и полем приложения труда детей, подростков, юношества в условиях сельской школы является природа. Царство умного физического труда в сельской школе — это активное, созидательное взаимодействие с природой, озаренное светом научной мысли, пробуждающее стремление к углубленному познанию, к высокой культуре производства и к богатой, полноценной, интеллектуально насыщенной человеческой жизни. Иными словами, царство умного физического труда — это интенсивный, живой процесс превращения знаний о природе в мировоззрение благодаря труду, благодаря тому, что *становление образованности* выражается в поведении человека. Познание природы, овладение знаниями о ней таит в себе, по-моему, совершенно не раскрытые, еще не используемые до сих пор возможности для того, чтобы знания формировали позиции человека — социально-политические, нравственные, эстетические, а эти позиции, по существу, и являются мировоззрением в действии. Природа — не только среда, окружающая нас, но и всенародное достояние и богатство, за которое каждый гражданин нашего общества в ответе — это красная нить мировоззренческих убеждений, от которых зависят социально-политические позиции человека.

Формирование таких позиций, мировоззренческих убеждений зависит от того, *как* познается природа, *как* человек с детства видит, понимает и чувствует ее, *как* она входит в его жизнь. Рассматривать каждый цветок и каждый лепесток, крылышко бабочки и пушинку, упавшую с тополя, — тоже видение природы, очень важное и необходимое для того, чтобы думать о ней, правильно понимать ее и правильно относиться к ней. Но есть в понятии «природа» и нечто более значительное: она — единое целое. В этом целом — своя гармония и постоянство, взаимосвязи и зависимости; она источник нашего бытия и самая сущность нашего бытия, она едина и нерасторжима с человеком. Каждый из нас — «природа, ставшая человеком». Человек до тех пор могуч и непобедим, пока он верен законам природы — познанным и непознанным, не им установленным. Активно воздействовать на природу, но при этом оставаться сыном ее, быть вен-

дом ее творения и в то же время властелином ее сил, по-сыновнему бережно относиться к ней — вот какую позицию нам надо воспитывать у питомцев в процессе их взаимодействия с природой. Другими словами, изучение природы не должно сводиться к тому, что маленький человек, у которого открываются глаза на мир, видит корень, стебель, листья и размышляет о том, как взаимосвязаны эти части растения как единого целого. Когда у него открываются на мир глаза, он должен увидеть и понять, в чем корень нашей жизни, от чего зависит то, что у нас на столе хлеб и масло, мясо и молоко, что мы дышим свежим воздухом и в знойный летний день купаемся в реке... Нас, педагогов сельских школ, глубоко одухотворяет ленинская забота о природе. Мы с большой радостью встретили слова, сказанные нашими партийными руководителями с трибуны Всесоюзного съезда колхозников, о необходимости бережливого отношения к природным богатствам.

* * *

Хотелось бы, чтобы в программах по естествознанию и, конечно, в учебно-воспитательной работе учителя более ярко выступали две взаимосвязанные мысли:

мы живем в такое время, когда природные ресурсы перестали быть практически неисчерпаемыми;

в нашу эпоху человек не просто потребляет плоды природы и труда — он создает необходимые условия для того, чтобы собрать этих плодов больше, чем дает природа.

В своем педагогическом коллективе мы считаем исключительно важной воспитательной задачей то, чтобы наши питомцы, видя и понимая свое единство с природой, переживали заботу и тревогу о сохранении и умножении природных богатств. Может быть, дети еще не могут осмыслить природу как всенародное достояние, пусть они понимают ее как сучок, на котором находится гнездо, где живем мы, птенцы природы.

Во время экскурсий, вообще при каждом соприкосновении детей с природой стремимся показать им мир так, чтобы они задумались над истиной, что природа — наш дом, и если мы будем расточительны и беззаботны, то

разрушим его; природа — частица нас самих, а равнодушные к природе — безразличие к собственной судьбе.

Во время одной из таких экскурсий учитель привел детей к выжженному солнцем пустырю.

— Видите село вон там, под горой, в конце долины? — спросил учитель.

— Видим, — ответили дети.

— Слушайте быль и думайте...

Много лет назад это село было расположено на берегу пруда. А вот этот пустырь был дном глубокого пруда. По берегам вербы росли, можно было лодкой приплыть вон к тем дубам — их тогда было много, а теперь осталось три, да и те сохнут... В лесу водились белки; говорят, что и медведь жил в лого — теперь там мертвый овраг...

Село под горой — старинное казачье село. Выкопали здесь пруд запорожцы после битвы под Желтыми Водами и поселились на берегу. Но вскоре стали замечать, что пруд заносит илом. Соплились крестьяне на сходку и решили: каждый, кто искупался в пруду, посидел в лодке или просто пришел на берег пруда полюбоваться красотой природы, должен набрать ведро ила и вынести вон туда, за склон балки, высыпать в поле.

Все делали так, как решило «общество» (так тогда именовался сельский сход). У берега на вербовых кольях висели деревянные ведра: для взрослых мужчин — большие, в полбочки, крепкие были запорожцы; для женщин и подростков — поменьше; для детей — совсем маленькие, как черпаки, но этих, детских ведерце, было много — больше сотни. Дети часто купались, и никто не смел пойти домой прежде, чем полный черпак ила не отнесет на склон. Только те, кого матери еще приносили на руках, не платили трудом за радость и удовольствие... Из года в год пруд становился глубже, вода в нем чище, а поле от ила плодороднее.

Но вот неизвестно откуда приехала в село семья: отец, мать, четыре сына и две дочки. Построили хату на окраине, рядом с прудом. И взрослые и дети из этой семьи с весны до осени купались в пруду, а за ведра не брались. Сначала люди как-то не придавали этому особенного значения. Но потом стали замечать, что некоторые подростки и дети делают так же: купаются, а ила не выносят. Старики стали поучать молодежь, — нехорошо, мол, делаете. Подростки отвечали:

— Если Неприкаянным можно (так пазывали семью, приехавшую неизвестно откуда), то почему нам нельзя?

Дурной пример оказался цепким. Уже многие подростки, а потом и взрослые стали приходить купаться после сумерек, чтобы никто не видел. Старики качали головами, но ничего не могли сделать. Деревянные ведра, висевшие на вербовых кольях, рассохлись, рассыпались, постепенно стали исчезать. О старом обычае забыли. Каждому думалось: на мой век пруда хватит. А пруд из года в год мелел, зарастал. Пришло время, когда вода стала сохраняться только весной, а потом и этого уже не было — пруд исчез. Только воспоминание о нем сохранилось. Подумайте, дети, над этой былью. Напившись воды, не забывайте о роднике, из которого течет вода.

Еще раз подчеркиваю огромную важность того, чтобы в годы детства в сознании человека зародилось и всю жизнь крепло убеждение: мы, люди, — дети природы; мы живем и пользуемся благами бытия до тех пор, пока не нарушена гармония природы.

Несколько лет назад я с питомцами пошел в недалекий поход по берегам маленькой речушки Омельник, впадающей в Днепр. В одном месте дети увидели на берегу небольшой огород, на котором выращивалась капуста. Я рассказал детям: «Здесь когда-то был заливной луг. Кому-то показалось, что земля пропадает даром. Преградили доступ весенним водам к лугу, осушили землю, распахали, стали капусту сажать. Что из этого получилось, увидите через час». Мы прошли пять километров вниз по течению реки и увидели большое поле, заросшее сорняком. Прежде здесь тоже был луг: буйно росли травы, цвели цветы. Но с тех пор, как выше по течению реки луг превратили в огород, умер и этот луг. Он «задохнулся», как говорят крестьяне. Так природа мстит за наше неосмотрительное вторжение в ее гармонию. Это все равно, что в зал, где сотни людей, затаив дыхание, слушают изумительную музыку скрипача, врывается подвыпивший молодец и начинает распевать частушки...

Мысль о том, что мы, дети природы, должны быть заботливы и благодарны, особенно впечатляет тогда, когда дети видят плоды земли, задумываются над тем, какой ценой они достаются, как надо оберегать родник, из которого мы пьем. Есть в нашем колхозе участок плодородного чернозема площадью в двести гектаров, с которого

каже в самую жестокую засуху собирают не меньше тридцати центнеров пшеницы с гектара, а в благоприятные годы — пятьдесят и больше центнеров... Колхозники назвали этот участок — Богатое поле. В течение года мы с детьми много раз бываем здесь. Дети видят, как с того же дня, когда комбайны убрали пшеницу, начинается большой труд — человек помогает природе, заботится о том, чтобы она дала свои богатые дары. Колхозники вносят удобрения, пашут, готовят семена, зимой задерживают на полях снег, весной подкармливают ослабевшие растения.

Перед жатвой мы в течение двух недель приходим к Богатому полю ежедневно. Общению с природой в тот период, когда она готовится дать свои дары человеку, мы придаем очень большое значение. У детей как бы открываются глаза на ту грань сложного и трудно постижимого мира, которая выражает торжество человека как сына природы и в то же время как ее хозяина, ее властелина. Водите своих питомцев на пшеничное поле время от времени (у нас пшеничное поле рядом со школой, мы водим детей туда ежедневно) — и в их сознании утвердится изумляющая, пробуждающая подлинно человеческую гордость мысль: труд на земле — это торжество мысли, в нем труженик выражает себя как мыслитель; в слиянии мысли и труда — большое счастье, полнота нашей жизни, в этом единстве собственно и начинается труд как творчество.

Когда начинается уборка урожая, мы ведем детей на поле. С замиранием сердца смотрят они на поток золотой пшеницы, льющейся в кузов автомашины. Вечером мы приходим к колхозному зернохранилищу. На большой площадке огромный ворох — восемьсот, а то и тысяча центнеров пшеницы, и это только часть урожая с Богатого поля! Много лет всматриваюсь я в детские глаза, созерцающие эти плоды труда и дары природы; каждый раз, переживая чувство восторга и изумления, дети хотят еще раз пойти взглянуть на Богатое поле. Их не останавливает то, что уже вечер — поле ведь рядом. Мы еще раз идем в поле, опять дети задумываются над тем, что земля — источник нашего бытия, наших радостей и мыслей, не было бы хлеба — не было бы ни яркого красивого слова, ни чарующей музыки, ни мудрой сказки бабушки, ни ласковых объятий матери.

Понимание природы как источника наших благ побуждает детей к труду. При этом главным стимулом становится желание приблизиться к природе, чтобы стать сильнее и умнее, чтобы жизнь была полнее, содержательнее, богаче. Умным физическим трудом, представляющим собой активное общение с природой, наполняется все детство, отрочество и ранняя юность. Умный физический труд становится самой сущностью духовной жизни коллектива и личности.

Важнейший вид умного физического труда — создание плодородной почвы. Есть в нашем селе, недалеко от школы, глухой уголок — около двух тысяч квадратных метров чернозема, к которому никогда не прикасалась рука человека. Это наш маленький заповедник. Мы показываем детям разрез этой мощной плодотворной почвы — больше метра гумуса создала природа в течение тысячелетий. Здесь мы как бы открываем глаза детей на первозданную природу. Мы стремимся утвердить мысль: такими должны быть все наши плодородные почвы, если бережливо к ним относиться и, самое главное, понимать и чувствовать, что я, человек, — живая частица природы и что, если я по неведению или по злему умыслу уничтожаю плодородную почву — это все равно, что поджигаю палубу корабля, на котором плыву в безбрежном океане... Рядом с нашим эталоном первозданной природы дети видят, к сожалению, истощенные, обедненные расточительностью, беспечностью и нерадивостью участки, где из-под тоненького слоя чернозема видно глину. А есть и участки совершенно мертвой глины...

В душе, уже пережившей изумление от мысли о единстве человека и природы, зрелище умершей природы пробуждает чувство гражданской тревоги: так не должно быть! Вот это «Так не должно быть!» и является первым мировоззренческим стремлением ребенка... Каждое поколение детей, переступивших порог нашей школы, берет участок умершей почвы. Он небольшой, но именно этот маленький участок становится полем, на котором формируется гражданская совесть человека. У детей зарождается желание превратить этот умерший участок в такой же цветущий, дышащий животворными соками жизни, как наш маленький заповедник.

Не ожидайте, что эта мысль зародится сама по себе! Нужны многие месяцы терпеливого, постоянного, умного

прикосновения педагога к уму ребенка, прикосновения с той целью, чтобы ребенок увидел себя как частицу природы, изумился, даже был потрясен мыслью о том, что человек до тех пор силен и могуч, пока он верный сын матери-природы, умеющий хранить чувство благодарности за то, что он живет. С этого, на мой взгляд, должно начинаться образование и воспитание. Если нет такого видения природы и себя в мире природы, не может быть и речи о том, чтобы у маленького человека возникло желание трудиться, но если такое видение есть, то и труд, и даже самые простые трудовые действия приобретают новые качества, становятся умным физическим трудом. В таком труде сливаются физические усилия, терпеливость, настойчивость, сила духа — и все это озаряется мыслью.

С первых же шагов умного физического труда дети убеждаются, что природа не терпит невежества. На столе в школьном кабинете живой природы — ящики и ящики, в которых мертвая глина превращается в плодородную почву. Над этими ящиками бьется пытливая мысль: что пробуждает жизнь? Легче всего было бы насыпать в ящичек чернозема. Но задача в том, чтобы черноземом стало безжизненное вещество. Дети испытывают, исследуют самые разнообразные примеси, открывая такие явления, как насыщение почвы водой, обогащение ее органическими веществами, дыхание, жизнедеятельность микроорганизмов. То, что делает он в маленьком масштабе в кабинете живой природы, переносится на «поле» — так называют дети свой крохотный участок. Мечта детей — добиться, чтобы в глине «зародилась» жизнь. С того момента, как это произойдет, безжизненный участок можно называть почвой. Они по первым жизненным наблюдениям, связанным с трудом родителей, знают, что это такое — ж и з н ь поч-вы. Когда на умершей почве появляются зеленые стебельки, когда поверхность покрывается первым слабым, но уже тянущимся к солнцу зеленым покровом, дети переживают чувство торжества. Природа благодарит их за нелегкий труд: ведрами надо носить ил, в ямах готовить перегной, собирать навозную жижу — все это надо было бы заставлять делать, если бы не первые мысли, почерпнутые из видения того, как рождаются дары природы; природа и труд неотделимы и нерасторжимы. Человек только тогда добрый и благодарный сын природы, когда

он не чурается никакого труда, самого непривлекательного. И перегной, и навозная жижа, и лопата, и песок — все это необходимо для того, чтобы царствовал умный физический труд.

Уже 11—12-летние дети, благодаря многочисленным наблюдениям и постоянному труду на земле, знают, что плодородие почвы — это бурная жизнь полезных микроорганизмов. Для микроорганизмов надо создавать благоприятную питательную среду. В маленькие ящики и ящички, расставленные в кабинете живой природы, ребята приносят щепотки почвы из разных по плодородию участков. Они «кормят» невидимых друзей человека самыми разнообразными органическими и неорганическими веществами. Для детей большим открытием является то, что в почве есть микроорганизмы, что они питаются, причем даже железом, шлаками. Но решающее значение в создании почвы имеют корни растений — эта мысль приходит не только из объяснений учителя, но и из непосредственных наблюдений. Дети стремятся создавать такие условия, чтобы как можно больше корней оставалось в почве.

Идут годы, умершие участки постепенно превращаются в плодородную почву. Но дело здесь не в самой почве — нам, учителям, важно прежде всего то, что в самой этой работе постепенно меняются дети; с такой же постепенностью и неторопливостью, как в безжизненном веществе почвы, рождается и крепнет жизнь, у детей формируются взгляды, укрепляются социально-политические, нравственные, эстетические позиции — в конечном счете из ребенка постепенно формируется Человек в самом высоком смысле этого слова.

* * *

Первостепенное воспитательное значение мы придаем тому, что труд, сущностью которого является активное общение с природой, становится в то же время умственной жизнью коллектива. Как это важно, что в коллективе, где есть разные люди — и с ярко выраженными умственными способностями, и малоспособные, трудно думающие, — у всех единая духовная жизнь, единый умственный интерес, у которого тысячи граней, т. е. так много, что у каждого члена коллектива, занятого трудом, рождаются свои мысли. Очаг мысли — так бы я назвал

этот интересный многолетний труд, достаточный для того, чтобы буквально у каждого зажечь огонек пытливости, любознательности. Истинная ценность труда, представляющего собой активное общение с природой, заключается в том, что трудолюбивый становится умным, а лодырь остается глупым. Если вам удастся достигнуть того, что все участники этого многолетнего дела трудолюбивы, — все они будут умными людьми.

Труд — могучий источник умственного развития. Активно общаясь с природой, человек не просто получает знания, а добывает их; напряжение физических сил сливается с напряжением сил умственных. Нигде мысль не приобретает столь яркой формы поиска, нигде нет такой глубокой потребности в думании, как в созидательном труде.

Есть у нас участки, над восстановлением плодородия которых трудится уже несколько поколений детей и подростков. По миллиметру, а то и меньше гумуса прибавляет природа за год — и то благодаря нашей энергичной помощи — вот как нетороплива она в своем творении. Я считаю исключительно важным то, чтобы каждое новое поколение, переступившее порог школы, видело природу, сохраненную и даже созданную руками и умом тех, кто учился много лет назад. Лишь если ребенком увидит человек это и задумается, вы можете с полным основанием считать, что он увидел мир таким, каким его надо увидеть, чтобы стать воспитываемым.

Любовь к труду, стремление стать создателем важнейших материальных благ, необходимых нашему обществу, — в этом средоточие воспитания и воспитанности. Путь к правильной трудовой ориентации в том, чтобы уже в годы детства и отрочества все трудились и на собственном опыте убеждались, что труд на земле — самая интересная, самая насыщенная умственная жизнь. Задача состоит в том, чтобы к этой жизни духовно готовились самые умные, самые способные и пытливые. Только в условиях нравственной трудовой ориентации мы достигнем того, что знания станут убеждениями. Активное общение с природой посредством умного, интересного общественно полезного труда — это, образно говоря, мостик, соединяющий знания с идеями, путь к становлению мировоззрения гражданина.

Биология и школа, 1970, № 5.

Передо мной письмо. Когда я прикасаюсь к нему, оно жжет руку, как раскаленный лист металла.

Это письмо от девятнадцатилетнего юноши, приговоренного к смертной казни и в ожидании решения своей участи написавшего исповедь на сорока восьми тетрадных страницах, исповедь сбивчивую и далеко не откровенную.

Я ответил юноше. Его мать приезжала ко мне, просила поехать на свидание с сыном. Беседа с ним была очень трудной...

Меня потрясло то, что я назвал бы младенчеством ума. И в письме, и в словах, которые я услышал от него, звучали смятение, страх, но не раскаяние, не осознание вины.

Он не был бандитом, попавшим в шайку. Просто мерзкий, жалкий, пустой человек... Он поднял руку на шестнадцатилетнего юношу, которого до тех пор в глаза не видел. На узкой тропинке парка они встретились. Шестнадцатилетний не захотел ему уступить дорогу, он, девятнадцатилетний, был возмущен. В кармане у него был нож, он пустил его в ход и убил человека. К нему подбежала мать убитого. Он и ее ударил ножом, тяжело ранил...

Страшная пустота души, непонимание жизни как величайшей ценности — вот что стоит за этим преступлением.

Я с презрением и отвращением смотрел на него, и в то же время тяжесть утраты камнем давила сердце... Утраты человека. Тяжесть самой мысли, что этот юноша мог бы стать настоящим человеком, если бы его правильно воспитали.

В его письме были слова, рассчитанные на то, чтобы пробудить жалость: «Только перед неумолимым взглядом смерти я понял, как дорога жизнь». Только тогда, когда в семью пришла беда, мать и отец вопиют: как, почему это случилось? Взывают к чуткости и гуманности к преступнику. Но их беда заслуживает снисхождения только в той мере, в какой может рассчитывать на снисхождение человек, засыпавший колодец, а потом мучающийся от жажды. А мудрость человеческая заключается в том, чтобы всегда заботиться о чистом роднике, из которого мы берем воду.

Опыт — не всегда положительный, иногда и горький —

научил меня определять уже в детские годы человека, которому в будущем, лет, может быть, через пятнадцать или двадцать, угрожает опасность соскользнуть на дурную тропу. Предотвратить эту опасность еще в раннем детстве, привить сильное противодействие даже от самой возможности, мыслимости того, что человек может стать преступником или правонарушителем,— в этом одна из тончайших граней нашего педагогического мастерства.

Вы замечали, дети и подростки обладают стихийным социальным прямотушищем — им ясно, без всяких оговорок скажи, что хорошо и что плохо, где белое и где черное. Им вынь и положи справедливость — и никаких гвоздей! Как важно не только не забывать об этом ни на мгновение, но насыщать этим первым их социальным опытом всю их жизнь. Вот ко мне прибежала первоклассница Майя с жалобой: Витя нашел палку и бьет ею по траве, а в траве цветы... Она прибежала не жаловаться на Витю. Если бы я наказал его сию же минуту, Майя была бы озадачена и уязвлена в самое сердце. Она пришла за правдой. Я должен прежде всего сказать: это зло! И мы вместе идем к Вите — защищать цветы. Это для девочки торжество справедливости. Но вместе с тем и оселок, на котором оттачивается лезвие детской нетерпимости к злу. Не допускайте, чтобы, прикасаясь мыслью и сердцем к несправедливости, ребенок оставался равнодушным. Это ступенька к более высокой ступеньке нравственного развития.

Мне вспоминается давнее событие: возвращаясь с детьми из далекого похода, мы попросили в соседнем селе у ласковой бабушки напиться. Она пригласила нас в сад. Угостила яблоками и печеной картошкой. Мы поблагодарили за угощение и ушли. Прошли больше километра и вдруг вспомнили: где сидели, там оставили на земле кожуру печеной картошки...

«Надо возвратиться...», — нерешительно сказала та же Майя.

От того, как поступят дети в сотне, тысяче таких вот маленьких случаев, зависит многое в их будущем.

«Да, конечно, надо возвратиться и все убрать...», — сказал я. Они гурьбой пошли за мной; один только Степа остался на месте, сказав: «Я посижу...» Но когда он услышал гневные слова детского осуждения, у него пропало желание отдыхать

Пусть тысячу раз в годы детства ребенок переживет вот такое торжество справедливости. Почувствует свою сопричастность к нему. Возмущаться злом так, как мои питомцы возмутились равнодушием и ленью Степы, умеют только дети. Попробуйте пробудить возмущение аналогичным поступком в годы отрочества — ничего не выйдет, возраст уже не тот...

Вместе с матерями и отцами своих питомцев мы видим смысл своей рассчитанной на далекие годы работы в том, чтобы дети понимали и чувствовали: в мире есть вещи мерзкие, гнусные.

Важно, чтобы маленький человек не просто понимал: вот это — мерзко и гусно, а страдал, горевал, мучился из-за того, что мерзкое и гусное рядом, а я ничего не могу сделать, чтобы мир стал лучше. Гнев и отвращение к гусному и мерзкому постепенно переносится на самого себя — это исключительно тонкий переход, от которого в решающей мере зависит тяготение к прекрасному и непримиримость к злу.

Стыд — вот могучее противоядие от гусного и мерзкого, это, образно говоря, та глубокая вода, на которой держится ладья чести, совести, достоинства.

В том, чтобы развить тонкое чувство стыда и нетерпимость к бесстыдству, и заключается, по существу, предотвращение пассивности, неустойчивости личности, того, что обычно характеризуется словами: куда ветер повеет, туда и клонится. Как раз такие чаще всего становятся правонарушителями и преступниками!

Без презрения к мерзости, без того, чтобы маленький гражданин в годы своего раннего детства не перестрадал за человека, немыслимо стремление быть хорошим.

Атмосфера активной нетерпимости к мерзости начинается с нетерпимости к лени, безделию, нерадивости, пустому времяпрепровождению. Не случайно народная мудрость учит: лень — мать всех пороков. Я тысячу раз убежден, что трудовое воспитание начинается за партой, за книгой — это главный и самый сложный станок, овладеть которым не так просто. Самое главное в школе, самое труднодостижимое и самое тонкое, что есть в педагогическом мастерстве, — добиться того, чтобы маленький человек стыдился своей праздности, презирал, ненавидел лень и нерадивость. Речь идет о нравственной стороне умственного труда — о той грани нашего школьного дела,

за которой открывается дьявольски сложное и трудное воспитание любви к учению. Я считаю своей важнейшей миссией, чтобы ум, который я воспитываю, презирал даже подобие мысли об отступлении перед трудностью: стыдно что-то не сделать, стыдно не думать!

Я считаю цель воспитания достигнутой лишь при том условии, если для каждого — буквально для каждого! — подростка, юноши книга, мысль становятся узами, из которых он не может вырваться, не ранив больно собственной души. Тот не мужчина с сознанием труженика, борца, будущего воина и мужа, будущего отца, у кого к 14—15-летнему возрасту не сложилась в заветном уголке величайшая ценность его души — сто, двести книг, которые он читал ночи напролет, над которыми встретил рассвет, которые стали для него откровением.

Самое страшное горе — горе для семьи, горе для школы, горе для общества, — если молодому человеку не хочется знать! Нежелание знать — символическая железная решетка, которой человек закрывает от себя безграничное небо, вместо символической потом может появиться настоящая.

Миссию воспитателя юношества я вижу в том, чтобы вместе с каждым подростком, юношей построить здание его интеллектуальной жизни. Быть воспитателем — значит встречаться с подростком не только на уроке. Это значит быть с ним единоверцем — да, не бойтесь этого слова! — и единомышленником, тянуться друг к другу, находить великое счастье удовлетворения потребности человека в человеке, по словам Маркса.

Часто можно слышать слова: привить вкус к труду... Никакими средствами и «прививками» этого не сделаешь, если педагог не привел питомца своего — подростка, перед которым открывается сложный мир, — в свою собственную библиотеку и если тот не остановился — изумленный — перед истоками вашего духовного богатства. Вкус к труду не будет постигнут, если педагог, уединившись со своим трудным, строптивым, бывает, непостижимым в своей сложности учеником, не пленил его своими мыслями...

Часто ли происходит в школе то, что должно быть, по существу, главным в воспитании подростков и юношества, — вот это тонкое прикосновение одной души человеческой к другой?

Те, кто соскальзывает на дурной путь, — люди глубоко одинокие, несмотря на то, что их окружают старшие и сверстники, несмотря на то, что ежедневно им долбят: этого нельзя! Это недопустимо!

Школа, по моему глубокому убеждению, — это прежде всего, образно говоря, мир человеческих прикосновений. Дело вовсе не в том, что кто-то к кому-то прикреплен, — об этом не надо говорить, все это чепуха. Дело в том, что меня, например, навсегда связала судьба с наиболее яркими, наиболее сложными и, по-моему, наиболее интересными подростками, они вошли в мою жизнь, стали частицей моего существа: исчезло бы все, что я знаю, умею, что я делал, если бы не они.

Очень трудно найти слова и образы для того, чтобы объяснить детям, что такое жизнь и смерть, свобода и лишение свободы, — не только объяснить, но и воспитать у каждого глубоко личное отношение к этим понятиям. Я считаю важной задачей нравственного воспитания то, чтобы дети глубоко поняли: жизнь могучая и всепобеждающая, но в то же время — нежная и нередко беззащитная, легко уязвимая ценность. Порой возникают такие обстоятельства, когда достаточно одного жестокого слова, равнодушного взгляда, чтобы тоненькая нить жизни перервалась.

Как только ребенок переступил школьный порог, меня больше всего интересует: какими духовными нитями связан он с родными и близкими? Нормальное нравственное развитие, гармония любви, счастья и труда (а от этой гармонии, в сущности, зависит моральное здоровье человека), возможно только при условии, если ребенок убежден: я кому-то очень, очень нужен. Я кому-то безмерно дорог. Кто-то видит во мне смысл своей жизни. Но и я кем-то очень, очень дорожу, без кого-то я не могу жить, кто-то и для меня безмерно дорог. Может быть, это убеждение не выступает в виде отчетливой мысли, но оно наполняет все человеческое существо ребенка. Ласка, радость духовного общения с родными, особенно с матерью, сердечная близость с матерью и отцом — это и источник долга. Одна из причин преступлений — полное безразличие человека к тому, что о нем думают родные и близкие.

Дорожить жизнью и свободой научится лишь тот, кто в детстве постиг мудрость ограничения своей свободы

и желаний. Эта мудрость — тончайший инструмент воспитания.

Был у меня когда-то своенравный, неугомонный, неуправляемый в своих порывах мальчик Роман. Он мог «ни за что», как говорят дети, ударить товарища, забрызгать грязью платье девочки.

«Вот что, Роман, — сказал я ему однажды утром перед уроками, когда ко мне в слезах пришла маленькая Леся (Роман уже успел выдернуть у нее из косичек ленту) — твоя свобода — это дикарь, который подведет тебя в жизни. За такие дела взрослых лишают свободы — в тюрьму сажают. Мы же с тобой сделаем по-другому. Давай свою правую руку...»

Он протянул правую руку. Я вынул из кармана бинт, забинтовал кисть, крепко прибинтовал руку к карману — так, чтобы мальчик не мог пользоваться правой рукой.

«Вот так мы будем жить сегодня, Роман, без правой руки. А чтобы ты не чувствовал себя одиноким, ребята таким же образом забинтуют и мою правую руку...»

Дети сделали с моей правой рукой то же самое, что сделал с правой рукой Романа я. Изумленный мальчик ожидал, что же будет дальше.

«Ну, — сказал я, — теперь мы вот так и будем жить... Попробуем, легко ли это...»

Целый день мы ходили с ним рядом во дворе, в саду, сидели на уроке, обедали... Мальчик представил себе, во что превратится жизнь, если его в самом деле когда-нибудь лишат свободы. Он все-таки научился властвовать собой: конечно, пришлось дать ему еще несколько уроков — более тонких, но не менее трудных.

Тот не человек, кто в годы детства и отрочества не пережил мудрого и мужественного состояния, когда надо, необходимо отказаться от желания, исполнение которого сулило столько удовольствий.

Класс собрался в лесной поход — сколько радостей удовольствий обещал он! И вот накануне похода у пятиклассника Пети заболела бабуся. Отец собирается везти ее в больницу. Нужна помощь сына, но отец склонен отказаться от нее: пусть, мол, ребенок отдохнет. И учитель, помогая ребенку преодолеть желание, переставшее быть хорошим, ведет его на тропинку благородства. Все не пошло в лес...

Мудрое и мужественное управление желаниями — вот та дирижерская палочка, по мановению которой творится гармония человеческой красоты. Возьмите в руку эту палочку.

В школе не должно быть пустословия и пустомыслия. Берегите слова! — хочется посоветовать воспитателям. Будьте очень осторожны и осмотрительны, побуждая детей высказывать свою мысль. Не вкладывайте в уста ребенка слова, смысл которых он еще не может постигнуть! Не допускайте, чтобы высокие святые слова, особенно слова о любви к Отечеству, превращались в разменную монету. Настоящая любовь молчалива. Надо учить любить, а не учить говорить о любви. Учить чувствовать и хранить свои чувства, а не учить подыскивать слова для того, чтобы сказать о несуществующих чувствах.

Бесстыдство порождается невыполнимыми обещаниями. Не вынуждайте ребенка давать обещание, к которому он духовно не подготовлен, для которого у него еще нет сил и твердости души. Если он сам что-нибудь обещает — выслушайте, поверьте, но в то же время скажите: опасайся давать обещание, если не уверен, что сдержишь его. Помните, что дурная привычка часто давать слово, обещание и забывать о них порождает одеревенение, окостенение сердца, оно не чувствует лжи.

Пусть в школе (так же и в семье) царствуют правда и доверие. Пусть каждое слово, произнесенное в школе, дает плод, а не остается пустоцветом...

Комсомольская правда, 1970, 7 июня.

ГАРМОНИЯ ТРЕХ НАЧАЛ

Просматривая газеты центральные, республиканские, областные, районные, приходишь к выводу: вряд ли найдется другой участок духовной жизни страны, который привлекал бы столь пристальное внимание общества, как школа. Множество статей, принадлежащих перу рабочего и колхозника, учителя и пионервожатого, ученого и журналиста, — статей очень разных, неравноценных, но объединенных одним: беспокойством о том, чтобы дети наши учились и воспитывались лучше, чтобы советская школа стояла на уровне требований времени.

Статьи о школе, публикуемые в нашей прессе, по содержанию и характеру отражения проблем школьной жизни, по подходу авторов к материалу можно разбить на две группы.

Первая — информационный материал, проникнутый мыслью: усилия педагогических коллективов, общественности, направленные на совершенствование процесса обучения в связи с введением новых программ, приносят определенные результаты, но вместе с тем по-прежнему существуют и многие трудности. То в одном, то в другом месте обнаруживаются у детей плохие знания, а учитель работает по-старому, словно бы в школе не произошло никаких перемен.

Вторая группа — статьи, проникнутые раздумьями, часто недоумением, болью, даже обидой в связи с трудными и не совсем понятными, на первый взгляд, явлениями: нежеланием какой-то части учеников по-настоящему работать и учиться, неподготовленностью — и нравственной и трудовой — многих выпускников наших школ к производительному труду. Большую тревогу вызывает непослушание учеников; кажется, что они даже потешаются над беззащитностью учителя, а тот не знает, как воздействовать на нерадивого, распущенного ученика. Зачастую при этом делается в целом правильный вывод: многое зависит от учителя, от его педагогической культуры. Но вывод этот в подавляющем большинстве случаев малоубедительный; нет, как правило, глубокого проникновения в сущность педагогического процесса. Такие публикации обычно вызывают неудовлетворенность у педагогов и, бывает, дезориентируют родителей, то ли не понимающих, в чем должно заключаться их воспитательное влияние на детей, то ли не желающих брать на себя определенную долю ответственности за то, что происходит в школе. Авторам, берущимся за школьную тему, я бы советовал не забывать: малейшая неточность в анализе школьных дел приводит к тому, что учителя и родители реагируют на публикацию очень по-разному.

И в строчках, и между строчками многих статей кричит, вопиет мысль: какая-то часть учеников, сидя за школьной партой, бездельничает, а окончив школу, не хочет по-настоящему трудиться, и обществу приходится заниматься проблемами, которые, казалось бы, должны быть решены в школе.

В статье старого рабочего «Уралмаша» Е. Горбунова, опубликованной в газете «Уральский рабочий» (в этом издании много интересных материалов о школе), приводятся тревожные факты. Старый ветеран труда, пять сыновей и дочь которого работают на родном заводе, возмущен: почему некоторые молодые люди, окончив учение, болтаются без дела? Почему восемнадцатилетнее «дитя» не хочет стать к станку? Почему парень идет на год работать курьером, чтобы «заработать стаж» и поступить в вуз, а не привязывается к заводу навсегда? Эти вопросы звучат серьезнейшим упреком школе, и от них невозможно отмахнуться, отписаться стандартными фразами о недостатках и упущениях.

Старый уральский рабочий делает горький вывод: «Видно, в чем-то неправильно воспитывается часть молодежи... В школе, если уж говорить начистоту, молодежь привыкает к мысли, что физики и математики — это люди, все остальное для тех, кому не повезло...» Е. Горбунов считает необходимым как-то исправлять недовоспитанность молодых людей, он предлагает, в частности, прикреплять к только что пришедшим паренькам старых рабочих. Совершенно правильный выход.

В чем же корень зла? Почему юноши, о судьбе которых печется рабочий Е. Горбунов, не хотят по-настоящему трудиться? Почему иным школьникам, по словам иркутского коллеги, даже пол подмести не хочется, и это становится сложной педагогической проблемой? Почему все эти Вани и Алеши, Гриши и Вити, о которых рассказывают многие областные газеты (кстати, как эти Вани и Алеши безлики и похожи друг на друга!), почему они, эти шестиклассники (чаще всего в этом возрасте — заметьте) уходят с уроков, бездельничают, шалостями своими выводят из себя учителя, порой предстающего перед нами в виде страдальца и мученика?

Вдумаемся вот во что. За партией в нашей стране сидят десятки миллионов человек — то есть вся часть населения, которая относится к возрастной группе от 7 до 17—18 лет. Это небывалое в истории человечества явление. Это великое благо социализма. Но это благо породило свои трудности, с которыми невозможно справиться без умного, мудрого подхода к ним. Общество наше вынуждено усадить за парты всех без исключения от 7 до 17 лет (а ведь в вузах на таком же положении, по существу,

еще и несколько миллионов 18—25-летних), потому что без всеобщей образованности, грамотности, культуры невозможно создать всесторонне подготовленного труженика и всесторонне развитого человека.

Но почему же к этому благу многие молодые люди относятся так неуважительно? Почему — как это ни парадоксально, но факт — оно становится для какой-то части нашей молодежи бременем?

В дореволюционные годы стремление выбраться из нужды, заставляло учиться. Теперь же этого всемогущего «воспитателя» нет. И очень хорошо. Но то обстоятельство, что за партой сидят миллионы семнадцатилетних людей, от неосторожных движений которых трещат парты, требует — задумаемся об этом, товарищи! — могучего морального обеспечения этого великого, небывалого в истории человечества дела. Можно сказать, здесь требуется крепчайший моральный тыл, иначе из посаженных цветочных семян вырастет чертополох.

Конечно, нелепо создавать искусственные трудности материального порядка (хотя о чувстве меры и о праве на блага мы еще будем говорить). Моральное обеспечение всеобщего среднего образования, предотвращение всех зол и бед нашего нынешнего школьного бытия — прежде всего в трудовом воспитании. До тех пор, пока в школе не будет подлинного трудового воспитания, будут Вани и Алеши, уже в пятом-шестом классах увиливающие от учения, будут и юноши, требующие от матери модную куртку и хорошие часы — «иначе в школу не пойду», будет преступление, совершенное подростком.

Но трудовое воспитание нельзя представлять как приращение разрозненных средств или организационных форм. Я читал немало газетных статей, авторы которых считают, что, если в сельской школе есть учебно-производственная бригада, а в городской школе мастерская, — проблеме трудового воспитания можно считать решенной. Конечно, и бригада и мастерская — очень важные вещи. Но и это лишь отдельные грани трудового воспитания. Трудовое воспитание — исключительно емкое, многогранное понятие. Многие годы работы в школе твердо убедили меня в том, что трудовое воспитание — весь смысл, вся устремленность жизни школы и семьи. Трудовое воспитание — это, образно говоря, гармония трех понятий: надо, трудно и прекрасно. Может, и не было бы нужды

говорить специально о трудовом воспитании, если бы в школе и семье царствовало единство этих трех начал, а наша пресса в этом была единодушна. Нет и быть не может воспитания вне труда и без труда, потому что без труда во всей его сложности и многогранности человека нельзя воспитывать.

Труд и трудовое воспитание — вещи, стоящие рядом с учением, нравственным воспитанием и развитием. Труд — это вещь всепроникающая и всеобъемлющая. К каким бы ухищрениям ни прибегали мы в школе, стремясь вовлечь ребенка (потом подростка, юношу) в другую работу, кроме учения, все-таки учение занимает и будет занимать главное место в его духовной жизни, и от этого никуда не уйдешь! И трудовое воспитание надо начинать с этого. Это начало начал. Мысль, познание мира, постижение истин, добывание знаний, формирование на их основе собственных взглядов, убеждений — вот что должно быть трудом для школьника. Именно в таком труде ярче всего раскрывается человеческое. К нему стремится ребенок всеми силами души, переступив порог школы. Но что принесет ему этот труд — радость или огорчение, станет ли вообще сидение за партой трудом, в котором раскрываются творческие силы маленького человека, в решающей мере зависит от нас, старших. Добиться этого труднее, чем заставить подметать пол, копать землю на школьном участке, пилить доску в мастерской. Страшная опасность — безделье за партой: безделье шесть часов ежедневно, безделье месяцы и годы — это развращает, морально калечит человека, и никакая школьная бригада, ни мастерская, ни школьный участок — ничто не может возместить упущенного в главной сфере, где человек должен быть тружеником, — в сфере мысли.

Как же добиться, чтобы в школе царствовал напряженный, радостный умственный труд мысли? Об этом можно написать большую книгу, и книга эта нужна учителю как воздух. Я же сейчас попытаюсь сказать главное. Поистине страшной бедой многих школ и учителей является то, что главные усилия ученика идут на пассивное приобретение знаний — запоминание готового, растолкованного учителем, заучивание из учебника. Конечно, без запоминания и заучивания в школе не обойдешься, но этот вид умственной деятельности должен стоять на

втором месте. Главные умственные силы человека, пришедшего в школу не только для того, чтобы взять багаж знаний, но, главное, для того, чтобы стать умным (какая беда, что об этом многие учителя забывают!), должны направляться не на запоминание, а на осмысливание. Подлинная школа — это царство деятельной мысли. Если ученику, скажем, VIII класса задано сегодня по учебникам 10 страниц материала — значит, он станет тружеником-мыслителем лишь тогда, когда прочитает в этот день 20, 30, 40 страниц из интересной научной книги, из журнала — не для запоминания, не для заучивания, а просто из потребности мыслить, узнавать, открывать, постигать, наконец, изумляться.

А. Эйнштейн писал, что самая прекрасная и глубокая эмоция, которую мы испытываем, — это ощущение таинственности; кому эта эмоция чужда, кто утратил способность замирать в священном трепете, того можно считать мертвецом. С болью души смотришь на живых мертвецов, искалеченных непосильным сидением над уроками. Часто журналист, взявшись писать о школе, значительное внимание уделяет описанию форм и приемов работы учителя. Но я нигде не встречал постановки такой важной для школы, ученика, семьи проблемы, как чтение. Ведь примерно одна треть времени, затрачиваемого на умственный труд, идет у думающего ученика — мыслителя-труженика — на чтение учебника и две трети — на чтение необязательное, от которого, собственно, в решающей мере зависит жизнь мысли и становление мыслителя-труженика. Если ученик читает только учебник, если все делается для того, чтобы все время он расходовал на подготовку обязательных уроков, учение становится для него ненавистным бременем — от этого и множество других бед...

Жизнь в мире мысли — вот какую прелесть бытия надо раскрыть перед школьником! И на это направить учителя.

Что же необходимо для того, чтобы в школе царствовала жизнь мысли, чтобы потребность мыслить, узнавать, открывать, постигать — изумляться! стала важнейшей духовной потребностью человека?

Для этого нужен ум учителя. Порох любопытства, пылкости, жажды знаний заложен в каждой юной душе: зажечь же его может только мысль наставника. Жизнь

в сфере мысли — и есть огонь любознательности, зажженный учителем. Открыть ребенку всю прелесть, привлекательность, роскошь мысли может только учитель. Он лишь тогда становится властелином юных душ, воспитателем, наставником, когда несет мысль, выражает себя в мысли, властвует — мыслью, покоряет и подчиняет — мыслью. Сила, рождающая в классе тишину, в которой дети и особенно подростки и юноши прислушиваются к каждому слову учителя, сила, пробуждающая совесть, стыд ученика, — неоспоримый авторитет учителя-мыслителя, влюбленного в свое дело. Жалок учитель, которому нечего сказать, в котором ученики не чувствуют несметных залежей мысли. Мы властвуем над юными душами мыслью и только мыслью. Наша мысль зажигает у наших питомцев желание учиться. Наша мысль пробуждает неодолимое тяготение к книге.

Необходима также целеустремленность учения. Я работаю в школе 35 лет и только лет двадцать назад понял, что на уроках нужно делать две вещи:

во-первых, давать ученикам определенный круг знаний;

во-вторых, заботиться о том, чтобы ученики становились все умнее и умнее.

Если нет гармонии этих двух вещей, учение превращается в каторгу. Необходима специальная работа для того, чтобы ребенок становился умнее. (Нельзя утверждать: если он овладевает знаниями, он уже и становится умнее. Далеко не так все просто).

Следующая грань мысли как труда — умение учиться. Представим себе, что столяру, работающему рубанком, дают и дают работу: строгай. А у него затупился инструмент, работа идет плохо. В таком положении оказывается ученик: ему задают выучить урок, а он не умеет читать. Чтение — очень важное и одно из самых сложных умений, которыми ребенок должен овладеть, чтобы умственно трудиться. Мысль лишь в том случае становится желанным трудом для маленького человека, если он умеет, читая, думать и, думая, читать.

Без высокой культуры чтения нет ни школы, ни подлинного умственного труда. Плохое чтение — как грязное окно, через которое ничего не видно.

Наконец, есть еще одна важная грань мысли как труда. Это желание быть хорошим. Ребенку свойствен-

по стремление к самостоятельности. Детская потребность все делать собственными силами — и есть источник желания быть хорошим. В труде человек выражает себя, свою духовную сущность, видит себя как бы в зеркале, гордится собой. Одна из тончайших воспитательных задач педагога в том и состоит, чтобы маленький человек постоянно гордился собой, видя себя в труде. Нет ничего опаснее равнодушия к самому себе. Плохо? Ну и что же, мне безразлично... Великое мастерство требуется от учителя, чтобы не перервалась эта тоненькая нить, связывающая душу ребенка со школой, учителем, товарищами, — желание учиться, желание быть хорошим. Лучшие мастера-воспитатели умеют добиться того, что эти тончайшие нити, объединяя детей в коллектив, порождают коллективное одухотворение, воодушевление: все стремятся учиться хорошо, каждому хочется выглядеть перед товарищами только с лучшей стороны. Как важны для всей жизни человека чувствительность, чуткость к тому, что видят в нем люди. Беречь эту чувствительность и чуткость — истина, которая, по-моему, должна быть одной из первых заповедей педагога; ее должна отстаивать и вся наша печать.

Усердие рождает достоинство мыслителя-труженика. Есть в нашей школе пятый класс, есть седьмой, девятый — в этих коллективах ученик сгорел бы от стыда, если бы ему кто-то предложил шпаргалку или подсказал. Можете дать контрольную и уйти — никто даже не попытается списывать или предлагать товарищу неблаговидную помощь: каждым движет чувство собственного достоинства, в каждом живет тонкое чувство стыда, у каждого в душе прочно засело то «я сам», без которого немислимо человеческое достоинство.

Это и есть истоки, самая сущность трудового воспитания. Это и есть гармония трех вещей — надо, трудно и прекрасно. Только благодаря этой гармонии человек с малых лет живет жизнью труженика, умеет заставить себя — это исключительно важно! — и становится в полном смысле воспитываемым — способным повиноваться, подчиняться мудрой воле наставника, морально готовым к тому, чтобы его заставляли старшие.

Глубоко убежден, что, если каждый сидящий за партой стал настоящим тружеником мысли, если каждый на собственном опыте постиг эту гармонию трех начал,

ни у кого не будет пренебрежения к труду слесаря или тракториста, каменщика или скотника, потому что настоящий умственный труд — адски трудное дело, и уже за школьной партой человек поймет, что перспектива стать слесарем или дояркой — перспектива такой же нелегкой, трудовой жизни, как и перспектива стать физиком или математиком. Если мысль — труд, а школа стала царством труда, — у питомцев утверждается чувство уважения к любому труду и самое, казалось бы, простое дело на школьном участке, в мастерской, на колхозной ниве становится полем для приложения мысли. Единство умственной жизни и физического труда достигается лишь тогда, когда трудом стало думание, постижение мира.

Трудовому воспитанию посвящают свои статьи многие журналисты. Как правило, каждая рассказывает о чем-то конкретном: в одной идет речь о мастерской или учебном цехе, в другой — о школьной учебно-производственной бригаде, в третьей — о кружках. Невозможно требовать ни от газеты, ни от журналиста, чтобы каждая публикация содержала глубокий, всесторонний анализ проблемы трудового воспитания. Если в ней отражена только одна его грань, и от этого большая польза. Но о чем бы ни писали вы, не забывайте, что главное рабочее место школьника — парта, класс, стол в школьной лаборатории... Главный объект его труда — книга, тетрадь, главный труд в школе — учение. Пусть вы пишете только о мастерской или только о бригаде, мысль об этом самом главном должна читаться между строк. Воспитательная сила труда в мастерской, на школьном участке, на колхозном поле будет звучать в ваших раздумьях веско и убедительно лишь при условии, что в них чувствуется общий дух школьной жизни — работа везде и во всем, и прежде всего на уроках, за книгой.

В осуществлении трудового воспитания в таком смысле, как оно представляется нашему педагогическому коллективу, есть еще одно, очень важное условие — единство усилий школы и семьи.

Рубрики «Семья и школа», «Педагогический университет для родителей» есть во многих газетах. Родители, особенно молодые, с нетерпением ожидают статей в этих разделах. Но именно эти статьи чаще всего и вызывают тревогу. Обращаясь к родителям, многие авторы «отталкиваются», как правило, от какого-нибудь чрезвычайного

происшествия. Стряслась беда, произошла неприятность — тут-то и начинается разговор о воспитании, причем ход мысли у автора зачастую таков: если бы не были допущены такие-то и такие-то ошибки, беды не было бы...

По существу, это разговор о перевоспитании. Такие статьи, конечно, приносят пользу: многих родителей они предостерегают от ошибок и упущений. Но было бы лучше, если бы и взаимоотношения школы и семьи, и дух педагогического просвещения родителей устремились по широкому руслу — без подводных камней. Пришло время — я в это глубоко верю — создавать идеальную семью, идеальные взаимоотношения между матерью и отцом, между детьми и родителями. Я твердо убежден в том, что семья — это та сказочная пена морская, из которой рождается красота, и если нет таинственных сил, рождающих эту человеческую красоту, функция школы всегда будет сводиться к перевоспитанию.

Хочу рассказать об опыте нашей школы. Без семьи мы — я имею в виду свою школу — были бы бессильны. Десятилетия ушли у нас на то, чтобы дать родителям азбуку педагогической культуры. Нынешние родители — это наши бывшие ученики; мы готовили их к родительской миссии, еще когда они сидели за партой, — это очень важно! Безграничное уважение и доверие к школе — вот что самое главное для коллектива наших родителей. Для семьи в вопросах этической культуры, образования, воспитания нет авторитета выше, чем школа. Нам удалось достигнуть того, что в семье царит культ книги и чтения. И сейчас добрая половина наших усилий по воспитанию подростков и юношества направлена на то, чтобы подготовить их хорошими отцами и матерями. Может быть, это покажется кому-то странным, может быть, мы ошибаемся, но главное в нашей работе по «профессиональной ориентации» — воспитание будущих родителей-воспитателей уже за школьной партой...

В воспитании всегда важно, чтобы установились правильные взаимоотношения между педагогом и его питомцами. Правильно, с достоинством воспринимать горькие, но справедливые слова старшего — очень сложное дело, этому надо долго и настойчиво учить. Большая, просто нестерпимая беда заключается в том, что в разговоре учителя с подростком зачастую преобладает эмоциональ-

ный элемент — раздражение, гнев, нетерпимость. Нам, педагогам, приходится часто выражать неодобрение, осуждение в десятках, сотнях самых разнообразных оттенков, и делать это надо так, чтобы человек представал перед нами с открытым сердцем, не замыкался, не видел в наших горьких словах предубеждения. Если бы у меня спросили, какая в нашей сложной профессии самая сокровенная тайна, от овладения которой зависит способность властвовать умами и сердцами, я бы ответил: умение воспитывать у питомцев правильное отношение к моему неодобрению, осуждению.

Осуждение, неодобрение — и над этим следует задуматься журналистам — очень тонкий и острый инструмент, и с чем меньшей силой духа, с меньшей мудростью обращаетесь вы к этому инструменту, тем опаснее последствия.

Слово — могучее средство воспитания. Глубоко ошибаются те, кто считает: если на маленького человека не воздействует слово, следует заставить его трудиться физически — ну, скажем, дать ему лопату в руки, — и это поможет. Учитель должен владеть воспитательным словом, прежде всего словом убеждения.

Что осуждать? К чему быть непримиримым? Правильный ответ на этот вопрос в значительной мере определяет успех нравственного воспитания.

Круг проблем, о которых надо говорить и писать, неисчерпаем. В разговоре о школе профессиональные детали и тонкости никогда не уведут в сторону от общегосударственной значимости школьных дел. Школа — своеобразие дитя нашего общества, нянчить его надо очень умно, заботливо и терпеливо. Помнить об этом следует и журналистам.

Журналист, 1970, № 6.

МЫ ПРОДОЛЖАЕМ СЕБЯ В ДЕТАХ

Из глубины веков пришла к нам утвердившаяся в народной морали истина: хорошие дети — честь отца и матери, их достоинство: плохие дети — горе, несчастье, страдание. В извечном стремлении к отцовству и материнству выражается духовный, нравственный порыв, постигнутый человеком как высшее счастье. Это порыв к

тому, чтобы оставить себя в своих детях, продолжить свое бытие, утвердить нравственные ценности, постигнутые, обретенные, добытые предыдущими поколениями, умноженные крупицей собственного опыта, собственного творения и творчества.

Это не легенда, а быль, истинное событие, которое произошло в старинном селе на берегу Днепра.

Жила в этом селе старая-престарая женщина. Выростила она пять сыновей и семь дочерей. От каждого сына и от каждой дочери по несколько внуков. У каждого внука по двое, а то и по трое детей. Лишь у одной внучки Веры, вышедшей замуж несколько лет назад, не было детей.

В теплый летний день исполнилось Праматери — так называл ее весь народ — сто семь лет. Пришли поздравить ее с днем рождения дети, внуки и правнуки. Стали вокруг нее в яблоневом саду, поклонились, пожелали доброго здоровья, сильного духа, ясной мысли, зоркого взгляда и справедливого слова. Посмотрела Праматерь на всю свою родню и видит: все пришли, а Веры нет. Заболело старое сердце. Только хотела спросить она: «А Веры почему нет?» — как вдруг прибежала соседка, поклонилась и сказала: «У Веры сын родился».

Вздыхнула с облегчением Праматерь. Радость засветилась на ее лице. Посмотрела она в глаза каждому своему родственнику и тихо сказала: «Я умираю».

И умерла самым счастливым человеком на земле.

Много лет приходится мне каждый день беседовать с отцами и матерями — и с теми, кто приходит сообщить о рождении сына, и с теми, у кого дети готовятся стать матерями и отцами. Мне очень дорого то, что родители приходят ко мне со своими радостями и горестями, доверяют тайны, сохранение которых является огромным трудом души. С каждым годом я все больше убеждаюсь, что отцовство и материнство — второе рождение человека. Я говорю без преувеличения, что, став отцом или матерью, человек, нравственно подготовленный к этому великому акту человеческого деяния, по-настоящему рождается.

Никогда не забуду волнующего события, ставшего для меня поучительным. Был в нашей школе мальчик по имени Степан. Невыносимым шалуном и проказником, но в то же время добрым, сердечным человеком остался он в памяти учителей. Прошли годы. Степан стал взрос-

лым, женился, в памяти нашей постепенно стал тускнеть его образ. И вот однажды сидим мы в учительской — человек пять преподавателей. Открывается дверь, входит взволнованный радостный Степан. Без шапки, с бутылкой шампанского. Извиняется за неожиданное вторжение, сбивчиво поясняет:

— У меня сегодня большая радость. Везу домой жену с дочерью. Сегодня, дорогие учителя, мое сознание как будто бы солнцем озарило. Я понял, что настоящий человек — тот, кто отвечает и за другого человека. И от этой мысли вспомнились школьные годы. Как только увидел я ее маленькое личико, сразу же перед глазами предстал я сам. Сколько огорчений принес учителям... Простите меня, непутевого. Научите, как воспитывать. Вы знаете это...

Потом он сказал, что они с женой договорились: дочке дадут имя его первой учительницы — Ольги Петровны. Мы вышли из школы, поздравили мать.

Шли дни, недели. Степан часто приходил ко мне со своими сомнениями. Правильно ли они воспитывают Олю? Вот ей уже полгода, вот она уже сделала свой первый шаг, лепечет на своем детском языке... Меня радовали его сомнения и волнения, но больше всего радовало его чувство ответственности. «Где бы я ни был, что бы ни делал — меня тянет домой, к колыбели Олиной, — делился с нами своими чувствами Степан. Словно кто-то в сердце стучит: если ты долго не будешь дома, что-то случится нехорошее...»

Молодой отец нес ко мне радости, тревоги, заботы свои и материнские и каждый раз спрашивал: как? Наибольшей радостью отца и матери стало то, что Оля полюбила бабуся Марию. Девочка помогала бабуся по хозяйству, и та относилась к помощи правнучки как к очень серьезному делу. «Мы работаем», «мы заняты делом», «нам трудно», «мы устали», «мы отдыхаем» — это те, полные глубокого смысла слова, которым в общении с бабусяй научилась Оля. Они несли в себе тонкую эмоциональную окраску любви, доверия, радости общения с любимым человеком. Я присматривался к воспитанию ребенка в этой семье и радовался, наблюдая, что ребенок познает мир через труд, и как: благодаря этому вместе с пониманием вещей и явлений в детскую душу приходит нравственная оценка. Ребенок определенным образом

относится ко всему, что его окружает, и в этом отношении с малых лет четко определяются любовь и непримиримость. Маленькому ребенку невыносимы стали безделье, нерадивость.

Когда бабуся слегла в постель, Оля впервые переживала человеческое горе, горько плакала. Молодой отец пришел однажды рано утром очень взволнованный: что делать? Бабуся умирает. Не лучше ли, чтобы пятилетняя Оля не видела любимого человека в предсмертные часы? Я посоветовал: нельзя уводить ребенка из мира человеческого. Познание жизни начинается с познания человека. Первое, что ребенок видит перед собою, — материнские глаза, улыбку, радость, солнце. Дорожить радостями жизни — значит беречь ее, понимать как ни с чем не сравнимую ценность. Угасание огонька жизни, старость и кончина дедушек и бабушек тоже воспитывает детей.

Если вы, отцы и матери, стремитесь, чтобы сын ваш хотел быть хорошим человеком, дорожил своим достоинством, чтобы слово и воля отцовские и материнские были для него непреложным законом, — научите его в детстве видеть все дерево жизни — от тончайших корней до отмирающих, уходящих в небытие ветвей.

Понимать жизнь, ценить жизнь, дорожить жизнью, беречь жизнь от мерзостей и унижения человеческого достоинства, презирать и ненавидеть эти мерзости — вот средоточие той педагогической мудрости, которую я стремлюсь передать матерям и отцам. Когда будущие матери и отцы приходят на первое занятие родительской школы, я рассказываю им вот какую быль.

Давным-давно в одном селе на Украине девушки и женщины решили показать свое мастерство. Договорились, что в воскресенье все придут на сельскую площадь и каждая принесет лучшее, что она создала своими руками: вышитый рушник, кружева, полотно, скатерть. В воскресенье девушки и женщины принесли на майдан множество изумительных вещей. У стариков и старух, которым общество поручило назвать самых искусных мастериц, глаза разбежались: так много было талантливых работ. Жены и дочери богачей принесли вышитые золотом и серебром шелковые покрывала, тонкие кружевные занавески, на которых были вывязаны удивительные цветы и птицы.

Но победительницей неожиданно для всех оказалась жена бедняка Марина. Она не принесла ни рушника, ни кружев, хотя все это она прекрасно умела делать. Она привела семилетнего сына Петруся, а Петрусь принес жаворонка, которого он сам вырезал из дерева. Прижал мальчик жаворонка к губам — и запела, защебетала птичка как живая. Все стояли, затаив дыхание, а высоко в голубом небе пел живой жаворонок, привлеченный пением с земли.

«Тот, кто творит умного, доброго, мужественного человека, — самый искусный мастер», — таково было решение стариков.

В семье, в тончайших прикосновениях отца и матери к детскому сердцу и разуму пишется самая мудрая, самая сложная и в то же время самая простая — потому что доступна каждому отцу, каждой матери — страница книги, которую все мы называем общественным воспитанием. Общество — это огромный дом, сооруженный из маленьких кирпичиков — семей. Крепкие кирпичи — крепкий дом, рыхлые кирпичи — о, это опасное для общества явление. А рыхлость — это чаще всего безответственность. Если у вас нет ребенка — вы просто человек. Если же у вас есть ребенок — вы трижды, четырежды, тысячу раз человек, — эту мысль мы стремимся красной нитью провести через всю воспитательную работу с родителями. Давая жизнь новому человеку, вы как бы вписываете свое имя в летопись народа.

Безответственность и легкомыслие в отцовстве и материнстве — пороки личности, первопричина которых в извращенном представлении о счастье и радостях жизни. Тот, кто не сумеет продолжить себя в детях, забывает, что в старости его ожидает одиночество.

Одиночество старости — самое страшное горе человеческой личности, его можно понять, мысленно и сердцем своим проникнув в душевный мир людей, которые в молодости порхали с одного сладкого цветка на другой, а в старости стали нищими. Прочитайте, беззаботные молодые люди, прочитайте, отцы, неожиданно для самих себя разлюбившие любимую когда-то жену, потому что на пути вашем появился новый ароматный цветок, а старый немного увял над детской колыбелью... Прочитайте — это истинное событие, к которому мне пришлось в свое время

прикоснуться. Обо всем я рассказываю, как было, не называю только имен.

Жили на свете мать, отец и сын. Сыну еще и года не было, когда отец оставил его мать. Оставил и ушел тайком, не сказав, куда идет и почему.

Остались мать с сыном одни. Нелегко было матери. Рано утром она относила ребенка в детские ясли, а сама шла на работу.

Сын вырастал. Мать уже не относила, а отводила его, не в ясли, а в детский сад. Сын узнал, что у других детей есть не только мать, но и отец. Это открытие поразило детскую душу. Малыш спросил у матери:

— Почему у других детей есть отцы, а у нас нет? Ребята говорят, что без отца нельзя появиться на свет... Правда ли это?

— Да, без отца нельзя появиться на свет.

— Значит, у нас был отец?

— Да, у нас был отец. Он ушел от нас...

— Почему ушел?

— Он не любил нас, потому и ушел...

— А что значит — не любит? — спрашивал сын.

Мать объясняла это, как могла; трехлетнему мальчику не все было понятно, и она сказала:

— Подрастешь немножко — поймешь...

Прошел еще год, второй. Пятилетний сын спрашивает у матери:

— Мама, а себя наш отец любил?

— Себя он любил еще меньше, чем нас. Себя он не только не любил, но и не уважал...

— А что значит уважать себя?

Мать пыталась объяснить, но пятилетний мальчик еще не мог понять столь сложных вещей.

Прошел год, два года прошло. Семилетний сын спрашивает у матери:

— Мама, что же это значит — уважать себя?

— Это значит оставить себя на земле в своих детях. Кто не хочет оставить себя в своих детях, тот не хочет быть человеком.

— Но разве он, отец, не понимал этого? — спрашивал пзумленный сын.

— Он поймет это только в старости.

Когда сыну исполнилось семь лет, мать вышла замуж. Сыну она сказала:

— Этот человек любит меня, и я его люблю. Если он полюбит тебя и ты полюбишь его, может быть, ты станешь его сыном, а он — твоим отцом. А пока не называй его ни отцом, ни дядей — так нехорошо. Обращайся к нему просто «вы».

Второй муж матери был добрым, сердечным человеком. Но мальчик не открывался перед ним, потому что не верил ему. «Если человек, без которого я не мог бы родиться, не стал моим отцом, то разве может стать отцом чужой человек?» — думал мальчик, и от этих мыслей ему было тяжело.

Сын заболел. Дни и ночи он лежал в забытии, и лишь изредка к нему возвращалось сознание. Однажды ночью он почувствовал себя лучше, открыл глаза и увидел перед собой отца. Тот держал в руке его слабенькую ручку. Мальчик закрыл глаза, ему хотелось, чтобы эти мгновения продолжались вечно. Прошла минута, вторая, третья. Сердце мальчика трепетало от счастья: мужчина ласкает его руку. Ребенок чувствовал: отчиму хочется, чтобы он выздоровел. Мальчик не мог больше лежать с закрытыми глазами, он открыл глаза, улыбнулся и сказал:

— Я буду называть вас папой, хорошо?

Прошло несколько лет, и на счастливую семью обрушилось страшное горе: неизлечимый недуг приковал мать к постели. Десять лет она болела, и все эти годы о ней заботились муж и сын. Когда сыну исполнилось двадцать три года, мать умерла. Сын женился. У него самого родился сын. Отчим стал старым, слабым человеком. Сын горячо и преданно любил его. Без него никогда в семье не начинался обед, без его совета не решалось ни одно дело.

И вот однажды, когда семья ужинала, в хату кто-то постучался. Вошел старик.

— Узнаешь меня?

— Нет, не узнаю.

— Я твой отец.

Сын вспомнил все. Он ответил:

— Вот мой отец. А вы для меня просто старик.

— Но ты мой кровный сын, — взмолился старик. — Прюти меня.

— Хорошо, живите у нас,— сказал сын.— Но я не могу ни любить, ни уважать вас, ни отцом называть.

Так и живут они в большом доме, среди яблонь и вишен.

В теплые летние дни семья садится за стол в саду. Слышится оживленный разговор, смех. А старик сидит в своей комнате у окна и, склонив седую голову, плачет.

Задумайтесь над этой историей, отцы. Задумайтесь и вы, юноши, собирающиеся вступить в брак. Сила, создающая и укрепляющая семью,— любовь. Взаимная, верная, честная, преданная любовь отца и матери, отца и детей, матери и детей. Но любовь — это не вдохновение или озарение, приходящие откуда-то извне. Любовь — огромный труд. «Созидается же семья неустанно трудом любви», — писал Ф. М. Достоевский. Труд любви — и есть сознательное стремление к тому, чтобы в детях утвердить самого себя, продолжить свою внутреннюю духовную красоту. Если вы по-настоящему любите своих детей, если преданы и верны им, ваша любовь к жене с годами не только не ослабевает, но становится более глубокой и единственной. Любовь — нежное, хрупкое, капризное дитя мужества. Продолжать себя в своих детях — значит быть мужественным в любви.

Правда Украины, 1970, 11 июля.

САМЫЙ ОТСТАЮЩИЙ В КЛАССЕ...

С самого начала педагогической работы меня мучила загадка: что представляют собой дети, развитие которых отстает от нормы? В какой мере это несчастье определяется наследственностью, а в какой — особенностями среды, которая окружала их с самых ранних лет? Что происходит в их мыслительном аппарате в те минуты и часы, когда я, педагог, все силы прилагаю, чтобы пробудить в классе самостоятельную мысль?

Каждый год в школу приходят несколько таких ребят. Из десяти предложенных им слов они запоминают, и то при многократном повторении не более трех-четырех. Учить их в общеобразовательной школе — настоящая мука: обычно они с трудом овладевают чтением и письмом, но дальше этого не идут, глубоко переживают свои неудачи и в конце концов «отсеиваются».

Можно сказать, эти дети стоят на грани умственной отсталости. Психологи называют их детьми с временной задержкой развития и рекомендуют обучать в особых школах. Я же убежден, что учить и воспитывать таких ребят надо в обычной школе: полноценная, интеллектуально постоянно обогащающаяся среда — одно из важнейших условий их спасения.

Я изучал умственный труд отстающих учеников на уроках, наблюдая одновременно и одаренных детей. Не могло быть сомнения, что эффективность труда ребенка во многом зависит от памяти. Но можно ли делать вывод: вначале — память, потом — умственные способности? Память — своего рода условие, а полноценная функциональная деятельность мозга — результат? Иначе говоря, можно ли, улучшив каким-то радикальным средством память, повлиять тем самым и на умственные способности?

Я внимательно следил за исследованиями советских и зарубежных ученых и стремился, соблюдая известную осторожность, проверять их выводы и предположения в практической работе с детьми. Взяться за данную статью, в частности, меня побудила полемика американского психолога Дэвида Креча с советским академиком П. Анохиным, опубликованная на страницах «ЛГ».

Профессор Креч утверждает, что уже сейчас имеются химические средства, которые могут существенно улучшить память животных и их способность решать лабиринтные задачи. Применительно к человеку это значит, что уже в грядущем десятилетии с помощью химической терапии можно будет вернуть к нормальной жизни умственно отсталых людей. По мнению профессора, применение этого открытия на практике может вызвать нежелательные социальные последствия, но в эффективность самих этих средств он верит непреклонно. По мнению же академика П. Анохина, целесообразнее не искать радикального способа улучшения памяти, а развивать ее естественным образом.

Мне как человеку, тесно связанному с педагогической практикой, этот спор особенно интересен.

Жизнь на каждом шагу убеждала, что малоспособные ученики — это не просто дети со сниженной памятью. У них угнетенное, застывшее, «окаменевшее» мышление. И был такой момент, когда я пробовал улучшить их способность мыслить прямым влиянием на память. Но эти

попытки приводили к полной неудаче. «Тренировать» память, заставляя ребят заучивать, а потом воспроизводить заученное, нельзя. Это губительно для ребенка: нервная система его и весь организм истощаются, а память становится лишь хуже — нарушается гармония памяти и других элементов «большой системы процессов, которые происходят в мозгу». Этими словами П. Анохина я теперь более точно высказываю мысль, не дававшую мне покоя в те годы.

Неудачи, которыми кончались попытки влиять на память психологическими средствами, заставляли меня думать и о других способах ее стимуляции. Был период, когда мысли о фармакологии буквально не давали мне покоя. Украинская народная медицина, сложившаяся в течение столетий и бережно передаваемая из поколения в поколение, располагает многими целебными средствами: одни обостряют память, другие «стирают», «сглаживают» воспоминания. Я проверял эти средства на мышах, морских свинках, воробьях и на самом себе. Результаты всегда были изумительны: животные во много раз быстрее овладевали рефлексам. Но что из этого следовало? И многое, и ничего. Во-первых, условные рефлекс животных не есть еще человеческая память. Проверка же стимулирующих средств на себе показала, что можно весьма активизировать процесс запоминания, однако после нескольких часов легкого (и все же очень страшного, необычного) умственного труда наступали угнетенность, скованность. В 30—35 лет тебя вдруг настигает забвение того, что хорошо помнилось, — что-то похожее на старческие провалы в памяти. Это явление кратковременное, но в нем, по-моему, грозное предостережение: химическое вмешательство в тончайшую сферу человеческого организма — мышление — опасно и морально неоправданно.

Но главное даже не это. Как я убедился впоследствии, полноценная функциональная деятельность мозга не обеспечивается искусственной активизацией памяти. Развитие невозможно без гармонического влияния на всю психофизическую, духовную жизнь человека — вот главный вывод.

За 35 лет через мои руки прошло 107 детей, которых я с уверенностью называю малоспособными, даже слабыми («слабый ум» — разве это не наиболее точное определение сущности беды?). С 5 лет до 15—16 (в поло-

вине случаев) и до 17—19 лет (во второй половине случаев) с ними проводилась специальная воспитательная работа. Стремясь понять причины отклонений, я изучал наследственность, быт, питание, духовную жизнь детей в более чем двух тысячах семей. И убедился, что причины этих отклонений в каждом отдельном случае как бы наслаивались, накладывались одна на другую: какая-то из них была первичной, потом вступала в действие вторичная. Первичной причиной нередко была болезнь, перенесенная в раннем детстве, — ревматизм, рахит, менингоэнцефалит. Но во многих случаях это обстоятельство не привело бы к пагубным результатам, если бы оно не было усилено вторичным неблагоприятным влиянием: неправильным воспитанием в раннем детстве. В некоторых случаях это оказалось основной причиной, повлиявшей на отставание в развитии. Говоря о неправильном воспитании в раннем детстве, я имею в виду комплекс самых разнообразных условий, среди которых, хотя и с некоторым риском, но все же можно выделить главные.

Нездоровые, конфликтные отношения в семье, а тем более алкоголизм родителей — один из самых пагубных факторов для ребенка с отклонениями в развитии. В таких семьях незначительные поначалу симптомы отставания вскоре дают о себе знать уже весьма ощутимо. Далее я мог бы отметить ограниченность, удивительную скудость интеллектуальной жизни семьи. Я знаю несчастных детей, в общении с которыми мать обходилась двумя-тремя сотнями слов. С огорчением я обнаружил, что этим детям неведома эмоциональная окраска слова, которую обычно постигают из сказки, из народной песни.

С интеллектуальной ограниченностью всегда сочеталась и убогость эмоциональной жизни семьи. Я убеждался, что есть 5—6-летние дети, которые никогда и ни чему не удивлялись, не изумлялись, не ликовали. Они не чувствуют и юмора, не понимают комических положений и обстоятельств, редко смеются, болезненно реагируют на шутку. Это и понятно: смех — один из каналов познания, одна из точек зрения, с которой перед человеком открывается мир в его многообразии. И если этот канал закрыт, мысль не развивается полноценно.

Наконец, еще одно, последнее по порядку, но не по значению, обстоятельство — отсутствие полноценного материнского воспитания в первые 2—3 года жизни ребенка.

Об этом выводе я решаюсь говорить только после того, как была изучена зависимость умственного развития детей от характера материнского воспитания в нескольких тысячах семей и после того, как тщательному исследованию подверглись другие условия развития. Если ребенок в первые 2—3 года своей жизни не открывает через самого близкого, самого дорогого ему человека — мать — весь мир человеческий в том объеме, в каком он доступен детям в этом возрасте, если он не чувствует ласкового заботливого, тревожного, мудрого взора материнских глаз, не слышит тончайших эмоциональных оттенков родного слова, — умственная жизнь его пойдет совсем не так, как пошла бы при правильном материнском воспитании. Эта область — материнская педагогика — непочатая целина общей педагогики.

И вот они приходят в школу — дети, которым вскоре суждено почувствовать, что они не такие, как все. Мне было ясно: если учить их так же, как учат всех ребят, они неизбежно останутся недоучками, обездоленными, несчастными людьми, всю жизнь переживающими горькую мысль: я ни на что не способен. Их надо постоянно защищать, потому что они легко ранимы: сфера интеллектуальной жизни в детском возрасте тесно сливается со сферой нравственной, и каждая неудача в учении воспринимается как горькая обида (впрочем, до тех лишь пор, пока сердце не притерпится и не одеревенеет, но тогда уже и речи не может быть ни о каком спасении).

Итак, наипервейшая задача — не допустить неправильного обучения отстающих детей. А что такое в данном случае правильное обучение? Буду говорить не о методике — это особая тема разговора, а о главных принципах, без соблюдения которых и самая прекрасная методика оказалась бы неэффективной.

Работа на уроке требует одновременного напряжения памяти и мысли. Но запомнить столько, сколько запоминают другие, эти дети не могут. А оценка умственного труда в школах повсюду выводится на основании того, что ученик запомнил и по требованию учителя воспроизвел. (Вообще же и для такого вывода у меня есть все основания — добрую половину того, что заучивают в школах ребята, особенно по гуманитарным предметам, не надо заучивать: неумение найти правильные критерии оценки

умственного труда школьников — постоянная беда, порождающая зубрежку и отупляющая даже способных учеников). Всячески стремясь развить познавательные возможности и укрепить память малоспособного ребенка, мы в то же время никогда не даем ему даже повода подумать, что успехи его оцениваются по тому, как он запомнил урок. Он отвечает — и оценка ему ставится — лишь тогда, когда ему удалось достигнуть успеха. При этом важно не показать ребенку, что его выделяют в классе.

Я даю моему отстающему ученику задачу, повторяя ее условие несколько раз, чтобы запомнились числовые данные. Вот он уже запомнил их, но едва переходит к операциям, — числа снова забываются. Он не может одновременно помнить и думать.

Для детей с задержкой развития у меня есть специальный сборник задач. Решение их требует запоминания ярких образов, картин, обстоятельств. Для этого выработан методика, о которой в статье не расскажешь. Подробно читатели могут узнать об этом из моей книги «Спасение от слабоумия», над которой я сейчас работаю.

Нельзя допускать, чтобы отстающий ребенок отступил от поставленной цели и не решил задачу самостоятельно. Бывает, 2—3 урока он думает, и ты осторожно направляешь его мысль, но в конце концов наступает тот счастливый момент, когда задача решена. Это приносит ни с чем не сравнимую радость, чувство гордости, уверенность в своих силах. Эмоции, которые он в это время испытывает, сильнее любого лекарства. Ребенок просит учителя: «Дайте, пожалуйста, еще задачу, потруднее», с обидой отвергает попытки товарищей помочь, ему хочется работать самому.

Если ребенку знакомы радость познания, радость успеха, то желание знать всегда сопутствует его труду.

И вот при желании знать вступает в действие еще одно могучее психологическое средство: обогащение интеллектуальной и эмоциональной жизни ребенка. В младших классах у нас проводятся специальные уроки мышления. Мы ведем малышей на природу — в сад, лес, на берег пруда, в поле. Перед ними раскрываются невидимые, на первый взгляд, десятки причинно-следственных связей между явлениями. Дети мысленно проникают в тайны жизни.

На этих уроках никогда не ставится задача запомнить то-то и то-то. Напротив, эта цель отодвигается как можно дальше. На первом плане — удивление, изумление перед открытием. И чем больше простых зависимостей и связей запоминается, тем лучше становится память.

Такая работа была бы немыслима без богатства слова. У меня есть десятки блокнотов с интересными, с моей точки зрения, для медицинской педагогики записями о том, как облегчалось движение мысли с помощью выразительного, острого, богатого эмоциональными оттенками слова.

Все годы воспитания малоспособных детей насыщены чтением (у меня сложилась для них специальная хрестоматия). Будучи еще в начальной школе, ученики приходят ко мне по вечерам слушать и составлять сказки. Поэтическое творчество — тонкая, изящная школа эмоциональной жизни. Здесь звонче всего льется смех, здесь живут печаль и радость, сострадание к человеческому горю и нетерпимость к злу. В тихие вечерние часы мы все становимся поэтами. Мы сложили тысячи сказок, ценных тем, что во время работы над ними детский мозг учился не только принимать и хранить информацию, но и «выдавать» ее.

Существенную часть учебной программы составляет и творческий ручной труд. Это одно из важных средств развития наших детей.

Все 107 детей, которые когда-то пришли в школу с большими задержками в развитии, стали полноценными, образованными людьми. 55 из них окончили десятый класс, 25 — после седьмого и восьмого классов поступили учиться в техникумы и получили среднее специальное образование, 17 — окончили профтехучилища и вечернюю среднюю школу, 8 — приобрели специальность на курсах. Два человека из-за серьезного заболевания своевременно не могли окончить восьмой класс и получили восьмилетнее образование спустя несколько лет. Из 107 человек 13 получили высшее образование.

Мозг человеческий — величайшее чудо природы. Но становление этого чуда происходит только под влиянием воспитания. Это длительный, однообразный, адски сложный и мучительно трудный посев, семена которого дают свои ростки только через несколько лет. Труд этот требует также исключительного уважения к человеческой

личности. Несчастный, обездоленный природой или дурной средой маленький человек не должен узнать о том, что он — малоспособный, что у него — слабый ум. Воспитание такого человека должно быть во сто крат более нежным, чутким, заботливым.

Литературная газета, 1970, 19 авг.

ПИСЬМО О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ

Я получаю много писем от учителей, директоров школ, пионервожатых, воспитателей школ-интернатов. Значительная часть этих писем касается взаимоотношений учителя и его питомцев, директора школы и учителя, педагога и родителей. Поведение, профессиональная честь, долг, моральная ответственность, совесть — вот круг проблем, волнующих педагогов. На вопросы учителей иногда приходится отвечать пространными письмами — в двух словах ничего не скажешь. Одно из писем (часть будущей книги) мне хочется предложить читателям журнала «Народное образование».

* * *

«Я преподаю математику. В VI классе на уроке геометрии вызвала к доске Анатолия. Это средний ученик, ничем не выделяется. К математике наклонности особой не проявляет. Стоит Анатолий у доски, понутив голову, молчит. Не знает урока... Еще и улыбается... У меня в груди словно оборвалось что-то. «Ну, что же, не знаешь — садись, давай дневник». Анатолий сел, дневника не берет. Подхожу к парте, открываю дневник и ставлю двойку. Не кричала, ни слова острого не сказала, как иногда бывает...

Окончился урок, я пошла в VII класс. Вечером сижу дома, проверяю тетради. Вдруг приходит мальчик-третьеклассник, директор послал: «Идите скорее в школу». Прихожу — в учительской сидит мать Анатолия, беседует с директором. Женщина чем-то расстроена. Посмотрела на меня как-то боязливо и спрашивает тихо-тихо: «Где сын?» Оказалось, после урока геометрии он ушел из школы и до сих пор не пришел домой. Уже ночь. Мальчишка-третьеклассник, которого присылал за мной директор,

видел Анатолия у пруда часа через два после школьных занятий. Тот стоял у самого берега и смотрел в воду... Я сидела ни жива, ни мертва. Неужели произошла непоправимая беда?

Прошел день, два, три дня. Анатолия не было. Обыскали дно пруда. Нет, если беда и произошла, то не здесь. Милиция разослала письма во все концы. Нигде никто мальчика не видел.

Прошло уже три месяца... Я не знаю ни минуты покоя. Чувствую, что и мать Анатолия, и другие родители считают меня виновницей этой беды. Я отдала бы остаток своей жизни, лишь бы он нашелся. Где он? Эта мысль не дает мне уснуть, с ней я иду на уроки и ухожу домой. Однажды одноклассница Анатолия сказала мне: «Когда Вы спросили у него: «Почему ты не знаешь урока?» — из его глаз скатились две слезы. А Вам показалось это улыбкой...» Я чувствую, что люди осуждают меня. Но в чем же моя вина? Разве можно считать меня равнодушной? Выходит, если надо поставить ученику двойку, опасайся, как бы он не сбежал из дома...»

Вот какое письмо получил я от учительницы Веры Андреевны. Меня очень взволновало описанное событие. Школа, где оно произошло, в соседней области. Я побывал у матери Анатолия, она рассказала мне о сложном душевном мире сына. Я слушал материнские слова, и мне не давала покоя мысль: «Почему же Вы, Вера Андреевна, не могли выслушать мать? Что мешало Вам прийти к ней, сказать ей несколько доброжелательных, хотя, может быть, и строгих слов — и сердце материнское открылось бы перед Вами? Почему вообще взаимоотношения педагога и родителей чаще всего приобретают уродливо «обвинительный» характер? Почему так редко педагог и мать, педагог и отец просто размышляют вместе о будущем человека, пока еще сидящего за партой?

Беседовал я и с директором школы, и с Верой Андреевной, и с одноклассниками Анатолия. Я спросил у Веры Андреевны: «Что Вы знаете об Анатолии?» Единственное, что она могла сказать: молчалив, нет у него наклопности к математике. Многое стало понятным... Но я не имел права говорить гневные слова: не хватало самого главного — беседы с Анатолием.

И вот пришло сообщение: в одном из детских домов обратили внимание на мальчика, который заявил еще в дет-

приемнике, что никогда не назовет своей настоящей фамилии, а если будут вынуждать к этому, убежит и покончит жизнь самоубийством. Он добавил, что жизнь его в школе была мучением, и он не хочет возвращаться домой. Мать, услышав об этом мальчике, поехала в далекий город. Нашла Толю. Увидев мать, мальчик расплакался, сердце его дрогнуло. Толя приехал домой, снова пошел в школу. Я встречался с Анатолием, много раз беседовал с ним, с каждой новой беседой становилось все больше за человека. Наконец я написал письмо педагогическому коллективу:

«Уважаемые товарищи!

Трудно писать о вещах, которые встречаются нам на каждом шагу и о которых приходится часто говорить. До того часто, что, бывает, мы перестаем обращать внимание на эти вещи, перестаем думать о них. Хочу поговорить с Вами как раз об этих вещах — общеизвестных, но, можно сказать без преувеличения, прочно забытых. Учитель и ребенок, коллектив и человек, сложный комплекс человеческих взаимоотношений, личность.

То, что произошло с Анатолием, было для многих из вас громом с ясного неба. Все считали мальчика совершенно благополучным, никто не ожидал, что этот застенчивый, мягкий, податливый ребенок — по крайней мере, так всем казалось — решится на подобный шаг. Получилось, что никто из учителей не сумел почувствовать и понять, чем живет этот человек, какие гордые силы таются в его душе, как маленькие обиды, горести, сливаясь капелька в капельке, постепенно образуют большое детское страдание.

В нашем деле, уважаемые коллеги, воспитательный аспект всегда был и будет ведущим; каким бы «очищенным» от воспитания не было обучение — это прежде всего воспитание, нравственное формирование человеческой личности. Нет и не может быть, не должно быть обучения, «непричастного» к воспитанию. Воспитываем мы не только идеями, заложенными в знаниях, но прежде всего тем, как эти знания и заложенные в них идеи несем в класс мы, живые люди.

Несколько лет назад ко мне с далекого Урала приехали двое семнадцатилетних десятиклассников, юноша и девушка. Они рассказали о том, каким испытаниям подверглась их любовь. Красивая, нежная, человеческая

любовь. Они поклялись быть верными друг другу всю жизнь. Никто не знал об их любви и клятве. Они дали себе слово до окончания школы не встречаться, «не прикасаться друг к другу, потому что в любви самое главное — уметь выдержать испытание временем, разлукой и невзгодами» (слова юноши). Они дали также друг другу слово после окончания школы стойко перенести разлуку (он три года будет служить в армии, она — работать на заводе), потом вместе поступить учиться в педагогический институт, стать учителями и только после этого пожениться.

Я с восхищением смотрел в глаза юноши и девушки, радовался, что у нас такие молодые люди. Юноша и девушка не допускали даже мысли о том, что у них не хватит духа выдержать испытание. Но то, что рассказали они дальше, возмутило. Почему так получилось, они и сами не знали, но их тайна перестала быть тайной. Был у них в школе учитель истории... Мерзкий это был человек. Он оставил больную жену, отказался от ребенка, оправдывая свой гнусный поступок тем, что брак у него не зарегистрирован. Жена умирала в холодной комнате, а он танцевал в клубе. И вот этот человек на комсомольском собрании раскрыл тайну юноши и девушки. Его выступление было ушатом грязи, вылитым на яркое, чистое чувство. Десятиклассники с трудом скрывали свое презрение к учителю.

Когда на уроке истории этот человек объявил тему — «Моральный кодекс строителя коммунизма», бледные, сжимая кулаки, один за другим поднимались юноши и девушки со своих мест и уходили из класса. Восемнадцать человек собрались тесной кучкой в Ленинской комнате (школа маленькая, сельская) и спрашивали друг друга, правильно ли сделали. Директор сказал: неправильно. То, как ведет себя преподаватель, — «не ваше дело». «Да и ничего противозаконного он не сделал, — убеждал директор, — если брак не зарегистрирован, то никакого проступка здесь нет» (слова девушки). Девушки плакали после этой беседы с директором, а юноши сказали: «Все равно на его уроки не пойдем. Невыносимо, чтобы он рассказывал об Александре Матросове и Зое Космодемьянской. Никогда этому не бывать» (слова юноши).

Вмешалась партийная организация. Мерзкий человек вынужден был уйти из школы. А юноша и девушка посхали за тридевять земель — советоваться, как беречь любовь.

Прошло три и еще раз три, и еще раз три года. Пере-до мной фотокарточка: молодые муж и жена, мои давние, неожиданные гости, искатели правды, горячо влюбленные не только друг в друга, но и в свой идеал преданной, подлинной человеческой любви. У них на руках двое детей, две девочки, улыбающиеся, жизнерадостные... Посылаю вам, уважаемые коллеги, эту фотокарточку, посмотрите на нее и подумайте. Подумаем вместе, коллеги, над этической сущностью нашего труда. Идеи наши могучи сами по себе, но они становятся во сто крат сильнее, если доносит их до юных сердец тот, кого юные уважают, кому верят. Вера в воспитателя, доверие к нему — это, на мой взгляд, корень этики взаимоотношений педагога и воспитанников.

У десятиклассников из далекого уральского села хватило духовных сил, мужества бороться — и они вышли победителями. Анатолий же не чувствовал себя частицей единого коллектива. В классе и в школе, где учился мальчик, по существу не было коллектива... Где человек живет как бы сам по себе, он не борец, а страдалец. Вот таким страдальцем и оказался Анатолий.

После бесед с ним и с его матерью передо мной открылась картина многочисленных обид и потрясений, пережитых мальчиком. Впечатлительный и восприимчивый по натуре, мальчик обладал особой способностью в течение очень длительного времени хранить в душе огорчение, смятение, обиду.

Когда Анатолий учился во II классе, кто-то из мальчиков предложил ему сразиться игрушечными саблями. Анатолий охотно стал играть, но вот во время сражения его сабля треснула, и маленький солдат заплакал: ему стало страшно от мысли, что он остался безоружным. Он прибежал к учительнице и, обняв ее, как маму, сбивчиво, сквозь слезы рассказал о своем страхе. Учительница не поняла состояния детской души; вместо того, чтобы помочь, приободрить, рассеять страх, она высмеяла ребенка, полагая, что это сделает его бесстрашным. Толя долго носил в душе обиду. Стал молчалив.

Сердце мальчика еще дрожало от насмешки учительницы, а тут пришла еще одна беда. Умер дедушка. Это было для ребенка огромным потрясением. Вечером дедушка вырезал впуку свирель, рассказывал сказку о Кашее Бессмертном, а утром лежал на столе... Мальчик три дня не ходил в школу. Когда он пришел на занятия, учительница вызвала его к доске и дала задачу. Толя не мог собраться с мыслями. Учительница спросила: «Почему ты не знаешь?» Мальчик не ответил, а внутри у него все кричало: «У меня умер дедушка, разве вы не знаете об этом?» Нет, этого никто не знал, никто не сказал ребенку ни слова сочувствия. Учительница, пожав плечами, посоветовала: не пропускай уроков.

После этого Толя стал еще более замкнутым и молчаливым.

Возле хаты родителей Толи цвели розы. Однажды утром мальчик пошел в сад и увидел большой белый цветок. Такой красоты ему никогда еще не приходилось видеть. Мальчик пришел в школу и рассказал однокласснице Зое, соседке по парте, об удивительном цветке. «Пойдем после уроков, посмотрим,— пригласил Толя девочку.— И другие ребята пусть пойдут с нами». Но и Зоя, и другие мальчики и девочки остались почему-то безучастны, им просто не захотелось пройти лишних метров. На другой день Толя срезал цветок, принес в школу, поставил в вазочке с водой на окно в коридоре. Ему думалось, что каждый, проходя мимо, остановится в изумлении, все будут любоваться цветком. То, что произошло, поразило Толю: все видели цветок, но никто не восхищался. Мальчик подошел к цветку и долго стоял, не сводя глаз с белоснежных лепестков. Ему хотелось сказать, что в мире нет ничего чище и нежнее, но кому сказать?

Уважаемые коллеги, может быть, вам покажется все это маленьким, незначительным, не заслуживающим внимания? Какой-то цветок, утонченное чувство... Нет, в нашем труде не может быть ничего маленького. Каждый человек — это целый мир мыслей, чувств, переживаний. Мы не имеем права не заметить, не увидеть того, как «прикасается» личность к коллективу и коллектив к личности. Этика педагога не допускает, чтобы воспитанник чувствовал себя одиноким, носил в себе неразделенное горе или неразделенную радость. Ведь нельзя сводить

духовный мир маленького человека к учению. Если мы будем стремиться к тому, чтобы все силы души ребенка были поглощены уроками, жизнь его станет невыносимой. Он должен быть не только школьником, но прежде всего человеком с многогранными интересами, запросами, стремлениями.

Да и к учению, и к успеваемости, и к тому, знает или не знает ребенок,— ко всему этому надо подходить по-человечески, с человеческой точки зрения. Миссия педагога не в том, чтобы механически перекладывать знания из своей головы в голову ребенка. Учение — это прежде всего человеческие отношения. И каждый из нас, педагогов, остается для ребенка человеком, в которого ребенок верит, которому доверяет,— до тех пор, пока мы приносим радость.

Вы становитесь для ребенка ненавистным человеком, которого он боится и презирает, если принесли ему страдание. Страдание же начинается уже с того, что у ребенка что-то не получается, а учитель считает его виновником и оглушает двойкой.

Многое не получалось и у Толи. Во II классе учительница провела в конце учебного года «итоговый» диктант. Поставив оценки, она сказала детям: «Покажите тетрадки папам и мамам, пусть они распишутся рядом с оценкой». Какие цели преследовала учительница, неизвестно, однако ей не могло быть неизвестно, что одни дети несли домой тетрадки с радостью, а другие — с болью и огорчением. У Толи двойка. Ошибок мало, но он спешил и написал плохо. Рядом с двойкой учительница написала: «Не хочешь стараться». Может быть, Толя в самом деле выполнил бы работу лучше, если бы постарался. Но тетрадь надо давать на подпись матери. Толя представил себе уставшую после работы маму. У нее на глазах будут слезы, когда она увидит двойку. Зачем приносить ей горе?

Мальчик пошел в огород, выкопал ямку, положил в нее тетрадку с «итоговым» диктантом и, засыпав землей, облегченно вздохнул. Но потом, когда мама возвратилась с работы, пришла мысль: а что же будет дальше? Ведь тетрадку с диктантом надо показывать учительнице, она будет проверять, расписались ли папа и мама. Мальчик побледнел. Мама спросила: «Ты болен?» Толя

заплакал, но у него не хватило духу рассказать матери о своем горе. Ему было стыдно перед мамой.

Утром следующего дня он, взяв сумку с книгами, отправился из дома, но в школу не пошел. Толя пошел на луг, сел среди кустов и долго сидел с широко открытыми глазами. Он не знал, что будет дальше, будущее для него перестало существовать, время как бы остановилось. В такие вот мгновения детской душой овладевает настолько глубокое, невыносимое страдание, что к человеку может прийти страшная мысль: жить дальше невозможно. Такая мысль пришла к Толе в тот теплый, яркий весенний день. На лугу все пело и благоухало, но мальчик не видел ничего вокруг себя.

Вечером дрожащего от холода его нашли рыбаки. Привели домой. Мальчик заболел, пролежал в горячке три дня. Когда пришел на занятия, в школе царила праздничная обстановка, характерная для последних дней учения, о тетрадке с «итоговым» диктантом никто не вспомнил. Учительница, увидев бледного-бледного — ни кровинки в лице — мальчика, отметила дни его отсутствия буквой «б», что означало «болен», и до конца занятий не вызывала Толю и не смотрела в его тетради.

Мальчик сидел на уроках молчаливый, напряженный, дрожал от предчувствия какой-то беды. Ему казалось, что учительница знает о зарытой в землю тетрадке, но молчит. Может быть, она уже и маме сказала: почему мама смотрит на него так внимательно, когда он приходит из школы?

Уважаемые коллеги, разве можно считать нормальным, что никто из вас не знал обо всем этом? Сколько бед, огорчений, страданий, рождающихся в юных душах, остаются неизвестными для нас, педагогов, и в этом неведении заключается одна из самых больших бед нашей школьной жизни. Это беда — скажем прямо — низкая культура этпических отношений.

Пронзошел надлом души. Мальчик стал болезненно чувствительным ко всему, в чем был хотя бы намек на оценку его поведения. Усилилась его обидчивость. Никто — ни учительница, воспитывавшая Толю четыре года в начальных классах, ни классный руководитель в V—VI классах, ни директор школы — ничего не видели.

Странно, просто удивительно, что никому не бросилось в глаза в ученике, не заставило задуматься то, что

я называю духовным человеческим богатством. Толя мог часами любоваться цветами. Утром в выходной день он шел в поле (оно начиналось рядом с хатой) — ему хотелось доподлинно узнать, есть ли другой цветок лучше цветка розы? Он собирал десятки белых колокольчиков, всматривался в лепестки... Почему же никто из нас не увидел этой чувствительности к красоте, восторженного отношения к окружающему миру?

Стоило бы только Вам, Вера Андреевна, подойти к мальчику просто как к человеку, забыть об оценке его знаний и перестать только этим измерять его достоинство, и мальчик открылся бы Вам. Он рассказал бы Вам и о том, как рано утром он сравнивает белизну лепестков розы с белизной тучки, как различает свыше десяти оттенков красного цветка...

К сожалению, этого не произошло. Одна за другой приходили беды. Однажды Толе, как и другим детям, дали выучить стихотворение для новогодней елки. А потом, уже в день праздника, учительница сказала: «Толя пусть не читает. Он бормочет что-то невнятное. Голос у него слишком уж тихий». Знаете ли Вы, преподавательница литературы (это было в V классе), что почувствовал в эти мгновения мальчик? Тихо, очень тихо — никто этого не слышал, кроме него самого, — он застонал от боли и огорчения. Знаете ли Вы, что несколько месяцев у Толи не было ни мгновения, когда бы он не думал об этом?

Потом пришла новая беда. В школьной библиотеке Толя взял книгу об искусстве. В книге были интересные репродукции. Толя любил их рассматривать. Библиотекарь дважды напоминал мальчику: пора сдать книгу. Принимая ее, библиотекарь стал просматривать страницу за страницей. Оказалось — не хватает одной цветной репродукции. Мальчика обвинили: «Это ты вырвал». Толя сказал, что он не вырывал, но никто ему не верил. Когда мальчика вызвали к директору, он молчал, на строгие вопросы не отвечал ни слова, стоял, склонив голову. «Раз молчит, значит, виноват», — сказал директор библиотекарю, сказал тихо, но Толя слышал эти слова, его сердце сжала боль. Директор приказал вычеркнуть Толю из списка читателей...

Наконец то, что произошло в VI классе и чуть не привело к несчастью. Вы, директор и классный руково-

дитель, наверное, сами не знаете, по каким соображениям введен такой порядок: мальчиков заставляют садиться за партой с девочками. Хочешь или не хочешь — садись с тем, с кем посадит тебя классный руководитель. Никто из учителей не мог толком объяснить, для чего это делается. Не знаю, насколько близко к истине объяснение, которое дали дети: «Чтобы мы меньше баловались». Толю посадили с девочкой — жизнерадостной, доброй; но был у нее недостаток: каждого своего одноклассника она любила высмеять. Это ей нравилось, без этого она не могла жить.

Когда Толю посадили с Ниной, та зажала нос пальцами и прошептала: «Ой, от тебя пахнет голубиным пометом». Толя любил голубей, они доверчиво садились ему на руки... Шепот девочки слышали все, за исключением учителя. Два урока в VI классе не прекращался смех. Толино сердце сжималось, он думал: может быть, в самом деле от меня пахнет пометом, сегодня я ведь лазил на чердак... К третьему уроку класс немного успокоился. Но когда Вы, Вера Андреевна, вызвали Анатолия к доске, в тридцати шести парах глаз вспыхнули озорные искорки смеха... Вы просто не имели права не заметить этого. Анатолий стоял у доски, руки у него дрожали, и в те мгновения, когда мальчики и девочки, наклонив головы, пытались сдержать смех, из глаз у него упали две слезинки.

Детство очень хрупко — нам, педагогам, надо всегда помнить об этом. Бывает — с точки зрения старших — ребенку как будто бы никто не причинил зла, на самом же деле случайно произнесенное слово или, наоборот, молчание полоснет, как острый нож.

Вы не имели права не заметить: что-то неблагополучное, опасное происходит с человеком. Ваша «двойка» была каплей, переполнившей чашу. Больше эта душа не могла выдержать.

Может быть, вы, уважаемые коллеги, скажете мне в ответ: да ведь все это — младенческие нежности, разве может учитель заметить все тонкости чувств, пробуждающихся в детских душах? Но чтобы распознать все беды, постигшие Анатолия (о них он рассказал мне, а я рассказываю вам), не надо обладать исключительной проникательностью. Каждая беда, каждая назревающая катастрофа заявляла о себе во всеуслышание.

Воспитание — самое тонкое душевное прикосновение человека к человеку, и если мы хотим, чтобы питомец наш вырос настоящим гражданином, понимающим долг и ответственность, умеющим быть добрым и непреклонным, ласковым и строгим, любящим и непримиримым ко влу, мы должны прикасаться к нему сердечно.

Школа — это мир душевных человеческих прикосновений — пусть это будет первой заповедью нашей педагогической этики. Отметайте примитивные рассуждения о том, что, мол, в школе нельзя «разводить нежность — это, де, приведет к воспитанию мягкотелости, слабоволия». Все обстоит наоборот. Резкость, грубость, «сильнодействующие», «волевые» приемы (окрик, угроза) — вот что огрубляет человеческое сердце, делает его равнодушным к окружающему миру и к самому себе. А где равнодушие, там не может быть и подлинного человеческого благородства.

Наша миссия — оберегать детское сердце от горечей, бед, страданий. Как можно меньше неосторожных прикосновений! Истинная педагогическая этика заключается в том, чтобы ребенок воспринимал прежде всего добро и воспитывался добром.

Народное образование, 1970, № 11.

ТРУД ДУШИ

Это было в одной сельской школе. Перед окнами комнаты, где занимались первоклассники, с незапамятных времен была мусорная свалка, росли сорняки. Когда звенел звонок на урок и дежурный сообщал Марии Петровне, кого сегодня нет в школе, к мусорной свалке приходили дед Панас и бабка Ангелина — приносили на дерюжке мусор. Они стояли несколько минут, бабушка вытряхивала дерюжку, и дежурный закрывал окна в классной комнате.

Шли годы, дед и баба все больше старели, из школы одно за другим выходили все новые и новые поколения воспитанников, а мусорная свалка, или, как по-украински называли ее дети, смитник, жила своей жизнью: в ней прятались ежи, а весной буйно расцветал чертополох...

Но вот в звонкое сентябрьское утро за крайнюю парту села маленькая первоклассница Марыся — девочка с сини-

ми глазами и белой косой. Когда бабка Ангелина вытряхнула дерюжку, Марыся сказала:

— Ух, какой гадкий смитник... И чертополох под окном. Мария Петровна, давайте уберем смитник и повырываем чертополох. И цветы посадим!

Мария Петровна до сих пор почти не замечала мусорной свалки. Теперь, услышав слова Марыси, она подумала: в самом деле, почему это у нас такая гадость перед окнами? Почему я до сих пор не обратила на это внимания?

Закипела работа. Корзинками и ведрами ребята унесли мусор. Очистили двор от сорняков и посадили — как и предложила Марыся — цветы.

Если хотите, то в таких вот маленьких незаметных на первый взгляд событиях и заключается сущность воспитания. Как только маленький человек приобретает способность думать над тем, что его окружает, что имеет непосредственное и опосредствованное отношение к нему, — он начинает отличать красоту от мерзости, очарование от пошлости. Именно в том, как ты видишь красоту и мерзость, очарование и пошлость, как относишься к ним, и выражается личность, ее творческие, беспокойные силы. Всматриваясь в мир вокруг себя и заинтересованно видя его, человек должен учиться понимать, точнее, постепенно подходить к пониманию исключительно важной вещи: каждый шаг, который мне предстоит совершить, может привести либо к благородству, либо к гнусности. Избрать второй путь — значит застегнуть душу на все пуговицы, ничего не замечать, никаких тревог и забот не испытывать, ко всему притерпеться. Равнодушие — порок, внушающий позорную и губительную мысль о том, что мир существует сам по себе, а я — сам по себе, в мире можно прожить тихо и незаметно, закрывая глаза на то, что мерзость может пожирать и уничтожать добро, а добро быть слабым и беззащитным.

Если есть равнодушие — нет подлинной личности. Я горжусь своим педагогическим кредо: моими любимыми воспитанниками являются не послушные и безропотные, готовые со всем соглашаться и во всем повиноваться, а своенравные, волевые, беспокойные, иногда проказники и шалуны, но бунтари против зла и неправды, готовые отдать голову на отсечение, но отстаивать принципы, которые стали неотделимыми от их личности. Как береж-

но хранить, как заботливо лелеять надо в человеке эти порой незаметные с первого взгляда ростки — ростки души, готовой к мужественному и бескомпромиссному труду, к борьбе за правду, благородство.

Я считаю важнейшим законом воспитания то, чтобы уже в годы детства, и особенно на рубеже детства и отрочества, каждый, буквально каждый, человек вышел победителем в сражении со злом, почувствовал красоту благородства.

Жил в селе человек по имени Матвей. Было у него двое ребят, в школу ходили, в третий и во второй класс. Когда-то в давние времена, может быть, еще дед Матвеев выкопал среди двора колодец. Вода в нем оказалась такой вкусной, что со всей улицы ходили люди к Матвееву колодцу. Но вот не понравилось Матвею, что люди к нему во двор заходят, калитку открывают и закрывают. Запретить бы во двор заходить — боится Матвей: возненавидят люди, ведь не дать воды — это считается в селе преступлением. И он решил сделать вот что.

Как только сошел снег с земли, вскопал землю вокруг колодца и огурцы посадил. Вззошли огурцы, зеленые и сочные стебли раскинулись ковром. Придет кто из соседей за водой, посмотрит на зелень и назад возвращается: неудобно топтать растения. Постепенно перестали люди ходить во двор к Матвею. А чтобы обмануть других, он и сам стал ходить за водой на другой конец села. Но вот дети пришли однажды из школы в слезах.

— Над нами товарищи смеются... Говорят, что отец наш нелюд.

Ночью они тихонько поднялись с постели, вышли во двор, вырвали огуречные стебли, выбросили их в канаву.

Отец ни слова не сказал детям.

Вот событие, которое вошло в духовную жизнь малышей, как жестокий бой с мерзостью. Что необходимо, чтобы маленький питомец ваш безропотно пошел на этот бой и, выйдя победителем, навсегда укрепил силы своей души?

Гнев, стыд, совесть — сплав этих чувств дает то, что можно назвать мужественным сознанием. Не о сознании вообще нам надо толковать в школе, а именно о мужественном, непримиримом сознании. Заботьтесь же о том, чтобы видел глазами, понимал умом, чувствовал сердцем

добро и зло человек в том возрасте, когда понимание неразрывно связано с глубоким чувствованием.

Вся духовная жизнь школьного коллектива должна быть построена так, чтобы, стремясь быть лучше, совершеннее, напрягая силы души во имя совершенства, маленький человек понимал, что его личное стремление к красоте и добру необходимо для того, чтобы лучше, красивее жилось всем людям.

Здесь я подхожу к исключительно важному, на мой взгляд, моменту жизни, труда, взаимоотношений школьников — духовности, духовному богатству всего, что они делают. Труд души становится реальной и воспитывающей силой лишь при том условии, когда в нем заложен глубокий нравственный смысл.

С малых лет, как только ребенок начал учиться видеть, понимать, чувствовать, переживать мир и самого себя в окружающем мире, мы учим его: все, что я делаю, отзывается в сердце другого человека, ничто, сделанное мною, не проходит бесследно.

У входа в школу — куст розы. Нежный, красивый, беззащитный. Кстати, большое мужество души требуется как раз там, где дети имеют дело с хрупким, изящным, тонким, важным, беззащитным. Заботьтесь о том, чтобы как можно больше именно таких вещей окружало маленького человека. Если в школе вокруг детей все крепкое и железобетонное — какой уж тут труд души! Каждый множество раз в день проходит мимо цветущего куста розы. Сколько сил надобно для того, чтобы преодолеть в сущности безобидный соблазн: не то что сорвать, но даже прикоснуться к нежному розовому лепестку. Уберечь эту хрупкую красоту от прикосновений и тем более от повреждений — поверьте, это труднее, чем построить школьную мастерскую, чем совершить стокилометровый велопробег. Как важно видеть мужество в таких тонких и, казалось бы, малозаметных вещах.

Труд души... Какое это богатое и емкое, бесконечно сложное и неисчерпаемо человеческое дело. Когда я думаю о труде души, я представляю прежде всего созидание, устремленность к идеалу. Одна из истин моего педагогического кредо — это глубокая вера в закономерность: чем выше, ярче, возвышеннее идеал, к которому надобно поднять, возвысить душу моего питомца, тем очевиднее, нагляднее пусть будет реальный мир, реальные вещи, из

которых вытекает идеал. Не надо где-то за тридевять земель искать образ идеального человека, способного пробудить восхищение, изумление: уверяю вас, он есть в родном селе, на улице родного города, надо только уметь видеть идеальность в реальности, а в этом и заключается один из секретов воспитания.

Труд души — это значит страдать, болеть страданиями и болями человека — прежде всего матери, отца, сестры, бабушки, дедушки. Не бойтесь открывать юную душу для этих страданий — они благородны. Пусть девятилетний сын ночь не спит у постели заболевшей матери или отца, пусть чужая боль заполнит все уголки его сердца. Одна из самых мучительно трудных вещей в педагогике — это учить ребенка труду любви.

Но порой бывает и так, что труд души выражается в обиде, огорчении, даже страдании — не опасайтесь этого! Он требует больших сил и напряжения. От того, как приходится в детстве, отрочестве, на заре юности — легко и безоблачно, беструдно и безбедно или же невыносимо трудно, в решающей мере зависит, кто получится — нестигаемая личность, готовая скорее голову отдать на отсечение, чем отказаться от своих принципов, или же безликое, киселеобразное существо.

То, что я называю побуждением к труду души, должно быть могучим и в то же время как бы незаметным для питомца волевым действием учителя. Маленький человек должен чувствовать, что никто его не подталкивает и не поддерживает под локоть. Огромную роль играет здесь не только слово учителя, но и его взгляд, и поощрение, и назидание, и внушение.

Я понимаю мастерство воспитания так, что каждое прикосновение воспитателя к своему питомцу является в конечном счете побуждением к труду души. Чем тоньше и нежнее оно, это побуждение, тем больше силы, исходящие из глубин души, тем в большей мере становится маленький человек воспитателем самого себя. Заметим, что безвольные, беспринципные люди, готовые склониться туда, куда ветер веет, воспитываются как раз там, где воспитатель не имеет представления о том, что такое труд души, как прикасаться к тем самым чутким ее уголкам, которые мы называем человеческим достоинством, самолюбием. Если вы хотите, чтобы маленький человек уважал

себя, умеете, образно говоря, задавать ему уроки. Я могу рассказать об одном из них.

Коля сказал отцу, возвратившись из школы:

— Тату, сегодня вечером родительское собрание.

Вечером отец пошел на собрание. Коля сел за стол выполнять домашнее задание. Выучив уроки, он собрался было пойти погулять. Но не успел, потому что отец возвратился с собрания. Он сел у стола, склонив голову на руки. Мама с тревогой смотрела на него.

— Что же говорили на собрании?

— О Пете сказали, задачи хорошо решает. Миша стихотворение написал, в стенгазете школьной поместили. Маша и Наташа рисуют хорошо — ой, какие красивые картинки учительница показывала! Степан из дерева соловейка попичком вырезал. Василько посадил цветы на школьном участке и каждый день поливает...

— А о Коле что-нибудь хорошее говорил учитель? — спросила мама.

— О Коле тоже сказал... — вздохнул отец. — Влез Коля на верхушку самого высокого дерева. Никто не осмелился, а он влез... — Отец с одобрением посмотрел на Колю. А мама не знала, радоваться или гневаться.

— Это было вчера, — сказал Коля. — Мы заспорили: кто первый увидит восход солнца. Я влез на самую верхушку и увидел, как солнце поднимается из-за горы.

Будем помнить, дорогие друзья, что с такого вот маленького труда души, с таких неприметных порой вещей иногда начинаются истоки подвигов, те тончайшие ручейки верности великому и святому — Отчизне, из которых сливается река мужества.

Комсомольская правда, 1971, 4 марта.

ЧИСТОТА И БЛАГОРОДСТВО

Не хлебом единым жив человек — в этом старинном изречении, по-разному звучащем на языках многих народов, выражается глубокая мысль: у человека богатая и многогранная духовная жизнь, широк и многообразен круг его мыслей, чувств, интересов, потребностей, увлечений. Мы живем в огромном человеческом мире, наполненном страстями, переживаниями, желаниями, поисками, устрем-

лениями. С того момента, как человек начинает осознавать себя как живое, разумное и одаренное существо, он соприкасается с другими людьми, благодаря множеству этих сложнейших прикосновений, он вступает в мир счастья и горя, радостей и огорчений.

Человек рождает человеческое существо, но это еще не рождение богатого и неповторимого мира человеческого. Есть люди, способные только рожать, но не способные по-настоящему рождать. Полнокровная и гармоничная человеческая личность рождается материнской и отцовской мудростью, многовековым опытом и культурой народа, воплощенной в знаниях, в нравственных ценностях, в непреходящих богатствах, передающихся из поколения в поколение.

Рождение Человека — великое и трудное деяние, счастливый и мучительно сложный труд, который называется многозначным и бесконечно обновляющимся словом воспитание.

Каждый из нас всю жизнь воспитывается и воспитывает других. В этой целеустремленности и направленности наших взаимоотношений — одна из важнейших сторон мира человеческого.

Человек, появившись на свет, нуждается в пеленках и, вырастая, стремится поскорее освободиться от своих «пеленок»: он переживает счастье любви, продолжает род человеческий, повторяет себя в своих детях. Он постигает большой мир общественной жизни — мир, в котором переживается волнующее и ни с чем не сравнимое чувство любви к Отечеству и верности великим, святым идеалам нашего народа — строительству коммунизма, чувство готовности отдать свои силы во имя процветания и могущества Советской Родины.

Но, кроме этого большого мира, у каждого из нас есть и свой глубоко личный мир — семья, любовь, юность и старость, творческий взлет и угасание, надежды и разочарования, встречи и разлуки, улыбки и слезы. Без этого мира невозможно представить нашу жизнь; от того, чем он наполнен — радостями или бесконечными терзаниями, зависит в конечном счете наше счастье. Великая мудрость человеческого бытия и человеческого воспитания заключается в том, чтобы умело и тонко построить этот мир. Беды и несчастья, слезы и страдания, тюрьмы и преступления — все это существует в большой мере потому, что многие

граждане нашего общества не умеют построить этот мир и беречь его чистоту, благородство, порядочность.

Николай Гаврилович Чернышевский однажды заметил: у каждого есть уголок жизни, куда никто никогда не должен залезать и каждый должен иметь «особую комнату» только для себя одного³². И миссия умудренного жизнью старшего поколения как раз и заключается в том, чтобы, не заглядывая в чужие окна, оберегая неприкосновенность «особой комнаты» личности, помочь каждому человеку сделать свой уголок нравственно красивым, чистым, счастливым. Потому, что уголок этот, каким бы уединенным и обособленным он ни был, тысячами нитей связан с большим миром общественной жизни.

Этическое Я человека неразделимо. Человек не может жить двумя жизнями. Тот, у кого свой личный уголок мрачен и нечист, никогда не может быть настоящим гражданином, патриотом, не может одухотворяться высокими идеалами, высшей правдой нашего бытия — коммунистической идеологией, коммунистическим сознанием.

Прикасаясь к глубоко личному миру человеческого, мы имеем дело с тонкими, хрупкими, нежными и в то же время могучими и всепобеждающими силами, действие которых по существу выражает смысл и сущность жизни. В этом мире есть вещи противоположные и непримиримые, взаимоисключающие. Прежде всего есть добро и зло, правда и ложь, честь и бесчестие, справедливость и несправедливость. Есть в этом мире счастье и несчастье — беда, горе. Счастье во всех своих проявлениях более однообразно, несчастье же многолико. Наиболее тяжкое несчастье — это горе. По-моему, может быть четыре разновидности горя: война; смерть дорогого нам человека; предательство, вероломство, измена того, кому мы верили, и — плохие дети.

Есть в этом мире, которому мы посвящаем свои раздумья и тревоги, красота и уродство, прямота и коварство, долг и безответственность, участливость и бессердечность, нравственная доблесть и мерзость, гордость и позор, радость на виду у коллектива и стыд, самопожертвование и позорный страх, мужество и трусость, щедрость и жадность, корыстолюбие и бескорыстие, великодушие и мелкое тиранство, мудрая свобода и неумение пользоваться этим величайшим благом советского общества — свободой, прямота и лицемерие, рыцарство и хамство.

Есть малодушная молчаливость, когда надо говорить, когда слово — и оружие, и мужество, и сила.

Есть недостойная честного человека болтливость, когда надо молчать.

Есть голос чистой, благородной совести, повелевающий человеку забыть о личном благе и действовать во имя счастья других людей, и есть карьеризм, прикрывающийся иногда громкими фразами.

Есть память сердца и есть позорная забывчивость.

Есть мужественные слезы и есть улыбка, которая повергает в ужас.

Говоря обо всем этом, я вспоминаю такой случай в одном заводском коллективе. Надо было послать квалифицированных специалистов в далекую дружественную нам страну. Среди претендентов на командировку обратил на себя внимание молодой инженер Андрей. Несколько раз он выступал на собраниях, заявляя, что поехать в дружественную страну его побуждают чувства дружбы к народу, освободившемуся от колониальной зависимости. Сложилось мнение, что лучшей кандидатуры вроде бы и не найдешь. Но потом произошел конфуз. Оказалось, что у Андрея есть девушка, с которой у него были очень близкие отношения. Девушка беременная. Она ждала, когда же, наконец, Андрей, как полагалось бы честному человеку, назовет ее женой и избавит от тяжелого положения: родители у девушки были жестокими людьми, они сказали дочке, что если молодой человек не женится на ней, они выгонят ее из дому. С изумлением общественность узнала, что под личиной благородного порыва кроется не что иное, как гнусное стремление уйти от ответственности за судьбу человека. Людям стало понятно, что Андрей никакой не передовой человек, а просто мерзавец...

Этот факт наводит на грустные размышления. Сложен и порой трудно постижим мир человеческого. Семь раз отмерить надо, прежде чем отрезать тонкую и строгую истину, где, в каких сферах жизни человеческой проявляются подлинная доблесть, подлинный героизм. Стать героем в тончайшей сфере любви и верности не легче, иногда значительно труднее, чем в труде, в решимости сделать что-то значительное во имя высоких идеалов. Быть верным мужем и преданным отцом детей своих — доблесть значительно выше, чем просто перевыполнить план. Понимать

сложный мир человеческого всем нам надо, кроме всего другого, также и для того, чтобы уметь различать доблесть и мерзость.

А вот еще одна история, в которой ярко выражается другая грань мира человеческого. Было это весной тысяча девятьсот сорок пятого года в большом приднепровском селе. Все мужчины — на фронте. Почти каждый день почта приносила то один, то два синих конвертика. Почтальон — девяностолетний дед Юхим — доставлял эти конверты женщинам. Как только конверт вскрывали, слышался стон и плач, в нем была похоронная.

О синих конвертах знали не только взрослые, но и дети. У одной матери было четверо детей. Самой старшей — шесть лет, самому младшему — три года. Рано утром, когда мать собралась на работу, а дети уже позавтракали, в хату вошел дед Юхим. Он вынул из сумки синий конверт и дал его матери. У матери сжалось сердце от горя, она зарыдала, а дети, окружив ее, в ужасе смотрели на синий конверт. Потом старшая девочка, шестилетняя Мария, взяла у матери из рук конверт и, прижав его к груди, сказала — спокойно и рассудительно, как взрослая: «Мамочка, родная, не открывайте синий конверт. Спрячьте его в сундук — на самое дно. Может быть, здесь не похоронная. Может быть, командир пишет, что тато ранен или награду получил».

И у самой матери зародилась надежда: а может быть в самом деле здесь не похоронная. Она спрятала синий конверт в сундук. Стали ждать. Прошла неделя, месяц прошел, писем от отца не было. Пришел День Победы. Домой стали возвращаться победители. И вот мать, уже не раз подходившая к сундуку с намерением открыть его и вскрыть синий конверт, получила письмо, на этот раз в белом конверте, — письмо от мужа!.. Он был ранен за два месяца до победы. Мать расцеловала детей. Это их безграничная любовь к матери и отцу вселила в ее душу надежду, и надежда сбылась...

Задумаемся над этим событием, матери и отцы! Любовь детей к родителям — это огромная сила духа, которую вкладывает в детскую душу материнская и отцовская мудрость. Мудрость любви отца и матери к детям, умение любить так, чтобы дети были вам безгранично преданными — вряд ли есть что-либо другое более сложное, более

волнующее и более мудрое в мире человеческом. Дети — не только наша любовь и надежда. Дети — бессмертие народа.

Правда Украины, 1971, 27 авг.

СЛОВО К УЧЕНИКАМ

Каждому поколению своих питомцев я рассказываю одну быль. Эта быль о далеком времени, которое вам, детям, подросткам, трудно даже вообразить. Но иногда важно, даже необходимо оглянуться назад, чтобы по-настоящему осознать ценность вещей, ставших в нашей сегодняшней жизни естественными и простыми как хлеб.

...При отступлении из Полтавской области фашисты дотла сожгли село Васильевку. Не осталось ни одной хаты, ни доски, ни полена. Люди поселились в землянках. А самую просторную землянку отвели для школы. Но не было печки. И кирпича, чтобы построить печку, тоже не было. Без печки же под землей заниматься невозможно, от сырости начать болеть дети. Собрались люди на сход и решили: каждый, кто может двигаться, должен сделать из глины и обжечь на огне — на каком угодно, огне: из соломы, подсолнечника — по три кирпича для школьной печки. Кирпичи сделали, печь сложили и затопили. В школьной землянке начались занятия...

Мне думается, быль эта раскрывает сущность отношения нашего народа к школе.

Какими бы открытиями ни обогащалась наука, какие бы умы и таланты ни рождались, школа с ее элементарными знаниями, с ее азбукой и первым чтением, с ее учителем и наставником, навсегда пусть останется в душе как первый источник твоего ума, твоих способностей, благородства и высокой воспитанности твоей души.

Да, в школе учат не только читать, писать и считать, но и думать, познавать окружающий мир, богатство науки. В школе учат жить. И вы не просто дети, собравшиеся в одном месте. Вы — детское общество, живущее по своим гармоническим законам, развивающим и умудряющим человека и в то же время укрепляющим общество взрослых, составляющим его гордость.

...Вот мы сидим с ребятами у могучего столетнего дуба,

читаем интересную книгу, прислушиваемся, как падают на землю желуди... Или с вершины степного кургана любуемся красотой вечерней зари, вслушиваемся в песню кузнечика, всматриваемся в мерцание первой звезды. Видеть, чувствовать, понимать, любоваться красотой окружающего мира, творить, познавать собственную красоту, гордиться тем, что я — человек, одаренное существо, что передо мною множество путей развития и совершенствования, что я свободный гражданин первого в мире социалистического государства, — думать обо всем этом — уже само по себе огромное благо, такое же бесценное, как счастье сидеть шесть уроков за партой, не думая о том, где взять кусок хлеба, кто даст одежду и обувь...

Подумайте, дети, в чем же источник нашего счастья? Вспомните, что в эти часы в цехах и на фермах, на полях и в лабораториях нашей громадной Родины идет напряженный труд. Только благодаря тому, что миллионы рабочих и колхозников на заре отправляются на работу, чтобы варить сталь, создавать машины, добывать руду, строить корабли, пахать землю, кормить скот, вывозить на поле навоз, прокладывать новые железнодорожные магистрали, — только поэтому вы можете сидеть за партой, гонять после уроков мяч по стадиону, ехать за тысячи километров, чтобы побывать в картинной галерее или музее. Все эти блага становятся вашим достоянием — лишь потому, что на вас работают двое взрослых — рабочий и колхозник.

Зачем я об этом напоминаю? Меня тревожит одно явление: из-за того, что учение в нашем обществе стало не только общедоступным, но и обязательным, в глазах некоторых молодых людей оно перестало быть благом. Хуже того, для части школьников учение является бременем, а иногда даже наказанием и мучением. Если дело доходит до этого, ни о каком успехе в вашей жизни, будущем, труде и науке не может быть и речи. Все становится реальным и достижимым лишь тогда, когда человеку хочется учиться, когда в учении, в том, что он ходит в школу, читает, пишет, познает, — он чувствует радость и обретает человеческую гордость.

Задумайтесь о своей судьбе. Только тот может стать настоящим человеком, кто смотрит вперед, определил, что ему надо сделать за свои годы. Труд — основа всего мудрого и прекрасного на земле. Кто не знает источника

своих духовных благ, тот живет пустой, бессмысленной жизнью.

Учение мыслится и переживается как счастье, интересная деятельность при условии, что ты воспитываешь прежде всего в себе мыслителя. Многолетний опыт воспитательной работы твердо убедил меня, что маленький человек, пришедший в школу, чтобы выйти из ее стен образованным и воспитанным, станет пытливым, любознательным, прилежным учеником лишь в том случае, если он мыслитель, что жизнь, его мысли в какой-то мере независимы от того, что он учит и выучивает на уроках (независимость эта относительна, в самом же деле только богатство мыслительной деятельности, не связанное непосредственно с уроками, является основой успешного учения на уроках).

Вот почему в нашей школе так заботятся о том, чтобы учение не замкнулось в стенах класса, чтобы не превратилось в механическое перекладывание фактов и истин из головы учителя в головы учащихся. Рядом с классом должно быть, образно говоря, поле умного, одухотворенного мыслью труда. Это поле может быть очень маленьким, — ящичек, наполненный почвой. Самое главное — чтобы школьник одновременно видел, наблюдал и делал. Где есть эти три вещи, там есть и живая мысль, оттачивающая ум.

В развитии интеллекта человека исключительную роль играет соотношение того, что вложено в ум в готовом виде, и того, что пришло, утвердилось благодаря самостоятельным размышлениям. Чем больше надо запомнить на уроках (а от этого никуда не уйдешь), тем активнее должна работать «лаборатория» мысли, где главный творец и труженик — ты сам, школьник. У наших первоклассников есть на учебно-опытном участке свои маленькие грядки — специально для того, чтобы гармонически сливались эти три вещи — видеть, наблюдать и думать. Умный, одухотворенный мыслью и удивлением труд — та глубина, на которой держится ладья мысли. Умные руки творят умную голову; самостоятельная мысль, как огонь от искры, рождается оттого, что маленький человек, общаясь с природой не как равнодушный наблюдатель, а как труженик, открывает многочисленные «почему?» и находит на них ответ опять же думая, наблюдая и делая. Почему цветок подсолнечника поворачивается к солнцу?

Почему паук перед дождем залезает в гнездо, а перед хорошей погодой ткёт паутину? Почему у кошки светятся глаза? Почему перед севом семена греют на солнце? В момент напряженного раздумья над каждым из этих вопросов ваша мысль множество раз переключается с одного объекта на другой, говоря по-взрослому, предмет исследуется со всех сторон. При этом вы учитесь думать наблюдая, и наблюдать, думая — вот смысл той школы мышления, благодаря которой вы постигаете основы наук на уроках. В школе мышления нет однообразия. Один из вас будет наблюдать растения в степи и на лугу, другой — изучать жизнь в пруду, третий увлечется выращиванием цветов в теплице; четвертый станет сооружать домики, фабрики, заводы, электростанции из маленьких деревянных или металлических деталей; пятый — разводить рыбок в аквариуме; шестой — закладывать желуди и выращивать дубки; седьмого привлечет мир необычных явлений. У каждого есть к чему-то интерес; а без интереса нет радости открытия, нет способностей, склонностей, нет живой души, человеческой индивидуальности.

Наконец, последнее мое пожелание и первокласснику, и выпускнику: пусть на всю жизнь сохранится в вашей душе трепетное, благоговейное чувство при воспоминании о школьном звонке и парте, об учебнике и строгой тишине класса. Чтобы, став взрослыми и проходя мимо школы, вы сняли шапку, чтобы школьные годы вспоминали с щемящим чувством любви и благодарности.

Правда, 1970, 1 сент.

ПРИМЕЧАНИЯ

**ПРЕДМЕТНЫЙ
УКАЗАТЕЛЬ**

**АЛФАВИТНЫЙ
УКАЗАТЕЛЬ**

В том включено 68 (из общего количества свыше 600) статей В. А. Сухомлинского, опубликованных в разных газетах, журналах и тематических сборниках. Главные издания, из которых редколлегия подобрала статьи,— это теоретические и политические журналы нашей партии, в частности «Коммунист», «Комуніст України», «Під прапором ленінізму», центральные и республиканские газеты — «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Радянська Україна», «Правда Украины», а также «Учительская газета», «Радянська освіта», «Литературная газета», ведущие педагогические журналы — «Советская педагогика», «Народное образование», «Радянська школа», «Початкова школа», «Семья и школа». Учитывалась одновременно и необходимость отразить проблемно-тематическое разнообразие выступлений В. А. Сухомлинского в периодическое печати.

Все статьи расположены в хронологической последовательности опубликования их при жизни автора. Исключение сделано лишь для трех статей — «Письмо о педагогической этике», «Труд души», «Чистота и благородство», появившихся на страницах отдельных изданий в конце 1970 и в 1971 г.

Последней прижизненной публикацией В. А. Сухомлинского, включенной в этот том, является статья «Слово к ученикам», увидевшая свет 1 сентября 1970 г.; текст ее согласно воле автора был передан 27 августа 1970 г. по телефону из Павлыша в Москву — в редакцию газеты «Правда».

Нумерация примечаний в томе сквозная.

- ¹ В. А. Сухомлинский использовал здесь слова В. Маяковского из его стихотворения «О дряни» (М а я к о в с к и й В л а д и м и р. Полн. собр. соч. В 13-ти т. М., Гослитиздат, 1956, т. 2., с. 73).—48.
- ² См.: Д о б р о л ю б о в Н. А. Избр. пед. произв. М., Изд-во АПН РСФСР, 1952, с. 159.—115.
- ³ Слова «производство для людей, а не наоборот» требуют здесь известного уточнения, поскольку согласно учению основоположников марксизма социалистическое производство коренным образом отличается от производства в условиях экономической и духовной эксплуатации человека человеком. В. И. Ленин в трудах, посвященных, в частности, подготовке программы больше-

- вистской партии, указывал, что как раз социалистическая организация производства обеспечивает полное благосостояние и свободное всестороннее развитие всех членов общества. (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 97; т. 6, с. 204, 232; т. 38, с. 105).—155.
- ⁴ У Н. Островского это высказывание полностью звучит так: «У нас не таланты только лентяи. Они не хотят быть иными. А из ничего — ничего не рождается, под лежащий камень вода не течет. Кто не горит, тот коптит. Это — закон. Да здравствует пламя жизни!» (Островский Николай. Сочинения. В 3-х т. М., Молодая гвардия, 1968, т. 2, с. 274).—179.
- ⁵ См.: Макаренко А. С. Соч. В 7-ми т. М., Изд-во АПН РСФСР, 1951, т. 5, с. 112.—273.
- ⁶ Корчак Януш. Как любить детей. М., Знание, 1973, с. 11.—304.
- ⁷ Толстой Л. Н. Пед. соч. 2-е изд., доп. М., Учпедгиз, 1953, с. 342.—309.
- ⁸ Цитируется статья Д. И. Писарева «Погибшие и погибающие» (Писарев Д. И. Избр. пед. соч. М., Изд-во АПН РСФСР, 1951, с. 338).—326.
- ⁹ Достоевский Ф. М. Письма. В 4-х т. М., Гослитиздат, 1959, т. 4, с. 5 (В письме Н. Л. Озмидову из Петербурга от февраля 1878 г. Ф. М. Достоевский, рассуждая о смысле человеческой жизни, говорит о тех, кто живет «на счет других, в одну свою утробу».—Прим. перевод.).—329.
- ¹⁰ Эта статья является фактически последним, заключительным разделом работы В. А. Сухомлинского «Этюды о коммунистическом воспитании», опубликованной в семи номерах журнала «Народное образование» за 1967 год.—339.
- ¹¹ Жан-Жак Руссо в произведении «Эмиль, или О воспитании» (1762) писал: «Знаете ли, какой самый верный способ сделать вашего ребенка несчастным? Это — приучить его не встречать ни в чем отказа». И далее подчеркивал, что такой ребенок станет потом считать себя «властелином вселенной», на всех людей станет смотреть «как на рабов своих», превратится «в деспота» (Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. М., 1896, с. 81, 82).—342.
- ¹² Перед этой статьей-ответом В. А. Сухомлинского редакция журнала «Семья и школа» опубликовала письмо ученицы IX класса Людмилы В. из Кировоградской области о том, что директор школы и классный руководитель сначала позволили провести — согласно плану комсомольской организации — туристический

поход по местам боевой славы (с почевкой в одной из школ), а потом категорически запретили проведение этого мероприятия. Все же 7 учеников IX класса, мальчиков и девочек, в субботу после уроков самостоятельно, без ведома учителей организовали такой туристический поход (ночевали они в одной палатке), а на следующий день, в воскресенье, вернулись домой. Классный руководитель, узнав от кого-то о самостоятельном походе семерых учеников, крайне возмущился, а некоторые учителя оскорбительно для участников похода, с подозрением, недоверием и намеками начали говорить, что «это не обойдется без последствий». Людмила В. спрашивала редакцию: кто же, собственно говоря, в данном случае прав — учителя или ученики? — 353.

¹³ Л а з о С е р г е й. Дневники и письма. Владивосток. Приморское книжное издательство, 1959, с. 94—95.—399.

¹⁴ Б р е ж н е в Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., Политиздат, 1973, т. 2, с. 225.—409.

¹⁵ К. Маркс писал: «*Идеи* же, которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть,— это узы, из которых нельзя вырваться, но разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 118).—417.

¹⁶ Г е й н е Г е н р и х. Стихотворения. Поэмы. Проза. М., Художественная литература, 1971, с. 678.—420.

¹⁷ Б р е ж н е в Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2, с. 227.—424.

¹⁸ В. И. Ленин в докладе на VIII Всероссийском съезде Советов о внешней и внутренней политике (1920) отмечал: «...Нам надо добиться в настоящий момент, чтобы каждая электрическая станция, построенная нами, превращалась действительно в опору просвещения, чтобы она занималась, так сказать, электрическим образованием масс» (Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 160).—442.

¹⁹ Письмо читательницы «Литературной газеты» А. Буренковой «О ременной педагогике», как и статья-ответ В. А. Сухомлинского «Осторожно: ребенок!», были опубликованы в названной газете 19 февраля 1969 г. Читательница с болью и тревогой писала о том, что в некоторых семьях телесные наказания детей становятся иногда основным средством родительской «педагогики».—445.

²⁰ В. И. Ленин в статье «Лучше меньше, да лучше» (1923), говоря о Рабкрине, указывал: «...Нужно, чтобы лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые

рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести,— не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 391—392).—450.

²¹ См. предыдущее примечание.—454.

²² См. примечание 16.—478.

²³ Довженко Александр. Собр. соч. В 4-х т. М., Искусство, 1967, т. 2, с. 487.—489.

²⁴ См.: Пришвин М. М. Собр. соч. В 6-ти т. М., Гослитиздат, 1957, т. 5, с. 469.—490.

²⁵ А. Довженко писал: «История народов учит нас, что то государство велико, в котором велик малый человек. Мы смело можем сказать всему миру, что наше государство велико потому, что малые люди в нем велики!» (Довженко Александр. Собр. соч. В 4-х т., т. 4, с. 307).—490.

²⁶ В. И. Ленин писал в 1923 году: «Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 391).—531.

²⁷ См. примечание 20.—532.

²⁸ Пирогов Н. И. Избр. пед. соч. М., Изд-во АПН РСФСР, 1952, с. 76.—541.

²⁹ См.: Добролюбов Н. А. Избр. пед. произв. М., Изд-во АПН РСФСР, 1952, с. 155.—542.

³⁰ См. примечание 13.—551.

³¹ В. И. Ленин в речи на III Всероссийском съезде комсомола (1920) говорил: «Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества». И далее: «В основе коммунистической нравственности

лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. Вот в чем состоит и основа коммунистического воспитания, образования и учения» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 302, 313).—565.

- 32 Н. Г. Чернышевский в романе «Что делать?» (1863) писал об этом так: «Между неразвитыми людьми мало уважается неприкосновенность внутренней жизни. Каждый из семейства, особенно из старших, без церемонии сует лапу в вашу интимную жизнь. Дело не в том, что этим нарушаются наши тайны: тайны — более или менее крупные драгоценности, их не забываешь прятать, стеречь; да и не у всякого есть они, многим и ровно нечего прятать от близких. Но каждому хочется, чтобы в его внутренней жизни был уголок, куда никто не залезал бы, как всякому хочется иметь свою особую комнату, для себя одного» (Чернышевский Н. Г. Что делать? М., Правда, 1977, с. 300).—640.

А

Авторитет (в воспитании) — I, 186, 209—210, 335—336, 352—354, 469, 489, 580, 623, 650; II, 92, 223—224, 250, 365, 665—667; III, 356, 631, 680—682; IV, 33, 58, 189, 362, 379, 418; V, 119—120, 129, 208—209, 341, 448, 605.

Активность учащихся — I, 98, 99, 100, 101, 102, 121, 122, 124, 128, 129, 130, 131, 232—238, 243—246, 251—252, 274, 299—303, 443, 492, 603, 663; II, 34, 35, 38, 45, 62, 67, 87—94, 96, 99, 103, 120—133, 135, 149, 160, 502—504, 512, 517, 520—521, 522, 531, 537, 553, 583, 606, 607, 611, 664, 669—672; III, 47, 72, 121, 122, 127, 135, 145, 152, 155, 188, 268, 291, 320, 415, 418, 423, 432, 437, 493; IV, 31, 44, 161, 173, 176, 223, 429, 530, 555—557, 568—570, 575, 584, 618—621, 631; V, 10, 13—15, 39, 42, 43, 46, 51—52, 54, 55, 58—73, 77, 253, 271, 278—279, 389, 392, 545, 574, 579, 595, 633—635.

Б

Безделье, леность, нерадивость — I, 81, 82, 85, 91, 129, 158, 167, 179, 182, 448, 454, 528, 547, 589, 615; II, 9, 216, 269, 270, 324, 349—350, 358, 367, 370, 372—374, 516, 530, 632, 667, 684, 695—698, III, 82, 119, 120, 175, 186, 413, 438, 665, 666, 684; IV, 149, 155, 167, 173—174, 201, 453—454, 490, 537, 613, 651; V, 57, 86, 142, 245, 384, 421, 436—437, 466, 517, 537, 551, 553, 595, 600, 603.

Беседы воспитательные — I, 95, 103, 113, 130—134, 198—204, 229, 274—275, 453—473, 627—631, 633; II, 21, 29, 69—80, 98—99, 109—116, 343, 391, 454, 643—647, 651—652, 691—695; III, 42—44, 238—240, 383—385, 386, 400, 408, 467—471, 497, 521, 549—550, 573; IV, 19, 41, 101, 144, 314, 441, 473, 563; V, 11, 28, 51, 55, 276—277, 281, 349, 385, 493.

Библиотека — I, 109, 415, 578—580, 624, 633, 643; II, 81, 82, 360—362, 382, 479, 482, 506, 524, 670, 680, 687—688; III, 105, 207, 210—214; IV, 56—57, 68—69, 97—102, 113, 166, 183, 185, 252, 270—271, 508, 513, 630; V, 146, 162, 268, 270—271, 508, 513, 630.

* Указатель составил А. Т. Губко. В его основу положена схема «Предметного указателя» к украинскому изданию «Избранных произведений» В. А. Сухомлинского; в текст внесены некоторые изменения.

Внимание — I, 204, 301; II, 524, 536—538, 539, 542; III, 125—128, 131, 141, 150—152, 178, 329, 434, 465; IV, 45, 121, 498, 518, 534, 561, 591, 618, 638, 651; V, 8, 60, 67, 143.

Воображение — I, 545; II, 554—556; III, 32—50, 70—72, 76, 86, 87, 102, 108, 114, 115, 116, 118, 132, 134, 188, 195, 198—200, 204—205, 230; IV, 444; V, 79, 87, 172, 208, 219, 276, 277, 359, 448, 527.

Воля — I, 126, 138, 159—165, 232—234, 250—251, 309, 319—322, 497—498, 499, 500—501, 522, 524—526, 583, 663, 664, 667, 668; II, 7, 15, 35—49, 108, 147, 267, 284, 287, 305, 324—325, 336—337, 340—342, 449, 594, 607—608, 640, 646—647, 686—687, 696; III, 65, 119, 137, 177, 186, 295, 331, 349, 402, 407—408, 626—627, 658, 664, 666; IV, 27—28, 161, 217, 335, 432, 453, 460—461, 463, 519, 531—532, 536, 557, 563, 620; V, 15, 50, 60, 143, 215, 245, 246—247, 264, 491, 515, 570, 575.

Воспитание коммунистическое (составные части и задачи) — атеистическое — I, 110—113, 279—280, 284—287, 318, 399—400, 442; II, 38, 66, 68, 84—85, 102, 111, 147, 520; III, 368, 472—475, 529—535, 551; IV, 176—178, 229—314, 654; V, 40—43, 49—56, 186—205, 284—299, 402—408, 414, 428, 472—474, 476, 479, 480.

— гражданственности — I, 60, 96, 146, 155—157, 173, 263, 432, 441—443, 446, 450, 451, 453—473, 523, 524, 565, 586; II, 163, 168—195, 225, 251, 259, 449, 518—520, 588—590, 608—633; III, 104, 152—154, 232, 234, 251—252, 253, 272—283, 308, 311—312; 321—322, 331, 353, 424, 466, 537, 621—626, 636—640, 650—651, 654—666, 669; IV, 9, 27, 30, 32, 152—161, 316, 328, 449—450, 453—454, 565, 585—586, 655; V, 177, 255—257, 262, 327—334, 379—387, 396—397, 424—427, 434, 501, 503, 532—537, 548—551.

— идейно-мировоззренческое — I, 98, 100—101, 114—127, 135, 191, 213, 226—230, 287—288, 302—303, 308, 323—328, 404, 415—419, 430—433, 441—443, 446—473, 509—523, 525, 528, 630; II, 7—155, 159—195, 340, 420, 500, 542—544, 588—590, 608—633, 672—679; III, 65, 66, 109, 143, 152—154, 163—172, 232—242, 272—289, 311—312, 351—353, 368—369, 405, 466—537, 636—640, 694—697, 702—704; IV, 23—25, 409—410, 537—538, 564—565, 567, 584—586, 620, 652—654; V, 10, 16, 37—49, 50, 51, 54—55, 253, 256—257, 295, 385, 395—396, 404—405, 409—411, 414, 416, 424, 501, 503, 526, 532—535, 541—542, 584—585, 588—592.

— коллективизма — I, 84—85, 113, 164, 165, 176, 227, 254, 271—273, 280—281, 292, 308—309, 393, 395, 427—668; II, 86, 103, 147, 600—606, 620, 641, 661—665; III, 64, 372, 507—515, 664—666; IV, 40, 410, 655; V, 12, 336.

— Коммунистического отношения к труду и общественной собственности — I, 85—90, 100—101, 103, 171—174, 176—187, 191, 227—230, 236—237, 284, 290—295, 302—303, 419—424, 442—443, 451—453, 499—500, 505—508, 523—535, 572—573, 580—581, 632—633, 641, 643; II, 8—9, 14—16, 20—35, 39—40, 42—49, 50—65, 70—82, 86, 99—101, 110—111, 114—116, 135—137, 139—147, 349—350, 382—385, 388—389, 532—535, 557—558, 584—585, 588—593, 602—603, 605—606, 613—614, 616—619, 627, 628, 632—633, 640, 647, 653—659, 660—661, 670; III, 64—66, 102, 105, 108—110, 112—116,

118—120, 126, 133—135, 152—155, 160—163, 172—188, 232, 252—272, 282—283; 388—391, 395, 403—404, 478—479, 519—522, 612—627, 632—634, 651—655, 703—704; *IV*, 8—17, 90—92, 144—147, 154—156, 170—171, 174—182, 315—386, 449—454, 513, 514, 652; *V*, 35—37, 43—45, 56—57, 59—85, 91—114, 124—127, 150—153, 154—169, 177—186, 232—234, 246—247, 256—262, 264—265, 273, 274, 331—333, 335—336, 338, 381—382, 421—423, 443—444, 468—471, 509—511, 535—536, 562—565, 576—592, 602—607, 644—646.

— коммунистической нравственности — *I*, 80, 95—97, 111—112, 128—140, 191, 217, 231, 234, 241, 271—282, 386—400, 505, 568—585, 615, 635; *II*, 8—11, 13—35, 37, 38, 43, 44, 53, 62, 70, 83, 95—101, 102, 103, 119, 139, 148—153, 159—195, 266—355, 359, 419, 521, 594, 606, 618—621, 631, 648—652, 665, 672; *III*, 13, 66, 91—97, 103—134, 197, 202, 206, 232—252, 316—322, 347, 356, 389—390, 466—537, 641—644, 650—655, 662—666, 669—693, 702—708; *IV*, 15, 16, 316—317, 328, 393—394, 519, 551—586, 655; *V*, 10, 12, 16, 37—49, 57, 152, 256—259, 269—284, 426—427, 460—464, 488, 495—498, 501, 503, 638—643.

— мужественности, храбрости, бесстрашия — *I*, 118—119, 127, 159—165, 182, 356—357, 394, 401—404, 511, 552, 573, 588—593; *II*, 19, 35, 37, 39, 99, 109, 147, 152, 163, 184—186, 191, 224—226, 238—239, 304, 311, 321—323, 332—344, 596, 613, 621, 628, 654, 681; *III*, 61, 289—295, 331, 363, 550; *IV*, 161, 518, 563; *V*, 490, 543, 598, 635, 638.

— непримиримости к классовому врагу, к буржуазной идеологии — *I*, 115—116, 159—165, 256—257, 277, 357—358, 630; *II*, 119, 170—171, 175—176, 181, 343—344; *III*, 42—43, 104, 167—168; 170—172, 235, 315—316, 346, 480, 686—691; *IV*, 7, 24, 537—538; *V*, 32, 39—40, 514—515, 537—539, 551—552, 558—560.

— нетерпимости ко злу, порокам, аморализму — *I*, 94, 114—116, 128—130, 133, 137—140, 164, 199, 201, 273—274, 304—306, 312, 408—409, 410, 411, 455, 480, 498, 511, 575, 609, 619—620, 630; *II*, 48, 82, 84, 161, 184—187, 216—218, 236—265, 298, 303, 312—327, 331, 339, 346, 356, 602, 629—630, 632, 650—652; *III*, 206, 234—237, 344—345, 484, 494, 634—636, 692—693; *IV*, 24—26, 44, 157—158, 169—170; *V*, 31—32, 45—47, 147—150, 271—272, 562, 593—596.

— правовое — *I*, 138—140, 552; *II*, 164—165, 246, 344—355; *III*, 307—309, 311, 454; *IV*, 169, 201—207, 208, 551—552, 558—560; *V*, 37—38, 270—271, 595—599.

— советского патриотизма и социалистического интернационализма — *I*, 115—116, 140—159, 314—318, 490, 516—518, 588—593, 630, 640; *II*, 97—98, 115, 137—139, 168—195, 234, 327—328, 334—335, 398, 608—611, 613, 621—626; *III*, 40, 66, 104, 152—154, 163—170, 214, 233—234, 252, 272—289, 311—312, 321, 347, 414, 502—507, 524—525, 552—553, 666—668, 691, 707—708; *IV*, 87, 150, 171, 283—284, 456, 513, 654—655; *V*, 31—37, 336, 385, 417, 419, 421, 424, 425—427, 501, 511—515.

— сознательной дисциплины — *I*, 134, 158, 174, 435, 445, 451, 453, 479, 498, 524—525, 665; *II*, 147, 148, 294—295, 305, 656—659; *III*, 264, 330, 402, 439, 516, 550, 577, 666, 671; *V*, 17—30, 336, 382, 551.

— социалистического гуманизма — *I*, 71—72, 93, 94, 231—232, 313, 371—372, 436—439, 643; *II*, 82—83, 176, 193, 200—202, 451, 669, 686; *III*, 66, 177, 179, 214, 312, 469, 578, 707; *IV*, 201, 482, 520—522, 529—530, 539; *V*, 102, 308—326, 427, 432, 479—480.

— умственное — *I*, 85—93, 98—113, 188, 213, 222, 244—246, 323—343, 432—433, 440—441, 499, 500—503, 520, 522, 538, 607, 615; *II*, 28, 45, 101—107, 113, 188, 214, 238, 333—334, 357—358, 370, 381, 384, 388—389, 466—470, 475—482, 498—500, 501, 502—504, 505, 506—507, 507—525, 532—535, 536—538, 547—554, 557—558, 570, 585, 594, 603—604, 647, 655, 656—659, 665, 667—668, 697; *III*, 13, 20, 33—36, 43—44, 46—52, 55, 56, 66, 70, 71, 72, 74, 79, 80, 87—91, 103, 106—112, 119—152, 154—163, 172—189, 193, 194, 266, 312, 329, 341, 352, 358—363, 365—369, 371—375, 390, 400—401, 414—427, 427—465, 554—556, 614—621, 655—657, 694—702; *IV*, 16—18, 78—83, 123—135, 137—142, 149—151, 171—172, 214—314, 329—330, 368—377, 422—425, 434—446, 463, 464, 468—514, 532—550, 564, 587—627, 628—630, 635—638, 644—651; *V*, 8—16, 53, 56—85, 157—158, 215—229, 235—241, 247, 303, 349—353, 358—362, 384—392, 419, 422, 442—445, 449, 450—460, 535—537, 548, 552—558, 563, 566—575, 580—592, 596, 603, 607, 645—646.

— физическое — *I*, 68, 162, 178, 181, 204—208, 322, 370—371, 375—377, 525—526, 530—531, 587—593, 606, 643; *II*, 21—22; 28—31, 44, 65, 80—82; 120, 154, 267, 340—342, 382, 467, 526—527, 627—629, 647, 659—661, 696; *III*, 13, 31—32, 51—56, 78—80, 100—101, 109—118, 133, 134, 155, 159, 267—272, 315, 332, 362—404, 438—440, 679—686; *IV*, 13, 45—46, 67, 70—71, 131—151, 463—471; *V*, 57—58, 73—85, 92—93, 115, 145, 146, 155—169, 223—224, 245, 333, 337, 381, 511, 566, 567, 582—584, 589—592.

— эстетическое — *I*, 68, 123, 137, 154, 159, 187—195, 282—289, 410—415, 444, 457, 481—483, 494, 508, 510, 548—549, 570; *II*, 436—443, 548—549, 554—556, 557, 583—585, 594, 606, 618—621, 665; *III*, 13, 31—50, 56—59, 66—77, 78—92, 102—104, 113—117, 122—125, 149, 151, 189, 195—197, 197—200, 200—206, 216—232, 238—246, 252—266, 271, 275—276, 311—313, 336, 339—343, 537—611, 625—626; 656—657, 679—686; *IV*, 67, 134, 145, 387—409, 422, 458, 655; *V*, 40—43, 80—81, 412—413, 422.

Воспитание коммунистическое (пути и средства) — красотой — *I*, 68, 123, 137, 154, 159, 187—195, 282—289, 410—415, 444, 457, 481—483, 494, 508, 510, 548—549, 570, 576, 577, 580, 667; *II*, 165—167, 180—181, 307—309, 436—443, 450, 544—546, 548—549, 554—556, 583—585, 613, 618—621, 636, 649, 650; *III*, 8, 13, 31—50, 56—59, 66—77, 78—92, 102—104, 110, 149—151, 189, 195—206, 216—232, 238—240, 252—266, 271, 275—276, 311, 313, 336, 339—343, 357, 537—611, 625—626, 656—657, 679—686; *IV*, 67, 134, 145, 163, 387—409, 422, 458; *V*, 40—43, 80—81, 176, 221—229, 230—235, 257, 274—284, 419, 423, 533.

— на примере жизни и деятельности В. И. Ленина — *I*, 123—124, 135, 150, 263, 390, 462, 470, 487, 511—513, 515, 517, 518—519; *II*, 115, 376—378, 380—381, 612, 624; *III*, 166, 168, 238—239, 241, 361, 445, 518, 667; *IV*, 183—184, 190, 233; *V*, 328, 337, 385—386, 398—399, 420, 526, 547—548.

— на примере труда и поведения педагогов и родителей — *I*, 95, 186, 210, 447, 448, 535, 576—577, 618—635; *II*, 115, 366, 681—

688, 697—698; *III*, 9, 65—66, 154, 340, 411; *IV*, 37, 124—125, 127, 379—381, 603; *V*, 13, 32—33, 96, 121—122, 208—210, 339—340, 458, 510—511, 531, 533.

— на революционных, боевых и трудовых подвигах, на героизме и самоотверженности передовых людей прошлого и современности — *I*, 63, 123, 125—126, 135, 148—155, 159, 160, 258—260, 263—264, 278, 388—390, 455, 457—458, 460—462, 466—468, 471—472, 490—491, 511, 515, 572, 11, 68—71, 77, 109—110, 115, 544, 612, 624—625, 651—652, 673—677; *III*, 152—154, 168, 236—242, 353, 363, 422—423, 445—452, 561—562, 658—660, 691—692; *IV*, 12, 39, 44, 87, 104—123, 125, 127, 134, 150, 158—161, 184—196, 230—233, 240, 506, 564; *V*, 147, 204—205, 274—275, 278—279, 328, 336, 337, 385, 420, 426, 456, 492—495.

— побуждением — *I*, 82, 233—235, 238—246, 290, 448, 493, 502, 581, 582; *II*, 55, 62, 64, 73, 86, 592, 620—621, 648—655, 681; *III*, 65, 242, 519; *IV*, 156; *V*, 274—275, 341—342, 599, 637.

— правдой — *I*, 117—120, 136—137, 199, 244, 510, 545; *II*, 151, 165, 639—641; *III*, 58, 303, 480, 576, 650—651, 656; *IV*, 201—207, 523, 640—641, 642; *V*, 33—34, 210, 213, 340, 408, 543—545, 599.

— требованиями социалистического общества, школы, учителей, воспитателей — *I*, 168—176, 203—204, 212, 352—353, 369, 445, 498, 511, 582, 604, 606, 638—639, 642, 643—644; *II*, 168—199, 276—277, 330—331, 365—366, 607—608, 669; *III*, 330, 400, 401—402, 485, 579—580; *IV*, 7—8, 11—12, 153—157, 158, 161, 173, 207, 220, 234, 256, 299, 315—324, 387, 392, 395, 409, 520—521, 580—581; *V*, 448—450.

— трудом на благо общества, деянием добра людям — *I*, 86—90, 100—101, 113, 171—174, 176—187, 191, 227—230, 236—237, 284, 290—295, 302—303, 419—424, 442—443, 451—453, 499—500, 505—508, 523—535, 572—573, 580—581, 641, 643; *II*, 8—11, 20—35, 39—40, 42—49, 50—65, 70—83, 86, 95—101, 110—111, 114—116, 135—137, 139—147, 349—350, 382—385, 388—389, 502—504, 532—535, 557—558, 584—585, 588—593, 602—603, 605—606, 613—614, 616—619, 627, 628, 632—633, 640, 647, 653—659, 660—661, 670; *III*, 64—66, 102, 105, 108—110, 112—116, 118—120, 126, 133—135, 152—155, 160—163, 172—188, 232, 249—250, 252—272, 282—283, 388—391, 395, 403—404, 478—479, 519, 522, 612—627, 632—634, 651—655, 703—704; *IV*, 8—17, 90—92, 144—147, 154—156, 170—171, 174—182, 315, 386, 449—454, 513—514; *V*, 35—37, 43—45, 56—57, 59—85, 91—114, 124—127, 150—153, 154—169, 177—186, 232—234, 246—247, 256—262, 264—265, 273, 274, 331—333, 335—336, 338, 381—382, 421—423, 443—444, 468—471, 509—511, 535—536, 562—565, 576—581, 581—592, 602—607, 644—646.

— радостью — *I*, 79, 85, 112, 174, 182—183, 245, 249—251, 451—452, 506, 523—528, 549—568, 607—608; *II*, 31, 39—41, 47, 51, 58—59, 149, 162—167, 513, 577—578, 638, 654—655, 680; *III*, 31, 92—97, 513, 577—578, 638, 654—655, 680; *IV*, 26, 145, 163, 176—179, 316; *V*, 10, 14—15, 103, 155, 230, 258—264, 338, 444, 445.

— словом, поучением, разъяснением, убеждением — *I*, 115, 125—128, 130—135, 192, 194—195, 260—261, 269, 453—473, 492—493, 548—549, 627—631, 637, 666—667; *II*, 66—77, 98—99, 161—163, 165—167, 325, 343—344, 355, 450, 500—501, 539, 576—578, 584—585,

594—595, 602—603, 612, 622—624, 627, 639—641, 651—652, 679—680, 687—688, 691—695; *III*, 36, 42—44, 67, 84—91, 100, 103, 196—197, 202, 207, 209, 214, 215—231, 237, 314, 357, 399—404, 426—427, 526, 545—550; 586—595, 631, 676; *IV*, 82, 129, 388—392, 419—448, 458, 484—486, 509—512, 574—575, 648, 653; *V*, 26—27, 169—176, 257, 278, 339—349, 341, 382, 385, 388—389, 513—514, 599.

— человечностью, любовью, добротой, чуткостью — *I*, 94, 128—129, 137, 280—281, 322, 371, 436—439, 454, 493—497, 549—568, 624—625; *II*, 42, 161—163, 202—214, 236—265, 451, 453, 454, 459—466, 579—585, 592—593, 596, 600, 621, 623, 631, 636, 637—639, 644—647, 648—649; *III*, 7—8, 27, 59, 64, 66—77, 92—97, 99, 103, 179, 202, 242—251, 309, 310, 331—343, 369, 476—477, 479—482, 650, 662—664, 704—707; *IV*, 25, 133—134, 154—157, 163, 196—201, 390, 515—523, 571, 576—581, 641; *V*, 170, 173, 229—235, 284—288, 304—308, 308—326, 366—379, 419, 495—498, 596—597, 632—633.

— через поощрение и стимулирование — *I*, 79—80, 132, 235, 444, 447, 490, 565, 578; *II*, 20, 55, 64, 73, 83, 149, 312, 512, 513, 518, 531—532, 585, 599, 642, 657, 659; *III*, 137, 178—180, 322, 436, 440, 464, 493, 553—556, 609—700; *IV*, 325, 524, 619; *V*, 7, 16, 30, 81, 305—306, 342, 347, 459, 504, 533.

— через коллектив — *I*, 84—90, 100—101, 113, 165—176, 176—187, 191, 227—230, 236—237, 271—273, 284, 290—295, 302—303, 419—424, 427—668; *II*, 54, 65, 86, 103, 147, 163, 268, 568, 571, 602—604, 641, 661—672; *III*, 45, 64, 91—100, 152—154, 246—247, 311—317, 330—331, 347—348, 372, 507—515, 664—666; *IV*, 383—385; *V*, 7—16, 17—30, 45, 503.

— через преодоление трудностей — *I*, 82—83, 126, 134, 159—165, 206, 232—238, 250—251, 303, 319—322, 524—525, 643—644; *II*, 35—38, 39, 44—45, 47—49, 110—111, 152, 306, 310—312, 382—385, 627—629, 640—641, 653—655, 595; *III*, 119—120, 155, 186, 252, 430—431, 653—655; *IV*, 27, 172, 179—183, 619; *V*, 8—9, 54, 59—60, 143—144, 150—153, 332, 429, 434, 509, 517, 555, 579—580.

— через чувства воспитанников — *I*, 79, 85, 94, 112, 174, 182—183, 245, 249—251, 266—289, 348—358, 407—408, 435, 437, 438, 451—452, 475—481, 491—503, 506, 515, 523—528, 543, 551, 632—633; *II*, 7, 69, 108, 109—110, 139—147, 163, 164, 355, 536—538, 576—579, 582—587, 607, 609, 647, 665; *III*, 13, 15, 45, 48, 67, 69, 70, 77, 78—97, 103, 106, 112, 128—129, 132—135, 137, 149, 150, 152, 178, 202, 238—240, 242—252, 313—316, 328—329, 333—343, 344—347, 374—375, 407, 421, 434—436, 470, 537—611, 662—664, 669—686; *IV*, 24—27, 89, 163, 170, 207—213, 217, 223—225, 387—409, 442, 563, 620, 655; *V*, 7—16, 40—43, 171—173, 195—196, 257, 284—299, 360, 412, 505.

Воспитанность — *I*, 92, 98—99, 101—102, 140—141, 182—183, 215—216, 477—478, 505, 565, 566, 597—598; *II*, 10, 175, 237, 252, 312, 363, 368; *III*, 321, 323—324; *IV*, 66—67, 173, 176, 196, 360, 396—397, 417, 526, 561; *V*, 575—581.

Воспитуемость — *I*, 64—65, 77, 104, 459—460, 463—465, 477, 497, 552, 626, 643; *II*, 70, 162—167, 272, 365; *V*, 481—482, 513, 521, 566.

Всесторонность и гармоничность воспитания и развития личности

— история идеи — *I*, 67—77.

— суть и значение *I*, 59—66, 76—77, 78—98, 98—113, 165—176, 176—187, 216—218, 433, 515, 517, 523, 622, 623, 640; *II*, 37, 65—75, 95—101, 151, 159—160, 352, 430, 453, 503, 521, 524, 568—571, 594, 603—606, 641, 659—660, 661, 664; *III*, 112, 115—116, 328, 329, 343, 355, 380, 389—390, 409, 575, 612—613, 685; *IV*, 15—17, 19, 135, 142, 315, 323—324, 336, 372—377, 378—379, 392—395, 417, 512, 557, 585, 616, 624, 630; *V*, 56, 72, 94, 154—169, 235—236, 262, 566.

Д

Дети и подростки с пониженной способностью к обучению — *I*, 92—93, 193—195, 502—503, 507—508, 538—539, 585; *II*, 480—482, 491, 493, 506—507, 525, 535, 541—542, 566; *III*, 124, 156—157, 172—188, 392—393, 431—433, 437, 443, 448, 486, 619; *IV*, 29, 131—132, 477, 498, 504, 532—550, 616, 624—625, 636; *V*, 85—92, 222—226, 457, 460, 574, 616—623.

Дети и подростки трудновоспитуемые — *I*, 164, 445, 552—553, 569, 576—579, 626—627; *II*, 164, 301; *III*, 44—45, 329; *IV*, 515—519; *V*, 123—126, 270—271, 310—312.

Директор школы — *I*, 59—63, 212, 221, 431, 549, 636, 642; *II*, 583, 678; *III*, 9—19, 98, 410; *IV*, 33—51, 73—78, 117, 411—656.

Доверие — *I*, 495—497, 648—651; *II*, 64, 644—647, 670—671, 681—687; *III*, 11, 104, 185—186; *IV*, 37, 576; *V*, 10, 19—24, 126—127, 208—209, 321—322, 343—347, 353—358, 429, 599.

Долг, обязанность, ответственность — *I*, 82—83, 94—95, 139, 141, 146, 166—167, 174, 314, 405, 435—439, 446, 447, 451, 454—455, 458, 512—513, 514, 593, 631, 639, 640; *II*, 69, 83, 97—101, 112, 143, 147, 160—161, 197—200, 331—332, 359, 399, 415, 434—435, 579—580, 590, 596, 633—634, 653; *III*, 142, 233, 283, 401—402, 477, 488, 519, 641, 666, 669—673; *IV*, 154, 232, 453—454, 553, 561, 636; *V*, 15, 33—37, 262, 431, 498—515, 519.

Дружба — *I*, 168—170, 240, 348, 369—374; *II*, 328—332, 386—434, 421, 585, 613, 682—683; *III*, 128, 186, 335, 371, 373, 397, 508—515, 515—517, 553, 567, 663—664, 670, 676; *IV*, 40, 168, 207—213, 457; *V*, 114, 251, 282—283, 314—315, 319—326, 356—358, 384, 427, 430—431, 433.

Е

Единство слова и дела, убеждений и поступков, сознания и поведения — *I*, 114—128, 132, 137, 231, 352—353, 630—631; *II*, 9—11, 31, 36, 37, 39, 66—68, 95—101, 104, 107—116, 133—149, 149—153, 333, 503, 595, 597—598, 602—603, 640, 672—674; *III*, 135, 400, 431, 436—438, 476, 491—507, 568—575; *IV*, 162—183, 449, 556; *V*, 35, 53, 173, 330, 397—399, 408—414.

Жизнь знаний, идей, мысли, убеждений — *I*, 84, 97, 120, 124, 132, 164, 218; *II*, 302, 339, 359, 383—384, 485—487; *III*, 491—507, 546; *V*, 236—237, 330—331.

З

Задатки, способности, таланты, дарования — *I*, 79, 109, 177, 185—187, 206, 211—212, 247, 301, 343—348, 444, 521, 529, 537—539, 549, 578, 582—585, 603, 632, 636; *II*, 21, 23, 30—31, 36, 56, 133,

288—289, 386—388, 447—454, 466—470, 508, 514, 553, 600, 635, 654, 664; *III*, 13, 67, 119—120, 128—129, 154, 157, 206, 266, 267, 270—271, 273, 328, 417—418, 577, 644—650; *IV*, 8, 11, 18—20, 33, 58, 62—64, 127, 142, 178, 250—252, 256—282, 316, 338, 340, 357—372, 385, 443, 461, 618, 626, 629; *V*, 81, 84, 91—102, 114, 122, 130—147, 155, 169, 179, 182—185, 229, 348, 351, 384, 422, 447, 449, 491, 581, 646.

Знания и убеждения — *I*, 114—128, 218, 433, 509—511, 522—523; *II*, 102—116, 133—149, 243, 356—357, 370—373, 378—381, 597—600, 672—677; *III*, 252, 423, 491—507, 555—556, 652—653, 657; *IV*, 11, 162—183, 473, 557—565, 584; *V*, 35, 330, 383, 384, 387—388, 395—396, 399, 402—414, 505, 532, 537—545.

Знания научные, их значение в жизни и деятельности человека — *I*, 88—93, 101—102, 183, 188, 213, 222—223, 244—246, 383, 509—511, 513—514, 519, 624, 640—641; *II*, 102—107, 107—116, 356—357, 358, 370—373, 378—384, 451, 478, 483—487, 501—502, 504, 505—514, 514—518, 520—521, 531—532, 550, 559—560, 597—600, 656, 659, 672—677; *III*, 13, 20, 43—44, 81—84, 106—109, 135, 137, 161, 265, 353, 442—444, 655—657; *IV*, 17—19, 56—59, 128, 162, 165, 427—429, 557—565, 587—592, 600—601, 603, 616, 622—625; *V*, 61, 64—66, 352, 384, 387—392, 453—454, 567—575.

И

Игра — *I*, 264—266, 289—290, 443—445, 499, 529, 662—663; *II*, 476—477, 590, 653; *III*, 72, 82, 101, 102, 133, 188, 197—200, 285, 288, 328, 522—524; *IV*, 106, 340, 583; *V*, 245, 251, 333—334.

Индивидуальный подход к учащимся, воспитанникам — *I*, 84—85, 92, 177, 186, 187, 301—303, 343—348, 385, 431, 603, 632; *II*, 451, 466—470, 506—507, 514—518, 523, 543—547, 547—551, 603—604; *III*, 20, 45—47, 51—52, 103, 104, 123, 124, 156—157, 160—161, 174, 180, 247—248, 271, 341, 349, 358, 431—433, 498, 509, 577, 623; *IV*, 18—21, 29, 32, 59—61, 141, 155, 249—256, 316, 342—385, 386, 438—439, 443—446, 461, 498, 518, 534—535, 606, 623, 624, 627; *V*, 9—10, 85—102, 155, 204, 215, 251, 261, 276—283, 291, 303, 310, 317—318, 321, 322, 399, 449, 646.

Интересы, наклонности, вкусы, увлечения — *I*, 84, 109—110, 171, 431—432, 435—436, 343—348, 452, 526, 580—582, 603; *II*, 17, 18, 86, 144, 289, 511—514, 514—518, 588, 599—600, 603—606, 631, 653, 664, 688; *III*, 13, 82, 134, 142—143, 175, 267, 354—356, 417—418, 434—436, 623, 665; *IV*, 18—21, 31, 142, 168, 316, 322, 335, 338, 342, 357—372, 385—386, 461, 592, 651; *V*, 7—16, 85—102, 130—147, 155, 157, 250—252, 261, 267, 581, 646.

Исследование научно-педагогическое

— и практическая учебно-воспитательная работа — *I*, 59—63, 214, 221, 637; *II*, 516, 532, 543, 560, 698; *III*, 81—91, 111, 247, 260, 411—412, 435; *IV*, 59—64, 96, 131, 422, 424—426, 462—471; *V*, 303—304, 503.

— и исторический аспект в нем — *I*, 59, 62—63, 65, 67.

Кабинеты и лаборатории учебные — *I*, 180, 185, 298; *II*, 515, 655; *III*, 265, 422, 440—442; *IV*, 39, 46, 100, 102, 104, 105, 107—113, 156, 372, 652; *V*, 87, 121, 132—141, 147, 249.

Книга, ее роль в воспитании и образовании — *I*, 104, 206, 208, 357, 358, 412, 483, 487, 489, 505, 524, 572, 578—580, 633, 643; *II*, 81, 82, 90, 360—362, 472, 478—482, 501, 505—507, 519, 524, 530—531, 535, 545, 553—554, 560—562, 587—588, 625, 656—659, 676—677, 687—688, 689—690; *III*, 44, 81—82, 105, 197, 206—215, 238, 296, 312, 341, 443, 445—454, 498, 555, 589—595, 660—662; *IV*, 56—58, 68—69, 80, 84, 97—102, 113, 124, 129, 165, 166, 182—183, 185, 241—247, 252—254, 258, 263—264, 457, 491—494, 504—509, 513, 616—617, 623, 629—630; *V*, 16, 123, 162, 163, 165, 172, 187, 194—195, 247—249, 251, 267—268, 322—323, 337, 350—353, 383, 397, 398, 402—408, 420—422, 432—433, 443, 522, 526, 536—537.

Коллектив

— богатство и разнообразие отношений в нем — *I*, 165—176, 243, 308, 440—445, 500, 538, 577, 615; *II*, 103, 331, 601—604, 633—635, 641, 661—672; *III*, 97—100, 174, 317, 325, 358, 507—515, 577; *IV*, 10, 18, 31—32, 42, 53, 60, 158, 167, 460—462, 517—519, 523, 545, 547; *V*, 7—16, 336, 381—383, 384, 432, 503, 506.

— воспитательная роль — *I*, 84—90, 100—101, 113, 165—176, 187, 191, 227—230, 236—237, 271—273, 284, 290—295, 302—303, 419—424, 427—668; *II*, 54, 65, 86, 103, 147, 163, 268, 568, 571, 602—604, 641, 661—672; *III*, 45, 64, 91—97, 97—100, 152—154, 246—247, 311, 317, 330—331, 347—348, 372, 507—515, 577; *IV*, 383—385, 460—461; *V*, 7—16, 17—30, 153, 377—378, 381—383, 422.

— детский — *I*, 165—176, 309, 358—369, 427, 499—530, 524, 651—652, 655; *II*, 322, 331, 332, 340, 600—604, 608, 669—672; *III*, 97—100, 129, 508—509; *IV*, 9, 26, 151, 303, 460—462, 571, 572; *V*, 23, 25, 28, 44, 211, 382.

— единство его идейных и организационных основ — *I*, 171, 243, 311, 427—439, 446—473, 531; *II*, 37—38, 50, 147, 601—604; *III*, 324, 347—348, 507—515; *IV*, 8, 456—460, 462, 531; *V*, 12, 16, 43, 153, 336, 382, 384, 546—558.

— и личность учащегося — *I*, 84—85, 113, 165—176, 499—501, 523—535, 561, 632, 641, 661—672; *III*, 92, 128, 174, 186, 330, 347—348, 372, 404, 507—515, 577, 664—666; *IV*, 311—312, 462—471, 545—547, 571—572, 575, 639; *V*, 7—16, 17—30, 204, 241—242, 278, 284—285, 432, 636.

— классный — *I*, 296, 429, 436, 482; *II*, 44, 546, 604—605, 669, 670—671; *III*, 508; *IV*, 38, 42, 92, 531; *V*, 12, 13, 15, 17—19, 432.

— мальчики и девочки, юноши и девушки в коллективе — *I*, 94—95, 130, 195, 204, 369—374, 395, 586—607; *II*, 389—435, 512—517; 593—596, 649—650; *III*, 334, 342, 369—382, 511—517; *IV*, 207—213, 409; *V*, 353—358.

— общение, взаимопомощь и взаимовоспитание в нем — *I*, 170—171, 218, 449—473, 481—491, 523, 530, 545; *II*, 86, 103, 147, 163, 518—520, 633—635, 661—672; *III*, 186, 273, 458—462, 507—515; *IV*, 31, 88, 460—462, 531, 571—572; *V*, 7—16, 17—30, 341, 347—348, 382—383.

— общественное мнение коллектива — I, 340—343, 398—400, 448, 454, 465, 530—531, 574—577, 653; II, 268, 661—665, 665—668; III, 330, 347—348; IV, 311, 379, 460—462; V, 7—16, 17—30, 481—482, 553—554.

— общешкольный — I, 117, 175, 218, 429—668; II, 600; III, 128, 509—510; IV, 32, 92, 97, 417, 460, 531, 574, 575; V, 15, 19, 252—253, 305.

— определение — I, 165—167, 171—172, 175, 428—429, 431, 436, 464, 493, 530, 577, 621; II, 268, 600—601, 641, 662; III, 324, 507—508; IV, 31—32, 64, 460; V, 382, 554—555.

— педагогический — I, 167, 171, 209—218, 635—644; II, 310, 332, 389, 409, 514—518, 531, 568—571; III, 98, 247, 259, 410; IV, 33—92, 183, 224—226, 411—656 (в особенности стр. 411—434, 454—460, 604, 631, 633); V, 10—11, 248—249, 317—318;

— разновозрастный ученический — I, 175, 186, 253, 435, 440—445, 569; II, 299—300, 519, 635—636, 665; III, 509—510; IV, 229, 321, 460—462; V, 81, 137—139, 185, 243, 251—252, 422.

Комсомольская организация в школе — I, 135, 244, 391—393, 441—445, 453, 522, 524, 531—535; II, 148—149, 187, 520, 606, 614—633, 634—635, 671; III, 462, 499, 517—528, 694—698; IV, 9, 38, 103—104, 127, 184—196, 229, 449, 456, 461—462, 513, 583—584, 641, 655; V, 15, 35, 152—153, 168, 180, 181—182, 244, 253, 330, 334, 339, 382, 383, 384.

Кружки ученические (предметные, технические, сельскохозяйственные, художественные, спортивные) — I, 109, 184, 185, 259, 302—303, 329, 365—368, 442—443, 521, 569; II, 77, 118, 136, 325, 517—518, 519—520, 525, 531, 605—606, 658, 672; III, 213, 354, 387, 458, 527, 615—621; IV, 31, 100, 102, 151, 177, 229, 251—253, 342—350, 357, 360—372, 384—385, 456—459, 564; V, 65, 78, 86, 100—101, 193, 251, 382, 384.

Крупская Н. К. — I, 63, 427, 452, 652; III, 8, 24, 361; IV, 8, 152; V, 309, 410.

Культура потребностей, стремлений и желаний — I, 61, 82—84, 140, 172—173, 196—198, 212, 433—434, 475, 550—551, 570, 625, 634; II, 43, 197, 322, 352—353, 405, 407—408, 594, 695, 697; III, 67, 92, 121, 142, 206, 316, 355—356, 493, 653; IV, 19, 154, 165, 529, 576; V, 113—114, 306, 326, 345, 401—402, 466—467, 488, 598—599

II

Ленин В. И. — I, 63, 73—74, 78, 121—122, 135, 150, 176, 249, 263, 390, 427, 462, 470, 487, 503—504, 511—513, 515, 517, 518—519, 623, 641; II, 17, 115, 245, 250, 376—378, 380—381, 421, 543, 594, 609, 612, 624; III, 116, 168, 201, 238—239, 241, 279, 283—285, 361, 445, 489, 501, 518, 665, 667, 669, 671; IV, 8, 57, 86, 89, 107, 124—125, 127; V, 162, 183—184, 190, 228, 233, 299, 560; V, 7, 155, 258, 328, 337, 366, 385—386, 398, 410, 420, 442, 450—454, 456, 526, 531—533, 537, 546—565, 583—584.

Любовь и жажда к знаниям — I, 81—82, 89, 107, 182—183, 213, 228, 383—384, 499, 518—519, 624, 640—641; II, 118, 238, 350, 356—385, 505—506, 511—514, 514—518, 520—521, 531, 554, 597, 600, 635, 657; III, 147—149, 174, 341, 414; IV, 17—18, 128, 223, 340,

442, 508, 619; V, 7—16, 267, 303, 353, 389, 429, 432, 443, 450, 459, 536.

Любознательность — I, 88, 330—336, 384, 502, 635; II, 118, 357, 447, 513, 516, 518, 525, 534, 554, 598—599, 655, 674, 688, 689; III, 130, 134, 148, 150, 181, 252, 341, 413; IV, 123, 128, 215, 219, 223, 270, 340, 541—543; V, 85, 88, 293, 309, 359, 432—433, 452, 536, 553, 581.

М

Макаренко А. С. — I, 64, 242, 427, 428, 429; II, 698; III, 8, 14, 17; IV, 8, 634; V, 252, 273, 346, 375.

Маркс К. — I, 63, 73, 99, 128, 166, 187, 192, 198, 255, 390, 481, 514—515, 518, 618, 648; II, 7, 8, 381, 382, 409, 543, 585, 606, 624, 650; III, 320, 328, 339, 445, 458, 471, 620—621, 640, 664, 679; IV, 11, 19, 134, 152, 175, 214, 215, 217, 233, 300, 370, 395; V, 157, 160, 178, 263, 338, 398, 417, 420, 596.

— Мастерство воспитания и обучения — I, 65, 79—80, 82, 92, 130, 139, 140, 141—142, 145—146, 161, 163, 166—167, 231, 299, 437, 440—442, 476, 503, 505, 508, 515, 520, 525, 580, 612, 625, 653, 661, 662; II, 98—99, 113, 117, 149, 167, 248, 272, 284, 345, 349, 350, 351, 353, 370, 418, 449, 451, 453, 454, 455, 467, 468, 471, 529, 542, 544, 558—560, 564—566, 568, 571, 583, 597—600, 626, 628, 643—647, 651, 665, 681—689, 691, 692, 694, 698; III, 12, 36, 82, 122, 125, 129, 178, 181, 186, 188, 244, 255, 267, 288, 322, 330, 331, -341, 352, 357, 359, 372, 374, 402, 417, 419, 435, 464, 491, 497, 498, 519, 579, 589, 652—653; IV, 10, 12—13, 20—22, 26—28, 33—34, 51—53, 76—78, 151, 152, 158, 176, 217—218, 223, 282—292, 418, 422, 426, 434, 439, 456, 460, 471—487, 519—523, 536, 538—543, 577—605, 608, 619, 628—630, 638; V- 60—63, 67, 96, 120—121, 240, 253, 276, 280, 300, 304, 307—308, 334, 340, 341, 347, 348, 349, 352, 355, 378, 397—398, 413, 419, 421, 427, 429—430, 445, 466, 480, 489, 511, 520, 594, 595, 598, 609, 637.

Мышление — I, 62, 105—106, 193—195, 223—224, 266—271, 328—341, 380—386, 433, 500—503, 503—523, 530, 607, 615; II, 108—109, 115, 118, 188, 214, 238, 333—334, 357—358, 370, 381—384, 466—470, 475, 478—482, 487—496, 497, 498—500, 501, 502—504, 504—505, 506—507, 511—520, 525, 532—535, 536—542, 547—551, 551—556, 557—558, 560, 564—566, 570, 625, 633, 640, 641, 642—643, 656—659, 676, 687—688, 693, 697; III, 13, 20, 33—36, 43—44, 46—52, 55, 56, 66, 70, 71, 72, 74, 79, 80, 87—91, 103, 106—112, 119—152, 154—163, 172—189, 193, 244, 312, 358—363, 365—369, 400—401, 414—427, 427—465, 467, 498, 554—556, 614—621, 655—667, 694—702; IV, 11, 16—18, 78—83, 123—135, 137—142, 149—151, 171—172, 214—314, 329—330, 368—377, 422—425, 434—446, 463, 464, 468—514, 532—550, 577, 587—627, 628—630, 635—638, 643, 644—651; V, 8—16, 53, 56, 85, 157—158, 215—229, 235—241, 257, 303, 304, 349—353, 358—362, 387—392, 419, 430, 449, 450—460, 535—537, 548, 552—560, 566—575, 580—592, 603—607, 645—646.

Н

Наблюдения педагогические и психологические — I, 92, 221, 238—243, 256, 269, 337, 383, 411, 414; II, 501, 504—505, 510, 521, 534, 560; III, 47, 48, 53, 54, 66, 108, 111, 135—138, 142, 155, 157,

159, 244, 403, 407, 418, 434, 435, 553; *IV*, 79, 135, 373, 429—434, 443—444, 482, 498—499, 514, 538, 605, 625, 630—644; *V*, 8, 13, 65, 87, 349.

Навыки и умения — *I*, 107, 183, 250—251, 505; *II*, 22, 45, 449, 451, 477, 501, 502: 505, 507 — 511, 521—523, 559—560, 570 635; *III*, 91, 106, 107, 134, 135, 161, 206, 211, 267; *IV*, 17, 19, 162, 315, 321—323, 332—334, 336, 338, 340, 342—346—347, 351, 381—383, 428—433, 449, 592—602, 624; *V*, 17, 24, 54, 65, 66, 73—85, 95, 100, 137, 158—159, 252, 351, 581.

Наказания — *I*, 118, 398—400, 560, 644—648, 652—668; *II*, 452, 577, 579, 642, 647, 665—668, 694—695; *III*, 178—179, 313—316, 490—491; *IV*, 528; *V*, 20, 30, 307—308, 313, 320—324, 343, 362—379, 423, 429, 447—449, 464, 519—520, 609.

О

Образованность — *I*, 65, 81, 98, 135, 213, 215, 216, 503—504, 509—511, 513, 623—624, 627, 641, 643; *II*, 8, 175, 373, 376, 378, 523, 597; *III*, 20, 329, 415; *IV*, 7, 11, 417, 560—561; *V*, 422, 454, 531, 553, 584.

Обучение

— его суть, организация, методы — *I*, 85—91, 176—187, 244—246, 507—511, 521, 560, 582, 584, 635; *II*, 99—107, 107—116, 356—359, 372, 375—376, 381—385, 388—389, 466—470, 471—475, 475—496, 500—502, 502—504, 504—518, 521—525, 525—528, 530—567, 585—587, 647, 653—655, 656; *III*, 11—19, 43—44, 48, 51—52, 72, 81—91, 101—110, 118—137, 142—152, 172—188, 358, 414—427, 448, 453, 471, 484, 485, 540, 553—556, 609, 655—657; *IV*, 7—32, 46, 131—135, 137—138, 151, 171—172, 215, 216—299, 328—329, 332—350, 411—446, 447—504, 516, 520, 532—538, 563—565, 584, 587—627, 628—639, 644—651; *V*, 7—16, 18—28, 54—55, 58—102, 116—120, 136—137, 214—228, 235—241, 247—252, 252—253, 258, 300—304, 317—318, 341, 348, 349—353, 358—362, 381, 383, 387—392, 402—414, 422, 429—430, 442—445, 445—460, 526—527, 531—537, 603—609, 643—646.

— преемственность и последовательность в нем — *I*, 178—179; *II*, 45, 78, 473—477, 521—523, 590—592; *III*, 43—44, 83—84, 121; *IV*, 321—322; *V*, 73—74.

Общественно полезный и продуктивный труд учащихся (значение, содержание, виды, организация) — *I*, 173—174, 176—187, 227—230, 236—237, 290—295, 314, 346—348, 365, 419—424, 442—443, 451—453, 499—500, 505—508, 523—535, 572—573, 580—581, 643; *II*, 14—16, 20—35, 39—40, 42—49, 50—65, 70—82, 86, 99—101, 110—111, 114—116, 135—137, 139—147, 194—195, 349—350, 382, 385, 388—389, 557—558, 584—585, 602—603, 605—606, 613—614, 616—619, 627, 628, 632—633, 640, 647, 653—659, 660—661, 670; *III*, 64—66, 102, 105, 108—110, 112—116, 118—120, 126, 133—135, 152, 153, 160—163, 172—188, 232, 282—283, 388—391, 395, 403—404, 478—479, 519—522, 612—627, 632—634, 651—655, 703—704; *IV*, 8—17, 90—92, 144—147, 154—156, 170—171, 174—182, 315—386, 449—454, 513—514; *V*, 35—37, 43—45, 69—73, 91—114, 124—127, 150—153, 154—169, 177—186, 232—234, 246—247,

256—262, 264—265, 273, 274, 331—333, 335—336, 338, 365, 381—382, 421—423, 443—444, 468—471, 509—511, 535—536, 562—565, 576—592, 644—646.

Октябрюта — I, 336, 441—442, 445, 453; II, 139; III, 251, 272, 654; IV, 8, 68, 123, 124, 461; V, 265, 323.

Оптимизм педагогический — I, 85, 212, 249, 268, 328, 411, 518, 607—617, 637—644; II, 38—39, 43, 260, 341, 381, 460—461, 497, 571, 586; III, 8, 73, 82, 309—310; IV, 131, 305, 535—537; V, 14, 54, 301—302, 313.

Опыт педагогический — I, 92, 110, 135, 196, 235, 242, 267—269, 406, 430, 497, 525, 562, 578, 580, 587, 633, 634, 637; II, 38—39, 43, 98, 113, 118, 216, 410, 412, 456, 458, 488, 499, 503, 508, 511, 518, 526, 528, 542—546, 553—554, 556—557, 558—560, 564—566, 576, 600, 608, 621—622, 636, 638, 640, 664, 681, 691; III, 53, 54, 64, 66—67, 81, 87, 91, 99, 102, 106; IV, 117, 120, 125, 133, 134, 153, 157, 159, 179, 183, 188, 197, 253, 336—337, 403, 407, 408, 435, 442, 486, 553, 554, 676; V, 7—8, 14, 34, 53, 62, 64—66, 78, 166, 282, 283, 410, 413, 425—426, 441—442, 444, 458, 461, 491, 513, 514, 540, 543, 579, 605, 624, 626, 630—634, 641; V, 68, 95, 133, 239—240, 244, 253, 254, 256, 284, 365, 381, 385, 450, 508, 517, 674.

Особенности духовного развития учащихся разного возраста — дети (младший школьный возраст) — I, 242, 247—250, 255—298, 459, 545—546; II, 21—22, 98—101, 267, 458—460, 523, 529—530, 539, 681—687; III, 8, 12, 16—20, 31—50, 51—56, 56—59, 67, 92, 101—104, 106—109, 110—111, 115, 118—152, 206, 214, 215, 271, 296, 297, 336—337, 665, 707; IV, 7, 156, 168, 220, 318, 319, 386, 427—434, 516, 571; V, 40—41, 52, 78, 150, 204, 209, 230—232, 235, 257, 264, 294, 313, 319, 393, 416—417, 454, 488;

— подростки (средний школьный возраст) — I, 243, 248, 252—253, 299—374, 465—466; II, 98—101, 139, 311, 433, 523; III, 152, 214—215, 264, 289—296, 301—627 (в особенности стр. 301—316, 325, 326, 329, 336—337, 341, 344, 363, 364—369, 375, 394—404, 413, 468, 539—540, 549, 556, 563—564); IV, 27, 35, 133—135, 219—220, 332, 386, 427, 434, 453—454, 583, 655—656; V, 40—41, 52, 150, 241—252, 257, 269—284, 416—417, 420, 555;

— юноши и девушки (ранняя юность, старший школьный возраст) — I, 243, 253, 254, 375—424, 470; II, 48—49, 84, 98—101, 139, 145, 285, 299—300, 326, 330, 379, 386—434, 614—633, 679; III, 152; IV, 27, 83—86, 133—134, 171, 173, 188, 190—191, 207—213, 219—220, 221, 225—227, 301, 302, 332, 386, 453—454; V, 181—186, 252, 416—417, 420, 555.

Осуждение коллективное отрицательных поступков отдельных учащихся — I, 165—166, 313, 368—369, 398, 400, 453—454, 465, 558—561, 573—577, 591, 652—668; II, 251—260, 266—270, 297, 665—668; III, 323, 348; V, 9, 17—30, 343—347, 374, 377—378, 594, 609.

Оценивание знаний и умений школьников — I, 80, 90—91, 136—137, 513—514, 582—585; II, 59, 132—133, 496—498, 524; III, 12, 82—83, 128—129, 176—188; IV, 484; V, 302, 352, 383, 429—430, 449, 629—631.

Ощущения и восприятие — I, 113, 133, 137, 152—153, 188—191, 255—261, 268—271, 324—326, 476, 479—481; II, 30, 172, 178, 182, 192, 219, 474, 479, 538—542; III, 20, 47, 48, 67, 123, 135—152, 155,

202—203, 238, 313, 405—406, 467, 540—545; *IV*, 266—269; 282, 308, 387—409, 441, 444, 477—481, 485—486, 498, 547, 548—549, 590—592, 625; *V*, 15, 61, 64, 214—228, 452, 454, 574—576.

II

Память и запоминание — *I*, 105—107, 193—195, 297, 502, 523, 538; *II*, 43, 176, 181, 310, 475—477, 478, 487—489, 539, 551—554, 656; *III*, 69, 70, 82, 84—89, 106—108, 126, 135—138, 149, 150, 156, 157, 158, 160, 162—163, 182, 252, 318—319, 408, 422, 431, 437—438, 462—463, 493, 564—565, 587, 598; *IV*, 85, 140, 165, 256—265, 291, 401, 434—439, 518, 584, 600, 602, 621, 626—627, 638, 648, 650; *V*, 65, 219, 225, 235—241, 350—353, 387, 392, 405, 536, 603, 604, 617—622.

Педагог, учитель, воспитатель

— его общественная миссия — *I*, 157, 158, 182, 455, 510, 517, 518, 603, 635; *II*, 301, 357, 358, 363—366, 371, 568—571; *III*, 107, 288, 336, 356, 361, 410, 413, 442; *IV*, 10, 19, 414, 481—482, 577, 586; *V*, 48—49, 115—116, 120, 122, 128, 129, 252—253, 256—257, 262—269, 323—324, 339, 353, 386—387, 395, 416, 424, 433, 471, 489—490, 497, 525—526, 531, 551, 559, 596, 633.

— его роль в воспитании и обучении — *I*, 92, 109, 123—124, 166, 209—213, 455, 505, 508, 517, 618—668; *II*, 108—109, 111, 163, 165, 250, 340, 341, 363—372, 449—473, 514—518, 524—525, 558—567, 568—571, 597—600, 665; *III*, 20, 107, 173, 177—179, 194, 196, 288, 336, 353—363, 410—412, 427, 442, 576—580; *IV*, 8, 10, 12, 34—44, 46—92, 152, 215, 223, 414, 455—460, 488—504, 519—532, 533—538, 538—540, 543, 555, 563—568, 571, 576—578; *V*, 8—16, 48—49, 86, 96—97, 115—129, 131, 137, 139—141, 144, 180, 208—214, 215—229, 252—253, 256—257, 262—269, 280, 300—304, 308, 326, 339—349, 351, 386—387, 392—399, 415—424, 424—433, 444—445, 457—458, 525—526, 550—551, 596;

— его черты и качества — *I*, 92, 99, 109, 123—124, 209—218, 493, 500, 515, 585, 618, 621—668; *II*, 108, 165—166, 284—285, 324, 365—370, 447, 449—473, 524—525, 542—547, 567, 593, 597—600, 665, 676, 681—683; *III*, 10—19, 107, 173, 177—179, 247, 288, 353—363, 410—412, 540, 576—580, 589; *IV*, 10—12, 40, 46—68, 76—83, 262—263, 414, 455—460, 471—478, 481—487, 488—504, 519—540, 543, 555, 563—568, 571, 576—578, 607—608, 621, 648; *V*, 10, 48—49, 86, 96—97, 115—129, 131, 137, 139—141, 144, 178—179, 206—214, 252, 257, 266, 303—304, 308—326, 339—349, 351, 397, 429—430, 432—433, 444—445, 446—450, 457—458, 525—526, 623—633.

— и учащиеся, воспитанники — *I*, 90, 109, 117, 159, 209—213, 250, 489, 580, 582, 618—668; *II*, 108, 366—372, 449—454, 514—518, 524—525, 597, 600, 665, 676, 681—683; *III*, 7, 19, 55, 77, 107, 173, 177—179, 196, 214, 244, 247, 288, 329, 330—331, 353—363, 397—403, 410—412, 495, 576—580; *IV*, 10—12, 34—44, 46—68, 76—92, 152, 170—171, 176, 215, 455—460, 488—504, 519—540, 543, 555, 563—568, 571, 578, 603, 631, 637—638; *V*, 7—16, 86, 96—97, 115—129, 131, 137, 139—141, 144, 209—214, 252—253, 263, 267, 281—283, 300—308, 308—326, 339—349, 353—358, 386—387, 392—399, 414—433, 444—445, 457—458, 525—526, 596, 623—633.

Педагогика народная — I, 534, 535, 552, 553; II, 225—227, 349, 391—393, 419, 422, 424, 507, 578, 591, 592, 636, 640, 648, 660; III, 155, 156, 215—216, 320, 478, 631—634, 564, 679; IV, 155, 655; V, 269, 460, 469, 502, 529, 595, 639.

Педагогика семьи — I, 93—97, 121, 146—148, 167—168, 195—204, 475, 487, 522, 535, 561, 564—568, 593—607; II, 84—94, 215—235, 352, 386—434, 449, 451, 523, 547, 565, 567, 568—571, 572—596, 622, 680—681; III, 19—31, 93—99, 109, 148, 158—159, 213—214, 256—258, 296, 306—307, 310—311, 313—315, 316—317, 330—336, 340, 375—382, 629—708; IV, 13—14, 45, 85—86, 143, 157, 168, 465—470, 513, 528—529, 540—547, 551, 573, 581—583, 637; V, 31—37, 149, 150, 186—205, 229—235, 263, 269, 279, 285—289, 292—295, 304—305, 315, 319—326, 326—328, 336—337, 344, 345, 363—367, 379—380, 384—385, 399—406, 431—432, 433—437, 437—441, 460—471, 481—493, 510—512, 527—531, 539—540, 558—559, 593, 602, 607—608, 609—616, 635, 639.

Педагогический процесс

— взаимосвязи и взаимозависимости в нем — I, 80—81, 97, 213, 525—526; II, 336—337, 449—454, 473—475, 518—520, 568—571; III, 112, 259—260, 272, 320—321, 385, 389—390, 419; IV, 50—51, 64—65; 73—76, 418, 434, 439—440, 447—487, 496—497, 606, 628—631, 632—634, 651—652; V, 8.

— его единство и гармоничность — I, 59—68, 76—77, 78—98, 98—113, 165—176, 176—187, 216—218, 231—238, 433, 484, 494, 499—500, 509, 513, 515, 517, 622, 623, 634, 640, 668; II, 37, 65, 75, 95—101, 107—116, 151, 352, 503, 559, 560, 568—571, 579, 594, 641, 659—660, 664; III, 112, 115—116, 259, 272, 320, 325, 329, 343, 355, 380, 389—390, 415—416, 575, 685; IV, 323—324, 557, 652.

— конфликтные ситуации в нем — I, 164, 377—380, 660; II, 91, 453, 458, 529—530, 574, 668, 684; III, 55, 127, 261, 363, 385; IV, 169, 312, 515—516; V, 131, 311, 339, 353—358.

— перспективность — I, 76—77, 95, 106—107, 142, 214—215, 228, 232, 311, 331, 453, 639; II, 31—35, 45, 75, 171—173, 308—309, 449, 560, 562, 564, 577—579, 676; III, 321, 349, 706; IV, 8—9, 549, 556, 586, 632, 656; V, 53, 262, 279—280, 284, 310—311, 326, 395.

Пионерская организация в школе — I, 135, 230, 244, 303—319, 359—365, 441—445, 453, 530, 531, 535; II, 139, 148—149, 608—614, 634—635, 671; III, 272—273, 279, 282, 283—287, 388, 462, 499, 517—528; IV, 9, 67—68, 83, 86, 87, 89, 102—103, 127, 145, 157, 184—190, 229, 448, 449, 456, 461, 513, 583, 639, 655; V, 17—18, 28, 117—118, 152, 153, 169, 172—173, 185, 189—192, 253—256, 265, 270, 273, 304—305, 330, 333—334, 382—383, 542, 544—545.

Привычки — I, 70, 166, 405; II, 476, 566, 640, 658; III, 82, 92, 141, 249, 486—491, 613—614, 702; IV, 28, 154—155, 163, 164, 172, 385—386; V, 106.

Приказы, запреты, принуждения — I, 81, 290, 369, 448, 497—498, 560, 580—581, 638, 665—666; II, 148, 284—285, 631, 642; III, 355, 400—402, 490; IV, 524, 536—537, 565; V, 340, 342, 345—346, 353—358.

Принципиальность — I, 279, 280, 310, 363, 384, 398—400, 406—407; II, 10—12, 38, 67, 78, 133, 149—153, 614, 669; III, 419, 421; IV, 11, 163, 178, 179, 557; V, 148—149, 526, 634.

Природа окружающая, любовь и заботливое отношение к ней — I, 108, 114—116, 142—145, 189—191, 282—284, 304—308, 438—439, 443, 451—453, 482—483, 494, 505—506, 525—530, 536—549, 550—556, 562—563; II, 26, 63—64, 138, 146, 179, 180, 181, 240, 271—272, 357—358, 366—367, 436, 443, 539, 545, 548—549, 565, 583—585, 660—661; III, 18, 31—64, 66—94, 100—101, 108, 113, 118, 121—125, 129—133, 135—152, 216, 257—258, 260—266, 270—271, 273—276, 285—289, 390—396, 416—418, 421, 541—545, 555, 568—570, 572, 580—585, 664; IV, 14—15, 79—83, 93—97, 113—121, 156—158, 163—165, 169, 387—392, 400, 403, 406—407, 420—424, 458, 618; V, 170—176, 215—228, 314—315, 324, 338, 339, 359—362, 388—389, 452—543, 565—581.

Профессиональная ориентация учащихся — I, 102, 179, 183—187, 217—218, 631—632; II, 15—16, 450—451, 590, 600; III, 665; IV, 19—20, 104—105, 332, 338, 340; V, 57, 177—186, 398.

Р

Режим труда и отдыха школьников — I, 204—208; II, 519, 521—523, 525—528, 546, 547, 656—661; III, 51—56, 100—101, 109—118, 271, 296, 382—393, 698—702; IV, 71, 135, 151, 385—386, 463—467, 474—475, 503—504, 531—532.

Романтика в воспитании — I, 153, 235, 238—244, 303—307, 397, 577, 662—663, 680; II, 615, 680; III, 45—50, 197, 200, 264, 265, 351, 361—363, 392—393, 517, 528; IV, 36—37, 67—68, 84, 119, 180, 330, 426; V, 330.

Руководство педагогическое — I, 76, 77, 172, 212, 431, 442, 492, 580, 590—592, 602—603; II, 149, 642; III, 9—19, 108—109, 431, 540; IV, 22, 31—32, 46, 50, 265, 272, 413—656 (в особенности стр. 413, 415—426, 440—442, 445, 449, 463, 487, 574, 579, 581, 588—589, 598, 601—602, 620, 624, 632, 633, 641, 642, 643, 644); V, 140, 419.

С

Самовоспитание и самоусовершенствование — I, 130—131, 154, 186, 193, 200, 234, 282, 322, 340—343, 395, 439, 452, 454, 456, 498, 501—503, 530—531, 580—582, 632, 635, 662; II, 62, 65, 152, 162, 268, 295, 305—312, 417, 476, 511, 560, 588, 625, 648—661, 640—643, 691, 693, 698; III, 66, 119, 214, 295—296, 323, 325, 340, 357, 367, 389, 454, 495, 498, 499, 654, 657, 662, 704; IV, 20—22, 31, 144, 403, 460—462, 506, 557, 577; V, 241—252, 269—270, 276—277, 420, 422, 446, 469, 506, 515—522.

Самообразование — I, 216, 447, 632; II, 560, 599; III, 414, 453—458, 458—462; IV, 271—272; V, 266—267, 422.

Самооценка и уровень притязаний учащихся — I, 338—343, 355, 480, 481, 531, 573, 582—585, 628, 633; II, 30—31, 42, 101, 287, 311, 640, 648—652; III, 173, 178, 271, 325—326, 396, 489, 498, 617; IV, 77; V, 80, 82, 272, 276—277, 386, 418—419, 426, 515—522.

Самостоятельность, инициатива и самостоятельность школьников — I, 96—97, 172, 386, 432, 443, 445, 504, 509, 521, 531, 532, 633, 663; II, 25, 113, 117—118, 135, 148—149, 284, 303, 370, 491, 512, 531, 532, 606, 669—672; III, 145, 175, 181, 182, 184, 185, 374, 400, 432, 489, 499, 502, 527; IV, 31—32, 172—173, 270—272,

532, 612, 619; 621; V, 19—24, 59—66, 97, 137, 250, 269—270, 278—279, 382, 570.

Свободное время — I, 206, 208, 229, 300; II, 8, 81—82, 470—472, 477, 519, 525—532; III, 614, 655; IV, 20, 149—151, 385, 488—494; V, 235, 250, 267, 279.

Сказка — I, 108, 145, 258, 264—266, 288—289, 444, 482—483, 535—549, 665; II, 477, 555, 559, 606, 683; III, 8, 32—50, 64, 65, 66, 70—79, 83, 86—90, 114, 115, 120, 123, 131, 188—200, 204—205, 253, 337, 390, 522—523; IV, 44, 106—107, 178, 182, 456, 547; V, 208—209, 393—394, 422, 425, 448, 558.

Совость — I, 117—118, 125, 130, 139, 343, 363, 407, 439, 526—528, 561, 562, 565, 573, 575, 621, 624, 633, 634, 637; II, 51, 167, 268—270, 274—283, 608, 630, 632, 640, 642, 665, 667; III, 15, 92, 179, 197, 242, 282, 283, 319, 326, 491, 519, 654; IV, 154, 165, 316, 506, 577; V, 229, 340, 504, 519, 595, 635.

Содержание образования, «две программы» обучения — I, 101—109, 325—326, 502; II, 100, 116, 117, 477—480, 599; III, 442, 444; IV, 11, 17—18, 24—25, 56—59, 72, 109, 214—216, 222—223, 229—230, 234—256, 256—299, 306—307, 332—350, 350—377, 381—383.

Сообразительность — I, 105, 108, 234, 280, 336; II, 297, 298, 318, 507, 519, 550; III, 135, 145—153, 155, 181, 268, 360, 430; IV, 249, 443—444, 518, 543, 639; V, 81.

Социализация ребенка — I, 135, 218, 308, 474—481, 524, 561, 583, 589; II, 589, 626—628, 668, 677; IV, 183—196; V, 594.

Сочувствие и сопереживание — I, 115—116, 128—129, 137, 280—281, 322, 371, 436—439, 454, 476—481, 551—568, 609—612; II, 36, 162—163, 200—214, 219, 220, 270, 273, 319—320, 638—639; III, 92—97, 103, 108, 135, 235—239, 242—252, 565—568, 704—706; V, 17, 173, 211—213, 285—287, 306—307, 323, 419—420, 427—428, 495—498.

Среда, ее воспитательная роль — I, 65, 193, 218, 247—254; II, 32, 65, 66—94, 149, 450, 631; III, 133, 137, 141, 148, 155, 316, 322, 324, 575—580; IV, 10, 93—130, 404—409, 574—583; V, 31—37, 155, 319—327, 542—543, 581—583.

Стыд — I, 139, 165, 170, 182, 198, 487, 589, 633; II, 267, 274, 283, 332, 341, 348—350, 356, 369, 409, 631, 640, 645; III, 292, 679; IV, 161, 551; V, 270—271, 378, 464, 595—596, 635.

Счастье — I, 67, 79, 82—83, 168—169, 177, 185, 216, 387, 451, 481, 514, 517, 527, 631, 632, 633, 641; II, 72, 162, 171, 195, 236, 310, 515, 596; III, 31, 97, 103, 108, 154, 175, 255, 327, 356, 423, 529—531, 667, 676, 678—679, 684, 690—691; IV, 15, 127, 175—176, 316, 548; V, 114, 155, 177, 186, 230—231, 284—299, 385, 416—417, 434, 466, 467, 468, 478—480, 481—482, 508, 510, 527, 609.

Т

Такт педагогический — I, 322, 371, 454, 585; II, 172, 226, 312—316, 643—647, 667; III, 244, 330—332, 356—357, 385, 490—491, 515—517, 523—524, 528; IV, 133, 156, 314, 528, 641; V, 282, 284, 324, 336, 347, 480, 520, 531, 623—633.

Творчество детское, ученическое — I, 84—85, 179, 185—187, 191—192, 206, 227—230, 295—299, 302—303, 432, 444, 451, 499,

505, 508, 521; 536—549, 661; *II*, 31, 46, 56—59, 473, 477, 519, 525, 558, 605—606, 665; *III*, 32—50, 56—59, 65—66, 71—72, 76, 78—79, 81, 86, 87—90, 114—116, 122—124, 135, 154, 194—197, 198, 216, 230, 267, 268, 327—328, 340, 390, 555, 585—611; *IV*, 18, 35—36, 81, 315, 316, 321, 335, 350, 356, 357, 368, 385, 396—404, 507—512; *V*, 59—73, 79—85, 88—102, 114, 228—229, 249, 338, 359—362, 421—423, 451, 457—458, 575.

Традиции школьные — *I*, 174—175, 212, 434, 635, 636, 566, 589; *II*, 62, 583—585, 589, 610—611; *III*, 98, 253—257, 260—262, 278—279, 285, 499, 528, 625—626; *IV*, 65, 67, 83—92, 120, 211, 389—391; *V*, 269.

Трудолюбие — *I*, 91, 129, 176, 394, 455, 515, 585; *II*, 295, 338, 382—385, 653—655; *III*, 166, 176, 254—285, 479, 702; *IV*, 155; *V*, 141, 151, 193, 423.

У

Урок школьный — *I*, 182, 513, 514, 519; *II*, 384, 524, 599; *III*, 12, 13, 14, 17, 121, 358, 411, 418, 422, 433, 435, 442; *IV*, 233—234, 416, 425, 434, 439, 440—444, 449, 563—565, 603—627; *V*, 74, 384, 387—392, 398, 409, 457, 536, 596.

Ф

Формализм в воспитании и обучении — *I*, 103, 110, 117—118, 141—142, 213, 363—364, 463, 479, 484, 631; 655; *II*, 665, 667, 698; *III*, 564, 585; *IV*, 656.

Х

Характер — *I*, 522, 609; *II*, 37, 42, 45, 148, 449, 597, 640, 641; *III*, 174; *IV*, 463; *V*, 189, 215, 363.

«Хрестоматия нравственных ценностей человечества» — *I*, 130—135; *II*, 649—651; *IV*, 158—161, 168, 183—187.

«Хрестоматия по этике» — *I*, 130—131; 477—480, 566; *II*, 296, 438.

Ч

Честность и порядочность — *I*, 91, 118, 137—140, 182, 395, 452, 656; *II*, 17, 631—632; 639—641, 650, 666—668, 679—680; *III*, 154, 197, 322, 333, 363, 480—481, 550, 636—640, 666; *IV*, 154, 155, 167, 170, 333—334, 340, 429, 464, 543—545. *V*, 290, 340, 464.

Честь и достоинство — *I*, 85, 87, 90, 165, 177, 182, 201, 216, 217, 263, 281, 313, 348, 355, 368, 396, 446, 523—524, 529, 530, 549, 562, 580, 641; *II*, 38, 41—42, 53, 99, 110, 160, 175, 182, 184, 192, 216, 220, 225, 316—327, 333, 349, 359, 411, 416—417, 422, 466, 467, 515, 518—520, 521, 613, 623, 642, 652, 667, 686, 696; *III*, 8, 81, 99—100, 104, 173—175, 177, 185, 240, 328, 334, 375, 389, 491, 550, 560—562, 622—623, 636—640, 653, 671, 673; *IV*, 15, 161, 162, 166, 171, 316—317, 519, 520, 538, 583—584; *V*, 12—13, 15, 33—34, 186, 249, 250, 270, 300—302, 378, 430, 458—459, 595.

Чистосердечность — *I*, 118—119, 125, 271, 273, 276, 352, 395, 495—498, 593, 628—629; *II*, 643—647; *III*, 174, 485, 585; *IV*, 43, 156, 583—584, 639; *V*, 235, 263, 265, 304—307; 331—332, 339, 341, 461, 543—545.

Чтение внеклассное — I, 104, 135, 206, 208, 357, 358, 383, 412, 483, 487, 489, 505, 524, 572, 578—580, 633; II, 382, 478, 482, 505—507, 509, 519, 522, 525, 530, 531, 535, 545, 553—554, 559, 560—562, 562—563, 587—588, 612, 625, 656—659, 677, 687, 688, 689—699; III, 44, 122, 197, 206—215, 238, 296, 387, 393, 444—454, 463—465, 498, 523, 555, 589—595, 660—662; IV, 24—25, 68—69, 97—102, 113, 124, 129, 151, 182—183, 185, 233—234, 241—247, 253—256, 391—392, 429—434, 457, 458, 459, 491—494, 504—509, 513, 616—617, 623, 629, 630; V, 16, 123, 187, 194—195, 247—249, 251, 267—268, 278—281, 283, 322—323, 377, 350—353, 383, 402—408, 420—421, 432—433, 443, 454—457, 522—526, 536, 537.

Чувства, эмоции (интеллектуальные, моральные, эстетические) — I, 79, 85, 94, 112, 114—116, 131, 133, 142—157, 174, 182—183, 245, 249, 266—289, 348—352, 475—481, 491—503, 506, 515, 521, 523—528, 543, 551; II, 7, 38, 69—70, 109—110, 139—147, 163, 164, 355, 416, 432, 433, 450, 453, 454, 456—457, 458, 536—538, 575, 576, 587, 594, 607, 609, 647, 665, 681; III, 15, 45, 48, 67, 69, 70, 77, 78—97, 103, 106, 112, 128—129, 132—135, 137, 149, 150, 178, 179, 202, 238—240, 242—252, 313—316, 328, 329, 333—347, 374—375, 407, 421, 434—436, 470, 537—611, 662—664, 669—686; IV, 24—27, 89, 163, 170, 207—213, 217, 223—225, 387—409, 442, 463; V, 7—16, 40—43, 360, 412, 505, 574.

III

Школа

— задачи — I, 80, 86, 95, 101—102, 117, 134, 166, 387, 524, 586, 600, 624, 635; II, 34, 102, 349, 358, 363, 430, 449, 517, 570—571, 590, 597, 676, 680; III, 11, 30—31; 119, 135; IV, 7—32, 53, 158, 414, 448, 518, 586; V, 44, 56—59, 94, 97, 102, 103, 114, 128, 129, 168, 180, 256—257, 366, 381, 383, 422, 444, 446, 450, 471, 497, 514, 515, 597, 599, 609, 633, 643;

— и жизнь — I, 64, 86—89, 98—99, 214; II, 61, 103, 243, 358—362; III, 21, 160, 420—421; 501; IV, 8, 30—32, 559—560, 655; V, 31—37, 58, 59, 66—73, 253, 268—269, 483, 526, 599—609, 644;

— и семья — I, 93, 97, 121, 146—148, 167—168, 195—204, 475, 487, 522, 535, 561, 564, 568, 593, 607, 638, 639; II, 84—94, 215—235, 352, 386—434, 449, 451, 523, 547, 565—567, 568, 571, 572—596, 622, 680—681; III, 19—31, 93—99, 109, 148, 158—159, 213—214, 256—258, 296, 306—307, 310—311, 313—315, 316—317; 330, 332—336, 340, 349, 397, 404; IV, 13—14, 45, 85—86, 143, 156—157, 168, 465—470, 491—492, 513, 528—529, 540—547, 551, 573, 581—583, 637; V, 31—37, 186—205, 213—214, 232—235, 264, 269, 285—289, 344, 345, 363—367, 400—406, 433—441, 460—471, 480—493, 510—512, 527—531, 539—540, 596, 597, 602, 607—608;

— общественная роль — I, 76—77; 79, 99, 209, 214, 586, 600, 624; II, 52, 65, 102, 360—363, 449, 597; IV, 19, 32, 38—39, 53, 414, 586; V, 103, 128, 129, 366, 444, 450, 599—609, 633, 643;

— сельская — I, 391—398, 442, 451, 641, 520, 590; II, 52—53, 62—63, 520, 560—562, 590—592; IV, 39, 90—92, 409; V, 183, 442—445, 579, 585, 604.

Щ

Щедрость души — *I*, 169, 493, 495, 535, 555; *II*, 164, 290—294; *III*, 118, 119, 416, 477; *IV*, 655; *V*, 152, 321, 415, 502.

Э

Эгоизм детский — *I*, 559, 566—567, 573; *II*, 81, 84—94, 194—195, 567, 580, 630; *III*, 91, 92, 97, 287—289, 357, 358, 372, 524—525, 687—691; *IV*, 88, 154, 170, 470, 515, 529; *V*, 231, 277, 305, 401, 411, 414—415, 466.

Эксперимент педагогический — *I*, 59—63, 240, 328—330; *III*, 81—91; *IV*, 239, 294—299, 321; *V*, 69, 258, 401—402, 413, 618.

Энгельс Ф. — *I*, 63, 68, 69, 72, 73, 390; *II*, 543; *III*, 181, 347, 416—438, 445, 471; *IV*, 229, 233, 305, 410.

**АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВОШЕДШИХ В 1—5 ТТ.
«ИЗБРАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ» В. А. СУХОМЛИНСКОГО**

<i>Название</i>	<i>Том</i>	<i>Страница</i>
Атеисты с юных лет	5	49—56
Без доверия нет воспитания	5	353—358
Видеть себя	5	515—522
Воспитание без наказаний	5	362—367
Воспитание долга (<i>Перевод Л. В. Харламовой</i>)	5	498—515
Воспитание и самовоспитание	5	241—252
Воспитание чувств	5	186—206
Гармония трех начал	5	599—609
Духовный мир школьника	1	219—424
Зависит только от вас	5	300—304
Закаляйте победителей (<i>Перевод Л. В. Харламовой</i>)	5	558—560
Знания и убеждения (<i>Перевод Л. В. Харламовой</i>)	5	546—558
И лес, и каждое дерево	5	349—353
Интерес к учению— важный стимул учебной деятельности учащихся	5	7—17
Как воспитать настоящего человека	2	157—443
Как же воспитать любовь к труду?	5	102—115
Как любить детей (<i>Перевод Л. В. Харламовой</i>)	5	308—326
Коммунистическая идейность — основа морального воспитания (<i>Перевод Л. В. Харламовой</i>)	5	37—49
Кусок хлеба (<i>Перевод Л. В. Харламовой</i>)	5	326—334
Кто сегодня за партой? (<i>Перевод Л. В. Харламовой</i>)	5	531—546
Методика воспитания коллектива (<i>Перевод Н. П. Дангуловой</i>).	1	425—668
Микроклимат вашего дома (<i>Перевод Л. В. Харламовой</i>)	5	437—442
Могучий воспитатель (<i>Перевод Л. В. Харламовой</i>)	5	522—527
Моральные ценности семьи (<i>Перевод Л. В. Харламовой</i>)	5	460—465
Моя педагогическая вера	5	414—424

<i>Название</i>	<i>Том</i>	<i>Страница</i>
Мы продолжаем себя в детях (Перевод Л. В. Харламовой)	5	609—616
Мысли о школьном воспитании (Перевод Л. В. Харламовой)	5	399—414
Награда за добро	5	304—308
На нашей совести — человек	5	214—229
Народный учитель	5	252—269
На трех китах	5	358—362
Не бойтесь быть ласковыми (Перевод Л. В. Харламовой)	5	367—370
Общество и учитель	5	115—130
О некоторых сторонах воспитания советского патриотизма	5	31—37
Особая миссия	5	442—445
Осторожно: ребенок!	5	445—450
Павлышская средняя школа	4	5—410
Педагогика сердца	5	334—339
Письма к сыну	3	629—708
Письмо дочери	5	392—399
Письмо молодому отцу (Перевод Л. В. Харламовой)	5	465—471
Письмо о педагогической этике	5	623—633
Природа, труд, мировоззрение	5	581—593
Проблемы воспитания всесторонне развитой личности	1	57—424
Развитие индивидуальных способностей и наклонностей учащихся	5	130—147
Разговор с молодым директором школы	4	411—656
Разум и руки	5	73—85
Рождение гражданина (Перевод Л. П. Дангуловой)	3	299—628
Рождение добра	5	229—235
Родительская педагогика (Перевод Л. В. Харламовой)	5	433—437
Самый отстающий в классе	5	616—623
Сердце отдаю детям	3	5—297
Слово к отцам	5	527—531
Слово к преемнику	5	424—433
Слово к ученикам	5	643—646
Слово о слове (Перевод Л. В. Дангуловой)	5	169—177
Слово учителя в нравственном воспитании	5	339—349
Сто советов учителю	2	445—698
Счастье, идеалы, религия (Перевод Л. В. Харламовой)	5	284—300
С чего начинается гражданин (Перевод Л. В. Харламовой)	5	370—387
Тайники перегрузки	5	235—241
Труд души	5	633—638
Труд и борьба (Перевод Л. В. Харламовой)	5	560—565
Труд — основа всестороннего развития человека	5	154—169

Труд, призвание, счастье (<i>Перевод Л. В. Харламовой</i>)	5	177—186
Умственный труд и связь школы с жизнью	5	56—73
Упражнение — один из методов воспитания сознательной дисциплины	5	17—31
Урок и знания (<i>Перевод Л. В. Харламовой</i>)	5	387—392
У чистого родника	5	593—599
Учитель и дети (<i>Перевод Л. В. Харламовой</i>)	5	206—214
Учить учиться (<i>Перевод Л. В. Харламовой</i>)	5	450—460
Формирование коммунистических убеждений молодого поколения	2	5—155
Человек — высшая ценность	5	471—498
Человек неповторим	5	85—102
Чистота и благородство	5	638—643
Чтоб душа не была пустой (<i>Перевод Л. В. Харламовой</i>)	5	269—284
Чтобы души не ржавели	5	147—154
Школа живет ленинскими идеями (<i>Перевод Л. В. Харламовой</i>)	5	546—558
Школа и природа	5	565—581

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Интерес к учению — важный стимул учебной деятельности учащихся	7
Упражнение — один из методов воспитания сознательной дисциплины	17
О некоторых сторонах воспитания советского патриотизма . .	31
Коммунистическая идейность — основа морального воспитания	37
Атеисты с юных лет	49
Умственный труд и связь школы с жизнью	56
Разум и руки	73
Человек неповторим	85
Как же воспитать любовь к труду?	102
Общество и учитель	115
Развитие индивидуальных способностей и наклонностей учащихся	130
Чтобы души не ржавели	147
Труд — основа всестороннего развития человека	154
Слово о слове	169
Труд, призвание, счастье	177
Воспитание чувств	186
Учитель и дети	206
На нашей совести — человек	214
Рождение добра	229
Тайники перегрузки	235
Воспитание и самовоспитание	241
Народный учитель	252
Чтоб душа не была пустой	269
Счастье, идеалы, религия	284
Зависит только от вас	300
Награда за добро	304
Как любить детей	308
Кусок хлеба	326
Педагогика сердца	334
Слово учителя в нравственном воспитании	339
И лес, и каждое дерево	349
Без доверия нет воспитания	353
На трех китах	358
Воспитание без наказаний	362
Не бойтесь быть ласковыми	367

С чего начинается гражданни	370
Урок и знания	387
Письмо дочери	392
Мысли о школьном воспитании	399
Моя педагогическая вера	414
Слово к преемнику	424
Родительская педагогика	433
Микроклимат вашего дома	437
Особая миссия	442
Осторожно: ребенок!	445
Учить учиться	450
Моральные ценности семьи	460
Письмо молодому отцу	465
Человек — высшая ценность	471
Воспитание долга	498
Видеть себя	515
Могучий воспитатель	522
Слово к отцам	527
Кто сегодня за партой?	531
Знания и убеждения	537
Школа живет ленинскими идеями	546
Закаляйте победителей	558
Труд и борьба	560
Школа и природа	565
Природа, труд, мировоззрение	581
У чистого родника	593
Гармония трех начал	599
Мы продолжаем себя в детях	609
Самый отстающий в классе...	616
Письмо о педагогической этике	623
Труд души	633
Чистота и благородство	638
Слово к ученикам	643

ПРИМЕЧАНИЯ
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

**ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
СУХОМЛИНСКИЙ**

**ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ПЯТИ ТОМАХ
ТОМ 5**

Заведующий редакцией педагогики

М. И. Мухин

Редактор А. П. Шабалова

Литредактор Н. Ф. Сиваш

Художеств. редактор М. И. Марушинец

Обложка художника В. П. Кузя

Технич. редактор Ж. А. Головина

Корректоры: Е. И. Зубченко,

А. П. Наказнюк, Т. А. Прожегина,

В. Н. Мозговой

Информ. бланк № 1940

Сдано в набор 07.01.80.

Подписано к печати 07.05.80.

Формат 84×108^{1/32}

Бумага типогр. № 1

Гарнитура обыкновенная новая

Способ печати высокий

Условн. лист. 35,7+0,05 вкл.

Уч.-изд. лист. 37,82+0,05 вкл.

Тираж 100 000.

Изд. № 26495.

Зак. № 9.

Цена 2 руб.

Издательство «Радянська школа» Государственного комитета Украинской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 252053, Киев, ул. Юрия Коцюбинского, 5. Темплан 1980 г.

Книжная фабрика имени М. В. Фрунзе Республиканского производственного объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.

Сухомлиний В. А.

С91 Избранные произведения: В 5-ти т./ Редкол.: Дзевин А. Г. (пред.) и др.— К.: Рад. школа, 1979—1980.

Т. 5. Статьи. 1980. 678 с. В пер.: 2 руб. 100 000 экз.

В том вошли важнейшие статьи В. А. Сухомлиньского. Они посвящены проблемам теории и практики воспитания, образования и обучения, в частности, таким вопросам, как задачи и принципы коммунистического воспитания, пути всеобщего и гармонического развития нового человека, формирование у молодежи научного марксистско-ленинского мировоззрения, воспитание в духе коммунистической морали, советского патриотизма, пролетарского интернационализма, социалистического гуманизма и др. Рассчитано на учителей, работников органов народного образования, всех, кого волнуют вопросы воспитания молодого поколения.

Держ. респ. б-ка
УРСР ім. Кіпрс

ББК 74+74.212.
371+371.01

